

S t u d i a M e s o p o t a m i c a

Н. В. Козырева

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ЮЖНОЙ
МЕСОПОТАМИИ
ЭПОХИ
РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ**

(VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.)

Серия
«Studia Mesopotamica»

Редакционный совет:

М. А. Дандамаев, Б. В. Ерохин, Н. В. Козырева, А. И. Колесников,
В. П. Никоноров, И. Ф. Попова, А. А. Родионов

Editorial Board:

Muhammad A. Dandamayev, Boris V. Erokhin, Aliy I. Kolesnikov,
Nelly V. Kozyreva, Valerii P. Nikonorov, Irina F. Popova, Alexey A. Rodionov

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS (ASIATIC MUSEUM)
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

Nelly V. Kozyreva

STUDIES IN THE HISTORY
OF SOUTHERN MESOPOTAMIA
IN EARLY ANTIQUITY

(from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)

Contrast
St. Petersburg
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ (АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ)
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Н. В. Козырева

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ
ЭПОХИ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ
(VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.)

Контраст
Санкт-Петербург
2016

ББК 63.3(0)31
К59

Козырева, Н. В.

К59 Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.). — СПб. : Контраст, 2016. — 552 с., ил. — (Studia Mesopotamica).

ISBN 978-5-4380-0149-2

Книга предлагает читателю вариант исторической реконструкции социальных институтов, хозяйственных и политических структур Южной Месопотамии и соседних территорий в период ранней древности. Именно в это время в ходе взаимодействия различных культурно-хозяйственных этнических групп здесь возникли самые ранние формы организации жизни и труда человеческих сообществ в рамках больших городов, были созданы системы управления этими сообществами, возникла письменность, были разработаны и записаны первые в истории человечества сборники законов. Исследование основано на тщательном изучении богатой научной литературы, многочисленных эпиграфических памятников (шумерских и аккадских клинописных текстов), памятников материальной культуры и данных археологических раскопок.

ББК 63.3(0)31

Kozyreva, Nelly V.

Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC). — St. Petersburg : Contrast, 2016. — 552 p., ill.— (Studia Mesopotamica).

The book provides a historical reconstruction of the social institutions, economic and political structures of Southern Mesopotamia and its neighbours in Early Antiquity. The period was marked by dynamic interactions of the different ethnic groups with different cultural and economical background which culminated in creating the earliest forms of life and labour organization in the city-states along with the first systems of government, the appearance of written language and writing down the first law collections. The study relies on exhaustive research of the numerous epigraphic evidences (Sumerian and Akkadian cuneiform texts), excavated artifacts and the interpretation of the archaeological record as a whole. The book is accessible to a wider audience, while it also provides a wealth of new material to the specialist in the field.

*Работа выполнена при поддержке проекта «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)»
(СПбГУ: ИАС 2.38.525.2013)*

ISBN 978-5-4380-0149-2

© Н. В. Козырева, 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Контраст, 2016

*Памяти
Игоря Михайловича Дьяконова*

ВВЕДЕНИЕ

Месопотамская цивилизация занимает особое место в истории человечества как одна из самых ранних древних цивилизаций, создатели которой во многом оказались первопроходцами, заложившими фундамент дальнейшей истории человечества. Формирование этой великой цивилизации происходило на территории Южной Месопотамии в период ранней древности (с древнейших времен и до середины II тыс. до н. э.). Именно здесь в ходе взаимодействия множества различных культурно-хозяйственных этнических групп появилась одна из древнейших систем письменности, возникли самые ранние формы организации человеческих сообществ в рамках больших городов, были созданы системы управления этими сообществами, разработаны и записаны первые в истории сборники законов.

Южная Месопотамия — географическое обозначение южной части Междуречья Тигра и Евфрата. Обе великие реки берут свои истоки в горах Армянского нагорья неподалеку от озера Ван и текут с северо-запада на юго-восток, впадая в Персидский залив¹. В последнее время для обозначения всего региона — от истоков Тигра и Евфрата до их устья — стали употреблять термин «Великая Месопотамия».

В геологическом отношении регион Междуречья представляет собой широкую, но не глубокую впадину, которая образовалась много миллионов лет назад в результате передвижения огромных пластов земной коры. Она является продолжением Персидского (Арабского) залива, простираясь на север и северо-запад вплоть до гор Закавказья. На северо-востоке эта территория ограничена горами Загроса, на юго-западе — песками Аравийской пустыни. При всем многообразии природных условий этого огромного региона в нем довольно четко выделяются две главные зоны: 1) Северная (Верхняя) Месопотамия, занимающая север и северо-запад Междуречья и 2) Южная (Нижняя) Месопотамия, занимающая его южную часть. Условная разделительная линия между этими двумя зонами проходила через города Хит на Евфрате и Самарра на Тигре. Каждый из этих двух регионов отличался от другого не только особенностями местоположения и географической среды, но и спецификой своего хозяйственного и политического развития.

¹ Термин «Месопотамия» чаще употребляется для обозначения некоего исторического ареала, где происходили те или иные события древней истории, чем для названия четко очерченного географического района. В древности этим топонимом обозначали области в среднем и нижнем течении Тигра и Евфрата. Во времена Александра Македонского этот регион занимала одна из сатрапий его державы, впоследствии ставшая провинцией Римской империи.

Северная (Верхняя) Месопотамия занимала огромную территорию, неоднородную по климатическим условиям, неровную по рельефу и ландшафту, на границах которой холмистая равнина переходила в предгорья Тавра, Армянского нагорья и Загроса. Тигр и Евфрат текли здесь по постоянным руслам, пробитым ими еще в доисторические времена в твердых горных породах. Большая часть региона по климату и количеству выпадающих осадков (более 200 мм в год) подходила для занятий естественно орошаемым земледелием, садоводством и скотоводством.

Южная (Нижняя) Месопотамия представляла собой совершенно плоскую низменность с мягкими аллювиальными (нанесенными речными отложениями) почвами. Тигр и Евфрат, протекая по гладкой равнине, уровень которой к тому же заметно понижался с севера на юг в сторону Персидского залива, неоднократно меняли свое русло и разветвлялись на множество рукавов. В пору сезонных паводков реки часто выходили из берегов, образуя огромные озера и заболоченные территории. Эта часть Междуречья расположена в зоне пустынного климата, дождей здесь выпадает мало и земледелие возможно только при постоянном искусственном орошении.

Территория Междуречья была заселена еще в X–VIII тыс. до н. э. Однако отдельные косвенные сведения о языковой и этнической принадлежности населения этого региона появляются только с возникновением здесь письменности в конце IV тыс. до н. э. Около 3200 г. до н. э. в Южной Месопотамии появились первые письменные документы — глиняные таблички с пиктографическими (рисуночными) надписями. Позднее эти рисунки превратились в сочетание «клинышков» — клинообразных штрихов, оставленных на глине тростниковой палочкой. Поэтому письменность, возникшую в Месопотамии и существовавшую здесь в течение почти трех тысяч лет, называют клинописью.

Создателями этой системы письменности были, вероятно, шумеры, чьи предки обитали на территории Южной Месопотамии по крайней мере с V тыс. до н. э., а возможно, и ранее. Происхождение этой этнической группы до сих пор остается предметом споров. Не удалось пока и установить родство шумерского языка с каким-либо другим языком. Считается, что именно шумеры, освоив регион Южной Месопотамии, создали здесь к началу III тыс. до н. э. мощную сеть оросительных каналов и построили многочисленные города. В конце III тыс. до н. э. шумеры исчезли как этнос, и с этого времени шумерский язык использовался в Месопотамии исключительно в письменной и культурной сфере.

На рубеже IV и III тыс. до н. э. с севера на территорию Южной Месопотамии стало активно проникать население приграничных районов Северной Месопотамии. Язык, на котором они говорили, принадлежал к восточной ветви семитской языковой семьи. Позднее представителей этой этнической группы стали называть аккадцами, а их язык — аккадским. Во II тыс. до н. э. аккадцы разделились на два родственных по языку и культуре народа: вавилонян и ассирийцев, а аккадский язык разделился на два диалекта: северный (ассирийский) и южный (вавилонский).

Месопотамская цивилизация, фундамент которой заложили шумеры и аккадцы, на протяжении почти трех тысяч лет своего существования прошла, как и другие цивилизации древности, последовательные этапы формирования, расцвета и упадка. Предметом данного исследования является описание раннего этапа истории Южной Месопотамии, в рамках которого шло формирование и первоначальное развитие месопотамской цивилизации. Этот период (с древнейших времен и до середины II тыс. до н. э.) в отечественной исторической науке о Древнем Востоке условно называют «периодом ранней древности»².

Источниками для изучения и реконструкции истории древней Месопотамии, в том числе ранней истории Южной Месопотамии, послужили множество памятников материальной культуры и (сотни тысяч) глиняных табличек, хранящихся в настоящее время в разных музеях мира, на которых были записаны шумерские и аккадские литературные тексты, царские надписи, хозяйственные документы, частные письма и т. п.³

Хронология ранней истории Южной Месопотамии представляет собой сложную и до конца не решенную проблему⁴. Для дописьменного периода она выстраивается исключительно на данных археологии. Начиная примерно с 3000 г. до н. э. и далее появляется возможность приблизительно устанавливать датировки не только на основании исследования памятников материальной культуры, но и используя данные письменных памятников. Относительно разработанной и общепринятой является периодизация истории Южной Месопотамии периода ранней древности, т. е. разделение ее на отдельные этапы, каждый из которых отличается от предшествующего своими специфическими характеристиками или особенностями.

Будет полезным, вероятно, напомнить общую схему хронологии и периодизации истории Южной Месопотамии периода ранней древности, принятую в современной исторической науке, и дать очень краткое представление о содержании тех последовательных этапов, которые, по мнению исследователей, прошли человеческие сообщества, населявшие эту территорию в период ранней древности⁵.

² Разделение истории древнего мира на три этапа, первый из которых (с древнейших времен и до середины II тыс.) условно называют «периодом ранней древности», было предложено И. М. Дьяконовым в его введении к первому тому *Истории древнего мира* (Дьяконов 1983). Н. Постгейт, автор самой интересной и популярной в настоящее время работы по истории ранней Месопотамии, помещает период, который он называет *Early Mesopotamia*, примерно в те же временные рамки: V тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э. (Postgate 1996).

³ Подробный очерк историографии истории древней Месопотамии периода ранней древности см. Козырева 2008.

⁴ О проблемах хронологии истории древней Месопотамии подробно рассказано И. М. Дьяконовым в его введении к монографии Э. Бикермана, посвященной вопросам хронологии древнего мира (Дьяконов 1975).

⁵ Принятая в современной науке система датировки и периодизации ранней истории Южной Месопотамии, которая во многом определяется качеством и количеством археологических находок, достаточно относительна и требует дальнейшего уточнения. Так, периоды Урук и Джемдет Наср

Приведенный ниже вариант хронологии и периодизации ранней истории Южной Месопотамии предлагается в монографии Н. Постгейта (Postgate 1996).

Халаф-Убейд 5000–4000:

Возникновение и развитие первых земледельческих поселений на севере и юге Месопотамии. Появление в поселениях все возрастающих по размеру складов и хранилищ, общественных зданий и храмов, значительный рост плотности населения. «Экспансия» убейдской культуры Южной Месопотамии на другие территории.

Протописьменный период 4000–3000:

Урук 4000–3200

Джемдет Наср 3200–3000

Интенсивное развитие сельскохозяйственного производства, основанного на ирригации, появление городов с монументальной архитектурой, специализация и стандартизация ремесленной продукции, возникновение письменности. Трансформация раннего земледельческого общества в городскую цивилизацию. «Экспансия» культуры Урук в отдаленные регионы Ирана, Северной Сирии и Анатолии.

Досаргоновский, или Раннединастический период (РД) 3000–2350:

РД I 3000–2750

РД II 2750–2600

РД III 2600–2350

Формирование на территории Южной Месопотамии нескольких десятков независимых политических структур — крупных городов-государств, связанных между собой тесными хозяйственными и культурными связями. Постепенная миграция аккадского населения в северные и центральные районы Южной Месопотамии. Усиление в середине III тыс. до н. э. соперничества и борьба между городами за земельные и водные ресурсы. Попытка объединения всей территории Южной Месопотамии под властью одного из местных городских правителей (Лугаль-загеси).

Династия Аккада 2350–2150:

Объединение территории Месопотамии в единое государство под властью аккадского царя Саргона со столицей в городе Аккад, от которого получила свое название и династия Саргона, и язык, на котором говорил он сам и его соплеменники. Аккадское государство распалось, просуществовав немногим

и отдельные этапы Раннединастического периода различаются между собой на основании изменений, которые удалось проследить в археологических ансамблях каждого из них. Достаточно ли важны эти изменения с исторической точки зрения, чтобы стать основой для периодизации, остается неясным. В отдельный период выделено время правления III династии Ура, которое составляет немногим более ста лет, но от которого дошло огромное количество документов. В то же время целый ряд последовательных династий, от которых до наших дней дошло очень мало текстов, включаются в один общий период, что может быть не совсем правомерным. Некоторыми исследователями сомнению подвергается и сам факт отдельного существования периодов Джемдет Наср и РД III.

более ста лет. Города Южной Месопотамии вновь вернулись в состояние мелких независимых политических структур, многие из которых оказались легкой добычей для горных племен с востока (кутиев).

III династия Ура 2150–2000:

Разгром кутиев правителем города Урука. Основание в Уре новой династии (III династия Ура), объединившей под своей властью всю территорию Южной Месопотамии. Активная внутренняя политика царей III династии Ура, проведение серии политических, административных и экономических реформ, в результате которых Южная Месопотамия превратилась в высокоцентрализованное бюрократическое государство. Оборонительная внешняя политика — создание буферной зоны к востоку от Тигра и в Юго-Западном Иране, строительство стены «против амореев» в Центральной Месопотамии между Евфратом и Тигром. Набеги соседей с запада (амореи) и юго-востока (эламитяне) и обострение внутренних проблем привели государство III династии Ура к гибели, и Южная Месопотамия вновь распалась на отдельные города-государства, между которыми шла постоянная борьба за лидерство.

Старовавилонский период 2000–1600:

Династии Исин-Ларса 2000–1800

I династия Вавилона 1800–1600

Важнейшие рычаги политической и военной силы в Месопотамии в это время оказались в руках вождей аморейских племен, представители которых через 100–150 лет пришли к власти в большинстве крупных городов Месопотамии. Самая известная из аморейских династий — I вавилонская династия, при шестом представителе которой, царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), Южная Месопотамия была вновь объединена в единое государство со столицей в Вавилоне. Однако в этих границах государство Хаммурапи просуществовало только около 20 лет. В правление его сына Самсуилуны Вавилония потеряла южную часть региона и стала постепенно утрачивать свое политическое влияние. В 1595 г. до н. э. хетты захватили город Вавилон и положили конец существованию династии. Именно с этими событиями исследователи условно связывают окончание периода ранней древности в истории Южной Месопотамии. Однако в реальности этот период закончился гораздо раньше, когда погибли и были разрушены самые древние города юга. В 30-е гг. 18 в. до н. э. южная и центральная части региона Южной Месопотамии были потеряны для Вавилонии, и государство, созданное Хаммурапи, стало постепенно приходить в упадок, пока не стало добычей хеттов.

Ранняя модель организации масштабных человеческих сообществ и развития институтов управления в Южной Месопотамии была основана на феномене города как самодостаточной хозяйственной и политической единицы, экономическим фундаментом которой было административно организованное зерновое производство. Первые в истории человечества города сформировались на юге региона во второй половине IV тыс. до н. э., а в середине II тыс. до н. э. были разрушены и впоследствии покинуты населением. Таким образом, феномен южномесопотамского города, просуществовавший (с небольшими

изменениями) почти две тысячи лет, оказался невероятно жизнеспособным. Во многом исключительная успешность этой модели организации общества определялась ее удачной адаптацией к своеобразным условиям окружающей среды (прежде всего в южной части этого региона, где она и возникла). В то же время именно этот фактор (исключительная адаптированность данной модели к местным условиям) одновременно и ограничивал возможности ее изменения и развития. И идеологические, и социальные, и хозяйственные институты в рамках такой локальной модели составляли неразделимое целое, и когда все реальные возможности для ее приспособления к постепенно меняющейся экологии и новым внешнеполитическим факторам были исчерпаны, она просто сошла с исторической сцены.

Исследование экономики, социума и политического развития Южной Месопотамии периода ранней древности базируется на огромном количестве археологических и эпиграфических памятников, найденных в этом регионе в течение последних 150 лет. На изучении этих источников основана большая научная литература. Может сложиться впечатление, что работа с этой богатейшей информацией дает возможность понять и осветить все стороны жизни древней цивилизации. Однако исследователь, пытаясь найти в этих разнообразных свидетельствах ответ на какой-либо вопрос, часто сталкивается с разочарованием, поняв, как редко его вопрос может получить удовлетворительный ответ.

Автор поставил своей целью ознакомить читателя хотя бы с небольшой частью того огромного материала, изучая который исследователи выстраивают свои исторические реконструкции. Избранная в данной работе форма очерков предполагает хронологически последовательное описание тех аспектов хозяйственного и политического устройства жизни населения Южной Месопотамии периода ранней древности, которые наиболее полно представлены в источниках (клинописных документах, письмах, надписях на печатях и данных археологических раскопок), в их конкретном проявлении, взаимосвязи и взаимодействии.

Касаясь по ходу изложения материала некоторых общих проблем истории Южной Месопотамии, таких как этническая ситуация, характер экономики, земельные отношения, социальная стратификация древнего общества, автор не ставил своей задачей окончательное их решение. Анализ материала приводил к определенным предположениям, однако эти предположения не предлагаются как единственно возможные, а скорее носят дискуссионный характер. Не стоит, безусловно, забывать, что содержание любого исторического исследования, вопросы, которые ставит в нем автор, так же как и его ответы на них в виде моделей и реконструкций, гораздо более определяются тем историческим контекстом, в котором находится сам исследователь, чем исследуемым материалом. Автор будет считать свою задачу выполненной, если знакомство с этой работой подтолкнет кого-нибудь из читателей сравнить и, возможно, заново осмыслить те процессы и реалии, с которыми человеческие сообщества, населявшие разные регионы Земли, столкнулись на раннем этапе своего исторического развития.

Автор хотел бы поблагодарить своих коллег по работе на кафедре Древнего Востока СПбГУ и в отделе Древнего Востока Института восточных рукописей РАН за поддержку, ценные советы и замечания. Моя особая благодарность Мухаммеду Абдулкадыровичу Дандамаеву, Алле Ефимовне Каплан, Лоре Марковне Головлевой и Адели Владимировне Немировской.

Меры площади, емкости и веса

В хозяйственных текстах из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э., приводимых в главах IX–XVIII, при записи различного рода транзакций часто использовались числовые обозначения мер площади, веса и емкости. Имеет смысл, видимо, привести сравнительную таблицу соотношения основных метрических обозначений того времени с современными мерами. При переводе мер эквиваленты пришлось несколько округлить для удобства пользования.

Меры площади:

1 сар (sar) = 36 кв. м

1 ику (iku) = 3600 кв. м

1 бур (búr) = 64,800 кв. м = 6,48 га

Меры емкости:

1 сила (sila) = 1 л

1 бан (bán) = 10 л

1 пи (nigida) = 60 л

1 гур (gur) = 300 л

Меры веса:

1 ше (še) = 44 мг

1 сикль (gín) = 8 г

1 мина (mana) = 0,5 кг;

1 талант (gú) = 30 кг

В некоторых случаях при транслитерации и переводе текстов числовые значения приведены в позиционной системе, что фактически является калькой с написания этих знаков в древних текстах. Четыре последовательные меры (например, гур, пи, бан, сила) передаются при помощи чисел, занимающих четыре последовательные позиции. Каждая из них отделяется от следующей точкой. Если в числовом выражении, приведенном в документе, нет одного из позиционных элементов, то отсутствующая позиция в начале или середине числового выражения заменяется нулем, отсутствие позиции в конце никак не отмечается.

Глава I

Месопотамия в VII–V тыс. до н. э.

Первое население Великой Месопотамии. Заселение и освоение Северной Месопотамии. Формирование культурно-хозяйственных общностей Хассуна и Халаф.

Заселение и освоение Центральной Месопотамии: формирование культурно-хозяйственной общности Самарра. Поселения Самарры: Телль ас-Савван, Чога Мами. Контакты и взаимодействия между представителями разных культурно-хозяйственных групп. Особенности формирования культурно-хозяйственных общностей на территории Великой Месопотамии в VII–VI тыс. до н. э.

Заселение и освоение территории Южной Месопотамии. Экологические условия и материальные ресурсы. Первое население Южной Месопотамии. Поселение Квели в VI тыс. до н. э.

Поселения Южной Месопотамии в V тыс. до н. э. Хозяйственная деятельность населения. Изменения в структуре поселений. Административно-храмовые комплексы. Поселение Квели в V тыс. до н. э. Поселение Телль Абада. Южная Месопотамия в конце V тыс. Ур и Эриду. Миграции с юга Месопотамии на север и северо-запад в V тыс. до н. э.

Первое население Великой Месопотамии. Территория Великой Месопотамии (см. карту № 1 на с. 16) начала осваиваться еще в X–VIII тыс. до н. э. О самых ранних обитателях этого региона почти ничего неизвестно. На том этапе общественного развития, когда человек полностью зависел от природы, определяющую роль в жизни населения, формировании хозяйственных и социальных институтов играли внешние условия обитания: характер окружающей среды и ее природные ресурсы. На огромной территории Великой Месопотамии эти условия были очень разными, и население прежде всего осваивало самые комфортные для обитания части региона с мягким климатом и богатой флорой и фауной. Охоту как главный источник продуктов питания

постепенно вытесняли все более интенсивные занятия рыболовством, ловлей мелких животных и птиц, сбором растений и моллюсков. Именно на этой основе, вероятно, формировалась ранняя оседлость, а позднее начался процесс одомашнивания растений и животных и развитие сельскохозяйственных технологий.

Приблизительно между 8500–7000 гг. до н. э. отдельные группы населения севера и северо-запада Месопотамии, обитавшие в зоне так называемого Плодородного Полумесца¹, стали переходить к оседлому образу жизни. Здесь появились небольшие, но достаточно долго и стабильно существовавшие поселения, жители которых добывали себе пропитание, занимаясь не только охотой, рыболовством и собирательством, но и выращиванием зерновых.

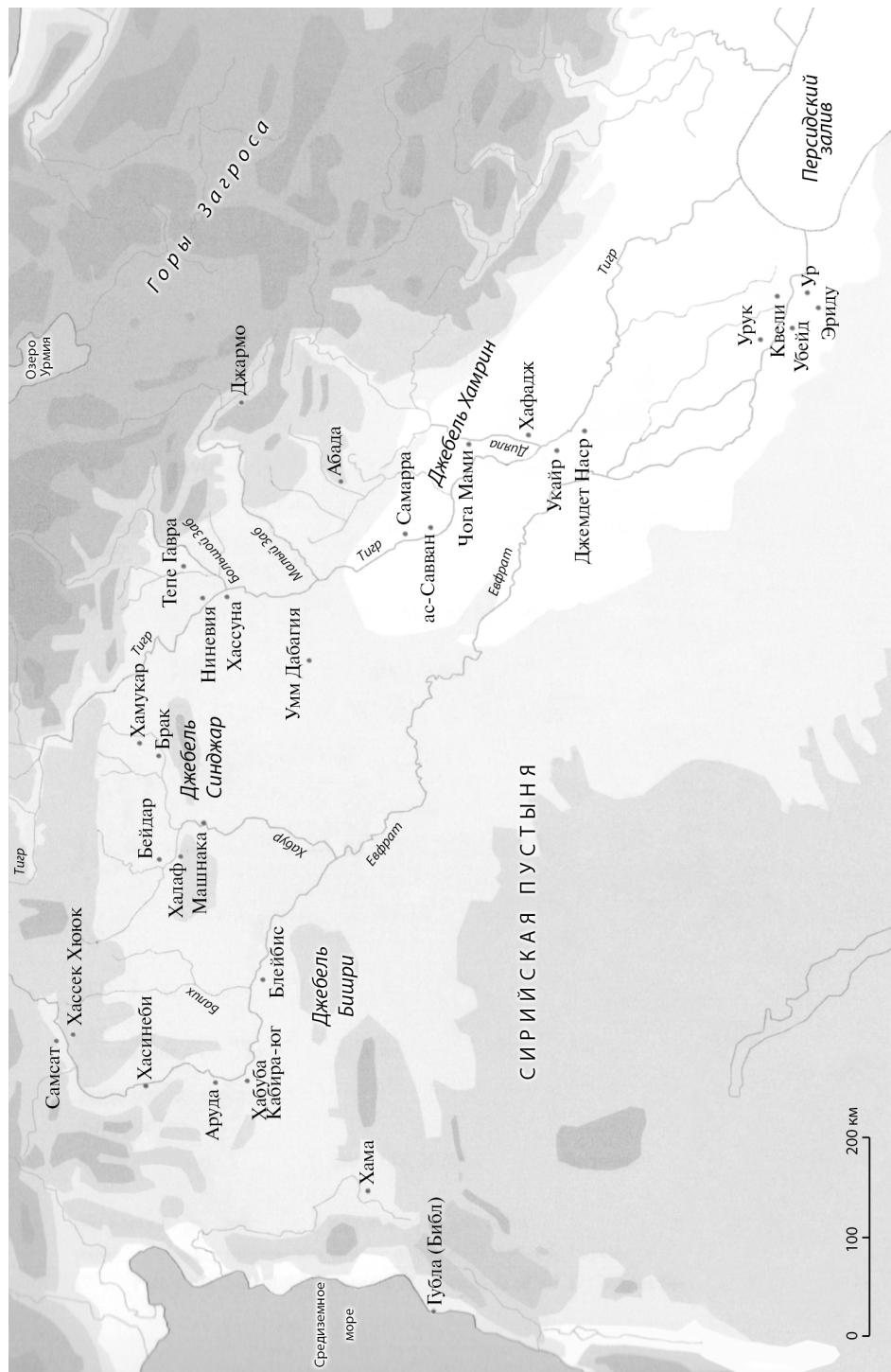
Плотность оседлого населения севера и северо-запада Великой Месопотамии в это время была очень невысокой. Редкие поселения земледельцев располагались на расстоянии десятков и сотен километров друг от друга, и их жители составляли, вероятно, только часть всего населения региона, какую именно, сказать невозможно. За пределами небольших островков культурных земель оставались огромные пространства неосвоенных территорий, в том числе степей и полупустынь, а на юге — болот и прибрежной зоны Персидского залива. Здесь не было таких благоприятных условий для земледелия, как в зоне Плодородного Полумесца, и местное население использовало традиционные способы добывания ресурсов. Основную часть продуктов питания здесь по-прежнему доставляло рыболовство, собирательство и охота, позднее на некоторых территориях в эту хозяйственную систему было включено скотоводство, еще позднее — выращивание зерновых.

И в это время, как и в более поздние периоды, шла перманентная миграция населения. На территорию Великой Месопотамии приходили группы с соседних, менее благоприятных для существования горных и степных районов.

Заселение и освоение Верхней Месопотамии в VII–V тыс. до н. э.: формирование культурно-хозяйственных общностей Хассуна и Халаф. История Великой Месопотамии VII–V тыс. до н. э. предстает перед нами как смена археологических культур², поскольку именно археология является главным

¹ Регион, который условно называют Плодородный Полумесец, простирался от северных пределов пустыни Негев в Юго-Восточном Средиземноморье до Южной Турции на севере, Загросского горного массива, востока Месопотамии и долин Юго-Западного Ирана на востоке.

² Термин «археологическая культура» обозначает определенный набор археологических памятников, являющийся результатом деятельности группы людей, существовавших в рамках определенной территории в определенный период времени и объединенных общими культурными характеристиками, представление о которых сохранилось для нас в разнообразных типах керамики, домостроения, практике добывания ресурсов и т. п. Тем не менее надо учитывать, что само понятие «археологическая культура» носит условный характер. Не всегда можно определить точный набор артефактов, характеризующих ту или иную культуру, существуют большие сложности с определением ее хронологических рамок и ареала распространения. С одной стороны, это связано с территориальной и хронологической неравномерностью археологических данных; с другой

Карта 1. Ближний Восток в VII–V тыс. до н. э. Основные топонимы, упоминаемые в тексте

источником сведений о протоисторических культурных группах, населявших в то время этот регион.

В начале VII тыс. до н. э. небольшие оседлые общины начали все более активно осваивать территорию Северной Месопотамии на границе предгорий и долины, где были прекрасные условия для земледелия и разведения скота. Площадь поселений, в которых оседлые жители этого региона обитали в VII тыс. до н. э., чаще всего не превышала 1 га. Они были застроены одно- или многокомнатными домами со сложенными из глиняных блоков стенами. Внутри домов обычно была выделена особая хозяйственная зона — помещения с очагами и печами. Орудия труда (лезвия для серпов, зернотерки, песты и т. д.) по-прежнему изготавливали из камня. Значительную часть повседневного рациона составляли продукты рыболовства, охоты и собирательства, но постепенно все более важное место в питании стали занимать зерновые культуры. Эта часть Месопотамии, располагавшаяся в зоне естественного орошения (в год здесь выпадало более 200 мм осадков), была исключительно благоприятна для занятий земледелием. Со временем здесь стало развиваться и скотоводство, дикие животные вытеснялись стадами домашних овец и коз; несколько позднее были одомашнены свиньи и крупный рогатый скот.

Привлекательным для населения было и то, что именно здесь, вдоль Северной Месопотамии проходила значительная часть пути межрегионального обмена, который еще в предшествующий период проходил по региону Ближнего Востока, соединяя его юго-восточный край с северо-западным. Основная часть этого пути на востоке и севере тянулась вдоль границ Великой Месопотамии. Его юго-восточный конец опирался на территории Юго-Западного Ирана (будущий Элам), северо-западный — на территории юго-востока Малой Азии³.

Оседлая жизнь в районах, богатых природными ресурсами, способствовала не только росту населения, но и постепенному развитию технологий. Важным свидетельством этого служит появление в конце VII — начале VI тыс. до н. э. первых образцов керамики. Обитатели ранних земледельческих поселений научились изготавливать и обжигать большие толстостенные сосуды для воды и зерна и небольшие горшки и плошки, иногда украшая их примитивной росписью. При этом с самого начала появления керамического производства отдельные группы населения, в разных концах этого пространного региона вырабатывали свои предпочтительные формы сосудов, технику и стили орнаментации. В это же время появляются и первые образцы металлообработки.

стороны, многие имеющиеся факты пока остаются без объяснения, не вписываясь ни в какие существующие теории (Oates 2010: 48).

³ Тот отрезок пути обмена продуктами и материалами, который проходил вдоль восточных и северных границ Месопотамии, составлял только фрагмент общего межрегионального пути, простиравшегося далеко на восток и на запад за пределы Ближнего Востока.

Следующим этапом заселения Великой Месопотамии было, вероятно, постепенное освоение северной части долины Тигра и Евфрата и их притоков, когда на место изолированных поселений предшествующего периода (Шанидар, Джармо) пришлось сплошное заселение значительных участков речных долин группами оседлых земледельцев. По масштабам освоенных земель и организации хозяйственной жизни эти группы во многом отличались от предшественников.

На протяжении VI–V тыс. до н. э. обитатели Северной Месопотамии и Северо-Восточной Сирии сформировали по крайней мере три большие культурно-хозяйственные и социальные общности. Каждая из них объединяла оседлое население, которое в течение длительного времени существовало в рамках определенной территории и было связано не только географически, но и общими культурными характеристиками, а возможно, и имело общее этническое самосознание. Многовековое существование каждой из этих групп нашло свое отражение в разнообразных памятниках материальной культуры, найденных на занятых ими территориях. По времени существования и характеру производственной деятельности эти общности представляли собой разные варианты неолитических культур, которые частично сосуществовали друг с другом хронологически и территориально, а их различия во многом определялись экологическими особенностями территорий, которые они занимали. Современные обозначения эти культурно-хозяйственные общности получили по названию местности, где впервые были найдены специфические артефакты каждой из них: Хассуна, Халаф и Самарра.

Самая ранняя из этих культурных общностей, Хассуна, возникла на северо-востоке Месопотамии (Lloyd and Safar 1945; Мунчаев, Мерперт 1981). Вопрос ее происхождения остается нерешенным. Возможно, ее формирование явилось результатом культурного взаимодействия местного населения и различных пришлых групп, постепенно переходивших к земледельческо-скотоводческой экономике (Массон 1989: 74). Период существования этой культурно-хозяйственной общности, представленный археологическими памятниками, был достаточно длительным и, вероятно, составлял не менее 500 лет.

Поселения носителей хассунской культурно-хозяйственной общности были, вероятно, самыми ранними земледельческими общинами на территории Месопотамии (Мунчаев, Мерперт, Амиров 2004: 386 сл.). В начале этого периода они занимали сравнительно ограниченную территорию. Большая их часть располагалась на севере равнины Джезира, рядом или поблизости от дорог, которые пересекали эту равнину с востока на запад и были частью пути, соединявшего юго-восточную окраину Ближнего Востока с его северо-западом. По этим дорогам с территорий Ирана, Анатолии, Аравии, Средиземноморья перевозили драгоценную древесину, обсидиановые орудия и ножи, мрамор, бирюзу, медь и другие материалы, обменивая их, по-видимому, на местные продукты земледелия и скотоводства и ремесленные изделия. Главные пути обмена проходили в это время вдоль Северной Месопотамии, но пока, видимо, никак не затрагивали Южную Месопотамию, обходя ее с востока.

Небольшие поселения (площадью до 3 га) располагались на значительном удалении друг от друга (Frangipane 2010: 81). Они были застроены свободно стоящими глинобитными домами прямоугольной формы, стены которых возводились из глиняных с примесью соломы пластов-блоков. Все жилые строения были примерно одинаковыми по планировке и площади. Внутри домов были устроены очаги с дымоходами. Рядом с домами располагались дворы, обнесенные стенами, и загоны для скота. Нет никаких свидетельств, что отдельные хозяйства занимали ведущее положение в социальном или экономическом плане. Основным занятием жителей было выращивание зерновых культур и разведение скота. Часть продовольственных ресурсов добывали с помощью охоты и рыболовства. Заметно развивалось и ремесленное производство. Для обжига керамики, которую украшали сложными расписными или процарапанными геометрическими орнаментами, в это время начали использовать двухкамерные печи. Появились отдельные литые медные и свинцовые изделия, в том числе украшения из меди. Бусы изготавливали из самых разнообразных видов камня — гематита, сердолика, иранской бирюзы, а также из раковин, доставляемых с берегов Персидского залива.

В центре некоторых поселений, помимо жилых домов, располагались строения другого типа. Они состояли из множества небольших комнат с глиняными, не обмазанными известкой стенами, и полами, не покрытыми циновками, без всяких следов очага и остатков пищи. Такие здания были, вероятно, построены и использовались не одной семьей, а группой людей или всеми жителями селения. Скорее всего, они служили как хранилища для материалов и продуктов, предназначенных для общего использования или обмена. Существование таких строений-хранилищ хорошо соотносится с находками в этих поселениях многочисленных каменных печатей-штампов. Эти печати применялись для припечатывания глиняных булл, скреплявших веревки на дверных запорах, сосудах, свертках, чтобы контролировать наличие и обеспечивать хранение дорогостоящих предметов или продуктов. В этом, возможно, нашел свое отражение тот уровень организации и управления, который существовал внутри хассунских поселений.

Предположительно через 500 лет после того, как жители равнины Джебзира начали изготавливать керамику хассунского типа, в том же регионе появился новый вид керамики, который исследователи называют халафским (по названию городища Халаф, где были впервые обнаружены изделия этого типа). Позднее такая керамика распространилась далеко за пределы Северо-Восточной Месопотамии. Первые несколько веков после ее появления во многих поселениях одновременно изготавливались и использовались керамические изделия обоих видов, хассунского и халафского. Однако со временем хассунская керамика вышла из употребления, в то время как халафская продолжала изготавливаться и широко использоваться (Akkermans, Schwartz 2003: 136 ff.).

Культурно-хозяйственная общность, которую условно называют халафской, так же как и хассунская, сформировалась, вероятно, на местной неолитической базе в долине реки Хабур (Akkermans, Schwartz 2003: 124). Некоторые халафские

поселения были построены на месте хассунских, и многие элементы халафской культуры явно продолжали основные хозяйственные и культурные традиции Хассуны. Однако в других аспектах (например, в планировке домов) халафская культура, как кажется, не была напрямую связана с хассунской. Вероятно, в формировании новой культурной общности, помимо местного населения, участвовали и какие-то пришлые группы.

Примерно через 200 лет после своего появления халафская культура начала постепенно распространяться на запад и северо-запад за пределы долины Хабур. Со временем она заняла огромное пространство от Среднего Тигра до северо-восточного побережья Средиземного моря и Юго-Восточной Анатолии, не выходя за пределы зоны, где было возможно естественно орошаемое земледелие.

Образ жизни людей, которые изготавливали и использовали халафскую керамику, был очень похож на образ жизни тех, кто использовал хассунскую керамику. В небольших поселениях (1,5–2 га) по обеим сторонам мощеных улиц располагались круглые в плане дома с прямоугольными хозяйственными пристройками. В поселении могли быть одно-два строения общественного назначения. Население было занято земледелием (выращивали пшеницу и ячмень), но уже с использованием сохи и упряжных животных, и скотоводством (разводили крупный и мелкий рогатый скот и свиней). Дополнительным источником питания были охота и рыболовство. Часть населения занималась специализированным камнерезным и гончарным ремеслом, возможно, начинала развиваться и металлургия (Массон 1989: 82). Поселения располагались далеко друг от друга, но при этом многие из них поддерживали постоянные связи между собой, обмениваясь продуктами и ремесленными изделиями. Жители некоторых поселений, располагавшихся поблизости от путей межрегионального обмена, принимали активное участие в обмене продукцией с отдаленными территориями.

В отличие от домашних изделий предшествующего периода, халафская керамика, вероятно, изготавливалась профессиональными гончарами на «медленном» гончарном круге. Ее обжигали в двухкамерных печах и украшали геометрическим орнаментом, в который иногда включались фигурки животных (олений, барсов, птиц, рыб, змей), изображения бычьих голов (букраний) и очень редко изображения человека. Раскрашенная керамика Халафа была, по-видимому, очень востребована и распространилась на огромной территории от озера Ван до Средиземноморья и от Северного Ирана до Закавказья. Интересно, что эти изделия не были найдены в Южной Месопотамии, вероятно, потому что Южная Месопотамия оставалась на периферии межрегиональных обменных путей⁴.

Можно только предполагать, что представляли собой культурно-хозяйственные общности (археологические культуры) Хассуны и Халафа с точки зрения внутренней социальной организации населения. По площади занима-

⁴ Как уже было сказано выше, главные торговые пути того времени, проходившие по территории Ближнего Востока, описывали дугу с юго-востока (территории будущего Элама), вдоль Тигра (и по Тигру), обходя Южную Месопотамию, и далее по Северной Месопотамии и Сирии на северо-запад в Анатолию.

емых территорий и продолжительности существования они резко отличались от маломасштабных культурных групп предшествующего периода (докерамического неолита). Эти отличия отражались, вероятно, не только в постепенной выработке новых технологий, но и в появлении новых вариантов организации общественной жизни. Каменные печати-штампы Халафа и оттиски этих печатей на глине свидетельствуют о наличии в этих поселениях определенного уровня хозяйственного управления и контроля. Однако видимых свидетельств, указывающих на различия в социальном статусе отдельных групп населения, при исследовании поселений, памятников материальной культуры и погребений найдено не было. По-видимому, все жители поселений имели одинаковый статус и равный доступ к ресурсам. Важную роль в этих обществах играли, вероятно, религиозные воззрения и ритуалы. Однако в археологических материалах неоспоримых свидетельств, подтверждающих это предположение, очень мало. В поселениях Хассуны не найдено практически ничего, что отражало бы эту сторону жизни. Поселения Халафа сохранили больше таких свидетельств (например, захоронения черепов в специальных богато раскрашенных сосудах), хотя трактовка их неоднозначна и, что весьма существенно, остается неизвестным, какие верования стояли за этими ритуалами⁵.

Заселение и освоение Центральной Месопотамии: формирование культурно-хозяйственной общности Самарра. В то время как распространение носителей халафской культуры происходило главным образом на запад от Хассуны, другая группа населения, также сохраняющая определенные связи с Хассуной, постепенно двигалась на юг, к территории Центральной Месопотамии.

Заселение Центральной Месопотамии достаточно активно происходило, вероятно, еще в VII тыс. до н. э. Уже тогда хорошо освоенные дороги соединяли эту территорию с предгорьями Загроса, откуда в долину на восточную окраину месопотамской низменности приходили группы пастухов-охотников и, возможно, ранние земледельцы, владевшие навыками изготовления керамики и знакомые с примитивными ирригационными технологиями (Массон 1989: 70). Примерно в то же самое время на эту территорию проникали, возможно, и охотники-собиратели из Аравийской пустыни (Potts 1997: 54). Отдельные группы приходили сюда и из районов к западу от долины Евфрата и со стороны горных массивов, таких как Джебель Бишри. Среди них, возможно, были предки самого раннего семитоязычного населения Месопотамии, которое постепенно заняло широкую полосу в центре Месопотамии, простиравшуюся с северо-запада на юго-восток от центрального Евфрата до Тигра и граничившую с севером аллювия (Zarins 1990).

В течение VI тыс. до н. э. на юг в Центральную Месопотамию с северо-востока постепенно продвигались и представители земледельческих поселений Хассуны, осваивая все новые территории, располагавшиеся уже за пределами

⁵ «Поселения Халафа как будто содержат некоторые данные, которые можно трактовать как свидетельства ритуальной деятельности, но нет убедительных доказательств существования здесь “культы быка” или поклонения “Матери-богине”» (Oates 1982: 124).

зоны естественного орошения, и постепенно смешиваясь с местным населением. К этому времени центральная часть Месопотамии, скорее всего, уже довольно давно была обитаема, и местное население представляло собой сочетание отдельных групп, состоявших из рыбаков, пастухов-охотников и земледельцев. Результатом взаимодействия между этими группами и смешения их с представителями хассунской культуры явилось формирование в Центральной Месопотамии новой культурно-хозяйственной общности, получившей у исследователей название Самарры, поскольку именно там были впервые обнаружены принадлежавшие к ней артефакты. Представители этой культурно-хозяйственной общности постепенно заняли территорию, которая простиралась далеко за пределы Хассуны на юг вплоть до Среднего Тигра и к востоку от него в предгорья Загроса и включала северную часть месопотамской аллювиальной долины (Южной Месопотамии).

Поселения Самарры по площади и количественному составу населения значительно превосходили поселения Хассуны и Халафа. Они были застроены примерно одинаковыми по планировке и площади домами, располагавшимися в определенном порядке. В центре некоторых поселений были возведены большие многокомнатные (до 17 комнат) здания, предназначение которых не очень понятно. В них было найдено несколько Т-образных по планировке зданий, которые, по-видимому, использовались как зернохранилища. Возможно, каждое поселение состояло из нескольких отдельных самостоятельных хозяйственных структур. При этом одно из таких хозяйств могло, вероятно, занимать главную позицию в общине, так как располагало преимуществами в системе родства или в социальных и экономических связях, хотя четкие следы иерархии отсутствуют (Frangipane 2007).

Большая часть территории, занятой и освоенной представителями этой культурно-хозяйственной общности, располагалась в зоне негарантированного земледелия, где выпадало менее 200 мм осадков в год. Для получения устойчивых урожаев здесь была необходима ирригация. Следы самых ранних ирригационных сооружений были найдены археологами при раскопках самых больших и наиболее «богатых», судя по найденным материалам, поселений Самарры — Чога Мами и Телль ас-Савван. Самая ранняя ирригационная система, найденная археологами (датируемая примерно 6000 г. до н. э.) располагалась на северном склоне холма Чога Мами. Она представляла собой структуру из нескольких узких извилистых каналов, отходивших от реки Гангир и располагавшихся на берегу в форме неровного веера. Жители Телль ас-Савван таким же образом использовали воды Тигра. Даже такие простейшие (веерные) ирригационные сооружения давали населению возможность стабильно управлять водными ресурсами (осадков выпадало мало, но воды было много, а иногда даже слишком много) и предоставляли потенциал для развития, поскольку можно было достаточно просто расширять площади, пригодные для выращивания зерна.

Земледелие, стабильность которого поддерживалась применением ирригации, было важным источником продуктов питания для жителей Самарры, но далеко не единственным. Жители держали овец, коз, свиней, крупный рогатый скот,

занимались рыболовством и сбором речных продуктов вдоль берега Тигра. Определенную роль в их жизни играли охота и сбор дикорастущих растений. Часть населения занималась специализированным ремеслом⁶ и обменом. Жители поселений Самарры изготавливали богато украшенную керамику, в некоторой степени родственную по стилю керамике Хассуны, но гораздо более совершенную и по качеству, и по росписи. Изделия из глины были одним из важных предметов обмена между поселениями Самарры. В отличие от керамики Халафа, на более отдаленные территории керамика Самарры не вывозилась, хотя в небольшом количестве могла попасть туда, вероятно, в результате случайного обмена или в качестве дара.

Поселения Самарры — Телль ас-Савван, Чога Мами. Резидентная часть этих поселений, границы которых были четко очерчены, достигала площади 6 га, количество жителей доходило до 1000 человек. В какой-то период своего существования оба поселения были обнесены стенами и рвом. Примерно одинаковые по размеру (трехчастные в плане) многоквартирные дома из прямоугольных сырцовых кирпичей, явно слишком большие для одной небольшой семьи, располагались не хаотически, как в Хассуне, а в определенном порядке. Каждый дом был окружен своей территорией, где находились очаги и хозяйственные службы и где проходила, вероятно, вся повседневная жизнь его обитателей. За пределами этих территорий следов хозяйственной деятельности практически нет. При этом каждый отдельный дом имел свои особенности, отличавшие его от остальных. Таким образом, каждое поселение состояло, вероятно, из группы четко отграниченных отдельных домов-хозяйств. Именно отдельное хозяйство, объединявшее группу соседей и родственников, и являлось, вероятно, самой важной социальной единицей общины.

Никаких общественных зданий в поселениях, по-видимому, не было. Однако в Телль ас-Савван один из домов-хозяйств был, вероятно, знаковым местом для всей общины. Под полами одного из строений этого хозяйства были сконцентрированы все детские погребения. Взрослых хоронили за пределами поселения. Все погребения, так же как и сложенный в них погребальный инвентарь, были единообразными и очень скромными. Чаще всего в могилу помещали глиняные сосуды с едой. Иногда в погребения детей и женщин клали бусы, отдельные глиняные или каменные объекты (Frangipane 2007: 169).

Контакты и взаимодействия представителей разных культурно-хозяйственных групп. С самого раннего этапа заселения и освоения Великой Месопотамии на этой территории периодически происходили перемещения населения. Это могло вызываться различными причинами, в том числе нехваткой или истощением естественных ресурсов для жизнедеятельности в определенном районе, демографическими проблемами, территориальной дифференциацией уровня и качества жизни. При этом перемещения или миграции населения

⁶ О наличии в поселениях Самарры ремесленной специализации и обмена могут свидетельствовать и найденные здесь печати-штампы, которые использовались, вероятно, для того, чтобы гончар мог оставить свою метку на изделии во избежание риска перепутать изделия (в общих печах, при транспортировке и т. д.).

в ту эпоху совершались в относительно неплотной демографической структуре, между звеньями которой всегда можно было «просочиться» без каких-либо тяжелых последствий. Люди могли относительно свободно передвигаться в поисках лучших условий жизни. Мобильность и свобода передвижения были естественным наследием предшествующего периода. Постепенно население организовывалось, прочно оседая на определенной территории, сплошь занимая земли, на которых со временем возникали все более сложные системы управления и контроля. В ходе этого процесса ограничивались не только возможности проникновения на эти территории других групп, но и возможности свободного переселения с этих территорий. Однако в VI–V тыс. до н. э. такие проблемы еще не возникали, а плотность населения Месопотамии была, по-видимому, очень низкой.

Важную роль в развитии общественных процессов в этот период, безусловно, играли постоянные контакты и взаимодействия представителей разных культурно-хозяйственных групп. По обменным путям, соединявшим между собой самые отдаленные точки территории Ближнего Востока уже в VII тыс. до н. э., перевозили не только разнообразные поделочные материалы (обсидиан, кремнь, раковины, полудрагоценные камни), керамику и другие ремесленные изделия, но и передавали огромное количество информации, распространяли новые идеи и технологии. Можно только предполагать, каковы были стимулы для такой активной обменной деятельности, свидетельства которой находят археологи. Возможно, до того как сложились более или менее четкие политические структуры, этот обмен представлял собой некий вариант неадминистративного распределения пока еще небольших излишков продуктов и ремесленных изделий между общинами, занимавшимися различными видами хозяйственной деятельности. Таким образом, возможно, сохранялось относительное социальное равенство, унаследованное от предшествующего периода, и сбалансированность доступа к различным материальным ресурсам⁷.

Особенности формирования культурно-хозяйственных общностей на территории Великой Месопотамии в VII–VI тыс. до н. э. Культурно-хозяйственные общности, которые существовали в VII–VI тыс. до н. э. на территории севера-востока (Хассуна), северо-запада (Халаф) и центра Великой Месопота-

⁷ Об этническом составе населения севера, северо-запада и центра Великой Месопотамии в VII–VI тыс. до н. э. говорить достаточно сложно из-за отсутствия данных. На уровне предположений все еще остается и вопрос о том, на каких языках в это время говорили жители тех или иных регионов. Долгое время в науке активно разрабатывалась гипотеза, выдвинутая Б. Ландсбергером (Landsberger 1974), на основании которой исследователи реконструировали для этой территории две группы языков: прототигридские и протоевфратские и даже находили связи этих гипотетических языков с определенными археологическими культурами. Существование этих языков выводили прежде всего на основании присутствия в текстах конца IV и III тыс. до н. э. из Южной Месопотамии топонимов, которые как будто не были ни шумерскими, ни семитскими, а также на основании изучения некоторых «нешумерских» элементов в шумерской лексике. Однако значительная часть аргументов в пользу этой гипотезы сейчас отвергнута большинством исследователей, и от попытки реконструировать дописанные языки Месопотамии и связать их с определенными археологическими культурами пока как будто отказались (Michałowski 2005).

мии (Самарра), возможно, представляли собой два разных варианта ранних эгалитарных обществ, две модели социальных, экономических и политических структур, которые и хронологически, и эволюционно не наследовали друг другу. Различия между ними во многом были следствием экологических особенностей занимаемых ими территорий (Frangipane 2007; 2010).

Одни общества (Хассуна, Халаф) формировались на землях, которые в силу естественных условий были пригодны для занятий зерновым хозяйством без применения ирригации и скотоводством (север и северо-запад). Эти обширные территории осваивались медленно и постепенно по мере роста численности отдельных групп и передвижения части населения на свободные земли. Для этого варианта общественного развития характерны маленькие, беспорядочно застроенные нестабильные поселения, далеко разбросанные друг от друга. В поселении могли быть одно-два общественных здания. Все жители этих поселений имели, вероятно, одинаковый социальный статус и доступ к распределяемым ресурсам. Принятие решений внутри группы было распределено горизонтально между членами группы (по полу, возрасту или функции — религиозный медиатор, избранные вожди, воины).

Другой тип эгалитарных обществ формировался в Центральной Месопотамии (Самарра). Занятия зерновым хозяйством здесь были возможны на ограниченной и специально приспособленной для этого территории, земледелие могло быть успешным только при условии ирригации, создание которой уменьшало риски для земледелия и позволяло получать более высокие урожаи, чем на территориях с естественным орошением. При необходимости можно было расширять посевные площади, проводя новые каналы. Однако устройство и поддержание такой системы требовало периодического проведения коллективных работ. Население обитало в стабильных поселениях значительной площади в больших стандартных в плане (трехчастных) домах. Общественных зданий как будто не было, но в некоторых случаях отдельные здания в поселениях могли, вероятно, использоваться для совместных культовых или церемониальных целей. Важнейшими социальными единицами в этих обществах, в отличие от обществ первого типа, были отдельные хозяйства, члены которых были связаны между собой не только родством, но и соседскими отношениями и, возможно, общей профессиональной специализацией. При этом лидеры таких хозяйств получали, по-видимому, предпочтительную социальную и символическую роль, представляя в поселении всю свою группу⁸.

Заселение и освоение территории Южной Месопотамии. Экологические условия и материальные ресурсы. В конце VII — первой половине VI тыс. до н. э. земледельческие общины появились далеко за пределами Центральной Месопотамии в южных районах месопотамской аллювиальной долины.

⁸Эти две системы М. Франгипане обозначает следующим образом: 1) полностью эгалитарные общества = горизонтальные эгалитарные системы (ГЭС) (север и северо-запад) и 2) базовые эгалитарные общества, которые идеологически и политически представлены своими главами/лидерами отдельных групп = вертикальные эгалитарные системы (ВЭС) (центр и юг) (Frangipane 2007; 2010).

Значительная часть территории Южной Месопотамии в этот период была занята сырыми заболоченными пространствами, болотами, обширными водными лагунами⁹. В сезон паводка, когда повышался уровень подземных вод, все эти земли оказывались под водой, за исключением самых высоких мест, так называемых «черепашьих спин/панцирей», которых вода не достигала. С запада, востока и севера эти обширные влажные территории граничили со степями.

Руслa Тигра и Евфрата разделялись на территории Южной Месопотамии на несколько крупных потоков, от которых отходило множество более мелких протоков и естественных каналов. Таким образом, весь этот регион не только пересекался двумя великими реками, но и был покрыт целой сетью разнонаправленных водных протоков, которые формировали огромные заболоченные пространства дельты Тигра и Евфрата, прилегавшие к побережью Персидского залива. Своеобразная среда болотистых и степных мест и морского побережья, в течение многих тысячелетий существовавшая на территории Южной Месопотамии, во многом определила характер хозяйственного и социального устройства ее населения.

Данные археологии не подтверждают устоявшееся представление об исключительно неблагоприятных экологических условиях и скудости материальных ресурсов на юге Месопотамии в глубокой древности, долгое время препятствовавших заселению и освоению этой территории. Первым жителям Южной Месопотамии были доступны самые разнообразные природные ресурсы (Pollock 1999: 78–79; Mieroop 2002: 126). Пространные болотистые участки с зарослями папируса, лотоса и тростника, особенно масштабные на самом юге аллювиальной долины, были богатым источником продуктов для населения. Здесь обитало множество диких животных, таких как кабаны, лисы, зайцы, выдры. Водилось огромное количество водоплавающих птиц, рыб, черепахи, змеи, рептилии. Обширные степные территории по краям болотистых зон были местом обитания многочисленных травоядных животных (газелей, оленей, диких ослов), которые

⁹ Во время последнего ледникового периода Северный полюс покрывали мощные ледяные поля, сосредоточившие в себе значительную часть вод Мирового океана, вследствие чего уровень морей понизился более чем на 100 м. Позднее, предположительно 16 000 тысяч лет назад, когда льды начали таять, уровень морей стал вновь подниматься. Иногда рост достигал 1 м за сто лет. Примерно к 4000 г. до н. э. рост уровня морей в основном прекратился, достигнув современного уровня. Большинство морей, окружающих территорию Ближнего Востока, имели высокие крутые берега, так что изменения линии побережья в ходе таяния льдов были относительно незначительными, под водой оказалась только небольшая часть побережья. Однако берега Персидского залива были плоскими, и большая часть региона Южной Месопотамии постепенно оказалась в той или иной мере затопленной. По мере того как между 6000–4500 гг. до н. э. залив постепенно отступал, освобождая все новые участки земли, продолжался процесс формирования и расширения дельты Тигра и Евфрата. Все это время воды Тигра и Евфрата в ходе ежегодного паводка приносили на территорию Южной Месопотамии огромное количество земли и органических остатков, которые опускались на дно и отлагались во время паводков, образуя все новые слои плодородной аллювиальной почвы, так что постепенно высота аллювиального слоя на юге региона превысила 6 м. В конце III — начале II тыс. до н. э. уровень залива предположительно был на 2 м выше, чем сейчас, т. е. северное побережье залива располагалось, вероятно, чуть южнее Ура и Лараша (Postgate 1996: 20–21).

служили добычей для не менее многочисленных хищников (шакалы, волки, медведи, гиены, леопарды, тигры, львы).

Местные природные ресурсы могли полностью удовлетворить потребности населения в необходимых продуктах питания: легко собираемые или доступные для охоты протеиновые продукты (рыба, раки, ракушки, съедобные моллюски, птица, дикие свиньи), легко собираемые углеводные продукты (корни, клубни). Причем вся эта огромная биомасса ежегодно самовоспроизводилась. Обширные заросли тростника и разнообразные травы предоставляли легко добываемый корм для скота.

Все необходимые материалы для изготовления утвари и орудий труда, строительства домов также были вполне доступны, хотя не всегда отличались хорошим качеством. В Южной Месопотамии не росли ценные виды деревьев, но это не означает, что там вообще не было древесины. Вдоль рек и на менее влажных территориях росли ива, тополь, ольха и тамариск, по окраинам болот на берегу залива — дикие предки финиковой пальмы. На месте можно было добыть и некоторые виды камня. Очень большое значение для производственной деятельности имели естественные выходы битума. Сравнительно недалеко к юго-западу от аллювиальной зоны в пустыне имелись месторождения известняка, правда, не очень высокого качества, а на побережье Персидского залива — залежи гипса. И конечно, здесь было много высококачественной глины.

Отсутствовали только драгоценные материалы (твердые и полудрагоценные камни, металлы и ценное дерево). Однако население Южной Месопотамии в ранний период своей истории не испытывало в них особой потребности и, используя имевшиеся природные ресурсы, могло существовать вполне самостоятельно.

Разнообразная экология и география южной части долины Тигра и Евфрата предоставляли ее обитателям уникальные возможности для производства материальных ресурсов, значительно превышавших необходимые для существования потребности. Степи прекрасно подходили для выпаса овец и коз. Исключительно плодородные аллювиальные почвы, площади которых постепенно расширялись по мере отступления залива, при правильном орошении могли обеспечить обильные урожаи.

Различные экологические зоны южной части аллювиальной долины позволяли отдельным группам населения специализироваться на добыче или производстве разных видов продовольственных ресурсов (рыболовство, охота, земледелие, скотоводство) и восполнять недостающие ресурсы при помощи обмена, которому особенно способствовал, по-видимому, и исключительно благоприятный водный режим этой территории. Уже на начальном этапе освоения юга Месопотамии местное население широко использовало огромную протяженность и разнообразную направленность имевшихся здесь естественных водных протоков (Adams 2007; Hritz 2010; Steinkeller 2001). Для перемещения людей и перевозки грузов активно применяли водный транспорт. Плоты и лодки из тростника, промазанного битумом для водонепроницаемости, перемещали

буксировкой или с помощью шестов, которыми отталкивались от дна реки. Это позволяло достаточно легко поддерживать постоянные и тесные контакты между разными зонами аллювия.

Все эти факторы могли обеспечить достаточно устойчивое существование населения Южной Месопотамии и создавали возможности для его демографического роста. Это, конечно, не означает, что жители этого региона обитали в раю. База природных ресурсов была действительно очень богатой и разнообразной, но далеко не стабильной. Жесткие климатические условия (почти полное отсутствие осадков, высокие перепады температур), неравномерные и нерегулируемые разливы рек, приводившие к периодическому затоплению даже высоких участков и вынуждавшие оставлять уже освоенные территории, — все это в любой момент могло вызвать нехватку продуктов, неурожай и голод. В этих условиях индивидуальное благосостояние или бедность не имели большого значения, мало что давал и индивидуальный постоянный контроль над определенным участком территории, поскольку для выживания необходимы были значительные и постоянные коллективные усилия (Pollock 1999: 28–44).

Первое население Южной Месопотамии¹⁰. Самые первые обитатели юга аллювия появились здесь, вероятно, уже в VII тыс. до н. э. Это были представители разных по происхождению групп, которые приходили сюда из соседних регионов: из Северной Аравии, с востока, севера и северо-востока (Potts 1997: 43–55). В зависимости от местных условий они могли использовать различные стратегии выживания, занимаясь рыболовством, собирательством, охотой. Некоторые группы добавляли к этому и маломасштабное земледелие, которым занимались на границах болот и сухих зон. По мере того как залив постепенно отступал, на выступивших из воды участках дельты и на связанных с ними болотистых территориях возникали самые ранние поселения¹¹. Они располагались рядом со свежей водой на берегах протоков, которые составляли естественную систему водных каналов месопотамской дельты. Небольшие, но вполне процветающие поселения, вероятно, существовали на территории Южной Месопотамии уже в конце VII — начале VI тыс. до н. э. Они были застроены

¹⁰ Вопрос о том, когда и кем была заселена самая южная часть Месопотамии, долгое время казался практически решенным. Считалось, что первым населением юга аллювиальной долины были представители убейдской культуры, которая сформировалась здесь около 5000 г. до н. э. Однако исследования, проведенные Дж. Оатес, позволили ей еще в 1960 г. предположить, что экологические условия Южной Месопотамии были весьма привлекательны для населения, и задолго до V тыс. до н. э. «здесь существовали, вероятно, общины, чья жизнь была основана на охоте и рыболовстве, так же как и общины, жившие разведением скота и примитивным земледелием. В действительности мы должны быть готовы найти здесь следы до убейдского, до Эриду времени, когда здесь существовали разные типы местных общин, отличавшихся одна от другой по материальной культуре и даже по физическому типу и языку, хотя последнее будет очень трудно или даже невозможно доказать» (цит. по: Potts 1997: 45).

¹¹ Поиски следов самых ранних обитателей Южной Месопотамии оказались очень сложными из-за того, что их поселения со временем оказались погребены под слоями аллювия, который в некоторых местах региона, особенно на самом юге, достигает глубины в 6–8 м. Возможно, многие ранние поселения не оставили почти никаких следов еще и потому, что их обитатели строили свои дома из тростника, как до недавнего времени делали местные «болотные арабы».

большими по площади домами (около 100–120 кв. м). Судя по размерам и планировке, в таких домах могли жить несколько десятков человек, объединенных, вероятно, родственными и соседскими отношениями. Большинство поселений были связаны между собой естественными водными протоками.

Первые поселения Южной Месопотамии располагались на самых высоких местах дельты Тигра и Евфрата, которые оставались сухими даже в периоды паводков, когда вода затопляла прибрежные территории. Тем не менее в целях безопасности жителям приходилось, вероятно, устраивать небольшие дамбы, водохранилища, дренажи, чтобы контролировать уровень и развитие подъема и убывания воды и поступления дождевых вод. Таким образом, в течение нескольких тысячелетий, задолго до появления в Южной Месопотамии масштабного земледелия, многие участки болотистой дельты были фактически подготовлены для использования в сельском хозяйстве. В течение многих столетий население Южной Месопотамии не только делало окружающий ландшафт более пригодным для обитания, но и постепенно разрабатывало технологии для контроля за наводнениями и ирригацией и методы организации коллективного труда, развивая «институты всеобщей мобилизации» (Pournelle 2003).

Ранние обитатели Южной Месопотамии сумели, по-видимому, достаточно хорошо адаптироваться к местным природным условиям, и направление их хозяйственной деятельности во многом определялось местоположением поселения и наличием природных ресурсов (Oates 1982). Изначально значительная часть населения аллювиальной долины специализировалась, судя по всему, на добывании различного рода речной и морской продукции, болотной живности, кабанов, птицы, рыбы, раковин, тростника и битума. Отдельные группы разводили скот, главным образом коров и свиней, поскольку эти животные хорошо откармливались в болотистой местности. На границах болот и степей, на самых высоких участках занимались маломасштабным земледелием. Добытыми и переработанными продуктами население активно обменивалось с ближайшими соседями, переправляя грузы на лодках. Привозных материалов, кроме обсидиана, практически не было.

Среди раннего населения аллювия присутствовали, вероятно, и группы, пришедшие сюда из Центральной Месопотамии, которые либо принадлежали к южной ветви самаррской культуры, либо были как-то связаны с представителями этой культурно-хозяйственной общности. По-видимому, именно самаррцы первыми начали использовать простейшие ирригационные сооружения в земледелии (следы использования таких сооружений найдены при раскопках в Телль ас-Савван, Чога Мами, см. выше), а эти знания и умения были особенно важны для жителей самого юга Месопотамии. Возможно, именно население Центральной Месопотамии, постепенно двигаясь на юг, принесло сюда, наряду с традициями керамики и домостроения¹², технологии ирригации, использование которых позволяло получать очень высокие для того времени урожаи зерновых.

¹² Самая ранняя керамика юга имела некоторое сходство с керамикой Самарры (Huot 1992; Zarins 1990).

Самые ранние попытки занятия земледелием на юге Месопотамии относятся к концу VII — началу VI тыс. до н. э. Для этого использовали наиболее высокие участки аллювиальной долины, которые после паводка высыхали ко времени сева. Естественные паводковые канавки, отходившие от прибрежной зоны, могли быть перенаправлены, расширены или продлены до масштабов небольшой веерной или дендрической ирригационной системы. Однако в рассматриваемый период такой способ получения продовольственных ресурсов (т. е. земледелие) был только одним из многих и далеко не самым важным. При всей значимости зерновых ресурсов они еще длительное время не играли решающей роли в снабжении населения продуктами питания.

Сложившаяся в VI тыс. до н. э. в Южной Месопотамии система хозяйствования, при которой важную роль играла специализация и обмен излишками продуктовых ресурсов была, вероятно, достаточно устойчива. Об успешности этой хозяйственной деятельности свидетельствует тот факт, что некоторые из ранних поселений этого региона существовали без особых изменений в течение очень длительного времени (Stein 1994: 39). Как показали физико-антропологические исследования человеческих останков, найденных здесь при раскопках, срок жизни жителей региона колебался в пределах 20–40 лет, что характерно для всех доиндустриальных цивилизаций, при этом люди в основном хорошо питались и получали достаточное количество веществ, необходимых для жизнедеятельности.

Какой была социальная организация общества поселений Южной Месопотамии в это время, можно говорить только предположительно. Находки предметов погребального инвентаря свидетельствуют об эгалитарном характере социума, т. е. все жители поселения имели, вероятно, одинаковый статус и доступ к ресурсам. При этом сами поселения, возможно, различались между собой по уровню материального благополучия. Это могло быть связано с более удачным местоположением отдельных поселений с точки зрения безопасности от паводка, транспортных связей или доступа к ресурсам. Некоторые из них в следующем тысячелетии становились локальными центрами, притягивая к себе целый ряд более мелких и менее успешных. Уже в конце VI тыс. до н. э. в ряде поселений Южной Месопотамии были построены специальные здания, которые несли, по-видимому, общественную или церемониальную функцию. Они сохранялись на одном и том же месте на всем протяжении своего существования, периодически подвергаясь ремонту или реконструкции. В некоторых случаях это были прототипы тех зданий, которые позднее в V тыс. до н. э. стали заметно увеличиваться и превращаться в монументальные строения (Frangipane 2010: 80).

Поселение Квели в VI тыс. до н. э. Самые ранние археологические следы постоянного обитания на территории Южной Месопотамии относятся к концу VII тыс. до н. э.¹³ Это поселение Квели. Оно находилось в центре южной части

¹³ Самое раннее известное нам поселение Южной Месопотамии было найдено только в 1983 г. Французская археологическая экспедиция, проводившая раскопки на юге месопотамского аллювия, исследовала небольшой холм Телль Квели (или Телль Авайли, Tell Awayli) и обнаружила под ним остатки поселения конца VII тыс. до н. э. (Huot 1982; 1989; 1992). В конце V тыс. до н. э. поселение

аллювиальной долины, там, где гораздо позднее в конце IV тыс. до н. э. сформировалась крупная городская система с центром в городе Ларса. Поселение, возникшее здесь около 6200 г., занимало площадь примерно в 1 га. Его жители обитали в прочных больших домах (от 120 до 140 кв. м), построенных из формованных высушенных на солнце кирпичей. По характеру планировки эти дома имели некоторое сходство с домами в форме буквы Т самаррской культуры. Плоскую крышу центрального зала поддерживали деревянные колонны, а по обеим сторонам зала располагались небольшие комнаты. Возможно, дома юга аллювия и строения Центральной Месопотамии (Самарра) имели общее происхождение, общие прототипы, вероятно, датируемые периодом Хассуны. Внутри домов были найдены очаги, хранилища и прочные сосуды для хранения сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время вокруг холма, скрывавшего остатки древнего поселения, расстилаются песчаные дюны с редкими тамарисками. Ежегодное количество осадков здесь не превышает 100–150 мм. В VI тыс. до н. э. поселение было окружено влажной болотистой зоной. Жители возделывали самые подходящие для климатических условий этого региона растения — пшеницу, ячмень, лен, возможно, выращивали и финиковую пальму. По крайней мере с середины VI тыс. до н. э. здесь начали выращивать шестирядный ячмень, который давал очень высокие урожаи, вдвое превышавшие получаемые ранее урожаи двухрядного ячменя. Правда, эта культура требовала от земледельцев гораздо более серьезных усилий по поддержанию ирригации. Также разводили животных, приспособленных к условиям болот или очень влажной местности, — крупный рогатый скот и свиней. Очень важную роль в создании продуктовых ресурсов играло рыболовство, охотой занимались меньше. Основу рациона составляло зерно с добавлением продуктов скотоводства и большой долей рыбной продукции.

Хозяйственная деятельность не была слишком специализирована, но при этом явно была определенным образом спланирована. В поселении имелось одно большое строение, служившее, вероятно, как хранилище, которое периодически перестраивалось. Самая ранняя такая постройка занимала площадь не менее 80 кв. м. Здание состояло из маленьких, похожих на камеры, комнат, полы в которых были покрыты циновками из тростника. Жители поселения (или отдельные хозяйства?) использовали эти помещения для хранения зерна и других припасов. Керамика, которая широко использовалась в повседневном быту, производилась из местной не очень качественной глины и была довольно грубого изготовления. Она имела много общих черт с керамикой из других мест Месопотамии, в том числе Чога Мами и Телль ас-Савван (Oates 1987: 199–200; Potts 1997: 49). Из привозных материалов использовали только обсидиан и битум.

было, по-видимому, покинуто, и поэтому при раскопках здесь не возникло проблемы, затрудняющей работу при исследовании многих древних поселений Южной Месопотамии, когда массивные археологические слои, накопившиеся в течение многих столетий и даже тысячелетий, делают невозможным изучение протоисторических уровней.

Поселения Южной Месопотамии в V тыс. до н. э. Система организации жизни населения, существовавшая в Южной Месопотамии в VI тыс. до н. э., сохранялась почти неизменной более тысячи лет. Поселения конца VI — начала V тыс. до н. э. по своей площади и характеру застройки мало отличались как друг от друга, так и от поселений предшествующего тысячелетия. Они, по-прежнему, располагались рядом со свежей водой, на самых высоких точках — там, где ежегодное половодье не могло их затопить. Население использовало все доступные местные ресурсы для удовлетворения своих повседневных нужд, занимаясь рыболовством, охотой, разведением скота, земледелием и гончарным ремеслом.

Однако при всей кажущейся стабильности в обществе шли сложные процессы, о характере которых можно судить только предположительно. Это проявлялось в тех значительных изменениях, которые происходили в сфере материальной культуры. Эти изменения затронули, прежде всего, керамику, мелкую пластику, домостроительство (преобладающими стали дома трехчастной формы с центральным помещением в форме буквы Т), общественно-культурные сооружения¹⁴.

Формирование и распространение этого нового культурного комплекса в значительной степени являлось, по-видимому, результатом местного развития, хотя определенную роль в этом процессе мог сыграть и постоянный приток в Южную Месопотамию новых групп населения со своей культурой и языком¹⁵. Через несколько столетий после появления на самом юге аллювиальной долины новый культурный комплекс распространился на всю территорию Южной Месопотамии и далеко за ее пределы (см. ниже).

Поселение Квели в V тыс. до н. э. На примере материалов из Квели удастся в некоторой степени проследить, каким образом шел процесс внедрения культурных инноваций, постепенно вытеснявших старые традиции. Поселение,

¹⁴ В конце VI — начале V тыс. до н. э. на юге аллювиальной долины сформировался новый культурный комплекс, который просуществовал здесь в течение почти тысячи лет до начала IV тыс. до н. э. Первые серьезные исследования памятников этой культуры связаны с раскопками в местности Телль Убейд, расположенной в семи километрах от развалин древнего города Ура. В 1918–1934 гг. здесь работала совместная англо-американская археологическая экспедиция во главе с сэром Леонардом Вулли. Здесь, в самых глубоких слоях, были найдены памятники не известной до этого археологической культуры, которая получила название Убейд. Несмотря на многочисленные исследования, история Месопотамии периода Убейд (V тыс. до н. э.) остается пока во многом неясной.

¹⁵ Вопрос о причинах появления в Южной Месопотамии в начале V тыс. до н. э. нового культурного ансамбля неоднократно поднимался исследователями. Первоначально преобладала точка зрения, которая рассматривала этот факт как отражение прихода новой группы населения со своей культурой и своим языком. Пришельцы не только основали свои поселения на ранее не освоенных землях юга (Эриду), но и смешались с прежним населением аллювия, переняв у него некоторые местные технологии (ирригация?) и культурные традиции и постепенно ассимилировав его к своей культуре (Дьяконов 1983: 87). Однако новые данные, которые появились в результате масштабных раскопок, проводившихся в последние несколько десятилетий XX в. в Сирии и Северной Месопотамии, позволили установить тесные связи убейдской культуры с культурами Самарры и Хассуны, и предположить, что возникновение и распространение нового культурного ансамбля явилось, скорее всего, результатом местного развития (Oates 2010). Это не исключает, безусловно, и периодического появления в Южной Месопотамии новых групп населения.

как уже упоминалось выше, было обитаемо примерно с 6200 г. до н. э. Известно, были ли жители Квели V тыс. до н. э. потомками тех, кто обитал здесь еще в конце VII тыс. до н. э. Следы перерывов обитания здесь как будто есть, но никаких следов конфликтов или насильственных разрушений археологи не обнаружили (Huot 1989; 1992). В течение сотен лет поселение существовало достаточно стабильно в рамках единого культурно-хозяйственного комплекса, однако в начале V тыс. до н. э. ситуация стала постепенно меняться. Изменилась планировка домов, она приняла четкую трехчастную структуру. Темную местную керамику, которая изготавливалась вручную, вытеснили раскрашенные и сильно обожженные (часто до зеленоватого оттенка) керамические изделия, которые изготавливались на медленном гончарном круге. Появились и новые виды мелкой пластики из терракоты (Huot 1992).

Такой же процесс постепенных изменений и нововведений шел, вероятно, и в других поселениях юга, несомненно, существовавших здесь в то же время, что и Квели. Одновременно на ранее не освоенных территориях возникали новые поселения, культурный ансамбль которых был почти полностью обновлен, хотя и сохранял отдельное сходство с культурой предшествующего периода. В начале V тыс. до н. э. на юге аллювиальной долины располагался уже целый ряд небольших по площади поселений (от $\frac{1}{2}$ до 2 га) с новым культурным ансамблем. Среди них имелись и совсем новые, многие из которых (например, Эриду), возможно, были основаны выходцами из поселений типа Квели. При этом продолжали существовать и старые поселения, такие как Квели, в которых также шел процесс изменений.

Поселение Телль Абада. В отличие от Квели, которое находилось на самом юге аллювиальной долины, поселение на городище Телль Абада, располагалось несколько севернее собственно территории аллювия¹⁶. Однако именно оно, по мнению работавших здесь археологов, соединило в себе типичные черты поселений Южной Месопотамии V тыс. до н. э. Поселение возникло в конце VI тыс. до н. э. на новом, не заселенном ранее месте и просуществовало на протяжении значительной части V тыс. до н. э. Начиналось оно с двух многокомнатных домов, но постепенно росло. К середине V тыс. до н. э. его площадь составляла около 2 га (190 × 150 м). Большую часть этой территории занимали 10 домов площадью от 70 до 240 кв. м. Дома стояли свободно, были отделены друг от друга узкими проходами и открытыми дворами. Это были постройки типичной для того времени трехчастной планировки. Центральная Т-образная в плане комната была покрыта крышей, с двух сторон вдоль нее располагались небольшие помещения. Возможно, дома были двухэтажными. Сохранились ступеньки, которые вели либо на второй этаж, либо на крышу. Внутри домов не было печей, но в центральном зале имелись очаги, на которых готовили пищу,

¹⁶ Телль Абада пока остается практически единственным поселением Южной Месопотамии V тыс. до н. э., которое было тщательно исследовано. Интенсивные раскопки, проводившиеся здесь в середине прошлого века (Safar, Mustafa, Lloyd 1981) и позднее, в конце 70-х гг. прошлого века, дают возможность достаточно детально представить жизнь этого небольшого поселения (Jasim 1981; Pollock 2010).

здесь же ели и, вероятно, принимали гостей (Pollock 2010). В разное время в поселении проживало от 80 до 120 человек.

В центре поселения находился дом, по своим размерам значительно отличавшийся от остальных (20 × 12 м). Он был в два раза больше самых маленьких домов поселения. Только в этом здании внешние стены были украшены чередующимися нишами и выступами (пилястрами). Внутри строения было найдено множество каменных изделий, в том числе мраморных, таких как пращи, сосуды, палетки. Здесь же хранились токены и глиняные прототаблички (Jasim, Oates 1986).

На протяжении почти всего времени существования поселения это здание служило, вероятно, для отправления каких-то общественных и культовых функций. Одновременно оно было и местом обитания нескольких поколений семьи или нескольких семей, представители которых эти функции, по-видимому, исполняли (Stein 1994: 39). В середине V тыс. до н. э. к этому зданию примыкал просторный двор, отделенный стеной от остального пространства поселения. Должно быть, здесь во время праздников собирались все жители. Возможно, этот дом допустимо рассматривать как «символическую презентацию» всей общины (Frangipane 2010: 80).

Жители Телль Абада занимались земледелием с использованием плуга. Большая часть полей, вероятно, орошалась с помощью небольших каналов. Важной частью хозяйственной жизни было разведение мелкого рогатого скота (коз и овец). Большое значение имела охота. Найденные почти во всех домах разнообразные предметы и орудия говорят о занятиях домашними ремеслами: ткачеством, плетением из тростника, производством изделий из камня (сосуды). Значительная часть найденной керамики изготавливалась с помощью гончарного круга, и, возможно, это производство было уже специализировано. В нескольких местах были найдены печи для обжига керамики. Найденные керамические трубы, вероятно, использовались для снабжения поселения водой из протекавшей неподалеку реки или для дренажа.

Домашний скот жители держали не в жилых домах, а в специальных общих помещениях, в самих домах не было, по-видимому, и помещений для хранения зерна. Оно также могло храниться на общих складах. Все это дает основание предположить, что хозяйственная деятельность жителей поселения (во всяком случае, хранение и распределение продуктов) находилась под определенным централизованным контролем (Huot 1989: 32). Таким образом, поселение Телль Абада представляло собой, по-видимому, небольшую гражданскую структуру, хозяйственной и культовой жизнью которой руководили главы доминирующих местных групп (Stein 1994: 42).

Хозяйственная деятельность населения Южной Месопотамии в V тыс. до н. э. Еще и в V тыс. до н. э., особенно в первой половине, существование и благосостояние населения Южной Месопотамии, в основном, базировалось на использовании местных сырьевых ресурсов. Продукты рыболовства и охоты, съедобные растения по-прежнему составляли значительную часть пищевого рациона. Важную роль играло и скотоводство. Разводили крупный рогатый скот

и свиней, но постепенно главными домашними животными становились овцы и козы¹⁷. В V тыс. до н. э. в Южной Месопотамии заметно расширялось использование шерсти, льняные ткани уступали место шерстяным. Постепенно росло и производство зерна.

Большинство орудий труда по-прежнему изготавливали из местного камня и глины. Привозные материалы в Южной Месопотамии V тыс. до н. э. использовались редко, в основном это был кремень, в меньшей степени обсидиан (Gibson 2010: 88). Несмотря на явные успехи в развитии земледелия, жители Южной Месопотамии при сборе урожая по-прежнему использовали глиняные серпы, чаще всего без всяких каменных вкладышей, а просто максимально заостряя глиняное лезвие серпа. Когда такое лезвие тупилось, серп выбрасывали и брали новый (см. ниже о многочисленных находках таких брошенных серпов на полях города Ура).

Внутренний обмен между поселениями на территории Южной Месопотамии был, по-видимому, постоянным и очень интенсивным, однако следов обмена на дальние расстояния экзотическими и престижными товарами, которые могли бы служить статусными маркерами, практически нет. Археологи не обнаружили в слоях V тыс. до н. э. никаких внешних маркеров, четко указывающих на различия в социальном статусе и имущественном положении отдельных лиц. Меди в слоях этого времени почти нет, она появляется позднее, в IV тыс. до н. э. Лазурит и золото не находят в Месопотамии еще около 1000 лет.

Каждое поселение, объединявшее несколько семейных и соседских групп, производило все, что было необходимо для членов данного хозяйства, и немногие из жителей, если такие вообще были, освобождались от производительного труда. Тем не менее абсолютного равенства внутри таких хозяйственных групп, конечно, не было и не могло быть никогда. Даже в начальный период своего существования эти сравнительно небольшие структуры не могли функционировать без определенной координации своей хозяйственной и трудовой деятельности и обмена излишками продуктов с соседями и представляли собой достаточно сложные системы со своей внутренней иерархией. Лидерство находилось, вероятно, в руках старейшин или глав семейных или соседских групп, объединенных в рамках данного хозяйства¹⁸.

Определенный уровень организации и управления, безусловно, существовал в поселениях Южной Месопотамии и в VI тыс. до н. э., так же как существовали и общие склады для хранения некоторого количества продуктов в качестве страхового фонда или для обмена с соседями. Однако именно в V тыс. до н. э. администрация поселений начала, по-видимому, постоянно и целенаправленно

¹⁷ В археологических слоях V тыс. до н. э. отмечено значительное увеличение количества костей овец и коз по сравнению с количеством костей крупного рогатого скота и свиней (Liverani 1998: 39).

¹⁸ Среди исследователей нет согласия в вопросе о характере общества Южной Месопотамии V тыс. до н. э. Одни рассматривают его как комплексное, т. е. уже обладающее достаточно четкой экономической и социальной дифференциацией (Pollock 1999). Другие считают, что оно по-прежнему сохраняло эгалитарный характер (Akkermans, Schwartz 2003: 170–180). Последнюю гипотезу как будто подтверждает целый ряд фактов общего характера (Stein 1994: 39).

использовать хранившиеся на центральных складах излишки продуктов на социальные цели. Их стали активно расходовать на создание сельскохозяйственной инфраструктуры и защитных сооружений, обеспечение представителей административного аппарата и тех ремесленников, которые сами непосредственно не производили продукты питания (Liverani 1998: 21). О существовании определенного централизованного контроля внутри поселений могут говорить и найденные в них печати и оттиски печатей, правда, их обнаружили очень мало даже в тех поселениях, которые к концу тысячелетия приобрели, вероятно, значение региональных центров.

По мере того как поднимавшийся уровень моря ускорял формирование дельты и расширял площадь освободившихся от затопления земель, население Южной Месопотамии перемещалось на новые территории, осваивая под земледелие высокие участки ландшафта, свободные от воды. Выращивали в основном шестирядный ячмень. Возделывание этого злака требовало масштабной ирригации, но зато он давал вдвое больший урожай, чем двухрядный ячмень, который возделывался ранее. На протяжении V тыс. до н. э. урожайность зерновых в Южной Месопотамии выросла почти десятикратно. Производство зерна становилось все более важной отраслью хозяйства, которая не только давала населению дополнительные пищевые ресурсы, но и обеспечивала большую устойчивость существования поселений.

Ирригационное земледелие в условиях Южной Месопотамии не могло развиваться в сколько-нибудь значительных масштабах без создания и поддержания сельскохозяйственной инфраструктуры (каналы, дамбы, водохранилища и т. п.). К концу V тыс. до н. э. протяженность ирригационных каналов могла достигать 5 км. Во многих случаях для удержания или отвода воды, помимо каналов, необходимо было сооружать дамбы и водохранилища (Adams, Nissen 1972). Проведение работ по созданию и поддержанию ирригационных сооружений требовало постоянных трудовых усилий значительной части населения и серьезного материального обеспечения. Всем этим занимались, по-видимому, специально созданные административные структуры, которые должны были планировать и организовывать эти работы. Именно в земледельческих поселениях Южной Месопотамии в V тыс. до н. э. начала формироваться та централизованная администрация, которая позднее в городских системах IV тыс. до н. э. превратилась в разветвленную бюрократическую систему, контролировавшую не только сельское хозяйство, но и другие сферы городской экономики. Этому способствовало, вероятно, и то, что сам процесс выращивания зерновых представлял собой набор единообразных последовательных действий, которые поддавались планированию, организации и контролю гораздо легче, чем такие виды деятельности, как рыболовство, скотоводство или охота.

Тем не менее, при всех успехах зернового хозяйства в Южной Месопотамии в V тыс. до н. э., в это время производство продуктов питания по-прежнему базировалось на использовании широкодоступных естественных сырьевых ресурсов. Доступность зерновой продукции была, вероятно, в определенной степени ограничена, учитывая трудности занятия ирригационным земледелием.

В наиболее благоприятных с хозяйственной точки зрения условиях могли находиться те поселения Южной Месопотамии, жители которых существовали за счет комбинированной хозяйственной деятельности, занимаясь рыболовством, скотоводством и земледелием. Это позволяло создавать резервные фонды из излишков продуктов и на протяжении длительного времени противостоять сложным природным условиям региона, в том числе засухам и наводнениям.

Успешное развитие хозяйственной деятельности жителей Южной Месопотамии в V тыс. до н. э. привело, по-видимому, к значительному росту численности населения. Новые поселения появлялись не только на юге аллювиальной долины, но постепенно распространялись и все дальше на север. При этом повседневная жизнь и хозяйственная деятельность обитателей всех поселений Южной Месопотамии V тыс. до н. э. (севера и юга аллювия) на базовом уровне была вполне единообразной. Все жители аллювиальной долины использовали примерно одни и те же способы производства продуктов и добывания пищи, изготовления текстиля, керамики, орудий производства. Везде изготавливалась одинаковая керамика¹⁹, использовались одинаковые орудия труда, единообразными были и изобразительный материал (мелкая пластика), планировка зданий, строительные технологии. Можно говорить, по-видимому, что в V тыс. до н. э. вся территория Южной Месопотамии представляла собой единое культурно-хозяйственное пространство²⁰.

Такому единству во многом способствовали и природные факторы. Естественные водные магистрали, пересекавшие в разных направлениях всю территорию Южной Месопотамии, служили удобными транспортными путями для перевозки людей и грузов, и эти возможности очень широко использовались. Не случайно в ряде поселений этого времени найдены глиняные модели лодок. Контакты, которые поддерживали между собой жители разных поселений, по-видимому, почти никогда не перерастали в военные конфликты.

В V тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии существовало множество поселений, связанных между собой водными протоками, каждое из которых фактически представляло собой небольшую управляемую экосистему со своей специализацией производства и добычи ресурсов. На протяжении всего тысячелетия некоторые из этих поселений, скорее всего, наиболее удачно расположенные с точки зрения доступности природных ресурсов и возможностей транспортировки грузов, постепенно расширялись, заметно увеличив свою площадь. Другие поселения сохранили небольшие размеры. В последние века

¹⁹ Керамика использовалась в огромном количестве. Большинство изделий еще делалось руками, но входил в производство и медленный гончарный круг. Раскрашенные сосуды постепенно теряли свое центральное место в производстве керамики, зато появилась огромная вариативность в формах сосудов.

²⁰ Существовали, конечно, и определенные региональные различия, отражавшие адаптацию населения к местным условиям. Так, жилые дома на самом юге строили в основном из тростника, обмазанного глиной, и из глины с гравием. В поселениях, расположенных севернее, при строительстве жилых домов чаще использовали кирпичи.

V тыс. до н. э. самые крупные поселения постепенно превращались в хозяйственные и культовые центры для населения окружавшей их территории. Они становились ядром больших хозяйственных систем с двух- и трехступенчатой структурой поселений (Adams 1981: 244).

Административно-культовые комплексы. В начале V тыс. до н. э. в ряде поселений Южной и Центральной Месопотамии (Абада, Савван, Мадхур, Эриду) помимо сооружений, служивших, по-видимому, для хранения общих запасов зерна и других, произведенных на месте продуктов, появились специальные здания, точное предназначение которых определить трудно. В начале тысячелетия эти здания по своим масштабам и внешнему виду мало отличались от жилых домов. Иногда они были чуть более симметрично спланированы и аккуратно построены. Внешние стены могли иметь специальные ниши и выступы. Помимо более тщательной внешней отделки, были и другие особенности. Под полами такого здания могли быть сосредоточены все детские погребения (Телль ас-Савван), т. е. они могли быть местом проведения общих ритуалов. В некоторых случаях внутри таких зданий находилось некоторое количество богатых ремесленных изделий и токенов²¹ (Телль Абада), т. е. они, судя по всему, выполняли и некоторые административные функции (Liverani 1998: 29).

Одновременно эти здания служили и как жилые дома, отличаясь только размерами. В них было найдено множество обычных для того времени бытовых хозяйственных предметов: многочисленные инструменты для прядения и ткачества, мельничные жернова из камня, зернотерки для изготовления муки, каменные орудия и керамика. И этот набор бытовых домашних вещей ничем не отличался от того, что было найдено в остальных жилых домах поселения.

Обитатели этих строений, так же как и другие жители поселения, должны были, по-видимому, сами производить предметы первой необходимости, прежде всего еду и одежду (Pollock 1999: 88). Многие из этих зданий были, вероятно, жилыми домами тех социально выдвинувшихся групп или семей, в руках которых находились и управленческие, и сакральные функции, и одновременно центрами хозяйственной и культовой жизни всего поселения. Что очень существенно, эти строения сохраняли такие функции на протяжении жизни многих поколений. Это тем более вероятно, что изначально функция хозяйственной координации была, по-видимому, неразрывно связана с сакральной функцией, и не исключено, что четких различий между общественными и культовыми постройками в ранний период не проводили. Во многих случаях эти сооружения

²¹ Небольшие глиняные, реже каменные значки-фишки (tokens) геометрической формы появились на Ближнем Востоке уже в слоях, датируемых VIII тыс. до н. э., когда население этой территории перешло к оседлому земледелию и скотоводству. Создание запасов сельскохозяйственной продукции и складов для хранения потребовало, по-видимому, и создания системы учета. Каждый токен выражал определенное числовое и качественное значение и использовался для обозначения основных продуктов хозяйства: мер зерна, количества животных, хлеба, сосудов для масла, рулонов тканей. Есть предположение, что токены, глиняные конверты для их хранения (буллы) и так называемые числовые таблички (прототаблички, т. е. куски глины с оттисками токенов) использовались для хранения и передачи информации в дописьменные эпохи и являлись инструментами дописьменного делопроизводства (Schmandt-Besserat 1992).

просуществовали в течение очень длительного времени (многих столетий), периодически перестраиваясь и расширяясь.

К концу V тыс. до н. э. в ряде крупных поселений такие строения превратились в масштабные архитектурные комплексы²², которые чаще всего располагались в самом центре поселения. Помимо культовых зданий, здесь находились и многочисленные другие большие строения, определить функции которых не всегда удастся. Это могли быть отдельные жилые здания, ремесленные мастерские и складские помещения. Постоянное увеличение административно-культовых комплексов в поселениях Южной Месопотамии V тыс. до н. э.²³ во многом являлось, вероятно, следствием происходившего в это время постоянного роста производства продуктов, прежде всего зерна. В то же время площадь индивидуальных домов на протяжении всего V тыс. до н. э. оставалась примерно одинаковой (Liverani 1998: 23).

Рост этих комплексов несомненно, свидетельствовал и об усиливавшейся роли центральных поселений и расширении их возможностей распоряжаться значительной частью региональных ресурсов. При этом та группа населения, которая была наиболее тесно связана с этой сферой деятельности, — одной из ее главных задач был сбор, накопление и перераспределение ресурсов — получала определенные преимущества.

Ур и Эриду в конце V тыс. до н. э. Одними из самых крупных поселений Южной Месопотамии конца V тыс. до н. э. были Ур и Эриду, располагавшиеся на юго-западе Южной Месопотамии (Wright 1969: 25 ff.). Поселение Эриду, возникшее в конце VI — начале V тыс. до н. э., находилось на южном краю аллювиальной долины на берегу большой лагуны, связанной системой озер и протоков с заливом. К западу от Эриду простиралась пустыня, так что существовала постоянная угроза наступления дюн на освоенную территорию. Местоположение поселения на границе разных экологических зон определяло и характер основных занятий населения: земледелие, скотоводство, рыболовство. Хозяйственная деятельность жителей изначально была диверсифицирована, причем в ранний период основную роль играло, видимо, рыболовство. В самом начале существования поселения здесь было построено культовое сооружение, представлявшее собой крошечное строение из кирпича площадью не более 3 кв. м. Внутри строения располагались культовая ниша и жертвенный стол²⁴. Рядом со зданием был устроен очаг. Возможно, здесь проходила ритуальная деятельность, связанная с каким-то видом распределения жертвенной еды, прежде всего рыбы (Frangipane 2010: 80).

К концу V тыс. до н. э. на месте этого крошечного культового строения располагался уже целый комплекс общественных зданий, среди которых важное

²² Особенно хорошо такие сооружения представлены в археологическом контексте Эриду, Урука на юге, Укайр и Тепе Гавра на севере.

²³ Этот процесс продолжился и позднее, в IV тыс. до н. э., когда храмовые комплексы Эанны в Уруке достигли огромных размеров (см. ниже).

²⁴ Эти элементы неизменно присутствуют во всех культовых зданиях Месопотамии последующего периода (Lloyd 1981: 46).

место занимал храм площадью около 200 кв. м. Комплекс был, вероятно, тем центром, где хранилась значительная часть общих запасов (продуктов, ремесленных изделий) поселения. Отсюда же они, вероятно, и распределялись, прежде всего на общие нужды жителей: строительство общественных сооружений, расширение и украшение храма, организацию ирригационных работ (строительство новых и постоянное поддержание старых каналов), проведение праздников, обмен с соседями и т. п. Административные и культовые функции в системе управления жизнью растущих поселений оставались, по-видимому, в значительной степени неразделяемыми и были сосредоточены в едином центре. Об этом говорят, в частности, находки в слоях конца V тыс. до н. э. в храме в Эриду штемпельных печатей, которые были важным элементом системы управления (Pollock 1999: 87).

Поселение на месте будущего города Ур возникло в начале V тыс. до н. э. на одном из западных протоков Евфрата, по которому можно было проплыть с севера Южной Месопотамии на юг до лагуны Персидского залива. Ур, самое крупное южное поселение на Евфрате, отделяла от берега Персидского залива полоса из болот и озер, которую было нетрудно пересечь на лодках. С северо-запада Ур также был отделен от остальной территории аллювия полосой болот.

К концу V тыс. до н. э. юго-западную часть аллювиальной долины пересекали два или три протока Евфрата. Ур располагался на берегу северного протока, а Эриду — возле южного. В окрестностях Ура и Эриду находилось несколько десятков совсем небольших (площадью до 1 га) поселений. Всего в этой части региона было заселено около 50 га территории, население составляло приблизительно 10 000 человек. Более половины из них жили в небольших селениях, остальные — в Уре (10 га, 6000 человек) и Эриду (12 га, 4000 человек). Возле Ура и Эриду находились большие кладбища. Погребения на них, скорее всего, принадлежали отдельным семейным и/или хозяйственным группам. Нет никаких свидетельств различий в статусе отдельных групп или лиц (Wright 1969: 87). Единообразный погребальный инвентарь в основном был представлен простыми глиняными сосудами, количество которых (от 1 до 12), возможно, зависело от числа участников погребального ритуала.

Вдоль русел речных протоков шла полоса обрабатываемой земли шириной около 5 км, которая орошалась с помощью небольших ирригационных каналов. На этой территории было найдено множество серпов из обожженной глины, которые в то время обычно использовали при уборке урожая. Внутри культурных полос находилось около 400 кв. км орошаемых полей, на которых выращивали ячмень, пшеницу и лен. Пахота, проведение канавок от больших каналов вдоль полей для последующего орошения посевов, уборка урожая — все основные сельскохозяйственные работы — проводились, вероятно, координированно большими группами работников. Для поддержания плодородия почвы по крайней мере половину пахотной земли, должно быть, оставляли под паром. Полученные сельскохозяйственные продукты водным путем перевозились на центральные склады.

Остальная территория юго-западного региона (около 1200 кв. км) состояла из болот или аллювиальной пустыни, которые постепенно занимали освоенные территории. В конце V тыс. до н. э. песчаные дюны подступили вплотную к Эриду, и население начало его покидать, переселяясь на территории Ура и Урука (Adams 1981: 70–71)²⁵.

Миграции населения на север и северо-запад Месопотамии в V тыс. до н. э. Перемещения населения по территории Месопотамии, которые происходили в VI тыс. до н. э., продолжались и позднее. В VI тыс. до н. э. наиболее заметным направлением миграции, отраженным в распространении археологических культур, было движение с северо-востока (Хассуна) на запад (Халаф) и на юг (Самарра). Оно не прекратилось полностью и в V тыс. до н. э., но наиболее заметным в этот период было направление с юга Месопотамии на север и северо-запад. В археологических слоях начала V тыс. до н. э. в северной части аллювиальной долины, в Центральной Месопотамии и далее к северу и западу вдоль берегов Тигра, Хабуре и Балиха, вплоть до Анатолии, появляются предметы материальной культуры и сооружения южно-месопотамского (убейдского) стиля²⁶. Какая реальная практика могла стоять за нашедшим свое отражение в археологических материалах процессом перемещения предметов обмена, новых технологий, идей и информации на сотни и тысячи километров? Скорее всего, это было следствием не только спорадических торговых экспедиций, но и реальных потоков миграции населения²⁷. Одной из причин этих миграций могли быть демографические изменения в Южной Месопотамии. Возросшее количество населения было невозможно прокормить на уже освоенных землях, и с начала V тыс. до н. э. отдельные

²⁵ В конце IV тыс. до н. э. Эриду было почти полностью заброшено. Недавно еще обрабатываемая земля к югу от поселения была в основном поглощена огромными песчаными дюнами, за которыми простиралась каменная пустыня. Старые каналы ненадолго заполнялись водой только весной (Wright 1969: 27 ff.).

²⁶ По поводу причин столь широкого распространения памятников убейдской материальной культуры далеко за пределы Южной Месопотамии выдвигались самые разные гипотезы. Одна из них — насильственное вторжение и вытеснение местного населения переселенцами с юга. Согласно наиболее распространенной сейчас точке зрения, его причиной могло стать постепенное и достаточно свободное передвижение на эти территории численно растущего населения юга. Эти миграции, происходившие постепенно, в течение ряда столетий, скорее всего, были мирными. Почти нет свидетельств о конфликтах между пришлым и местным населением (Lamberg-Karlovsky 1996: 91). Мигранты несли свою культуру, технологии, которые вначале сосуществовали с местными традициями. Переходная керамика Халаф-Убейд зафиксирована в разных местах Сирии и Юго-Восточной Анатолии (Akkermans, Schwartz 2003: 157). Однако постепенно в ряде мест убейдская традиция вытеснила местную. Наиболее явно археологически это проявляется в постепенном вытеснении халафской и самаррской керамики и замене ее на убейдскую и в распространении убейдского архитектурного стиля. Выдвигается и гипотеза о том, что культуры позднего Халафа и раннего Убеида имели много сходных черт и в V тыс. до н. э. на территории Месопотамии шел общий процесс трансформации без какого-либо единого центра влияния (Karsgaard 2010: 55).

²⁷ «Распространение убейдского материала далеко за пределы юга говорит о движении людей, а не только горшков» (Akkermans, Schwartz 2003: 197). Исследователи обычно преувеличивают трудности передвижения товаров и людей в древности. Из Ниппура до Загроса можно было пройти за несколько дней. От Зубайр в Южном Ираке до Алеппо в Сирии караван шел 40 дней (Gibson 2010: 88).

группы населения стали перемещаться с юга на север и северо-запад на естественно орошаемые территории.

Одни группы переселенцев строили на новых местах свои поселения, сохранявшие характерные черты убейдской культуры. Другие селились в старых местных селениях, таких как Дегирментепе²⁸ (в верховьях Евфрата), Машнака (Сирийская степь на границе Южной и Северной Месопотамии), в некоторых поселениях Хабура, возможно, они присутствовали и в Браке. В последней четверти V тыс. до н. э. ареал распространения южномесопотамского (убейдского) культурного ансамбля охватывал обширную территорию от Юго-Западного Ирана и западного берега Персидского залива до Ливана и Юго-Восточной Анатолии и Сирии (Oates 1982).

В V тыс. до н. э. население Южной Месопотамии достигло больших успехов в хозяйственной деятельности, произошел, возможно, десятикратный рост урожая зерновых. Это сопровождалось не только появлением значительных излишков сельскохозяйственных продуктов, но и существенным ростом населения. Постепенное расширение площадей зернового хозяйства и возрастание роли зерна как продукта питания способствовало серьезным изменениям в жизни общества, формированию зачатков централизованной администрации и, вероятно, в большой степени стимулировало процессы урбанизации. Однако, даже в материалах конца V тыс. до н. э. отсутствуют свидетельства существования в обществе четкой социальной дифференциации. Нет следов значительных различий в расположении и площади жилых домов в поселениях, все погребения достаточно единообразные, со скромным инвентарем (несколько стандартных глиняных сосудов и скромные украшения), ни в них, ни в домах практически нет привозных материалов и объектов престижа (металлы, полудрагоценные камни)²⁹. Тем не менее общество Южной Месопотамии в это время начало понемногу терять социальное единообразие, характерное для начала тысячелетия. Правда, это выражалось не в накоплении индивидуально-богатства, а в возникновении четкой иерархии в системе поселений и появлении в самых крупных из них значительных административно-храмовых комплексов.

²⁸ Часть поселения Дегирментепе определенно занимали выходы из Южной Месопотамии, которые построили здесь дома традиционной трехчастной планировки. Большая часть предметов, которыми они пользовались в повседневной жизни, также были изготовлены в южномесопотамских традициях. Это керамика, печати, мелкие предметы, такие как фигурки из терракоты, и даже глиняные серпы без кремневых вкладышей, которыми переселенцы продолжали пользоваться и в Дегирментепе, хотя здесь, в отличие от Южной Месопотамии, было достаточно обсидиана и кремния. Некоторые исследователи рассматривают Дегирментепе как колониальное поселение, производившее медь (Oates 2010: 47).

²⁹ Если некоторые социальные различия все-таки существовали, то они относились, скорее, не к отдельной личности, а к отдельным группам или сообществам, которые могли занимать разные позиции по отношению друг к другу. Так, на фоне повсеместно очень скромного погребального инвентаря, присутствуют небольшие локальные различия в захоронениях, отражающие, вероятно, некоторую дифференциацию не внутри отдельного поселения, а между поселениями (Pollock 1999: 196 ff.).

Глава II

Южная Месопотамия и ее соседи в IV тыс. до н. э.

Население Южной Месопотамии в первой половине IV тыс. до н. э. Дальнейшее развитие зернового хозяйства. Формирование городов.

Города Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э. Урук, Киш, Абу Салабих (Кеш?). Сведения о первых городах: структура внутригородского пространства, административные структуры, городское управление. Городские хозяйственные институты по данным ранних документов: зерновое хозяйство, скотоводство, рыболовство, ремесло. Трудовые ресурсы администрации.

Коллективные работы в городах Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. Работы, связанные с административно-культовыми комплексами. Городские стены. Каналы. Ирригационные проекты. Городской социум конца IV тыс. до н. э.

Межгородские структуры в Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. Отражение процессов урбанизации в жизни населения Южной Месопотамии. «Север» (Сирия и Северная Месопотамия) в IV тыс. до н. э. Процессы урбанизации на Севере. Миграции из Южной Месопотамии в IV тыс. до н. э.

Южная Месопотамия в первой половине IV тыс. до н. э. В начале IV тыс. до н. э. юг аллювиальной долины населяли, вероятно, более 100 000 жителей (относительно количества населения в северной части аллювия данных нет). Почти половина из них жила в относительно больших поселениях площадью от 10 до 40 га (Adams 1981: 75, table 4), которые существовали на этой территории еще в V тыс. до н. э. (Эриду, Ур, Урук, Квели, Ларса, Гирсу и ряд других). Эти поселения располагались на высоких незатопляемых участках («черепаших спинах») вдоль водных протоков в самых удобных местах с точки зрения

транспорта и коммуникаций. Они исполняли роль хозяйственных и культовых центров для десятков небольших деревень и хуторов, рассыпанных вокруг них по берегам водных протоков. В первой половине IV тыс. до н. э. количество таких мелких поселений заметно возросло по сравнению с предшествующим тысячелетием. По всей видимости, это было связано с увеличением площади сухих земель, пригодных для земледелия. Только на территории между Уруком и Ниппуром таких мелких поселений насчитывалось около 600. В них жила значительная часть населения юга. Болотистые и степные территории были, вероятно, заселены полуоседлыми скотоводами, а побережье залива — рыбаками (Adams 1981: 251).

Жизнь обитателей Южной Месопотамии в первой половине IV тыс. до н. э. во многом продолжалась в русле тех тенденций, которые проявились здесь еще в V тыс. до н. э.¹ Часть населения занималась выращиванием зерновых на полях вдоль прибрежных полос, используя главным образом традиционную веерную ирригацию, и роль земледелия постепенно становилась все более существенной. Тем не менее одним из основных источников продуктов питания для населения по-прежнему оставалось рыболовство и в меньшей степени скотоводство.

Продолжение традиций предшествующего периода нашло свое отражение и в памятниках материальной культуры этого времени (Мунчаев, Мерперт, Амиров 1999: 207). Это касается керамики, печатей, круглой скульптуры и рельефа, трехчастной планировки частных и общественных зданий. Изменения, которые происходили в этих сферах, касались главным образом дальнейшего развития технологий и расширения круга используемых материалов (использование быстрого гончарного круга, совершенствование технологий ткачества, увеличение количества изделий из металлов).

С последних веков V тыс. до н. э. климат Южной Месопотамии начал заметно меняться и становиться значительно суше. Этот процесс продолжался на протяжении всего IV тыс. до н. э. С юго-запада на заселенные территории южно-месопотамской аллювиальной долины постепенно наступала пустыня (см. выше, об Эриду). Воды Персидского залива медленно отступали на юг, расширяя территорию дельты. Одновременно понижался уровень подземных вод, и на сырых болотистых местах дельты появлялись новые сухие участки, так называемые высокие поля, или «черепаши панцири» (Pournelle 2003). Одним из следствий таких изменений, вероятно, было некоторое сокращение возможностей для ловли рыбы и разведения скота на этих высоких землях. Однако осушавшиеся участки земли можно было использовать для расширения площадей под зерновые культуры.

¹ Считается, что в начале IV тыс. до н. э. на смену убейдской культуре в Южной Месопотамии пришла культура Урук, которая в значительной степени явилась, по-видимому, продолжением и развитием предшествовавшей убейдской культуры. Основу для изучения истории Южной Месопотамии этого времени составляют исследования, проводившиеся в 1950–1970-х гг. археологической экспедицией Р. Адамса (Adams 1965; 1981; Adams, Nissen 1972; Algaze 2008: 102).

Развитие технологии производства зерновых в экологических условиях Южной Месопотамии заняло сотни лет, прежде чем к середине IV тыс. до н. э. были выработаны оптимальные формы ее организации, которые могли обеспечить максимальные урожаи и превратить зерновые культуры в основу пищевого рациона местного населения и важнейшее средство обмена. Этот длительный процесс оказался возможным, поскольку все то время, пока зерна было недостаточно и доступ к нему был ограничен, обитатели этих мест имели в своем распоряжении постоянные и надежные источники пищевых ресурсов, которые им предоставлял богатейший растительный и животный мир болот, водных протоков и степных участков, окружавших поселения аллювиальной долины.

Примерно в середине IV тыс. до н. э. в земледельческих технологиях Южной Месопотамии произошли, вероятно, «революционные» изменения (Liverani 2006: 15 ff.). К этому времени обитатели аллювия уже накопили большой опыт в этой хозяйственной сфере. В течение многих сотен и даже тысяч лет использовались и совершенствовались методы искусственной ирригации, довольно рано стал применяться плуг-сеялка с упряжными животными. Однако только с середины IV тыс. до н. э. эти практики начали широко внедряться для проведения земледельческих работ на больших площадях. Тогда же стали увеличиваться масштабы ирригации, а орошаемые территории вдоль каналов постепенно организовывались в поля определенной формы и площади (так называемые длинные поля, т. е. поля в форме вытянутого прямоугольника, располагавшегося одной узкой стороной вдоль канала), которые обрабатывались упряжками волов с плугами. Новая система организации земледельческих работ привела, по-видимому, к колоссальному росту продуктивности зернового хозяйства, при этом количество занятых в этой сфере работников фактически не увеличивалось².

С этого времени, т. е. примерно со второй половины IV тыс. до н. э., выращивание зерновых превратилось для большей части жителей Южной Месопотамии в самый надежный источник материальных ресурсов, и те центры, где создавались условия для масштабного производства зерна, стали привлекать к себе все больше населения. Именно организация зернового производства оказалась, вероятно, тем ядром, вокруг которого формировались сначала крупные поселения (конец V тыс. до н. э.), а потом и города (вторая половина IV тыс. до н. э.) Южной Месопотамии. Она давала возможность поддерживать большое население и, предположительно, стимулировала процесс формирования ранних городов и развитие в них социальной иерархии и административной элиты. В таком контексте возникали города юга, многие из которых в дальнейшем существовали на протяжении нескольких тысячелетий.

Города Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э. Во второй половине IV тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии существовало

² По мнению М. Ливерани, рост урожайности зерновых в результате составил от 500 до 1000 % (Liverani 2006: 16–19).

уже несколько десятков единообразных по своей структуре крупных регионов с тремя-четырьмя уровнями поселений в каждом. Центрами этих регионов были самые крупные поселения, которые большинство исследователей уверенно называют городами или городскими центрами³. Все города располагались по берегам крупных протоков Евфрата и Тигра на высоких участках, наиболее безопасных в периоды паводков. Стены, которые начали возводить вокруг городов в конце IV тыс. до н. э., служили, вероятно, и как защитные сооружения при подъеме вод. Именно в города доставляли значительную часть всех продуктов, производившихся в каждом отдельном регионе и, прежде всего, зерно. Большую часть грузов транспортировали водными путями по каналам, которые связывали между собой, вероятно, все населенные пункты данной территории. В центральных городах находились обширные складские помещения и ремесленные мастерские, где эти продукты хранились, при необходимости перерабатывались и распределялись между теми, кто непосредственно не занимался производством продуктов. Значительная часть городского населения была вовлечена в процессы хранения, переработки и распределения, которые организовывала и которыми управляла городская администрация.

Урук. Самым большим городом Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э. был Урук. Важную роль в быстром росте именно этого города сыграли, по-видимому, особенности его местоположения. Урук располагался фактически в центре территории, покрытой разветвленной сетью естественных водных путей, как раз в той точке, где в то время главное русло Евфрата разделялось на множество мелких протоков, которые доносили воды реки до существовавшей тогда линии побережья Персидского залива. Это позволяло жителям Урука и окружающих поселений постоянно общаться друг с другом с помощью водного транспорта и иметь легкий доступ к ресурсам обширного водного про-

³ Используя слово «город», необходимо помнить об условности любой исторической терминологии, содержательное наполнение которой всегда зависит от конкретного исторического контекста и может значительно меняться от периода к периоду. Р. Адамс, который несколько десятилетий занимался археологическими исследованиями Южной Месопотамии, предложил условно обозначить существовавшие здесь в IV тыс. до н. э. типы населенных пунктов разными терминами в зависимости от их площади и количества населения: поселение площадью от 0,1 до 6 га — «деревня» (village), от 6,1 до 25 га — «небольшой город» (town), от 50 га и больше — «город» или «городской центр» (urban center) (Adams, Nissen 1972: 18). Такой подход позволяет, как представляется, максимально удачно соединить современную терминологию с реалиями, существовавшими в Южной Месопотамии в рассматриваемый период.

Для населения Месопотамии эпохи древности существовало единое понятие, обозначавшее любой населенный пункт, независимо от его масштабов (шум. *uru* или акк. *ālum*). Термином *uru/ālum*, который обычно переводится словом «город», конечно, обозначали то застроенное пространство, которое население обустроивало для совместного пользования на определенной территории, но в хозяйственном и политическом смысле это была коллективно организованная структура, по-видимому, типологически единообразная, независимо от занимаемой ею площади и количества людей, входящих в нее. Изначально этот термин обозначал коллектив, собрание людей, которые не только жили рядом друг с другом, но и совместно производили и распределяли между собой определенные материальные ресурсы и вследствие этого имели возможность принимать общие решения и сообща действовать.

странства устья Тигра и Евфрата и побережья залива с их многочисленными естественными каналами и огромными заболоченными территориями (Algaze 2008: 116).

Начинался будущий город в первые века V тыс. до н. э. с двух небольших поселений. Первое, более раннее, — Куллаба, второе, возникшее несколько позднее, — Эанна. В середине IV тыс. до н. э. город Урук занимал площадь 70–100 га, в нем проживало, вероятно, более 20 000 человек (Nissen 2001, 158). Еще несколько десятков тысяч человек жили в многочисленных городках, деревнях и хуторах, располагавшихся на широкой 15–20-километровой полосе, окружавшей город.

В восточной части города Урука располагался крупнейший в Южной Месопотамии того времени комплекс административных и культовых зданий (Эанна). Помимо раннего храма богини Инанны, здесь находились большие строения, самые разнообразные по планировке, с многочисленными внутренними дворами и даже колоннадой. Есть предположение, что отдельные строения этого комплекса могли служить для собрания городской администрации и коллективных пиров или трапез (Liverani 2006: 30). Однако установить точное функциональное предназначение зданий комплекса очень трудно, тем более что на протяжении второй половины IV тыс. до н. э. отдельные сооружения постоянно перестраивались (см. ниже). Внутри комплекса также располагались склады, ремесленные мастерские и, возможно, дома, где жили служители культа и представители администрации. Именно здесь были найдены первые в Южной Месопотамии цилиндрические печати и самые ранние письменные таблички (32 в. до н. э.).

Киш. Крупнейшим городским центром севера Южной Месопотамии в это время был Киш⁴, который в III тыс. до н. э. оказался главным соперником Урука. Русло Евфрата делило север аллювиальной долины на две части, восточную и западную. В V тыс. до н. э. здесь, по берегам протока Евфрата, примерно в двух километрах друг от друга, существовали по крайней мере два крупных поселения: западное (Телль Ухаймир) и восточное (Ингхарра/Хурсагаламма). В конце IV — начале III тыс. до н. э. это был уже один город, сохранивший в своей планировке, также как и Урук, следы происхождения от двух поселений (Gibson 1972).

И Урук, и Киш, как и многие другие города Южной Месопотамии, были обитаемы в течение нескольких тысячелетий, так что следы первоначальной городской структуры в последующие века их существования во многом исчезли или стерлись. Более четкое представление о том, как проходил процесс формирования ранних городов в Южной Месопотамии, можно получить при изучении данных о городах, просуществовавших относительно недолго, поскольку в них лучше сохранились следы первоначальной планировки.

Абу Салабих (Кеш?). В конце IV тыс. до н. э. в центре Южной Месопотамии возник город, современное название которого — Абу Салабих; возможно, это

⁴ Местность, где располагался город, сейчас представляет собой территорию из более чем 40 холмов, разбросанных на площади около 24 кв. км (Gibson 1972).

был тот самый город, который в текстах III тыс. до н. э. называется Кеш (Postgate 1977; 1984). Город существовал относительно недолго и был заброшен в середине III тыс. до н. э., по-видимому, в связи с экологическими проблемами, возникшими из-за изменения направления русла Евфрата. В конце IV — начале III тыс. до н. э. он занимал площадь около 20 га. Тогда же вокруг города были возведены мощные стены, ширина которых составляла от 11 до 19,5 м (Pollock 1999: 180). Возможно, поводом для их строительства послужили не только соображения безопасности, но и некие сакральные мотивы.

С точки зрения внутригородской планировки Абу Салабих в это время представлял собой структуру, состоявшую из отдельных небольших участков, тесно примыкавших друг к другу, но окруженных каждый своей особой стеной. Внутри такой огороженной территории, обычно в центре, располагался большой жилой дом, на некотором расстоянии от него в свободном порядке находились другие жилые помещения и строения хозяйственного назначения. Значительная часть земли внутри участка оставалась незастроенной и использовалась, возможно, в качестве полей и пастбищ.

Структура внутригородского пространства. Возникновение многих городских центров на юге Месопотамии сопровождалось заметным уменьшением числа небольших поселений и деревень в их окрестностях. Во многих случаях города формировались в результате слияния нескольких поселений вокруг какого-либо процветающего центра, выдвинувшегося в конце V тыс. до н. э. С середины IV тыс. до н. э. некоторые из таких центров начали расти особенно быстро, поглощая население мелких и средних поселений на окружающих территориях⁵.

Города Южной Месопотамии чаще всего возникали, вероятно, не путем движения изнутри (расширение первоначальной территории, вызванное ростом собственно городского населения, или захват и подчинение соседней территории), но путем мирного объединения или постепенного присоединения к центру нескольких единообразных, примерно равных по статусу поселений, которые многие сотни лет достаточно стабильно существовали на прилегающих территориях. Можно предположить, что каждое из таких поселений изначально представляло собой своего рода крупное хозяйство, отдельные хозяйственные сегменты которого в совокупности составляли единую самодостаточную экономическую структуру. Городские центры объединяли эти небольшие структуры в масштабные городские системы с единым централизованным управлением.

Некоторая часть населения — по-видимому, те, кто продолжал заниматься заготовкой сырьевых ресурсов и скотоводством (рыбаки, охотники, пастухи), оставалась на старых местах, но большинство перебиралось в городские центры. Здесь представители каждого поселения (или группы соседних поселений), вероятно, селились компактно, занимая внутри городского пространства отдель-

⁵ Р. Адамс говорил о «коллапсе сельской территории» в конце IV — начале III тыс. до н. э. и утверждал, что «великие города Месопотамии сформировались на основе маленьких сельских поселений в их окрестностях». Дальнейшие исследования и анализ данных археологии во многом подтвердили это высказывание ученого (Adams, Nissen 1972; Algaze 2008: ch. 7; Wright 1969).

ную территорию и сохраняя некоторую автономию. Жители такой территории или квартала представляли собой отдельную социальную группу со своей иерархией, основой которой были родственные и соседские связи. Несколько такого рода групп примерно равного статуса образовывали, вероятно, основную часть городского социума.

Характерной особенностью внутренней планировки ранних городов Южной Месопотамии была единообразная организация внутригородского пространства, состоявшего из отдельных резидентных зон или кварталов⁶. Иногда эти кварталы имели каждый собственную стену, которая огораживала и отгораживала его пространство внутри городской территории (Абу Салабих, Хафадж). В других случаях кварталы могли быть отделены один от другого каналами и шедшими вдоль них дорогами (Ниппур, Ур, Киш).

С течением времени по мере роста городов происходило интенсивное освоение внутригородского пространства. Это неизбежно должно было привести к разрушению и впоследствии к полному исчезновению четких планировочных границ между соседствами, поскольку каждая группа старалась максимально полно использовать свою территорию. Тем не менее многие города региона и в более поздний период отражали в своей планировке следы по крайней мере двух изначальных поселений, хотя их могло быть и более двух, а также сохраняли деление внутригородской территории на отдельные жилые зоны (кварталы).

Формирование резидентной части многих городов Южной Месопотамии из отдельных хозяйств или кварталов было, по-видимому, не просто элементом внутренней городской планировки, но отражало тот факт, что изначально они состояли из автономных, экономически независимых хозяйственных групп, основанных на родственных и соседских связях. Даже объединившись в пределах городской структуры, эти общины первоначально занимали каждая свою территорию, отделенную от территории других групп стенами или каналами⁷.

Административные структуры ранних городов⁸. Поселения, которые во второй половине IV тыс. до н. э. оказались в составе городских систем, в течение многих предшествующих столетий существовали как самодостаточные хозяйственные структуры (крупные хозяйства) со своей внутренней иерархией, основанной, вероятно, на взаимодействии индивидуального и коллективного руководства. Изначально каждая такая структура имела свой хозяйственный и административный центр, который объединял, координировал и распределял

⁶ В большинстве случаев до начала археологических работ пространство древних городов Южной Месопотамии представляло собой группу небольших холмов площадью 1–2 га, каждый из которых скрывал под собой отдельную единицу городской структуры.

⁷ Это, возможно, говорит и о том, что первое время между отдельными группами городского населения сохранялась определенная дистанция, поскольку не сразу были выработаны социальные механизмы, которые позволяли разным группам жить вместе в общей городской среде.

⁸ Прямых свидетельств такого рода для конца IV тыс. до н. э. практически нет, поэтому можно только строить предположения, основываясь на данных археологии и сведениях архаических письменных документов.

трудовые и экономические ресурсы сельской общины. В круг лиц, которые непосредственно этим занимались, входили, вероятно, представители отдельных семей или групп. Этот же центр регулировал и религиозную/культурную сторону жизни поселения. Формировавшаяся единая городская система управления, во всяком случае в начальный период своего существования, во многом, по-видимому, копировала или редуцировала систему управления отдельных поселений. Именно это обстоятельство в значительной степени определяло характер социума и управления в ранних городах Южной Месопотамии.

Ранний южномесопотамский город представлял собой систему из типологически сходных крупных хозяйств с примерно одинаковой внутренней структурой. Все эти хозяйства, будучи административными единицами города, существовали в рамках единой городской системы в тесной взаимосвязи и взаимодействии и находились, по-видимому, под контролем общегородской администрации. При этом разнообразие экологических условий в разных частях Южной Месопотамии, различный уровень хозяйственного развития отдельных поселений (общин) в период, предшествовавший формированию городов, — все это приводило к значительной вариативности и неравномерности развития отдельных городов и, безусловно, отражалось на характере вновь возникающих городских структур.

Городское управление. К концу IV тыс. до н. э., по мере того как росло население городов, заметно возрастала и роль городских систем управления. Самой важной задачей городской администрации была, конечно, организация масштабного зернового производства, далее нужно было аккумулировать резервы зерна и других продуктов для снабжения населения, обеспечить производство необходимых горожанам изделий, прежде всего шерстяных тканей, металлических орудий, керамики, финансировать общегородские расходы, в том числе создание и сохранение системы ирригационных каналов, строительство храмов, складов и т. п. Очень важной стороной деятельности администрации было поддержание дружественных и хозяйственных связей с другими городскими центрами, организация и материальное обеспечение торговых экспедиций для получения необходимых городскому хозяйству металлов и престижных предметов для украшения храмов — дорогого камня и качественной древесины.

Меняющиеся условия требовали совершенно новых форм организации контроля и учета, новых методов управления⁹. В качестве инструментария растущая бюрократия формирующихся городских центров использовала штемпельные и цилиндрические печати, приспособления для счета (токены) и, наконец, записи на глиняных табличках (Englund 1998: 42–43). Собственно, само появ-

⁹ Самыми важными организационными инновациями, которые появились в городском управлении в конце IV тыс. до н. э., можно считать следующие (Algaze 2008): 1) новые формы организации коллективного труда, дававшие возможность значительно увеличить масштабы производства и необходимого продукта (зерна) и «индустриальных/ремесленных товаров» для обмена; 2) новые формы учета, помогавшие хранить информацию во времени и пространстве, что значительно облегчило и упростило систему управления.

ление письменности в значительной степени было вызвано, вероятно, невиданными ранее масштабами хозяйственного объединения, необходимостью хранить и обрабатывать сложную дифференцированную информацию, планировать хозяйственную деятельность больших коллективов¹⁰.

Соответственно менялись и усложнялись и сами городские бюрократические структуры, которые организовывали и направляли эту деятельность. В архаических административных текстах упоминается множество названий должностей чиновников. В самом конце IV тыс. в Уруке был составлен так называемый список профессий, который дает некоторое представление о городских административных структурах, представлявших собой сложные иерархические системы, разделенные на отдельные департаменты, контролировавшие разные хозяйственные сферы (Englund 1998: 105).

Городское хозяйство по данным «архаических» текстов. Для изучения истории Месопотамии конца IV тыс. до н. э. и последующих периодов в распоряжении исследователей имеются уже не только археологические, но и письменные источники. Двумя последними веками IV тыс. до н. э. датируется большая группа самых ранних письменных документов, найденных в ряде крупных городов Южной Месопотамии¹¹. Основная их часть происходит из Урука и Джемдет Наср (древнее название его неизвестно), т. е. из южных и северных областей аллювиальной долины. Большинство ранних (архаических) текстов представляют собой различного рода учетные записи, которые фиксировали отдельные этапы хозяйственной деятельности (главным образом, поступление и расход материальных ресурсов) в разнообразных хозяйственных сферах. Среди них — записи, касающиеся организации полевых работ, измерения площадей обрабатываемых земель, учета зерна и продуктов из него (мука и хлеб), домашних животных и продуктов животноводства, учетные записи рыбных хозяйств, записи, перечисляющие работников, а также списки изделий из металла и текстиля.

Поскольку самые ранние письменные документы в основном фиксировали именно поступление, наличие и перераспределение различного рода продуктов и изделий, высказывалось предположение, что на раннем этапе существования городов деятельность высшей администрации была больше связана со сбором и распределением продуктов, чем с их производством (Pollock 1999: 112). Вероятно, это в определенной степени верно в отношении таких хозяйственных отраслей, как рыболовство и скотоводство, которые по своей природе

¹⁰ О возникновении и развитии письменности в Месопотамии IV–III тыс. до н. э. (Козлова 2008).

¹¹ Самые ранние письменные памятники Южной Месопотамии были найдены в Уруке на территории Эанны, храмового комплекса богини Инанны. Эти небольшие тексты, записанные на глиняных или каменных табличках рисуночными (пиктографическими) знаками и датируемые последними веками IV тыс. до н. э., обычно называют «архаическими». Помимо более 5000 архаических текстов из Урука и Джемдет Наср, еще около восьмидесяти таких текстов найдено в Телль Укайре (к северо-западу от Джемдет Наср), Ларсе (к юго-востоку от Урука) и в некоторых других административных центрах, имеется также более восьмидесяти архаических документов неизвестного происхождения (Englund 1998: 42).

было трудно контролировать. Однако выращивание зерновых культур в городских хозяйствах Южной Месопотамии было, по-видимому, в значительной степени организовано администрацией, которая контролировала и координировала все этапы этого процесса.

Зерновое хозяйство. Большая часть культурных сельскохозяйственных земель, особенно на самом юге аллювиальной долины, орошалась посредством централизованно созданных и постоянно поддерживаемых ирригационных систем. Часть таких орошаемых земель традиционно оставалась в пользовании местного сельского населения. За поддержание «центром» ирригационной инфраструктуры жители были обязаны отдавать определенную часть урожая со своих участков. Кроме того, они должны были поставлять сезонных работников (пахота, сев и уборка урожая) в крупные административно управляемые хозяйства, которые охватывали большую часть орошаемых земель на юге аллювия и производили большую часть зерна.

Архаические административные тексты и данные археологии свидетельствуют о существовании в конце IV тыс. до н. э. на всей территории аллювиальной долины масштабных административно организованных хозяйств, в рамках которых были объединены огромные материальные и трудовые ресурсы. Наибольшее отражение в этих текстах получила деятельность, связанная с выращиванием (производством) и распределением зерна, что не удивительно: именно эта сфера хозяйства в Южной Месопотамии в силу специфики местных условий изначально была в значительной мере административно организована (см. выше). Масштабы централизованного производства зерна выглядят впечатляюще. В архаических текстах упоминаются массивы полей площадью в 2120, 1500, 952 га, огромные количества ячменя: 720 000, 135 000 л (Englund 1998: 213; Renger 1995).

Наряду с интенсификацией производства зерна очень важным для городского хозяйства оставалось использование расположенных рядом с сельскохозяйственными зонами болот и степных территорий. Скотоводство, рыболовство, заготовка тростника и других растительных и животных продуктов по-прежнему служили надежным источником продовольствия и строительных материалов. Использование этих богатых и ежегодно возобновлявшихся ресурсов позволяло поддерживать (а в случае неурожая компенсировать) достаточно стабильный уровень городского потребления. Однако эти сферы деятельности, которые играли очень важную роль в городском хозяйстве, административное управление затронуло, вероятно, позднее и не в такой степени, как зерновое хозяйство. То же относится, по-видимому, и к специализированным ремеслам, прежде всего, к металлургии и ткачеству (Liverani 2006: 20).

Скотоводство. С ростом производства зерна во второй половине IV тыс. до н. э. скотоводство не только не потеряло своего значения, но, наоборот, превратилось в одну из главных сфер административно управляемой экономики городских систем Южной Месопотамии. Эта отрасль хозяйства не зависела от ирригационного земледелия, поскольку использовала природные ресурсы болотистых и степных территорий. Усиление роли скотоводства в городском

хозяйстве не было напрямую связано с ростом городского населения и, соответственно, его потребностей в продуктах питания. На мясо скот использовали редко, в основном при жертвоприношениях в ходе культовых праздников. Крупному городскому хозяйству было необходимо содержать большое количество крупного рогатого скота, поскольку значительно расширились сельскохозяйственные площади, для обработки которых использовали плуги с упряжными животными. В административных учетных документах конца IV тыс. до н. э. упоминаются стада крупного рогатого скота в 100–200 голов. В городском хозяйстве учитывалось также поступление молочных продуктов, таких как молоко, масло, сыр (Englund 1995).

С конца IV тыс. до н. э. все более важным для успешной деятельности городских хозяйственных систем становилось разведение мелкого рогатого скота¹². В административных документах того времени упоминаются стада мелкого рогатого скота от 1000 до 1500 голов. Этих животных разводили прежде всего для получения шерсти. Рост поголовья мелкого рогатого скота был связан с расширением производства шерстяных тканей в текстильных мастерских, создаваемых в городских административных центрах (см. ниже). Шерсть и ткани, наряду с зерном, постепенно становились важнейшим предметом экспорта из Южной Месопотамии. Многочисленные изображения домашнего скота на печатях и рельефах конца IV тыс. до н. э. показывают, что администрация и население городов хорошо сознавали значение скотоводства.

Рыболовство. Рыболовство, как уже упоминалось выше, было для населения Южной Месопотамии одним из самых древних традиционных способов получения продуктов питания¹³. Судя по архаическим административным текстам, в конце IV тыс. до н. э. сушеная рыба оставалась главным источником протеина для работающего населения. Знаки, которые в этих ранних текстах служили для обозначения свежей и сушеной рыбы, входят в группу наиболее часто используемых в этих текстах. От этого времени сохранился перечень названий различных видов рыб, который содержит около 80 позиций. В архаическом списке профессий нет знака, который мог бы передавать значение термина «рыбак» как названия профессии (позднее в шумерских текстах стали передавать значение этого термина сочетанием двух знаков: $\text{šu} + \text{ku}_6 = \text{рука} + \text{рыба}$), но при этом упоминаются такие должности, как «главный/начальник (по) сушеной рыбе» (*gal suhur*) и «администратор/учетчик сушеной рыбы» (*sanga suhur*).

¹² В VI–V тыс. до н. э. одним из важных источников продовольствия для населения Южной Месопотамии было разведение свиней, в меньшей степени крупного рогатого скота. Овец и коз держали немного. Однако уже в археологических слоях V тыс. до н. э. количество костей овец и коз постепенно увеличивается по сравнению с количеством костей крупного рогатого скота и свиней. Одновременно лен, который в V тыс. в основном использовали для изготовления тканей, к концу IV тыс. вытесняется шерстью (Liverani 2006: 39).

¹³ О той важной роли, которую продолжало играть рыболовство на этапе становления городской цивилизации, говорит тот факт, что пиктографический знак, использовавшийся в архаических текстах для обозначения корзины или плетеной ловушки для рыбы (*gá*), позднее стали использовать для обозначения дома-хозяйства (*é*), а также в качестве составной части при написании названий, по крайней мере, 10 городов, в том числе Ура, Урука, Ларсы. Идеограммы для передачи названий некоторых других городов включали знаки, обозначающие различные виды тростника (Englund 1998: 92 ff.).

Деятельность рыбаков в рамках городских систем в силу своей специфики оставалась, вероятно, менее подконтрольна городской администрации, чем производство зерна, но поступление продуктов рыболовства в городское хозяйство тщательно контролировалось и учитывалось. Помимо речной и морской рыбы, рыбаки поставляли в городские центры птиц, черепах, различного рода морские продукты, что также учитывалось в административных записях. Взамен они, вероятно, получали зерно и необходимые ремесленные изделия.

Ремесло. Данных об организации ремесла в городских системах Южной Месопотамии конца IV тыс. до н. э. очень мало. В предшествующий период, когда фактически каждое поселение представляло собой крупное самодостаточное хозяйство, на месте производились не только продукты питания, но и все необходимое для жизни и работы жителей поселения: одежда, предметы домашнего обихода, орудия труда и т. п. Изготовление одежды и простейшей керамики происходило, вероятно, внутри семьи. Существовали и специализированные ремесла (гончарное дело, металлургия в небольшом масштабе), которыми занимались отдельные семьи. Мастерство и знание технологий передавались в рамках семьи от отца к сыну. Городские системы, во всяком случае на начальных этапах формирования городов, во многом воспроизводили традиционную хозяйственную структуру, адаптируя при необходимости уже существовавшие традиции к новым условиям.

В области специализированного производства характер и масштабы административного контроля во многом зависели от специфики ремесленного труда. Некоторые виды ремесленной деятельности организовывались городской администрацией и должны были находиться под полным ее контролем. Это касалось прежде всего изготовления дорогостоящих изделий из привозных материалов (металла¹⁴, камня, дорогой древесины). В городских хозяйствах были и гончары, которые, вероятно, также полное время работали на администрацию, изготавливая изделия определенного количества и вида и получая за это соответствующую компенсацию¹⁵. Возможно, выполнив задания администрации, все эти ремесленники могли работать и для личных нужд.

В некоторых видах ремесла наряду с административно организованным, очевидно, существовало и частное производство, как внутрисемейное, так и специализированное, которое опиралось на местные ресурсы. Например, глина была доступна практически везде, требовалось только гончарное колесо, топливо также было под рукой (сухой тростник), а потребность в керамике не снижалась.

По масштабам и ресурсам городские хозяйственные системы, конечно, намного превосходили более ранние поселения конца V тыс. до н. э. В некоторых

¹⁴ В V тыс. до н. э. металлы в Южной Месопотамии использовали редко и в небольших количествах, в основном это была медь. В конце IV тыс. до н. э. стало активно развиваться производство бронзы, для чего использовали сплавы меди с оловом.

¹⁵ В конце IV тыс. до н. э. заметно уменьшилось производство раскрашенной керамики. Началось массовое изготовление простой нераскрашенной керамики, чему способствовало использование быстрого гончарного круга.

хозяйственных сферах городской администрации приходилось организовывать производство совершенно по-новому, поскольку оно требовало постоянной концентрации значительной рабочей силы. Так, например, необходимо было постоянно иметь достаточное количество работников для переработки продуктов, которые в огромных количествах доставлялись на городские склады. Такие виды деятельности, как помол зерна, приготовление пищи, изготовление одежды, которые ранее в основном проходили внутри семьи, в рамках крупного городского хозяйства требовали совершенно другой организации. Именно в это время, по-видимому, в городских хозяйствах стали создавать специализированные мастерские, где помолом муки, приготовлением пива, переработкой шерсти, производством тканей и одежды занимались десятки работников (в основном женщин и детей)¹⁶.

Трудовые ресурсы городской администрации. В распоряжении администрации городов, помимо разнообразных материальных ресурсов, было некоторое количество работников (мужчин, женщин и детей), которые получали от нее свое содержание и были, скорее всего, полностью от нее зависимы (Englund 1998: 176–181). В архаических текстах для обозначения таких работников чаще всего использовали знаки, которые в более поздних текстах передавали значение, соответствовавшее понятию «раб» или «зависимый работник». Использовался в этих случаях и знак, передававший, очевидно, значение «пленный»: изображение ярма (или головы с веревкой, продетой в нос). Эти работники составляли важную часть хозяйственной системы, их количество и распределение по разным службам тщательно учитывалось. Периодически составлялись списки таких лиц в хозяйстве, так же как периодически проводились подсчеты всех имевшихся в наличии материальных ресурсов. В списках указывался возраст и пол каждого отдельного работника и его имя. Среди них, по-видимому, не было местных жителей, т. е. обитателей аллювиальной долины или людей «урукской культуры» (Englund 1995). Предположительно это были либо пленники, либо жители соседних регионов. Велся также строгий учет их детей начиная с годовалого возраста, поскольку впоследствии они должны были стать полноценными работниками хозяйства.

Группы женщин и детей из числа зависимых, вероятно, занимались такими тяжелыми работами, как помол муки и ткачество, мужчины использовались в хозяйстве на подсобных неквалифицированных работах, в том числе на переноске воды, сборе топлива и т. п. В качестве содержания им полагалось, по-видимому, то же количество продуктов, необходимых для существования, что и зависимым работникам крупных хозяйств в последующие периоды:

¹⁶ Архаические тексты зафиксировали распределение произведенных в городских мастерских тканей, одежды, предметов из текстиля между представителями городской администрации. Однако значительный рост производства в этой сфере был связан не только с возрастающими потребностями элиты. В административно организованных мастерских вырабатывалось большое количество текстиля, при этом затраты на его производство были, вероятно, гораздо ниже, чем при кустарном семейном производстве. Скорее всего, именно поэтому со временем ткани из южномесопотамских центров в больших количествах стали вывозить даже на север и северо-запад Месопотамии, хотя на этих территориях было широко распространено разведение овец.

примерно 1 л зерна ежедневно и одна шерстяная одежда или шерсть на одну одежду раз в год.

Точно определить количество таких работников, которые находились в полном распоряжении городской администрации, невозможно. В архаических текстах упоминаются небольшие группы до 20 и более человек, а в одном документе, где перечислены несколько групп таких работников, итоговая цифра (не полностью сохранившаяся) превышает 211 (Englund 1998: 213; Renger 1995). Можно отметить, что население крупных южномесопотамских городов составляло десятки тысяч человек.

Коллективные работы в городах Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. Помимо сравнительно небольших групп постоянных работников, статус которых практически был близок статусу раба, городская администрация располагала полномочиями при необходимости призывать на коллективные работы большое число городского и сельского населения. Коллективно, вероятно, проводились многие общегородские работы, такие как мощение главных улиц города, устройство систем дренажа для отвода сточных вод и систем снабжения горожан чистой водой. Более масштабные общественные проекты, требовавшие больших организационных усилий и огромных расходов человеческого труда и материальных ресурсов, включали строительство и реставрацию храмов, общественных сооружений, городских стен, крепостей, рытье каналов и колодцев. На проведение такого рода работ, необходимых для всего населения, так же как и на обеспечение той группы населения, которая не занималась непосредственно производством продуктов питания (специалистов-ремесленников и чиновников), расходовалась, вероятно, значительная часть тех ресурсов, которые поступали с сельскохозяйственной территории городской системы на центральные склады города.

Работы, связанные со строительством и реконструкцией городских административно-культовых комплексов. Самые впечатляющие вещественные свидетельства масштабных общественных работ в городах Южной Месопотамии второй половины IV тыс. до н. э. — монументальные памятники этого периода в Уруке. Город Урук, как уже упоминалось выше, сформировался, вероятно, к середине IV тыс. до н. э. после слияния двух соседних поселений, Куллабы и Эанны, каждое из которых изначально имело свой административно-культовый комплекс. В течение второй половины IV тыс. до н. э. оба этих комплекса постоянно расширялись и перестраивались. Огромные людские ресурсы требовались не только для сооружения отдельных элементов этих комплексов, но также и для проведения предварительных работ и изготовления необходимых материалов, таких как кирпичи.

В Куллабе изначально имелось, по-видимому, только одно строение-святилище («белый храм»), трехчастное в плане, сооруженное на невысокой платформе, с алтарем и столом для жертвоприношений в центральном зале. В течение всего IV тыс. до н. э. и само здание святилища, и платформа под ним постоянно реконструировались и увеличивались в размерах, так что к концу IV тыс. «белый храм» стоял на платформе уже в 13 м высотой.

Для ее строительства, по подсчетам археологов, требовалось 94 000 человеко-дней, т. е. 100 работников должны были работать в течение 940 дней (Pollock 1999: 180).

В отличие от храма в Куллабе, Эанна в IV тыс. до н. э. представляла собой не одно строение, а целый комплекс зданий. В него входили не только трехчастные строения с планировкой, типичной для южномесопотамских храмов, но и другие самые разнообразные сооружения и внутренние дворы с колоннадой. Возможно, отдельные части этого комплекса могли служить для собраний городской администрации и коллективных пиров или трапез (Liverani 2006: 30). Во второй половине IV тыс. до н. э. многие сооружения комплекса Эанны по не известным нам причинам периодически сносили и перестраивали. Трудовые затраты, которые требовались для проведения этих работ, должны были быть огромными. В конце IV тыс. до н. э. к западу от Эанны возвели огромную террасу. Подсчитано, что для ее строительства 1500 человек должны были работать ежедневно в течение 5 лет (Nissen 1988: 95). Возведение таких монументальных сооружений требовало не только огромных затрат физического труда, но и работы большого числа профессионалов: проектировщиков, строителей, каменщиков и т. п.

Стены. В конце IV — начале III тыс. до н. э. в некоторых городах Южной Месопотамии стали возводить стены, окружавшие всю территорию города. Это строительство было связано не только необходимостью обеспечения защиты, в том числе от паводковых вод, но, вероятно, и с определенными политическими и идеологическими соображениями. Во многих случаях стены представляли собой своего рода монументальные сооружения с богатой отделкой (о стене вокруг Урука, построенной в 28 в. до н. э., см. ниже). Так, ширина стены, возведенной в конце IV тыс. до н. э. вокруг города Кеш (Абу Салабих), в некоторых местах превышала 15 м. Она была построена из аккуратно и последовательно выложенных рядов кирпичей. Строительство такой стены потребовало около 50 000 человеко-дней, т. е. 100 работников должны были работать в течение почти полутора лет (Pollock 1999: 180), не считая трудовых затрат на проведение предварительных работ, изготовление кирпичей и т. п. Колоссальными были, очевидно, и сопутствующие материальные затраты.

Каналы. Больших трудовых затрат требовали работы по проведению новых каналов и периодической расчистке старых каналов, что было жизненно важно для Южной Месопотамии, где успешным могло быть только ирригационное земледелие. Все возрастающая численность населения в городах приводила к необходимости расширения сельскохозяйственных площадей. В последней четверти IV тыс. до н. э. на всей территории аллювиальной долины велось сооружение множества небольших каналов. Некоторые из них соединяли между собой естественные речные протоки. Первостепенной задачей этих проектов было обеспечение орошения увеличивавшихся сельскохозяйственных территорий, но, помимо того, отдельные каналы выполняли, вероятно, и другие важные хозяйственные функции. В том числе они использовались для транспортировки зерна, перевозки глины, дерева и других материалов для ремесленных

мастерских, которые могли располагаться за пределами собственно города, и для доставки изделий этих мастерских в город (Algaze 2008: 124).

Ирригационные проекты. Вероятно, уже с конца IV тыс. до н. э. начали претворяться в жизнь и более масштабные ирригационные проекты, которые привели к возникновению на юге нескольких значительных ирригационных систем, объединивших целый ряд каналов с естественными протоками. Это были первые шаги на пути, который в дальнейшем привел к созданию на юге аллювиальной долины огромной ирригационной системы, известной из более поздних источников.

Один из самых крупных проектов конца IV — начала III тыс. до н. э. был, предположительно, связан с работами на самом большом канале юга — Иту-рунгаль, соединившем водные системы Тигра и Евфрата (Steinkeller 2001: 30, 48). Создание этого канала, вдоль которого располагался целый ряд поселений и городов, позволило не только решить многие проблемы ирригации, но и обеспечить надежную и быструю связь между западными и восточными областями юга. Осуществление такого масштабного проекта было возможно только совместными усилиями населения целой группы городов. Предположительно, Урук, «самый большой и доминантный город в это время», который был заинтересован в проведении канала, взял на себя инициативу и обеспечил значительную часть рабочей силы для осуществления проекта¹⁷.

Работники. Вряд ли можно было осуществить такие масштабные проекты только силами небольших отрядов зависимых от администрации работников, о которых говорилось выше. К работам на каналах, строительстве и т. п. привлекалась, по-видимому, большая часть городского и сельского населения. Существовали, вероятно, и определенные нормы участия в общественных работах, хотя прямые данные об этом дошли только от более поздних периодов¹⁸, а попытки чрезмерно усилить тяготы общественных работ могли вызвать недовольство горожан¹⁹.

¹⁷ «Итурунгаль обеспечивал связующую нить в этой сети естественных и искусственных каналов, обслуживая главные города Южной Месопотамии. Новое исследование его русла и соседних поселений показало, что он был, вероятно, сооружен или в самом начале периода РД I или даже в предшествующий период Джемдет Наср, хотя большинство поселений, располагавшихся тогда вдоль его течения, были небольшого размера. Это предполагает, что Урук, самый большой и доминантный город в это время, должен был взять на себя инициативу и обеспечить основную рабочую силу для проекта» (Adams 2008: 5; Steinkeller 2001: 40–49, map 1).

¹⁸ Участие в общественных работах, как свидетельствуют данные из Месопотамии III, II и I тыс. до н. э., было, вероятно, обязанностью каждого полноправного члена общества. Среди рельефных изображений самого разного времени (от Ур-Нанше, 25 в. до н. э., до Ашшурбанипала, 7 в. до н. э.) одним из самых распространенных был следующий сюжет: правитель, его семья и приближенные, участвуют в строительных работах, обычно при закладке нового храма или строительстве городской стены. Правитель изображался с корзиной на голове, которую он придерживал одной или обеими руками. Такие корзины использовались для переноски земли и кирпичей при землекопных и строительных работах, а само слово «корзина» (шум. gi.il, акк. *tupšikkum*) служило для обозначения такого рода работ и одного из видов трудовой повинности.

¹⁹ Так, в эпосе о Гильгамеше говорится, что Гильгамеш, намереваясь построить грандиозную стену вокруг Урука, возложил тяжелую строительную повинность на жителей города, чем вызвал их

По-видимому, не случайно во второй половине IV тыс. до н. э. в Уруке и других городах Южной Месопотамии начали в массовом масштабе производить небольшие глиняные чаши со скошенными краями («скошенные чаши», *bevelled-rim bowls*) емкостью примерно 0,8 л. В отличие от остальной керамики, эти чаши не изготавливали на гончарном круге, а лепили руками, с помощью специальной формы. Именно такие сосуды, единообразные по форме, составляли большую часть (до 80 %) всей керамики периода. Они производились в огромном количестве, видимо, в специальных мастерских (Potts 1997: 153). В конце IV тыс. до н. э., когда появились первые письменные таблички, изображение такого рода сосудов послужило моделью для создания знака (пиктограммы) GAR, который соединял в себе и качественное (хлеб/пища), и количественное (около 1 л) значение и передавал понятие «однодневный рацион», т. е. обозначал норму дневного пропитания работника (Englund 1998: 162).

Огромное количество таких чаш (разбитых, целых, сложенных в штабели) сохранилось внутри городских административных зданий. Вероятно, эти чаши предназначались для использования при ежедневном снабжении работников едой²⁰. Окончание работ сопровождалось, по-видимому, проведением различных ритуалов, призванных, кроме прочего, поддерживать единство среди участников и организаторов. В числе таких ритуалов были, вероятно, и общие трапезы. Можно предположить, что так называемые скошенные чаши использовались не только для ежедневного приема пищи работниками, но и для массовых коллективных трапез, которые устраивались по окончании работ.

Городской социум конца IV тыс. до н. э. Коллективные общественные работы, периодически проводившиеся в городах Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э., требовали больших материальных и трудовых затрат. Для участия в них городская администрация должна была мобилизовывать сотни работников и расходовать значительные средства из общегородских фондов. Судя по масштабам работ, городская администрация имела в это время доступ к распоряжению огромными материальными и трудовыми ресурсами.

Тем не менее городская элита пока не демонстрировала и не подчеркивала свое особое положение среди городского населения внешними знаками материального богатства и социального престижа и в этом отношении как будто не отделяла себя от основной группы горожан. Ни жилая архитектура этого времени, ни погребения, найденные в городах, ни свидетельства архаических текстов не зафиксировали существенных имущественных различий внутри городского сообщества, хотя общий материальный уровень жизни населения

серьезное недовольство, поскольку выполнение этой повинности, по всей видимости, требовало чрезмерно больших усилий, значительно превышавших трудовые затраты во время обычных общественных работ. События, упомянутые в эпосе, исторически относятся примерно к 28 веку до н. э. Судя по данным археологии, в этот период вокруг Урука была действительно возведена или вновь отстроена стена протяженностью свыше 9 км, которая описывается в эпосе как высшее достижение строительства.

²⁰ Массовое производство и использование такого рода чаш отражает, вероятно, самый ранний известный пример функционирования системы административного обеспечения части населения выдачами натуральных продуктов или, другими словами, распределительной системы.

во второй половине IV — начале III тыс. до н. э. явно стал выше, чем был в V тыс. до н. э.²¹ Нет пока надписей правителей городов; на кладбищах в основном эгалитарные погребения с очень скромным погребальным инвентарем (сосуды из камня, редко медные бусы, иногда иголки, орудия). В некоторых погребениях инвентаря несколько больше, чем в других, но различия незначительные.

Социум в новых городских структурах был организован, вероятно, по реализованной в Южной Месопотамии задолго до формирования городов модели «иерархического коллектива», когда управление было основано на естественном взаимодействии индивидуального и коллективного руководства. Новая городская структура представляла типологически такой же коллектив, как и объединившиеся в его рамках общины, но более высокого уровня, состоявший из нескольких единообразных структур. В этом раннегородском обществе социальный порядок рассматривался, очевидно, как неотъемлемая часть всеобщего божественного космоса, в котором иерархия в человеческом обществе была естественным продолжением природной иерархии (Jacobsen 1957; Pollock 1999: 189).

Выразительным примером представления об устройстве человеческого космоса может служить рельеф на каменной вазе из Урука (и сходной вазе из Телль Укайра) конца IV тыс. до н. э. (Афанасьева 1978). Изображение, вырезанное на ней, разделено по вертикали на несколько регистров (полос), расположенных последовательно снизу вверх в порядке возрастания значимости содержащегося в них изображения: вода, которая является основой жизни, земля, растения, возделываемые человеком, домашний скот и люди (в виде процессии совершенно одинаковых фигурок обнаженных мужчин с бритыми головами, несущих дары). Верхний регистр (самый широкий) содержит изображение кульминационной сцены всего действия — мужчина, вручающий дары, и принимающая эти дары женщина, за спиной которой находятся символические изображения храмов и хранящихся в них запасов (огромные корзины и емкости с продуктами, скот).

Человек, вручающий дары, в отличие от обнаженных мужчин, несущих дары, изображенных на предшествующем регистре, одет, на нем полупрозрачная (плетеная?) юбка с богатым поясом, который придерживает слуга, он бородат и на голове у него шапка с загнутыми внутрь краями. Вероятно, это изображение лидера или главы коллектива²².

Человеческий мир предстает здесь четко сбалансированным, единообразным и гармоничным. Однако для конца IV тыс. до н. э., когда появились эти памятники, такие представления были уже, вероятно, в значительной степени данью предшествующей традиции.

²¹ Свидетельств погребений из Урука этого времени почти нет, высказывались предположения, что тела славлялись по воде в Персидский залив (Pollock 1992: 298), но известно довольно много погребений предшествующего периода (Эриду) и более позднего периода (Ур, Эриду), в том числе погребения детей под полами домов.

²² Изображения такого же персонажа (иногда его называют «царь-жрец») встречаются и на других памятниках этого периода.

Межгородские структуры Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э.

Формирование городов и городских систем Южной Месопотамии на основе объединения в рамках городских хозяйственных систем хозяйств соседских общин происходило, по-видимому, мирно, с сохранением относительно равного статуса между отдельными группами горожан. На сходной основе равноправного взаимодействия изначально складывались и отношения между отдельными городами.

В последние века IV тыс. до н. э. почти все городские системы Южной Месопотамии (или значительная их часть) были, судя по всему, объединены в некий союз (Jacobsen 1957; Nissen 1988; Steinkeller 2002). Существование и деятельность этого союза городов нашли свое отражение в целом ряде памятников того времени. Прежде всего это тексты, содержавшие список городов, и городские печати. Оба источника содержат перечень названий ряда городов Южной Месопотамии. На обоих памятниках они зафиксированы в одинаковой или сходной последовательности. Такая организация топонимов отражала, вероятно, определенную реальность того времени, т. е. существование некой системы, объединявшей эти города (Englund 1998: 92).

Текст, представляющий собой список городов, был составлен в конце IV тыс. до н. э., вероятно, в Уруке, и после этого неоднократно копировался. Он содержит перечень из названий нескольких десятков городов. Интерпретировать пока удалось только начальную часть списка, где последовательно перечислены города Ур, Ниппур, Ларса и Урук.

Городские печати, оттиски которых найдены на кусках глины в слоях конца IV тыс. до н. э., представляли собой каменные цилиндры в несколько раз больше обычных для того времени печатей. На их боковой поверхности последовательно (иногда в двух регистрах) размещались названия городов Южной Месопотамии (в виде пиктографических символов)²³. Среди них определены названия таких городов, как Ур, Ларса, Ниппур, Урук, Кеш, Забалам, Урум (Matthews 1993). К сожалению, и оттиски печатей, и таблички с текстом сохранились далеко не полностью.

Объединению городов во многом способствовало и то, что города аллювия (а ранее поселения, из которых они выросли) в течение многих столетий поддерживали тесные хозяйственные связи, обмениваясь материальными и трудовыми ресурсами²⁴. Города по-прежнему сохраняли определенные специализации в производстве продуктов и ремесленных изделий, возникшие в связи

²³ Сохранились не сами печати, а их оттиски на кусках глины, найденные в Джемет Наср и Телль Укайре в слоях конца IV тыс. до н. э. (о сходных оттисках городских печатей из Ура и Урука начала III тыс. до н. э. см. ниже).

²⁴ Эта система взаимных хозяйственных связей, основанная на традициях обмена и перераспределения излишков между отдельными поселениями Южной Месопотамии, существовавших, вероятно, еще в V тыс. до н. э., была исключительно стабильной. В определенной степени она сохранялась на всем протяжении III тыс. и являлась предшественницей системы налоговых сборов и распределения (bala), которая позднее, в конце III тыс. до н. э., составляла важнейшую основу хозяйственной жизни государства III династии Ура, объединившего всю территорию Южной Месопотамии (Steinkeller 1987a: 28 ff.).

с разнообразными экологическими условиями в различных частях аллювия задолго до их становления. С этим были связаны и сохранявшиеся традиции постоянного обмена излишками продуктов. Предметы материальной культуры, найденные в разных городах севера и юга аллювиальной долины, имеют совершенно явную аналогию с находками из Урука, так что можно предположить, что в IV тыс. до н. э., так же как и в V тыс., вся Южная Месопотамия представляла собой единый культурный контекст. Помимо экономических и, возможно, политических (военных) интересов, население городов, вероятно, объединяли и определенные культовые обязательства. В конце IV тыс. до н. э. это были, по-видимому, обязательства в отношении главной богини города Урука — Инанны²⁵.

Изначально в эту коалицию (Kengir League, по терминологии Якобсена, или Inanna amphictiony, по терминологии Штайнкеттера) входили города, располагавшиеся как в южной, так и в северной частях аллювиальной долины. Центром, вокруг которого сформировалось это объединение, был город Урук. Это видно и из сравнения его размеров с размерами других городов, и из того факта, что именно здесь впервые появились письменные документы и школы писцов.

Города — члены организации, по-видимому, действовали совместно при решении важных стратегических вопросов, в том числе связанных с необходимостью координации деятельности местных ирригационных систем. Возможно, результатом реализации таких координированных усилий явилось осуществление на территории Южной Месопотамии одного из крупных межгородских проектов — проведение в конце IV тыс. до н. э. самого большого на юге канала Итурунгаль, о чем уже упоминалось выше. Совместная деятельность городов была связана и с защитой от вторжений соседей. В это время к югу от Уммы на границе с эламскими территориями появилось несколько новых городов, построенных, вероятно, в оборонительных целях (Wang 2011: 222).

Существовал и общий фонд, который должен был обеспечить выполнение межгородских проектов. Города, входившие в союз, несли определенные обязательства по поставкам продуктов в общие хранилища. Сборщики продуктов на местах составляли таблички с перечнем полученного и ставили на табличках оттиск «городской» печати, т. е. общей печати союза городов. Продукты хранились на складах, входы в которые также опечатывались с использованием «городских» печатей. Для координации такой деятельности существовала, вероятно, и общая межгородская административная структура (Nissen 1988: 142).

В конце IV тыс. до н. э. юг аллювиальной долины населяли, по разным версиям, от 100 до 250 тысяч жителей (Adams 1981: 251), а население всей

²⁵ Поверх оттисков городских печатей на табличках с записями поставок продуктов часто делали еще оттиски печатей-штампов, на которых была изображена розетка, символ Инанны. Разные города, в том числе и те, что упоминались в списке городов и на городских печатях, передавали в храм Инанны в Уруке рабынь (Steinkeller 2002).

Южной Месопотамии, по самым приблизительным подсчетам, могло достигать полумиллиона человек. До 80 % населения этого региона жило в городских центрах площадью до 40 га, менее 10 % жило в поселениях площадью меньше 10 га. Самым крупным из городских центров был Урук (более 400 га). Сравнимы с ним несколько меньшие по площади Ур, Эриду, Лагаш, Умма, Забалам, Шуруппак, Адаб, Ниппур и Киш (Н. Постгэйт приводит список из 36 городов Южной Месопотамии этого периода, см.: Postgate 1994: 27). О том, что представляло собой в конце IV тыс. до н. э. большинство из этих городов (такие как Ларса, Лагаш, Ниппур), известно очень мало или почти ничего, кроме того факта, что они существовали и были заселены.

Влияние процессов урбанизации на жизнь населения. Становление и развитие городских структур в Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э. было, безусловно, сложным и противоречивым процессом. С одной стороны, города Южной Месопотамии были привлекательны для населения, поскольку городская структура могла обеспечить жителям более высокий уровень жизни, и, что немаловажно, эта жизнь была относительно стабильной и безопасной. Огромный потенциал административно организованного зернового хозяйства мог поддерживать растущее городское население продуктами.

С другой стороны, в жизни больших человеческих коллективов при объединении нескольких расположенных рядом поселений и в ходе переселения новых групп в уже существующие города происходили серьезные изменения. Люди не только должны были осваивать новые территории, но и находить свое место в новой системе отношений. Все это не могло не вызывать серьезных социальных проблем. Далеко не все население Южной Месопотамии, вероятно, «вливалось» в города и городские системы. Становление централизованных структур, усиление контроля над жителями вызывало определенную социальную напряженность и стремление у некоторой части населения освободиться от такого контроля. В течение IV тыс. до н. э. периодически происходили значительные передвижения населения по территории Южной Месопотамии, что иногда приводило к конфликтам²⁶. Часть недовольных могла перебраться на крайний юг, в малодоступную болотистую местность, другие мигрировали за пределы Южной Месопотамии. Возможно, именно усиление урбанизации и рост социальной напряженности вызвали особенно массовый поток мигрантов из Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н. э. Одним из основных направлений миграции был север и северо-запад Месопотамии.

Север (Сирия и Северная Месопотамия) в IV тыс. до н. э. В IV–III тыс. до н. э. территория Месопотамии была, в основном, заселена, двумя «культурно объединенными» группами, которые И. Гельб предложил называть «этническими группами». Одна из них заселяла территорию Северной Месопотамии,

²⁶ Есть много данных о небольших конфликтах, происходивших в разных частях аллювия (Wright 1977: 388); в конце IV тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии впервые появляются печати с изображением военных сцен.

Сирии и прилегающих к ним областей Юго-Восточной Анатолии (далее — Север), а другая — территорию Южной Месопотамии (далее — Юг). Население каждого из этих двух регионов представляло собой некое культурное единство: «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории» (Gelb 1981; 1992).

Развитие общественных институтов на Севере и на Юге изначально шло разными путями (см. главу I), что во многом было, по всей вероятности, следствием разных экологических условий этих двух регионов (Steinkeller 1993; Козырева 2004; Frangipane 2007). Городские структуры Юга, сформировавшиеся на высокопродуктивном ирригационном земледелии в условиях ограниченной доступности земельных ресурсов, оказались в состоянии обеспечить относительно высокий и стабильный уровень жизни городскому населению. Со второй половины IV тыс. до н. э., когда произошла интенсификация сельскохозяйственных технологий и организации земледельческих работ, количество сельского населения на Юге постоянно уменьшалось, а количество горожан росло, так что к концу тысячелетия около 80 % всего населения Южной Месопотамии жило в городах²⁷.

В отличие от Юга, на Севере доступность обрабатываемой земли была практически безгранична. При этом здесь выпадало достаточное для земледелия количество осадков и не требовалось применение искусственного орошения и, соответственно, организации постоянных коллективных работ для его поддержания. Однако урожаи зерновых на Севере были гораздо ниже, чем на Юге, и обитателям небольших сельских поселений было, вероятно, труднее преодолеть местный или региональный неурожай, чем жителям Юга. В неблагоприятные периоды (в случае разрушительных войн или климатических изменений) на естественно орошаемом Севере шла экстенсивная рурализация, т. е. значительная часть городского населения покидала города и в поисках способов выживания рассеивалась по сельской местности, как это и происходило в конце IV тыс. до н. э. (Algaze 2008). При благоприятных климатических условиях количество сельских поселений здесь увеличивалось даже тогда, когда росли города.

Исключительно важную роль в развитии Севера сыграло и то обстоятельство, что по его территории проходили пути межрегионального обмена²⁸. Важнейший из этих путей, который вел с юго-востока Ближнего Востока на северо-запад, использовался еще в период неолита. Самые большие города Севера возникали именно вдоль и неподалеку от этого пути. Север не был конечным этапом обмена, но лишь посредником между двумя крайними (для региона Ближнего

²⁷ Продовольственные ресурсы Юга были не только более разнообразны: по крайней мере со второй половины IV тыс. появилась возможность получать их в большем количестве, чем на Севере, и при меньших затратах труда. Именно в этом смысле надо, вероятно, рассматривать упоминание Ж. Альгазе о «большем плодородии» (greater fertility) Юга (Algaze 2008: 65 ff.).

²⁸ Южная Месопотамия вплоть до середины III тыс. до н. э. оставалась в стороне от межрегиональных путей обмена. Дороги, по которым еще во времена неолита по территории Ближнего Востока перемещались самые разнообразные материалы, огибали аллювиальную долину с востока из-за сложного ландшафта этого региона.

Востока) точками: между территорией Элама и юго-востоком Малой Азии²⁹. Именно роль торгового посредника во многом стимулировала здесь бурный рост городов и формирование уже в IV тыс. до н. э. городской элиты, чье богатство, основанное на посреднической торговле, резко отделяло ее от остального городского населения. На Севере раньше, чем в Южной Месопотамии, началось широкое использование цилиндрических печатей, и даже появились первые зачатки будущей письменности. Однако этот рост внезапно прекратился в самом конце IV тыс. до н. э.

Процессы урбанизации на Севере. Север был на пути к урбанизации уже в конце V тыс. до н. э. Целый ряд поселений Северной Месопотамии, Сирии и Юго-Восточной Анатолии, таких как Телль Брак, Хамукар, Тепе Гавра, Арслан-тепе, в конце V — начале IV тыс. до н. э. постепенно превращались в крупные центры с монументальными общественными зданиями, ремесленными мастерскими и большим количеством предметов роскоши. Отдельные поселения первой половины IV тыс. до н. э., располагавшиеся в разных частях Севера, по своей площади не уступали современным им поселениям Южной Месопотамии (Algaze 2008: 118 ff.).

Наиболее благоприятными возможностями для развития обладали, вероятно, поселения, находившиеся в самых важных стратегических точках путей межрегионального обмена, с древнейших времен проходивших по этой территории. Одним из таких поселений был Телль Брак. Он находился в том месте, где пересекались дороги с востока на запад и водные пути с севера на юг по реке Джиг Джиг и притоку Хабур. Через Телль Брак проходили металлы и другие предметы обмена из Малой Азии, и отсюда они поступали на юг через Хабур и Евфрат или перевозились по суше на ослах и распределялись по Северной Месопотамии. Такое исключительно благоприятное местоположение позволило этому городу в период 3800–3400 гг. до н. э. вырасти до 56 га, а еще через несколько веков достигнуть площади 130 га (вместе с прилегающими поселениями). Таким образом, по своим размерам Телль Брак примерно соответствовал Уруку. Однако численность населения в нем была значительно меньше и составляла немногим более 15 000 человек (Akkermans, Schwartz 2003: 188). В это время, т. е. во второй половине IV тыс. до н. э., на территории Телль Брака были воздвигнуты большие общественные здания, а городская элита, судя по данным археологии, имела широкий доступ к дорогим привозным материалам (Oates 2007). Сравнимыми с Телль Браком на Севере были такие крупные центры, как Ниневия (40 га); Хава (30 га), Хамукар (более 15 га) и ряд других.

Будучи сопоставимы по площади, формирующиеся города Севера и Юга, однако, заметно отличались друг от друга (Algaze 2008: 118–121). В то время как на Юге многочисленные города существовали на относительно небольшой территории и были связаны между собой удобными водными коммуникациями,

²⁹ Для того чтобы понять характер развития Севера, необходимо учитывать, что в силу своего географического положения он изначально находился под влиянием двух мощных культурных систем — анатолийской и эламской.

на Севере городов было значительно меньше, и они располагались на очень значительном расстоянии, что делало невозможным постоянные повседневные контакты между ними. Самые крупные города Севера, так же как и на Юге, были центрами территорий, включавших в себя и округу с группой одинаково маленьких деревень или даже хуторов. За пределами этих городских округ на территории Севера располагались редкие селения, зачастую отделенные друг от друга десятками и даже сотнями километров. Отдельные следы трехступенчатой системы поселений, как это было на Юге в период формирования городов, появились на Севере только в самом конце IV тыс. до н. э. Однако именно в это время многие крупные городские центры Севера (Телль Брак, Хамукар) стали приходить в упадок. Было ли это вызвано вторжением Урука (см. ниже), как думают некоторые исследователи, или вторжение только усилило местные процессы упадка, неясно (Algaze 2008: 121). В конце IV — начале III тыс. до н. э. во всем регионе остались заселенными только несколько городских центров, значительно уменьшившихся в размерах. На остальной территории население жило в далеко разбросанных друг от друга маленьких деревнях и хуторах. Только во второй четверти III тыс. города Севера вновь достигли былого значения.

Миграции из Южной Месопотамии в IV тыс. до н. э. Свободный (неадминистративный) процесс миграции небольших групп населения с территории Южной Месопотамии в окружающие регионы шел постоянно в течение V тыс. до н. э. (Козырева 2010а; 2011). В течение большей части IV тыс. до н. э. также продолжался перманентный процесс перемещения людей небольшими группами с территории Южной Месопотамии в соседние регионы, в том числе на север и северо-запад.

При раскопках ряда поселений Сирии, Анатолии и Северной Месопотамии слои со следами южномесопотамской культуры V тыс. (Убейд) сменяются слоями со следами южномесопотамской культуры IV тыс. (Урук) (Algaze 1993: 56). Со временем жителями Южной Месопотамии была создана целая сеть поселений за пределами аллювиальной долины на востоке, севере и северо-западе, в том числе в Хузистане, в долине Суз, Северной Месопотамии, Северной Сирии и некоторых частях Анатолии. Расположение этих «урукских» поселений во многом повторяло расположение южномесопотамских («убейдских») поселений предшествующего тысячелетия: непрерывная цепь их шла вдоль трех рек: Тигра, Хабур и Балиха. Некоторые из поселений были основаны выходцами из Южной Месопотамии еще в V тыс. до н. э., другие появились позднее. Чаще всего такие поселения располагались целыми группами неподалеку друг от друга. Во многих случаях, в IV тыс. до н. э., так же как и в предшествующий период, небольшие группы южномесопотамского населения мирно жили рядом с местными жителями (Хасинеби, Брак, Ниневия, Каркемиш) (Algaze 1993: 57), оставаясь в дружественных отношениях со своими более сильными местными соседями³⁰.

³⁰ Иногда переселенцы из Южной Месопотамии селились непосредственно рядом с местной общиной и жили в рамках четко отграниченного резидентного квартала. Небольшое пришлое меньшинство

Во второй половине IV тыс. до н. э. характер и цели миграции, вероятно, значительно изменились. Поток переселенцев из Южной Месопотамии в это время увеличился. Количество мигрантов из числа южномесопотамского населения на Севере в период 3500–3200 гг. до н. э. могло составлять до 20 000 человек и больше. Это явление получило у исследователей название «урукская экспансия»³¹ (Algaze 1993; 2008). Увеличение потока мигрантов привело к необходимости возводить новые большие поселения. Один из самых ярких примеров «чисто урукского» поселения, основанного во второй половине IV тыс. до н. э., — Хабуба Кабира-юг (Habuba Kabura South) (Algaze 1997; 2008).

Поселение или, скорее, небольшой город площадью около 10 га был выстроен около 3400–3350 гг. до н. э. на западном берегу Евфрата, примерно в 100 км к востоку от Алеппо. Как и другие, вновь основанные урукские города (Джебель Аруда), Хабуба Кабира-юг был возведен на свободной территории по определенному плану. Город состоял из нескольких четко отделенных друг от друга кварталов, повторяя традиционную планировку южномесопотамских городов (Algaze 2008: 159). Все строительные работы были проведены достаточно быстро, и в течение короткого времени город был заселен. В нем жило от 6 до 8 тысяч человек. Не только планировка города, но и весь найденный здесь культурный ансамбль повторяли южномесопотамские традиции. Строительство города не вызвало, по-видимому, никаких конфликтов с местными жителями, но через некоторое время вокруг него возвели защитные стены с двумя воротами.

В городе были три главные улицы: одна в направлении с севера на юг и две — с востока на запад. Сначала спланировали улицы и проложили вдоль них дренажные системы, затем профессиональными строителями вдоль улиц были возведены стандартные дома с традиционной для Южной Месопотамии трехчастной планировкой, к которым прилегали дворы площадью около 300 кв. м. В большинстве домов имелись очаги. В южной части города построили несколько

отличалось от местного населения не только использованием традиционных южномесопотамских (урукских) форм материальной культуры (керамика, орудия труда), но также и повседневной бытовой практикой: домашними технологиями, пищевыми предпочтениями и т. п. (Algaze 2008: 68 ff.). Южномесопотамский анклав в Хасинеби, например, был автономным и в экономическом плане, его жители выращивали зерно, производили продукты скотоводства и ремесленные изделия. Археологический материал свидетельствует о мирном совместном проживании бок о бок южномесопотамских мигрантов и местного населения в течение многих поколений (Stein 2002; 2004).

³¹ Существуют разные точки зрения на причины урукской экспансии. Большинство исследователей рассматривает процессы миграций, происходивших в 3500–3200 гг. до н. э., как мирную колонизацию. Мотивацией могло быть желание осуществлять прямой контроль над пешими и водными торговыми путями, по которым перевозили металлы, древесину, драгоценные камни и т. п. (Algaze 1993; 2008). Другая точка зрения предполагает, что по крайней мере Восточная Сирия была завоевана южанами, которые оккупировали несколько уже хорошо развитых северных столиц (Брак, Хамукар) и построили стратегически расположенные укрепления (Джебель Аруда, Телль Блебис), так же как и целые города (Хабуба Кабира-юг). При этом южане не только торговали, но и управляли территориями (Gibson 2010: 85). Однако все исследователи сходятся в том, что урукская экспансия была прежде всего следствием процессов урбанизации и централизации, происходивших в самой Южной Месопотамии.

общественных зданий. Прокладка улиц и устройство дренажной системы были, несомненно, выполнены общими усилиями, так же как и постройка стен.

Жители города занимались торговлей и ремеслом. В домах горожан хранились все маркеры межрегиональной торговли, которые использовались в это время: токены, прототаблички (многие с оттисками цилиндрических печатей), пустые глиняные буллы, глиняные буллы с токенами внутри. Необожженные токены без отверстий (их сравнительно немного) служили для дистанционной торговли, обожженные с отверстием для шнура (их большинство) — для местного обмена. Многие из них были найдены в южных воротах Хабуба Кабира-юг, возле которых находился, вероятно, городской рынок. Город был одним из звеньев широкой сети межрегионального обмена, которая простиралась с юго-востока до северо-запада Ближнего Востока, не захватывая пока, по-видимому, территорию Южной Месопотамии.

Город Хабуба Кабира-юг, очевидно, входил в большую группу южномесопотамских поселений на Среднем Евфрате. Административным и религиозным центром этой группы являлось поселение Джебель Аруда. Его построили одновременно с Хабуба в 8 км выше по течению Евфрата. В Джебель Аруда находились два больших общественных здания и несколько очень маленьких частных домов. Жители здесь занимались различными ремеслами, в том числе обработкой металлов³². В хранилище Джебель Аруда были найдены несколько кусков лазурита весом более килограмма, а также другие драгоценные камни. Возможно, эти материалы были подготовлены для дальнейшей транспортировки в Южную Месопотамию (Algaze 2008: 94–95).

Город Хабуба Кабира-юг просуществовал около 150 лет. Приблизительно около 3200 г. до н. э. он был покинут жителями. В это же время и другие собственноручные поселения вдоль Евфрата были покинуты, некоторые, самые отдаленные от метрополии, были разрушены (например, Хассек Хююк).

³² Урукские поселения этого времени на Евфрате содержат много свидетельств импортируемого и перерабатываемого на месте серебра и меди. В отдельных местах найдены ремесленные мастерские, где обрабатывали драгоценные камни, превращая их в предметы роскоши.

Глава III

Южная Месопотамия в первой половине III тыс. до н. э.

Южная Месопотамия в первой половине III тыс. до н. э. союз городов в начале III тыс. до н. э. Город Ур в первые века III тыс. до н. э. Город Урук в 28–27 вв. до н. э. Города Южной Месопотамии в 26–25 вв. до н. э.

Город Шуруппак в 26–25 вв. до н. э. Городское управление. Хозяйственная структура. Дом-город (é.uru). Большой дом (é.gal). Горожане. Частноправовые договоры. Шуруппак и союз городов.

Город Ур в 26–25 вв. до н. э.

Лагаш в 25–24 вв. до н. э. Город Гирсу. Хозяйство «дом женщины» (é.mí). Держатели наделов в хозяйстве é.mí. Работники, получающие выдачи в хозяйстве é.mí. Коллективные работы.

Южная Месопотамия в первой половине III тыс. до н. э. История Южной Месопотамии первых веков III тыс. до н. э. очень неравномерно освещена письменными и археологическими источниками. Это связано и с объективными причинами, т. е. недостаточными масштабами археологических раскопок, и с некоторыми особенностями внутреннего развития этого региона. Имеющиеся источники отражают только отдельные (для каждого города свои) аспекты жизни южномесопотамских городов в первой половине III тыс. до н. э.¹

¹ От самого начала III тыс. до н. э. сохранилась группа письменных и археологических источников из города Ура. Архаические документы из Ура плохо читаются, тем не менее имеющийся материал дает возможность составить самые общие представления о территории города, занятиях населения, организации городской системы (Wright 1969). Из города Кеш (Абу Салабих) 28–27 вв. до н. э. дошел археологический материал, позволяющий выдвинуть некоторые предположения о характере городского социума. Здесь же в слоях 26–25 вв. до н. э. было найдено более 500 табличек, в основном в отвалах около зданий. Почти все они представляют собой школьные упражнения, фрагменты лексических и литературных текстов. К 26–25 вв. до н. э. относится гораздо более обширный материал

В конце IV — начале III тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии активно шли процессы урбанизации. Продолжали расти старые города (Ур, Киш, Ниппур, Кеш (Абу Салабих), Урук и, возможно, Умма), возникали новые, в том числе Лагаш и Шуруппак. При том, что основные характеристики городских структур были общими для всей Южной Месопотамии, каждый город имел множество собственных локальных особенностей, отличавших его от остальных. Это было связано с экологическими условиями разных регионов аллювиальной долины, с местоположением города, его ресурсами и возможностями для хозяйственного развития.

Союз городов в начале III тыс. до н. э. В это время, как и в конце IV тыс. до н. э., на территории Южной Месопотамии по-прежнему существовала административная и экономическая организация, объединявшая целый ряд городов. Одним из важных связующих факторов был, по-видимому, культовый. Все города, входившие в союз в конце IV тыс. до н. э., имели обязательства по поставкам различных продуктов в храм богини Инанны в Уруке. По мере становления и роста городов объединяющее значение культового аспекта, вероятно, усиливалось. Как в городах, где формировались местные городские пантеоны в форме семейной или корпоративной структуры, так и на всей территории, которую объединял союз городов, в начале III тыс. до н. э. постепенно формировался общий южномесопотамский пантеон. Главой этого пантеона стала, однако, не богиня Инанна из Урука, который был культовым центром союза городов в конце IV тыс. до н. э., а главный бог города Ниппура — Энлиль. Именно в Ниппур переместился, очевидно, в начале III тыс. до н. э. культовый центр союза. В это время здесь было построено несколько храмовых ансамблей. Наиболее значительным, кроме храмового комплекса бога Энлиля, был храм Инанны, возведенный на месте резидентного квартала (Zettler 1992). Примерно тогда же главным городским божеством Ниппура стал бог Энлиль (Wang 2011). Неясно, почему именно Ниппур приобрел значение главного культового центра Южной Месопотамии. Возможно, это было связано с его местоположением в самом центре региона². С этого времени и на протяжении всего III тыс. до н. э. города Южной Месо-

(письменный и археологический) из Шуруппака, который позволяет составить некоторое представление о характере городского управления и городского социума. Очень богатый изобразительный материал из Ура 25 в. до н. э. происходит в основном из погребений и содержит информацию о городской идеологии и социуме, прежде всего о городской элите и ее материальных возможностях. Самый большой для того времени письменный материал дошел из города Гирсу 25–24 вв. до н. э. Это административно-хозяйственные документы, небольшая группа частных документов и надписи городских правителей. Большинство текстов административного или юридического характера (отчетные записи, договоры, судебные решения) начиная примерно с 2500 г. до н. э. имеют указания на день, месяц и год их составления. Год обозначался либо по имени чиновника, которому в данный год выпала очередь исполнять одну из высших городских должностей (bala PN), либо по номеру года правления правителя.

² Т. Якобсен предположил, что Ниппур вследствие своего местоположения в центре региона изначально был местом для общих собраний, куда сходились представители южномесопотамских городов, чтобы избрать общего лидера.

потамии несли обязательства по поставкам продуктов и трудовых ресурсов в храмы Ниппура.

В начале III тыс. до н. э. поменялся не только культовый центр союза городов, но в значительной степени и состав этой организации. Если в конце IV тыс. до н. э. в рамки союза входила, по-видимому, вся территория аллювиальной долины, то в начале III тыс. до н. э. его деятельность распространялась только на центр и юг аллювия (на севере в это время существовало, вероятно, политическое объединение с центром в городе Киш, см. ниже).

Помимо поддержания общих культовых и хозяйственных связей между городами, у союза были, судя по всему, и военные функции: организация совместной защиты или, при необходимости, военного похода против врага. Для материального обеспечения проектов города́ союза, по-прежнему несли определенные обязательства по поставкам продуктов в общие хранилища, входы в которые опечатывались с использованием «городских» печатей. Оттиски этих печатей оставляли также на комьях глины, закрывавших горлышки сосудов или скреплявших веревки, которыми связывали тюки. На оттисках городских печатей начала III тыс. до н. э., в отличие от более ранних, упоминаются только названия городов, находившихся на юге и в центре аллювиальной долины.

Город Ур в первые века III тыс. до н. э. Одним из городов, входивших в состав союза в начале III тыс. до н. э., был город Ур (Wright 1969). На сосудах, найденных здесь в слоях начала III тыс. до н. э., сохранились оттиски городских печатей, на которых упоминается и название города Ниппура. Здесь же было найдено более 400 архаических документов, датируемых самым началом III тыс. до н. э.³ Изучение этих текстов и синхронного археологического материала показало, что для Южной Месопотамии этого времени имеет смысл говорить не столько о городах, сколько о городских системах (анклавах), центральной частью которых они были, и позволило предложить реконструкцию устройства городской системы Ура в начале III тыс. до н. э. (Wright 1969: 30 ff.).

Городская система, центром которой был Ур, занимала в это время территорию площадью около 900 кв. км: примерно две трети (600 кв. км) составляла освоенная земля, остальная территория была занята аллювиальной пустыней и болотами. Помимо Ура в эту систему входили еще один небольшой город (на месте современного Сакхери) и три совсем маленьких поселения. Через всю территорию протекал один из рукавов Евфрата. От него отходили пять небольших каналов, воды которых орошали поля. Всего здесь жило около 6000 человек.

³ Многие важные аспекты хозяйственной и общественной жизни городской системы Ура начала III тыс. до н. э. не нашли никакого отражения в доступных исследователям документах архива (нет никаких сведений о политической организации города, дистанционной торговле, отношениях между городами). Модель экономики анклава пока можно выстроить только предположительно (Wright 1969: 40–34, 99–11). Об изменениях, произошедших в системе письменности примерно за 200 лет, которые отделяют документы из Ура от самых ранних архаических текстов из Урука, см.: Козлова, 2008.

Главный город региона Ур располагался на берегу протока Евфрата. Он занимал площадь около 20 га. В нем жили примерно 4500 человек. Город был окружен низкой стеной. В центре его находился большой административно-культовый комплекс с храмом бога Нанны, построенным в конце IV тыс. до н. э. Среди построек, окружавших внутренний двор комплекса, кроме складов, кухонь, подсобных помещений, были и жилые строения, где могли жить не менее 20 человек. Городскую территорию к юго-востоку от храма, вероятно, занимали склады, дома важных персон из числа администрации и большие общественные здания из высушенного на солнце кирпича. Остальные 4000 обитателей города населяли около 600 домов с маленькими, тесными комнатами. Утварь во всех домах была единообразная (керамика, жернова, простые ювелирные изделия) и в одинаковом количестве. Очагов, по-видимому, не было; возможно, пищу получали из общих храмовых кухонь. Специализированные ремесла (керамика, изготовление каменных и медных сосудов, ткачество, вырезание печатей), скорее всего, были сосредоточены в городе, хотя следов их немного.

Меньший город (совр. Сакхери) площадью около 8 га также располагался на протоке Евфрата в нескольких километрах к северо-западу от Ура. В нем жили примерно 1600 человек. Городок окружала стена. Здесь были склады, мастерские, общественные здания. Три деревни, располагавшиеся на территории анклава (одна из них — на главном канале между Уром и Сакхери), занимали площадь от 1 до 1,5 га. В каждой из них находилось от 10 до 15 домов и проживало до 200 человек. Орудия труда жители анклава использовали главным образом каменные, хотя было найдено и несколько предметов из меди и бусы из сердолика.

Большинство жителей занимались земледелием (в основном выращивали ячмень, в меньших масштабах пшеницу, лен). Также занимались садоводством (финики, яблоки, гранаты), скотоводством (разводили мелкий и крупный рогатый скот и свиней), рыболовством и охотой. Небольшую часть городского населения составляли чиновники разных рангов и ремесленники.

Из 6000 га обрабатываемой земли половину, видимо, оставляли под паром, засевая ежегодно около 3000 га. На этой земле примерно 2500 сельских работников ежегодно выращивали около 2 400 000 л зерна и какое-то количество других сельскохозяйственных культур. Эти ресурсы вместе с продуктами животноводства, рыболовства и охоты предназначались для всех жителей анклава, в том числе людей, не занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве (ремесленников и должностных лиц). Большая часть этих ресурсов передавалась на склады важных персон и на общественные склады для последующего распределения или обмена. Среди городского и сельского населения распределялись и готовые ремесленные изделия: керамика, предметы из металла, украшения, одежда, а также материалы, используемые в технических целях при производстве, такие как кремень, корзины, битум, лес. В домах, и в городе, и в провинции, использовалась одна и та же керамика и примерно в одинаковых количествах.

На двух обнаруженных рядом с Уром и Сакхери кладбищах нет видимых следов разделения по социальным или родственным группам, в отличие от захоронений Ура более позднего периода (см. ниже). Погребальный инвентарь в основном состоял из керамики (чаши от 2 до 20 штук и кувшины)⁴. Изделий из камня и металла было мало (археологи обнаружили несколько сосудов из камня и меди, два маленьких медных топора и два кинжала).

Все земли и население Ура в начале III тыс. до н. э., по-видимому, были включены в единую хозяйственную структуру. На территории анклава существовала общая система достаточно простых ирригационных сооружений и каналов, посредством которых поддерживался необходимый для земледелия водный режим, и которые формировали общую водную транспортную сеть. Все поселения были связаны с другими поселениями и с центром естественными или искусственными протоками/каналами, что позволяло поддерживать тесные контакты между отдельными хозяйствами и обмениваться излишками продуктов и трудовыми ресурсами. Большая часть населения анклава жила в городах (до 80 %). Помимо земледельцев, это была управляющая элита, чиновники, ремесленники, служители храмов. Всеми сферами жизнедеятельности этого хозяйства — землей, стадами, ремеслами, проведением ритуалов — управляла общая административная структура или общественный институт с центром в городе Уре⁵.

Базовыми элементами, из которых складывались такие городские системы, были, по-видимому, крупные самодостаточные хозяйства, по своему внутреннему устройству в значительной степени повторявшие структуру сельских общин более раннего периода. Все эти хозяйства, независимо от того, кто ими управлял, будучи административными единицами города, входили в состав единой городской системы и находились под контролем общегородской администрации.

В рамках таких крупных хозяйств находилась основная часть орошаемой сельскохозяйственной земли каждой городской системы⁶. Хозяйство материально

⁴ На каждый кувшин приходилось примерно две чаши. Во многих случаях чаши часто были помещены вверх дном или вложены одна в другую, так что еда в них положена не была. Количество чаш могло быть связано с числом участников погребальной церемонии или числом умерших родственников погребенного. Изделия из металла и камня, изредка встречающиеся в погребениях, не имели, по-видимому, прямого соотношения с количеством чаш (Wright 1969: 81–83). Позднее в том же Уре в гробницы важных персон будут складывать золотые и серебряные чаши, а сопровождать владельцев гробниц в потусторонний мир будут их слуги и приближенные.

⁵ Есть некоторые основания говорить о ротации лиц, занимавших высшие административные должности в Уре (Wright 1969: 114). Часть сельскохозяйственных земель в текстах обозначалась как предназначенная для исполнителей определенных должностей, в том числе для главы городского собрания и хранителя городской сокровищницы.

⁶ Большая часть обрабатываемой земли в текстах из Ура обозначена как *gán d.nanna*, т. е. поле бога Нанны, главного бога города. Поскольку в текстах отсутствует упоминание полей Инанны, другого часто упоминаемого в текстах из Ура божества, то трудно предположить, что *gán d.nanna* означает храмовые поля, скорее, это общее обозначение полей города Ура, т. е. это общий термин для всей сельскохозяйственной земли, которая упоминается в текстах (Wright 1969: 112).

обеспечивало весь свой персонал либо предоставляя наделы на своей земле, либо выдавая содержание из общих фондов. Продукты получали не только работники, но и лица, оказавшиеся без поддержки своих семей — нетрудоспособные, одинокие старики и сироты.

Абу Салабих (Кеш?) в 28–27 вв. до н. э. История южномесопотамских городов 28–27 вв. до н. э. очень скудно освещена письменными источниками. Текстов от этого времени почти нет, вновь (после текстов из Ура от самого начала III тыс. до н. э.) они появляются только в 26 в. до н. э. О том, какие процессы происходили в это время в городах Южной Месопотамии, можно судить только по скудным данным археологии (Абу Салабих) и свидетельствам гораздо более поздних литературных текстов (Урук). Оба этих города в начале III тыс. до н. э., вероятно, тоже входили в союз городов.

Под полами некоторых крупных жилых зданий, располагавшихся в разных кварталах города Кеш, археологи обнаружили несколько погребений начала III тыс. до н. э. Размеры и расположение домов, где были найдены погребения, предполагают, что их обитатели были высокопоставленными лицами, возможно, главами крупных хозяйств. В этих же домах были найдены цилиндрические печати, таблички с учетными записями, что подтверждает предположение о высоком социальном статусе жителей этих домов. Однако такой статус, во всяком случае, в Кеше в 28 в. до н. э., судя по скромному инвентарю в погребениях этих людей, как будто не предполагал особого личного богатства. В каждом из погребений, помимо достаточно простого инвентаря, состоявшего из нескольких каменных и керамических сосудов, орудий, бус, в отдельной нише было уложено более сотни простых глиняных чаш, использовавшихся в то время для выдачи питания работникам или при коллективных трапезах. Количество чаш, помещенных в погребениях (в одном случае это 112, в другом — 120), могло отражать масштабы социальных обязательств, которые покойный, как глава коллектива, нес при жизни, и исполнение которых, возможно, должно было происходить и в загробном мире (Postgate 1977; 1984).

Город Урук в 28–27 вв. до н. э. Кеш был важным городским центром Южной Месопотамии, но ни по площади, ни по количеству населения он не мог сравниться с Уруком. В первые века III тыс. до н. э. Урук оставался самым крупным городом аллювиальной долины и центром самой большой городской системы. Сравниться с ним по площади и населению в это время мог, очевидно, только Лагаш (см. ниже). Собственно город Урук занимал тогда примерно 494 га, из них 400 га были заселены (Mieroop 1995: 94). Здесь находился масштабный административно-храмовый комплекс, имелись общественные здания и многочисленные жилые дома, некоторые из них были двухэтажными. В пределах городских стен помимо общественных и жилых зданий и сооружений находились обширные незастроенные территории, сады, места разработок глины. Население города в это время составляло предположительно от 40 до 50 тысяч человек.

Одним из важнейших источников по истории Месопотамии III тыс. до н. э. является текст, который условно называется Шумерским царским списком

(далее ШЦС)⁷. В нем перечисляются правители I династии Урука, которые правили здесь, вероятно, в начале III тыс. до н. э. Два представителя этой династии, Энмеркар и Лугаль-банда, стали героями цикла сказаний, записанных, по-видимому, в конце III тыс. до н. э. В этих текстах в жанре мифологического эпоса описываются реальные или вымышленные события, происходившие в Уруке в первые века III тыс. до н. э. (Афанасьева 1997). Во всяком случае никакие свидетельства реального исторического существования этих персонажей пока не известны. Шестым правителем I династии Урука по ШЦС был Гильгамеш, историческое существование которого подтверждает ряд памятников. Гильгамеш правил в Уруке, вероятно, в 28–27 вв. до н. э. В это время Урук был окружен мощными двойными стенами длиной более 9 км. Имя Гильгамеша упоминается в списке правителей южномесопотамских городов первой половины III тыс. до н. э., которые принимали участие в периодически проводившихся работах по реконструкции храма Туммалъ (храм богини Нинлиль, супруги бога Энлиля, недалеко от Ниппура) (Glassner 2004: 156 ff.). После смерти Гильгамеш был обожествлен. Его имя фигурирует в списке богов, составленном в Шуруппаке в 26–25 вв. до н. э., также в честь него были названы одни из городских ворот в Лагаше. С именем Гильгамеша связан цикл шумерских сказаний, переработанный позднее в аккадский эпос.

Южная Месопотамия в 26–25 вв. до н. э.⁸ В 26–25 вв. до н. э. межгородская организация (союз городов) Южной Месопотамии включала в себя, вероятно, города Урук, Адаб, Ниппур, Лагаш, Шуруппак и Умма, центром в это время, возможно, был Шуруппак (Pomponio et al. 1994: 11 ff.). Примерно тогда же впервые появились тексты, в которых упоминались не только названия населенных пунктов, но и топонимы, обозначающие отдельные регионы аллювиальной долины. В документах из Шуруппака встречаются по крайней мере два таких названия: *ki.en.gi* и *ukkin.ki* (Wang 2011: 233). Топонимом *ki.en.gi*⁹ в этих

⁷ Данное название отражает содержание текста; в древности он не имел отдельного заголовка и обозначался, как и другие литературные или исторические тексты, по первой строке. ШЦС представляет собой перечень царей и царских династий, которые, по мнению составителей списка, поочередно правили в ряде городов Месопотамии от начала мира и до времени составления списка — конца III тыс. (или его копирования, начала II тыс.?). Указывается имя царя и продолжительность его правления. Иногда эта запись сопровождается небольшими примечаниями, касающимися личности или деяний царя. В конце перечня правителей каждой династии подсчитывается общее число лет ее правления, т. е. пребывания царственности в данном городе.

⁸ Основными источниками для изучения этого периода являются тексты и археологический материал из Шуруппака и Абу Салабиха (Krebernik 1998; Martin 1988; Pomponio et al. 1994; Visicato 1995). Тексты 26–25 вв. из Шуруппака и Абу Салабиха зафиксировали переходный этап развития письменности от архаического с его преимущественно идеографической системой записи и рисуночными знаками к собственно клинописному письму, основанному на совмещении идеографического и фонографического принципов (Козлова 2008).

⁹ Возможно, это название произошло от словосочетания *ki.eme.gi(r)*, т. е. «территория, (где говорят) на шумерском языке» (Postgate 1994: 4). В последние века III тыс. до н. э. Южная Месопотамия, судя по свидетельствам письменных источников, называлась Шумер и Аккад. Эти слова в текстах, записанных на аккадском языке (*māt sumeri ù akkadī*) соответствовали в синхронных шумерских текстах словам *ki.en.gi* и *ki.urī*. Топоним Шумер (акк. *māt sumeri*, шум. *ki.en.gi*) в текстах этого времени обозначал южную половину аллювиальной равнины, а Аккад (акк. *māt akkadī*,

текстах, вероятно, называли юго-западную часть аллювиальной долины, на которой располагались такие города, как Урук, Ур, Ларса, Забалам и некоторые другие. Этот небольшой регион культурно и политически был, вероятно, очень важен для всех городов Южной Месопотамии. Позднее топоним *ki.en.gi* стал служить для обозначения той части Южной Месопотамии, которая получила название Шумер¹⁰.

Термином *ukkin.ki*¹¹ (букв. «место собрания», шум. *ukkin/unken* соответствовало акк. *puhrum* — собрание/ассамблея) в текстах из Шуруппака обозначали, по-видимому, район юго-востока аллювиальной долины, включавший территории городских систем Адаба, Уммы и Лагаша. Источники не говорят о том, почему эта территория называлась именно так, возможно, здесь происходили собрания межгородской организации, либо ею совместно владели Адаб, Умма и Лагаш (не отсюда ли потом возник конфликт Уммы и Лагаша?). Уже в середине III тыс. до н. э. восточная и западная части юга аллювиальной долины носили разные названия. В чем заключались основания для такого деления, неизвестно. Возможно, какое-то значение имело то обстоятельство, что города юго-востока были связаны прежде всего с водной системой Тигра, в то время как другая группа городов на юго-западе Южной Месопотамии была больше связана с Евфратом.

Во всяком случае, начиная с середины III тыс. до н. э. возник или более явно обозначился конфликт в отношениях между «юго-западом и юго-востоком» Южной Месопотамии, который чаще всего проявлялся как конфликт между Уром и Лагашем.

В начале формирования городских систем их территории отделялись друг от друга относительно большими и малозаселенными пространствами степей и болот. Однако по мере роста городского населения и расширения площадей, использовавшихся под земледелие, все более острым становился вопрос земельных границ и принадлежности каналов и протоков, которые снабжали водой население и сельскохозяйственные территории. На границе городской территории стали устанавливать каменные стелы с надписями, фиксировавшими границы владений данного города. Самое раннее упоминание об установке такой стелы связано с именем Месалима, правившего примерно в 26 в. до н. э. О такой же традиции упоминается и в эпосе о Гильгамеше. Примерно с этого же времени неотъемлемой частью политической жизни Южной Месопотамии становятся приграничные конфликты между городами¹².

шум. *ki.uri*) — северную половину, так что «разделительная полоса» проходила в районе Ниппура (Wilcke 1973).

¹⁰ Самый ранний аккадский вариант слова Шумер (*šu-me-ri-im*) встречается в надписи аккадского царя Римуша (2278–2270 гг. до н. э.) (RIME 2, 47).

¹¹ Архаическая форма знака *ukkin* представляла собой изображение большого кувшина, который мог использоваться на общих пирах.

¹² Наиболее известный пример такого рода — отношения между городами Уммой и Гирсу (Лагаш). Их сельскохозяйственные площади по большей части орошались каналами, проведенными от одного и того же восточного ответвления Евфрата, и это вело к постоянным конфликтам между городами, которые продолжались в течение нескольких столетий (Cooper 1983).

Город Шуруппак в 26–25 вв. до н. э. Город Шуруппак, который, согласно ШЦС¹³, был одним из пяти допотопных городов, располагался на одном из протоков Евфрата примерно в 35 км к югу от Абу Салабиха. Город возник сравнительно поздно — в самом конце IV тыс. до н. э., просуществовал около полутора тысяч лет и в начале II тыс. до н. э. был заброшен. Своим быстрым ростом он в значительной степени был обязан удачному местоположению на западном рукаве Евфрата, как раз там, где от реки отходило несколько небольших протоков, соединявших ее западный и восточный рукава. В начале III тыс. до н. э. Шуруппак был, по-видимому, одним из трех самых больших городов на юге аллювиальной долины (наряду с Уруком и Лагашем). В это время его площадь достигала 70 га. Город контролировал значительную прилегающую территорию, на которой располагался целый ряд небольших городков и поселений. На юге она граничила с регионом, подконтрольным Уруку (Martin 1988: 125–126).

К середине III тыс. до н. э. город расширился в западном направлении, заняв площадь до 100 га, а его население могло достигать 30 000 человек (Visicato 1995: 141). Именно к этому времени (26–25 вв. до н. э.) относится большая часть археологических источников (памятников материальной культуры и текстов), дошедших из Шуруппака. По времени этот материал отделен от материала Ура, о котором говорилось выше, на два-три столетия.

Раскопана только часть города. На его территории найдены сравнительно небольшие дома рядовых горожан, а также дома большей площади, в которых, вероятно, жили представители городской элиты, несколько крупных зданий административного характера, точное назначение которых неизвестно. В Шуруппаке не был обнаружен крупный культовый комплекс, но, возможно, такой комплекс существовал в небольшом поселении недалеко от города (Abu Boga), которое не выросло в город, поскольку стратегически располагалось не столь удачно, как Шуруппак (Martin 1988: 125). В ходе раскопок по крайней мере в 25 различных местах города были найдены таблички с текстами (всего 840) и оттисками печатей¹⁴.

¹³ В конце IV — начале III тыс. до н. э. в разных регионах Южной Месопотамии периодически происходили наводнения, связанные с природными катаклизмами (быстрое таяние снегов в Закавказье и/или подъем воды в Персидском заливе в связи с изменениями направления ветра). При проведении раскопок археологи обнаружили, что в некоторых городах слои обитания время от времени перемежались тонкими слоями песка, по-видимому, осевшего из воды, заливавшей город во время наводнения. Наиболее масштабные слои такого рода были найдены при раскопках в Шуруппаке. Предположительно в конце IV — начале III тыс. до н. э. здесь, вероятно, произошло катастрофическое наводнение, воспоминание о котором могло сохраниться в общей ближневосточной традиции сказаний о Потопе. Ранняя историческая традиция Месопотамии связывала сказание о Потопе именно с Шуруппаком. В ШЦС упоминаются имена трех царей Шуруппака, правивших до Потопа.

¹⁴ Почти половина всех табличек из Шуруппака была найдена в большом здании в северной части города, которое археологи назвали «Дом табличек». Здесь размещалась, вероятно, значительная часть архивов крупнейших хозяйств города. На табличках из этого архива упоминаются около 75 % имен, известных по документам, найденным в Шуруппаке. Из остальных 25 % имен 10 % встречаются на табличках неизвестного происхождения, которые, возможно, также принадлежали к этому архиву. Изучение богатейшего письменного и археологического материала позволило выдвинуть некоторые

Возможно, в середине III тыс. до н. э. город был окружен невысокой стеной. Археологи нашли только остатки городских стен конца III тыс. до н. э. Внутри, так же как и в других городах Южной Месопотамии, имелись значительные незастроенные пространства. На резидентных территориях и внутри домов под полами было найдено около 50 захоронений. Тела покойных помещали в овальные глиняные гробы или заворачивали в циновки (так же как в Уре и Абу Салабихе). Инвентарь погребений в Шуруппаке середины III тыс. до н. э. был заметно богаче, чем в погребениях Ура и Абу Салабиха начала тысячелетия, но при этом он достаточно единообразный: керамика — кувшины и некоторое количество чаш, каменные и металлические сосуды, косметические контейнеры из камня и ракушек с субстанциями красного, оранжевого, желтого, зеленого и черного цветов, бусы из камня (в том числе лазурит) и ракушек, редко — каменные и металлические орудия и оружие. Встречаются также печати и небольшие серебряные украшения — кольца, серьги (Martin 1988: 107–109).

Этот период существования города (26–25 вв. до н. э.) был, вероятно, временем его наибольшего экономического процветания. В текстах упоминаются огромные объемы ячменя и других продуктов, которые шли на ежемесячные выдачи горожанам, а также большое количество персонала, занятого в самом разнообразном ремесленном производстве, и множество людей, работа которых была связана с системой водного транспорта. Вероятно, важным источником богатства Шуруппака в это время было не только земледелие, но также торговля. Удачное местоположение города позволило ему в первую половину III тыс. до н. э. контролировать потоки грузов и перевозок по воде на значительной части территории Южной Месопотамии (Visicato 1995: 146).

Городское управление. Тексты из Шуруппака являются самым ранним доступным исследователям источником из Южной Месопотамии, в котором, хотя бы косвенно, отразилась деятельность системы городского управления. Как и другие города Южной Месопотамии этого времени, Шуруппак организационно представлял собой, вероятно, достаточно сложную систему — плотную сеть взаимосвязанных и взаимодействующих хозяйств, объединенных в крупные структуры, которые, в свою очередь, находились под контролем главы города. Таким образом, с точки зрения управления город представлял собой единую хозяйственную структуру, во главе которой стоял правитель (энси), возможно, назначавшийся или избиравшийся из числа городской бюрократической элиты¹⁵. Под контролем городской администрации находилась вся сельскохозяйственная земля городской системы Шуруппака, а в ее распоряжении — почти все производимые населением города продукты (Visicato 1995: 147).

Обязанности прямого управления отдельными хозяйственными сферами города (земледелием, скотоводством, рыболовством, различными видами ремес-

предположения о характере экономической и социальной системы южномесопотамского города, хотя вопросов остается пока больше, чем ответов (Martin 1988; Visicato 1995).

¹⁵ Вероятно, существовал некий высший коллегиальный орган (совет старейшин?), в который входили представители городских кварталов или главы крупных хозяйств. Они могли по жребию периодически избираться на тот или иной высший городской пост.

ленного производства) лежали на подчиненных правителю высокопоставленных чиновниках, которые поочередно в течение определенного срока (возможно, одного года) занимали свою должность, а затем сменялись другими. Промежуток времени, в течение которого чиновник находился на должности, обозначался как *bala PN* («очередь такого-то»). Все административные тексты, которые фиксировали происходившее в это время движение материальных ресурсов, а также заключавшиеся в это время частные договоры датировались по «очереди» (*bala*) данного чиновника. Никто из этих должностных лиц как будто не обладал всей полнотой власти, никто не занимал пост долгое время и некоторые должности исполнялись одновременно несколькими чиновниками (Martin 1988: 127). Многие обозначения должностей чиновников, которые упоминаются в текстах из Шуруппака, встречаются в синхронных и более поздних текстах из других городов Южной Месопотамии: Урука, Гирсу и Уммы (Visicato 1995: 114, n. 74).

Хозяйственная структура. С точки зрения хозяйственной структуры город предположительно представлял собой единую управляемую и контролируемую систему, которая состояла из двух крупных и тесно связанных административно-хозяйственных институтов. Их деятельность контролировалась городской администрацией (Visicato 1995: 137 ff.). В текстах эти институты обозначены как *é.gal*, т. е. «большой дом»¹⁶, и *é.uru*, т. е. «дом-город». Под их управлением находилась вся городская система Шуруппака — и территория собственно города, и прилегающий к городу регион с небольшими поселениями и городками. Эти большие институты, в свою очередь, состояли из отдельных домов-хозяйств меньшего масштаба, которые, очевидно, специализировались в каком-либо виде производства: ремесленного, сельскохозяйственного, рыболовного и т. п.

Дом-город (*é.uru*). В него входили хозяйства, связанные с ремеслом, скотоводством, водным транспортом и рыболовством, в частности большая структура, занимавшаяся организацией и координацией водной транспортной системы, деятельность которой распространялась далеко за пределы города. Еще одна хозяйственная структура — дом быков (*é.gu4*) — занималась разведением и содержанием крупного рогатого скота. Часть персонала другой структуры дома города, которая обозначалась в текстах как дом лугаля¹⁷ (*é.lugal*), была связана

¹⁶ Термином *é* (дом) могли обозначать и жилое строение, и некий хозяйственный институт. Слово-сочетание *é.gal*, букв. «дом большой», обычно переводят термином «дворец», что вызывает ассоциации с резиденцией царя и царской властью. Такое понимание данного термина применимо, вероятно, для более позднего исторического периода, когда в Южной Месопотамии действительно появился институт царской власти. Однако в обычном административном контексте III и даже начала II тыс. до н. э. *é.gal*, скорее, — административная структура, с помощью которой осуществлялось управление определенной территорией за пределами собственно города, и прежде всего, сбор налогов. В рассматриваемый период, т. е. в первой половине III тыс. до н. э., в Южной Месопотамии этот термин обозначал, по-видимому, определенный тип крупной административной структуры, возможно, связанной с управлением не городом, а его периферией, т. е. какими-то сферами городской структуры, которые находились за пределами собственно города.

¹⁷ Термин *lú.gal* (букв. «человек большой»), который позднее стал ассоциироваться с аккадским словом *šarrum* (царь), первоначально означал высокую административную должность, связанную с организацией войска.

со скотоводством (в основном мелкий рогатый скот и ослы), а другая часть — с храмами городских богов. Обе эти сферы, т. е. скотоводство и культовая сфера, в Шуруппаке были тесно связаны (Visicato 1995: 119, 129, п. 99).

Хозяйства городских храмов были, по-видимому, составной частью городской структуры, а чиновники, работавшие в них, вероятно, подчинялись центральной администрации и ею же содержались. Среди храмов наиболее крупными были, судя по документам, фиксировавшим приношения, храм богини Суд и бога Гибил, главных богов города. В текстах, упоминающих эти хозяйства, фигурируют значительные объемы ячменя, скот, земельные наделы и большие группы персонала (Visicato 1995: 128). Территориально они располагались, видимо, в пределах границ городского хозяйства Шуруппака¹⁸.

Персонал дома-города достигал примерно 3600 человек, в нем было более 1200 мужчин-работников (*guruš*), большое количество женщин, детей и стариков. Это составляло почти 20 % всего населения Шуруппака.

Большой дом (*é.gal*). Под управлением «большого дома» находилась значительная территория за пределами города, где располагались десятки небольших поселений, жители которых, вероятно, содержали и разводили скот, но также занимались земледелием и ремеслом. Эти поселения, которые в текстах обозначали термином *im.ru*¹⁹, представляли собой небольшие соседско-родственные общины (Visicato 1995: 147). В хозяйство «большого дома» входило около 40 таких отдельных структур, которые располагались, по-видимому, за пределами собственно города на прилегающих к нему территориях. В каждой из них числилось примерно 60 профессиональных работников, ремесленников определенной профессии или земледельцев. Один из работников занимал должность начальника группы (*ugula*) и руководил ею. Всего в составе таких групп в хозяйстве «большого дома» было более 2000 работников. Кроме того, в этом хозяйстве существовали группы профессиональных работников, в том числе лодочников, прибывавших, предположительно, из других южномесопотамских городов. Всего одновременно было занято примерно от 2500 до 3000 работников.

В рамках этих двух хозяйств (дом города и большой дом) были объединены, по-видимому, основные производственные, материальные и трудовые ресурсы

¹⁸ В текстах из Шуруппака также упоминаются культовые центры (хозяйства) таких богов, как Эниль, Нанна и Уту (*d.en.lil.ki*, *d.EN.ZU.ki*, *utu.ki*; Visicato 1995: 125). В этих хозяйствах, находившихся под контролем городской администрации Шуруппака, занимались разведением скота. Судя по тому, что имена богов в названиях этих центров сопровождались знаком *ki* (букв. «земля»), который обычно сопровождал топонимы, возможно, хозяйства принадлежали городам, где находились главные центры почитания этих богов, или управлялись ими. Тем более что среди персонала были работники, приходившие в Шуруппак из разных городов (Адаб, Гирсу, Ниппур, Умма, Урук). Возможно, в это время именно в Шуруппаке находился центр союза городов (Visicato 1995: 128–129).

¹⁹ «Якобсен и Ландсбергер предлагали такой простой перевод для термина *im.gi.a*, как «клан». Разве не кажется гораздо более логичным, что *im.gi.a* были в сущности глубоко традиционными солидарными группами, в основном сельских жителей, с родственными связями частично реальными, а частично выросшими на длительном проживании в тесном соседстве, со своей внутренней структурой и общими интересами и ценностями, достаточно сильными, чтобы такое объединение было прочным и эффективным» (Gelb 1976: 94).

города. Контролировала и направляла их деятельность особая административная структура, которую возглавлял правитель. Эта структура несла, вероятно, ответственность за производство зерна, разведение скота и снабжение населения материальными ресурсами. В нее входили самые важные городские чиновники и с ней были тем или иным образом связаны городские писцы²⁰. Через эту структуру правитель мог координировать работу всего городского хозяйства (Visicato 1995: 109 ff.).

В текстах есть данные о существовании в городе по крайней мере 15 домов-хозяйств меньшего размера, которыми владели или управляли отдельные лица, названные по именам собственным без указания титула или должности. В табличках, найденных в больших городских домах, принадлежавших, возможно, главам крупных хозяйств, упоминается в одном случае 120 га сельскохозяйственной земли, разделенной для обработки между 26 отдельными лицами, в другом — 100 га (Martin 1988: 89).

Большая часть найденных в Шуруппаке документов представляет собой административные записи, касающиеся полей и плужных упряжек, распределявшихся между отдельными лицами, отчеты о расходовании зерна, лексические тексты. Хозяйства снабжали персонал зерном, выдавали поля и упряжки ослов (Martin 1988: 89). В отчетах о расходе продуктов в различных структурах города упоминаются значительные объемы зерна, которые хранились на общих складах. Помимо зерна на складах хранились продукты скотоводства, рыба, ремесленные изделия: ткани, одежды, медные предметы, медь, серебро. Эти ресурсы администрация расходовала на выдачи различным лицам или на хозяйственные надобности (Krebernik 1998: 310–311). Город через свои административные структуры обеспечивал работой множество людей. Однако тексты не содержат почти никаких сведений о том, как административные структуры были вовлечены в процессы производства и как на практике осуществлялись эти процессы в земледелии, скотоводстве и ремесле.

Горожане. В документах из Шуруппака упоминается около 2000 имен собственных. Большая часть этих имен — шумерские, 2–3 % из них можно с уверенностью отнести к семитским (Krebernik 1998: 264). Среди горожан встречаются имена представителей таких должностей или профессий, как писцы, чиновники разных уровней, придворные служители, музыканты, торговые агенты, земледельцы, садовники, пастухи, рыбаки, ремесленники (столяры, кузнецы, кожевники, судостроители, резчики камня, ткачи, мукомолы, булочники, пивовары, цирюльники, работники мельницы) (Visicato 1995: 130). Персонал

²⁰ Писцы играли особенно важную роль в системе городского управления. Упоминание этой должности впервые появляется именно в текстах из Шуруппака. Писцы не просто составляли документы, в их обязанности, вероятно, входил и контроль за отдельными этапами производства и распределения. В текстах из Шуруппака упоминается не менее 90 имен профессиональных писцов (Visicato 1995: 141). Эта сфера деятельности, по-видимому, постоянно совершенствовалась, о чем говорит и большое количество найденных в Шуруппаке административных документов (по сравнению с Уром), и единообразный характер их оформления. Большая часть найденных в городе текстов представляет собой достаточно четко оформленные хозяйственные записи, которые фиксировали разные моменты деятельности отдельных крупных хозяйств (домов).

крупных хозяйств (вероятно, это были дом города и большой дом) составлял основную часть населения Шуруппака. В административных текстах все жители города, и простые работники, и высшие чиновники, могли обозначаться общим термином «мужчина-работник» (*guruš*).

Принадлежность к определенному хозяйству и исполнение своих обязанностей (должностных или профессиональных) в рамках данного хозяйства давала право жителю Шуруппака на пользование земельным наделом определенной площади и/или (в зависимости от статуса и характера служебных обязанностей) на получение содержания/выдач. Большинство тех, кто получали от своих хозяйств земельные наделы, рабочий скот и посевное зерно, обрабатывали эти наделы, вероятно, с помощью своей семьи, а часть полученного урожая сдавали в общий фонд. Однако для полевых работ на более значительных по площади участках, выдававшихся в качестве служебных наделов чиновникам или главам профессиональных групп, администрация могла выделить работников из числа своего персонала, и она же обеспечивала этих работников содержанием (Visicato 1995: 44–47).

Профессиональный и социальный статус, по-видимому, передавался по наследству в рамках семьи или родственной группы. Горожане, имевшие право на пользование земельным наделом, передавали это право со всеми обязательствами по исполнению трудовой и воинской повинности своим сыновьям. Работники, жившие на выдаче, также передавали сыновьям свою служебную позицию (Wilcke 1998: 38).

Социальная структура общества была, вероятно, комплексной, присутствовали разные социальные группы, различавшиеся по уровню прав и обязательств в отношении города. При этом характер погребений достаточно единообразный и напоминает материалы такого же рода из Абу Салабиха.

Частно-правовые договоры²¹. В 26–25 вв. до н. э. у некоторых жителей Шуруппака появилась возможность (или необходимость) передачи прав на владение недвижимостью²². От этого времени сохранилось более 40 договоров такого рода (25 касаются полей и 18 — домов). Судя по месту их нахождения (они были найдены рассыпанными небольшими группами по всей резидентной территории), договоры, записанные на глиняных табличках, хранились в домах отдельных лиц (Martin 1988: 89; Zettler 1998: 4). Право участвовать в сделке

²¹ Самые ранние договоры, в которых письменно фиксировались сделки, связанные с передачей прав владения на земельные участки, были записаны на камне (Gelb et al. 1991). Они содержали описание передаваемого объекта (площадь, местоположение), имена продавца и покупателя, описание платежа и упоминание о пире. В группе знаков, обозначающих пир, присутствует знак кувшина особой формы, в котором хранили алкогольные напитки. Это хорошо согласуется с более поздними свидетельствами из Шуруппака, в соответствии с которыми сделки по передаче прав на владение недвижимостью также заканчивались пиром (Wilcke 2003: 165).

²² Договоры из Шуруппака и сходные по содержанию синхронные тексты из Урука и других городов имели четкую единообразную форму. Сначала шло описание различных составных частей платежей и сравнительных качеств объекта договора. Размеры платежей были, вероятно, связаны с площадью недвижимости. В отношении полей платежи (если они производились в меди) составляли 2 мины (1 кг) меди за 1 ику (0,3 га) поля. Площадь продаваемых полей колебалась от 60 сар до 41 ику, в среднем она составляла 8 $\frac{1}{3}$ ику, т. е. не превышала 3 га.

с недвижимостью (в роли продавца, покупателя или свидетеля) распространялось, судя по анализу просопографии, только на очень небольшую часть горожан (Martin 1988: 127, 118–9; 1975: 175).

Полями и домами в городе, по-видимому, владели и распоряжались не индивидуальные лица, а большие родственные и соседские группы. Судя по тексту договоров, сделки совершались между отдельными лицами, выступавшими в качестве продавцов (их число колебалось от 2 до 5) и покупателей, однако активное участие в них принимали и другие представители сообщества (Gelb 1976: 54–56). Поскольку продаваемый участок или дом являлся, вероятно, частью общих земельных владений, то покупатель был обязан не только вознаградить продавца, но и получить согласие группы на передачу прав на владение. Представители группы выступали свидетелями при заключении сделки, получали от покупателя дары и плату и, видимо, принимали участие в торжественной трапезе (пире), которой завершалась сделка. В тексте договора в качестве датировки указывалось имя того высокопоставленного городского чиновника, в период службы которого (бала) была заключена сделка (Martin 1988: 120; Visicato 1995: 95).

Шуруппак и союз городов. В 26–25 вв. Шуруппак входил, вероятно, в группу южномесопотамских городов, объединенных в некий союз (см. выше) и подерживавших партнерские отношения между собой. Культовым центром этого союза был Ниппур, а роль хозяйственного или политического координатора, возможно, переходила от города к городу. В рассматриваемый период таким центром был, очевидно, Шуруппак (Visicato 1995: 124–130). Именно в 26–25 вв. до н. э. в текстах из Шуруппака и Абу Салабиха впервые появился топоним *ki.en.gi*, обозначающий, по-видимому, территорию, которую занимала эта группа городов. В текстах упоминается и выборный (назначенный?) управитель этой территории (*ensí.gar ki.en.gi*) (Krebernik 1998: 238–239, 242).

Чиновники и ремесленники из разных городов Южной Месопотамии (Адаб, Кеш, Умма, Урук, Ниппур) периодически приходили на какие-то работы в Шуруппак и получали здесь довольствие от городской администрации (Visicato 1995: 140–141). В то же время, судя по спискам полей, в окрестностях Шуруппака располагались поля, которые числились за представителями Адаба, Уммы и Лагаша²³. В текстах упоминаются также большие группы работников (1200, 1600 человек) из числа жителей Шуруппака и союзных с ним южных городов, привлекавшиеся для осуществления каких-то общих проектов.

Один из последних по времени документов этого периода из числа найденных в Шуруппаке содержит информацию о том, что 6580 мужчин-работников были мобилизованы, вероятно, для военной службы. Часть этих людей вместе с их начальниками была рекрутирована от двух крупнейших хозяйств Шуруппака, а около 4000 человек прибыли из других городов Южной Месопотамии.

²³ Сходная ситуация засвидетельствована в синхронных документах из других городов Южной Месопотамии. В тексте из Абу Салабиха, зафиксировавшем распределение полей, среди держателей упоминается энси, по-видимому, из Урука, а в тексте из Забалама упоминаются как держатели полей энси из Ниппура и Адаба и чиновник из Урука (Powell 1978: 24 ff.).

Это, возможно, самое раннее известное нам свидетельство о мобилизации мужчин-работников из нескольких городов Южной Месопотамии для военной службы (Visicato 1995: 144). Все эти люди, вероятно, получали содержание мукой и ячменем со складов, располагавшихся в северной части города. Зерно хранилось здесь более чем в 30 специальных ямах-хранилищах глубиной до 8 м и шириной 4 м. Ямы были обнесены двумя рядами кирпичей и, вероятно, имели общую крышу. Каждая из ям имела емкость около 100 куб. м. Этим зерном можно было в течение 6 месяцев кормить около 20 000 человек.

Два раза в текстах из Шуруппака, к сожалению, плохо сохранившихся, упоминаются 160 000 мужчин-работников (*guruš*). Эта цифра превышает все население Шуруппака в 6–10 раз. Возможно, в Шуруппаке располагался главный военный лагерь союза городов. Мобилизация такого большого количества мужчин могла быть связана с необходимостью организации общей защиты или нападения²⁴. Это предполагает наличие серьезной военной угрозы, однако, кто был тот враг, с которым столкнулась эта группа городов Южной Месопотамии, и какова была природа конфликта, неизвестно (Visicato 1995: 144).

В 24 в. до н. э. город Шуруппак сильно пострадал от пожара. Это могло быть результатом военного поражения, нанесенного союзу городов. Возможно, главным соперником Шуруппака был Ур, правители которого как раз в рассматриваемый период стали претендовать на власть над всем югом аллювиальной долины (Krebern timer 1998: 242, п. 60). Во всяком случае, лидерство Шуруппака в Южной Месопотамии на этом, по-видимому, закончилось²⁵.

Город Ур в 26–25 вв. до н. э. Нельзя однозначно утверждать, что именно Ур был виновен в разрушении Шуруппака, поскольку нет никаких документальных свидетельств на этот счет. Однако вполне возможно, что Ур был одним из тех городов, которые выиграли от исчезновения Шуруппака с политической арены Южной Месопотамии. Именно к Уру, по-видимому, перешел контроль над морской торговлей в зоне Персидского залива (Дильмун, Маган и Мелухха). Находки в наиболее богатых погребениях Ура этого времени говорят об изобилии здесь материалов и ремесленных изделий с территории современных Ирана, Афганистана и особенно стран залива. Серьезный военный конфликт, затронувший, вероятно, в (конце?) 25 в. до н. э. значительную часть территории Южной Месопотамии и вызвавший упадок Шуруппака, как будто никак не отразился на Уре. В археологических слоях этого времени здесь нет никаких

²⁴ В текстах, которые упоминают отряды гурушей, часть из них обозначена как «беглые» или «пропавшие», что было, вероятно, связано с военными действиями (Visicato 1995: 70).

²⁵ В 24–23 вв. до н. э. Шуруппак практически не упоминается в многочисленных описаниях военных конфликтов, о которых рассказывают надписи городских правителей того времени. По-видимому, он был под контролем более сильного города. Мало что известно о Шуруппаке 23–22 вв. до н. э. В конце III тыс. до н. э. город был центром одной из провинций государства III династии Ура. В частности, судя по одному из отчетных документов того времени, в сезон уборки урожая 1200 мужчин-работников из Шуруппака были направлены на работы в окрестностях Ниппура. В 21 в. до н. э. город окружили новой стеной, но около 2000 г. до н. э. он оказался окончательно заброшен. Упадок, вероятно, был в значительной степени связан с ухудшением экологической ситуации в регионе (см. ниже). После этого топоним Шуруппак упоминался только в литературных и школьных текстах.

следов разрушения. Город активно развивался и во время лидерства Шуруппака, и после его падения.

В середине III тыс. до н. э. город Ур занимал площадь примерно 50 га, и в нем проживало более 10 000 человек. К этому времени Ур, по-видимому, значительно продвинулся в хозяйственном развитии по сравнению с предшествующим периодом, первыми веками III тыс. до н. э., когда жизнь населения базировалась почти исключительно на местных ресурсах: производстве зерна, скотоводстве и рыболовстве (см. выше). От этого времени не дошло почти никаких письменных памятников, кроме нескольких очень кратких царских надписей. Отсутствие в распоряжении исследователей документов, административных архивов, несомненно существовавших, в значительной степени связанное с особенностями производившихся здесь археологических раскопок, во многом компенсируется богатейшими памятниками материальной культуры, сохранившимися от этого времени.

В юго-восточной части города был обнаружен небольшой некрополь, который просуществовал здесь в течение нескольких сотен лет (Pollock 2007). Лучшее всего сохранились и были раскопаны археологами слои 26–25 вв. до н. э., где находилось примерно 153 погребения, в которых в течение 100–150 лет были похоронены около 600 человек. Судя по небольшому количеству погребений, здесь хоронили далеко не всех жителей Ура. По-видимому, некрополь был предназначен для захоронения определенной группы людей, преимущественно взрослых (детские захоронения составляют менее 1 %). Таким образом, в 26–25 вв. до н. э. среди городского населения Ура (и, вероятно, других городов Южной Месопотамии) была небольшая группа людей, которых хоронили в отдельном (от остальных горожан) некрополе. Погребенные в нем составляли примерно 0,3 % всех умерших за это время горожан (Pollock 2007: 98 ff.).

Большая часть погребений некрополя (137) не выделяется из обычной погребальной практики Южной Месопотамии того времени. Тела, помещенные в глиняные гробы или завернутые в циновки, закапывали в землю. Почти во всех случаях захоронения были одиночными. Инвентарь погребений был обычным: керамика, каменные сосуды, предметы из меди, украшения. В некоторых захоронениях были найдены отдельные дорогостоящие изделия из драгоценных металлов и камней, но эти единичные предметы роскоши не шли ни в какое сравнение с инвентарем так называемых «царских гробниц». Эти гробницы состояли из подземной наклонной шахты и одной или нескольких погребальных камер, которые сверху перекрывались каменным или кирпичным ложным сводом²⁶.

Горожан, погребенных в 16 «царских гробницах», сопровождали в потусторонний мир колоссальные богатства, драгоценные украшения и утварь, вероятно, окружавшая их при жизни: предметы мебели, посуда, сделанные из золота предметы для персонального использования (трубочки для питья),

²⁶ Подробное описание «царских гробниц» приведено самим Л. Вулли (Woolley 1934). См. также: Дьяконов 1983: 176–181; Ллойд 1984: 114–118.

музыкальные инструменты, богато украшенное оружие, доспехи и повозки. Значительная часть оружия и доспехов была изготовлена из золота и не предназначалась для практического использования (золотой шлем-парик, золотые кинжалы и ножны для них). По-видимому, это были декоративные, церемониальные изделия. То же можно сказать и о найденных в погребениях инструментах и орудиях труда, изготовленных из драгоценных металлов (золотые и медные пилы, сверла, зубила, серебряные веретена с грузилами из лазурита и т. п.). Большинство предметов погребального инвентаря было сделано из привозных материалов — золота, серебра, меди, лазурита и драгоценного дерева. Отдельные семьи, принадлежавшие к городской элите, аккумулировали, по-видимому, колоссальные богатства, которым не всегда могли найти применение. Так, драгоценный лазурит в погребениях использовался как строительный материал или просто лежал в гробницах большими кусками.

Еще больше о власти и авторитете людей, погребенных в этих гробницах, говорит тот факт, что в последний путь покойного сопровождали несколько десятков приближенных (до 74 человек), насильственно убитых или принявших смерть по своей воле. Возможно, это были те, кто занимал какие-то культовые или управленческие посты в хозяйствах, главами которых были владельцы гробниц (Cohen 2005: 80; Zettler 1998).

Судя по расположению в погребальных камерах самих владельцев гробниц, сопровождавших их лиц и погребального инвентаря, здесь воспроизводилась обстановка, сопровождавшая погребенных при жизни. Возможно, это была ритуальная версия праздничного пира как самого важного социального и культового события. Такого рода ритуал погребения представителей высшей городской элиты, судя по материалам некрополя, повторялся в Уре множество раз на протяжении по крайней мере ста лет²⁷.

Лагаш в 25–24 вв. до н. э. Примерно в середине III тыс. до н. э. произошло, вероятно, значительное изменение водного баланса Евфрата на территории Южной Месопотамии. Западный рукав реки, на котором располагались такие города, как Киш, Ниппур, Шуруппак, Урук и Ур, стал менее полноводным, тогда как восточный проток, на котором стояли Адаб, Умма и Лагаш, напротив, сделался более полноводным и превратился в главную водную артерию региона. Эти изменения, происходившие, конечно, не одновременно, постепенно привели к ухудшению издавна сбалансированных условий хозяйствования и существования в некоторых регионах юго-запада аллювиальной долины.

²⁷ Существуют разные точки зрения относительно этого феномена. Л. Вулли, который обнаружил гробницы, считал, что подобная практика была основана на существовании персональных связей лояльности и зависимости. Возможно, таким образом представители городской элиты и особо приближенные к покойному лица приглашались разделить заупокойный пир со своим умершим главой или старшим родственником (Pollock 2007; Cohen 2005). И в обстановке погребальных камер, и в утвари, сложной здесь (кувшины, посуда), воспроизводится та же сцена пира, изображение которой очень часто встречается на плакетках и печатях этого времени. Как и на изображениях, участников пира (последнего на земле или пира в загробном мире?) сопровождали музыканты, слуги, воины. Желание людей быть похороненными в «царских гробницах» могло быть и результатом «подкупа» в форме обещания особых похоронных и постпохоронных ритуалов (Pollock 1991).

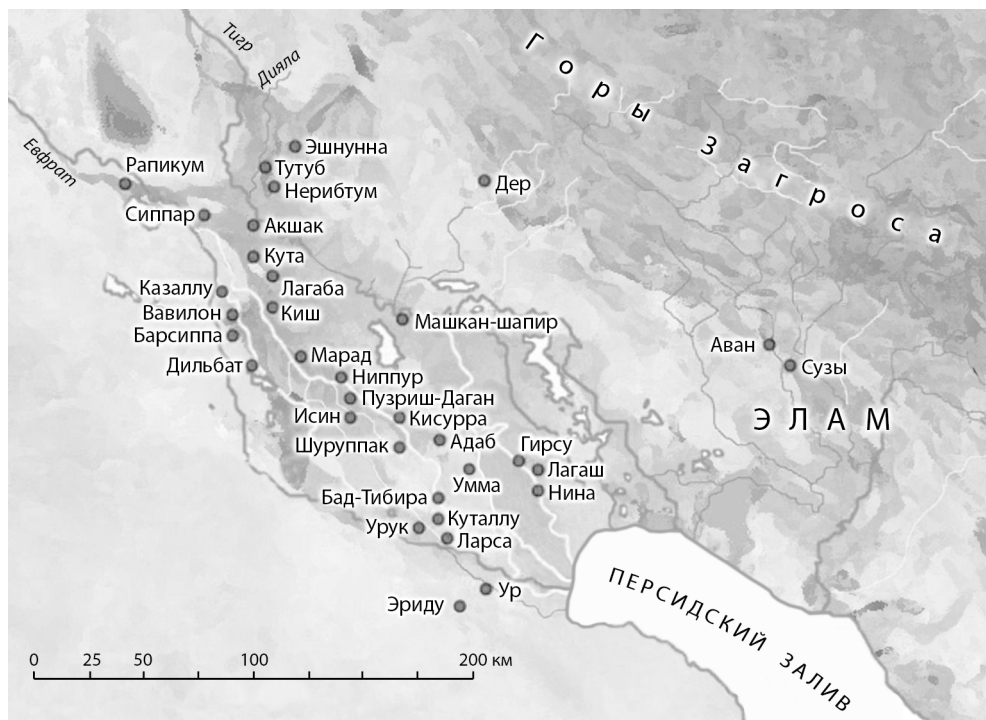
В частности, город Шуруппак и его окрестности потеряли значительное количество обрабатываемой земли, здесь уменьшилась продуктивность сельского хозяйства и, что очень существенно, был утерян контроль над важнейшими транспортными путями (Martin 1988: 14; Visicato 1995: 144). Возможно, с этими экологическими изменениями было в какой-то степени связано явное возвышение в середине III тыс. до н. э. ряда городов юго-востока, в частности Лагаша и Уммы.

Сведений об истории городов юго-востока Южной Месопотамии, прежде всего об истории города Лагаша до 25 в. до н. э., сохранилось очень мало. На навершии votivной булавки, найденной в Гирсу (Телло), сохранились надпись Месалима, в которой он называл себя лугалем Киша²⁸, и имя энси Лагаша Лугаль-шаг-энгура, бывшего в это время (26 в. до н. э.), видимо, в подчинении у Месалима (SARI I, 19). Имя другого лагашского правителя, Энхегалья, известно по договору о покупке земли (ELTS 111), в котором он называет себя лугалем Лагаша.

В первой половине 25 в. до н. э. (возможно, в правление некоего Гуниду, отца основателя I династии Лагаша Ур-Нанше) несколько самостоятельных ранее городов со всеми окружающими их землями (Лагаш, Гирсу, Нина/Нимин, Гуабба) составляли единую политическую и хозяйственную структуру, занимавшую весь юго-восток Южной Месопотамии. На этой обширной территории в 4–5 тысяч кв. км располагались города и селения, пахотные земли, сады, огороды, пастбища. Огромные пространства были заняты болотами с тростниковыми зарослями, степными участками, прибрежными территориями Персидского залива (см. карту 2, с. 88). Объединение нескольких городских систем в единый, централизованно управляемый регион позволяло сконцентрировать огромные материальные и трудовые ресурсы и контролировать всю территорию, по которой шло движение торговых грузов, прибывавших из залива в гавань Гуабу и оттуда доставлявшихся по судоходным каналам в города Лагаш и Гирсу. Население этого региона составляло в 25–24 вв. до н. э., вероятно, более 100 000 человек. Хотя сам город Лагаш был, по-видимому, гораздо меньше соседних городов Гирсу и Нимин, именно он дал название всему региону (возможно, потому, что в момент объединения этот город был его политическим центром, позднее эта роль перешла к Гирсу)²⁹.

²⁸ В середине III тыс. до н. э. правители южномесопотамских городов для обозначения своего статуса использовали в надписях несколько разных терминов: en, ensi, lugal. Был ли выбор того или иного термина связан с какими-то конкретными оттенками его содержательного наполнения, или он был обусловлен местной традицией, точно не известно (Michałowski 2008: 33).

²⁹ В дальнейшем, упоминая объединенную территорию юго-востока, мы будем использовать топоним Лагаш, а говоря о городе Лагаше — словосочетание «город Лагаш». Культовым центром региона был, скорее всего, город Гирсу, поскольку именно его называют в текстах «священный город» (uru.kù). Гирсу периодически служил резиденцией правителя и, возможно, был административным центром. Однако политическим центром региона во все времена его существования был, вероятно, все-таки город Лагаш. Правители объединенного региона в надписях называют себя «энси Лагаша» или «лугаль Лагаша». Правда, после войны с правителем Уммы Лугаль-загеси, когда город Лагаш был разрушен, последний представитель I династии Лагаша Урунимгина некоторое время еще правил в избежавшем разрушения городе Гирсу, называя себя «лугаль Гирсу» (lugal girsu.ki).

Карта 2. Южная Месопотамия в начале II тыс. до н. э. Основные топонимы, упоминаемые в тексте

Объединение такой большой территории в единую политическую и хозяйственную структуру происходило, очевидно, постепенно и достаточно мирно. В какой-то степени оно стало продолжением на новом историческом этапе тех процессов культурно-хозяйственной унификации, которые были характерны для Южной Месопотамии еще в V тыс. до н. э., а в конце IV тыс. до н. э. привели к возникновению здесь союза городов.

Документального материала от первых веков III тыс. до н. э. из региона юго-востока почти нет, так что проследить, каким образом здесь шли процессы объединения, очень трудно. Однако сохранились свидетельства об изменениях в городских пантеонах юго-востока, которые происходили в этот период, во многом, вероятно, под влиянием пантеонов важнейших культовых центров Южной Месопотамии, сначала Урука, а позднее Ниппура.

Во второй половине IV тыс. до н. э. многие города юго-востока, прежде всего Лагаш и Гирсу, входили в состав союза городов и находились под сильным экономическим и культурным влиянием Урука, который в то время был культовым центром союза. Пантеон Урука возглавляли боги Ану и Инанна. Пантеон города Лагаша изначально возглавляла богиня Гатумдуг, иногда выступавшая в текстах как «мать города Лагаша» (*ama lagaš.ki*), что свидетельствует об исключительной древности ее культа. Вероятно, под влиянием культовых традиций Урука в начале III тыс. до н. э. Лагаш позаимствовал культ богини

Инанны. Центральный храмовый комплекс города Лагаша был назван Эанна, так же как святилище Инанны в Урук³⁰.

В другом важнейшем городе юго-востока Южной Месопотамии, Гирсу, главным божеством изначально была, очевидно, богиня Бау. Именно ей принадлежал самый ранний храм Гирсу, располагавшийся на возвышенности над берегом Тигра. Позднее, в связи с продолжавшимся формированием города и расширением его территории, для богини был построен другой храм ближе к центру. В ее функции стали входить дела по управлению городом, и к ее имени стали добавлять эпитет «госпожа Гирсу» (*nin.girsu*). Со временем, вероятно, в первые века III тыс. до н. э., функция управления городом была перехвачена у нее мужским божеством (возможно, это был ее муж или антагонист, или и тот, и другой), для которого эпитет к имени богини Бау, «госпожа Гирсу», стал именем собственным — Нингирсу (Heimpel 2002).

После того как произошло объединение Гирсу с Лагашем, главным божеством объединенного региона стал бог Нингирсу, а богиня Бау, считавшаяся теперь дочерью бога Ану, стала его супругой. Также дочерью бога Ану начала считаться и главная богиня города Лагаша Гатумдуг. Позднее, когда культовый центр союза городов окончательно переместился в Ниппур, пантеон Лагаша стал все более адаптироваться к ниппурскому пантеону, а Нингирсу превратился в сына бога Энлиля, главного бога Ниппура (Selz 2008). Правители Лагаша середины III тыс. до н. э. рассматривали свой регион как ту часть территории Южной Месопотамии, находившейся во владении бога Энлиля, которую он передал под контроль своему сыну, богу Нингирсу.

Основатель I династии Лагаша (правление продолжалось примерно с 2500 по 2312 г. до н. э.) Ур-Нанше, так же как впоследствии и его преемники, активно занимался строительной деятельностью. Во время его правления были реконструированы и заново украшены многочисленные храмы в разных городах региона, во многих из них торжественно водружались статуи правителя, были прорыты новые и реставрированы многие старые каналы, Ур-Нанше одержал также ряд важных военных побед³¹. Главными соперниками Лагаша в это время были, вероятно, Ур и Умма. В надписи, описывавшей самые важные события

³⁰ Можно вспомнить, что и в Ниппуре в это время был построен мощный храмовый комплекс богини Инанны.

³¹ Самая подробная информация о военной и строительной деятельности Ур-Нанше содержится в надписи на каменной плите (SARI I, 24). На одной ее стороне сообщается о строительных проектах (11 храмов и городская стена Лагаша), прорытых каналах и воздвигнутых статуях. Надпись на другой стороне плиты посвящена военной деятельности Ур-Нанше. Это самое раннее сохранившееся описание военной победы, одержанной городским правителем Южной Месопотамии. Сначала Ур-Нанше сообщает, что он пошел войной против Ура и Уммы, а затем подробно описывает достигнутые им успехи. Сообщая о победе над Уром, он перечисляет имена и должности пяти высших военачальников вражеского войска, которые были взяты в плен и казнены («он воздвиг могильный холм (над ними)»). То же самое говорится и в отношении Уммы, при этом среди пяти взятых в плен и казненных уммийских военачальников, перечисленных по именам и должностям, упомянут и энси Уммы, Пабильтгалтук. О мотивах этой военной кампании нам ничего не известно, она могла быть связана с разгоравшимися пограничными конфликтами, особенно обострившимися при наследниках Ур-Нанше. В начале текста Ур-Нанше дважды назван лугалем Лагаша, а далее о нем говорится как о «человеке (*lú*) Лагаша», который победил «человека Ура» и «человека Уммы».

его правления (SARI I, 24), Ур-Нанше сообщает, что его войско разбило сначала войско правителя Ура, а затем — правителя Уммы, и перечисляет имена взятых в плен и казненных военачальников этих городов. Объединение в надписи Ура и Уммы как противников Лагаша, возможно, одно из самых ранних свидетельств существования альянса между Уммой и городами юго-запада, направленного против Лагаша.

Эти победы, однако, не сопровождались захватом территории побежденных городов. Военные действия против Ура были связаны, скорее всего, со стремлением убрать главного соперника в морской торговле с заливом. Что касается Уммы, то конфликт по поводу приграничных земель возник между Лагашем и Уммой задолго до Ур-Нанше. Споры по этому поводу шли с середины 26 в. до н. э., когда арбитром в этом споре выступил Месалим, царь города Киша (или царь Адаба?)³². Его посредничество примирило соперников, но ненадолго, и военные действия между этими двумя городами, то затихая, то вновь разгораясь, продолжались и в 25–24 вв. до н. э. — вплоть до завоевания юга Саргоном (см. ниже).

Со времени прихода к власти Ур-Нанше должность правителя Лагаша (*ensí*) стала фактически наследственной³³. И он сам, и его преемники, судя по сохранившимся надписям, выступали как единоличные правители, главной задачей которых было строительство и реконструкция храмов, проведение новых и реставрация старых каналов. В случае серьезных военных конфликтов правители брали на себя роль военных предводителей и для обозначения своих военных функций могли, вероятно, взять себе еще и титул «лугаль»³⁴. При этом традиция выборности правителя не была забыта. По крайней мере два представителя I династии Лагаша (Энметена и Уруинимгина) упоминают в своих надписях о том, что они были избраны на высокий пост «рукой божества» из числа жителей Лагаша (SARI I, 64; 70 ff.). Возможно, такого рода выборы проводились с помощью предсказаний по печени жертвенного животного³⁵. Судя по надписям, при вступлении на престол новый правитель получал подтверждение законности своих прав от главных богов всех некогда объединившихся городов. Во всех главных городах региона от его имени строились и обновлялись храмы, постоянно происходил обмен дарами между главными храмами городов, устраивались общие религиозные праздники и процессии.

Главной задачей правителя было поддержание экономического и социального порядка. Под его контролем находились все структуры огромного хозяй-

³² В надписи Энметены, четвертого преемника Ур-Нанше, подробно описывается история конфликта. Согласно этому тексту, описывающему события далекого прошлого, бог Энлиль установил границы между владениями бога Нингирсу (главный бог Гирсу-Лагаша) и бога Шара (главный бог города Уммы), а Месалим, лугаль Киша, измерил территорию и установил каменную стелу с надписью на границе земель (SARI I, 24).

³³ Пять преемников Ур-Нанше были его прямыми родственниками, три последних правителя династии принадлежали, вероятно, к другой ветви этой же семьи.

³⁴ Как это произошло с Гильгамешем. Гильгамеш, который носил титул *en*, в преддверии неизбежного военного конфликта с Кишем был назначен представителями городского собрания предводителем войска и получил титул *lugal* (Cooper 1981).

³⁵ См. ниже раздел Лагаш при Гудеа, таким путем выбирались кандидаты на главные культовые и административные должности в храмовых хозяйствах Лагаша.

ственного механизма, состоявшего из отдельных административных единиц или крупных хозяйств, большинство из которых номинально принадлежали отдельным богам, а фактически находились под управлением гражданских чиновников. Правитель был главным распорядителем сельскохозяйственных земель, он же устанавливал размеры налогов и повинностей с каждого крупного хозяйства и мог, по-видимому, освобождать некоторые из них от уплаты налогов. При строительстве новых храмов он выделял им пахотные земли, вероятно, с соответствующим количеством персонала³⁶.

С точки зрения экономической лагашский регион представлял собой, по-видимому, единую структуру, состоявшую из ряда крупных хозяйств, в рамки которых была интегрирована большая часть культурных земель территории, так же как и большая часть его населения. Каждое такое хозяйство, в свою очередь, также представляло собой структуру из отдельных хозяйств меньшего размера. Большая часть пахотной земли в них обрабатывалась административно. Остальная земля частично распределялась как наделы среди персонала, частично сдавалась в аренду за долю урожая представителям своего же персонала (см. ниже). Площадь надела зависела от статуса, профессии или должности конкретного индивидуума³⁷.

Помимо культурных сельскохозяйственных земель, на обширной территории региона располагались малоосвоенные болотистые и степные пространства, не входившие в состав крупных хозяйств. Здесь в редких, далеко разбросанных друг от друга деревнях и хуторах могла проживать небольшая часть населения региона: земледельцы, пастухи, морские рыбаки, на которых администрация старалась по мере возможности также распространить свой контроль³⁸.

Город Гирсу. В 24 в. до н. э. хозяйственным и политическим центром региона Лагаш и резиденцией его правителя стал город Гирсу. Здесь находился, вероятно, и главный архив администрации правителя, где хранились документы,

³⁶ В надписи, сообщающей о том, как Энметена построил или отреставрировал (?) храм бога Энлиля, упоминаются три участка сельскохозяйственных земель площадью более 600 га, которые были переданы им в распоряжение храма (SARI I, 63). Сходная ситуация упоминается в одной из надписей Гудеа, правившего в Лагаше в 22 в. до н. э. После того как был построен храм Нингирсу Эннинну, Гудеа предоставил ему более 100 га сельскохозяйственной земли на берегу канала и освободил его хозяйство от уплаты налогов и исполнения трудовой повинности (RIME 3/1, 60).

³⁷ Правитель и члены его семьи имели право на очень большие по площади поля. Предпоследний представитель I династии Лагаша Лугаль-анда располагал наделом в 208,5 га; Шагшаг, жена его преемника, — 323,9 га. Простые горожане (ремесленники, пастухи, рыбаки) получали как минимум 0,7 га на человека (Steinkeller 1999: 294).

³⁸ Так, речные рыбаки, которые жили в Гирсу и могли заниматься своим ремеслом в окрестностях города, получали от хозяйства, к которому были приписаны, земельные наделы и участвовали в общественных работах. В то время как морские рыбаки, жившие далеко на побережье, земельных наделов от хозяйства не имели, но периодически получали продукты (зерно, масло), когда поставляли в центр определенное количество морской рыбы и другой речной и морской живности. Чтобы контролировать эти процессы, последний правитель I династии Урунимгина даже издал специальный указ, устанавливавший обязательства по поставке рыбы от рыбаков, которые жили на берегу Персидского залива, вдали от администрации Лагаша. Каждый рыбак должен был принести к празднику Нового года определенное количество рыбы разных видов и рыбьего жира и пять раз в течение каждых двух лет поставлять к столу правителя определенное количество сушеной и свежей рыбы (Steinkeller 1996: n. 13).

связанные с деятельностью подконтрольных ей крупных хозяйств (Maekawa 1973: 4). Сохранившиеся 1600 табличек из этого архива — самая большая группа документов того времени — освещает в некоторой степени деятельность одного из крупных хозяйств лагашского региона в правление трех последних представителей I династии Лагаша³⁹. Эти документы касаются вопросов регистрации и описания полей и угодий, переписи и учета рабочей силы, поступлений и выдач, в частности, натурального довольствия.

Хозяйство «дом женщины» (é.mí). Хозяйство, которое в текстах называется é.mí, буквально «дом женщины», находилось под управлением жены правителя и представляло собой своего рода должностное держание. При смене правителя управление хозяйством переходило к супруге нового энси. Хозяйства с таким же названием были в это время, вероятно, и в других городах Южной Месопотамии. При последнем правителе I династии Лагаша Уруинимгине хозяйство é.mí стало называться «дом женщины богини Бау» (é.mí d.bau), которая считалась супругой Нингирсу, главного бога Лагаша. В текстах это хозяйство чаще всего называли просто «дом богини Бау» (é d.bau). После переименования в хозяйстве сохранилась прежняя структура управления, тот же административный персонал. Неизменной оставалась и административная практика.

Хозяйство охватывало примерно 4000–5000 га пахотной земли, большая часть которой находилась, вероятно, в окрестностях города Гирсу⁴⁰. Однако отдельные участки могли располагаться и в других частях региона, по-видимому,

³⁹ Именно эта группа документов являлась основным источником сведений для первых исследователей, занимавшихся изучением социально-экономической истории Южной Месопотамии III тыс. до н. э., и послужила основой для ее реконструкции (Козырева 2008: 359 сл.). Согласно предположениям А. Даймеля и А. Шнайдер, впервые изучивших эти тексты, архивы Гирсу представляли собой административные записи хозяйства храма богини Бау, который эти два исследователя считали вторым по важности храмом региона Гирсу-Лагаша. Лагаш был описан ими как храмовое государство, где вся земля номинально находилась во владении богов, а фактически — в руках жречества. Эта гипотетическая картина, полученная в результате изучения одного архива, была спроецирована на всю территорию Южной Месопотамии и на все периоды ее истории в III тыс. до н. э. Термины, предложенные авторами (храмовое государство, храмовая экономика и др.), стали широко использоваться для описания характера социума и экономики древней Месопотамии. Однако со временем, по мере появления новых свидетельств, некоторые исследователи отказались от этой гипотезы, признавая тот факт, что и другие секторы экономики, помимо храмовых хозяйств, были важными участниками хозяйственной жизни Южной Месопотамии, но по разным причинам просто остались незадокументированными (Дьяконов 1967, 1968; Gelb 1969: 139).

Дальнейшее исследование архива из Гирсу показало, что тексты, на которых основана теория Даймеля–Шнайдер, не были собственно храмовыми документами. Это был хозяйственный архив организации, называемой «дом женщины» (é.mí), находившейся под контролем жены правителя. Новое название «дом женщины богини Бау» (é.mí d.bau) хозяйство получило после реформ, проведенных последним правителем I династии Лагаша Уруинимгиной. Характер деятельности хозяйства при этом, по-видимому, не изменился (Maekawa 1973: 4).

⁴⁰ В пересчете на месопотамские меры площади это примерно 800 бур. При урожайности в 30 гур ячменя с 1 бур площади с этих полей могли собрать примерно 24 000 гур, т. е. 7 200 000 л зерна, что равно годовой норме потребления зерна для 10 000 взрослых мужчин. Это, конечно, очень условные цифры, возможно также, что половину пашни ежегодно оставляли под паром, точных сведений на этот счет нет.

достаточно далеко от Гирсу, в том числе на юге в районе Гуабы⁴¹. Пахотная земля в хозяйстве é.mí, как и в других крупных хозяйствах, делилась на три части. Первая часть представляла собой административно обрабатываемые земли. Урожай с нее шел, вероятно, на создание страхового (резервного) фонда и содержание высшей администрации. Вторая часть пахотной земли (примерно такая же по площади) была поделена на участки, распределявшиеся между персоналом хозяйства, третья часть (вероятно, самая небольшая) сдавалась в аренду за долю урожая всем желающим из числа работников хозяйства.

Кроме полей, на территории хозяйства располагались сады, огороды, рощи, каналы, степные участки, болота и тростниковые заросли. В хозяйстве выращивали зерновые культуры (ячмень, эммер), фрукты (финики, гранаты), овощи (бобовые, особенно большими были плантации лука), разводили скот (коз и овец для получения шерсти, ослов для сельскохозяйственных работ и транспортировки грузов), ловили рыбу (речную и морскую), заготавливали тростник и древесину. Имелись и разнообразные мастерские для переработки продуктов, ремесленные мастерские, в которых изготавливалось все необходимое для деятельности и повседневной жизни членов хозяйства, а также предметы роскоши и произведения искусства для элиты.

В число высших чиновников хозяйства, тесно связанных с администрацией правителя, входили такие должностные лица, как главный писец, главный жрец-плакальщик, главный купец и главный морской купец, главный герольд (Wilcke 2003: 148). В подчинении каждого из них был, очевидно, целый штат чиновников более низкого ранга. Чтобы поддерживать деятельность такой масштабной структуры, требовались большие трудовые ресурсы: управляющий персонал для организации работ и контроля за ними, ремесленники для работы в мастерских, представители разных профессиональных групп (земледельцы, пастухи, садоводы и др.), неквалифицированные работники для исполнения разного вида тяжелых работ в сельском хозяйстве (для переноски тяжестей, транспортировке грузов и т. п.).

Как и другие крупные хозяйства Южной Месопотамии, хозяйство é.mí представляло собой достаточно сложную структуру, отдельные элементы которой были тесно связаны между собой взаимообменом и взаимозависимостью. Задачей администрации было, максимально используя труд всех членов коллектива, особенно в сезоны сельскохозяйственных работ, произвести достаточно продукции, чтобы прокормить и одеть всех, в том числе и тех, кто, в соответствии с разделением труда, не производил продукты питания (администрация, торговцы, ремесленники), или тех, кто не мог работать в силу возраста или физического состояния (сироты, вдовы, старики). Эта задача решалась либо путем прямого распределения части произведенной продукции, либо путем выдачи части общей земли в виде земельных наделов.

⁴¹ Несколько документов из Гирсу времени Урунимгины перечисляют работников из числа персонала хозяйства (в частности, упоминаются кузнец, пастух, рыбак, пивовар, писец), занятых на расчистке канала вместе с жителями селения Пасира, которое располагалось на юге региона, недалеко от берега залива (Maekawa 1987).

В повседневной практике площадь земельного надела или количество продуктов, получаемых отдельными лицами в хозяйстве, в значительной степени зависели от должности или профессии работника и от характера выполняемой им работы и постепенно все более приобретали характер компенсации, платы за работу. Практика предоставления земельных наделов персоналу зафиксирована в отчетных документах крупных хозяйств Южной Месопотамии на протяжении всего III тыс. до н. э. Однако в реальности владельцы наделов часто получали не конкретные земельные участки, а некоторое количество зерна, равное доле урожая с участка определенной площади и качества. Размеры компенсации зависели от важности данных работ для хозяйства, их сложности и квалификации исполнителя. Со временем, по-видимому, все сильнее становилась тенденция закрепления должностей/профессий в рамках одной семьи, передачи должностного и профессионального статуса по наследству и попыток фактически «приватизировать» должностные привилегии (Prentis 2010: 13 ff.).

Все члены хозяйства, которые составляли его коллектив или своего рода «фамилию» (так же как коллектив составляли все жители города или региона), обозначаются в текстах архива как «малые и большие» (*tur mah*. Prentis 2010: 82). Большинство работников хозяйства, вероятно, работали в нем постоянно, одни и те же имена фигурировали в документах на протяжении по крайней мере 7 лет, но состав управляющего персонала периодически менялся (Prentis 2010: 90).

По характеру получаемых материальных ресурсов члены хозяйства подразделялись на две основные группы (с целым рядом подгрупп): держатели земельных наделов и получатели ежемесячных продовольственных выдач⁴². Это деление в некоторой степени соответствовало разному социальному статусу членов этих двух групп, но не было абсолютным. В некоторых ситуациях представители первой группы могли получать выдачи продуктами, а представители второй — наделы земли (последние случаи, правда, единичны). Это могло зависеть от характера занятости, места исполнения работы и т. п.

Держатели наделов в хозяйстве é.mí. В годы правления Урунимгины в состав держателей наделов хозяйства é.mí входило, вероятно, около 700 человек⁴³. Это были исключительно мужчины разного профессионально-должностного статуса. Соответственно, различалась и площадь земельных участков, которые хозяйство им выдавало (см. таблицу).

Таблица составлена по данным Б. Фостера (Foster 1981: 239–240):

⁴² Использовать эти списки, чтобы составить представление о численности персонала, приходится с осторожностью, поскольку «дом женщины» не был автономным хозяйством, а представлял собой одну из структур большого хозяйства Гирсу, которое находилось под контролем правителя. По мере необходимости некоторые работники могли приходить сюда из других отделений городского хозяйства или перемещаться в другие структуры (Maekawa 1987).

⁴³ По одним данным (Foster 1981) в текстах хозяйства времени правления Урунимгины упоминается 652 получателя земельных наделов, по другим — земельные наделы в хозяйстве é.mí имели около 700 мужчин-работников (Maekawa 1987: 51). По другим подсчетам собственно работников (ремесленники, пастухи, пахари, мойщики, рыбаки речные и морские, неквалифицированные работники, носильщики, работницы-рабыни) в хозяйстве é.mí было около 800 человек, из них примерно одна треть получала земельные наделы, а остальные — выдачи продуктов (Prentis 2010: 83).

Профессионально-должностной статус держателя надела	Число держателей наделов данного статуса	В процентах от общего числа держателей наделов	Средняя площадь надела в га
Чиновники, управляющие отдельными сферами производства, ремесленники	255	39,1 %	2,21
Лица, упоминаемые только по имени собственному	184	28,2 %	3,39
Административный персонал	151	23,1 %	4,98
Работники или воины	35	5,3 %	1,71
Лица, связанные с культом	27	4,1 %	3,9
Всего:	652	100 %	2009,67

Общая площадь сельскохозяйственных земель, которые распределялись между держателями наделов, составляла примерно 2000 га (Foster 1981). В этой группе документов, по-видимому, не упоминаются земельные наделы, которыми располагали представители высшего уровня администрации, т. е. городской элиты.

Самые большие по площади наделы (в среднем 5 га) получали представители администрации. Их насчитывалось в то время примерно 150 человек (более 20 % от общего количества в группе). Почти такие же по площади наделы (около 4 га) получали от хозяйства лица, связанные с культом, но их среди держателей наделов было совсем немного, около 30 человек (4 %).

Еще одна большая по численности группа персонала хозяйства (184 человека, т. е. около 30 % от общей численности) также получала довольно значительные по площади наделы (более 3 га). Эти люди в отчетных документах назывались только по именам, без указания профессии или должности, что свидетельствует об их высоком социальном статусе. Вероятно, это были представители старых (знатных?) городских семей, возможно, из числа родственников правящей семьи.

Почти 40 % держателей наделов (более 250 человек) составляли ремесленники (повара, садовники, кузнецы, гончары, кожевники, пивовары), рыбаки и пастухи. Площадь наделов, которые получали представители этой группы, в среднем составляла немногим более 2 га. Самую небольшую по численности группу (примерно 5 %) составляли стражники или полицейские. У них были самые маленькие наделы, меньше 2 га. Если допустить, что почти каждый держатель надела имел семью как минимум из 5 человек, то общее количество населения, для которого важным материальным ресурсом были земельные наделы, получаемые в хозяйстве é.mí, могло составлять 3000–4000 человек.

Внутри группы держателей наделов хозяйства é.mí существовали свои градации, что видно и по разнице в площади земельных наделов. Держатели полей из числа администрации и высшей группы ремесленников, которые были постоянно заняты исполнением своих обязанностей, вероятно, обрабатывали свои поля

силами подчиненных им работников. Часть наделных полей (поля правителя и высшей администрации), по-видимому, обрабатывалась административно.

Владельцы наделов должны были принимать участие в ежегодных работах по расчистке каналов и ремонту ирригационных сооружений. Эти работы проводились в период между севом и уборкой урожая (последние четыре-пять месяцев года). Вряд ли лица, занимавшие высокие должности в администрации или руководившие группами работников, выполняли эти обязательства лично. Скорее всего, они использовали труд своих подчиненных. Продукты для снабжения этих работников предоставляла администрация хозяйства (Maekawa 1987). Помимо участия в ирригационных работах владельцы наделов (или их представители) были обязаны участвовать в уборке урожая с общественных (административно управляемых) наделов. Предположительно, каждый держатель надела должен был убрать урожай с участка, равного по площади его наделу. Также в счет обязательств перед хозяйством входила ежегодная передача на склады хозяйства определенного количества продуктов или готовых изделий⁴⁴.

Работники, получавшие выдачи в хозяйстве é.mí. Эта группа персонала в основном состояла из людей, работавших отрядами круглогодично. Существовало четкое представление о базовой (физиологической) норме материального ресурса, необходимого для поддержания жизни индивидуума. Для мужчины-работника эта норма в пересчете на год составляла 720 л зерна, 4–5 л растительного масла и одну шерстяную одежду (Gelb 1965). Ежемесячная базовая норма выдачи зерна (še.ba) работникам составляла около 36 л для мужчин и 18–24 л для женщин⁴⁵. Судя по документам отчетности, раз в месяц администрация выдавала этим работникам зерно, периодически они получали растительное масло и некоторые другие продукты и раз в год — шерсть на одежду. В чем состояла суть этих выдач, не совсем понятно. Возможно, составляя отчеты о выдачах, администрация просто ежемесячно фиксировала свои расходы по пи-

⁴⁴ В хозяйстве é.mí в какой-то момент числилось 9 гончаров-горшечников (Steinkeller 1996, 235–236). Они владели земельными наделами площадью от 0,8 до 3,2 га (от 2 до 8 ику). С участка в 0,8 га (2 ику) — самый маленький по площади надел, известный из лагашских текстов — можно было собрать примерно 1500 л зерна (Maekawa 1987). Такого количества могло хватить на содержание в течение года двух взрослых мужчин. Эти же гончары еще арендовали в хозяйстве небольшие земельные участки, а также регулярно получали зерно и шерсть (Steinkeller 1996, 235–236 n. 11). В счет своих обязательств перед хозяйством они периодически передавали на его склады определенное количество различного вида сосудов. В одном из текстов, зафиксировавшем приемку сосудов, это обозначено как «обязательство» (il) горшечников. Позднее для обозначения такого рода службы или обязательств, вероятно, использовался аккадский термин *ilku*.

⁴⁵ Существуют разные мнения относительно степени зависимости этих работников от хозяйства. И. Гельб считал, что še.ba — это еда, необходимая для существования, и связывал получение такого рода выдач с отсутствием свободы. Люди были вынуждены исполнять работу, за которую они получали содержание, в отличие от свободных работников, которые за свою работу получали плату (á). Насколько тесно экономические факторы соотносились с социальными, сказать сложно. Статус человека определял характер должности, которую он мог занимать, или наоборот. Скорее всего, оба фактора были взаимосвязаны. Если те, кто получали содержание, были зависимыми работниками (рабами или полусвободными), то почему некоторым из них увеличивали рационы, почему была такая разница в рационах работников одинакового статуса. Это могло быть в случае, если такие выдачи рассматривались как стоимость исполненной работы, а не как содержание для работника (Prentis 2010: 91).

танию работников. С другой стороны, выдачи могли быть и вариантом вознаграждения или компенсации за ежедневный труд. Об этом говорит тот факт, что в повседневной практике размеры выдач были связаны не только с базовыми потребностями. Взрослый работник мог получать от 18 до 144 л ячменя в месяц в зависимости, по-видимому, от уровня исполнения им своих обязанностей, важности этих обязанностей, стажа работы, общего состояния дел в хозяйстве. Однако в особо критические моменты — в случае неурожая или военных действий — хозяйство возвращалось к базовому уровню выдач⁴⁶.

В документах, фиксирующих выдачи продуктов этим лицам, они разделены на несколько категорий, обозначенных специальными терминами: «не понимающие глаз» или «слепые» (*igi.nu.du*)⁴⁷, «носильщики», «женщины и (их) дети». Среди них было, вероятно, некоторое число купленных рабов, привезенных торговцами из других регионов, но основную часть составляли, очевидно, пленные, а также потомки тех женщин, которые были когда-то куплены хозяйством или приведены как пленницы с войны.

Общая численность этой группы персонала *é.mí* составляла примерно 1000–1200 человек (Maekawa 1987: 51; Дьяконов 1959: 32). Из них около $\frac{1}{3}$ составляли женщины (некоторые с детьми), выполнявшие в основном подсобные работы и занимавшиеся ткачеством. В это время вокруг Гирсу выпасали большое количество овец и коз, и во многих крупных хозяйствах Гирсу-Лагаша, не только в *é.mí*, работало большое число ткачих и их детей. Дочери ткачих, скорее всего, продолжали их работу. Сыновья по достижении определенного возраста передавались в другие рабочие отряды. Мужчины работали в садовом хозяйстве и выполняли самую тяжелую работу.

Хозяйство *é.mí*, вероятно, существенно не отличалось от других крупных хозяйств Лагаша в основных аспектах своей деятельности, в том числе и в структуре персонала. Можно предположить, что примерно такое же соотношение различных групп работников было и в других крупных хозяйствах Лагаша.

Таким образом, одно из крупных хозяйств города Гирсу *é.mí* или *é.mí d.bau* во второй половине 24 в. до н. э. располагало пахотными землями площадью более 4000 га и обеспечивало средствами к существованию, примерно, от 4000 до 6000 своих работников и членов их семей. Большая часть персонала хозяйства и их семьи, вероятно, жили в самом городе Гирсу. Излишки продуктов (зерно, рыба, шерсть, свиное сало) и значительная часть ремесленных изделий, производившихся в хозяйстве (прежде всего тканей), использовались администрацией для обмена и торговли. В архиве хозяйства упоминаются имена 23 торговых агентов-тамкаров (Prentis 2010: 191). Главный тамкар хозяйства *é.mí*

⁴⁶ В последний год правления Урунимгины, когда на территории Лагаша действовали вражеские войска, хозяйство сократило размеры зерновых выдач работникам фактически до нормы потребления. При этом выдачи продуктов такого же размера получали и держатели наделов, вероятно потому, что военные действия происходили в непосредственной близости от городов Лагаша и делали невозможными сельскохозяйственные работы.

⁴⁷ Вопрос о том, были ли эти люди действительно слепыми или это эвфемизм, дебатруется (Heimpel 2009).

одновременно был и главным тамкаром правителя Лагаша⁴⁸. Администрация é.mí обменивалась продуктами и изделиями с хозяйствами не только Лагаша, но и других городов Южной Месопотамии — Адаба, Урука, Ниппура, Дера. Активно осуществлялся и внешний обмен. Из Элама привозили серебро, скот, изделия из дерева, с Дильмуна — медь, благовония. Вывозились зерно, мука, свиное сало, шерсть, небольшие количества серебра.

Коллективные работы. Последствия ежегодных наводнений требовали от каждого крупного хозяйства периодического проведения работ для восстановления размытых насыпей, очищения русла каналов от ила и земли. Эти работы проводились силами «тех, кто получал наделы» в счет их обязательств по трудовой повинности перед хозяйством. Во время коллективных работ (рытье каналов, колодцев, уборка урожая на общих землях) хозяйство выделяло пришедшим на исполнение трудовой повинности работникам содержание, составлявшее в среднем 2–3 л ячменя в день (Maekawa 1987: 3–4).

Кроме того, хозяйства периодически направляли своих работников и на осуществление общегородских проектов. Правители южномесопотамских городов постоянно сообщают в своих надписях о масштабных строительных работах (SARI I). Это могло быть сооружение новых и реставрация старых храмов, возведение городских стен, крепостей, рытье каналов и колодцев. О размахе таких работ можно судить только предположительно. Основатель I династии Лагаша Ур-Нанше в надписи на стеле (сохранилась не полностью), содержащей, вероятно, некий отчет о самых важных его деяниях, мирных и военных, перечисляет храмы и храмовые сооружения, в том числе ворота, которые он построил или реконструировал (всего 10 таких объектов), а также упоминает, что им была возведена стена вокруг города Лагаша и проведены два канала (SARI I, 24). В других его надписях упоминаются названия еще нескольких храмов и по крайней мере четырех проведенных каналов и одного водоема (SARI I, 22 ff.).

В некоторых надписях упоминаются продукты и материалы, израсходованные в ходе коллективных работ. В одной из надписей Ур-Нанше говорится, что при строительстве храма бога Нингирсу на питание работников ушло 30 800 000 л ячменя (SARI I, 29). В правление Эанатума был прорыт «новый канал» для бога Нингирсу и при нем сооружено водохранилище. Дно этого резервуара было выложено кирпичами. Чтобы скрепить эти кирпичи и сделать дно водонепроницаемым, было израсходовано 25 920 л битума (SARI I, 41). Второй преемник Эанатума, правитель Лагаша Энметена через некоторое время предпринял работы по ремонту или реконструкции этого же водохранилища, потребовавшие, как указано в его надписи, 26 490 л битума и 648 000 обожженных кирпичей (SARI I, 66). За 6 лет правления Урунимгини было проведено по крайней мере три канала и сооружен обширный резервуар для воды. Для строительства одного из этих каналов, канала Нинадуа, было израсходовано около 26 496 л битума и 432 000 обожженных кирпичей (SARI I, 80).

⁴⁸ Тамкары были профессионалами, которые умели составлять балансовые отчеты и имели необходимую квалификацию для точного взвешивания серебра и других металлов.

Глава IV

Население городов Южной Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э. Идеология и социум

*Изменения в области идеологии и культуры в начале III тыс. до н. э.
Городские пантеоны.*

Городская элита в изобразительных и письменных памятниках из Южной Месопотамии первой половины III тыс. до н. э. Цилиндрические печати. Статуэтки с изображением молящихся. Плакетки. Изображения пиров. Погребальная практика. «Царские гробницы» Ура. Надписи городских правителей. Общегородские праздники.

Обострение противоречий между разными группами городского населения. Городской социум в середине III тыс. до н. э.: социальное неравенство и злоупотребления административной властью. «Реформы» Энметены и Уруинимгины.

Изменения в области идеологии и культуры в начале III тыс. до н. э. Городские пантеоны. Феномен возникновения и развития ранних городов Южной Месопотамии нельзя, безусловно, объяснять только экономическими и экологическими факторами. Важную роль в этих процессах играло внутреннее развитие общества, происходившие в нем постепенные изменения в области идеологии и культуры¹. Во многом формы и направления развития урбанизма в Южной Месопотамии определялись тем обстоятельством, что эта

¹ Проследить по памятникам материальной культуры и текстам развитие этой сферы общественной жизни достаточно сложно. Очень трудно провести разделение нового и старого и выявить черты, присущие именно данному периоду, поскольку сакральная сфера, как наиболее традиционная и консервативная, сохраняла на всем протяжении существования месопотамской цивилизации отдельные элементы самых ранних представлений. Понять суть этих процессов почти невозможно из-за субъективности нашего восприятия (Оппенгейм 1980: 174 сл.).

территория, изначально заселенная разными по происхождению и языку группами, уже в V тыс. до н. э. представляла собой, по-видимому, единое культурное пространство. Ее жителей объединяли не только хозяйственные и культурные связи, но и общие религиозные представления. Формирование и становление городов, переход большей части населения к городской жизни должны были сопровождаться важными изменениями и в этой сфере².

До III тыс. до н. э. божественность, если принять гипотезу Т. Якобсена, «воспринималась как духовная сущность явлений, внутрисущная воля и сила, выделяющая их существование и процветание в характерных для этих явлений формах и способах» (Якобсен 1995). Все, что существовало и имело свою форму, имело божественную природу и было проявлением божественности³. Жизнь человеческого коллектива изначально воспринималась, вероятно, как явление такого же порядка, т. е. как проявление божественности в форме человеческого социума. В наиболее ранних изображениях боги лишены антропоморфных черт (Якобсен 1995: 25), объектами культовых и ритуальных действий являлись предметы, воспроизводившие или символизировавшие явление или сферу жизни общества. Позднее многие культовые объекты такого рода рассматривались как эмблемы того или иного божества⁴.

Серьезные изменения в этой сфере впервые становятся заметными, когда начинается строительство отдельных от резидентных зон культовых сооружений, т. е. в начале V тыс. до н. э. В IV тыс. до н. э. появляются первые антропоморфные изображения божества, правда, очень редкие, а с началом III тыс. до н. э. антропоморфные черты в изображениях богов становятся преобладающими. Именно в это время по мере становления и развития городов в общественном сознании укрепляется представление о божестве как организаторе и управителе, распоряжающемся судьбами города и горожан. Городская администрация, управляя городским хозяйством, фактически занимала место представителя божества или посредника между божеством и горожанами, формируя в массовом сознании представление и о внешнем воплощении

² Т. Якобсен предложил три религиозные метафоры, с помощью которых можно представить, как боги воспринимались и изображались на протяжении трех тысяч лет существования месопотамской цивилизации:

1) боги как «жизненный порыв», как духовная сущность явлений (до III тыс. до н. э.);

2) боги как правители (III тыс. до н. э.);

3) боги как родители, заботящиеся об индивидуальном почитателе и его поведении подобно тому, как поступают родители со своими детьми (II тыс. до н. э.) (Якобсен 1995).

³ «Слово нанна имеет значение луна. Но одновременно это имя бога луны, а узину — богиня зерна — есть и зерно, которое земледelec бросает в борозду, и зеленый побег, стоящий в поле подобно прекрасной юной девушке» (Якобсен 1995: 16).

⁴ «Обусловленные ситуативно, лишённые человеческих черт образы изначально, т. е. принадлежат раннему периоду и сохраняются довольно долго. <...> в критические моменты общественной жизни, когда было необходимо присутствие богов, прибегали именно к их старым формам — эмблемам. Они следовали вместе с армией и выступали как залог нерушимости, свидетели и гаранты при принесении клятвы» (Якобсен 1995: 25).

божества. Боги выстраивались в такие же внешние образы и в такие же структуры, какие горожане видели в лице городских административных структур (Selz 2008).

Во многих случаях (а может быть, и во всех) позиции главных богов в центральных поселениях Южной Месопотамии догородского периода, а затем и в ранних городах занимали женские божества. Только после формирования городских властных и управленческих структур на ведущие позиции во многих городах выдвинулись мужские божества (Heimpel 2002). Такая трансформация происходила в ряде городских пантеонов Южной Месопотамии, вероятно, в течение первой половины III тыс. до н. э.⁵

Городские пантеоны. Городской социум в Южной Месопотамии формировался из отдельных групп, каждая из которых могла иметь свои хозяйственные интересы. Одной из важнейших задач городских властных структур было поддержание баланса между интересами разных групп. По мере того как поселения, существовавшие до этого в значительной степени самостоятельно на своей территории и со своими административными структурами, постепенно объединялись в городские системы, возникала необходимость включения этих структур в общую систему централизованного управления.

Это сопровождалось, по-видимому, и объединением локальных культов в рамках городской системы, т. е. созданием общегородских пантеонов. Такой непрерывно продолжавшийся процесс синкретизма включал, вероятно, как принятие богов из других городов и территорий (вместе с жителями), так и наделение одного городского божества атрибутами различных богов других городских групп (Selz 1990).

Общий городской пантеон выстраивался в виде семейной и/или административной иерархии. Очевидно, его структура во многом повторяла структуру городской административной системы, куда входили представители отдельных городских групп и семейных кланов. Главный бог «пантеона» выступал как «отец» или глава «божественного департамента», а окружающие его боги занимали положение или его младших родственников, или помощников и служителей. При этом позиция каждого божества в городском пантеоне в определенной степени соответствовала, вероятно, положению той группы городского населения, которую он представлял. Списки богов, организованных в такого рода группы, впервые появились только в текстах 26 в. до н. э., составленных в Шурпушке.

Создание единой для всех членов данной городской системы традиции культа и ритуала не только давало возможность выстроить четкие границы своего мира (маркировало своих), но и позволяло поддерживать общую идентичность внутри этого мира, что было важно в условиях необходимости тесных контактов между разными группами городского населения. Новая идентичность жителя города, однако, не вытесняла полностью старую, существовавшую ранее

⁵ В. Хаймпель рассматривает в качестве гипотетического примера такого перехода процессы, которые происходили в пантеоне города Гирсу (Heimpel 2002: 100).

идентичность отдельных групп людей как членов определенной общины, объединенных не только тесными хозяйственными, родственными и соседскими связями, но и почитанием «своего» божества. У каждой группы оставалась возможность поклоняться не только городскому божеству, которому был посвящен главный храм города, но и своему божеству и божествам других городских групп. Помимо посвященных этим божествам святилищ в составе центрального храмового комплекса, существовали и отдельные храмы в разных городских кварталах.

Так же как не могло быть полноправного горожанина, который не входил бы в состав какой-либо группы, объединенной в рамках определенного хозяйства или связанной с таким хозяйством, также не могло быть и горожанина или группы горожан без «своего» божества, входившего в состав городского пантеона. При этом связи горожанина и «его» храма могли быть, вероятно, самыми разными, от прямого вхождения в состав персонала хозяйства данного храма до добровольных поставок в него предметов своего ремесла или сельскохозяйственного производства и участия в храмовых церемониях.

Городская элита в изобразительных и письменных памятниках из Южной Месопотамии первой половины III тыс. до н. э. По мере роста населения городов, укрепления и развития городских систем все более крупные масштабы приобретало использование трудовых и природных ресурсов, имевшихся в распоряжении городского коллектива. Естественно, что количество людей, связанных с управлением этой сферой жизни города, т. е. выполняющих различного рода организаторские и контролирующие функции, в том числе функции сбора и перераспределения производимых в хозяйстве ресурсов, со временем должно было возрастать, и соответственно возрастала их роль в жизни общества.

В первые века III тыс. до н. э. вслед за меняющимися условиями организации жизни городских сообществ начинают меняться и представления горожан о социуме, о роли и месте в нем отдельных личностей, прежде всего тех, кто стоял на вершине социальной лестницы. С этого времени в изобразительном и письменном материале из Южной Месопотамии все чаще появляются маркеры, четко выделяющие отдельных индивидуумов и отличающие их от остальных членов городской общины. Это надписи, составленные от имени правителя города, «портретные» изображения представителей высшей элиты в виде статуэток и в виде рельефов на камне и глине, иногда подписанные именами⁶.

⁶ Самые ранние изображения индивидуумов (иногда даже с указанием собственного имени) появились, вероятно, на небольших каменных стелах (кудурру), на которых фиксировались первые транзакции, касавшиеся недвижимости (Gelb 1991). На одном из таких памятников, так называемой стеле Ушумгаль (начало III тыс. до н. э.), изображены два человека, мужчина (Ушумгаль) и женщина, судя по изображению, высокого ранга, встречающиеся у дверей (ворот храма?). Их сопровождает группа лиц, исполненных в меньшем масштабе, рядом с фигурами сопровождающих выписаны их имена. Имя одного из них повторяется у ног женщины и сопровождается словами «лучший человек». По интерпретации К. Вильке, текст и изображения рассказывают о заключении брака и образовании общего семейного имущества. Одна часть имущества была получена женихом от его семьи

В это же время в текстах впервые засвидетельствованы упоминания об отдельном человеке не только как о работнике или должностном лице какого-либо хозяйства, а как о жителе города. Людей, оказавшихся за пределами своего города, в текстах стали называть «детьми города» (*dumu uru.ki GN*)⁷. Терминология, которая фиксировала статус человека как члена определенного городского коллектива, впервые встречается в текстах 26 в. из Шуруппака, в которых записывались расходы на содержание чиновников и ремесленников, приходивших сюда на какие-то работы из разных городов Южной Месопотамии (Адаб, Кеш, Умма, Урук, Ниппур) и получавших довольствие от городской администрации (Visicato 1995: 140–141). Если город не мог быть назван, то принадлежность/происхождение человека отмечали как «имярек такой-то страны/земли» (*PN dumu kur GN*). Примерно тогда же в текстах из Южной Месопотамии (надписях правителей) возникают термины, обозначающие не только города, но и крупные политические структуры, существовавшие в это время как на территории собственно Южной Месопотамии, так и за ее пределами.

Цилиндрические печати. Печати цилиндрической формы появились в Южной Месопотамии в конце IV тыс. до н. э., в значительной степени вытеснив распространенные до того времени печати-штампы. Само появление таких печатей отражало те значительные изменения, которые происходили и в сфере делопроизводства, и в социальной сфере. Цилиндрическая печать, которую носили как украшение на шее или прикрепляли специальными булавками к одежде, была, очевидно, символом определенного социального статуса. Изображения, которые вырезали на поверхности печати, были индивидуализированными. Они никогда полностью не повторялись в деталях, хотя в общем плане могли быть похожими. Характер изображения, вероятно, в определенной степени зависел от тех функций, которые выполнял владелец печати. Примерно с 26 в. до н. э. уровень индивидуализации печатей стал повышаться. На некоторых печатях помимо изображения стали вырезать и собственное имя владельца печати⁸.

Статуэтки с изображением молящихся. В начале III тыс. до н. э. в Южной Месопотамии стала широко распространяться традиция установки в городских храмах изображений отдельных представителей городской элиты. В ходе раскопок храмовых помещений этого времени найдено множество небольших статуэток (от 10 до 30 см в высоту) из терракоты, изображающих молящегося человека (мужчину или женщину) в парадной одежде. Руки либо сложены на груди в молитвенном жесте, либо держат чашу перед подбородком. Статуэтки не имели точного портретного сходства, но, несомненно, изготавливались

как свадебный дар, а другая — невестой от «лучшего человека» и сопровождавших лиц, связанных, вероятно, с ней родством (Wilcke 2003: 162).

⁷ Такое указание на статус горожанина содержит, например, надпись правителя Лагаша Энметены (25 в. до н. э.), в которой он сообщает о том, что освободил «детей» (*dumu*) городов Урук, Ларса и Бад-тибира от общественных работ и разрешил им вернуться к их городским богам (SARI I, 58).

⁸ Самые ранние образцы печатей и оттисков печатей с написанными на них личными именами известны из Шуруппака (Nissen 1988: 151).

по индивидуальному заказу и должны были изображать заказчика. Их ставили в храмах, вероятно, для того, чтобы они постоянно передавали богам молитвы или просьбы донаторов. В некоторых храмах такие статуэтки стояли на низких возвышениях вдоль стен или, возможно, непосредственно перед статуями божества во внутреннем помещении храма.

Обычай постоянного общения индивидуума с богами через свои изображения был в это время, по-видимому, широко распространен среди городской элиты. Статуэтки ставили не только в храмах главных городских богов, но и в небольших святилищах тех богов, которые, вероятно, были патронами отдельных городских кварталов⁹.

Плакетки. Примерно в это же время получает широкое распространение еще один вид посвященных предметов. Это небольшие прямоугольные пластинки-плакетки из терракоты с отверстием в центре, через которое они надевались на колышек, прикрепленный к стене. Такие плакетки с изображением важных лиц или сакральных символов, по-видимому, помещали в храм как посвященные предметы.

На некоторых из них можно заметить стремление к передаче индивидуальных характеристик изображаемых. Например, на известной плакетке правителя Лагаша Ур-Нанше изображения самого Ур-Нанше, членов его семьи и сопровождающих лиц сделаны в разном масштабе в зависимости от статуса и возраста персонажа (Афанасьев 1978), а чтобы не было сомнений в личности изображенных, рядом с фигурой каждого выписаны их имена и титулы (SARI I, 22–24)¹⁰. Сохранился и фрагмент плакетки с «портретом» одного из преемников Ур-Нанше, правителя Лагаша Эанатума.

Многие плакетки содержат сцену, аналогичную той, что была воспроизведена на урукской вазе конца IV тыс. до н. э., т. е. сцену приношения даров в храм. Однако характер изображения на плакетках первой половины III тыс. до н. э. совсем другой. Если на урукской вазе в символической форме было отражено, по-видимому, событие общегородского масштаба, то изображения на плакетках воспроизводили приношение даров в храм одним или несколькими лицами. Эти приношения должны были, вероятно, обеспечить благо-

⁹ Традиция установки в храмах статуэток молящихся, возможно, отражала реалии повседневной городской жизни того времени. Сложная многоступенчатая система управления ставила между отдельным человеком и главой хозяйства, в составе которого он жил, а тем более главой города, целую цепь начальников разных уровней. Жизнь отдельного человека все больше зависела от личного отношения к нему главы группы, того, кто обладал властью для решения важных вопросов, от кого зависела его судьба. Стоявшие в храме статуэтки, изображавшие молящихся, возможно, зеркально отражали сцену в прихожей у начальника, где дожидались приема просители.

¹⁰ На двух регистрах плакетки правитель Лагаша Ур-Нанше (25 в. до н. э.) изображен как строитель, начинающий какой-то важный проект, и как пирующий после благополучного завершения (?) проекта. Он окружен родичами и приближенными, причем лица, сопровождающие правителя, названы поименно и обозначены либо словом *dumu* (сын, дочь, родич), либо по названию своей должности. Среди них находится и Акургаль, сын и будущий преемник Ур-Нанше. Надписи сделаны прямо на изображениях или рядом с ними. При этом фигура самого Ур-Нанше значительно превосходит размерами все остальные.

получие самих донаторов, а изготовление плакетки с изображением этого действия и помещение ее на стены храма подтверждало акт дарения. Возможно, предполагалось, что сакральное действие, изображенное на плакетке, помещенной в храм, приобретало перманентный характер. Далеко не на всех плакетках есть указания на имена действующих персонажей, но, несомненно, это были представители городской элиты, члены семьи правителя или приближенные к нему.

Такова плакетка из Ура (Postgate 1996: 127–128). Два регистра изображения воспроизводят два последовательных действия. Три человека, различающиеся внешне и одетые в разные одежды, приносят жертвы у ворот храма (нижний регистр). Один из них несет рыбу, другой — ягненка, третий — какую-то связку растений. Затем (верхний регистр) эти же люди, одетые в одинаковые одежды и головные уборы, присутствуют внутри храма во время ритуала возлияния перед божеством (статуей божества?), который совершает храмовый служитель. Донаторы в данном случае не только почитают богов и приносят им «свои» индивидуальные приношения, но явно полны чувства личной значимости: они ближе к богам, допущены внутрь храма и между ними и божеством стоит только профессиональный медиатор — служитель храма¹¹.

Изображения пиров. Судя по изобразительному материалу и письменным памятникам, уже в середине III тыс. до н. э. городская элита Южной Месопотамии отличалась от остального населения не только одеждой и украшениями, домашней и хозяйственной утварью, но также традициями питания и питья. Именно в этот период (первая половина III тыс. до н. э.) одним из самых излюбленных сюжетов иконографии становится изображение пирующих. Оно появляется на печатях, плакетках, на мозаике, украшающей различные предметы, сопровождавшие праздничное действие и окружавшие пирующих (музыкальные инструменты, мебель и т. п.). Пирыв всегда играли важную роль в жизни общества. Ими отмечали самые важные для коллектива события, такие как ежегодные земледельческие праздники, окончание больших строительных работ, военные победы, свадьбы и похороны. Это были не просто праздничные трапезы, но важное сакральное действие, посредством которого коллектив общины поддерживал контакт с миром божественным. Однако на изображениях сцен пира этого времени в такой контакт вступают один или два конкретных человека — те люди, которые на данном предмете изображены и для которых, собственно, это изображение и было изготовлено.

Это могли быть одетые в парадные одежды мужчина или женщина или семейная пара. Они изображены сидящими на резных стульях, держа в руке чашу с напитком. Рядом с пирующими стоят высокие столики с едой (мясо и фрукты) и кувшины с вином или пивом. Слуги подают еду и питье пирующим, стоящие

¹¹ Традиция изготовления плакеток сохранилась и в более поздний период, распространившись, судя по характеру изображений, на более широкие слои городского населения. В начале II тыс. до н. э. плакетки с изображениями не только сакрального характера, но и повседневных сцен украшали стены многих городских домов.

неподалеку музыканты и певцы развлекают их музыкой и пением. О высоком статусе участников пира свидетельствует не только их внешний вид и окружение, но и напиток. Это чаще всего не пиво, а вино¹². Обычные для предшествующего периода большие кувшины с пивом, из которых одновременно несколько человек могли пить через специальные длинные трубочки, вытесняются изображениями высоких сосудов с узкими горлышками, из которых слуги наливают вино в высокий узкий бокал, который пирующий держит в руке.

Погребальная практика. Обладание предметами роскоши и выставление напоказ своего богатства выделяло представителей элиты из основной массы населения не только в повседневной жизни, но и в захоронениях¹³. На протяжении первых веков III тыс. до н. э. погребальный инвентарь отдельных захоронений становился все более разнообразным и богатым. От статуса покойного зависело, вероятно, и место его погребения. В 26–25 вв. до н. э. в городах Южной Месопотамии (есть данные из Ура и Киша) (Ллойд 1984: 121) существовали два основных места для погребений: некрополи и погребения на территории домов-хозяйств. Представителей городской элиты хоронили, по-видимому, на особом кладбище возле административного или сакрального центра города, горожан более низкого социального статуса — под жилыми домами или рядом с ними (Pollock 2007: 80).

Процесс постепенного выделения элиты в отдельную социальную группу, отличавшуюся от остального городского населения своими материальными ресурсами и властными полномочиями, прослеживается во всех городских сообществах Южной Месопотамии. Однако скорость, с которой происходила социальная стратификация в отдельных городах, во многом зависела от местных условий: богатства городских ресурсов, роли того или иного города в межгородских структурах и т. п.

Если в городских сообществах Ура и Кеша (Абу Салабиха) в самые первые века III тыс. до н. э. социальный статус горожанина как будто не соотносился напрямую с его индивидуальными материальными возможностями (см. выше), то городское общество Урука в это же время было, вероятно, уже достаточно четко стратифицировано. Верхушка городской элиты Урука, самого большого и самого богатого города Южной Месопотамии, располагала очень значительными материальными и властными ресурсами, отделявшими ее от основной

¹² Уже в IV тыс. до н. э. в прилегающих к Южной Месопотамии с севера и северо-запада регионах активно выращивали виноград для производства вина. С этого времени для ближневосточной элиты вино стало питьем, символизирующим ее высокий статус. С конца IV тыс. до н. э. вино было одним из самых важных «невидимых импортов» в Южную Месопотамию. Его привозили в специальных сосудах с узкими горлышками, а пили из появившихся в это же время конических чаш. Следы вина найдены в таких сосудах в Уруке, Гирсу и Сузах. Такие сосуды в сочетании с коническими чашами часто встречаются в это время в составе погребального инвентаря.

¹³ Значение погребального инвентаря состояло, вероятно, в том, чтобы воспроизвести привычное для покойного окружение и дать ему возможность занять соответствующее положение в обществе загробного мира, сделав богатые пожертвования богам. Считалось, что Ур-Намму, основатель III династии Ура, правивший в Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э., после раздачи богатейших погребальных даров стал управителем всех людей загробного мира, выше него были только герои (Гильгамеш) и боги.

части городского населения. Археологические данные о погребениях представителей элиты в Уруке начала III тыс. до н. э. отсутствуют, но косвенные сведения о том, как могли происходить подобные церемонии, содержатся в одном из поздних литературных текстов, описывающих смерть и погребение Гильгамеша, который был правителем Урука в 28–27 вв. до н. э.¹⁴ В тексте, сохранившемся только фрагментарно, приводится, по-видимому, описание некрополя и могилы, в которую поместили тело Гильгамеша.

Судя по этому описанию, Гильгамеша похоронили там, где были погребены члены его семьи и лица из числа высшего административного, культового и военного персонала, т. е. на отдельном кладбище для представителей городской элиты Урука. Могила Гильгамеша, по-видимому, представляла собой погребальную камеру, внутри которой была воспроизведена та обстановка и то окружение, в котором он проводил свою жизнь:

«...его любимая жена, его малыши (?),
его первая жена, его младшая, его любимая,
его музыкант, его чашник, ...его любимые,
его любимый цирюльник, его ..., его любимые,
его любимые слуги, те, кто ходили по дворцу во всех направлениях ...его любимые,
его любимые вещи были расставлены по его сторонам, на свои места, как если бы... во дворце в центре Урука...» (George 1999, 195–208).

Погребальная камера правителя Урука Гильгамеша, описание которой представлено в тексте, похожа на погребения высшей элиты города Ура, датируемые, правда, двумя веками позднее, 25 в. до н. э., которые засвидетельствованы богатейшим археологическим материалом (см. выше).

Похожие погребения были найдены, помимо Ура, в Кише¹⁵, Абу Салабихе и на соседних с Южной Месопотамией территориях: в Северной Сирии, Северной Месопотамии и Иране (Cohen 2005: 78). Упоминания о богатейших дарах и о приближенных, сопровождавших правителя в потусторонний мир, встречаются и в ряде шумерских текстов. Такая практика «нерационального» расходования огромных материальных и человеческих ресурсов хорошо известна из древней истории и отражает, по-видимому, определенный этап социального и духовного развития общества.

¹⁴ С Гильгамешем связан целый цикл шумерских сказаний, переработанный позднее в аккадский эпос. Безусловно, нельзя использовать эти тексты напрямую как исторические источники. Однако тот факт, что прообразом героя сказаний было реальное историческое лицо, делает вполне вероятным присутствие в текстах отдельных деталей, отражавших исторический контекст городской жизни Южной Месопотамии начала III тыс. до н. э., тем более когда такие же детали зафиксированы в синхронном археологическом материале из других городов.

¹⁵ В Кише большая часть городских захоронений производилась, вероятно, под полами домов, но также было найдено некоторое количество так называемых «погребений с колесницами», содержащих иногда до трех повозок. Сопутствовавшие им предметы погребального инвентаря были сделаны из меди. Хронологически они, вероятно, современны погребениям из Ура, с которыми сходны и по характеру погребального инвентаря (Ллойд 1984: 121).

Надписи городских правителей (SARI I). Начиная с 27 в. до н. э. личные имена, упоминавшиеся до этого только в административном контексте, стали появляться в посвяtitельных надписях на каменных сосудах, статуэтках, плакетках, которые правители жертвовали в храмы. Самая ранняя известная из Южной Месопотамии посвяtitельная надпись датируется 28 или 27 в. до н. э. Это надпись правителя города Киша Энмебарагеси, сохранившаяся на фрагментах каменного сосуда, вероятно, пожертвованного в храм (SARI I, 18). В дальнейшем количество таких надписей постоянно росло. Свои имена стали увековечивать в надписях не только правители крупных городов и их родичи, но и высшие городские чиновники¹⁶. Посредством надписей на votивных предметах донаторы обращались к богам как частные лица — от своего имени и с личными просьбами (главным образом о здоровье и долголетьи).

Общегородские праздники. При всех усиливавшихся различиях между верхами (элитой) и низами (горожане), все они были членами одного городского сообщества, и в этом смысле между ними сохранялось определенное равенство. Все они принимали участие в регулярных праздничных церемониях в честь главных богов и богинь городского пантеона. Помимо таких культовых праздников, которые нередко продолжались в течение нескольких дней, жители города периодически собирались, чтобы отметить важные для города события: смерть или рождение в семье правителя, окончание работ над новым храмом и т. п. Праздники включали, вероятно, не только официальные церемонии, но и процессии, общие танцы и игры и общий пир (Prentis 2010: 173, p. 708). Расходы на праздничные церемонии тщательно учитывались городской администрацией¹⁷.

В ходе праздника атмосфера единения между членами коллектива города воссоздавалась не только участием в общих церемониях, но и благодаря четко отработанной традиционной системе праздничных приношений и обмена дарами между группами внутри отдельного хозяйства и между представителями разных хозяйств города. Обязательные дары приносили богам и умершим предкам. В праздники, посвященные отдельным богам городского пантеона, каждое крупное хозяйство города направляло дары (шерсть, сливочное масло, эммер, финики, иногда одежду) в храмы этих богов, служителям культа, членам правящей семьи, высокопоставленным чиновникам. По случаю заверше-

¹⁶ Адаб 26 в. до н. э. Некий Ур-эшшила, бладобрей и городской старейшина Адаба, оставил несколько надписей от своего имени на каменных сосудах, плакетках и статуэтках, посвященных в храм «за жизнь» правителя (SARI I, 16).

Лагаш 25 в. до н. э. Надписи на глиняных конусах, сообщающие об участии в украшении храма Инанны, построенного правителем Лагаша Эннатумом, оставили сын правителя Луматур (SARI I, 52) и высшие чиновники: старший цирюльник Шуне-альдугуд, занимавший также должность инспектора «внутреннего дома», т. е. сокровищницы (SARI I, 53), и писец «внутреннего дома» Идлу-сикиль (SARI I, 53). Чиновник Бараг-киба посвятил богу Нингирсу известняковую палицу «за жизнь» правителя Лагаша Эннатума (SARI I, 54).

¹⁷ В архиве хозяйства é.mí (Гирсу) сохранились таблички с подсчетом числа участников праздника, числа животных и количества ячменя, израсходованных на угощение, а также количества ячменя, использованного для варки пива.

ния строительства храма или воздвижения в нем статуи божества праздничные дары (одежды, большое количество ячменя, эммера, масла, фиников, сыра) распределялись не только между влиятельными персонами, но и между ремесленниками, которые принимали участие в работах (среди них упоминаются главный изготовитель статуй, кузнецы, ювелиры, строители, каменщики и др.). Остальные члены общины получали праздничное угощение (Prentis 2010: 173 ff.).

В свою очередь высокопоставленные служители отдельного хозяйства (начальник отряда работников, писец, надзиратель, землемер, начальник зернохранилища, управляющий земледельцами, погонщик волов, пастух ослов, герольд, корабельщик и др.) делали по праздникам небольшие приношения своему хозяйству. Чаще всего дарили молодых животных (1 ягненка или 1 козленка), хлеб, пиво, овощи, рыбу, т. е. продукты, которые можно было сразу использовать для угощения. Иногда приношения были более значительными (например, корова), и их передавали в одну из структур хозяйства¹⁸.

Обострение противоречий между разными группами городского населения. Каковы бы ни были запасы драгоценных металлов и камней, находившихся в распоряжении отдельных представителей элиты, настоящее богатство города составляли сельскохозяйственные земли и трудовые ресурсы. Городские системы Южной Месопотамии начала III тыс. до н. э. (как это видно на примере Шуруппака, Гирсу) состояли из отдельных крупных хозяйств, управление которыми все больше концентрировалась в руках достаточно узкой группы городской административной и культовой элиты, стремившейся сделать свой статус наследственным. В надписях и хозяйственных документах из городов Южной Месопотамии середины III тыс. до н. э. косвенно отразилось постепенное расширение полномочий городских властных структур в распоряжении производственными ресурсами и людьми, и усиление давления, которое испытывали при этом отдельные группы горожан.

Верхний уровень городского социума составляли люди, входившие в состав высшего административного персонала города и отдельных крупных хозяйств. В общем плане высшая городская администрация называлась «старейшины (букв. «отцы») города» (ab.ba ugu)¹⁹. Тот же термин «старейшины» (ab.ba.ab.ba.me) служил для обозначения группы высшего административного персонала отдельного крупного хозяйства (Gelb 1979: 14). В их руках находились рычаги

¹⁸ Главным ежегодным праздником хозяйства é.mí в Гирсу был праздник, посвященный богине Бау. Помимо других церемоний в это время происходила торжественная передача почетных даров (в том числе в них входило небольшое количество молока и пива, вероятно, в специальных сосудах). В архиве хозяйства сохранились записи произведенных по этому поводу расходов. Дары предназначались лицам из числа высшего персонала é.mí и представителям высшего персонала других хозяйств Лагаша. От имени последних дары получали их жены (видимо, потому, что это был праздник богини Бау, супруги главного бога Лагаша Нингирсу). И дарители, и получатели относились, скорее всего, к одной социальной группе, представителей которой в текстах называли «важные люди» (lú igi.nigin) (Prentis 2010: 183).

¹⁹ В текстах упоминается и такое должностное лицо, как «надзиратель города (ugula ugu), о функциях которого ничего не известно.

управления производством и контроля над общими ресурсами. Именно эти люди располагали множеством возможностей и привилегий, но не персонально, а в соответствии со своим служебным статусом, как представители определенной должности, которая, во всяком случае теоретически, носила выборный и срочный характер. Однако на практике чиновники старались удержать должности в рамках своей семейной группы, передавая их по наследству. Таким образом, сохраняя одну старую традицию — выделение значительной доли общих ресурсов в распоряжение администрации, управлявшей городом и отдельными городскими хозяйствами, для использования в общих интересах, общество со временем как будто отказывалось от другой — периодического переизбрания исполнителей административных должностей.

Из числа городской элиты, очевидно, происходил и правитель города, его семья и его окружение. Изначально должность правителя также имела, по-видимому, выборный и срочный характер. Сами горожане должны были выбирать его из числа глав крупнейших хозяйств, хотя каким образом происходил этот процесс и почему именно данное лицо оказывалось на вершине этой пирамиды, можно только предполагать. На практике должность главы города в Южной Месопотамии к середине III тыс. до н. э. все чаще оказывалась наследственной, что особенно четко видно на примере правителей I династии Лагаша²⁰.

Вопрос об отношении власти и населения косвенно затронут в целом ряде шумерских литературных текстов. В них подчеркивалась важность общественного мнения, «гласа народа», к которому должен был прислушиваться глава города. Опытный правитель умел «заглушить» периодически возникавшие противоречия, не доводя дело до прямого конфликта между населением и властью (Jacobsen 1964). Тем не менее проблема эта не только не исчезала, но со временем все более усугублялась. В 28 в. до н. э. жители Урука, притесняемые правителем, обращались с жалобами к богам, и те как будто достаточно быстро реагировали на их просьбы²¹. Судя по более поздним надписям,

²⁰ Стремление правителя города использовать в своих интересах поддержку широкого круга горожан нашло свое отражение в одном из самых ранних шумерских сказаний о Гильгамеше — поэме Гильгамеш и Агга (Cooper 1981). Важный вопрос о том, посылать ли горожан Урука на межгородские общественные работы в 28–27 вв. до н. э. решал совет старейшин/отцов города, т. е. представители городской административной элиты. Правитель, по-видимому, не обладал достаточной властью, чтобы решить этот вопрос самостоятельно. Однако он мог найти возможность обойти не устраивавшее его решение. Гильгамеш вынес этот вопрос на общее собрание горожан (guruš) Урука, среди которых он пользовался явной поддержкой. И те действительно поддержали его, отказавшись участвовать в работах, на которые их пытался мобилизовать правитель города Киш. Готовясь к неизбежному, видимо, в такой ситуации военному конфликту, горожане выбрали Гильгамеша военным предводителем (lugal).

²¹ В шумерском варианте эпоса о Гильгамеше во фрагменте, который условно называется «притеснение Урука» (Klein 2002), правитель ради собственного удовольствия и развлечения заставляет небольшую группу молодых горожан, которые названы «сиротами», весь день (и ночь?) заниматься некими атлетическими соревнованиями. Характер этого «притеснения» остается неясным. Возможно, это была игра, похожая на поло, в которой в роли лошадей выступали юные горожане, а в роли наездника выступал, прежде всего, сам Гильгамеш. Весь эпизод, связанный с «притеснением», как он

в 26–25 вв. до н. э. злоупотребления властью со стороны правителя или городской элиты могли привести к более серьезным для высшей администрации последствиям²².

В 25 в. до н. э. в некоторых текстах из Южной Месопотамии для обозначения различных групп горожан стали использоваться новые термины, которые носили определенный социальный оттенок и отражали, по-видимому, реально существовавшее в городском обществе разделение горожан на две социальные группы:

1) «важные люди/господа» (lú igi.nigín) — в эту группу входили люди, занимавшие руководящие должности разного уровня;

2) люди, «подчиненные господину» (RU/šub.lugal.ke4.ne)²³, — в эту гораздо более многочисленную группу входили люди, работавшие под чьим-то руководством. Из этих двух групп более высокое положение, естественно, занимали «важные» люди, т. е. те, кто исполнял определенную административную должность или руководил профессиональной группой, но и среди них тоже была своя градация.

Так, в хозяйстве é.mí в Гирсу в группу lú igi.nigín входили 40–50 чиновников. Среди этих высоких должностных лиц упоминаются управитель хозяйства, главный певец, хранитель склада, главный купец, главный пахарь, посланник, главный администратор, надзиратель, землемер. По документам хозяйства видно, что персональный состав этой группы (т. е. имена собственные) иногда менялся, но должностной состав оставался постоянным, высокий статус этих лиц был тесно связан с занимаемой ими должностью. При этом и среди людей, занимавших руководящие должности, не было полного равенства. В одном из списков представителей группы lú igi.nigín первые 10 лиц названы lú igi.nigín.gal.gal.me, т. е. «самые важные». Вероятно, это были люди самого высокого статуса (Prentis 2010: 181 ff.).

описывается в шумерской версии эпоса, продолжался только один день. Жалобы вдов — матерей притесняемых — вызвали быстрый и эффективный отклик богов. Интересно, что в аккадском варианте эпоса, составленном гораздо позднее на основе шумерских сказаний, Гильгамеш выступает уже как могучий царь мощного города-государства с абсолютной властью над всем населением. Он притесняет все население, и мужчин, и женщин, и найти управу на него не просто даже богам. Дело, вероятно, в историческом контексте двух разных эпох, которые отразились в разновременных вариантах эпоса.

²² В надписях правителей Лагаша нашли свое отражение способы, которыми пользовались доведенные до крайности горожане, чтобы решить свои проблемы. Среди тех кар, которых достойны главы враждебных Лагашу городов (в частности, города Уммы), неоднократно упоминается такое (вероятно, достаточно реальное) наказание, как изгнание или даже убийство правителя вследствие восстания горожан (SARI I: 34, 40, 55, 56).

²³ В одном из текстов этого времени, содержащем перечень работников крупного хозяйства, весь персонал при подведении итога объединен в две группы: «важные люди (и) (люди) подчиненные господину» (lú igi.nigín RU/šub.lugal.ke4.ne BIN 8 347). Большинство исследователей переводит термин RU/šub.lugal как «подчиненные царю», но одно из основных значений шумерского слова lugal (букв. «большой человек») — «господин». Этот термин встречается и в архаических текстах, когда ни о каком царе не было и речи. Логичнее переводить его как «подчиненные господину», тем более что большинство документов середины III тыс. н. э., где встречается этот термин, дошли до нас из Лагаша и составлены в тот период, когда правители Лагаша носили титул ensi (правитель), а не lugal.

Городской социум в середине III тыс. до н. э. Социальное неравенство и злоупотребления административной властью. Несмотря на определенные изменения в системе управления и социуме, происходившие в ходе формирования и становления городов Южной Месопотамии, хозяйственное устройство городских систем середины III тыс. до н. э. в значительной степени сохраняло фундаментальные принципы, на которых была основана хозяйственная деятельность южномесопотамских поселений V, а возможно, и VI тыс. до н. э. В его основе лежало, вероятно, традиционное представление (уже во многом противоречившее реальной практике) о том, что земля и средства производства находятся в коллективном владении города (= во владении городского бога), и каждый член коллектива имеет право получать свою долю совместно произведенного продукта.

Реальная экономическая ситуация в середине III тыс. до н. э. была, по-видимому, достаточно противоречивой, поскольку в ней были смешаны и старая традиционная практика, и те новации, которые возникали в системе управления и социуме по мере становления и развития городских структур. Деятельность городских хозяйственных систем, как и в более ранний период, поддерживалась и регулировалась с помощью разных вариантов обмена: постоянного добровольного взаимобмена (реципрокция) излишками продукции, административного распределения и постепенно расширяющегося коммерческого обмена (Prentis 2010: 210). Каково было соотношение между этими альтернативными регулятивными принципами, неясно, но вместе они формировали и поддерживали хозяйственную жизнь городов.

В экономической сфере городских систем присутствовали как будто все три типа обмена, но в текстах самое большое отражение нашел распределительный, вследствие того, что именно эта сторона деятельности хозяйств фиксировалась административными документами. При этом характер распределительного обмена тоже не оставался неизменным. Если в начале становления городов в его основе лежало, вероятно, право каждого члена коллектива на долю общего продукта, то со временем он стал приобретать характер своего рода платы за услуги.

Изнутри эта система скреплялась целой сетью взаимных обязательств, объединявших всех членов хозяйства снизу доверху, от простого работника до правителя города. В самом общем плане это были обязательства между хозяйством (в лице администрации) и персоналом хозяйства. С одной стороны, хозяйство предоставляло своим членам (в разном объеме, но как минимум достаточном для существования) часть общих ресурсов и обеспечивало им безопасность. С другой стороны, взамен хозяйство требовало от получателя определенной «компенсации». Размер ее в рассматриваемый период, как правило, рассчитывался в серебре, хотя выплачивалась такая компенсация, скорее всего, натуральными продуктами или изделиями либо отрабатывалась исполнением определенной работы/службы. Взаимные обязательства существовали между руководителями всех уровней и их подчиненными. Главный управитель крупного хозяйства нес их перед правителем города или представителем высшей

городской администрации, а находившиеся в его распоряжении должностные лица имели, в свою очередь, обязательства перед главой хозяйства. Таким же образом складывались отношения и между начальником небольшой группы работников и его подчиненными.

На практике такого рода обязательства могли, вероятно, рассматриваться как взаимная задолженность. В документах хозяйства *é.mí* неоднократно упоминаются долги отдельных лиц, которые должны были быть выплачены в серебре. «Должниками» выступают руководители различных профессиональных групп (пастухов, земледельцев, ремесленников), арендаторы полей, а «кредиторами» (т. е. лицами, у которых каждый из них был «в долгу») — их начальники, стоявшие на более высокой ступени административной лестницы. Чиновники со своими ресурсами имели, конечно, большие преимущества по сравнению с отдельными работниками или группами работников, но и сами находились в положении «должников» по отношению к вышестоящим начальникам.

Смешение в хозяйственной и правовой сферах старых общинных традиций и новой административной практики, возникавшей в ходе управления масштабными материальными и трудовыми ресурсами развивающихся городских систем, создавало благоприятную почву для злоупотреблений, и этим пользовались, вероятно, начальники всех уровней, что привело со временем к серьезным конфликтам внутри городского сообщества²⁴.

В 25–24 вв. до н. э. социальное неравенство внутри городского сообщества и злоупотребления административной властью усилились настолько, что это не только отражалось на повседневной жизни отдельных горожан, но и сказывалось на хозяйственной жизни городов. Очень серьезной была проблема долговой зависимости населения. Все горожане, имевшие право на земельный надел, несли определенные обязательства по поставкам продуктов или изделий или по исполнению трудовой повинности. Тот, кто по какой-то причине не мог их выполнить, оказывался в полной зависимости от администрации. В результате могло последовать заключение в тюрьму за долги и даже продажа должника в рабство²⁵. Следствием этого могла быть потеря социального статуса

²⁴ К середине III тыс. до н. э. очень значительным стало различие между размерами земельных наделов среди горожан, т. е. лиц изначально относительно равного социального статуса (Maekawa 1987). Если надел главы города достигал площади в несколько сотен гектаров, то у простого ремесленника он мог составлять всего 1 га. При этом городская администрация, вероятно, использовала разные возможности, сокращая число получателей наделов, и даже скупая земельные наделы у тех, кто имел на них право, но по каким-то причинам не мог исполнять связанные с держанием поля обязательства.

²⁵ Индивидуальное владение частными рабами засвидетельствовано в текстах из Южной Месопотамии уже в 26 в. до н. э. (Шуруппак). С этого же времени появляются первые свидетельства того, что среди частных рабов были не только пленные и чужеземцы, но и жители городов. Покупка рабов впервые зафиксирована письменными договорами в правление Энметены (25 в. до н. э.). Большинство такого рода договоров отражает обращение в рабство свободного человека, а не перекупку рабов. Почти в каждом третьем случае в рабство продают члены семьи (родители, братья, мужья). В основе таких продаж, по-видимому, часто лежали долговые обязательства. Документов,

значительной частью горожан, что сужало группу налогооблагаемого населения, т. е. уменьшало доходы города. Со временем масштабы такой зависимости, вероятно, настолько выросли, что правители городов вынуждены были принимать определенные меры, чтобы обеспечить участие достаточного количества работников в своих строительных проектах или выполнении воинской повинности.

«Реформы» Энметены и Урунимгины. В 25–24 вв. до н. э. в надписях правителей Лагаша, сообщавших о проведении особо крупных строительных проектов, исполнение которых требовало мобилизации значительной части городского населения Лагаша и даже привлечения жителей союзных городов, появился термин «освобождение» (ama.ar.gi4)²⁶. Так, правитель Лагаша Энметена в ряде надписей, посвященных выполнению различных строительных проектов, сообщал, что он освободил жителей Лагаша от выполнения старых долговых обязательств, в том числе от уплаты по процентным долгам на зерно, и «вернул детей матери и матерей детям»²⁷. Подразумевалось, по-видимому, что правитель отменил долги по обязательствам горожан перед администрацией и освободил должников из тюрем²⁸. Тем самым Энметена избавил их от обращения в рабство, а заодно предоставил им возможность участвовать в исполнении

которые фиксировали сделки по продаже людей в рабство, от III тыс. до н. э. сохранилось немного, но показательным является то, что количество таких договоров со временем все увеличивалось: до 24 в. до н. э. — 10, от 24–23 вв. до н. э. — 56, от 22–21 вв. до н. э. — более 95 (Gelb 1991, 14).

²⁶ Шумерский термин ama.ar.gi4 буквально можно перевести как «возвращение к матери», в переносном смысле — «возвращение в исходное состояние». В аккадском языке, который долгое время сосуществовал с шумерским, но в конце III тыс. до н. э. вытеснил его из сферы разговорного языка Южной Месопотамии, этому словосочетанию соответствовало слово *andurārum*, которое обычно переводится как «освобождение». Это могло быть «освобождение» от долговых обязательств, трудовой повинности, рабского статуса (CAD v. I part II 115). И шумерский, и аккадский термины изначально были связаны не с понятием «свободы» как таковой, а с понятием «освобождения», т. е. снятия с человека неких обязательств и возвращения его в исходное состояние, когда его не связывали эти обязательства, т. е. он был «свободен». Свободным считался тот, кто вовремя и полностью выполнял все свои обязательства перед хозяйством и городом.

²⁷ В надписи Энметены, посвященной строительству и обустройству нескольких храмов в Лагаше (SARI I, 58), говорится об освобождении жителей Лагаша от уплаты долговых обязательств, в том числе от уплаты по процентным долгам на зерно. Далее в этой же надписи сообщается, что жители трех соседних городов (Урука, Ларсы и Бад-тибиры) были мобилизованы Энметеной для строительства храма в городе Бад-тибира. По окончании работ они были освобождены от дальнейших обязанностей по исполнению трудовой повинности и вернулись в свои города под власть городского божества (соответственно Инанны, Уту и Лугаль-эммуша). В другой надписи (SARI I, 67), составленной по случаю строительства огромного резервуара для воды (скорее, реконструкции, поскольку строил этот резервуар еще его дядя Эанатум), Энметена сообщает, что он «установил освобождение», вероятно, от уплаты налогов и долговых обязательств по ним для жителей Лагаша.

²⁸ Как и в любом крупном сообществе, в южномесопотамском городе в середине III тыс. до н. э. наблюдался достаточно высокий (по тем временам) уровень преступности. Уголовные преступления (кража ячменя, раба, осла, поджог дома, убийство) наказывались заключением в тюрьму. Однако в тюрьмах сидели не только воры и убийцы. Горожане попадали в тюрьму за долги или служебные злоупотребления. В тюрьму сажали и тех, кто мошенничал с мерами, увеличивал их объем при получении зерна или уменьшал при выдаче зерна. Сохранился список, составленный, возможно, представителем администрации тюрьмы, в котором перечисляются эти преступления (Wilcke 2003: 176).

трудовой и, что не менее важно, воинской повинности. Такие единовременные меры могли принести, вероятно, только сиюминутные результаты, поскольку система организации хозяйственной жизни и административной структуры оставалась прежней.

Примерно через 60–70 лет после правления Энметены Лагаш оказался в очень сложной внешнеполитической и экономической ситуации (см. ниже). При этом по-прежнему продолжались злоупотребления администрации, которые не только вызывали недовольство населения, но и сокращали трудовые и воинские ресурсы, находившиеся в распоряжении правителя. Тюрьмы, вероятно, были полны не только уголовными преступниками, но и людьми задолжавшими (администрации), и теми представителями администрации, которые оказались не в состоянии выполнить обязательства перед вышестоящим начальством. Серьезной проблемой для центральной власти могло быть и то, что отдельные группы городской элиты продолжали усиливать свое влияние.

Последний представитель I династии Лагаша Урунимгина предпринял радикальные шаги, чтобы вернуть обществу обязательный для дальнейшего более или менее стабильного существования внутренний баланс. Урунимгина надеялся достичь этого с помощью исполнения целого ряда мер, перечисленных в его пространной надписи (Реформы Урунимгины)²⁹, которая появилась, предположительно, во второй год его правления. Действие «указа» Урунимгины, так же как в свое время «указов» Энметены, распространялось на всех жителей Лагаша. И простые горожане, и представители администрации были обязаны их исполнять. Была вновь объявлена «амнистия» и освобождены жители Лагаша, сидевшие в тюрьме как за уголовные преступления, так и за долги и мошенничество. В одном из разделов текста перечисляются те, кто попал под амнистию: «жители Лагаша — те, кто жили в долгах, те, кто пользовались фальшивой мерой и те, кто неправильно наполняли (установленную) меру зерном, воры и убийцы — от всех их он очистил тюрьму и свободу (ama.ar.gi4) их установил» (Steinkeller 1983: 232). Проведение в жизнь всех этих мер должно было, вероятно, не только смягчить самые острые углы социальных и экономических противоречий, но и способствовать ослаблению влияния отдельных особо сильных групп городской элиты.

Содержание «указа» вкратце можно изложить следующим образом. Вводная часть является посвящением главному богу Лагаша Нингирсу, а также описывает строительные деяния Урунимгины. Во второй части приводится длинный список злоупотреблений, укоренившихся в обществе, в том числе присвоение прежним правителем и его семьей имущества, принадлежавшего богам. Третья часть — описание вступления Урунимгины на престол путем избрания (бог Нингирсу выбрал его как самого достойного из 36 000 жителей

²⁹ В тексте, который изучается в течение десятилетий, многое по-прежнему остается непонятным (Foster 1981; Дьяконов 1983: 207 сл.). Даже сама цель проведения реформ разными исследователями трактуется по-разному. Тем не менее все они сходятся во мнении, что этот текст, несомненно, отражает серьезные изменения, которые происходили в обществе Южной Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э.

Лагаша) и представление нового порядка, который искоренял злоупотребления. В конце надписи повторяется описание строительной деятельности правителя и формулируется главная цель реформ: «Чтобы сироте и вдове сильный человек никакого (зла) не причинил, он (Урунимгина) заключил с богом Нингирсу этот договор»³⁰.

О том, насколько сильным было социальное напряжение в обществе, говорит и перечисление мероприятий, декларированных в реформах. Целый ряд мер был направлен на отмену или смягчение некоторых особо вопиющих злоупотреблений, исходивших от начальников разных уровней, которые, по-видимому, использовали в своих интересах не только административные ресурсы, но и имущество подчиненных. Были значительно уменьшены или отменены некоторые налоги и сборы, собираемые по специальным случаям (помолвка, свадьба, похороны) или от держателей отдельных должностей. Богам были «возвращены» хозяйства, которыми противоправно пользовался правитель и члены его семьи. Представление о том, что земля, изначально принадлежавшая богам как покровителям общины, должна находиться в коллективном пользовании, оставалось достаточно устойчивым. «Возвращая» землю богам, Урунимгина, возможно, декларировал возвращение прежней коллективной системы пользования и управления сельскохозяйственными территориями и распределения получаемых ресурсов с целью успокоить общественные настроения.

Однако фактически и после провозглашения этих указов общая ситуация, судя по всему, мало изменилась. Последовавшее вскоре серьезное военное поражение Лагаша (см. ниже) и бегство Урунимгины в Аккад (?) положили, вероятно, конец его преобразованиям.

³⁰ Содержание этого текста большинство исследователей интерпретировали так, что земля и хозяйство, которые ранее принадлежали богам, были узурпированы прежними правителями и их семьями, но Урунимгина, будучи особо благочестивым правителем, восстановил старый порядок и вернул первоначальным владельцам, т. е. богам, то, что им принадлежало. По мнению других, Урунимгина, основываясь на авторитете божества, попытался изменить ряд прежних обычаев, чтобы смягчить резкие противоречия и сделать общество более управляемым (Foster 1981: 237). В любом случае, независимо от того, отражал ли этот текст реальные намерения правителя или он был только риторикой, Урунимгина, безусловно, не мог и не собирался радикально менять сложившуюся систему.

Глава V

Южная Месопотамия в 24–23 вв. до н. э.

Север в середине III тыс. до н. э. Контакты Севера и Юга в первой половине III тыс. до н. э. Политическая ситуация в Южной Месопотамии в 24 в. Объединение Южной Месопотамии под властью царей Аккада. Политическая история южнмесопотамских городов в правление аккадской династии.

Центральная и местная администрация в городах Южной Месопотамии. Доля царя. Крупные хозяйства. Городское управление. Городское имущество. Городские фонды. Межгородской обмен. Международная торговля.

Население городов Южной Месопотамии в 24–23 вв. Городской социум. Ремесленники. Служебная и «частная» деятельность горожан. «Частная» деятельность в сфере торговли, обмена и кредитования.

Коллективные работы в аккадский период. Царские проекты. Коллективные работы в Нипуре. Коллективные работы в Умме.

Конец аккадской династии.

Северная Месопотамия и Сирия в середине III тыс. до н. э. После нескольких столетий упадка городской жизни, следовавших на территории Севера (Северной Месопотамии и Сирии) в конце IV тыс. до н. э. — во второй четверти III тыс. до н. э. многие старые города стали возрождаться, богатеть и усиливать свое влияние в регионе. К середине III тыс. до н. э. целый ряд городов в Северной Месопотамии и Сирии переживал период расцвета¹. На севере — Ашшур, Телль Тайа (севернее Ашшура); в долине Хабур — Телль Лейлан, Телль

¹ В середине III тыс. до н. э. на территории Верхней Месопотамии существовало множество крупных городских центров, семитоязычных на западе и хурритоязычных на востоке. Некоторые из них были центрами масштабных политических структур, территория которых простиралась между Евфратом и Балихом и между Хабуром и Тигром.

Куера, Нагар, Шехна и Уркеш; Эбла к юго-западу от Алеппо; Мари, Туттуль, Эмар и Каркемиш вдоль Евфрата. Самые значительные из них превратились в административные и политические центры обширных территорий. В них присутствовали все атрибуты комплексных урбанистических обществ: монументальные строения, роскошные погребения знати, наличие письменности² (Akkermans 2003: 231). Это были большие укрепленные города площадью до 100 и более гектаров, превосходившие в этом отношении многие современные им города Южной Месопотамии, с десятками тысяч жителей и трехчастной системой управления (царь, старейшины, элита). Старейшины были, вероятно, представителями самых важных семей, интегрированными в царское окружение. Политические структуры Севера, по-видимому, развивались в направлении формирования территориальных государств под наследственной властью сильного светского царя, опиравшегося на городскую олигархию (Mieroop 2002: 136). Элита использовала власть, чтобы аккумулировать в своих руках колоссальные богатства, прежде всего в форме драгоценных металлов и предметов роскоши, привозимых из чужеземных земель. Обладание этими предметами отличало элиту от других групп общества и при жизни, и после смерти.

Все крупные города Севера были вовлечены в международную торговлю, и, видимо, именно торговля была основой их процветания. Два основных пути соединяли Север с восточными регионами и городскими центрами Южной Месопотамии. Северный путь проходил через город Нагар, южный вел вдоль Евфрата и проходил через город Мари. Города Севера поддерживали тесные контакты между собой, посылая друг другу своих представителей, обмениваясь дарами и заключая браки между царскими семьями. Соперничество городов в борьбе за контроль над торговыми путями нередко приводило к конфликтам и к созданию военных альянсов. Крупные кампании тщательно планировались, к ним привлекались войска союзных и контролируемых городов. После победы все участники военных действий получали награды от победителя, правителям и старейшинам городов, а также высшим должностным лицам из городской администрации посылались дары, чаще всего драгоценные металлы, дорогая одежда, предметы роскоши, колесницы.

В первой половине 24 в. до н. э. на политической сцене Северной Сирии и Центрального и Среднего Евфрата доминировали и соперничали между собой два почти равных по значимости и богатству города, Эбла и Мари³. Осталь-

² От середины III тыс. с территории Севера дошло значительное количество текстов из Эблы (15 000), Мари, Телль Бейдар, Телль Брак и Телль Биа. Писцовая традиция, вероятно, пришла на Север из Южной Месопотамии, прежде всего из таких городов, как Абу Салабих и Киш, во второй четверти III тыс. до н. э. как результат постоянного культурного взаимодействия между двумя регионами.

³ Расцвет Мари и Эблы в значительной степени был связан, вероятно, с тем, что они контролировали важнейшие источники снабжения Месопотамии лесом и серебром, которые находились в горах Ливана и Антиливана, а также в горах Амануса и Тавра. Не случайно в те времена в Южной Месопотамии эти горы назывались Горами кедров и Горами серебра. Возможно, какое-то время под частичным контролем Мари и Эблы находились также и те области в горах Тавра и Южной

ные города были вынуждены подчиняться гегемонии одного из этих двух больших центров, при случае переходя из одного лагеря в другой. Большое значение для обоих городов имели торговые и дипломатические связи с самым северным городом Южной Месопотамии — Кишем и его союзником — Акшаком.

На некоторое время городу Мари удалось распространить свою экспансию далеко на северо-запад (возможно, вплоть до Каркемиша). Войска Мари одержали целую серию побед в регионе Среднего Евфрата, захватив и разрушив множество сопротивлявшихся городов. Чтобы избежать вторжения войск Мари на свою территорию, Эбла в течение нескольких десятилетий платила огромную дань, в которую входили сотни килограммов серебра и десятки килограммов золота. Интересно, что администрация Эблы, вероятно, из идеологических соображений в расходных документах обозначала эту дань как дары. Принудительные «дары» переправлялись в Мари по воде через город Эмар, важный порт Эблы на Евфрате. Получателями этих сокровищ были царь города Мари, высшие должностные лица и старейшины (Archì, Biga 2003).

Однако через несколько десятилетий Эбле удалось взять реванш. После длительных дипломатических переговоров с потенциальными союзниками (в эту широкомасштабную дипломатическую игру был вовлечен даже Ашшур на Тигре) Эбла заключила военный союз с правящими домами городов Нагара и Киша, заинтересованными в ослаблении Мари как торгового соперника. Киш в это время был важнейшим политическим и торговым центром северной части аллювиальной долины. Через него проходила значительная часть импорта с Севера в Южную Месопотамию⁴. В восьмидесяти документах из архива Эблы, относящихся к этому времени, Киш упомянут не менее ста раз. Готовясь к военным действиям, Эбла собрала большое войско, в которое прислали свои отряды все союзники и контролируемые Эблой города. Главное сражение произошло около города Терка. Войско Эблы одержало решительную победу, и все союзники были награждены. В благодарность за помощь две принцессы царского дома Эблы были выданы замуж за принцев Нагара и Киша. На короткое время возникла обширная политическая структура с центром в Эбле, занимавшая и Северную Сирию, и Средний Евфрат, так же как и северную часть аллювия.

Анатолии, откуда происходила значительная часть поступавшего в Южную Месопотамию золота и меди. При раскопках царского дворца в Эбле были найдены куски лазурита весом до 22 кг, привезенные из Бадахшана на востоке Афганистана, т. е. с территорий, отдаленных от Эблы на 3000 км. Возможно, именно через Эблу при посредничестве Библа лазурит поступал в Египет. В Эбле найдены осколки египетских алебастровых и диоритовых сосудов, на которых сохранились фрагменты надписей египетских правителей эпохи Древнего царства — фараонов Хефрена и Пепи I (Akhermans, Schwartz 2003: 240).

⁴ Киш часто фигурирует в текстах из Эблы как торговый партнер, также в них упоминается, хотя и реже, Акшак, располагавшийся, как и Киш, на севере аллювиальной долины. Из городов южной части аллювия в архивах упоминается только Адаб. В надписях правителей шумерских городов часто говорится о привозных материалах, использовавшихся для украшения храмов (это золото, серебро, ляпис-лазурь, драгоценные породы деревьев) и даже об установлении постоянных жертвоприношений из драгоценных металлов и ляпис-лазури (SARI I, La 5, 7, 18, 20, 23).

Однако через три года после победы над Мари Эбла была полностью разрушена и навсегда потеряла все претензии на контроль над регионом⁵.

Контакты Севера и Юга в первой половине III тыс. до н. э. Тем «котлом, в котором варились религиозные, культурные, художественные традиции, поднимавшиеся на север из Шумера и опускавшиеся на юг из Сирии и Северной Месопотамии», была территория Центральной Месопотамии и севера аллювия (Gelb 1981). В политическом развитии этого региона, по-видимому, в значительной степени повторялись процессы, которые шли на Севере. Потомки семитоязычного населения, некогда заселившего район Диялы и север аллювиальной долины, уже к началу III тыс. до н. э. сформировали здесь социально-политическую систему северного типа, значительно отличавшуюся от тех, которые существовали на Юре (Steinkeller 1993).

В течение большей части III тыс. до н. э. до формирования аккадского государства (около 2350 г. до н. э.) территория Центральной Месопотамии и северная часть аллювия (район Диялы, некоторые транстигридские территории и, вероятно, район среднего Евфрата вплоть до Мари), возможно, представляли собой единую политическую структуру. Ее расцвет некоторые исследователи связывают с I династией Киша, упоминаемой в шумерском царском списке в качестве первой послепотопной династии (Gelb 1981; 1992). Видимо, именно Киш был тем центром, через который в этот период проходили основные торговые пути, связывавшие Юг и Север.

Жители Центральной Месопотамии и северной части аллювиальной долины постоянно поддерживали тесные связи с родственным по культуре и языку населением севера и северо-запада и одновременно находились в контакте с южными соседями. Возможно, уже в первой половине III тыс. до н. э. население северной части Южной Месопотамии говорило на двух языках: шумерском и каком-то варианте раннесемитского. Это подтверждается изучением личных имен, имен богов и топонимов. В этом отношении характерны имена правителей I династии Киша, перечисленные в шумерском царском списке. Из 23 упомянутых в нем имен по крайней мере 13 — явно семитские. Возможно, самые ранние правители Киша, которые носили значимые семитские имена (Скорпион, Рыба, Собака), были представителями древнейшего семитоязычного стратума местного населения, заселявшего этот регион еще в VI тыс. до н. э. (Gelb 1981: 54–55, 67). Семитские имена также появляются в текстах середины III тыс. до н. э. из Кеша (Абу Салабиха), Шуруппака, Адаба и Ура. Одна из цариц Ура, похороненная в царских гробницах, носила семитское имя Пуаби (Zettler 1998).

Шумеро-аккадское взаимодействие и взаимовлияние проявлялись и в сфере религии. Шумерские боги Уту, Энки, Инанна и Нанна очень рано были идентифицированы с такими аккадскими богами, как Шамаш, Эа, Иштар и Син.

⁵ Разрушение Эблы обычно приписывают царю Аккада Нарам-Сину (см. ниже), однако это событие могло произойти еще до возникновения Аккадского государства и быть связано с именем одного из правителей города Мари (Wang 2011: 101). Через 13 лет после разрушения Эблы войско аккадского царя Саргона завоевало и полностью разрушило город Мари (Archì, Biga 2003: 35).

Энлиль и Нинурта, однако, никогда не соотносились ни с какими аккадскими богами. Илум — вероятно, главный аккадский бог — в некотором отношении был похож на шумерского бога Ана.

В северной части аллювиальной долины уже во второй четверти III тыс. до н. э. семитоязычное население было, по-видимому, полностью интегрировано в городские структуры и занимало в них достаточно высокое положение. Большая часть писцов, которые в 26 в. до н. э. составляли документы в Кеше (Абу Салабихе), городе, располагавшемся на границе северной и южной части аллювия, носили семитские имена. В это же время шумерская система письменности начала использоваться и для записи текстов на языке семитоязычной части городского населения аллювия. Этому способствовал сам характер шумерского письма, идеографические знаки которого могли читаться как по-шумерски, так и по-семитски. В административных документах, составленных писцами Абу Салабиха, попадаются отдельные семитские слова и числительные (Biggs 1967). В ряде случаев трудно определить, на каком языке был записан тот или иной текст, на шумерском или семитском. Результатом тесных контактов между Севером и Югом во второй четверти III тыс. до н. э. стало быстрое распространение на территории Севера месопотамской клинописи для записи текстов на местных семитских диалектах⁶.

О теснейших культурных контактах и взаимовлиянии Севера и Юга свидетельствуют и памятники искусства того времени⁷. К сожалению, эта тема пока почти не изучена, и далеко не все артефакты, найденные археологами, опубликованы. Но и тот материал, которым располагают исследователи, производит сильное впечатление. Бросается в глаза удивительное сходство иконографических изображений Эблы (львиноголовый орел, терзающий двух быков с человеческими головами, статуэтка из стеатита и золотой фольги, изображающая быка с человеческой головой) с мифологическими сценами на предметах из гробниц Ура. Мозаики из Ура, Киша, Мари и Эблы, изображающие военные сцены, имеют явные стилистические параллели, а вооружение и обмундирование воинов на всех изображениях практически одинаковое (Cohen 2005: 143). Одна из самых распространенных сцен всех этих мозаик — это сцена расправы воинов с пленными и пира царя-победителя⁸. Стилистические

⁶ Около 230 письменных документов найдены в городище Телль Бейдар. Ориентировочно они датируются 2400 г. до н. э. Большинство табличек обнаружены в частных домах, несколько — в районе дворца и в административных зданиях. Шумерская система письма использовалась в Телль Бейдар для передачи местного варианта семитского языка. Как и в других городах Севера того времени (Мари и Эбле), записи в основном велись в административных целях. Таблички из Телль Бейдар содержат сведения о передаче продуктов и выдаче рациона работникам, подсчеты скота. Найден также один литературный текст, записанный по-шумерски.

⁷ Целый набор прекрасно изготовленных драгоценных предметов, часть которых, несомненно, происходит из Южной Месопотамии, был найден в Мари. Это фигурки из камня и золота, бусы из лазурита. Как эти предметы попали в Мари, можно только предполагать. Возможно, в качестве дара или в результате обмена.

⁸ Один из памятников, который условно называют «стандарт из Эблы», представляет собой деревянную панель (для стены?), которая была украшена мозаикой из известняка, сохранившейся только

параллели прослеживаются и в скульптуре Северной и Южной Месопотамии (Mieroop 2004: 41).

Политическая ситуация в Южной Месопотамии в середине III тыс. до н. э. В 25–24 вв. до н. э. активно развивались торговые отношения между отдельными городами Южной Месопотамии и аллювиальной долины с отдаленными областями на севере, северо-западе, востоке и юге, что подтверждают богатые находки предметов из привозных экзотических материалов в погребениях элиты. В это время в Южной Месопотамии впервые в больших количествах появляется сердолик из долины Инда, золото, серебро, хлоритовые сосуды, ляпис-лазурь. Значительная часть драгоценного импорта (медь, олово, серебро, древесина, драгоценные камни) поступала через морскую торговлю. Особенно много ввозилось меди в обмен на зерно, шерсть и одежду. Постепенно среди населения все шире стали распространяться предметы роскоши, особенно изделия из бронзы.

Между отдельными городами Южной Месопотамии по-прежнему сохранялся определенный уровень региональной специализации в отношении как местной, так и привозной продукции. Например, Лагаш поставлял рыбу и импортировал медь. Адаб, вероятно, производил кожу и импортировал свинец. Умма специализировалась на текстиле. Среди даров, посылаемых городами в Ниппур, была кожа из Адаба и одежда из Уммы (Westenholz 1984: 29, n. 50).

Наряду с определенным хозяйственным единством на территории аллювиальной долины сохранялась и поддерживалась традиция единства пантеона. Уже во второй четверти III тыс. до н. э., по-видимому, окончательно сформировался общий южномесопотамский пантеон (Steinkeller 1993: 117), во главе которого стоял Энлиль, главный бог Ниппура. В соответствии со своим статусом Энлиль был владельцем и божественным правителем всей территории Южной Месопотамии⁹. Ему подчинялись другие боги шумерского пантеона, каждому из которых бог Энлиль определил свою территорию, с центром в городе, где находился Дом-храм этого бога. Энлиль устанавливал границы между владениями богов и сам разрешал все территориальные претензии, являясь главным арбитром в конфликтах, особенно приграничных между городами.

Еще в 26 в. до н. э. в текстах из Шуруппака появился термин *ki en.gi*, первоначально обозначавший, по-видимому, юго-западную часть аллювия (см. выше стр. 75–76). Очевидно, этот небольшой регион культурно и политически был очень важен для всех городов юга, и позднее его название перешло на всю южную часть региона Южной Месопотамии. Термин «страна» (*kalam*), встречающийся в надписях некоторых городских правителей с середины

фрагментарно. Мозаика из Эблы, как и «стандарт из Ура», состояла из нескольких регистров, на одном из них изображены воины-победители, которые захватывают и обезглавливают пленных (Akkermans 2003: 240).

⁹ Сохранились посвятельные надписи Энлилю от правителей южномесопотамских городов (Уммы, Урука, Ура), в которых Энлиль назван «царем страны» (*lugal kalam.ma*) (SARI I, 108). Исполнителем воли Энлиля называл себя в надписи и царь Мари (SARI I, 87).

III тыс. до н. э., служил, вероятно, для обозначения всей территории Южной Месопотамии. Он использовался и в текстах аккадского времени. Тогда же появилось упоминание о двух географических и, возможно, административных регионах, которые составляли территорию Южной Месопотамии: в текстах, записанных по-шумерски, ее северную часть, видимо, стали называть *ki urī*, а — южную *ki en.gi*¹⁰. В текстах, записанных по-аккадски, этим названиям соответствовали слова Аккад и Шумер.

Политическая ситуация в Южной Месопотамии в этот период была достаточно сложной. По-видимому, продолжалось начавшееся задолго до этого соперничество двух коалиций южномесопотамских городов — юго-востока аллювия, связанных с рекой Тигр, и юго-запада, в основном располагавшихся на Евфрате и его притоках. Лидерами этих двух групп были города Урук/Ур и Лагаш. Периоды мирного сосуществования, когда между правителями Лагаша и Урука даже заключались «договоры о братстве» (SARI I, 58), сменялись жесткими военными конфликтами¹¹. Не менее серьезные угрозы для городов южной части аллювия исходили с севера. Чаще всего как военные противники в надписях правителей Лагаша, Ура и Урука в 25–24 вв. до н. э. упоминаются города северной части аллювия Киш и Акшак, тесно связанные с политическими структурами на севере и северо-западе (SARI I, 107, 109). Киш и Акшак, вероятно, выступали не по одиночке, а в составе военных союзов (в том числе с Мари).

В середине III тыс. до н. э. на юг аллювиальной долины постоянно приходили завоеватели с севера, северо-запада и востока, с которыми приходилось бороться и Лагашу, и Уруку¹². Во второй половине 25 в. до н. э. особенно усилилась военная угроза с севера, что не могло не подталкивать правителей южных городов к мысли об объединении.

¹⁰ В одной из надписей Нарам-Сина (сохранившейся в старовавилонской копии) упоминается высшее военное должностное лицо (генерал) территории *ki.en.gi* и *ki.urī* (RIME 2: 100). В гимне храму бога Энлиля, авторство которого приписывается дочери Саргона Энхедуанне, термин *ki urī* появляется в паре с термином *ki en.gi*, когда описывается территория, подвластная богу Энлилю, сказано: «Твое правое (= юг) и твое левое (= север) — это *ki.en.gi* и *ki.urī*». Существовавшая в то время система ориентации по сторонам света предполагала исходную позицию лицом на восток. В этом случае по правую руку оказывался юг, а по левую — север (Wang 2011: 214). Самая ранняя аккадская форма шумерского термина *ki.en.gi* (*šū-me-ri-im*) встречается в надписи сына Саргона царя Римуша (RIME 2, 47).

¹¹ Возможно, из-за этой вражды лагашские цари вовсе не упоминаются в шумерском царском списке, который, скорее всего, составлялся в Уре.

¹² Точно неизвестно, как происходило продвижение войск (захватчиков или защитников) по территории Южной Месопотамии, каким образом, например, объединенные войска союзников проходили в Лагаш, ведь для этого им требовалось пройти по территории целого ряда городов. О передвижении значительных военных сил южномесопотамских городов на большие расстояния упоминается в тексте 23 в. до н. э. (см. ниже), когда войска южных городов оказались у горы Башар (Джебел Бишри), где они вместе со своими союзниками амореями выступили против Нарам-Сина, но потерпели поражение. Если верить цифрам, приведенным в победоносной надписи Нарам-Сина (137 400 убитых и плененных воинов, не считая высшего военного начальства), войско южан было огромным. Возможно, и в том и в другом случае часть пути была проделана по воде, как это было с войском правителя Киша Агги, когда тот выступил против Урука.

Правитель Лагаша Эанатум (около 2425 г. до н. э.) в своих надписях сообщает не только о победах над Уммой, Уром и Уруком, но и о том, что он разгромил Элам, Сузы и Мишуме в Иране, Мари на среднем Евфрате и Субарту¹³, победил Киш и Акшак (SARI I, 33–47). Эанатум называет себя «воином Энлиля», который подчинил для бога Нингирсу чужие земли, богатые особо ценными материалами: «Элам и Субарту, горные земли, (полные) олова и сокровищ» (SARI I, 33–39). Надписи Эанатума создают впечатление, что этот правитель Лагаша сумел распространить свое влияние почти на все города Южной Месопотамии и даже за ее пределы, взяв под свой контроль город Мари на среднем Евфрате. Именно поражение, нанесенное главным городам Севера — Кишу, Акшаку и Мари — дало, вероятно, основание Эанатуму называть себя «лугалем Киша», т. е. гегемоном северных территорий¹⁴.

Однако, несмотря на все претензии на гегемонию над югом и севером, которые отражаются в надписях Эанатума, в реальности ему приходилось, главным образом, отражать нападения извне и бороться с ближайшим соседом Уммой. Лагаш скорее победоносно сражался с внешними врагами и оттеснял агрессоров на их территории, нежели пытался захватить чужие земли¹⁵. Тем не менее можно согласиться, что именно в правление Эанатума постепенно начала реализовываться идея о необходимости политического объединения всей территории Южной Месопотамии.

На протяжении 25 в. до н. э. города юга аллювиальной долины не только защищались, но и сами периодически нападали на северных соседей. Правитель Урука Эншакушана (около 2400 г. до н. э.) сообщает в своей надписи, что он разгромил войско Киша и пленил его царя Энби-иштара. Эта победа сопровождалась разрушением побежденных городов, т. е. Акшака и Киша, и их разграблением¹⁶. Вывезенные оттуда драгоценные металлы, ляпис-лазурь, дорогую древесину Эншакушана посвятил в храм Энлиля в Ниппуре (SARI I, 105). Эта победа, вероятно, позволила Эншакушане принять титул «правитель Киэнги, царь Страны» (en ki en.gi lugal.kalam). Возможно, это была первая реальная

¹³ В 25 в. до н. э. название Субарту носила централизованная политическая структура, располагавшаяся, вероятно, на территории, где позднее возникло Ассирийское государство, или чуть западнее. Судя по надписям Эанатума, она была способна отправлять свои войска на очень дальние расстояния (SARI I, 33 ff.).

¹⁴ Топонимом Киш в это время обозначали, видимо, не только сам город и его городскую систему, но и ту обширную территорию к северу от аллювиальной долины, политическим центром которой он был.

¹⁵ Канал Антасура, возле которого войско Эанатума победило войска Киша, Акшака и Мари, часто упоминается в надписях из Лагаша. Он располагался на территории Лагаша, граничившей с Уммой. Там же, вероятно, находился и канал Сухур, где, судя по надписи Эанатума, лагашиты нанесли поражение войскам Элама, Субарту и Уруа (Michałowski 1986: 136).

¹⁶ Правители Эблы внимательно следили за событиями в регионе, радуясь поражениям городов-соперников, независимо от того, в каких отношениях они были с ними в тот момент. В одном из эблитских текстов упоминается о награде в 1 мину серебра гонцу из Мари, который принес в Эблу весть о поражении Киша. Кто именно в тот раз нанес поражение Кишу, неизвестно. Через 6 лет после этого Киш пострадал еще от одного нападения, возможно, совершенного Эншакушаной из Урука. Вести о разрушении городов Киша и Акшака доходили в Эблу из Мари и Туттуля, гонцы, приносившие эти вести, щедро награждались.

попытка политического объединения всей Южной Месопотамии или, во всяком случае, претензия на такое объединение.

Объединение Южной Месопотамии под властью царей Аккада. Чаше всего в надписях городских правителей Южной Месопотамии упоминаются военные конфликты с располагавшимися на севере аллювиальной долины городами Киш и Акшак, которые соперничали и между собой, и с расположенными южнее городами в борьбе за лидерство в регионе Южной Месопотамии. В 24 в. до н. э. к этим двум соперничавшим северным центрам присоединился еще один, Аккад¹⁷. К этому времени Аккад, вероятно, был уже достаточно старым городом и центром группы городов, располагавшихся в зоне влияния Киша. Жители этого региона говорили на том диалекте семитского языка, который позднее при возвышении аккадской династии превратился в официальный государственный язык¹⁸. Эншакушана, который был лугалем Урука в первой половине 24 в., примерно за поколение до Саргона, датировал один год своего правления по разграблению города Аккада, произошедшему, очевидно, во время похода урукитов против Киша (Westenholz 1999: 31).

Около 2350 г. до н. э. во главе региона встал один из представителей местной элиты, который позднее стал известен под семитским именем Шаррум-кен/Саргон (*šarrum kēn*, т. е. царь истинен). Местом своего пребывания он сделал город Аккад. Этот топоним дал название династии Саргона (аккадская династия), языку, на котором он говорил (аккадский язык), и стране, где он жил (Аккад)¹⁹. Это же название стало этнонимом для представителей той группы семитоязычного населения, из которой происходил и сам Саргон: позднее их стали называть аккадцами²⁰.

¹⁷ Местоположение города Аккада (Agade) до сих пор не известно. Возможно, он стоял возле впадения Диялы в Тигр. Высказывалось предположение, что город контролировал территорию к северу от собственно аллювия, ограниченную Тигром, Большим (Верхним) Забом, горами и районом Диялы, т. е. как раз тот регион, куда в течение нескольких предшествующих тысячелетий с запада мигрировали отдельные, предположительно семитоязычные группы (Weiss 1975: 442 ff.).

¹⁸ Этот диалект, по-видимому, отличался от досаргоновского аккадского, бытовавшего на севере аллювия, так же как и от аккадского языка времен III династии Ура, который, вероятно, был архаическим вариантом старовавилонского. «Согласно доминировавшей до недавнего времени точке зрения, единый староаккадский диалект являлся общим языком-предком, который в начале II тыс. распался на вавилонский и ассирийский диалекты. Эта точка зрения оспаривается рядом видных ассириологов (О. Вестенхольцем, В. Зоммерфельдом). Как показал Зоммерфельд, некоторые из специфических черт саргоновского диалекта свойственны позднему вавилонскому, а некоторые другие — ассирийскому». Аккадский язык саргоновской эпохи рассматривается им «как особый племенной диалект основателя династии, его потомков и ближайших сподвижников (многие из которых были высокопоставленными писцами, т. е. фактически авторами дошедших до нас документов). Этот диалект не был тождествен разговорному аккадскому языку, распространенному в ту эпоху на большей части Месопотамии, и вышел из употребления сразу после гибели Аккадской династии» (Коган, Лезов 2009: 116).

¹⁹ Правление этой династии продолжалось примерно 200 лет с середины 24 по середину 22 в. до н. э. Этот период в истории Месопотамии условно называется «периодом Аккада» или периодом «правления аккадской династии».

²⁰ Вопрос о происхождении семитоязычной части населения Месопотамии, прежде всего аккадцев, долгое время рассматривался в исторической науке в тесной связи с твердо укоренившимися

Уже в первые годы правления Саргона возглавляемая им новая политическая структура, по-видимому, не только отделилась от Киша, но и возвысилась до гегемонии над всем севером аллювиальной долины, где его воспринимали как своего царя. Вероятно, именно тогда Саргон принял титулы «царь Аккада» и «царь Киша». Каким образом произошло это возвышение, неизвестно. Нет никаких намеков на завоевательные действия Саргона в этом регионе, кроме упоминания в более позднем литературном тексте о его восстании против царя Киша Ур-Забабы, нет сведений и о восстаниях против него в этом регионе (Westenholz 1999: 36).

Возможно, именно появление новой сильной политической структуры на Севере, подчинившей себе даже мощный Киш, явилось дополнительным стимулом для нового объединения городов южной части аллювия. Попытки в этом направлении велись уже давно и правителями Урука (лидера юго-западной части аллювия), и правителями Лагаша (лидера юго-восточной части аллювия) (см. выше). В значительной степени это объединение, как и более ранние союзы, явилось результатом договоров между городами. Во главе этого объединения встал Лугаль-загеси, который был правителем города Уммы, а позднее с согласия (добровольного или вынужденного?) большинства городов юга, кроме коалиции Лагаша, был провозглашен в Ниппуре «царем Урука и царем страны» (Powell 1996: 313).

Это событие отражено в знаменитой надписи на вазах из Ниппура, составленной от имени самого Лугаль-загеси²¹. В ней он предстает как царь, возведенный на трон Энлилем и поддержанный главными богами присоединенных городов. В надписи подробно описывается благополучие и процветание, которое наступило в стране, когда бог Энлиль, царь всех стран, «положил к его ногам все земли от востока до запада» и привел для него в порядок пути «от Нижнего моря (вдоль) Тигра и Евфрата до Верхнего моря». Судя по содержанию надписи, и жители Киэнги, и правители других земель признали власть Урука добровольно и «радостно праздновали это событие». В надписи ничего не говорится о военных походах и завоеваниях (SARI I, 94).

Однако в реальности ход событий мог быть и другим. Несмотря на описания всеобщего мира и процветания, которые установились в «стране» при Лугаль-загеси, против городов, которые не желали входить в коалицию, принимались самые суровые меры. Войска юго-западной = евфратской группы городов во главе с Уруком осуществили давнюю мечту урукских правителей — завоевали Киш на севере, а затем Лагаш на юго-востоке, объединив под своей властью всю территорию Южной Месопотамии. Информация об этом достаточно скудная, но она особенно ценна, поскольку содержится в синхронных источниках. Как сообщается в надписи последнего правителя Лагаша Уруинимгины, в кон-

представлениями о кочевом происхождении различных групп семитских народов, однако уже довольно давно это утверждение стало подвергаться аргументированной критике (Weeks 1985).

²¹ Сохранилось более ста фрагментов каменных сосудов, на которых была вырезана эта надпись (SARI I, Um. 7, 1). Возможно, сосуды были пожертвованы в храмы Ниппура правителями разных городов по случаю провозглашения Лугаль-загеси «царем страны» в Ниппуре (Westenholz 1987: 90, 155–157).

це его правления территория Лагаша подверглась страшным разрушениям (SARI I La 9, 5). В ходе военных действий войска Лугаль-загеси и его союзников разрушили, ограбили и подожгли множество лагашских храмов, уничтожили посевы зерновых на полях. За эти преступления против бога Нингирсу, главного бога лагашского пантеона, Лугаль-загеси, по словам Урунимгини, должен быть наказан богиней Нисабой.

О насильственном присоединении Киша к этой коалиции свидетельствует сообщение в надписи третьего преемника Саргона, его внука Нарам-Сина (RIME 2, 105). Если верить этой информации, Лугаль-загеси не просто завоевал и разрушил Киш, но и превратил жителей завоеванного города в рабов. Дед Нарам-Сина Саргон «освободил жителей Киша от рабства и восстановил разрушенный город»²². Опасность со стороны Лугаль-загеси для северных территорий могла побудить Саргона к решительным действиям. «Освободив» Киш и провозгласив себя царем, Саргон фактически вступил в прямую конфронтацию с Лугаль-загеси. Узнав об этом, Лугаль-загеси собрал войско из южных городов и выступил против Саргона. Произошло несколько сражений, в ходе которых Лугаль-загеси и его союзники, 50 правителей южных городов, потерпели сокрушительное поражение. Сам Лугаль-загеси был взят в плен и проведен в шейных колодках через ворота Энлиля в Ниппуре в знак того, вероятно, что Энлиль, давший ему царственность, забирает ее от него и передает Саргону²³. Позднее Саргон в своих надписях будет указывать на то, что завоевывал южные города, спасая свою территорию от посягательств правителей последних. Многие войны того времени (как и в последующие периоды) начинались как оборонительные, их направлял постоянный страх перед чужеземным вторжением.

Города Южной Месопотамии при Саргоне²⁴. В нескольких надписях Саргона, сохранившихся в поздних копиях²⁵, дается краткое описание его деяний,

²² Данные археологии свидетельствуют о том, что в 24 в. до н. э. город Киш действительно подвергся значительным разрушениям. Несколько общественных зданий, в том числе царский дворец и зиккурат, были разрушены и покинуты, а территория квартала Ингхарры была превращена в кладбище (Charvat 2002: 169 ff.).

²³ Есть предположение, что Лугаль-загеси вовсе не был казнен, а вернулся к исполнению обязанностей энси города Уммы и находился в этой должности еще в начале правления царя Римуша, сына и преемника Саргона (Westenholz 1993).

²⁴ Почти вся информация о политической жизни Южной Месопотамии в правление аккадской династии происходит из царских надписей, дошедших до нас в основном в копиях начала II тыс. до н. э. (RIME 2), а также из отдельных сохранившихся датировочных формул того времени. На основании доступных синхронных источников сложно выстроить четкую последовательность событий, происходивших в правление аккадских царей. Со времени аккадской династии в Южной Месопотамии возникла необходимость в единообразной форме датировки документов, составлявшихся на всей территории государства. Была введена официальная система датировок: предстоящий год получал название по какому-либо событию общегосударственного значения, случившемуся в предшествующем году. Такая система датировки документов просуществовала в Южной Месопотамии до середины II тыс. до н. э. (Козырева 2010). К сожалению, датировочных формул от этого периода сохранилось мало, и последовательность событий, которые в них упоминаются, часто остается неясной.

²⁵ Эти надписи, дошедшие до нас в поздних копиях, были первоначально высечены на каменных статуях, изображавших Саргона, к сожалению, не сохранившихся.

в том числе и завоевания Юга. Он одержал победу в 34 битвах против городов Юга, его воины взяли в плен 50 правителей городов, в том числе царей Урука и Ура и правителей Лагаша и Уммы. Стены всех завоеванных городов «вплоть до берега моря» были разрушены и получена дань от Урука, Ура и Уммы. Саргон упоминает и о завоевании северо-западных территорий («Верхняя страна, Мари, Ярмути и Эбла до Кедрового леса и Серебряных гор»). Судя по данным этих надписей, территория, которая была объединена под властью царя Аккада, простиралась от города Эриду на юге до города Хиза на Среднем Тигре на севере и от города Казаллу на западе до города Дер на востоке²⁶.

Большинство сохранившихся царских надписей аккадского времени посвящено описанию военных побед. В них нет почти никаких сведений о том, как развивались отношения царей с южномесопотамскими городами после завоеваний. По словам Саргона, от имени которого составлены ряд надписей, на всей подконтрольной ему территории «от Нижнего моря до Верхнего» правителями городов (*ensi*) были назначены жители Аккада, и на города были возложены обязательства по постоянной выплате дани. Столица государства, город Аккад, был превращен в главный морской порт, для чего прорыты дополнительные каналы. Через залив в Месопотамию поступали почти все жизненно необходимые материалы: медь, олово, серебро, драгоценные камни, ценная древесина. Торговые корабли, приплывавшие в Южную Месопотамию из Магана, Мелуххи и Дильмуна, стали направляться не в Ур и Лагаш, которые были до этого главными портовыми городами юга, а к пристани города Аккада.

Более поздний источник, так называемая «Хроника ранних царей», сообщает о строительной деятельности Саргона, и в этой связи там упоминаются города Киш, Аккад и Вавилон (Glassner 2004: 263 ff.). В одной из надписей третьего преемника Саргона Нарам-Сина утверждается, что Саргон «установил свободу» для жителей Киша, приказав сбрить их рабские знаки, и сорвать с них кандалы, когда «освободил» их от Лугаль-загеси, царя города Уммы (RIME 2, 105). Упоминается, что город Киш в это время (после многолетней борьбы с Лугаль-загеси?) находился в состоянии такого разрушения, что Саргон приказал заново отстроить его. В ходе этих работ две части города (возможно, Ингхарра и Хурсагкаламма) были объединены в одну (Edzard 1991). Аккадские цари считали, вероятно, что благодарный за свое «освобождение» Киш будет и в дальнейшем сохранять дружеские отношения с Аккадом.

Свидетельством подчинения городов аккадскому царю было не только разрушение городских оборонительных сооружений и уплата городами дани центру, как об этом сообщается в надписях. Новые властные структуры старались,

²⁶ Нет единого мнения по поводу того, была ли под полным контролем Саргона вся указанная территория, или он контролировал только важнейшие торговые пути, по которым передвигались стратегические ресурсы. «Аккадское присутствие» или «влияние» на этих территориях очень скудно отражено в археологических данных, и если бы не сведения, содержащиеся в аккадских царских надписях, трудно было бы представить, что аккадская армия осуществляла здесь широко-масштабные военные действия и длительное время эти регионы были частью аккадского государства.

по-видимому, установить контроль за хозяйственной деятельностью городов и координировать эту деятельность таким образом, чтобы направить часть производимых в них материальных ресурсов в центр. Однако административных документов из Южной Месопотамии от времени правления Саргона практически нет. Каким образом складывались отношения центральной администрации с городами в это время, неизвестно²⁷. Тем не менее, судя по массовым выступлениям против центральной власти, последовавшим в правление преемников Саргона, можно предположить, что новая власть не устраивала не только старую городскую элиту, но и значительную часть городского населения.

Возможно, в самом конце правления Саргона многие южномесопотамские города восстали, т. е. отказались подчиняться центральной власти и передавать в центр ресурсы. Сопротивление Аккаду возглавлял, очевидно, город Ур, где в то время правил некий человек по имени Каку, называвший себя в надписях царем (*lugal*) Ура, что было равнозначно заявлению о своей независимости от центра. Насколько этот титул соответствовал реальной ситуации, т. е. контролировал ли он правителей (*ensi*) других южных городов, неизвестно. Сын Саргона Римуш, вступив на престол после смерти отца, сразу же отправился с войском на юг, чтобы подавить мятеж.

Скорее всего, ряд южных городов — Ур, Умма, Адаб, КИ.АН, Забалам, Лагаш — просто отказались сотрудничать с центром и выплачивать ему значительную часть своих материальных ресурсов. Однако, в отличие от ситуации, с которой столкнулся Саргон при завоевании юга, когда ему пришлось бороться с коалицией южномесопотамских городов во главе с Лугаль-загеси, теперь между городами Южной Месопотамии не было, по-видимому, достаточного взаимодействия. Каждый город как будто действовал как отдельная независимая структура и также, вероятно, воспринимался Римушем, судя по его надписям. Руководили городскими ополчениями правители (*энси*) южномесопотамских городов, имена которых упоминаются в надписях Римуша²⁸.

Вероятно, выступление против центра шло прежде всего от старой городской элиты, которую Саргон постарался оттеснить от власти и источников материальных ресурсов. Однако, судя по ожесточенности, проявленной при подавлении восстания и тем огромным потерям, которые понесли мятежники, в нем участвовало практически все городское население юга, рассчитывавшее, видимо, сбросить власть Аккада раз и навсегда.

Реальную картину событий, особенно того, что касается восставшей стороны, восстановить невозможно; неизвестно, как действовали мятежники, каковы были их успехи, они упоминаются только как подавленные/побежденные Римушем. В надписях Римуша в обычном для царских надписей того времени лапидарном стиле описывается только подавление восстания. В них последовательно

²⁷ Археологи отмечают, что в аккадский период значительная часть резидентной территории Урука оставалась незастроенной (Ludovico 2008: 321).

²⁸ Все имена правителей восставших городов (Адаба, Забалама, Уммы, КИ.АН, Ура, Лагаша) и их высших советников, в том числе Мескигала *энси* Адаба, который занимал эту должность еще при Лугаль-загеси, шумерские, кроме имени правителя города Казаллу, он носил семитское имя Ашаред.

повторяется один и тот же сюжет, меняется только название города: город восстал, Римуш победил его, убил и взял в плен столько-то человек, пленил лидеров мятежа и разрушил городские стены. Ход военных действий по этим надписям можно реконструировать следующим образом. Римуш со своим войском подходил к одному из мятежных городов. Здесь, в окрестностях города, между аккадскими воинами и городским ополчением происходила битва, в ходе которой ополчение терпело сокрушительное поражение. Одержав победу, войско Римуша входило в город, разрушало его стены и оборонительные сооружения и уводило в плен часть городского населения (что происходило с пленными дальше, неясно, либо они направлялись на принудительные работы, либо их казнили)²⁹. Затем аккадское войско двигалось далее, к следующему мятежному городу. В ходе этих действий десятки тысяч ополченцев-горожан были убиты или взяты в плен и депортированы. В числе пленных были правители мятежных городов, стоявшие, вероятно, во главе ополчения. В надписях приводятся точные цифры убитых и плененных воинов и имена плененных правителей.

Таким образом, захватывая один город за другим, войско Римуша победоносно дошло от города Аккада до Персидского залива, а на обратном пути еще и завоевало и разрушило город Казаллу, располагавшийся в северо-западной части Южной Месопотамии³⁰. В ходе этой кампании были разбиты ополчения не менее чем семи крупнейших городов региона, разрушены их городские стены и укрепления, убито и взято в плен более 90 000 человек. Для проведения таких масштабных действий Римуш должен был иметь весьма многочисленную армию. Где он мог взять столько воинов? И каковы могли быть последствия для побежденных и для победителей? Возможно, Римуш дарил своим приближенным хозяйства в городах Южной Месопотамии, освободившиеся от владельцев, погибших в ходе подавления восстания (RIME 2, 40; Foster 1985; Westenholz 1993: 42), а часть жителей завоеванных городов направлялась на принудительные работы на государственных строительных проектах либо была казнена. В ходе военных действий мятежные города Южной Месопотамии могли потерять до одной трети своего взрослого мужского на-

²⁹ Люди, выведенные из города, обозначены в надписи Римуша как те, кого он «обрек на гибель» (*ana karāšim iškun*), поскольку они больше не являлись членами городской общины (ср.: в царских надписях и законах одно из самых страшных наказаний для жителя города — изгнание). Возможно, в надписях Римуша это понятие в отношении врагов, выведенных из восставших городов, употреблялось в метафорическом смысле. «Погибшими» считались не только те, кого он убил и кого взял в плен, но и те, кого он изгнал из города (Richardson 2007: 196).

³⁰ Восстание городов, так же как и действия по подавлению этого выступления, безусловно не несли никакой этнической окраски. Многие города северной части Южной Месопотамии, также принимавшие участие в восстании, имели к этому времени значительное аккадское население. Так, страшное наказание понес город Казаллу, который располагался значительно севернее Ниппура и был по составу населения в основном аккадским. Старейшины Казаллу, вероятно, решили, что войско Римуша после сражений на юге ослабло, и попытались отложиться от Аккада, но Римуш подавил восстание, убил 12 052 и взял в плен 5862 жителей, а также пленил Ашарида, энси Казаллу, и разрушил город полностью (RIME 2, 48).

селения³¹. После таких потерь нечего было и думать о возобновлении вооруженного сопротивления, и, действительно, прошло не менее 50 лет, прежде чем южномесопотамские города предприняли новую попытку освободиться от аккадского контроля.

Римуш погиб после 8 лет правления, по-видимому, в результате дворцового заговора. Наследовавший ему брат Маништусу правил около 6 лет. Документов этого времени сохранилось очень мало. В правление Маништусу политическая ситуация в Южной Месопотамии, возможно, стабилизировалась, во всяком случае, ему не пришлось подавлять какие-либо выступления городов. И Маништусу, и его преемники пытались управлять югом через местную бюрократическую систему и под контролем со стороны аккадских чиновников, предоставляя городам значительную самостоятельность за регулярную выплату налогов и исполнение воинской повинности (Foster 1993a). Хозяйственная и административная структура городов в основном оставалась такой же, как в предшествующий период. Нововведением было появление во многих городах десятков чиновников, присланных из центра. Главные города юга были, вероятно, связаны с центром какими-то обязательствами или договорами и, выполняя условия этих договоров, могли существовать относительно самостоятельно³². При этом у центральной власти отсутствовали какие-либо серьезные рычаги, помимо военных, для воздействия на южные города с их традиционным хозяйственным и социальным укладом.

Нарам-Син (2254–2218), наследовавший Маништусу, вступив на престол, по-видимому, слабо контролировал не только самый юг, но даже и соседние от города Аккада территории на севере Южной Месопотамии, в том числе и Киш. Во всяком случае, он отказался от титула «царь Киша», взяв, помимо титула «царь Аккада», новый, до этого не известный титул «царь четырех стран света». Последнее могло быть связано со стремлением царя поддерживать постоянный контроль над межрегиональными торговыми путями, которые проходили через Аккад³³. В таких обстоятельствах Нарам-Син, вероятно, был очень заинтересован в сохранении и поддержании мира на торговых путях вдоль Евфрата и Тигра с их восточными связями через Диялу в Элам и страну Мархаши.

³¹ Лагаш и Ур потеряли, по данным надписи Римуша, более 19 485 жителей (было убито 8040, взято в плен 5460 воинов и выведены из городов 5985 жителей). Общее население этих двух больших городов могло в то время достигать 200 000 человек, из них 60 000 были, вероятно, мужчинами, способными служить в войске. Царь Ура и правитель Лагаша были взяты в плен, а стены городов разрушены (Westenholz 1993: n. 131).

³² Упоминания о такого рода договорах между городами дошли еще со времен Энметены из Лагаша (25 в. до н. э.), который заключил знаменитый договор о «братстве» с правителем Урука Лугалькинишедуду и отметил его строительством или реставрацией храма богов Инанны и Думузи в городе Бад-Тибира (SARI I, 53).

³³ В литературном тексте «Падение Аккада», созданном, предположительно, в конце III тыс. до н. э., дано описание начала царствования Нарам-Сина. Аккад изображен в тексте процветающим торговым городом, куда привозят разнообразные товары с четырех сторон света: из Элама на востоке, Субарту на севере, Марду и Мелуххи на западе и Шумера на юге (Cooper 1983: 50 ff.).

В это же время города юга были, видимо, настолько независимы от центра, что по-прежнему боролись за лидерство и заключали союзы друг с другом, а правителей отдельных городов в некоторых синхронных текстах даже называли царями. Сведения на этот счет весьма скудные, но вполне однозначные. Вероятно, вскоре после смерти Маништусу своего царя избрал город Киш, тем самым фактически провозгласив свою независимость от Аккада. Представители Киша и двух соседних с ним городов, Урума и Тиви, собрались на границе трех городских территорий и избрали на царство одного из знатных горожан Киша по имени Ипхур-Киши. В тексте он назван «авилум (т. е. «благородный горожанин») Киша, сын Цуммират-Иштар, жрицы-плакальщицы» (Jacobsen 1978/79: 7). В городе Уре в правление Нарам-Сина (возможно, во второй его половине) правил некий Лугаль-анне, который носил титул «царь Ура». Он приезжал с визитом к правителю города Киша Ипхур-Киши и, вероятно, пытался договориться с ним о союзе против Аккада (Jacobsen 1978/79). По-видимому, тот же Лугаль-анне изгнал Энхедуанну, дочь Саргона, из Ура и лишил ее должности жрицы энту в храме бога Нанны, на которую ее назначил отец. Имя этого правителя упоминается в гимне богине Инанне, составленном от имени Энхедуанны.

Со временем города юга все больше стали тяготиться условиями соглашений с аккадским центром и попытались вновь отказаться от них³⁴. Эти действия послужили, по-видимому, началом самого серьезного политического кризиса времени Нарам-Сина, который условно называют «Великим восстанием»³⁵. Вероятно, города, оценив свои возможности и степень независимости, отказались отдавать часть своих ресурсов центру. Важным стимулом к выступлению могло послужить и стремление вернуть себе полный контроль за морской торговлей с заливом, и ожидание, в случае победоносных военных действий, получения богатой добычи из крупнейшего торгового центра, каким был в то время город Аккад.

Для борьбы с Аккадом города Южной Месопотамии объединились в две коалиции: северную во главе с царем Киша, в которую вошли Киш, Кута, Дильбат, Лагаба (?), Сиппар, Казаллу, Гиритаб, Апиак и Эреш, и южную во главе с царем Урука, в которую вошли Урук, Ур, Лагаш, Умма, Адаб, Шуруппак, Исин

³⁴ Значение термина *nabalkatum*, которым в надписях Нарам-Сина определяются эти действия южнмесопотамских городов — не только восстание против кого-либо, но и разрыв договорных отношений между сторонами. Использованный в данном тексте в отношении Киша, этот термин, вероятно, означал одностороннее расторжение договора о «братстве». Есть и другое объяснение: текст мог представлять собой копию или компиляцию более позднего времени (старовавилонского), глагол *nakārum* заменен его синонимом *nabalkatu* (Westenholz 1997: 239).

³⁵ Упоминания об этих событиях дошли до нас в двух видах текстов: исторических и литературных. Свидетельства исторического характера содержатся в старовавилонской копии надписей на царских статуях, которые были поставлены Нарам-Сином в храме Экур в Ниппуре. Также отдельные упоминания о восстании разбросаны во многих других царских надписях. Литературный вариант изложения событий сохранился в четырех версиях: староаккадский текст, представляющий собой школьное упражнение, и несколько старовавилонских табличек с выдержками из несохранившегося исторического текста (Westenholz 1997: 221).

и Ниппур (Westenholz 1999: 52). Ни один большой город Южной Месопотамии как будто не остался лояльным Нарам-Сину. В коалицию вошел даже Ниппур, который при Римуше сохранял верность Аккаду. Угроза с юга была настолько велика, что вокруг Аккада были срочно построены новые мощные стены. В своих надписях Нарам-Син неоднократно упоминает время, когда «четыре стороны света разом поднялись на него, и он совершил девять победоносных военных кампаний за один год».

Два союза, объединявшие города юга и севера Южной Месопотамии, не смогли, вероятно, достигнуть договоренности о совместных действиях, поэтому Нарам-Сину удалось разбить обе коалиции поодиночке. Выступив сначала против северных городов, Нарам-Син захватил Киш. Он наказал город, казнил 2525 человек, приказал бросить пленников в Евфрат и отвернуть течение реки от города. После этого Нарам-Син обрушился на юг и разгромил южан, но ему пришлось еще несколько раз сражаться, прежде чем он смог нанести им окончательное поражение³⁶. С точки зрения идеологической, победа Нарам-Сина означала, что бог Энлиль, божественный владелец территории и населения Южной Месопотамии, передал Нарам-Сину право управлять своими владениями. На практике эта победа была, скорее, новым завоеванием юга, а не подавлением восстания³⁷.

В какое именно время происходили эти события, точно не известно, скорее всего, в конце правления Нарам-Сина³⁸. Вероятно, уже после этих событий Нарам-Син был обожествлен, и в городе Аккаде построили храм, посвященный ему, а в текстах перед его именем стали ставить детерминатив бога³⁹.

После завоевания юга Нарам-Син предпринял определенные шаги, чтобы наладить отношения с городами Южной Месопотамии и укрепить контроль над

³⁶ Нарам-Син сражался с Амар-гиридом, «царем Урука», семь раз, прежде чем окончательно победил его и взял в плен. После шестого поражения от Нарам-Сина Амар-гирид стал искать союзников среди правителей Субарту и Верхней страны, но те не пошли с ним, поскольку ранее принесли клятву верности Илабе, богу города Аккада. Амар-гирид со своим войском бежал, переправился через Евфрат и нашел последнее прибежище у горы Басар (Джебел Бишри, к западу от среднего течения Евфрата), где Нарам-Син его и победил (Wilcke 1997).

³⁷ В поздней копии надписи Нарам-Сина, посвященной описанию событий Великого восстания, после каждого сообщения о победе и захвате очередного города перечисляются имена и должности правителей и военачальников, взятых в плен аккадским войском, и общее количество побежденных воинов, а в конце надписи подводятся итоги. Всего в ходе победоносной кампании в плен к Нарам-Сину, помимо трех царей (Амар-гирида, Ипхур-Киши, Лугаль-анне?), попали 13 высших военачальников, 23 правителя городов, 1212 военачальников и 137 400 воинов (Wilcke 1997).

³⁸ В одной из поздних хроник сообщается, правда, относительно Саргона, но есть предположения, что это касается Нарам-Сина: «В его старости все земли восстали против него и заперли его в его городе Аккаде, но он встал и поразил их» (Glassner 2004: 270–271; Westenholz 1999: 53).

³⁹ Обожествление Нарам-Сина следующим образом описывается в одной из надписей: «Нарам-Син, великий царь Аккада, когда четыре стороны света восстали против него, любовью богини Иштар победил в девяти битвах в один год и взял царей, которые восстали против него, в плен. Поскольку он спас свой город от опасности, (жители) его города обратились с просьбой к богине Иштар в Эанне, богу Энлилию в Ниппуре, Дагану в Туттуле, Нинхурсаг в Кеше, Эа в Эриду, Сину в Уре, Шамашу в Сиппаре и Нергалу в Куте с тем, чтобы он (Нарам-Син) был (сделан) богом их города. Они построили в Аккаде храм ему» (RIME 2 113 ff.).

ними. Свою дочь Тута-напшум он назначил главной жрицей в храм бога Энлиля. Кроме того, он освободил жителей Ниппура от задолженностей по повинностям и начал грандиозный проект по реконструкции главного храмового комплекса бога Энлиля в Ниппуре (Экур). Однако закончить проект смог только его сын и наследник Шар-кали-шарри (см. ниже). Перерыв в реконструкции позднее мог быть истолкован как разрушение⁴⁰. Несмотря на одержанные победы, к концу своего правления Нарам-Син, возможно, вновь потерял контроль над значительной частью территории Южной Месопотамии, а с востока его теснили кутии и другие горные народы Загроса.

Сын и преемник Нарам-Сина Шар-кали-шарри в своих надписях не называл себя «царем четырех стран света», но принял титул «царь Киша». В год восшествия на престол он совершил церемониальное путешествие по городам Южной Месопотамии и короновался в Ниппуре. При нем власть аккадской династии во всяком случае не укрепились.

Центральная администрация в городах Южной Месопотамии. Разрозненные данные о политической истории аккадского периода, ход которой реконструируется почти исключительно на основании царских надписей, создает впечатление постоянных конфликтов между городами Южной Месопотамии и центральной властью, которые сопровождались для мятежных городов огромными людскими и материальными потерями. Наиболее серьезные выступления городов против власти аккадского центра, о которых у нас есть определенные сведения, происходили, очевидно, в конце правления Саргона или в начале правления Римуша и в конце правления Нарам-Сина, т. е. были разделены временным промежутком примерно в 60 лет.

Административных записей от времени правления Саргона и Маништусу почти не сохранилось. Основная часть документов, дошедших от аккадского времени, относится к правлению Римуша, Нарам-Сина и Шар-кали-шарри. В них как будто нет упоминания о тех страшных потерях, которые понесли южно-месопотамские города, попытавшись выйти из-под контроля центра. Сохранившиеся данные, напротив, свидетельствуют об очень активной деятельности городов в рассматриваемый период. Хозяйственная и административная структура городов оставалась, видимо, такой же, как в предшествующий период. В записях крупных городских хозяйств по-прежнему использовали традиционную систему датирования текстов по годам правления местного энси, местную систему метрологии и местные административные термины. При этом в располагавшихся рядом хозяйствах царя или аккадских чиновников использовались стандарты, действовавшие в Аккаде, в том числе и новые варианты общегосударственных датировок (см. выше) (Foster 1982: 7).

Основным изменением в хозяйственной жизни было, судя по всему, появление установленного центром нового высшего уровня управления, главная задача которого заключалась в точном определении масштабов сборов в пользу

⁴⁰ При раскопках храма Экур в Ниппуре были найдены кирпичи с вытесненным на них именем Нарам-Сина.

центра и контроле за осуществлением этих сборов. Часть материальных и трудовых ресурсов, которыми располагал город, теперь надо было передавать в центр. Помимо местной бюрократии, в главных городах появилась и значительная группа чиновников, присланных из Аккада. Вместе с ними в некоторые города юга, по-видимому, переселяли небольшие группы населения с территории Аккада, чтобы обеспечить рабочей силой хозяйства чиновников. Переселенцы, как и местные работники, были организованы в отряды под началом инспекторов (*nu.bànda*) и надсмотрщиков (*ugula*). Они получали содержание от аккадских чиновников и, вероятно, пользовались некоторыми привилегиями.

После завоевания юга Саргон, судя по надписям, назначил правителями (*ensí*) всех городов Южной Месопотамии своих приближенных из числа жителей города Аккада. Насколько это заявление соответствовало действительности, сказать сложно, поскольку от этого времени не дошло практически никаких сведений. Позиции аккадской бюрократии, естественно, были более сильными на севере Южной Месопотамии. Со времени Нарам-Сина именно здесь высшие должности стали получать представители царской семьи. Юг в основном управлялся местной бюрократией под контролем аккадских чиновников. Судя по более поздним административным документам времени Римуша, Нарам-Сина и Шар-кали-шарри, многие главы южных городов в правление преемников Саргона были местного происхождения. В некоторых городах должность правителей продолжали занимать представители тех же семей или династий, которые правили здесь задолго до возникновения Аккадского государства⁴¹. Об этом же свидетельствуют и шумерские имена энси южных городов и их советников, которые были взяты в плен войском Римуша в ходе подавления восстания и, вероятно, казнены. При этом городские власти Южной Месопотамии, несомненно, находились под сильным контролем аккадских чиновников, назначаемых из центра (Foster 1993a: 28).

Доля царя. Царь, будучи в силу своего статуса верховным управителем всей подвластной ему территории, по-видимому, имел право на определенную долю доходов, так же как глава городского хозяйства (*ensí*) располагал частью земли и доходов от нее во всех крупных хозяйствах города (Foster 1982: 147).

Все крупные хозяйства должны были передавать в пользу царя часть своих ресурсов, в том числе трудовых, или производимой ими продукции. Можно предположить, что определенная часть земли каждого хозяйства обрабатывалась в пользу царя, т. е. именно царь получал доход с этого участка (или этот участок был его «служебным наделом» в данном хозяйстве). «Земля царя» (*ki lugal*), или «царский плуг» (*sag.apin lugal*), обрабатывалась, вероятно, так же как и другие служебные наделы хозяйства, т. е. зависимыми или исполнявшими повинности работниками (Foster 1982: 37). Размеры этой «царской доли» были весьма значительными. Во всяком случае, в каждом городе имелись, по-видимому, царские

⁴¹ Так, правитель (*ensí*) Адаба времени Саргона и Римуша Мескигал занимал эту должность, вероятно, еще при Лугаль-загеси (Foster 1982c: 50, 156).

чиновники, которые контролировали сбор доходов и вели отчетность. Ответственность за правильность поступления доходов в центр нес правитель города, который в этой ситуации действовал как своего рода «бухгалтер» царя (Foster 1982: 44).

Земельные владения царя и царской администрации. У аккадских царей были свои семейные владения, но точных данных о площади сельскохозяйственных угодий, которые находились во владении собственно царской семьи, нет. В своих надписях Саргон несколько раз упоминает о том, как 5400 молодых людей (*guruš*) «ежедневно ели хлеб перед ним», т. е. он обеспечивал их содержание. Возможно, имелись в виду профессиональные воины, которые служили царю и находились на его обеспечении. Однако эту фразу можно, пожалуй, понимать и более широко. Саргону пришлось много сражаться, но и он не ходил на войну каждый год, как некоторые цари Ассирии конца II и I тыс. до н. э. Люди, о которых упоминает Саргон, в мирное время, возможно, возделывали землю в его личном хозяйстве, но в любой момент могли выступить в поход по призыву царя. Саргон «кормил» их как владелец крупного хозяйства, предоставляя им участки и возможность для ведения сельскохозяйственных работ (Seltz 2010: 13). Если в имении Саргона действительно работали 5400 взрослых мужчин-работников, которым он давал средства к существованию, то, учитывая и членов их семей, с хозяйством царя могли быть непосредственно связаны несколько десятков тысяч человек. Возможно, основой владений Саргона было городское хозяйство города Аккада или какая-то его часть.

Аккадские цари не были верховными собственниками или единоличными распорядителями всей земли в государстве. Для расширения своих личных владений они должны были покупать землю. Возможно, это были сельскохозяйственные территории, которые по каким-то причинам лишились управителей-владельцев. Тексты, зафиксировавшие покупку аккадскими царями больших участков культурных земель, дошли до нас от времени Маништусу и Шар-калешарри. Самый большой памятник правления Маништусу — это четырехгранный обелиск из диорита в форме пирамиды, на котором высечен длинный текст, засвидетельствовавший покупку царем восьми больших земельных участков (ELTS N 40). По контракту, Маништусу купил несколько полей общей площадью примерно 3430 га в окрестностях городов Дур-Суэн, Киш, Марад и Актаб, т. е. в северной части Южной Месопотамии. Продавцами выступили лица, занимавшие высокие должности в городском управлении или в поселениях на тех территориях, где эти поля располагались⁴². Помимо продавцов, при заключении сделки присутствовали их близкие родственники, получившие подарки, и рядовые члены общины, т. е., вероятно, те, кто работал на этой земле. В каждом из восьми контрактов упоминается от 80 до 600 человек, которые после заключения сделки получили угощение.

⁴² Среди участников сделок со стороны продавцов — представители семей правителей городов, судей, культовых служителей, старейшин.

Шар-кали-шарри купил у группы чиновников и храмовых служителей в Лагаше более 720 га полей (на самом деле цифра, вероятно, должна быть больше, но документ сохранился не полностью) за 50 мин серебра (Foster 1994: 444). Есть сведения, что покупаемые участки в ряде случаев граничили с прежними владениями царской семьи. Таким образом, аккадские цари, вероятно, расширяли площади своих земель, приобретая располагавшиеся по соседству с их владениями поля, которыми управляла местная городская элита, контролировавшая основную часть сельскохозяйственных территорий Южной Месопотамии.

Сделки, зафиксированные в этих надписях, представляли собой, вероятно, не собственно продажу земли в нашем понимании, а передачу или, скорее, уступку за определенное вознаграждение прав на управление данными территориями и, соответственно, на получение части урожая. Такого рода сделки не были аккадским нововведением, а, скорее, продолжали традицию, корнями уходящую еще в начало III тыс. до н. э. (архаические кудурру)⁴³.

В ходе подавления аккадским войском неоднократных восстаний южномесопотамских городов погибла, вероятно, значительная часть старой местной правящей элиты. Земли, потерявшие управителей-владельцев, аккадские цари, по-видимому, не забирали себе, а распределяли между новыми управляющими-владельцами — чиновниками и приближенными. Высокопоставленные должностные лица получали в свое управление хозяйства площадью в сотни и тысячи гектаров. Так, Ятиб-Мер, высокопоставленный чиновник времени Шар-кали-шарри, получил в районе города Уммы надел площадью около 650 га, который был отмерен в присутствии правителя города и царского писца. Другой представитель аккадской администрации, Месаг, управлял сельскохозяйственной территорией площадью более 1270 га⁴⁴. В состав таких крупных хозяйств могли входить деревни и небольшие города. При этом основная часть работников, а также держателей/арендаторов наделов из числа низшего и среднего административного персонала, обслуживающего персонала и ремесленников, несмотря на смену управляющего, оставалась, вероятно, на своих местах.

Историческая традиция и монументы аккадского времени сохранили некоторые следы этого процесса. Один из таких памятников представляет собой несколько фрагментов каменной стелы из Лагаша, скорее всего, времени Римуша, с рельефом, изображающим аккадских воинов, расправляющихся с пленными, вероятно, мятежными южанами (Foster 1993: 29). На той части

⁴³ Насколько добровольными были эти сделки со стороны продавцов, можно только предполагать. По мнению Н. Постгейта, землю могли продавать только под давлением, это было вариантом экспроприации. Военным лидерам всегда была нужна земля, чтобы награждать своих сторонников. В этом, так же как и в конфискациях земель на юге, которые, по мнению этого исследователя, провел Римуш, он видит главную причину неоднократно повторявшихся восстаний южномесопотамских городов против Аккада (Postgate 1994: 41, 184, n. 140).

⁴⁴ Земли, находившиеся под управлением Месага, располагались недалеко от Лагаша и состояли из двух видов владений. Часть земли (около 850 га) составляла служебный надел (*gán.šuku*), остальные 420 га были «купленной» землей (*gán.šám*) (BIN 8 291).

рельефа, которая сохранилась лучше всего, изображены два воина. Один из них прицелился в пленного из лука, а второй, держа другого пленника за бороду, заносит меч над его головой. Надпись рядом с изображением сообщает о распределении огромных земельных массивов в провинции Лагаш между несколькими лицами, вероятно, представителями новой царской администрации, в том числе военной⁴⁵. Данное перераспределение земли (точнее, управления землей и получения с нее доходов), учитывая характер изображения, было, по-видимому, связано с победой аккадцев над мятежными городами. При этом менялся, вероятно, только высший уровень администрации и получателей дохода. Сама система организации работ, скорее всего, оставалась прежней, и население, непосредственно занятое этими работами, оставалось на своих местах.

Крупные городские хозяйства. Основой хозяйственного благополучия каждого южномесопотамского города и его жителей было зерновое производство и скотоводство. Формы и методы хозяйствования в аккадский период, вероятно, мало изменились по сравнению с предшествующим. Городское хозяйство состояло из группы крупных домов-хозяйств, которыми руководили и фактически владели представители как старой, так и новой элиты из числа высших чиновников и военных, выдвинутых аккадской династией. В рамках этих хозяйств находилась основная часть обрабатываемой земли.

Характер землепользования был примерно такой же, как и в предшествующий период. Обрабатываемая земля каждого крупного хозяйства делилась на три основные категории: земля, урожай которой шел на содержание высшей администрации и общие нужды хозяйства; земля, которая выдавалась в виде служебных наделов (*gán.šuku*) для обеспечения персонала хозяйства и земельные участки, которые передавались арендаторам из числа того же хозяйственного персонала за долю урожая (эта доля могла составлять половину урожая). Большая часть работ на землях двух первых категорий организовывалась административно и осуществлялась силами работников данного хозяйства и работниками других хозяйств, пришедшими для выполнения обязательств по трудовой повинности, а на землях третьей категории — силами самих арендаторов (Foster 1993a).

Архив крупного хозяйства из Уммы. Около 130 клинописных табличек аккадского времени представляют собой разрозненные фрагменты архива крупного хозяйства, располагавшегося, вероятно, в окрестностях города Уммы (Foster 1982: 54–78). Документы охватывают около 26 лет. Предположительно, это конец правления Римуша и начало правления Нарам-Сина. В текстах хозяйство называется словом «дом» (*é*). Основными сферами деятельности были земледелие и скотоводство. В документах, помимо названия собственно Уммы и соседнего города Забалам, упоминаются еще по крайней мере 14 топонимов — названий небольших поселений и городов в окрестностях Уммы, где

⁴⁵ По данным этого документа (ELTS 24), между царскими людьми были распределены более 150 000 га земли. На этой территории располагались 17 больших городов и 8 больших деревень.

разворачивалась деятельность данного хозяйства. О масштабах судить трудно, поскольку сохранились только отрывочные сведения. В одном случае упоминается 3500 гур ячменя, что могло составлять урожай со 175 га, в другом случае упоминается поле площадью 114 га. Помимо ячменя, в хозяйстве выращивали эммер и пшеницу.

Часть зерна хранилась на складах, в документах упоминается «большой склад» (é.kišib gu.la), на котором в момент составления записи находилось около 115 000 л (380 гур) и «маленький склад» (é.kišib tur). Сохранились отдельные записи выдач зерна лицам, названным по именам.

В хозяйстве держали стада овец и коз, но точных данных о количестве животных не сохранилось. О том, что животных были сотни, если не тысячи, говорит упоминание в одном случае о недостатке в 550 голов мелкого рогатого скота. Ежегодно в сезон стрижки животных производилась инвентаризация стада, подсчитывалось количество животных в наличии и потери. Велся подсчет полученной шерсти и шкур погибших животных. Небольшое количество скота (до шести голов) периодически передавалось отдельным лицам, названным в документах по именам, иногда несколько голов скота передавались для правителя и по случаю культовых праздников. Так, упоминается о передаче трех козлят, по-видимому, на поминки одного из представителей персонала хозяйства. В хозяйстве был и крупный рогатый скот. Однако данных об этом очень мало.

Среди административного персонала хозяйства упоминаются лица, состоявшие в должности надсмотрщика (ugula) и писца (dub.sar). Лица, занимавшиеся земледельческими работами, в одном из документов архива названы «мужчины-работники» (guguš). В течение 26 лет, которые охватывают документы архива, во главе хозяйства стояли несколько человек, названные в текстах только по именам без указания должностей. Среди них самое высокое положение занимала, вероятно, семейная пара: Ур-Шара и его жена Ама-э. Ур-Шара ведал делами, связанными с содержанием скота. Документы архива, касающиеся его деятельности, представляют собой описи стад, списки пастухов и мест содержания скота, отчеты о поступлении продуктов скотоводства, в том числе шкур. Ама-э, контролировала зерновое хозяйство, поступление и расходование зерна. Она же, по-видимому, имела отношение к реализации излишков производимых в хозяйстве продуктов (передавала некоему лицу, отправлявшемуся в город Забалам, более 30 кг шерсти «для продажи»), предоставляла займы серебром и продуктами⁴⁶. Помимо официальных административных записей, в архиве сохранилось и некоторое количество документов, составленных как частные договоры с указанием на присутствие свидетелей.

Ама-э и ее муж Ур-Шара принадлежали, вероятно, к числу городской элиты Уммы и в течение двадцати с лишним лет управляли одним из крупных

⁴⁶ Один из документов архива зафиксировал в форме долгового обязательства передачу от имени Ама-э писцу по имени Шада большого количества разнообразных продуктов, в том числе и привозных, среди них упомянуты кедровое масло, ароматы, древесина, ячмень, лук, льняные одежды, кожаные изделия и т. п. (Foster 1982c: 72).

городских хозяйств, при этом никаких официальных должностей они не занимали⁴⁷.

Внутри крупных хозяйств продолжала действовать традиция взаимного обмена дарами и периодического принесения даров от подчиненного более высокопоставленному лицу. Некоторое представление об этом дает группа документов аккадского времени, происходящая, по-видимому, из небольшого городского центра неподалеку от Лагаша (Foster 1994). В отчетных записях зафиксированы поступления разнообразных «даров» от отдельных лиц, часто очень высокого статуса. В числе этих даров мелкий рогатый скот (овцы и козы), продукты (пиво, разные виды хлеба), одежда, серебро. Получателем даров, скорее всего, являлось какое-то официальное лицо, вероятно, управитель-владелец хозяйства, а дарителями выступали руководители отдельных структур. Глава хозяйства получал дары от подчиненных ему чиновников. Каждый приносил то, что производилось под его управлением. Среди дарителей, помимо административного персонала, упомянуты лица, отвечавшие за производство зерна, разведение скота, переработку полученной сельскохозяйственной продукции, реализацию излишков продуктов. По характеру документации и составу персонала это было, по-видимому, достаточно типичное крупное хозяйство своего времени. Также и правители городов периодически подносили дары аккадским царям, помимо «доли царя», которая официально передавалась в центр⁴⁸.

Городское управление. Структура высшей администрации больших городов Южной Месопотамии в аккадский период была, вероятно, двухуровневой — государственной и местной. Сохранились старовавилонские копии двух писем, которые, возможно, были посланы царем Саргоном неизвестным нам лицам (Westenholz 1997). В письмах содержится обширный список лиц различного статуса, профессии или должности.

Один из разделов этого списка представляет собой, по-видимому, перечень персон, входивших в городскую администрацию, государственную и местную. Верхний уровень, вероятно, был представлен назначенными аккадскими чиновниками: визирь (*sukkalu*), советник по политическим делам (*māliku*), а местный — судьями, городскими старейшинами (члены городского совета?) и другими городскими чиновниками более низкого ранга (человек, заверяющий клятвы, ночной стражник, глава городского квартала (*ugula dag.gi4.a*), ответственный за склады и т. п.).

Правитель города (*ensi*) упомянут в другом разделе списка, в конце группы, где перечислены родственники царя, возможно, как должностное лицо, непосредственно подчиненное царю. Энси стоял во главе городского хозяйства, управлял всеми ресурсами города как хозяйственной структуры, в том числе землей, стадами и персоналом, контролировал деятельность глав всех крупных хозяйств,

⁴⁷ Можно отметить явное типологическое сходство архива из Уммы 24 в. до н. э. с архивом крупного хозяйства из Ларсы конца 19 в. до н. э. (см. главу XVII).

⁴⁸ Из Уммы в Аккад в качестве «даров» посылали масло, овец и одежды, во время визита царя в Ниппур из Лагаша ему посылали еду и подарки (Foster 1994).

входивших в городскую систему. Он мог заседать в собрании старейшин города и исполнять судебские функции. Как представитель города энси был тесно связан с аккадскими чиновниками и отвечал за город перед царем.

Присутствие чиновников из центра отражалось в хозяйственной документации города различным образом. Царские чиновники фигурируют в документах как держатели крупных земельных наделов. Они заверяли обмер полей, контролировали поступление зерна и других продуктов для отправки в центр. При этом зерно и мука, которые отправлялись в центр, измерялись не местными, но аккадскими стандартами мер.

Репрезентативный пример городского архива аккадского времени — тексты из Лагаша (Foster 1994). Сотни табличек отражают масштабную деятельность правителя по управлению землей, стадами и персоналом. Среди табличек находятся тщательно составленные карты каналов и полей, планы храмов и домов. В некоторых документах сохранились отчеты о расходах в связи с визитами царя и его двора или визитами правителей соседних городов.

В Умме управление всеми хозяйственными структурами города было сосредоточено в нескольких крупных административно-хозяйственных центрах, которые контролировал энси (Foster 1982c). Главным административным центром города была, вероятно, структура, которая называлась «дом скипетра Уммы» (*é gidri umma.ki*). Здесь велась основная документация, связанная с земледелием, скотоводством, обменом и, вероятно, ремесленным производством. Здесь же энси производил расчеты и определял ту долю городской продукции, которую город был обязан отправить в центр. Главной официальной резиденцией энси в Умме была структура, которая называлась «большой дом» (*é.gal*). Еще одним важным хозяйственным центром Уммы был «дом женщин» (*é.mí*), возможно, находившийся под управлением жены энси. Все эти «дома», также как и другие, менее масштабные, находились под контролем энси, и через них он осуществлял свою деятельность.

В аккадский период, как и в предшествующие столетия, должность правителя в городах Южной Месопотамии была, по-видимому, наследственной, но при этом далеко не всегда наследование шло по прямой линии от отца к сыну. Из поколения в поколение эту должность (как и другие высшие должности города) занимали представители определенной городской группы (семьи или клана), вероятно, самой богатой и влиятельной. При этом традиции избрания на высшие городские должности не были забыты и формально сохранялись. К институту «избрания» правителя могли обратиться в критические моменты жизни города, когда власть нуждалась в поддержке всего городского населения, как это было в Уруке в 28 в. до н. э. или Лагаше в 24 в. до н. э.

Самые критические моменты в жизни южномесопотамских городов во время правления аккадской династии были связаны с их попытками выйти из-под контроля центра. Отложение от Аккада и провозглашение независимости (на практике это означало, вероятно, отказ от «договоров» с центром) сопровождалось в ряде случаев избранием правителя города (*ensí*) царем (*lugal*). Таким образом, вероятно, в какой-то момент правления Нарам-Сина царем

Киша и главой северного союза городов был избран Ипхур-Киши⁴⁹, а на юге царем Урука и главой южного союза — Амар-гирид. В конце правления Шаркали-шарри некий Пузур-мама, правитель фактически независимого в то время города Лагаша, провозгласил себя царем. Это событие было, возможно, связано и с внешними угрозами, которым Лагаш постоянно подвергался со стороны Элама и своего давнего соперника города Ура.

О роли городского совета в управлении городом и активности городских старейшин (ab.ba ugu) как части административного аппарата можно судить только по косвенным данным, анализируя содержание синхронных источников. В документах из Уммы и Ниппура они иногда упоминаются в списках должностных лиц, получающих выдачи продуктов, старейшины, вероятно, получали также специальные должностные наделы (Foster 1982: 18, 112–115). Отчеты о земледелии, о распределении зерна между работниками, о рытье и реконструкции каналов можно, видимо, рассматривать как отражение решений, которые принимала высшая городская администрация, в том числе и городской совет⁵⁰.

Городское имущество. В хозяйственную структуру больших городов Южной Месопотамии, помимо отдельных крупных хозяйств, входило и собственно городское хозяйство со своими материальными и трудовыми ресурсами. Оно располагало сельскохозяйственными землями на территории, которая называлась «земля горожан» (a.šà dumu.ugu.ke4.ne), а также стадами скота, службами по переработке получаемой продукции, ремесленными мастерскими. Во всяком случае, так было, по-видимому, в Ниппуре (Westenholz 1984: 28, n. 44). Все ресурсы города находились под контролем правителя. От него, вероятно, зависело и распределение городской сельскохозяйственной земли: частью ее владели люди, занимавшие высокие посты в городской администрации, и представители семей городской элиты, часть земли раздавали в виде служебных наделов и сдавали в аренду.

Важную функцию в хозяйственных механизмах Южной Месопотамии по-прежнему выполняло административное перераспределение ресурсов, как на уровне отдельного крупного хозяйства, так и на уровне города и всего государства. Каждый элемент хозяйственной структуры, от ремесленной мастерской до крупного сельскохозяйственного имения, в зависимости от ресурсов и производственных мощностей, был обязан поставить определенное количество производимого им продукта и предоставить часть своих трудовых ресурсов.

⁴⁹ Ипхур-Киши не был случайной фигурой, возвысившейся во время восстания южномесопотамских городов (Jacobsen 1978/79). Он, вероятно, правил в Кише достаточно долго до момента отложения Киша от Аккада. Это был человек знатного происхождения. Нарам-Син в своей надписи назвал его «авилумом Киша, сыном Цуммират-Иштар, жрицы-плакальщицы». Само имя Ипхур-Киши (букв. «Киш избрал (его)») было, скорее всего, тронным именем, которое должно было подчеркнуть широкую поддержку его как народного избранника (Jacobsen 1978: n. 3). Как проходили эти выборы и кто именно провозглашал правителей царями, можно только предполагать. Судя по надписи Нарам-Сина, Ипхур-Киши был избран царем на собрании представителей города Киша и еще нескольких небольших городов, располагавшихся в его окрестностях (RIME 2, 104 ff.).

⁵⁰ В некоторых поздних литературных текстах («Проклятие Аккада», «Царь битвы») есть упоминания о том, что при Саргоне действовал некий совет, в который входили, в частности, торговцы и воины.

Эти поставки образовывали запасы/фонды, для обозначения которых в документах аккадского времени использовался шумерский термин KI (букв. «земля», «место»), который изначально означал, вероятно, место, где собирались определенные ресурсы. Такие фонды, судя по документам, могли быть царскими (государственными), городскими и частными (Foster 1977: 225).

Городские фонды. Запасы, которыми владел город, входили, по-видимому, в специальный городской фонд (ki ugu-a). Он формировался из различных продуктов сельского хозяйства, прежде всего зерна, поступавшего частично из арендной платы за землю, а также ремесленных изделий, серебра и других металлов, главным образом меди (Foster 1982c: 32 ff.). Значительная часть поступлений состояла, вероятно, из обязательных поставок продуктов и даров от крупных хозяйств, входивших в городскую структуру. Городские фонды крупных городов Южной Месопотамии были весьма значительны⁵¹.

Фонды могли служить для финансирования различных городских расходов (в том числе для организации и снабжения коллективных общегородских работ, см. ниже), а также для обмена между городами и международной торговли. Распоряжение городскими фондами находилось, по-видимому, в компетенции правителя и городского совета.

Межгородской обмен. В правление аккадских царей города Южной Месопотамии продолжали поддерживать между собой тесные хозяйственные связи. Существовали даже специальные формы документов, так называемые beer-and-bread texts, в которых фиксировались расходы продуктов, в основном пива и зерна, на пребывание в данном городе различных должностных лиц из других городов. Городское хозяйство Уммы, например, обеспечивало содержанием жителей других городов (Гирсу, Гуабба, Един, Бад-Тибира Шуруппак, Лагаш, Кимаш, и др.), которые приезжали в Умму по каким-либо служебным надобностям и должны были провести здесь некоторое время (Foster 1982c: 19).

Важную роль сохранял административно организованный обмен ресурсами между городами (Foster 1977). В межгородском обмене, как и раньше, многое зависело от географического положения города и его региональной специализации. Для обмена между городами использовали ресурсы городских фондов. В основном это были продукты местного производства. Например, Лагаш был центром речного и морского рыболовства (в текстах упоминаются огромные количества сушеной и соленой рыбы до 60 000 штук). Умма была центром производства животных жиров и растительных масел и поставляла мелкий рогатый скот, овец и коз⁵². Гасур был центром разведения свиней и производства жиров. В документах этого времени отразилось движение продуктов

⁵¹ В документе Ник. II 57 упоминаются 8470 мин меди из городского фонда (ugu-a), в балансовом отчете интенданта городского хозяйства Уммы перечисляются товары и продукты на общую сумму 12 мин серебра. Документ из архива правителя Лагаша перечисляет 900 кг серебра, 300 кг золота, 3600 быков, 3600 ослов, 3600 рабов и т. п., однако та часть, где было записано происхождение такого невероятного богатства, разбита (Foster 1977: 37, п. 83).

⁵² Именно в саргоновский период в Месопотамии стали широко распространяться растительные масла, вытеснив в значительной степени животные жиры, и прежде всего свиной жир, который повсеместно применялся ранее (Gelb 1969: 67).

и материалов между разными городами: Урук — Эшнунна, Урук — Умма, Гирсу — Умма, Эшнунна — Гутиум, Сиппар — Мари и Туттуль на Евфрате (Foster 1977: 39).

Международная торговля. Очень важную роль в городской экономике аккадского времени играла международная торговля, развитие которой находилось под особым покровительством правящей династии (Дьяконов 1959: 221). Многие города южной части аллювиальной долины по-прежнему поддерживали прямые торговые связи с Дильмуном, Маганом и Мелуххой, а также с территориями севера и северо-запада.

Главными объектами импорта были металлы и предметы роскоши (вино, масла, благовония, драгоценные и полудрагоценные камни, художественные ремесленные изделия и т. п.). Вывозили главным образом ячмень, масло, пиво и текстиль (Foster 1993: 61). В эту торговлю были вовлечены огромные ресурсы, и вести ее могли, вероятно, только крупные административные институты — город как корпоративная организация или центральная администрация (Westenholz 1984: 28). В документах из Уммы, Ниппура, Лагаша упоминаются медь и серебро, которые хранились в фондах этих городов.

В качестве платежного средства в этот период чаще всего выступали зерно и серебро, которые были в этом отношении взаимозаменяемы (Foster 1977: 35). Для удобства подсчетов все товары в отчетных записях оценивались в серебре, выступавшем как единая мера стоимости. При передаче внутри хозяйства или между хозяйствами зерна, масла, фиников, рыбы, скота и т. п. эти продукты для удобства взаимных расчетов также обычно оценивались в серебре. Серебро покупалось, продавалось и служило предметом займов.

Самые богатые города Южной Месопотамии создавали торговые колонии далеко за пределами Месопотамии. Торговые представители, тамкары, ряда городов региона Лагаш — Умма, например, постоянно жили в Сузах⁵³. Такого рода колонии существовали, вероятно, и в Анатолии.

Население городов Южной Месопотамии в 24–23 вв. до н. э. Несмотря на существенные людские потери аккадского периода городское население Южной Месопотамии в 24–23 вв. до н. э. по-прежнему оставалось очень значительным. В крупных городах жили десятки и даже сотни тысяч человек (Урук, Лагаш). Однако после всплеска урбанизации в конце IV — начале III тыс. до н. э. с середины III тыс. вновь начало расти сельское население. При этом крупные города оставались административными и культовыми центрами значительных территорий или городских систем, а население небольших городов и селений находилось под контролем городской администрации, и в текстах эти люди могли обозначаться как жители центрального города (в тексте на обелиске

⁵³ В Сузах, столице Элама, которые были завоеваны Саргонидами, располагался аккадский военный гарнизон, жили представители аккадской администрации и торговые агенты южномесопотамских городов со своими семьями. Существование этой группы населения обеспечивало крупное хозяйство, организованное в месопотамских традициях, которое имело в своем распоряжении значительные сельскохозяйственные территории (Foster 1993: 61). Сохранился ряд документов, освещающих деятельность в Сузах семьи тамкаров из Уммы, отца и трех сыновей (Foster 1993).

Маништусу «жителями (*dumu*) города Киша» названы обитатели ряда поселений, располагавшихся в его окрестностях).

Среди жителей крупных городов, помимо высшей царской и городской администрации, городской и храмовой элиты, были чиновники разных уровней, в том числе служебный и рабочий персонал крупных хозяйств, ремесленники, торговые агенты. В небольших городах и поселениях вокруг центрального города жили земледельцы, составлявшие значительную часть рабочего персонала крупных хозяйств, и, вероятно, чиновники низшего уровня — начальники рабочих отрядов, писцы, контролеры. Такие поселения могли называться по имени главы хозяйства, в состав которого они входили: «дом-хозяйство имярек» (*é PN*). Главы этих хозяйств, а также представители высшей и средней администрации в основном предпочитали жить в городах и оттуда управлять делами своих хозяйств. В архивах, найденных в городах, имеются письма с распоряжениями относительно проведения сельскохозяйственных работ на местах (Westenholz 1984: 21, n. 17).

Общий уровень жизни городского населения в этот период, по-видимому, был заметно выше, чем раньше. Явно расширился круг горожан, которые имели доступ к металлам и драгоценным камням. Торговые агенты, тамкары, реализуя общегородские ресурсы, привозили в города металлы и камни, и те распределялись между представителями городской элиты. Постепенно эти импортные материалы, по-видимому, распространялись сверху вниз, сначала среди тех городских слоев, которые примыкали к элите, и со временем все более широко. У многих жителей южномесопотамских городов аккадского времени имелись в пользовании импортные материалы и изделия из них. Во многих городских домах и в погребениях этого времени найдено большое количество предметов из металлов (сосуды из меди и бронзы, украшения из золота, серебра) и полудрагоценных камней (цилиндрические печати из лазурита, бусы из стеатита, лазурита, хлорита, кварца и др.). Под полами частных домов иногда находят спрятанные сосуды, содержащие драгоценные предметы (Westenholz 1984: 27)⁵⁴.

Городской социум. С точки зрения правового статуса население городов Южной Месопотамии состояло, вероятно, из трех основных групп. Основную часть так называемого свободного, или «полноправного», городского населения составляли держатели земельных наделов, т. е. те, кто имел право на получение земельного участка от хозяйства, в составе которого существовал. Площадь участка зависела от статуса получателя или его профессионального уровня.

⁵⁴ Один текст из Ниппура содержит опись имущества некоего горожанина. В состав имущества входило поле (неизвестной площади), дом в 72 кв. м, 2 раба, 2 рабыни с детьми, около 200 г серебра, несколько медных и бронзовых сосудов весом около 10 кг, повозка, 10 корзин по 100 л и 10 корзин по 50 л, 1000 л ячменя, 400 л пшеницы, 5 шерстяных тканей и 1 льняная ткань. В других подобных списках упоминаются также предметы из золота и серебра, печати из золота и лазурита и другие украшения. В списке даров, которые горожанин из Эшнунны принес отцу невесты, упоминается несколько овец, несколько сиклей серебра, разные ткани, 2 свиньи, 1 кувшин масла, соль, 5 кг шерсти, 120 кг (2 таланта) сушеной рыбы, нагрудное украшение, цилиндрическая печать, пара обуви. Документ был найден в частном доме вместе с двумя оттисками печатей некоего храмового чиновника (Westenholz 1984: 26 ff.).

Среди этой группы горожан были представители административного и культового персонала хозяйств, торговцы, ремесленники, полицейские и т. п. За свои наделы они были обязаны городу выполнением трудовой повинности. Право на земельный надел, связанное с определенными обязательствами, было, по-видимому, наследственным и в некоторых случаях могло быть передано другому лицу за определенную компенсацию⁵⁵.

Другая группа городского населения, никак не связанная с правами на землю, не имела, вероятно, собственных источников существования и жила за счет тех компенсаций, которые получала от хозяйств за свой труд. В административных документах статус такого работника часто выражался термином «человек такого-то» (lú PN). Жизнь этих людей, которых исследователи условно называют «зависимыми», действительно во многом зависела от распоряжений администрации или от воли частного лица, под покровительством которого они находились, но те из них, кто выполнял определенные административные или профессиональные функции, занимали, вероятно, более высокое положение и получали лучшее содержание, чем остальные работники.

Большинство «зависимых» работников занимались непрофессиональным физическим трудом. Они были организованы в отряды и работали круглогодично под началом специальных чиновников (ugula), которые, в свою очередь, подчинялись чиновникам более высокого ранга (nu.bānda). Трудно сказать точно, чем юридический статус этих людей, ежедневно занятых работой в крупных хозяйствах в составе рабочих отрядов, отличался от статуса держателей наделов в этих же хозяйствах. Они жили на содержании хозяйства, получая за постоянную работу выдачи продуктов (зерно, растительное масло, рыба) от администрации хозяйства или от своего патрона. Официально их не привлекали к выполнению трудовой повинности, но многие из них отбывали повинности за своих начальников или за свое хозяйство. Положение этой группы населения могло быть достаточно тяжелым. В записях ежемесячных выдач персоналу хозяйства часто содержится указание о бегстве (zāh) отдельных работников, мужчин или женщин. Возможно, они уходили в другие города или хозяйства в поисках лучшей жизни или присоединялись к незаконным обитателям степи или приморских болот.

Среди этой группы населения могли быть потомки тех, кто по какой-то причине утратил свои права на пользование наделом, женщины, дети и старики, потерявшие родственников и оставшиеся без средств к существованию, пришлые люди и т. п. Возможно, среди них были и жители соседних территорий, работавшие в хозяйстве за содержание. Эта группа работников, вероятно, периодически пополнялась как за счет военнопленных, так и за счет собственных сограждан, которые в силу разных обстоятельств потеряли свой статус.

⁵⁵ Некая женщина (Нана) передала энси Лагаша надельное поле (a.šà šuku), право на владение которым она, вероятно, унаследовала от своего покойного мужа. Поле площадью 216 ику (более 70 га) располагалось в окрестностях Уммы. Судя по площади, это был служебный надел чиновника высокого уровня. Сама Нана в это время, по-видимому, жила в Сузах и компенсацию за поле — 20 сиклей серебром — ей пересылали через писца (Steinkeller 1992: 99).

И наконец, третью группу городского населения, по-видимому, самую малочисленную, составляли рабы. Их труд вряд ли играл сколько-нибудь существенную роль в хозяйстве. Среди рабов были не только пленники или преступники, обращенные в рабство в наказание за преступление, — постепенно росло количество частных рабов из числа сограждан, которые могли попасть в рабство за долги или невыполнение каких-либо обязательств перед администрацией. От этого времени сохранилось несколько десятков частных договоров, зафиксировавших куплю-продажу рабов, при этом все сохранившиеся в них имена рабов — местные (Foster 1977: 37, прим. 81; Westenholz 1987: 69). Во многих случаях эти продажи были, по-видимому, следствием долговых отношений (ELTS № 48, 57, 59, 58, 61). Для наиболее обеспеченных частных лиц рабы составляли предмет роскоши. Раба можно было отправить на общественные работы вместо хозяина (среди таких хозяев упоминаются правитель, главный писец, тамкар, пастух, прачечник) или отдать внаем для исполнения трудовой повинности (Steinkeller 1993: 91).

Внутри каждой из этих групп городского населения было, несомненно, множество градаций. Имущественное положение и статус каждого отдельного индивидуума внутри группы во многом зависел от его происхождения и родственных связей. Границы между группами не были абсолютными.

Ремесленники. Значительную часть «полноправного» городского населения составляли ремесленники (Steinkeller 1996). Как и другие горожане, все они входили в состав персонала какого-либо крупного хозяйства городской системы.

Часть высокопрофессиональных ремесленников работала в мастерских при крупных хозяйствах, где занимались изготовлением предметов роскоши из привозных материалов, предоставляемых администрацией: это были ювелирные изделия, дорогая одежда, предметы мебели из ценной древесины, оружие, повозки, лодки. Другие ремесленники, чья работа не была связана с дорогими привозными материалами, вероятно, трудились в домашних мастерских, и после выполнения всех обязательств перед хозяйством могли работать на себя и изготавливать продукцию для личных нужд, обмена и т. п. Таким образом, городское население получало необходимую в повседневной жизни продукцию: керамику, ткани, металлические изделия.

Ремесленники получали земельные наделы в своем хозяйстве, а при желании могли дополнительно арендовать небольшие поля. Как и все члены коллектива данного хозяйства, ремесленники несли определенные обязательства. Прежде всего, они были обязаны изготавливать и передавать администрации хозяйства определенные количества предметов своего ремесла⁵⁶. Также они должны были принимать участие в ирригационных работах и в уборке урожая с общественных наделов. Свое положение в хозяйстве и свои профессиональные

⁵⁶ В одном тексте из Уммы аккадского времени упоминается более 7000 сосудов шести различных видов, которые были доставлены горшечниками Уммы, вероятно, в счет выполнения обязательств перед городом; в документе из Лагаша упоминается 3000 горшков, изготовленных гончаром в счет его обязательств (Steinkeller 1996: 235).

навыки ремесленники передавали сыновьям, которые наследовали не только их профессию, но и статус. Формально ремесленники не были пожизненно прикреплены к своему хозяйству и могли покинуть его, но для ушедшего это сопровождалось потерей статуса, разрывом родственных и социальных отношений.

Часть ремесленного производства была, вероятно, полностью централизована. В самых больших хозяйствах существовали крупные мастерские, в которых под полным административным контролем трудились сотни зависимых работников. Прежде всего, это касалось изготовления текстиля, который был важным предметом экспорта из южномесопотамских городов. В такой ткацкой мастерской в Эшнунне работали 585 женщин и 105 мужчин (Gelb 1972). В Ниппуре в ткацкой мастерской при храме Энлиля работали 435 ткачей (Westenholz 1987: 100–101).

Служебная и частная деятельность горожан. Хозяйственная жизнь общества аккадского времени во многом сохраняла традиции предшествующего периода. То, что было необходимо для повседневного существования, горожане в основном производили в рамках своих хозяйств или получали сверху в результате административного перераспределения ресурсов. Однако постепенное совершенствование методов хозяйствования и организации труда, которое было заметно уже ранее, приводило к тому, что появлялись материальные ресурсы, значительно превышавшие те, что были необходимы для снабжения персонала и создания страхового фонда хозяйства. Постепенно расширялось число лиц, располагавших в силу своего служебного положения излишками продуктов. В предшествующий период в середине III тыс. до н. э. в число этих лиц входили прежде всего представители высшей городской элиты, правитель и его ближайшее окружение. Однако в правление династии Аккада круг лиц, которые желали и могли приобретать предметы роскоши (металлы, камни, рабы), по-видимому, значительно расширился.

Это были чиновники, управители отдельных хозяйственных подразделений, в том числе ремесленных мастерских. Задачей руководителя была обязательная поставка на верхний уровень определенного количества продукции, производимой в подведомственной ему сфере хозяйства, и предоставление по требованию определенного трудового ресурса. Администрация устанавливала точные квоты: рыбакам на поставку рыбы, пастухам на поставку скота и шерсти, ремесленникам — ремесленной продукции. Эти квоты, вероятно, рассчитывались в серебре, и в случае недостачи руководитель, ответственный за поставки, оказывался в долгу перед вышестоящим чиновником. Иногда для возмещения долгов должнику даже приходилось продавать в рабство членов семьи, или он сам мог быть продан в рабство кредиторами. Однако те ресурсы, которые данное подразделение хозяйства производило сверх требуемой нормы, находились, вероятно, в распоряжении главы этого подразделения и он мог располагать ими по своему усмотрению.

Именно на этой основе в традиционной хозяйственной системе Южной Месопотамии, фундаментом которой были крупные хозяйства с административно организованным производством и распределением, постепенно возникали от-

дельные элементы частной хозяйственной деятельности. Этому способствовало и то, что для должностного лица, стоявшего во главе какой-либо хозяйственной структуры, понятия управления и владения (во всяком случае, на время исполнения должности) фактически совпадали. Многие хозяйственные архивы, сохранившиеся от этого времени, носят смешанный характер, т. е. содержат и административные отчетные записи, которые владелец архива вел как должностное лицо, и документы частноправового характера, фиксировавшие различного рода сделки, которые он заключал от своего имени. Так, в официальном архиве Энналума, правителя города Уммы времени царя Римуша, помимо многочисленных хозяйственных записей, хранилось и несколько частных договоров: дарственная запись, договоры о покупке осла, раба (Foster 1982с: 51). Сходный характер носил и архив Энлиль-меаби, высокопоставленного чиновника из Ниппура (Westenholz 1987: 24 ff.).

Частная деятельность в сфере торговли, обмена и кредитования. В аккадский период расширение частной деятельности становится особенно заметным в двух тесно связанных сферах — торговле и кредитовании⁵⁷. Межгородской обмен и тем более международная торговля в это время, как и в предшествующую эпоху, безусловно, проводились силами администрации (государства, города или отдельного крупного хозяйства) и с использованием административных ресурсов. Однако появляется все больше свидетельств того, что отдельные индивидуумы действуют в этой сфере от своего собственного лица и в своих собственных интересах. Иногда они манипулируют собственными ресурсами, иногда административными, которые оказывались в их распоряжении (Foster 1977: 32). Довольно широко распространилась практика, когда отдельные чиновники от своего имени вкладывали ресурсы, которыми они располагали в силу своего служебного положения, в административные фонды, предназначенные для торговли и обмена. С другой стороны, торговые агенты города или крупного хозяйства были заинтересованы в получении дополнительных средств для увеличения оборотного капитала⁵⁸. В такую «коммерческую деятельность» постепенно вовлекались все более широкие круги городской административной элиты и даже отдельные городские группы, связанные соседством и/или родством⁵⁹.

⁵⁷ Давно сложившееся и устоявшееся в науке представление о том, что существование двух групп клинописных документов (административно-хозяйственные записи и частноправовые договоры) зеркально отражает существование в древности четкого разделения между двумя видами хозяйственной деятельности — административной и частной — на самом деле, как показывают последние исследования, не соответствует реалиям хозяйственной жизни того времени и во многом ограничивает наше представление о характере древней экономики.

⁵⁸ В Умме в правление царя Шар-кали-шарри некий чиновник, служивший на складе, передал 15 000 л (50 гур) эммера в «расчетный фонд», который находился в распоряжении торгового агента-тамкара по имени Аббаму, который также получал вклады от повара и царского плотника (Foster 1977: 33).

⁵⁹ Трое лиц передают торговому агенту-тамкару 13 $\frac{1}{4}$ сикля серебра, которые «на/в улице имеют-ся» (sila.a gál.la.àm), т. е., по-видимому, составляют общий капитал группы соседей. В состав этого капитала, помимо собственно серебра в количестве 5 $\frac{1}{4}$ сиклей, входила корова, оцененная в 8 сиклей (Foster 1977: 40).

«Вкладчики», в числе которых могли быть и главы крупных хозяйств, и главы отдельных ремесленных структур⁶⁰, и различные чиновники, передавали торговому агенту серебро, продукты (зерно, скот) или ремесленные изделия, оцененные в серебре. Впоследствии они должны были, по-видимому, получить вознаграждение в соответствии со своими вкладами⁶¹. Эти вложения производились, вероятно, приватным образом, и часто оформлялись в виде долговой расписки. Торговый агент «одалживал» продукты или изделия у «вкладчиков», затем реализовывал их в ходе своей служебной деятельности и возвращал «долг» (Westenholz 1984: 25, n. 31).

Предоставление отдельным лицам займов из служебных ресурсов кредитора становится в аккадский период очень распространенным явлением. Многие официальные лица активно действовали в этой сфере, выступая как кредиторы, а иногда и как заемщики, но при этом договоры займа хранились вместе со служебными документами⁶².

Показательным примером сочетания в одном архиве документов, касающихся административной и частной деятельности его владельца, могут быть упомянутые выше архивы Энналума, Энлиль-меаби и архив семейной пары из Уммы (Foster 1982c: 75 ff.). Документы этих архивов создают впечатление, что многие горожане не только занимались выполнением своих обязанностей и обязательств в отношении хозяйств, которыми они управляли или в составе которых они служили, но также и активной «частной» деятельностью в сфере обмена и кредитования. Тем не менее число лиц, вовлеченных в обменные и кредитные операции, было достаточно ограничено. Наибольшими возможностями в этой сфере располагали те группы населения, которые имели в своем распоряжении достаточные материальные ресурсы. В основном это были чиновники высшего и среднего уровня, которые имели доступ к распределению административных ресурсов и располагали некоторыми личными ресурсами, полученными за службу или как доходы от наделов. Но даже и участники торговли получали привозные товары (металлы, предметы роскоши) главным образом от администрации по распределению.

Значительная часть городского и сельского населения никакими свободными ресурсами не располагала и обеспечивалась необходимыми продуктами

⁶⁰ В текстах из Уммы среди таких лиц упоминаются главный кузнец, повар, царский плотник (Foster 1982c: 9–32).

⁶¹ Из разных городов Южной Месопотамии до нас дошли списки, в которых рядом с именами «вкладчиков» указывались вложенные каждым суммы серебра или товаров (зерно, скот, ремесленные изделия), оцененных в серебре. В Сиппаре в архиве некоего Курадума сохранился список 12 вкладчиков, которые «одолжили» Курадуму различные суммы серебра — т. е. вложили их в его оборотный фонд (Foster 1977: 32–33).

⁶² В Гасуре некий Зузу, кадастровый чиновник, выступает как кредитор в многочисленных займах (жиры, зерно, скот, серебро), отчеты о которых найдены там же, где и его рабочие отчеты. Похожей деятельностью занимался и некий Гинунум, архив которого был найден в небольшом городе в районе Диялы. Гинунум занимал какой-то важный административный пост, возможно, был членом городского совета. Он действовал, в основном, с зерном и серебром, участвовал в некоторых юридических делах. В текстах его архива упоминаются и другие важные должностные лица: правитель города, чиновники храмового хозяйства, члены городского собрания (Foster 1977: 33; Westenholz 1984: 25, n. 31).

(если они не производились внутри собственного хозяйства) через распределительную систему или бартер. Рыночный повседневный уровень экономики в текстах этого времени почти не отражается, и трудно найти археологические свидетельства его существования. Нет никаких данных о существовании рыночных мест или тех мест, где частные лица могли заниматься обменом. Если они и были, то, скорее, на пристанях или рядом с городскими воротами.

Коллективные работы в аккадский период. Несмотря на все политические проблемы и периодически возникавшие конфликты между городами и центром, уровень жизни значительной части городского населения в аккадский период был достаточно высоким. Материальной базой, на которой строилось благополучие южномесопотамских городов, которая давала горожанам возможность заниматься ремеслом и торговлей, было производство зерна и продуктов скотоводства. Между городами происходил активный обмен продуктами и предметами ремесла, развивалась международная торговля, т. е. хозяйственная жизнь Южной Месопотамии в аккадский период оставалась как будто достаточно стабильной. Поддержание такого уровня экономики требовало и больших совместных усилий всего городского сообщества. Ежегодно силами населения проводились все необходимые работы по расчистке и укреплению ирригационных сооружений, без чего невозможно было поддерживать высокий уровень сельскохозяйственного производства. Постоянной реконструкции и обновления требовали также и строительные сооружения, такие как городские стены, общественные здания, храмы, возведенные в основном из сырцовых кирпичей.

Помимо этих регулярных работ, в аккадский период жителей южномесопотамских городов периодически привлекали к работам по восстановлению городских стен и крупных общественных сооружений, разрушенных в ходе военных действий. О неоднократных насильственных разрушениях городов в правление Саргонидов можно судить по косвенным данным, содержащимся в надписях аккадских правителей. Основное внимание в этих надписях уделяется военным аспектам царствования аккадских правителей, в том числе подавлению мятежей, которые периодически поднимали города Южной Месопотамии (см. выше). Саргон, Римуш и Нарам-Син в своих надписях постоянно упоминают не только о завоевании мятежных городов, но и о разрушении их стен и укреплений. Если верить этим сведениям, то примерно за сто лет правления этих царей стены и укрепления таких городов, как Умма, Лагаш, Урук разрушались по крайней мере трижды. В ходе военных действий страдали, конечно, и другие городские сооружения. Насколько масштабными были эти разрушения, сказать сложно⁶³. Некоторые города в ходе военных действий, вероятно, могли быть снесены до основания. Возможно, такая судьба постигла город Казаллу (см. выше).

Проведение коллективных работ всегда было важной сферой городской жизни. В 24–23 вв. до н. э. здесь сохранялась примерно та же практика, что и в предшествующий период. Регулярные общественные работы по поддержанию

⁶³ В одной из надписей Нарам-Сина приведены размеры стен города Арманум, который был захвачен Нарам-Сином во время его похода на запад против Арманума и Эблы. Это, вероятно, единственные сведения такого рода в надписях III тыс. до н. э. (RIME 2, 132–135).

в надлежащем порядке строительных объектов, рытью каналов проводились, вероятно, по решению, которое принимал городской совет (Westenholz 1999: 63). Местные власти, прежде всего в лице энси, объявляли призыв на общественные работы для членов городской общины, возможно, через городского глашатая (*nimgig ugu*). Никаких данных о том, как эти работы распределялись между жителями, нет. Скорее всего, эти обязанности не возлагались автоматически на каждого отдельного горожанина, а распределялись между представителями отдельных профессиональных групп или хозяйств⁶⁴.

Каждая группа была обязана предоставить определенное количество работников на некоторый срок, а внутри группы распределение шло по более мелким ячейкам, вплоть до отдельных семей. Горожан, участвовавших в общественных работах, городская администрация централизованно снабжала продуктами питания и орудиями труда. При этом, как свидетельствуют отчеты, продукты часто выдавались не индивидуально, а на группу работников. Распределением этих рационов занимались, видимо, главы семей или представители хозяйств, которые руководили группами присланных от их хозяйства работников (Foster 1982c: 115).

Участие в общественных работах (как и исполнение воинской повинности) было важнейшей обязанностью горожан, но обязанностью малопривлекательной, поэтому при возможности ее старались переложить на подчиненных, зависимых лиц или рабов. В сохранившихся списках мобилизованных работников, помимо свободных горожан, названных по имени и отчеству, упоминаются зависимые лица (*lú PN*) и рабы, присланные должностными лицами (среди последних упоминаются энси, главный писец, тамкар, пастух и др.). Для исполнения повинности можно было нанять раба. Важную роль могла в этом отношении сыграть и протекция со стороны высокопоставленного чиновника. Работы были, надо полагать, достаточно тяжелыми, и в списках мобилизованных упоминаются умершие и беглые.

Царские проекты. От предшествующего периода известно об осуществлении правителями отдельных городов крупных строительных проектов, для чего привлекались жители нескольких городов⁶⁵. Аккадские цари для выполнения самых крупных своих проектов также собирали работников со всего государства.

В сохранившихся датировочных формулах Нарам-Сина сообщается о сооружении стены вокруг города Аккада и о строительстве там же храма Иштар. Эти работы, вероятно, осуществлялись силами жителей города Аккада. Также

⁶⁴ Так, в одном из крупных хозяйств в районе Гасура, которое находилось, вероятно, под прямым контролем энси, помимо небольшой группы постоянного персонала трудились многочисленные отряды приходящих работников из числа местного населения, среди которых были женщины и дети. Эти работники привлекались на определенный срок, в течение которого они получали выдачи ячменем и маслом. Организовывали и контролировали эти отряды местные чиновники, исполнявшие свои обязанности круглогодично и за свою службу, по-видимому, получавшие земельные наделы (Foster 1987).

⁶⁵ Например, строительство храма в Бад Тибира, к которому Энметена привлек жителей не только Бад Тибира, но и Лагаша, Урука и Ларсы.

в датировочных формулах этого царя упоминается о строительстве храмов Иштар в Ниневии и Вавилоне, но кто занимался их сооружением, неизвестно (RIME 2, 86). Несколько больших общегосударственных проектов было принято во второй половине правления Нарам-Сина, по-видимому, уже после подавления Великого восстания и проведения церемонии обожествления этого царя, после чего перед его именем начали ставить детерминатив божества (RIME 2, 85–86).

В первый год после обожествления, как следует из датировочной формулы, Нарам-Син «заложил фундамент» храма Энлиля в Ниппуре и храма Инанны в городе Забалам. В один из последних годов его царствования по приказу царя к городу Ниппуру был подведен канал E' e'rina. Несколько грандиозных проектов Нарам-Сина не было доведено до конца. После его смерти завершением строительства храма Иштар в Вавилоне и реконструкции главного храма бога Энлиля Экур в Ниппуре вплотную занялся его сын и преемник Шар-кали-шарри (RIME 2, 184–185). Последний проект был особенно важным, и Шар-кали-шарри руководил им, еще будучи наследным принцем. Об исключительном значении, которое придавалось работам в Ниппуре, говорит тот факт, что этим событием датированы несколько лет правления Шар-кали-шарри (RIME 2, 182). Одна из датировочных формул почти дословно повторяет упомянутую выше датировку Нарам-Сина, в ней опять говорится о том, что царь (на этот раз это Шар-кали-шарри) «заложил фундамент» храма Экур в Ниппуре. Другая посвящена назначению в Ниппур высокого военного чиновника (gir.níta) специально для руководства этими работами. Это совершенно необычная тема для датировочной формулы, по-видимому, это назначение царь счел важнейшим событием предшествующего года. О работах в Экуре упоминается и в трех надписях Шар-кали-шарри (RIME 2, 182 ff.).

Прямых данных о практике проведения крупных общественных работ от времени правления аккадской династии сохранилось немного. Они касаются в основном выполнения особо масштабных проектов, работа над которыми заняла длительное время и оставила некоторое количество административных документов: отчеты о расходе материалов и продуктов, списки работников и т. п. Важными источниками сведений по данному вопросу являются архивы из Ниппура и Уммы.

Коллективные работы в Ниппуре. Сохранились отдельные отчеты времени Нарам-Сина и его преемника Шар-кали-шарри о расходах при проведении работ по реконструкции или перестройке храма Экур. Судя по объемам выдач продуктов, в работе участвовали 2–3 тысячи человек⁶⁶. Административные записи свидетельствуют, что для участия в проекте со всей территории Южной Месопотамии привлекались высококвалифицированные ремесленники. Таких специалистов-профессионалов (плотников, столяров, резчиков по камню, кузнецов и др.), судя по спискам выдач, было более 400 человек. Снабжать их

⁶⁶ Готовую еду (хлеб, пиво) получали, вероятно, те, кто приходил на работы на определенный срок, выполняя трудовую повинность. Те, кто работал постоянно, регулярно получали необработанные продукты, зерно — ячмень, эммер (Foster 1977: 301).

продовольствием (сушеной рыбой, ячменем и солью) должен был главный администратор храма, чиновник санга⁶⁷. Гораздо больше людей было занято на подсобных работах. Они выкапывали ямы, изготавливали кирпичи, занимались приготовлением еды и обслуживанием работников и т. п.⁶⁸ Основная масса этих работников рекрутировалась, вероятно, из числа персонала крупных хозяйств Ниппура и его окрестностей, на которые возлагались обязательства по поставке неквалифицированных работников, ремесленников и даже тамкаров.

Коллективные работы в Умме. Еще один крупный строительный проект осуществлялся, по-видимому, в конце правления Нарам-Сина недалеко от города Уммы. Отдельные отчетные записи, зафиксировавшие расходы продуктов и материалов при проведении этих масштабных и продолжительных работ, сохранились в архиве энси Уммы. Это были не регулярные, ежегодно повторяющиеся общественные работы по ремонту и реконструкции каналов и строительных сооружений, а новый крупный проект, возможно, сооружение недалеко от Уммы в местности, которая в текстах называется Сабум (za-búm), каких-то укреплений или проведение нового канала (Steinkeller 1987b). Работы, видимо, продолжались не менее полутора лет⁶⁹. В них было занято примерно 550–1500 работников из Уммы⁷⁰.

Ход работ контролировал энси Уммы как высший представитель городской власти, и в значительной степени он же занимался и их обеспечением. Энси посылал рабочие отряды из Уммы в Сабум, снабжал работников металлическими орудиями и сам по крайней мере дважды посещал Сабум, контролируя работы. Это зафиксировано в отчетных документах, поскольку он привозил какие-то продукты, в том числе финики, предназначенные для начальников отрядов (ugula).

Вероятно, это был городской проект, к работе над которым привлекались жители Уммы. Работники были организованы в группы, руководимые специальными чиновниками (nu.bànda и ugula). Среди работников упоминаются строители, каменщики и даже певцы. В ходе работ использовалось большое количество металлических орудий, их починкой и переплавкой на месте занимались профессиональные кузнецы (Foster 1982c: 46 ff.).

⁶⁷ В III тыс. до н. э. этот титул обозначал одного из высших администраторов крупного хозяйства, только в более поздний период он стал обозначать исключительно жреческую должность (Westenholz 1987: 61, п. 247).

⁶⁸ В частности, заготавливали огромное количество тростника, который использовался в качестве топлива, например, при обжиге кирпичей, при кузнечных работах, приготовлении пищи и т. п.

⁶⁹ По предположению Б. Фостера (Foster 1982c: 50) здесь могли быть собраны жители мятежных городов Южной Месопотамии, восставших против Римуша, помещенные в лагерь для военнопленных. Однако доказательств этой точки зрения недостаточно, скорее речь идет об общественных работах (Козырева 1985). П. Штайнкеллер, опираясь на точку зрения И. Гельба, счел данную гипотезу Б. Фостера ошибочной (Steinkeller 1987b).

⁷⁰ Проект, которым занимался энси Уммы, не был, вероятно, исключительным по своим масштабам. В строительные проекты конца III тыс. до н. э. (времени Ур III) вовлекались тысячи людей, в ирригационном проекте в Ларсе (19 в. до н. э.) участвовали более 5500 работников (Walters 1970: 186).

Все работники обеспечивались продуктами питания. По сохранившимся документам ежедневно 545 работников снабжались готовой едой (это были, вероятно, зависимые работники и рабы, присланные из крупных хозяйств на исполнение трудовой повинности). Более 1000 работников получали регулярные выдачи продуктов⁷¹.

Конец правления аккадской династии. Царям Аккада так и не удалось создать достаточно четкую и жизнеспособную систему управления провинциями. Сын Нарам-Сина Шар-кали-шарри был, вероятно, просто не в силах удержать в своих руках ту территорию, которую контролировал его отец. Судя по немногим сохранившимся от времени его правления датировочным формулам и надписям, Шар-кали-шарри периодически выигрывал военные сражения, но эти битвы происходили поблизости от центра государства, а его врагами были оказавшиеся на территории Аккадского государства чужеземцы (амореи, кутии, эламиты), которые каким-то образом периодически проникали вглубь страны. Своим наследникам Шар-кали-шарри оставил небольшое государство с центром на слиянии Диялы и Тигра. После его смерти здесь правили еще 4 царя, пока в середине 22 в. до н. э. город Аккад не завоевал эламский царь Кутик-Иншушинак, который вскоре был изгнан оттуда правителем города Ура Ур-Намму.

В это же время города юга аллювиальной долины, по-видимому, окончательно вернулись к местному самоуправлению. Не особенно оглядываясь на центральную власть, они конфликтовали друг с другом (Ур и Лагаш), в некоторых случаях правители городов даже принимали царский титул (Лагаш), т. е. провозглашали свой контроль над значительной территорией. Царям Аккада так и не удалось ассимилировать две разные системы организации общества в одну и создать достаточно четкую и жизнеспособную систему централизованного управления всей подконтрольной им территории. В годы правления аккадской династии города Южной Месопотамии неоднократно восставали против центра. В ходе подавления аккадским войском этих выступлений погибла, вероятно, значительная часть городского населения юга и старой местной правящей элиты. При этом городская хозяйственная система в основных своих чертах оставалась, по-видимому, прежней, как оптимальная для данной территории. Рано или поздно цари уходили, а города оставались и продолжали обходиться своими силами, если только течение их жизни не прерывалось какими-либо природными или внешними катастрофами.

Еще в правление Нарам-Сина на территорию Южной Месопотамии стали активно проникать кутии, концентрируясь главным образом на севере и северо-востоке аллювия. Кутии — горный народ Загроса, обитали в то время или в районе Керманшаха, или в бассейне Малого (Нижнего) Заба, и занимались в основном скотоводством. Они жили рядом с Южной Месопотамией и обычно поддерживали

⁷¹ Далеко не все отчетные записи, касающиеся расхода продуктов, сохранились, но и по дошедшим до нас разрозненным документам известно, что в одном случае за период в 24 дня было распределено 4485 хлебов и 1946 л пива, в другом случае некий Агалум за 11 дней получил 280 хлебов и 120 л пива разных сортов, Дингир-калаг за один раз получил 600 хлебов и 700 л пива. Скорее всего, эти люди были руководителями групп горожан (Foster 1982c).

достаточно мирные отношения с населением южномесопотамских городов⁷². Уже при Шар-кали-шарри под контроль кутиев попала часть территории Верхнего Евфрата. После смерти Шар-кали-шарри некоторые кутийские вожди, воспользовавшись окончательным ослаблением Аккадского государства, по-видимому, захватили власть в ряде городов на севере и северо-востоке аллювиальной долины и начали принимать месопотамские царские титулы в подражание аккадским царям. Неизвестно, насколько реальной была их власть⁷³.

Правление кутиев в некоторых городах севера аллювиальной долины вряд ли продолжалось более 30 лет. После того как правитель Урука Утухегаль разгромил войско их последнего царя Тиригана, они были окончательно изгнаны из Месопотамии. Была ли роль кутиев в разрушении династии Аккада действительно решающей, как это рисуют позднейшие месопотамские хроники и литературные источники, остается неясным⁷⁴. Скорее всего, конец Аккадского государства был предопределен, прежде всего, внутренними факторами. Особенно серьезную роль сыграла, вероятно, возрастающая неспособность центральной власти контролировать и координировать деятельность провинции, в особенности городов юга.

⁷² Кутиец (правда, с шумерским отчеством) упоминается в одном документе из Лагаша как представитель административного персонала (*ugula*) какого-то крупного хозяйства (Foster 1989).

⁷³ Представление о существовании «династии кутиев» и о последовательной передаче власти на всей территории Южной Месопотамии в рамках этой династии, которое отражено в ШЦС, по мнению большинства исследователей, скорее всего, является фикцией (Glassner 2004: 97).

⁷⁴ С последствиями вторжения кутиев, возможно, связаны следы разрушений, найденные археологами на северо-востоке Южной Месопотамии: в Северном дворце в Эшнунне и некоторых зданиях Телль Тайа (Ludovico 2008: 321, прим. 5). Победитель кутиев Утухегаль так описывает тяжелые условия, которые сложились в Южной Месопотамии в результате правления кутиев: «Он (Тириган, царь кутиев) захватил оба берега Тигра, на юге в Шумере он связал поля (т. е. сделал (их) неподвижными/нежизнеспособными)». Судя по этому пассажу, «связывание» полей Шумера, под которым, вероятно, подразумевалось лишение полей ирригационных вод (т. е. он блокировал воду от полей) было, по мнению автора надписи, следствием оккупации кутиями обоих берегов Тигра (Steinkeller 2001: 30).

Глава VI

Город Лагаш в 22–21 вв. до н. э.

Город Лагаш после падения Аккада и до включения его в состав государства III династии Ура. Лагаш при Гудеа.

Лагаш после падения Аккада. Уже в конце правления Шар-кали-шарри многие крупные города Южной Месопотамии, располагавшиеся относительно далеко от Аккада на территории Нижнего Тигра и Евфрата, и в частности город Лагаш, вернулись к независимому существованию. О политической обстановке в Южной Месопотамии в это время и об отношениях Лагаша с другими городами известно немного. По-прежнему отдельные города периодически заключали между собой союзы для отражения внешней угрозы и соперничали за контроль над важнейшими торговыми путями. На юго-западе аллювия самыми значительными из городов были, вероятно, Урук, где новую династию основал Утухегаль, и Ур под управлением Ур-Намму (возможно, родственника Утухегала), а на юго-востоке в это время доминировал Лагаш.

Давний соперник Ура Лагаш стал фактически независимым еще в конце правления Шар-кали-шарри, когда правитель этого города принял титул «лугаль» (Westenholz 1999: 56, n. 217). В середине (?) 22 в. до н. э. к власти пришла новая династия правителей (II династия Лагаша), которая одно время контролировала не только свой регион, но и значительные территории, располагавшиеся к западу от Лагаша¹. Основатель династии даже назначил свою

¹ Традиционно считалось, что второй и самый знаменитый представитель этой династии Гудеа находился у власти в период вторжения в Месопотамию кутиев. Однако есть данные, свидетельствующие, что его правление, продолжавшееся, вероятно, около 11 лет, частично могло совпадать по времени с правлением Ур-Намму в Уре. В таком случае Гудеа и Ур-Намму были современниками и свидетелями уже изгнания кутиев. После смерти Гудеа его сын и внук правили четыре года и один год соответственно. Завершилась династия, по-видимому, правлением некоего Намхани, после чего Лагаш вошел в состав государства III династии Ура. О военной победе Ура над правителем Лагаша

дочь главной жрицы храма бога Нанны в Уре, должность которой некогда занимала дочь Саргона Энхедуанна.

Город Лагаш при Гудеа. Вторым представителем этой династии был некий Гудеа. От времени его правления сохранились самые длинные надписи на шумерском языке и множество статуй, представляющих собой скульптурные портреты его самого и членов его семьи². Сведений о самом Гудеа очень мало. Неизвестно, каково было его происхождение, неясны ни точные даты его правления, ни границы территорий, на которые распространялась его власть.

Возможно, возвышение Гудеа было связано с тем, что он был женат на дочери своего предшественника на посту правителя Лагаша Ур-Бау. В надписях самого Гудеа его приход к власти описывается как исполнение божественной воли (такая же трактовка прихода правителей Лагаша к власти дана и в надписях далеких предшественников Гудеа, Энметены и Урунимгины, см. выше). «Рука» бога Нингирсу выбрала Гудеа правителем из числа 216 000 жителей (lú) Лагаша как самого достойного³. Ритуал выборов был, возможно, связан с бросанием жребия или гаданием на печени. Во всяком случае, судя по датировочным формулам правителей Лагаша, так в это время здесь избирали кандидатов на главные жреческие должности (RIME 3/1, 27). Само имя правителя, Гудеа (gù-dé-a), можно перевести как «тот, кто назван (богом)» (“the one called [by a god]” RIME 3/1, 68).

Действительно ли ритуалы, связанные с приходом к власти нового правителя, происходили в присутствии всего населения, неизвестно, но в надписях Гудеа неоднократно упоминается «народ» (шум. ùg, акк. *nīšû*). В одном случае рассказывается о том, как из толпы народа, который коленопреклоненно обращался к богу Нингирсу, чтобы узнать его волю, поднялся Гудеа и воззвал к божеству, из почтения держа руку перед ртом (жест почитания! RIME 3/1, 74). В других надписях Гудеа перечисляет кары, которое понесет тот, кто после его смерти попытается повредить его статуи или написать на них свое имя, отменить принятые им при жизни решения. Личный бог преступника выявит его (букв. «вызовет» его из (толпы) народа) и тот понесет тяжелое наказание. Среди наказаний упоминаются и такие: его имя исчезнет (с записей) хозяйства его (лич-

Намхани как будто упоминается в прологе к «законам» Ур-Намму, сохранившимся только фрагментарно (Steinkeller 1988: 47, п. 2). После этого события цари Ура сами назначили нового правителя Лагаша.

² Гудеа был не только самым известным правителем II династии Лагаша, но, несомненно, и одной из самых выдающихся личностей в истории древней Месопотамии. Сохранилось большое количество составленных им надписей, в том числе надписи на статуях и две интереснейшие надписи на глиняных цилиндрах, представляющие собой не только историческую, но и огромную литературную ценность (RIME 3/1).

³ Возможно, эта цифра имеет значение множества или символизирует присутствие на выборах всех жителей провинции. В надписях предшествующих правителей Лагаша также указано количество людей, из числа которых они были избраны волей божества. Энметену избрали из числа 3600 человек, Урунимгину — из 36 000 (см. выше).

ного) бога и будет удалено с табличек, его личный бог отвернется от него (RIME 3/1, 37, 38, 52).

Самые значимые деяния Гудеа как правителя, зафиксированные в датировочных формулах, мало чем отличаются от деятельности правителей других южномесопотамских городов того времени (RIME 3/1, 27–28). При нем Лагаш, возможно, в союзе с Уром, предпринял успешный военный поход против одного из своих давних противников — города Аншана в Эламе (современная провинция Фарс в Иране). Возможно, союз Ура и Лагаша был связан с их общими намерениями вновь «открыть» торговые пути на восток. Приведенные из этого похода пленники, в том числе, вероятно, представители семьи эламского царя Пузур-Иншушинака, какое-то время жили в Лагаше при дворе правителя, что зафиксировано в документах выдач им продовольствия.

Гудеа, как и другие правители южномесопотамских городов, проводил новые каналы, строил и украшал многочисленные храмы. Однако надписи Гудеа, детально описывающие события, связанные со строительством храма бога Нингирсу, содержат уникальную информацию и наполняют стандартную картину деятельности городского правителя объемным и живым содержанием. Гудеа, вероятно, был первым городским правителем Южной Месопотамии, так подробно и с таким вниманием к деталям рассказавшим о своих попытках навести порядок в мире и социуме, которым он управлял по воле богов, чтобы вернуть благополучие и процветание населению Лагаша. Даже если тексты, написанные от имени Гудеа, это не описание реальности, воспринимаемой и излагаемой, конечно, в духе своего времени, а скорее набор стереотипных фраз или некий литературный канон, они дают представление о том, к какой модели мира и общества стремился правитель в своей реформаторской деятельности и какие препятствия ему приходилось преодолевать. Описание тех мер, которые предпринимал Гудеа по «исправлению» реальности с тем, чтобы приблизить ее к «правильному» порядку, дает некоторое представление о том, какой была повседневная жизнь города и горожан и в определенной степени отражает, вероятно, реальную ситуацию, сложившуюся в то время в Лагаше.

В своих надписях Гудеа приводит описание «правильного» порядка вещей, который должен быть установлен в Лагаше. Этот порядок, как он указывает, должен соответствовать тому, который изначально был установлен богами в Эриду. Именно Эриду считался древнейшим городом Месопотамии, построенным «в начале времен». В этом городе, вероятно, наиболее четко и полно проявился замысел богов, создававших «божественный порядок».

Как описывается в надписях Гудеа «золотой век», к которому он хочет вернуть жителей Лагаша? Реки, каналы и рвы полны водой. Просторные поля дают богатый урожай. Собранное зерно насыпают горами на берегу канала, потом погружают на баржи, которые плывут в город. Мельницы работают без остановки. Возводятся хлевы для крупного рогатого скота и загоны для овец. Здоровый скот дает здоровый приплод. Болота, заросшие зеленым тростником,

полны рыбы и живности. В степях не переводятся птицы и дикие звери. И все это для того, чтобы строились города, основывались поселения, чтобы на стенах Сияющего города (Гирсу) возвышались сторожевые башни, чтобы резиденция бога Нингирсу была могучей. Главным следствием этого «правильного» порядка должна была стать обеспеченная и безопасная жизнь населения.

Боги подсказали Гудеа, что необходимо сделать, чтобы в Лагаше установился «правильный» порядок. Прежде всего, надо было построить новый храм главному богу Лагаша — Нингирсу. Гудеа сам спроектировал будущий храм. Для осуществления такого масштабного проекта требовались огромные материальные и трудовые ресурсы. Надписи Гудеа содержат одно из редких свидетельств того, каким образом могла проходить мобилизация населения на эти работы⁴.

Выполняя указания богов, Гудеа привлек к строительству всех жителей региона, призвав их объединиться для осуществления этого проекта (RIME 3/1, 78). При этом Гудеа обратился с призывом принять участие в работах к трем разным группам (*im.gi.a*), составлявшим, по-видимому, основную часть населения региона Лагаш⁵. В каждой группе было свое главное божество, управлявшее своей экологической зоной: бог Нингирсу — пашнями, которые дают богатый урожай, богиня Нанше — болотами, полными рыбы, живности и зеленого тростника, богиня Инанна — степями, где не переводятся птицы и звери. То обстоятельство, что Гудеа призвал каждую группу прийти на строительство храма со своей эмблемой — символом божества данной группы, — свидетельствует, по-видимому, о глубокой древности такого разделения⁶. Призыв Гудеа, обращенный к представителям всех трех групп, действовать «как дети одной матери», т. е. как единокровные родственники, возможно, указывает на то, что каждая группа имела свою отдельную от других групп генеалогию. Существование в 22 в. до н. э. на территории Лагаша трех различных групп населения, каждая со своим божеством и своими родственными

⁴ Одно из первых упоминаний об общественных работах, на которые правитель города мобилизует не только жителей своего города, но и жителей соседних городов, содержится в надписи правителя Лагаша Энметены (25 в. до н. э.). В ней рассказывается о строительстве храма в городе Бад-Тибира, в котором участвовали жители Лагаша, Ларсы, Урука и Бад-Тибыры.

⁵ Термин *im.gu/im.ru.a/im.gi.a*, обозначающий, вероятно, большую родственную группу (Gelb 1976: 2, 70, 94–93), встречается еще в текстах 25 в. до н. э. из Шуруппака. В одном случае упоминается 539 человек, составлявших семь групп *im.gu*. В других документах упоминается около 50 *im.gi.a*, находившихся в окрестностях Шуруппака (каждое представляло собой отдельную профессиональную группу примерно из 60 человек, со своим начальником), которые входили в сферу управления «большого дома» (см. выше, глава III).

⁶ «В наиболее ранних изображениях боги лишены антропоморфных черт, позднее антропоморфные образы становятся преобладающими, и прежние изображения, лишенные их, рассматриваются как эмблемы <...> в критические моменты общественной жизни, когда было необходимо присутствие богов, прибегали именно к их старым формам — эмблемам. Они следовали вместе с армией и выставлялись как залог нерушимости, свидетели и гаранты при принесении клятвы» (Якобсен 1995: 25).

связями (или своим предком?), возможно, являлось следствием событий 26–25 вв. до н. э., когда три города юго-восточной части Южной Месопотамии, Лагаш, Гирсу, Нимин, со своими территориями были объединены в единый регион Лагаш⁷.

В надписях Гудеа, описывающих строительство храма, очень подробно говорится о поставках в Лагаш различного рода дорогих и драгоценных материалов для украшения строящегося храма. Их привозили из разных концов Ближнего Востока: с северо-запада с гор Амануса и Тавра в Малой Азии, с севера, с территории Армянского нагорья, с юго-востока от Элама до Индостана. Однако каким именно образом осуществлялись эти поставки и как они оплачивались, в текстах не упоминается. Очевидно только, что это не была добыча или дань с завоеванных земель.

На период строительства храма был восстановлен «правильный» порядок, тот, который установили боги (RIME 3/1, 32 ff.). Гудеа устроил жизнь в Лагаше таким образом, как это «должно было быть для Нингирсу». Город Лагаш стал ритуально «чистым». Для этого совершались специальные обряды, в том числе очищение огнем. Из города были удалены люди ритуально «нечистые» (что именно это означало, неясно). На строительстве храма не работали женщины, «они не носили корзины». В работах участвовали только самые крепкие молодые мужчины. В это время чиновники не били работников кнутом или палкой, а только наблюдали за ходом работ, и «их контроль был мягким, как чесаная шерсть». Гармоничными в это время стали отношения как внутри семей, так и между представителями разных поколений и между хозяевами и рабами. Ни одна мать не ругала своего ребенка, ни один ребенок не противился своей матери. Ни один хозяин не бил своего раба по голове, ни одна хозяйка не давала пощечины рабыне, когда та ее не слушалась.

«Правильный» порядок благотворно сказывался на здоровье и жизни населения. В эти дни ни одна лопата не работала на городском кладбище, ни одно тело не было похоронено, не звучали жалобные вопли, ни одна плакальщица не пела погребальных песен, не проводился сбор налогов и не осуществлялись никакие судебные процедуры. В дни строительства храма на всей территории Лагаша никто не заставлял обвиняемого идти к месту принесения клятвы, ни один сборщик налогов не входил в чей-либо дом.

Окончание строительства и церемония «открытия» храма сопровождались не только разнообразными ритуалами, но и продолжительными общими праздниками, в которых принимали участие все жители Лагаша. Город (Гирсу)

⁷ Из нескольких групп, занимавших разные экологические зоны и, соответственно, использовавших разные способы добывания материальных ресурсов (земледелие, рыболовство, скотоводство), вероятно, состояло самое раннее население древнейшего месопотамского города Эриду. В начале V тыс. до н. э. жители этого самого юго-западного поселения Южной Месопотамии, располагавшегося на границе трех экологических зон (степи, граничившие с пустыней, долины, пригодные для земледелия, и болота), использовали все возможные варианты получения материальных ресурсов. Они занимались земледелием, скотоводством и рыболовством, причем последняя отрасль в начале существования поселения, была, скорее всего, ведущей.

и земля Лагаша провели эти дни в радости вместе с Гудеа. В течение семи дней, пока продолжался праздник вхождения бога Нингирсу в свой храм, не мололи зерно (это была самая тяжелая ежедневная домашняя работа), «рабыне было разрешено быть равной со своей госпожой, рабу было разрешено идти рядом со своим господином». Правитель объявил об отмене долговых обязательств и об амнистии, установил «справедливость» (не выдавал сироты богатому, не выдавал вдовы влиятельному) и подавил (букв. «наступил на шею») «зло и недовольство»⁸.

Гудеа предоставил хозяйству построенного храма более 100 га сельскохозяйственной земли на берегу канала и освободил его от уплаты налогов и исполнения трудовой повинности (RIME 3/1, 60). Правитель гарантировал Намхани, главному служителю храма, что в его «дом» (т. е. хозяйство) «никто не войдет с требованиями серебра, бронзы и земляных работ».

К тому времени, когда на престол в Лагаше вступил Гудеа, реальная жизнь была, вероятно, очень далека от того идеала, который описан в его надписях. Если в начале времен порядок устанавливали боги, то постоянно поддерживать этот порядок должны были люди, которые здесь жили. Однако постоянному поддержанию «правильного» порядка мешали многие обстоятельства. Гудеа, как в свое время и Урунимгина, столкнулся, по-видимому, с серьезными экономическими и социальными проблемами, которые ему как правителю необходимо было решать⁹. В свое время Урунимгина провозгласил проведение целого ряда реформ, с помощью которых предполагал, вероятно, восстановить утраченный баланс в обществе. Насколько удачными могли быть эти реформы, судить трудно, так как через несколько лет после их объявления Лагаш был разрушен войсками Лугаль-загеси, а затем завоеван Саргоном и вошел в состав Аккадского государства.

Гудеа, судя по его надписям, избрал несколько другой способ решения общественных проблем. Восстановить порядок могла только божественная воля, воля тех богов, которые «владели» территорией Лагаша, и прежде всего воля главного бога региона Нингирсу. Для того чтобы побудить его к этому, необходимо было построить для бога новый прекрасный храм. На осуществление этого проекта Гудеа направил огромные материальные ресурсы

⁸ В Лагаше в правление Гудеа, как и в предшествующий период при Урунимгине, среди городского населения существовало достаточно сильное социальное расслоение, при этом профессиональный и должностной статусы обычно наследовались в рамках семейной группы. В надписях на предметах, посвящаемых в храм, и в надписях на печатях часто указывалось не только имя и отчество донатора или владельца печати, но также и профессия или должность его самого и, довольно часто, его отца (RIME 3/1, 191–219). Судя по этим надписям, те, кто жертвовали в храм драгоценные предметы или имели печати, не только сами занимали высокое профессиональное или служебное положение, но и передавали его своим детям: сын торгового агента-тамкара также становился торговцем, сын начальника отряда становился начальником отряда или писцом, сын чиновника (ugula) мог стать советником (sukkal mah) при правителе.

⁹ В одной из надписей приводится описание гипотетической катастрофы, которая могла постигнуть город: когда «в Гирсу не будет достаточно еды, чтобы есть, и не будет достаточно воды, чтобы пить» (RIME 3/1, 102 ff.).

и мобилизовал все подвластное ему население региона. Одновременно, как и Уруинимгина, Гудеа провел целый ряд социальных мер, которые должны были восстановить баланс внутри общества и сделать жизнь в Лагаше такой, какой она должна быть согласно воле богов, хотя бы только на время строительства храма и праздников по случаю его открытия. Трудно сказать, каковы были результаты всех этих усилий, но сам Гудеа оценивал их очень высоко. В одной из надписей он сообщает, что «поднялся над горизонтом для своего города как бог солнца», «поставил свои ноги на шею зла и недовольства» и наступили «дни справедливости» (RIME 3/1, 98). Его деятельность, как явствует из надписей, принесла такое благосостояние Лагашу, что это, вероятно, позволило Гудеа называть себя в своих надписях не только правителем (*ensi*), но и «(персональным) богом города» (RIME 3/1, 89), т. е. богом-хранителем Гирсу-Лагаша¹⁰.

После окончания строительства Гудеа поместил свои статуи во дворе храма и установил для них постоянные жертвоприношения. Тем не менее он не был, вероятно, официально обожествлен при жизни (RIME 3/1, 26). Во всяком случае, пока он был жив, в надписях при написании его имени не ставили знак бога, нет также данных, что самому Гудеа приносили жертвы, когда он был правителем, хотя жертвы приносили его статуям. Однако после смерти Гудеа его имя стали выписывать с детерминативом божества и стали совершать ему возлияния как божеству¹¹.

Период полной независимости Лагаша продлился несколько десятилетий, в течение которых должность правителя последовательно занимали шесть или семь представителей II династии Лагаша. Вероятно, в правление Ур-Намму Лагаш был включен в состав государства III династии Ура.

¹⁰ Так же как некогда царь Нарам-Син, обеспечивший безопасность городу Аккаду, был избран его жителями «(персональным) богом города Аккада».

¹¹ Здесь просматривается аналогия с Гильгамешем, которому тоже стали поклоняться и приносить жертвы после смерти. В Лагаше даже были «ворота Гильгамеша», т. е. был, вероятно, и храм.

Глава VII

Южная Месопотамия в последние века III тыс. до н. э.

Объединение Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э. в рамках государства III династии Ура. Административная структура государства и главные города. Центральное управление. Местное управление. Система сборов и перераспределения ресурсов.

Население. Городская элита. Средние слои городского населения. Торговые агенты-тамкары. Ремесленники. Рабы. Территория и население за пределами административной системы.

Провинция Умма. Управление. Платежи центру. Город Умма. Торговые агенты-тамкары. Ремесленники. Повинности.

Провинция Лагаш. Административная структура и сельскохозяйственная земля провинции. Население. Платежи. Повинности. Общегосударственные коллективные работы.

Распад государства III династии Ура.

Возникновение государства III династии Ура. В конце 23 в. до н. э. Утухегаль, правитель Урука, предпринял новую попытку объединения городов Южной Месопотамии для совместного выступления против кутиев, контролировавших северо-восточную часть региона. Объединенное войско нескольких городов под его командованием действительно смогло нанести поражение царю кутиев Тиригану, хотя у исследователей есть некоторые сомнения относительно того, насколько велики были военные ресурсы последнего (Glassner 2004: 97–98). Однако полностью осуществить свои замыслы Утухегалю не удалось, поскольку вскоре после этого сражения его жизнь трагически оборвалась¹. Его деятельность продолжил некий Ур-Намму, веро-

¹ Как сообщается в более поздней хронике, он погиб под обрушившейся земляной дамбой во время переправы через реку (Glassner 2004: 85).

ятно, родственник, до этого занимавший должность наместника Утухегала в Уре. Он основал новую династию², которая около ста лет правила в Южной Месопотамии (2112–2004). Город Ур стал столицей нового государства, хотя семья правителя, вероятно, происходила из Урука.

В начале своего правления Ур-Намму (2112–2095) контролировал только самый юго-запад региона, постепенно расширяя подвластную ему территорию. Вскоре после восшествия Ур-Намму на престол его войска нанесли серьезное поражение Лагашу, который оставался, вероятно, главным соперником Ура на юге, и после этого он принял титул «царь Шумера и Аккада», что свидетельствовало о притязании на власть над всей Южной Месопотамией. И действительно, к концу его правления весь этот регион, за исключением северо-восточной части, где по-прежнему было сильно влияние кутиев, оказался под властью Ура. Таким образом, в конце III тыс. до н. э. города Южной Месопотамии вновь, как и в конце IV тыс. до н. э., были объединены в рамках одной политической и хозяйственной структуры. Однако теперь это был уже не союз городов, а централизованное государство с наследственной царской властью. При этом, хозяйственное и социальное устройство общества в значительной степени сохраняло прежние фундаментальные характеристики.

Начав с военных походов, направленных на объединение региона, Ур-Намму довольно быстро перешел к необходимой деятельности по восстановлению хозяйственной жизни и организации управления государством³. Много времени и усилий он потратил на восстановление старых и строительство новых ирригационных каналов. Масштабные реставрационные и строительные работы были проведены в целом ряде древнейших городов Южной Месопотамии. Особенно много строилось в царской столице, городе Уре. Здесь появился комплекс царского мавзолея, резиденции для жречества храмов Нанны и Нингаль и, наконец, самое грандиозное сооружение того времени — зиккурат⁴ бога Нанны. Такие же зиккураты были выстроены в Ниппуре для бога Энлиля, в Уруке для богини Инанны и в Эриду — для бога Энки, кроме того, в Эриду были проведены большие работы по реставрации старых храмовых комплексов. После 18 лет правления Ур-Намму был смертельно ранен в военном походе

² Основанная Ур-Намму династия условно называется исследователями «III династией Ура», в соответствии с перечнем династий, приведенным в ШЦС.

³ От этого времени сохранился текст, который представляет собой самый древний письменный законодательный памятник, известный науке. Создание текста, к сожалению, дошедшего до нашего времени только фрагментарно, приписывалось Ур-Намму, поскольку его имя упоминается в плохо сохранившемся прологе к законодательным установлениям. На самом деле авторство, возможно, принадлежало его сыну и преемнику Шульги (Kramer 1983). Именно в правление Шульги был принят целый ряд мер, направленных на то, чтобы превратить весь регион Южной Месопотамии в единую политическую и хозяйственную структуру с высокоцентрализованной и регионально диверсифицированной экономикой (см. ниже).

⁴ Многоступенчатая башня из кирпича в виде плоских террас (от трех до семи), поставленных одна на другую и соединенных между собой лестницами или пандусами, высотой до 90 м. На самой верхней террасе располагался храм.

на северо-восток, вероятно, против кутиев. Правление его сына Шульги, длившееся около 48 лет (2094–2047), считается временем наивысшего расцвета государства III династии Ура.

Правители III династии Ура носили титул «царь Шумера и Аккада» и рассматривали себя продолжателями древних традиций управления и организации общества, существовавших в подвластном им регионе Южной Месопотамии еще во времена Гильгамеша. Царский двор Ура уделял большое внимание пантеону Урука и сказаниям о его героях-правителях. Именно от времени III династии Ура сохранились самые ранние записи древних сказаний, прославлявших деяния представителей I династии Урука, прежде всего Гильгамеша (28–27 вв. до н. э.), которого цари Ура позиционировали в своих надписях как одного из своих предков⁵.

Подвластная царям III династии Ура территория Южной Месопотамии считалась именем верховного бога государства — бога Энлиля, и цари Ура, будучи посредниками между богами и населением, управляли этим «имением» по поручению и от имени Энлиля и других богов месопотамского пантеона, так же как это делали предшествовавшие им правители и цари. Фактически цари Ура выполняли ту же роль, что и правители отдельных южномесопотамских городов предшествующего периода, которые управляли своей территорией от имени главных городских богов.

Административная структура государства и его столицы. Географически территория государства в правление Шульги простиралась от южных болот на берегу Персидского залива до города Сиппара на северо-западе, и, возможно, до района Диялы и Эшнунны на северо-востоке. В середине правления Шульги к «центральной» территории государства (the core) была присоединена еще полоса «периферии» (the periphery), примерно 100–150 км шириной, проходившая с севера на юг вдоль всей восточной границы Южной Месопотамии (Steinkeller 1987). На этой территории были размещены военные поселения, жители которых занимались земледелием и скотоводством и при необходимости обеспечивали безопасность границ, защищая Южную Месопотамию от воинственных восточных соседей. Процесс подчинения этих территорий и включения их в состав государства был очень длительным и занял несколько десятилетий. Он начался на 24 году правления Шульги и был завершен уже после его смерти. Даже после этого расширения площадь государства III династии Ура была, вероятно, меньше, чем та территория, которую в свои лучшие годы контролировали аккадские цари. Однако новое государство представляло собой гораздо более единообразную и плотную структуру, отдельные элементы которой (провинции) культурно и экономически были тесно связаны между собой и с центром.

С точки зрения административного деления, государство состояло из провинций, границы которых в основном совпадали с границами старых городских

⁵ В надписях Шульги Гильгамеш из Урука назывался его «братом, другом». Поскольку Утухегаль из Урука и Ур-Намму, основатель III династии Ура, были родственниками, возможно, братьями, то не исключено, что цари Ура конца III тыс. до н. э. действительно были связаны реальными родственными связями с более ранними правителями Урука.

систем и провинций Аккадского государства. Кроме главного города, где располагалась провинциальная администрация, провинция включала в себя также окружающую территорию с городками, деревнями и хуторами. Точное количество провинций неизвестно. По разным подсчетам их могло быть от 18 (Sharlach 2004: 6 ff.) до 23 (Steinkeller 1987: 22). Известны названия по крайней мере 18 городов, которые были центрами отдельных провинций. Во всех этих городах, кроме Ура, был правитель (*ensi*), и все они участвовали в уплате государственных налогов (см. ниже). Это Сиппар, Тиве (*Tiwe*), Урум, Кута, Вавилон, Киш, Казаллу, Апиак, Марад, Ниппур, Урусариг, Исин, Адаб, Шуруппак, Умма, Гирсу-Лагаш, Урук, Ур. Возможно, центром провинции был и город Эшнунна на северо-востоке аллювиальной долины (Sharlach 2004: 8).

Столичные функции в государстве выполняли, вероятно, три города — Ур, Урук и Ниппур. Политическим центром царской династии был Ур⁶. Цари III династии Ура в надписях на печатях называли себя не только царями Шумера и Аккада, но и царями Ура. В администрации провинции, центром которой был город Ур, не было должности правителя (*ensi*), поскольку Ур был местом пребывания царя и его двора. Провинция Ур участвовала в выплате налогов-бала (см. ниже) и получала налоговые поступления из других провинций. В основном это было зерно, скот, тростник, лес, редкие материалы, готовые ремесленные изделия (Sharlach 2004).

Важнейшим церемониальным центром государства, «колыбелью» или «духовной столицей» династии, был Урук (Steinkeller 1987: 20). Многие представители царской семьи Ура, в частности царица, жили в Уруке. Сыновья царя, в том числе и наследные принцы, занимали высшие административные посты в этом городе, пост правителя (*ensi*) и чиновника-*šabra* (Sharlach 2004: 11).

Главным культовым центром всего региона в правление царей III династии Ура, как и в предшествующий период, оставался город Ниппур. Экур, храмовый комплекс главного бога официального пантеона Южной Месопотамии Энлиля, располагался в самом Ниппуре, а храм его супруги Нинлиль — в небольшом городе Туммаль южнее Ниппура⁷. В Ниппуре находился также один из крупнейших в Южной Месопотамии храмов богини Инанны и множество храмов и святилищ других богов южномесопотамского пантеона. В состав провинции, центром которой был Ниппур, входил также город Пузриш-Даган, важный административный центр, располагавшийся в 10 км к юго-востоку от Ниппура (см. ниже). Периодически в Ниппуре пребывал и весь царский двор, принимая участие в различных культовых праздниках и ритуальных церемониях.

⁶ При раскопках города Ура в слоях, относящихся к концу III тыс. до н. э., археологи обнаружили зиккурат Ур-Намму и сопутствующие культовые строения, мавзолеи царей Шульги и Амар-Сина и несколько больших зданий неясного назначения (Woolley 1974).

⁷ Этот храм существовал по крайней мере с начала III тыс. до н. э., в периодически проводившихся работах по его ремонту и реконструкции принимали участие многие городские правители Южной Месопотамии первой половины III тыс. до н. э., в том числе и Гильгамеш (Glassner 2004: 156–158).

Во главе провинции Ниппур, как и других провинций Южной Месопотамии, стоял правитель (*ensí*). Известны имена нескольких лиц, занимавших эту должность, и последовательность их правления в Ниппуре в 22–21 вв. до н. э. (Halla 1972). Все они, по-видимому, происходили из одной семейной группы и были потомками человека по имени Ур-Меме. Представители другой линии этой же семьи управляли храмовым хозяйством богини Инанны и жили, вероятно, на территории храмового комплекса (Zettler 1992). Провинция Ниппур не выплачивала налоговых поставок, но получала их со всей территории Южной Месопотамии. Сюда в виде налоговых поступлений стекались огромные материальные и трудовые ресурсы⁸.

Семья царя, безусловно, играла ведущую роль в управлении государством. Ее представители занимали многие важные посты в военной и гражданской сферах и ряд важнейших храмовых должностей. Столичные города (Ур и Урук) управлялись непосредственно членами царской фамилии⁹. Тем не менее в главных городах большинства провинций по-прежнему исключительно важную роль играли местные крупные и влиятельные родственные группы, которые контролировали самые важные городские должности и располагали огромными материальными ресурсами. Многие официальные посты и на государственном, и на провинциальном уровне были наследственными¹⁰. Вместе с должностью переходили и связанные с ней хозяйственные ресурсы, в том числе все обязательства и доходы.

Центральное управление. Конец III тыс. в Южной Месопотамии часто характеризуют как период исключительной централизации в сфере экономики и управления, однако реальная ситуация была, вероятно, менее однозначной. Государство Ур III действительно представляло собой высокоцентрализованную структуру. Это выражалось прежде всего в том, что власть в лице ее представителей на местах распоряжалась значительной частью ресурсов всей подконтрольной Уру территории и организовывала и контролировала их перераспределение.

По-видимому, не позже 20-го года своего правления царь Шульги был официально обожествлен. В надписях перед его именем стали ставить знак божества. Во многих крупных городах Южной Месопотамии появились храмы в его честь. Это, вероятно, способствовало воплощению в жизнь предпринятых им позднее

⁸ Так, в 2045 г. до н. э. (2-й год правления преемника Шульги Амар-Сина) для уборки урожая в окрестностях Ниппура были собраны отряды работников (*erén*) из более чем 12 провинций к югу и северу от Ниппура общим числом более 21 000 человек (Goetze 1963: 2).

⁹ Город Урук некоторое время управлялся наследным принцем Шу-Сином, а позднее, скорее всего, его вдовой Аби-шимти. Ее брат Бабасти контролировал многие важные аспекты военного и гражданского управления.

¹⁰ Семья Варад-Нанны в Лагаше сохраняла высокий пост советника (*sukkal.mah*) в течение четырех поколений, фактически на протяжении всего периода правления III династии Ура. В это же время семья Ур-Меме в Ниппуре занимала множество высших гражданских и культовых постов, в том числе в храме Инанны и в управлении городом (сходная ситуация была здесь еще в аккадский период) (Zettler 1984).

реформ по реорганизации государственной административной системы (Seltz 2010). Эти меры должны были установить единообразный порядок в сфере хозяйственной деятельности на всей территории государства, превратив его в огромное хозяйство во главе с царем, функционирующее по единым нормам и правилам.

Датировочная формула 21-го года правления царя Шульги носила следующее название: «Год, когда бог Нинурта, великий управитель (*ensí gal*) бога Энлиля провозгласил оракул в доме Энлиля и Нинлиль, и бог Шульги, царь города Ура, привел в порядок поля и расчеты дома Энлиля и Нинлиль». Поскольку Энлиль и его супруга Нинлиль считались владельцами всей территории Южной Месопотамии, то наведение порядка в их хозяйстве (доме) затрагивало, вероятно, все провинции государства. Шульги, по-видимому, действительно предпринял реальные меры по реорганизации административной системы. Это подтверждается целым рядом факторов, в том числе и заметными изменениями в документации, которые проявились во второй половине его правления. Практической целью этих действий мог быть перевод всех городских хозяйств под более пристальный контроль центра.

Администрация Ур III во многом следовала опыту Аккадского государства и не создавала радикально новую систему управления территорией. Традиционные местные структуры власти, основанные на длительных семейных и хозяйственных связях, сохранялись практически неизменными. В их компетенции оставались процессы производства и управления локальными ресурсами, а государство направляло свои основные усилия на создание плотной сети централизованного контроля за поступлением этих ресурсов и перераспределением значительной их части.

Для того чтобы повысить результативность такого контроля администрация постаралась сделать процессы взаимодействия центра с провинциями максимально единообразными и стандартизованными. Была создана общегосударственная система сбора и перераспределения ресурсов, которая объединяла все провинции государства в единое взаимозависимое целое и обеспечивала движение продуктов по стране (см. ниже). Ряд административных инноваций этого времени был направлен на совершенствование системы управления, создание единообразного административного аппарата для всей территории Южной Месопотамии и единой системы писцовых школ для унифицированного обучения писцов и чиновников. В это же время была осуществлена, вероятно, радикальная реформа письменности, появились новые типы архивных документов, новые процедуры подсчетов и отчетности, была внедрена единая система мер и весов и принят общий для всей государственной администрации календарь (Seltz 2010; Steinkeller 1987). Появилась и единая централизованная система законов (так называемые «законы Ур-Намму»), которая, по-видимому, должна была действовать на всей территории государства. О реальном проведении в жизнь большинства этих мер можно судить только по косвенным данным — синхронным административным и юридическим документам.

Был ли сам царь Шульги действительным инициатором всех этих реформ или в какой-то степени они представляли собой естественное развитие процессов и тенденций, которые прослеживаются в материалах из городов Южной Месопотамии еще в первой половине III тыс. до н. э., неизвестно. Под вопросом остается и их эффективность (Seltz 2010). Количество чиновников в аппарате управления действительно значительно увеличилось, но провинции во многом продолжали действовать в прежних традициях, они следовали местным административным процедурам и использовали местный календарь, не координируя между собой даже введение дополнительных месяцев¹¹. При этом существовал и официальный государственный календарь, который использовался здесь же в тех случаях, когда составлялись документы, касавшиеся поставок налогов в центр. Единая система законов, по-видимому, не использовалась в судебной практике. Основания для вынесения тех или иных судебных решений зависели, вероятно, не только от местных традиций, но и от политической конъюнктуры, от соперничества и борьбы между влиятельными семьями городской элиты. На практике царские чиновники мало вмешивались в дела провинциальной администрации, если та неукоснительно выполняла свои обязательства перед центром.

Местное управление. Во главе большинства провинций государства стоял гражданский правитель (*ensí*). Формально назначение на эту должность было прерогативой царя, но на практике большинство правителей в провинциях избирались из числа представителей влиятельных городских семей, чаще всего из тех групп, которые стояли во главе городских хозяйств еще до включения их в состав государства Ур III.

Основными элементами хозяйственной структуры каждой провинции были крупные дома-хозяйства (*é*). Такая форма организации производства, оптимальная с точки зрения экологических условий и существовавшего здесь уровня развития технологий, возникла в Южной Месопотамии еще в IV тыс. до н. э. и с определенными изменениями сохранялась здесь и в конце III тыс. до н. э. Крупные хозяйства, в рамках которых находилась большая часть пахотной земли Южной Месопотамии и с которыми была связана жизнь основной части населения региона, были в значительной мере самодостаточными. Они получали со своих земель, стад, арендаторов все ресурсы, необходимые для хозяйственной деятельности и жизни персонала, и с помощью своих ремесленников изготавливали нужные хозяйству орудия и изделия. Часть произведенных продуктов и материалов использовалась для обмена с другими такими же хозяйствами или отдаленными территориями.

¹¹ Базовый вавилонский календарь (лунный) начинался весной и состоял из 12 месяцев по 29 или 30 дней, всего в году насчитывалось 354 дня. Периодически нужно было вводить дополнительный месяц, чтобы соотнести его с солнечным календарем. Введение дополнительного месяца в каждой провинции осуществлялось локально, так что в один определенный год в одной провинции могли внести дополнительный месяц, в другой — нет. Частота вносимых дополнительно месяцев также была разной в разных провинциях. Так, за 56 лет (с 28 года царя Шульги по 2 год царя Ибби-Сина) в Умме было внесено 20 дополнительных месяцев, а в Дрехеме — только 15 (Sharlach 2004: 26).

В каждом крупном хозяйстве обрабатываемая земля, судя по документам конца III тыс. до н. э., делилась в основном на те же три категории, что и в предшествующий период. Часть земли обрабатывалась административно организованным персоналом хозяйства, и урожай с нее шел на нужды хозяйства и высшей администрации. Другая часть земли периодически распределялась наделами в качестве вознаграждения среди персонала, постоянно занятого в хозяйстве. Площадь надела зависела от статуса получателя, его профессии или должности (Koslova 2008). И наконец, часть земли отдавалась в аренду за платы зерном и серебром, которые составляли примерно $\frac{1}{3}$ урожая. Арендовать эти поля могли любые представители персонала данного хозяйства, не только земледельцы, но также ремесленники, писцы, торговцы, пастухи, чиновники (Waetzoldt 1987: 131–132).

Правитель главного города провинции (*ensi*) контролировал и координировал деятельность всех крупных хозяйств подчиненной ему провинции. В его задачи входила также организация общественных работ, сбор налогов и передача определенной их части центру, управление храмами и организация культов, управление судопроизводством. Правитель также контролировал межгородской обмен и международную торговлю, распределение привозных материалов и т. п. Таким образом, на уровне провинции правитель выполнял те же функции, какие царь выполнял на уровне государства. Для исполнения этих разнообразных функций в распоряжении правителя находились многочисленные административные структуры — конторы, которые регулировали деятельность различных служб: рыболовства, производства тканей, металлургии, лесного дела, отправления местных культов.

Важной стороной регулирования хозяйственной жизни провинции было осуществление контроля над поступлением и расходом серебра. Серебро поступало в казну провинции несколькими путями. Большая его часть собиралась с арендаторов земельных наделов как плата за ирригацию, некоторое количество поступало от торговых агентов, тамкаров, с помощью которых администрация имела возможность реализовывать за серебро различные продукты. Часть полученного серебра выплачивалась центру в виде налога, часть шла на оплату расходов при проведении общественных работ. В системе учета серебро использовалось при взаиморасчетах внутри хозяйства для оценки стоимости продуктов, ремесленных изделий и любых видов работ. Должности, связанные с контролем над поступлением и расходом серебра, могли исполнять только самые высокопоставленные чиновники, близкие правителю. В Умме, например, эти должности занимали его родственники, двое из которых впоследствии сами стали правителями (Ouyang 2010).

Кроме гражданского правителя (*ensi*), во многих провинциях существовала и должность главного военного управителя провинции (*šagina*). На эту должность царь назначал своих приближенных, многие из которых были связаны с царской семьей родством или браком. Большинство этих военных чиновников носили аккадские имена, некоторые — эламские, хурритские или аморейские, реже шумерские. Эти должностные лица, тесно связанные с царским домом, часто

перемещались из одной провинции в другую¹². Постоянные воинские гарнизоны располагались, вероятно, во всех главных провинциях. Из текстов известно о двух таких гарнизонах в центральной части страны: в городе Нигин к югу от Гирсу и в Гаршане к северо-востоку от Уммы (Adams 2010).

Система сбора и перераспределения ресурсов. В распоряжение центральной администрации ежегодно поступала значительная часть ресурсов, которыми располагали провинции Южной Месопотамии. Каждая провинция должна была предоставлять центру определенную часть всех производимых на ее территории продуктов (в том числе зерна, продуктов скотоводства, предметов ремесла и т. п.) и имевшихся в ее распоряжении трудовых ресурсов. Полученные продукты расходовались на содержание центральной администрации, создание страхового фонда для всех провинций и мобилизацию трудовых ресурсов для производства общегосударственных работ.

Существовала система обязательных платежей (*bala*), в соответствии с которой все провинции государства поочередно в течение определенного периода времени — одного, двух или трех месяцев, в зависимости от своих хозяйственных возможностей — отправляли некоторое количество ресурсов в центральные святилища страны, прежде всего в Ниппур. Помимо этого, каждая провинция ежегодно передавала определенную часть производимых продуктов в общий страховой фонд, а также должна была предоставить по требованию центра определенное количество работников для общественных работ, организуемых центром (Sharlach 2004: 171). Выполнив свои обязательства, провинция могла из общего фонда получить те товары или службы, в которых нуждалась, в количестве, пропорциональном своим поставкам.

Система обязательных платежей (*bala*) распространялась, по-видимому, только на территорию Южной Месопотамии, т. е. собственно территорию государства. Обязательные поступления с присоединенных при Шульги восточных территорий, т. е. периферии, назывались «поставки (чужих) территорий» (*gûn ma.da*). В основном в качестве платежа поставляли скот, и это рассматривалось, по-видимому, как дань с покоренных земель. Интересно, что город Эшнунна, находившийся на северо-восточной границе Южной Месопотамии, был обязан центру поставками в рамках обеих систем, т. е. и обязательными платежами и «поставками (чужих) земель». Хотя большинство провинций располагались на севере, основные выплаты шли от южных, более богатых провинций. Лагаш платил в три или даже четыре раза больше среднего уровня, в то время как многие северные провинции (Вавилон, Пуш, Тиве) — только треть от среднего уровня каждая (Sharlach 2004: 8).

¹² По мнению П. Штайнкеллера (Steinkeller 1987), большая часть территорий провинций находилась, скорее, под прямым царским контролем, через назначаемых царем военных чиновников (*šagina*), чем под юрисдикцией гражданского правителя (*ensi*). Однако более предпочтительным представляется мнение Р. Адамса, который считал, что военный управитель обладал только местной ограниченной властью и не располагал ресурсами, сопоставимыми с теми, которые были у гражданского правителя (Adams 2007). Тем более что царские чиновники, работавшие в провинции, во многих случаях попадали, по-видимому, под юрисдикцию правителя (Dahl 2007: 56, 57).

Государственная налоговая система представляла собой многоуровневую структуру, соответствовавшую многоуровневому характеру хозяйственной организации общества. Центр от имени царя устанавливал масштабы поставок и распределял их между правителями провинций (*ensí*). В свою очередь каждый правитель распределял эти обязательства между хозяйствами своей провинции. Ответственность за их исполнение несли главы хозяйств¹³. Они выполняли свои обязательства перед центрами провинций, передавая туда часть своих ресурсов, а правитель провинции использовал эти поставки для выполнения обязательств перед центральной администрацией, передавая ей значительную часть полученных от хозяйств ресурсов (материальных и трудовых). Именно правитель отвечал за поставку необходимых ресурсов из провинции в центр.

Выплаты производились главным образом ячменем и скотом. Кроме того, в центр отправляли самые разные материалы и ремесленные изделия, производившиеся в той или иной провинции: тростник и дерево, керамику, деревянные балки, кожаные мешки и т. п. Общий объем ежегодных поставок был колоссальным и мог достигать половины всего производимого на местах продукта¹⁴. Через систему сборов осуществлялись широкомасштабные перемещения продуктов, материалов, изделий и трудовых ресурсов по всей территории Южной Месопотамии. Большинство таких перемещений были центростремительными, т. е. ресурсы направлялись из провинций в центр, где царская администрация их складировала и впоследствии перераспределяла. Зафиксировано и обратное движение ресурсов — от центра в провинции, хотя в гораздо меньшем масштабе. Периодически ресурсы также перемещались из одной провинции в другую. На территории Южной Месопотамии в этот период существовало несколько центров, где складировалась значительная часть собираемой в качестве налоговых поступлений продукции, где она затем перераспределялась и направлялась не только в столицу, но и в провинции.

Одним из таких центров был город Пузриш-Даган. Он находился в 10 км к юго-востоку от Ниппура. На лодке от Ниппура до него можно было доплыть примерно за полчаса. Именно в этом городе по решению царя Шульги был основан один из крупнейших в Южной Месопотамии административных центров

¹³ Каждое хозяйство, имевшее в своем распоряжении земельный надел, вплоть до семейного, было частью более крупной хозяйственной структуры и имело перед ней определенные обязательства. В счет их выполнения оно передавало вверх часть своего продукта и часть своего трудового ресурса. В свою очередь крупное хозяйство распоряжалось полученными от входивших в него мелких хозяйств ресурсами для того, чтобы выполнить такого же рода обязательства, которые оно имело в отношении города или правителя. Каким образом рассчитывались эти обязательства, точно неизвестно. Очевидно, их масштабы основывались на реальной ситуации и зависели от площади пахотной земли, количества и профессионального состава персонала в каждом хозяйстве.

¹⁴ «Единственный аспект системы налогов в государстве Ур III, который представляется необычным, это ее масштабы. В других культурах мы встречаемся с 16–25 %, а здесь сборы могли, вероятно, достигать половины производимого продукта» (Sharlach 2004: 171).

для сбора и распределения поставок из провинций¹⁵. Важной задачей созданного в Пузриш-Дагане центра было, вероятно, поддержание культа бога Энлиля и других богов южномесопотамского пантеона в Ниппуре.

В Пузриш-Даган стекалась значительная часть поставок по системе бала из разных провинций Южной Месопотамии и «поставок (чужих) земель», в основном это был скот, поступавший с присоединенных территорий. В городе располагалось множество хлевов и загонов для скота, продуктовые склады, ремесленные мастерские, сокровищница. Из разных провинций Южной Месопотамии сюда привозили на лодках тростник, зерно, муку и другие продукты. Работники из Лагаша, Уммы и других провинций служили здесь как ремесленники или на помол, отбывая трудовую повинность иногда в течение месяца и более.

Пузриш-Даган и другие складские центры на территории Южной Месопотамии являлись важными элементами централизованного механизма сбора и перераспределения общегосударственных ресурсов, который обеспечивал движение продуктов по стране и обмен излишками, и таким образом объединял все провинции страны в целостную и взаимозависимую хозяйственную структуру (Steinkeller 1987: 28).

Среди обязательных платежей провинций центру одной из самых важных статей была поставка трудовых ресурсов. Правитель имел точно установленные обязательства такого рода. Он должен был ежегодно предоставлять определенное количество работников на определенный срок по требованию центра. Значительную часть таких работников составляли, вероятно, держатели земельных наделов в крупных хозяйствах, поскольку условием пользования таким наделом было участие его владельца в исполнении трудовой повинности. Продолжительность работы по таким обязательствам могла достигать шести месяцев в году (Steinkeller 1987: 53). В некоторых случаях хозяйство посылало наемных работников или рабов. Труд этих людей использовался и на местных работах — при строительстве общественных зданий, рытье и реконструкции ирригационных каналов, на сезонных сельскохозяйственных работах и т. п.

От трудовой повинности и общественных работ были, возможно, освобождены жители столичных городов, а значительная часть сезонных сельскохозяйственных работ на пахотных землях вокруг этих городов проводилась, вероятно, силами исполнителей трудовой повинности из других провинций.

Невозможно точно установить, сколько работников посылалось из провинций в столицы каждый год, но в документах периодически упоминаются очень большие цифры. В текстах отмечены тысячи и даже десятки тысяч человеко-дней, которые работники из разных городов отработывали в провинции Ниппур. В одних случаях это были ремесленники разных профессий

¹⁵ В датировочной формуле от 2056 г. до н. э. (39-й год правления Шульги) говорится об «установлении дома (хозяйства) Пузриш-Даган». Само поселение Пузриш-Даган, судя по документам, существовало задолго до этого.

(плотники, плетельщики тростника, кожевники, писцы), в других непрофессиональные работники, которые занимались помолом зерна, строительством или сбором урожая. Так, во 2-й год правления царя Амар-Сина (2045 г. до н. э.) для уборки урожая в Ниппуре были мобилизованы отряды работников из городов к югу и северу от Ниппура общим числом более 21 000 человек (Goetze 1963: 2).

Население. В 22–21 вв. до н. э. жители Южной Месопотамии оставались тесно связанными с крупными хозяйственными структурами, в составе которых они выполняли свои служебные или профессиональные обязанности, и ресурсы которых были главными источниками их существования. Большинство населения по-прежнему проживало в городах. Среди горожан были многочисленные чиновники, служебный и культовый персонал крупных хозяйств, в том числе ремесленники, торговые агенты-тамкары и т. д. Однако в конце III тыс. до н. э. вновь стало возрастать и число сельских жителей, количество которых резко уменьшилось на этой территории в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. (см. выше). Значительная часть земледельцев, некоторое количество ремесленников и административный персонал жили за пределами крупных городов в небольших селениях, вокруг которых вдоль каналов располагались пахотные земли, принадлежавшие крупным хозяйствам. В отчетных документах такие поселения часто называли по имени управляющего чиновника («деревня такого-то»), который следил за выполнением сельскохозяйственных работ. На приграничных степных и болотистых территориях хозяйства выпасался скот, прежде всего овцы. Здесь же на берегах каналов и водных протоков находились склады, где хранили значительную часть полученной продукции, чтобы позднее транспортировать ее по воде в центр региона.

В правовом отношении население Южной Месопотамии этого времени по-прежнему делилось на несколько групп. Представители той или иной группы различались между собой не столько масштабами материальных ресурсов, которыми они располагали, сколько источниками получения этих ресурсов, от чего зависел, вероятно, и их правовой статус. Самым высоким статусом такого рода, по-видимому, обладали держатели земельных наделов, т. е. те, кто имел право на пользование земельным участком, предоставляемым хозяйством (исследователи предлагают для их обозначения термин «полноправные»)¹⁶.

¹⁶ Полноправные горожане в текстах этого времени чаще всего обозначались термином «человек» (lú). После имени собственного мог также добавляться термин, уточнявший либо происхождение данного лица — «сын/дочь человека», либо место его рождения — «сын/дочь города GN». Для обозначения «местный» или «житель города» использовали термин *dumu.gi7*, который, как считают некоторые исследователи, буквально мог означать «свободный горожанин» (Steinkeller 1993: 112–13, п. 9). В юридических текстах этот термин часто использовали для обозначения освобожденных рабов, которые, по-видимому, получали (или возвращали себе?) статус жителя города, что давало, вероятно, возможность пользоваться соответствующими привилегиями.

По мнению некоторых исследователей, в последние века III тыс. до н. э. в крупных хозяйствах Южной Месопотамии происходили важные изменения в характере обеспечения персонала — все большая часть персонала за свою службу вместо земельных наделов получала выплаты зерном.

Другую группу составляла та часть персонала крупных хозяйств, представители которой по тем или иным причинам не располагали правами на земельные наделы и жили на выплаты, которые они получали от хозяйства в обмен на постоянную работу (исследователи условно называют их «зависимыми»). Самый низший слой населения с точки зрения правового статуса составляли рабы, т. е. лица, не имевшие прав ни на надел, ни на выплаты в обмен за труд, но существовавшие (во всяком случае теоретически) полностью за счет своих патронов, будь то крупное хозяйство или частное лицо. Количественное соотношение между представителями этих групп населения остается неизвестным, очевидно только, что рабы составляли самую малочисленную из них.

Единый правовой статус не исключал для представителей одной и той же группы огромных различий в доступе к материальным ресурсам. Так, среди держателей наделов каждого крупного хозяйства могли быть как простые ремесленники-гончары, имевшие право на участок в 3 га, так и представители высшей администрации, располагавшие участками в десятки и даже сотни гектаров. Среди лиц, получавших выплаты за труд, были как простые неквалифицированные работники, получавшие минимальное содержание и в этом отношении мало чем отличавшиеся от рабов, так и высококвалифицированные ремесленники, например ювелиры, работавшие по заказу администрации за ответственное вознаграждение.

Городская элита. Самую привилегированную прослойку населения Южной Месопотамии составляла городская элита (местная и царская) из числа высших городских чиновников, гражданских и культовых, глав и высшей администрации крупных хозяйств, руководителей ремесленных и торговых структур. Под их управлением находились значительные по площади сельскохозяйственные территории, огромные материальные и трудовые ресурсы. Влиятельные местные семьи на протяжении многих поколений занимали не только важнейшие административные посты в крупных хозяйствах города, но и выполняли судебские функции, принимая решения по спорным вопросам. Некоторые важные семьи, чтобы сохранить статус и политическое положение внутри городской общины, старались укрепить свои связи с центральной администрацией и даже породниться с царской семьей через браки. При этом многие официальные посты и на государственном и на провинциальном уровне фактически были наследственными¹⁷.

Количество зерна, которое получал держатель надела, было, вероятно, равно урожаю зерновых с соответствующего земельного участка. Однако такой переход, по-видимому, еще не был повсеместным (Maekawa 1987). По документам трудно установить, когда участок должен был возделывать сам получатель надела, а когда он мог только собрать с него урожай или получить причитающуюся ему часть урожая. Возможно, традиционная практика составления административных документов не успевала реагировать на те изменения, которые происходили в хозяйственной сфере (Waetzoldt 1987).

¹⁷Во многом сходная ситуация была в городах Южной Месопотамии и в предшествующий период. В Лагаше в 25 в. до н. э. в руках одной семейной группы находилось и управление городом, и управление хозяйством главного бога Лагаша Нингирсу. В 24–23 вв. до н. э. представители одной ниппурской семьи занимали важнейшие должности и в городской администрации, и в управлении хозяйством храма Энлиля (Zettler 1984: 59, n. 20).

В 21 в. до н. э. семья Ур-Меме в течение ряда поколений занимала высшие гражданские и религиозные посты в Ниппуре (Hallo 1972; Zettler 1984). Одна ветвь семьи контролировала должность правителя (*ensi*) Ниппура, другая руководила хозяйством богини Инанны¹⁸. После 2021 г. до н. э. (8-й год правления последнего царя династии Ибби-Сина), когда начался распад государства III династии Ура, составление текстов в Ниппуре прекратилось примерно на 60 лет. Однако семья Ур-Меме, по-видимому, сохранила свое влияние, и позднее, в начале II тыс. до н. э., когда Ниппур находился уже под контролем царей Исины, продолжала занимать высокое положение в городской администрации. Важную роль играла в Лагаше семья Варад-Нанны, которая в течение четырех поколений, фактически весь период правления урских царей, удерживала один из важнейших государственных постов — пост советника царя (*sukkal mah*). В это же время в Умме должность правителя (*ensi*) сохранялась в одной семье на протяжении семи поколений (Zettler 1984: n. 21).

В течение многих десятилетий в элитных семейных группах южномесопотамских городов сосредотачивались огромные властные полномочия и колоссальные материальные ресурсы¹⁹. Все это не могло не спровоцировать соперничество и борьбу за лидерство внутри элиты. Борьба за должности происходила даже между ближайшими родственниками, при этом в ход могли идти самые разные средства, в том числе ложные доносы и обвинения²⁰.

¹⁸ От времени III династии Ура сохранился архив хозяйства (*é*) богини Инанны из Ниппура (Zettler 1992). Архив был найден на территории огромного административно-культового комплекса площадью более 600 кв. м. Среди строений комплекса, помимо административных помещений, располагался и храм богини, и резидентная зона, где, вероятно, жил со своей семьей главный администратор храма (*šabra é*). Хозяйство богини Инанны владело большими пахотными площадями, скотом и недвижимостью. Помимо поступлений с собственного хозяйства, оно ежегодно получало большое количество самых разнообразных продуктов и товаров, в том числе сотни тысяч литров ячменя, через государственную налоговую систему (*бала*).

Глава этого хозяйства фактически исполнял в своем хозяйстве те же функции, что и правитель города или царь. В его руках находилось управление землями, скотом и персоналом. Он был публичным лицом хозяйства Инанны, распоряжался ресурсами, отвечал за получение продуктов и товаров, исполнял культовые и судейские обязанности. От имени хозяйства он покупал, продавал, выступал в суде. Вероятно, глава хозяйства имел возможность расходовать часть ресурсов в своих интересах и самостоятельно ими манипулировать, обеспечивая хозяйству благополучие и процветание. Эта должность с 2060 г. до н. э. на протяжении по крайней мере 40 лет наследовалась в семье Ур-Меме.

¹⁹ Очень влиятельной персоной в центральной, а возможно, и в северной части Южной Месопотамии во второй половине 21 в. до н. э. был правитель города Адаба Хабалум. Вступив в эту должность уже в зрелом возрасте (по крайней мере в 40 лет, поскольку к этому моменту у него был уже взрослый сын), он занимал ее не менее 30 лет с 2062 по 2033 г. до н. э. (с 33 года Шульги по пятый год Шу-Сина) (Widell 2002).

²⁰ Такого рода ситуация сложилась в конце правления царя Амар-Сина (2046–2038) в одной из знатных семей Ниппура. Среди наследственного имущества этой семьи было и право на исполнение важной административной должности (*ugula*) в хозяйстве богини Инанны, которое после смерти отца традиционно переходило к старшему сыну. Около 2038 г. до н. э. будущий наследник по каким-то причинам выдвинул обвинения против своего отца, занимавшего тогда эту должность. Среди обвинений упоминалось нарушение культового табу, недостаточность, а в некоторых случаях и прекращение поставок овец, масла и муки для царских жертвоприношений, прекращение выдачи масла для регулярных жертвоприношений, разбавление (т. е. понижение качества) масла. Разбор судебного иска

Соперники апеллировали к царю, добиваясь перемещения с должности на должность и даже конфискации имущества отдельных чиновников. В свою очередь, центральная власть использовала эту борьбу, пытаясь ослабить влияние наиболее сильных городских семей.

Чрезмерная концентрация власти и богатства в городских семейных группах подрывала экономический баланс государства, созданного царями Ура, и представляла потенциальную угрозу центральной власти и единству страны. Сохранялись и те тенденции в частной деятельности чиновников на административных ресурсах, которые явно проявились еще в аккадский период. Большинство чиновников, вероятно, не проводили строгого разграничения между административными структурами, которыми они управляли, и своими личными хозяйствами, хотя государство, по-видимому, делало попытки развести эти две сферы (Maekawa 1996; Heimpel 1997).

В царских надписях 22–21 вв. до н. э. нет прямых упоминаний о разногласиях, а тем более о конфликтах городов и провинций с центральной властью, в отличие от текстов предшествующего периода, которые полны описаний противостояний аккадских царей с городами Южной Месопотамии²¹. Однако косвенные данные как будто указывают на беспорядки, которые сопровождали вступление на трон Шульги и Амар-Сина. В какие-то моменты борьба между местной элитой и центром обострялась настолько, что дело могло дойти до казни правителя и конфискации его имущества (см. ниже раздел «Лагаш»).

Средние слои городского населения. Значительную часть городского населения (помимо элиты) из числа тех, кто имел наследственное право на вла-

происходил на самом высоком уровне. Обвинения были признаны справедливыми, и чиновник был приговорен к смертной казни. Однако он сумел оправдаться перед царем и, возможно, после какого-то финансового возмещения в пользу царя был прощен и продолжил исполнять свои обязанности. Через 12 лет (около 2026 г. до н. э.), когда на престоле в Уре уже второй год правил царь Ибби-Син, сын снова попытался сместить отца. Им были выдвинуты те же обвинения, что и в первый раз. Иск рассматривался в присутствии правителя Ниппура. Однако на этот раз доказать свои обвинения обвинитель не смог и сам был приговорен царем Ибби-Сином к смертной казни, по-видимому, за ложное обвинение. Часть его семейного имущества и право на занятие должности перешли к другому брату. Документ, в котором изложена эта история, был составлен по случаю изменения прав на наследство (Zettler 1984).

²¹ Трудно согласиться с тем, что воспоминания о «диссонансах» были вытеснены из исторической памяти с помощью активной самовосхваляющей пропаганды успеха, которая действительно четко прослеживается в надписях правителей Ура (Michałowski 2008: 37). По неизвестной нам причине правление III династии Ура, в отличие от аккадской династии, в историографических текстах последующего времени либо вообще не упоминается, либо редкие упоминания такого рода носят косвенный и явно не достоверный характер. В тексте 17 в. до н. э., описывающем праздник жертвоприношений предкам в правление царя I вавилонской династии Аммицадуки, где приведена краткая «генеалогия» предшествующих правлений, III династия Ура вообще не упоминается (Finkelstein 1966). В поздних хрониках упоминаются некоторые положительные деяния царя Шульги: он провел реконструкцию храма Туммаль в Ниппуре (Glassner 2004: 157–158), обеспечил продовольствием город Эриду, который стоял на берегу моря» (Ibid.: 271). Одновременно Шульги обвиняют в том, что он захватил Вавилон, который во времена его правления был малозначительным провинциальным центром, и вывез как военную добычу сокровища из Эсагилы, храма бога Мардука, а также в том, что он не исполнял все необходимые ритуалы, высокомерно вмешивался в дела культа, устанавливал неверные правила и тем самым наносил урон богам (Ibid.: 268–269, 270–271, 288–289).

дение земельным участком в каком-либо крупном хозяйстве, составляли, вероятно, чиновники среднего и низшего звена, торговые агенты-тамкары (*dam.gār*) ремесленники, управители зерновых и скотоводческих структур. Представители этой группы получали, конечно, гораздо более скромные земельные наделы, чем представители элиты. Площадь наделов зависела от служебного или профессионального статуса получателя. Однако и внутри этой группы уже в предшествующий (аккадский) период сформировалась определенная иерархия, возникло достаточно четкое разделение между более привилегированными слоями и основной массой населения. Первые, которых было, вероятно, относительно немного, имели право на большие по площади земельные наделы, владели большими домами, участками городской земли, скотом и рабами. Они же часто брали в аренду у хозяйства дополнительные земельные участки, располагая, очевидно, достаточной рабочей силой для их обработки или возможностями нанять работников (Waetzoldt 1987). Ремесленники или земледельцы, находившиеся под их управлением, имели право на скромный по площади надел, достаточный для содержания семьи. И те, и другие передавали по наследству своим сыновьям право на владение наделом, так же как и свою профессию или место в должностной иерархии.

Держатели наделов были обязаны ежегодно предоставлять администрации определенное количество вырабатываемой ими в ходе их профессиональной деятельности продукции. Масштабы этих поставок точно рассчитывались и оценивались в серебре для удобства подсчетов. Чиновник, контролировавший сбор таких поставок, нес персональную ответственность за точное исполнение всех обязательств перед вышестоящей администрацией и в случае недостачи мог быть сурово наказан.

Кроме того, держатель надела значительную часть рабочего времени (до 15 дней в месяц) был обязан исполнять работы по трудовой повинности или же предоставить взамен работников для ее исполнения. В зависимости от ситуации он мог быть назначен на работы по гражданскому проекту (строительство, рытье каналов, сезонные сельскохозяйственные работы) или на военную службу. Исполнение трудовой повинности жестко контролировалось администрацией, так что никто не мог избежать этого призыва, гражданского или военного. В некоторых случаях призыв осуществлялся насильственно с помощью оружия, а те, кто пытались его избежать, сурово наказывались (Lafont 2009). Если работники недостаточно хорошо исполняли свои обязанности на общественных работах, в отношении чиновника, возглавлявшего отряд таких работников, могли применяться строгие наказания. В случае смерти чиновника наказание могли понести члены его семьи (Englund 1992). Во время призыва исполнители гарантированно получали от администрации необходимое содержание: выдачи ячменя, шерсти и масла.

Право на наследственный земельный надел, даже небольшой, обеспечивало этой части городского населения стабильный источник доходов для существования и, конечно, прочно привязывало владельца к хозяйству, от которого он получал надел. Никаких упоминаний о продаже полей от этого времени

не сохранилось. Однако в некоторых случаях права на земельный надел в хозяйстве могли быть переданы другому лицу за определенную компенсацию с условием, что приобретатель будет исполнять обязательства, связанные с данным наделом. Такие ситуации могли быть связаны с потерей главы семьи и отсутствием мужского наследника или с задолженностью владельца надела.

Тамкары. Сравнительно небольшой по численности, но очень важной частью средней группы городского населения были торговые агенты-тамкары. Профессия эта была наследственной. В каждом городском центре Южной Месопотамии тамкары составляли, по-видимому, единую группу, связанную и деловыми, и родственными отношениями. Должность главы такой группы, начальника десятки тамкаров (*dam.gàr 10*) в Ниппуре или начальника тамкаров (*ugula dam.gàr*) в Умме, принадлежала главе родственного клана тамкаров. Он контролировал деятельность тамкаров и осуществлял связь с администрацией.

Тамкары помогали местной администрации собирать и отправлять в центр налоги, организовывали обмен товаров как внутри провинций, так и за пределами Южной Месопотамии²². В ходе торговых путешествий, которые тамкары предпринимали по поручению администрации, они часто оказывались далеко за пределами своей провинции и выходили из-под административного контроля. В их распоряжении имелись ресурсы, которыми их снабжала администрация провинции, но они могли использовать и свои собственные накопления или средства частных лиц, переданные им как посредникам. При этом, по возвращении, выполнив все требования администрации, торговые агенты-тамкары могли, вероятно, распоряжаться оставшимися у них товарами по своему усмотрению. Таким образом, как и в предшествующий период, определенная часть деятельности тамкаров осуществлялась вне рамок прямого административного контроля.

Ремесленники. Большинство городских ремесленников были заняты работами в различных крупных хозяйствах, которые предоставляли им земельные наделы и снабжали содержанием (зерном, маслом и шерстью). Многие категории ремесленников, чей труд не был связан с использованием дорогих привозных материалов, трудились, видимо, в семейных мастерских, передавая профессию и статус в хозяйстве наследникам. Часть городских ремесленников работала непосредственно на царя, который, как глава общегосударственного хозяйства, имел право на долю во всей производимой каждым отдельным хозяйством продукции, в том числе и ремесленной²³.

²² Цари III династии Ура уделяли большое внимание созданию условий для дальней торговли: водных путей, дорог, торговых постов для торговцев и животных. О проведении и реконструкции дорог часто упоминается в ежегодных датировочных формулах, фиксировавших самые важные события, произошедшие в жизни государства в предшествующем году (подробнее о датировках см. главу IX): «Год, когда царь установил дороги снизу доверху (т. е. на всей территории страны)» или «год, когда дороги Ниппура (царь) привел в порядок» (Шульги) (RLA II, 140 ff.).

²³ В одном из списков, перечисляющих ремесленников, упоминаются гончары и плотники царя, каждый из которых оценен в 4 ше серебра («4 гончара царя, серебро их 16 ше, 6 плотников царя, серебро их 24 ше»). Что это означает, неясно, возможно, это оценка стоимости готовых изделий, которые ремесленники обязаны были представить администрации (Steinkeller 1996: 236).

Все ремесленники, в том числе и царские, были обязаны ежегодно поставлять определенное количество своей продукции хозяйству, за которым они числились, а также в отдельные рабочие дни участвовать в общественных работах. В конце года администрация хозяйства производила расчет и фиксировала, сколько изделий было изготовлено, т. е. сколько человеко-дней ремесленник отдал хозяйству. Если баланс был негативным, т. е. количество человеко-дней было меньше обязательного, то долг переносился на следующий год, если баланс был позитивным, то делалась соответствующая отметка. При таком контроле администрации незачем было прямо управлять всем производством, что было бы очень сложной и кропотливой задачей. С другой стороны, сами ремесленники, выполнив свои обязательства, могли, вероятно, работать на себя и самостоятельно реализовывать излишки своей продукции среди населения.

Лица, не получавшие наделы. Значительную часть горожан составлял персонал крупных хозяйств, не располагавший правами на земельные наделы (или возможностью для их обработки) и живший на выплаты, полученные от хозяйства в обмен на постоянную работу. Внутри этой группы также была очень сильная градация. Самое высокое положение занимали лица, исполнявшие различные административные обязанности (начальники постоянных рабочих отрядов), и профессиональные ремесленники, занимавшиеся изготовлением предметов роскоши — ювелирных изделий, одежды, мебели, оружия, повозок, лодок — в специальных мастерских при крупных хозяйствах. Они должны были работать круглый год и не могли заниматься земледелием. За свой труд они получали соответствующее вознаграждение, размер которого зависел не только от должности или профессии, но и от профессионального уровня и усердия.

Нижнюю ступень среди персонала, жившего на получаемые от хозяйства выплаты, занимали неквалифицированные работники, мужчины и женщины, которые трудились в составе постоянных отрядов под руководством надзирателей круглый год, получая очень скромное содержание, достаточное только для поддержания своего существования (Steinkeller 2003: 44–45). Мужчин-работников, занятый на переноске тяжестей, на поливе садов и огородов, на самых тяжелых полевых и строительных работах, получал ежемесячно около 60 л ячменя и 0,5 л растительного масла. Раз в год ему выдавали 3–5 кг шерсти для изготовления одежды или готовую одежду. Женщины этой группы часто работали на тех же работах, что и мужчины, трудились в ткацких мастерских и на помоле зерна, получая содержание, составлявшее примерно половину нормы для мужчины. Дети с рождения находились на содержании хозяйства, а со временем наследовали статус родителей²⁴.

²⁴ Работа на помоле, ткачестве и других такого рода производствах была, очевидно, очень тяжелой, поскольку в каждом списке таких работников есть отметки о беглых (Waetzoldt 1987: 140). В одном документе упоминается, что из 170 работников пивоварни сбежало 8 человек, а 5 были отмечены как умершие. В другом случае в списке работников ткацкой мастерской отмечено, что из 224 женщин и детей $\frac{1}{3}$ умерли, а 5 сбежали. Когда таких беглецов ловили, их возвращали на те же

Администрация могла по своему усмотрению отправить их с полевых или подсобных работ в ремесленных мастерских на любую другую нужную в данный момент для хозяйства работу — ловлю птиц, нарезку тростника, уход за скотом, помол зерна и т. п. Представители именно этой группы персонала часто упоминаются в отчетных документах как отсутствующие на работе в связи с болезнью, бегством или заключением в тюрьму за попытки уклониться от своих обязанностей. В некоторых случаях, но далеко не всегда, беглых возвращали и сажали в тюрьму, по отбытии срока они могли вернуться в свой отряд. Поскольку в другом городе беглецы встречались с теми же условиями труда, то чаще всего они скрывались, вероятно, в степных и болотистых регионах, которые не контролировались городской администрацией.

Одним из главных источников таких работников для крупных хозяйств, о котором упоминается в текстах, являлась, по-видимому, война. При царе Шу-Сине (2037–2029) часть пленных мужчин, возможно, ослепляли и направляли работать в сады²⁵. Пленных женщин не ослепляли, а передавали в текстильные мастерские, самых привлекательных могли отправить для службы во дворец. Эта группа работников, вероятно, постепенно росла и за счет представителей более привилегированных групп населения, утративших в силу каких-либо обстоятельств социальные и родственные связи, а вместе с этим и свой правовой статус и права на земельные наделы. По некоторым подсчетам общее число таких работников, занятых в крупных хозяйствах Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э., могло достигать 300–500 тысяч человек (Waetzoldt 1987: 119)²⁶.

Судя по документам того времени, труд был самой необходимой и востребованной частью производственного процесса в Южной Месопотамии, и большинству хозяйств постоянно требовались работники.

Рабы. Рабы были и в крупных хозяйствах, и у частных лиц, особенно у представителей высших и средних слоев. Общее число рабов было невелико, и какой-либо заметной роли в хозяйственной жизни они не играли. Частные лица могли купить рабов у тамкаров, привозивших их из других земель, иногда покупали в качестве рабов и местных жителей. Это могла быть самопродажа за долги или продажа детей родителями, также, скорее всего, связанная с долговыми обязательствами. Продавали детей в основном женщины, возможно, вдовы. В рабство могли продать преступника или членов его семьи.

работы (Dahl 2010). По мнению В. В. Струве, эти люди фактически были государственными рабами (Struve 1969).

²⁵ Царь Шу-Син сообщает об этом в одной из своих надписей, посвященной успешному завершению военного похода (RIME 3/2.1.4.3 iv 15–31). Однако вопрос о том, действительно ли этих работников ослепляли или это выражение было эвфемизмом, остается спорным (Cooper 2010). В более ранних текстах середины III тыс. до н. э. упоминаются работники, «не поднимающие глаз» (igi.nu.du), которые занимались самыми тяжелыми работами, связанными с поливом садов.

²⁶ В документах из Ура упоминается 1148 талантов (около 34 440 кг) шерсти в качестве выдачи такого рода работникам. Если они получали по 4 мины (2 кг) шерсти каждый, то их должно было быть 17 220 человек, а если по 3 мины — 22 960 человек. Вероятно, общее число лиц, получавших выдачи в Уре, должно было быть значительно выше этой цифры. Если предположить, что их было 40 000 и они получали по 60 сила/л ячменя в месяц, то это потребовало бы 96 000 гур или 28,8 млн л ячменя в год (Waetzoldt 1987: 118).

Владельцы рабов могли их продать, нанять, отдать в залог, наследовать, но при этом сами рабы обладали некоторыми правами: они могли оспорить в суде свой рабский статус, выступить свидетелями в суде, заключить брак. Если раб женился на свободной женщине, его дети становились свободными, за исключением одного сына, который оставался рабом. Если раб женился на рабыне, то при его освобождении она не становилась свободной (Lafont, Westbrook 2003: 199).

Сохранилась большая группа из нескольких сотен клинописных документов из Гирсу, Уммы, Ниппура и Ура, которые отражают судебную практику того времени (Falkenstein 1956). Они представляют собой официальные сообщения о судебных решениях, принятых по рассмотрении дел. После заседания суда эти документы передавались в городскую администрацию и хранились в главных городских архивах²⁷. Многие судебные дела, по которым были вынесены решения, были связаны с попытками отдельных лиц опротестовать в суде свой рабский статус. Положительное решение в таких случаях выносилось крайне редко.

Усиление административного давления в правление царей III династии Ура привело, по-видимому, к увеличению числа горожан, обращенных в рабство за долги или за служебные преступления. В середине 21 в. до н. э. в результате преобразований, предпринятых царем Шульги, на всей территории Южной Месопотамии действовала единообразная налоговая система. Ее четкую и бесперебойную работу должна была обеспечивать многочисленная армия чиновников, работавших в деревнях, городках и в больших городах, в провинциях, в центральном аппарате и контролировавших все процессы сбора и перераспределения ресурсов на каждом уровне хозяйственной деятельности. При этом предусматривалось, вероятно, и усиление ответственности за исполнение налоговых обязательств как со стороны населения, так и со стороны чиновников.

Администраторы всех уровней, руководившие сбором и распределением продуктов или поставками и использованием рабочей силы, несли персональную ответственность за неукоснительное выполнение установленных обязательств. Недостаточное рвение грозило серьезным наказанием, вне зависимости от статуса исполнителя. Если высшая администрация считала действия чиновника неудовлетворительными, он мог лишиться имущества и даже жизни (Lafont, Westbrook 2003: 187). Естественно, что этот чиновник предъявлял соответствующие требования к своим подчиненным. Недоимка превращалась в долг, который администрация могла взыскать, конфискуя имущество должника, либо привлекая его или членов его семьи к принудительным работам, либо даже продавая должника и его семью в рабство, чтобы возместить убытки и компенсировать потери²⁸. Также строго наказывались и злоупотребления со стороны

²⁷ Большинство этих текстов найдено в архиве Гирсу. На каждой табличке сверху была сделана надпись «дело закрыто» (di.til.la). Вторая большая группа таких текстов происходит из архива Уммы. На этих табличках такой надписи сверху нет. Отдельные экземпляры такого рода документов были найдены в Уре и Ниппуре (Lafont, Westbrook 2003: 184, 193, 184, n. 4, 5).

²⁸ Среди лиц, которых привлекали к обязательному труду за долги, упоминаются садовники, певцы, плакальщики, прачечники, пивовары, гончары, плетельщики матов и даже тамкары (Waetzoldt 1987).

чиновников. Существовала четко разработанная система оценки и возмещения убытков, причиненных чиновником вследствие допущенной им небрежности или преступного умысла. Совершивший такого рода проступок был обязан не только возместить потери, но и выплатить большую компенсацию: так, стоимость пропавших овец должна была быть возмещена десятикратно, а стоимость рыбы, присвоенной чиновником, в 14-кратном размере (Lafont, Westbrook 2003: 215).

С долговыми проблемами, периодически возникавшими у горожан, связана значительная часть частных договоров, сохранившихся от этого периода (к настоящему времени их опубликовано свыше 1000). Более половины этих договоров представляют собой займы²⁹, далее идут продажи домов, садов, рабов и животных (Lafont, Westbrook 2003: 185). Часто продавцами выступали семейные группы (муж и жена, отец и сын, братья), должности покупателей указаны редко, в частности, среди них упоминаются писец, тамкар, чиновник-санга. Отсутствуют договоры продажи пахотной земли, хотя аренда полей хорошо зафиксирована, так же как и наем работников и животных. Также довольно много поручительств. Некоторые из этих документов, особенно займы, происходят из административных институтов, но многие — из частных архивов.

Большая часть населения Южной Месопотамии, независимо от прав, которыми пользовались те или иные группы, была включена в административную систему организации труда. Условия жизни и работы в крупных хозяйствах, вероятно, четко и достаточно жестко регламентировались для всего персонала снизу доверху. Несоблюдение этих условий могло превратить человека в должника, привести к потере имущества, правового статуса и даже обращению в рабство.

С другой стороны, существование в рамках крупных хозяйственных структур предоставляло работающему населению немало преимуществ. Люди были защищены от внешних угроз и экологической нестабильности, их жизнь протекала в определенном и регулярном ритме, и, самое главное, все они были обеспечены содержанием, хотя бы минимальным. От этого периода не сохранилось никаких прямых данных о недовольстве населения или о каких-либо социальных движениях, хотя социальная напряженность в обществе, вероятно, была достаточно высокой.

Территории и население за пределами административной системы. Сравнительно небольшая часть населения Южной Месопотамии, предположи-

Тексты редко упоминают о тех обстоятельствах, вследствие которых эти люди попали в положение должников. В одном случае человек не смог отдать двух быков, его жена и дочь были схвачены и направлены на работу в ткацкие мастерские. Даже мужчин могли схватить и отправить на работы, например на помол зерна. Более обеспеченные люди, задолжавшие по своим обязательствам, часто посылали своих подчиненных или рабынь на работы по помолу зерна или в ткацкие мастерские, чтобы отработать долги. Освобождение от уплаты долгов могло произойти только в самых крайних обстоятельствах: высокопоставленный чиновник освободил от уплаты долгов хозяйство человека, который «был убит и дом его разрушен» (Lafont, Westbrook 2003: 215).

²⁹ Некоторые договоры займа содержат упоминания о процентах, чаще всего займы серебра предоставляли под 20 %, а зерна — под 33 $\frac{1}{3}$ %.

тельно около 10 %, жила на территориях болот и степей, которые находились за пределами административного контроля. Разбросанные полуседлые группы могли поддерживать свое существование, используя разные способы добывания материальных ресурсов, занимаясь при возможности земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, сбором съедобных растений. Тем не менее представители этих групп могли иногда участвовать в хозяйственной жизни провинции в качестве наемных работников в крупных строительных или ирригационных проектах или занимаясь выпасом городских стад в болотах и степях, предлагая хозяйствам какие-либо редкие продукты (морскую рыбу, черепах, моллюсков) в обмен на зерно (Adams 2007).

Провинция Умма. Провинция, центром которой был город Умма, располагалась к западу и северо-западу от Лагаша. Это была, вероятно, вторая по размерам и богатству после Лагаша провинция Южной Месопотамии³⁰. Она занимала площадь около 2000 кв. км. На этой территории, помимо города Умма, располагались несколько десятков городов и городков разных размеров, а также около сотни совсем небольших поселений, значительная часть которых состояла из нескольких домов или крошечных хуторов. Общее население провинции могло превышать 20 000 человек (Steinkeller 1987: 24).

В текстах из Уммы конца III тыс. до н. э. упоминаются названия более 30 каналов, находившихся на этой территории (Steinkeller 2001: 45–49). В основном каналы были небольшими и имели только местное значение. Самый большой канал — Итурунгаль — огибал провинцию с северо-запада (Steinkeller 2001: 40, map 1). По юго-восточной окраине провинции, граничившей с провинцией Лагаш, в это время, вероятно, проходило русло Тигра (Идигна) или одно из его ответвлений. Итурунгаль, который отходил от Тигра к югу от Адаба и соединялся с Евфратом около Урука, был одним из важнейших водных путей, соединявших восток и запад Южной Месопотамии. От Идигна и Итурунгалья отходило 10–12 крупных каналов, вдоль берегов которых примерно на полкилометра вглубь располагалась возделываемая земля провинции. Эти же потоки были и основными транспортными путями, по которым перемещали грузы и людские трудовые ресурсы. Главная гавань Уммы находилась в устье канала, соединявшего город с Тигром.

Далеко не вся территория провинции была полностью занята интенсивным ирригационным земледелием. Значительную ее часть составляли заболоченные и степные пространства. На территориях, граничивших с болотами и зарослями тростника, выращивать зерновые было невыгодно, поскольку продуктивность таких земель была низкой. Эти земли, малопригодные для земледелия, были тем не менее очень важны для хозяйственной жизни провинции. В степи выпасали скот, а заболоченные пространства представляли собой неиссякаемый источник важнейшего для Южной Месопотамии хозяйственного ресурса — тростника,

³⁰ Сохранилось примерно 25 000 текстов из Уммы времени правления царей III династии Ура. В основном это документы из архива местных правителей (ensi). Они охватывают период около 50 лет со второй половины правления царя Шульги до середины правления последнего царя династии Иббисина (2070–2020).

который использовался для строительства домов, сооружения лодок, циновок, контейнеров, как корм для скота и как горючий материал. Болота давали населению и значительную часть продовольствия, в том числе деликатесы: рыбу, птицу, черепах и черепахи яйца, съедобные растения. Обитатели этой территории составляли, предположительно, десятую часть всего населения провинции, т. е. их могло быть до 2000 человек (Adams 2007). Эти люди строили свои дома из тростника и могли легко передвигаться, меняя места обитания и избегая административного контроля. Они занимались земледелием на окраинах обширных болотистых пространств или пастушеством на открытых или сезонно затопляемых пастбищах. Та же самая картина наблюдалась и в окрестностях Лагаша.

Управление. Во главе города и всей провинции Умма стоял правитель (*ensi*), который контролировал все хозяйства города и провинции. Административная структура, через которую правитель осуществлял управление провинцией, насчитывала по крайней мере 10 различных контор, или департаментов, отвечавших за разные сферы хозяйственной деятельности: производство зерна, скотоводство, разные виды ремесленного производства, сбор налогов и т. п. (Sharlach 2004: 21).

Под прямым контролем правителя находилось примерно 10 000 га, или 1600 бур, земли. Часть этой земли (возможно, более 4000 га) распределялась как наделы между относительно привилегированной группой населения, представители которой в текстах из Уммы могли обозначаться терминами «молодой мужчина» (*guguš*) или работник-воин (*erín*) (Adams 2007). Взамен держатели наделов, помимо определенных платежей, были обязаны в течение нескольких месяцев в году исполнять трудовую повинность. Стада Уммы, находившиеся под контролем правителя, насчитывали более 25 000 овец (Dahl 2007: 88–90).

Платежи центру. Основной продукт, который провинция Уммы поставляла в центр, был ячмень; также в больших количествах туда отправляли скот и тростник³¹. В главные города государства — Ур, Урук и Ниппур — на больших баржах переправлялась, предположительно, почти половина урожая зерновых, который собирали в провинции (Sharlach 2004: 27, 48, 161). Помимо ячменя, скота и тростника, Умма поставляла в центр самые разнообразные продукты, которые производились в хозяйствах провинции³². Специально назначенные

³¹ К сожалению, не сохранилось документов, суммирующих ежегодные поставки из провинции Уммы в центр, и судить об их масштабах можно только по отдельным данным. В одном случае в центр было послано 425 гур зерна (около 130 000 л), в другом — 532 гур (около 160 000 л). Помимо зерна, в больших количествах в центр (Ур, Урук, Ниппур) посылали тростник. В один год в Ниппур было послано 20 145 связок тростника, в другой — 65 930 связок. Некоторые поставки направлялись прямо царю, его приближенным, в храм Энлиля, либо в хозяйства провинции Ниппур. Также значительное количество продуктов посылали в Пузриш-Даган.

³² Разнообразие материалов и предметов, поставляемых в центр из Уммы, так же как их качество и стоимость, выглядит весьма впечатляющим. Кроме огромных объемов ячменя, упоминаются скот, мука, овощи, рыба, сосновая древесина, балки для крыши, пиво, битум, шкуры и изделия из кожи, лодки, шесты для лодок, керамика, в том числе кувшины и кружки для пива, кунжут, финики,

чиновники отвечали за их сбор и доставку на лодках и баржах в столицы, чаще всего в Ниппур или Ур. Сохранившиеся отчеты о плаваниях показывают, что все это происходило в реальности, а не было только административной фикцией (Sharlach 2004: 28).

Многочисленные партии различных судов вместимостью от 25 до 50 тонн двигались водными путями из Уммы по кругу, проходя крупнейшие города Южной Месопотамии и возвращаясь обратно. На каждом судне было от 4 до 6 работников. Путешествие по каналам из Уммы в Ниппур с грузами занимало 6–7 дней, обратный путь продолжался 3–5 дней (Adams 2007; Steinkeller 2003: 58). Расходы по переправке грузов в центр и в другие провинции засчитывались в счет налогов.

Значительная часть обязательных платежей (*bala*) расходовалась центральной администрацией прямо на месте в самой провинции на оплату выдач различным группам царских служащих, царских курьеров или членам царской семьи, когда они приезжали в Умму, часть шла на обеспечение воинов (Steinkeller 1987: 28). В рамках системы обязательных платежей также происходил обмен продуктами между городами. Часть таких платежей могли передавать заинтересованным лицам прямо на местах, особенно если получателями были соседние с Уммой провинции, так правитель Уммы передавал продукты посланцам правителя Шуруппака и правителя Лагаша (Steinkeller 1987: 28, n. 31).

Важной частью обязательств провинций перед центром была поставка трудовых ресурсов. Невозможно точно сказать, сколько работников посылалось из Уммы в столицы каждый год, но, судя по цифрам, которые встречаются в отдельных документах, их были сотни, а может быть, и тысячи. Так, в одном случае в городе Туммаль недалеко от Ниппура работники из Уммы отработали 24 500 человеко-дней (Sharlach 2004).

Город Умма. Собственно город Умма занимал в это время площадь около 15 га. В нем проживало, вероятно, более 15 000 человек. О структуре городского пространства известно немного. В городе имелось несколько пристаней, общественные здания, склады, мастерские и т. п. В одном из текстов описывается группа из 12 домов в центре города Уммы (YOS 4 300). Площадь домов составляла от 35 до 250 кв. м. Самый большой дом возле храма Шара, главного бога Уммы, принадлежал военному начальнику провинции. Дом площадью 122,5 кв. м принадлежал плотнику. Возможно, в этом же доме была его мастерская.

Тамкары. Очень важной, хотя и небольшой по численности, группой городского населения Уммы были торговые агенты — тамкары (Adams 2007). В Умме в это время жило не менее 30 тамкаров, деятельность которых, помимо торговли и обмена, была тесно связана со сбором и поставками в центр разнообразных платежей. Организация тамкаров составляла отдельную структуру

тмин, миндаль, специи, мед, обсидиан, благовония, соль, серебро, золото, минералы, медь, олово, деревянные детали к плугу, двери, птичьи перья, одежда, черепица, огромные количества тростника (Sharlach 2004: 29–30, 43, 46–47). В этих списках трудно отличить продукты, производившиеся в самой Умме, от привозных.

в рамках общей административной системы провинции. Эта структура имела определенный уровень внутреннего самоуправления, и руководил ею один из членов этой группы — «начальник тамкаров» (*ugula dam.gàr*).

Ремесленники. Значительную часть жителей Уммы составляли ремесленники. Среди ремесленных профессий, которые упоминаются в документах из Уммы, есть кузнецы по меди, золоту и серебру, плетельщики тростника, плотники, кожевники, пекари, повара, гончары, пивовары, корабельщики, корзинщики, плетельщики веревок, прачечники, писцы, лесники. Помолом зерна, отжимом масла и ткачеством занимались в основном женщины (Waetzoldt 1987: 121). Часть городских ремесленников имела наследственное право на получение земельного надела от хозяйства, в котором работала³³.

Жители города Уммы из числа держателей земельных наделов в счет исполнения трудовой повинности ежегодно в течение нескольких месяцев (с 6-го по 1-й) занималась заготовками древесины для городского (?) хозяйства на лесных участках в окрестностях города (Steinkeller 1987). Во время исполнения этих обязанностей они получали выдачи ячменем и шерстью. Интересно, что чиновники, занимавшиеся организацией этих работ и контролем за ними (десятники, смотрители работ), в отличие от лесников, были заняты своими служебными обязанностями круглый год и, по-видимому, не имели служебных наделов.

Многие ремесленники работали, вероятно, в своих домашних семейных мастерских, и администрация не контролировала напрямую сам процесс производства. Это было удобно и для самих ремесленников, поскольку после выполнения всех обязательств в отношении хозяйства они могли изготавливать продукцию для личных нужд, обмена и т. п. Таким образом, городское население могло получать нужную им продукцию. Другая часть ремесленников работала в крупных мастерских, которые управлялись администрацией (Dahl 2010). Ремесленники работали в них круглый год и за свою работу получали содержание, размеры которого зависели от профессионального статуса работника. Наделов у этой группы ремесленников не было³⁴. Так, в хозяйстве правителя Уммы работала группа из 20 гончаров под руководством начальника, который был также ее членом. Некоторые гончары могли работать в группе на протяжении 20 лет. Руководитель и его помощники имели свои личные печати, они принимали и отправляли готовую продукцию, получали от администрации дорогие привозные материалы, которые использовались в производстве, и содержание для работников. Мастерскую контролировал племянник правителя.

³³ Есть данные о наделах ремесленников-гончаров в Умме, в среднем они составляли около 2 га (Steinkeller 1996: 236).

³⁴ Так, в 2040 г. до н. э. (6-й год правления царя Амар-Сина) группа из 24 гончаров с помощью нескольких работников со стороны и наемных работников, которых привлекала администрация, изготовила около 100 000 штук гончарных изделий. В отчете об этой работе указывается, что на изготовление изделий было затрачено около 7206 человеко-дней. Если разделить это количество человеко-дней на количество гончаров (24), то получается, что они работали примерно 300 дней в году (Steinkeller 1996: 247).

Провинция Лагаш³⁵. С начала 21 в. до н. э. после короткого периода независимости или даже возвышения в правление династии Гудеа (см. выше раздел «Лагаш при Гудеа»), Лагаш стал терять свою самостоятельность, все более попадая под влияние государства Ур III. В 2075 г. до н. э., в 24-й год правления второго царя III династии Ура Шульги, он был окончательно включен в состав этого государства как провинция. Каким образом это произошло, точно не известно, во всяком случае, с этого времени правителя Лагаша в текстах стали называть «службой» (*ir*) царя Ура. Примерно через 40 лет после этого, незадолго до крушения государства Ур III, составление здесь документов по каким-то причинам было, по-видимому, полностью прекращено, и только позднее в документах первой половины II тыс. до н. э. Лагаш периодически упоминается как часть территории государства Ларсы (см. ниже).

Административная структура провинции Лагаш. Точные границы провинции Лагаш при III династии Ура определить достаточно сложно (см. карту Maaijer 1998: 64). Скорее всего, они примерно совпадали с границами независимого Лагаша при Гудеа. Вероятно, это была самая большая по площади провинция государства III династии Ура³⁶. Столицей провинции по-прежнему был город Гирсу. Значительную часть территории занимали степи и морское побережье (северная часть побережья Персидского залива) с прилегающими к нему просторными болотами, где проживали большие группы рыбаков. Основными административными единицами провинции, в рамках которых находилась большая часть ее территории и населения, по-прежнему были несколько десятков крупных хозяйств, номинально принадлежавших главным богам провинции³⁷. Все эти хозяйства находились, по-видимому, под прямым контролем правителя провинции (*ensi*)³⁸.

Эти крупные хозяйства представляли собой многоотраслевые структуры со своей внутренней системой управления. Здесь не только выращивали зерно, но и занимались скотоводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, ремеслом. Так, в состав хозяйства богини Бау входили поля, пастбища, скот, склады, мастерские по переработке продуктов (помолу зерна, отжиму масла),

³⁵ Для обозначения провинции Лагаш в нашем тексте используется термин «Лагаш», город с таким же названием обозначается словосочетанием «город Лагаш».

³⁶ По площади (6–8000 кв. км) провинция Лагаш в 3–4 раза превосходила Умму (2000 кв. км), соответственно, и населения в ней было гораздо больше, чем в Умме. Здесь производили примерно в 4 раза больше ячменя и держали в 2,5 раза больше овец, чем в Умме (Maaijer 1998).

³⁷ В текстах времени Ур III из Лагаша упоминаются хозяйства следующих богов: Bagara, Bau, Dumuzi, Gatumdug, Igalim, Inanna, Namhani, Nanše, Nindara, Ningirsu, Nin-mar.ki и Šulgi (Sharlach 2004).

³⁸ Документы из Гирсу времени III династии Ура (административные записи и отчеты чиновников) в основном происходят из архива правителя (*ensi*). В этом же архиве хранились и документы центральной администрации. Документы охватывают период в 40–50 лет между 2-м десятилетием правления Шульги и 4-м годом правления последнего царя династии Иббисина (ок. 2070–2025). Они касаются деятельности *ensi* по управлению хозяйствами провинции, деятельности местной провинциальной администрации и перемещения продуктов внутри провинции. Архив был найден в административном здании, там же найдена и надпись Варад-Нанны, который исполнял в тот момент должности правителя (*ensi*) и главного советника царя (*sukkal mah*) (Maaijer 1998: 64).

разнообразные ремесленные мастерские, в том числе и ткацкая. Все это находилось в распоряжении главной управительницы хозяйства (nin.dingir d.bau), должность которой традиционно занимала жена правителя Лагаша (Maekawa 1997: 174). Вероятно, это было то же самое хозяйство, которое упоминается как «дом женщин» (é.mi) еще в текстах 25 в. до н. э.

Сельскохозяйственные земли провинции Лагаш. Обрабатываемая земля в конце III тыс. до н. э. занимала на территории провинции от 3000 до 6000 кв. км³⁹ (Sharlach 2004: 29; Maaijer 1998). Воды Тигра и отходящих от него каналов были важнейшим источником орошения пахотных земель Лагаша. Поддержанием ирригационных сетей на всей этой территории занималась специальная структура, подчиненная правителю. В последние месяцы года отряды работников из числа держателей земельных наделов или их представителей, а также другие работники, присланные из крупных хозяйств, занимались расчисткой и реставрацией местных каналов. Часть средств на эти работы шла, вероятно, из платы за ирригацию, которая взималась с арендаторов полей, располагавшихся вдоль каналов.

Пахотные земли каждого отдельного хозяйства были разбросаны по всей территории провинции. Как и в предшествующий период, обрабатываемая земля хозяйства делилась на несколько основных категорий. Около половины или чуть меньше всей культурной территории занимала земля, работы на которой организовывала администрация хозяйства. Часть земли делилась на поля, которые получали держатели наделов на условиях службы, при этом площадь надела зависела от профессии и статуса получателя. Еще часть земли хозяйства отдавалась в аренду персоналу за долю урожая (чаще всего за $\frac{1}{3}$) и плату за ирригацию (в серебре). Кроме того, в каждом крупном хозяйстве часть пахотной земли выделялась «для царя» и распределялась между царскими воинами и представителями царского административного и обслуживающего персонала на местах (Steinkeller 1996: 237).

Население. Общее население провинции Лагаш могло, вероятно, достигать 80–100 тыс. человек. Городскую элиту Гирсу, столицы провинции, составляли представители центральной власти, высшие должностные лица города, управители крупных хозяйств. Внутри городской элиты по-прежнему шла упорная борьба за власть и материальные ресурсы. В конце правления царя Шульги самые большие хозяйства Лагаша (хозяйства богов Нингирсу, Нинмар, Шульги и Нанше) находились под контролем правителя по имени Ур-Лама, а все ведущие должности в них занимали его сыновья. Жена правителя, по-видимому, управляла хозяйством богини Бау. Таким образом, правитель и члены его семьи держали ключевые позиции в управлении всей богатейшей провинцией государства. Такое усиление власти и влияния одной семейной группы вызывало беспокойство у центра. В ходе подавления беспорядков,

³⁹ По некоторым данным (трудно судить, насколько точно они отражают ситуацию), площадь земель, находившихся под контролем правителя, составляла около 40 000 га, с них собирали 2,7–3 млн л зерна (Sharlach 2004: 29).

которые возникли после смерти Шульги в начале правления его наследника Амар-Сина, Ур-Лама и его семья были лишены своих должностей и отстранены от управления провинцией, а их имущество конфисковано⁴⁰ (Маекава 1996; 1997).

Значительную часть населения провинции составляли люди, которые работали в крупных хозяйствах и получали там земельные наделы. В Гирсу, например, таких работников было, предположительно, около 6000 человек (Маекава 1987). Вместе с членами их семей, с помощью которых, вероятно, эти наделы обрабатывались, это составляло, примерно 30 000 жителей. Эти же работники в промежутке между севом и сбором урожая выполняли коллективные работы, прежде всего связанные с ирригацией. В счет выполнения трудовой повинности их могли направить также на пахоту и сев на полях хозяйства или мобилизовать на какие-либо общегосударственные работы.

Одним из вариантов выполнения трудовой повинности для некоторых жителей города Лагаша была работа на небольшой мельнице, располагавшейся в его окрестностях. В 5–12-й месяцы года, после того как был собран урожай и зерно свезено на склады, мельница должна была работать особенно интенсивно, и на помощь небольшой группе постоянных работников приходили работники из числа жителей города, владевших земельными наделами и обязанных исполнять трудовую повинность. Это могли быть отдельные работники, семейные группы и даже рабы частных лиц, которые отработывали за своих хозяев. Работа была, по-видимому, очень тяжелая. Каждая группа работала на мельнице 15 дней, после чего ее сменяла другая группа жителей города (Uchitel 1984).

Те, кто не имел прав или возможностей получить земельный надел, работали за выплаты или содержание. Из документов Лагаша нам известно, что в этой провинции насчитывалось по крайней мере 2000 стражников (ага. ús), которые получали 50–60 л ячменя в месяц. Более 5000 человек работало в ткацком производстве и более 2000 — на помоле (Waetzoldt 1987: 120). Неквалифицированные работники и рабы получали выдачи едой и одеждой.

Платежи в центр. Основную часть платежей Лагаша в центральный фонд составляло, по-видимому, зерно. Точно определить количество зерна, которое выплачивала эта провинция, невозможно. Есть предположения, что размеры таких платежей могли достигать 48–50 % от общего количества ежегодно собираемого зерна⁴¹. Кроме зерна, в Ур и Ниппур отправлялись самые различные продукты. В документах из Гирсу, связанных с поставками в центр, упоминаются дерево, тростник, пряности, керамика, битум и т. д., а также работники

⁴⁰ В Британском музее хранится табличка, которая представляет собой ярлык, прикрепившийся к корзине с документами. Он датирован годом вступления на престол царя Амар-Сина. В надписи на ярлыке сообщается, что в корзине содержится документация, касающаяся хозяйства (é) правителя и его сыновей, т. е. имущества, оставшегося, по-видимому, после их смерти (Maaijer 1998: 52).

⁴¹ По данным одного из текстов, из собранных в провинции 103 861 гур (31 158 300 л) зерна 49 790 гур (14 937 000 л), т. е. около 48 %, отправляли в центр. Те же цифры (48 % от 100 %) появляются и в некоторых документах, фиксировавших выплаты скотом (Sharlach 2004: 70).

и работницы. Лагаш (как и Умма) получал платежи из других провинций, в частности скот из Пузриш-Дагана (Steinkeller 1987: 29, n. 36).

Общегосударственные коллективные работы. Правители III династии Ура осуществляли огромное количество строительных проектов, однако документального материала, касающегося организации и проведения таких работ, дошло немного. Одним из проектов, часть документации по которому сохранилась, было строительство царской резиденции в городе Гаршана (Adams 2010).

Точное местоположение Гаршаны пока неизвестно, но, судя по текстам, это был небольшой город, вероятно, на пересечении главных дорог трех провинций: Уммы, Гирсу и Урука⁴². В правление Амар-Сина, а возможно, еще со времени Утухегалья, неподалеку от Гаршаны находился постоянный военный лагерь, в котором располагался гарнизон из 1300 царских воинов. Военный гарнизон в Гаршане регулярно снабжался продуктами и всем необходимым. Сохранились отдельные записи о поставках сюда в разное время из Дрехема, Гирсу и Уммы зерна (один раз 570 000, в другой — 130 000 л), шерсти (600 кг), овечьих кож (3600 штук) и кожаной обуви (570 пар).

В 6-й год правления царя Шу-Сина (около 2032 г. до н. э.) в Гаршане начались масштабные строительные работы. Предполагалось, по-видимому, отстроить заново или реконструировать дворец, прилегающие к нему жилые дома, склады, кухни и комплекс ремесленных мастерских и окружить все это стеной. Этот центр должен был, вероятно, стать резиденцией принцессы Симат-Иштаран, дочери покойного царя Амар-Сина, и ее супруга, Шу-Кабта⁴³, который носил высокий воинский титул *šagina* (обычно его переводят как генерал). Возможно, Шу-Кабта был командиром гарнизона Гаршаны или военным управителем провинции Умма.

Шу-Кабта и его супруга жили в Ниппуре, где управляли большим хозяйством, и сам генерал редко приезжал в Гаршану. Управление проектом находилось в руках чиновников-заместителей. Однако Шу-Кабта постоянно контролировал их работу через письма, которые его гонцы носили из Ниппура в Гаршану и обратно. В течение почти двух лет этот проект активно воплощали в жизнь. Финансировала строительство в основном центральная администрация. В документах архива упоминается о поступлении сюда материальных ресурсов и рабочей силы из других провинций.

На работах в Гаршане использовались сотни работников, которые в документах обозначались как «рабы» (*ir*) и «наемные работники» (*lú hun.gá*).

⁴² Архив из Гаршана состоит из 1400 документов, которые представляют собой удивительно детализованные отчеты о проводившихся здесь строительных работах. К сожалению, ни их точное происхождение, ни археологический контекст, в котором они были найдены, неизвестны. Кроме того, небольшая группа текстов, упоминающих Гаршана, была найдена в административном архиве Гирсу (Adams 2010).

⁴³ Шу-Кабта, судя по надписям на его печатях, был не только высокопоставленным военным, но и врачом, приближенным к царю. Его жена, Симат-Иштаран, на своей печати называет себя сестрой царя Шу-Сина и его брата Ибби-Сина.

Их питание, вероятно, организовывала администрация. В документах упоминаются расходы продуктов на приготовление супов, а также кухонная посуда, в частности котлы, емкостью от 5 до 60 л.

Основная группа людей, трудившихся в Гаршане (около 175 человек), которая в документах названа «рабами», была из числа работников хозяйства Шу-Кабта в Ниппуре. Среди них было много профессиональных ремесленников, которые не только занимались строительством, но и работали в прачечных, кожевенных и текстильных мастерских. Многие из них занимали ответственные должности и выезжали с различными поручениями далеко за пределы Гаршаны, т. е. у администрации, очевидно, не было опасений, что они сбегут.

Большие группы работников, также обозначаемые в документах как «рабы», периодически прибывали в Гаршану и из других крупных хозяйств Южной Месопотамии, скорее всего, в счет исполнения трудовой повинности. Такие группы пришедших работников могли обозначаться по имени лица, которое доставило эту группу, или по названию города, из которого они прибыли. В документах периодически отмечаются случаи бегства среди этих работников⁴⁴.

Люди, присланные на работы в Гаршану из хозяйства Шу-Кабты и других крупных хозяйств и обозначаемые в документах как «рабы такого-то», видимо, были не частными рабами, а работниками того хозяйства, из которого их сюда присылали. Термином *ir* (раб, слуга) фиксировался их статус как лиц, находившихся на службе и в подчинении некоему хозяйству, управителю которого, в свою очередь, нес ответственность за исполнение этими лицами своих обязательств в Гаршане. Работникам, которых называли рабами, вероятно, полагалась не плата, а выдачи. Эти выдачи могли быть различными в зависимости от профессионального мастерства работника, от 2 до 18 л ячменя в день. При этом зерно получали не сами работники, а начальники групп или отрядов, в которых они состояли.

Число наемных работников, ежедневно занятых на строительстве, значительно превышало число лиц, обозначаемых как рабы, т. е. исполнявших трудовую повинность. Большую часть наемных работников составляли женщины, которые работали в отрядах и были заняты в основном изготовлением и переноской кирпичей. Женщины могли быть и начальниками (*ugula*) рабочих отрядов. Возможно, многие из них жили в соседних городках или деревнях или были женами и членами семей воинов того гарнизона, который располагался поблизости. Женщины работали, по-видимому, и в текстильных мастерских, которые находились в Гаршане. Всех женщин, независимо от их статуса, в документах называли термином *gemé*, который имел разные значения: «рабыня», «служанка» или просто «работница». Наемным работникам платили зерном, женщинам около 3 л ячменя в день, мужчинам — 6–7 л.

⁴⁴ Работники, присланные в Гаршану из хозяйства Шу-Кабта, возможно, были более лояльны и заинтересованы в результатах своего труда, поскольку и здесь, в Гаршане, они работали на своего господина.

Проект, вероятно, серьезно нуждался в рабочей силе, о чем говорит привлечение в качестве наемных работников такого большого числа женщин. Администрации очень не хватало и профессиональных работников, прежде всего строителей. Их специально искали и нанимали из самых отдаленных от Гаршаны областей Южной Месопотамии от Урука до Марада и даже предоставляли им какие-то дополнительные материальные поощрения.

Примерно через два года после начала работ (около 2030 г. до н. э.) Шу-Кабта умер. В следующем году умер царь Шу-Син, и на престол взошел его брат Ибби-Син (2028–2004). Эти события, вероятно, повлияли на судьбу проекта. Тексты архива обрываются в начале правления Ибби-Сина, хотя о военном гарнизоне в Гаршане изредка упоминается вплоть до 2010 г. до н. э. Поскольку точное местоположение Гаршаны пока неизвестно, нельзя сказать, закончили ли строительство, как планировалось, или оно было заброшено.

Судя по данным архива из Гаршаны, государственная система перераспределения ресурсов, в том числе и трудовых, реально функционировала на территории Южной Месопотамии в 30-е гг. 21 в., обеспечивая выполнение крупных строительных проектов. При этом, сохранялась и традиционная сеть поддержки и взаимодействия, которая издавна связывала между собой многие провинциальные хозяйства и в которую, по-видимому, была включена как Гаршана, так и другие большие хозяйства, располагавшиеся поблизости⁴⁵.

Распад государства III династии Ура. Государство Ур III можно, вероятно, рассматривать как одну из ранних попыток распространения централизованного политического и экономического контроля над большой территорией со значительным числом населения и в отсутствие развитого внутреннего рынка. При этом система, которая фактически представляла собой большое территориальное государство, с точки зрения управления рассматривала себя как своего рода масштабную общину. Основные усилия центр направлял на создание плотной сети контроля за сбором ресурсов и их перераспределением, причем не только в пользу самого центра, но и между регионами Южной Месопотамии, объединяя все их в общую хозяйственную систему. Власть управляла, используя, в основном, старые традиционные методы, не создавая радикально новых систем административной организации. Не была полным нововведением урской династии и организация сборов и перераспределение ресурсов. В значительной степени в ней сохранялись черты той системы страховых и церемониальных сборов (*bala*), которая существовала в Южной Месопотамии в рамках союза городов еще в конце IV тыс. до н. э. (см. выше). Однако масштабы и уровень централизации в конце III тыс. до н. э. были, конечно, совсем другими.

В предшествующий III династии Ура аккадский период (24–23 вв.) города тоже должны были передавать в центр определенную часть своих материальных

⁴⁵ Судя по косвенным данным, рядом с Гаршаной располагался еще целый ряд крупных хозяйств. Их администраторы или представители посещали друг друга, обменивались различными материалами и работниками (Adams 2010).

и трудовых ресурсов. Уже тогда, помимо местной бюрократии, в городах появилась и значительная группа чиновников, присланных из центра, которые контролировали процесс и вели необходимую отчетность. Однако аккадские правители не создали ничего подобного той централизованной системе сбора и перераспределения ресурсов, которая действовала на всей территории Южной Месопотамии со второй половины правления царя Шульги. Эта система, безусловно, являлась уникальной по детальной разработанности всех элементов ее инфраструктуры, по масштабам концентрации ресурсов (материальных и трудовых) и по уровню контроля за процессами их сбора и использования.

Тем не менее «все ресурсы, как материальные, так и ресурсы лояльности, имели свои пределы» (Adams 2009). Множество масштабных строительных проектов, которые были осуществлены в это время, потребовали колоссальных материальных и трудовых затрат. Все увеличивались и без того оромные расходы на содержание целой армии чиновников, обеспечивавших бесперебойную работу этой системы. Невозможно было бесконечно изымать в таких масштабах урожаи, постоянно увеличивать требования по поставке трудовых ресурсов, расширять численность обслуживающего систему персонала. В течение нескольких десятилетий такой «усиленный» вариант системы сборов, по-видимому, действовал достаточно успешно. Однако уже после смерти Шульги в работе этого сложного механизма появились сбои, а где-то в середине правления Иббисина (2028–2004), последнего представителя династии, система полностью прекратила работать, и центральная власть рухнула.

Свою роль в распаде государства, возможно, сыграли и природные катастрофы, в том числе и засухи, усиливавшиеся в конце III тыс. до н. э., что уменьшало площади пастбищ и вынуждало мигрировать пастушеское население запада, прежде всего амореев (см. ниже). Набеги аморейского населения беспокоили жителей приграничных районов севера и северо-запада Южной Месопотамии уже при Шульги. Проблема была настолько острой, что в 35-й год своего правления (около 2059 г. до н. э.) Шульги приказал построить ряд военных укреплений на северной границе, чтобы оградить страну от вражеских вторжений. Вторым преемником Шульги Шу-Син провел несколько военных кампаний против амореев, судя по всему, эти военные действия носили скорее характер защиты, чем нападения. Также в целях защиты, по-видимому, была построена мощная стена. Она простиралась на 200 км между Тигром и Евфратом на северной границе аллювия. Однако в правление сына Шу-Сина Иббисина ситуация усугубилась, особенно на западе, где амореи занимали заселенные территории, разрушали коммуникации и нарушали налаженную систему перемещения ресурсов. Обострилась внешняя ситуация и на востоке и юго-востоке, где усилилась постоянная угроза южномесопотамским городам со стороны Элама и отдельных народов Загроса.

Поскольку в правление преемников Шульги контроль центра постепенно стал ослабевать, а государственная защита от внешних врагов становилась все менее эффективной, некоторые провинции постепенно возвращали себе потерянную автономию и прекращали передачу ресурсов в центр. Потеря центром

контроля над провинциями четко отразилась в изменении характера датирования административных документов городских хозяйств. Постепенно один за другим города Южной Месопотамии (в направлении с севера на юг) отказывались от использования общегосударственных датировочных формул и переходили на местные датировки. Судя по этим изменениям, город Эшнунна стал самостоятельным уже во 2-й год правления Ибби-Сина, Сузы — в 3-й, Лагаш — в 5-й, Умма — в 6-й, Ниппур — в 7-й. После 9-го года правления Ибби-Сина (2020 г. до н. э.) в документах полностью исчезают все следы существования общегосударственной системы сборов и перераспределения ресурсов.

Синхронные данные о состоянии государства Ур III в эти годы достаточно противоречивы. Вероятно, Ур, который, как столица, был полностью зависим от функционирования этой системы, оказался перед угрозой голода. Ибби-Син, по-видимому, послал своего военачальника Ишби-Эрру на север для закупки зерна, однако тот, воспользовавшись удобным случаем, основал собственную династию в городе Исине. Последние дни города Ура были отмечены ростом инфляции и голодом среди населения. В 2004 г. до н. э. Ур был взят эламитами, которые оккупировали его в течение 7 лет (пока их не изгнал правитель Исина Ишби-Эрра). Последний правитель III династии Ура Ибби-Син был пленен и уведен в Сузы.

Таким образом, на рубеже III и II тыс. до н. э. сложные внутренние проблемы, а также сильное давление соседей с востока и запада привели к полному распаду государства, созданного правителями Ура. К 2000 г. до н. э. Южная Месопотамия снова представляла собой систему относительно независимых городов-государств.

Глава VIII

Великая Месопотамия в конце III — начале II тыс. до н. э. Население, языки и политические структуры

Северо-запад Месопотамии в конце III — начале II тыс. до н. э. Население. Языки. Политические структуры. Северо-западные соседи Южной Месопотамии в начале II тыс. до н. э.

Северо-восток Месопотамии в начале II тыс. Население. Политические структуры.

Южная Месопотамия в конце III — начале II тыс. до н. э. Население. Языки. Политические структуры. Амореи в Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э. Южная Месопотамия в начале II тыс. до н. э. Изменения экологии. Миграции. Политическая ситуация. Цари и города.

Великая Месопотамия — Междуречье Тигра и Евфрата — занимает значительную часть территории Ближнего Востока. Этот огромный регион с разнообразными природными условиями можно условно разделить на три части: северо-запад (Сирия), северо-восток (Северная Месопотамия) и центр и юг (Центральная и Южная Месопотамия)¹. Территория Месопотамии была заселена еще в X–VIII тыс. до н. э. Однако отдельные косвенные сведения об этнической и языковой принадлежности населения Месопотамии появляются только с возникновением письменности — для юга Месопотамии это конец IV тыс. до н. э., для севера и северо-запада — середина III тыс. до н. э. По мере того как к концу III — началу II тыс. до н. э. увеличивается количество письменных памятников, более многочисленными и определенными становятся и данные о составе населения на этой территории и прилегающих к ней землях.

¹ Другой вариант деления территории на регионы: Нижняя Месопотамия (юг и центр) и Верхняя Месопотамия (север и северо-запад).

Северо-запад Месопотамии в конце III — начале II тыс. до н. э. Население. Языки. Политические структуры. Северо-западная часть региона Великой Месопотамии и прилегающие к ней территории, вероятно, очень рано были заселены единой в культурном отношении группой, говорившей на близкородственных семитских диалектах. В начале III тыс. до н. э. значительная часть населения северной части этого региона (в том числе территория Эблы) предположительно говорила на восточноеммитском² диалекте. Жители более южной части региона (от правого берега Евфрата до Средиземного моря, в том числе правобережье Среднего Евфрата, прежде всего район Джебель Бишри, который представляет собой низкий горный хребет к западу от Евфрата; в аккадских текстах он называется «гора Башар» или «гора амореев» (RIME 2, 91)) использовали, по-видимому, западноеммитский диалект. Оба варианта семитского языка были достаточно близки между собой, и население, говорившее на них, поддерживало тесные контакты и сохраняло определенное культурное единство³.

Однако между «северянами» и «южанам» существовали и значительные различия, состоявшие не только в том, что они говорили на разных, хотя и достаточно близких диалектах, но и в характере хозяйственной деятельности населения, т. е. в основных способах добывания необходимых ресурсов. Во многом это определялось природной средой той территории, которую занимала каждая из этих групп. В северной части региона проходил древнейший торговый путь, который пересекал территорию Ближнего Востока с юго-востока до северо-запада. Здесь рано появились крупные поселения и города, жители которых были вовлечены в посреднический обмен (Козырева 2011). Сельское население поставляло в города продукты земледелия и в меньшей степени скотоводства. Южная часть региона по своим природным условиям более подходила для разведения скота. Жители занимались отгонным скотоводством и земледелием. Здесь было меньше крупных городов, население в основном жило в небольших сельских поселениях.

В течение многих сотен и даже тысяч лет отдельные группы семитоязычного населения и с севера (восточноеммитские), и с юга (западносемитские) этого региона постепенно распространялись на восток и северо-восток (Buccellati 1966: 243 ff.). По-видимому, в результате этих миграций сформировалось самое раннее семитское население Месопотамии, которое со временем заняло широкую полосу в центре Месопотамии, простиравшуюся с северо-запада на юго-восток от центрального Евфрата до Тигра и граничившую с севером аллювия (Zarins 1990). Как раз по этой территории проходила часть древнего торгового (обменного) пути, соединявшего северо-запад Ближнего Востока с юго-востоком.

² Одни исследователи считают эблаитский диалект аккадского языка, другие — самостоятельным восточноеммитским языком, хотя и близкородственным аккадскому.

³ «Лексическое разнообразие эблаитских документов (2500), в которых обнаруживаются как специфически аккадские, так и западно-семитские изоглоссы, может свидетельствовать об интенсивных контактах между восточно-семитскими и западно-семитскими диалектами в этом ареале» (Жоган 2009: 210).

Уже в IV тыс. до н. э. представители семитоязычного населения заселили значительную часть Центральной Месопотамии и продвинулись далее на восток, переправляясь через Тигр в районе Диялы. Впоследствии отдельные группы, говорившие на восточноемитском диалекте, стали продвигаться на север и юг Месопотамии. Среди них, по-видимому, были и предки будущих аккадцев. Другие группы (в основном, вероятно, носители западноемитского диалекта), переправляясь через Тигр, осваивали восточные окраины Южной Месопотамии, постепенно спускаясь вдоль восточных границ аллювия все дальше на юг. Каждая группа искала такие новые территории, которые давали бы возможность продолжать традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности.

На протяжении первой половины III тыс. до н. э. в северо-западной части Месопотамии происходили какие-то процессы, в результате которых восточноемитский диалект, вероятно, постепенно вытеснялся западноемитским, что могло отражать усиление роли западноемитского населения на этой территории региона (не только на юге, но и на севере). Во второй половине III тыс. до н. э. почти весь северо-запад Месопотамии был, по всей видимости, плотно заселен представителями западноемитской этнокультурной группы, которых в Южной Месопотамии называли амореями (шум. *mar.tu*, акк. *amurru*)⁴.

Амореи жили и в сельских поселениях, занимаясь земледелием (в клинописных текстах есть упоминания о «городах» амореев), и в крупных городах, исполняя воинскую службу, занимаясь ремеслом и торговлей. Большие группы населения разводили мелкий рогатый скот. Стабильное существование ското-

⁴ Южная часть данного региона Великой Месопотамии, возможно, рассматривалась жителями Южной Месопотамии как располагавшаяся на западе по отношению к их территории. В южномесопотамских текстах III тыс. до н. э. эта территория называлась шумерским термином, обозначающим запад/западный (*IM.mar.tu/mar.tu*) как одну из четырех сторон света. К сожалению, этимология этого шумерского термина остается неясной. Возможен и другой вариант. В текстах из Эблы (2450–2350) довольно часто упоминается страна *mar-tu.ki* или *mar-tum.ki*, откуда в Эблу приходят какие-то люди. Это могло означать, что действительно существовала местность, которую называли Мартум, и она располагалась к западу от Шумера. Есть даже упоминание о царе страны *mar-tum.ki* по имени Амути (Whiting 1995: 1232). Возможно, этот топоним был очень древним и название территории, располагавшейся к западу от Южной Месопотамии, стало основой для шумерского термина «западный». Жителей этого региона, так же как и территорию, в клинописных текстах из Южной Месопотамии называли термином *mar.tu/amurru*. В первой половине III тыс. до н. э. население этого региона в основном говорило на языке западноемитской группы.

Аккадский эквивалент шумерского термина *mar.tu* — *amurru* впервые встречается в текстах из Южной Месопотамии, записанных на староаккадском языке в 24 в. до н. э. Именно от этого аккадского слова был образован термин «аморей» (Amorite), который используется в исторической науке для обозначения населения этого региона. Что касается содержательного наполнения этого термина, то в настоящее время установилась компромиссная точка зрения, согласно которой термин *амореи* носит описательный характер, являясь, скорее всего, не названием определенной народности или отдельного племени, а общим обозначением западноемитского населения сиро-аравийских степей и полупустынь, данным им соседями с востока, т. е. из Южной Месопотамии. Это не исключает того, что среди названий отдельных кланов западноемитских племен могло встречаться и такое название, как *Амуррум*.

водов поддерживал огромный спрос на шерсть и в сельской местности и особенно в городах. Шерсть и шерстяные ткани были важнейшим предметом торговли. Занятия скотоводством накладывали свой отпечаток и на образ жизни. Пастухам приходилось много времени проводить далеко от дома, перегоняя стада с зимних пастбищ на летние и обратно⁵.

Все амореи (и земледельцы, и пастухи, и горожане) были объединены в отдельные племенные группы или племена/кланы, которые вели свое происхождение от единого предка, реального или мифического. Каждая такая группа в свою очередь состояла из более мелких подразделений со своими названиями. В течение многих сотен лет племенные группы соседствовали друг с другом, образовывали союзы, боролись между собой за лидерство; одни племена подчиняли себе другие, так что одни племенные группы со временем растворялись в других и исчезали. Кроме того, в течение всего III тыс. до н. э., то ускоряясь, то замедляясь, шло постоянное перемещение отдельных племенных групп на север и на восток.

Северо-западные соседи Южной Месопотамии в начале II тыс. до н. э. С северо-запада непосредственно к Южной Месопотамии прилежала территория, где в середине III тыс. до н. э. располагался целый ряд крупных торговых городов, в том числе Мари, Терка, Эбла, Туттуль, Саггаратум. В то время основную часть населения этого региона составляли, вероятно, представители восточно-семитской этнокультурной группы. Жители Мари и Эблы говорили если не на одном то на близкородственных языках/диалектах, использовали идентичную систему письма и календарь (Gelb 1992). Ранние правители Мари еще со стародаккадского периода (24 в. до н. э.) называли себя даккадским термином *šakkanak-kum* («правитель, управляющий»). В самом конце III тыс. до н. э. после распада государства Ур III территория вокруг Мари и Терки оказалась на некоторое время заброшена, но в начале II тыс. до н. э. большая часть населения этого региона, вероятно, уже принадлежала к западносемитской этнокультурной группе. Только в крупных городах на Среднем Евфрате в это время, возможно, оставался некоторый «восточносемитский субстрат», но и на этот счет есть определенные сомнения (Heimpel 2003).

В начале II тыс. до н. э. значительную территорию в этом регионе занимали, предположительно, представители крупного западносемитского племенного объединения, в которое, в частности, входили две большие группы: симал (= «левый, север») и ямина (= «правый, юг»)⁶. Поселения обоих племен располагались по левому и правому берегам Евфрата. Симал занимали территории вниз

⁵ Эти группы занимались пастушеством на четко определенных территориях и были тесно связаны со своими сельскими или городскими родственниками, поэтому называть их кочевниками или даже полукочевыми племенами неверно. Пастухи занимали свою нишу в общем хозяйственном укладе каждой территории, который включал и земледельческое, и городское торгово-ремесленное население.

⁶ Такие обозначения сторон света отражают гелиоантропоцентричную систему, характерную для многих культур, в том числе для древнемесопотамской, когда ориентируются (лат. *oriens* — «восток») встав лицом к востоку, таким образом, по левую руку оказывается север, а по правую — юг.

по течению через Сухум к дельте Евфрата, а ямина — вверх по течению к границам Ямхада. Оба племени состояли в свою очередь из целого ряда более мелких групп (амнанум, яхрурум), определить иерархию которых не всегда представляется возможным. Часть территории региона была занята представителями других крупных западносемитских племен (нумха, ямутбал, сутум), также состоявших из множества групп со своими названиями (Heimpel 2003: 15). Можно предположить, что политическое развитие региона в этот период в определенной степени явилось отражением изменений в этнолингвистическом составе его населения.

В конце 19 в. до н. э. город Мари стал центром политической структуры, которую возглавила независимая династия западносемитских (аморейских) правителей, взявшая под свой контроль территорию. От этого времени сохранилось большое количество клинописных текстов, составлявшихся в это время в основном на аккадском языке. Среди имен собственных, упоминающихся в них, большую часть представляют западносемитские имена, но встречается довольно много аккадских (восточносемитских) и небольшое количество шумерских имен.

Вопрос о том, какова была этническая принадлежность носителей шумерских и аккадских имен, упомянутых в этих документах, остается проблематичным. Характер имен собственных не всегда может служить прямым указанием на этническую принадлежность их носителей. Известно, что западные семиты (амореи), переселявшиеся в города Южной Месопотамии, давали своим детям аккадские или даже шумерские имена (Козырева 2001). Исследователи, занимавшиеся изучением документов из Мари, обратили внимание на определенную корреляцию, существовавшую между этнической принадлежностью имени собственного и социальным статусом носителя этого имени (Heimpel 2003: 21 ff.).

Судя по этим данным, аккадские имена собственные в документах из Мари в основном принадлежали представителям дворцового персонала, а аморейские — работникам и воинам. Это может говорить о наличии среди населения Мари в этот период определенного «аккадского субстрата», из которого набирали служащих дворца, или же о том, что важную роль при выборе имен играли соображения престижа. Известно, что правители и дворцовая элита Мари находились под сильнейшим культурным влиянием Южной Месопотамии, и вследствие этого служащие дворца могли носить аккадские имена независимо от их реальной этнической принадлежности. В любом случае, подавляющее большинство имен собственных в клинописных текстах 19–18 вв. до н. э. из Мари составляли западносемитские имена.

После того как в 1760 г. до н. э. правитель Вавилона Хаммурапи завоевал Мари, город был разрушен и окончательно заброшен. Однако в нескольких десятках километров выше по Евфрату усилилось новое аморейское царство Хана⁷, сформировавшееся вокруг города Терка. Он стал центром территории

⁷ Есть разные точки зрения по поводу значения этнонима/топонима *Хана*, который часто фигурирует в документах из Мари. В некоторых случаях встречаются такие наименования как симал-Хана

Хана, входившей до этого в состав государства Мари и называвшейся, вероятно, по названию обитавшего здесь племени. Еще будучи под контролем правителей Мари, Хана на несколько десятилетий попала под власть аморейской династии Шамши-Адада (см. ниже). После того как государство Шамши-Адада распалось, территория Хана примерно на 20 лет вновь оказалась под контролем Мари. После разрушения Мари при Хаммурапи Хана стала самостоятельной политической структурой. В период своего расцвета она занимала большую территорию до Верхнего Хабура, долгое время доминировала на Среднем Евфрате, пока в 15 в. до н. э. не исчезла под давлением хеттов с севера и мощным наступлением хурритов, которые в это время активно распространялись на севере и северо-западе Месопотамии.

К северо-западу от Мари (Северо-Западная Сирия) в начале II тыс. до н. э. сформировалось еще одно аморейское царство — Ямхад, которое, вероятно, смогло перехватить торговые пути у расположенной южнее Эблы. Ямхад, центр которого находился в городе Алеппо (Халеп), продолжал процветать и после разрушения Мари. Царство Ямхад занимало очень благоприятное для торговли положение. С востока оно граничило с правым берегом Евфрата, к западу оно простиралось до Средиземного моря, если и не прямо своей территорией, то через посредство подчиненных ему мелких царств. Именно через Алеппо товары, привезенные морем, отправлялись дальше или в верховья Тигра, или в Южную Месопотамию. Караваны и путешественники, которые шли из Южной Месопотамии в Сирию и Палестину, обязательно проходили по территориям, принадлежавшим Ямхаду, если они хотели избежать опасностей путешествия по пустыне через Пальмиру. Некоторое время Ямхад контролировал весь север Сирии, пока в середине 17 в. до н. э. эта территория не перешла под контроль хеттов. Один из важных центров этого государства — город Алалах (и предположительно вся северная часть Ямхада) был заселен аккадцами, амореями и хурритами, в небольшом количестве здесь, возможно, присутствовало и индоарийское население, пришедшее, вероятно, с востока (Whiting 1995: 1236).

Почти одновременно с возникновением царства Ямхад территория к югу от него (Юго-Западная Сирия) была также объединена под властью аморейской династии в политическую структуру с центром в городе Катна. Город Катна был расположен в центре района, где процветало зерновое сельское хозяйство, в изобилии произрастали виноград и оливковые деревья. К востоку от города находился пояс пастбищных земель, населенный многочисленными группами овцеводов. Город занимал ключевое положение на пересечении важных караванных путей: на запад к Средиземному морю и на восток через Пальмиру до Евфрата.

В документах из Мари наряду со «страной Ямхад» и «страной Катна» упоминается и «страна Амуррум», которая, вероятно, располагалась где-то южнее

и ямина-Хана. Возможно, термин «Хана» имел значение «номады» и так называли тех представителей данных племен, которые вели полукочевой образ жизни, в то время как значительная часть симал и ямина вели оседлый образ жизни и занимались земледелием (Heimpel 2003: 34).

Катны. В конце 19 в. до н. э. «страна Амуррум» представляла собой, по-видимому, не единое царство, а объединение нескольких независимых политических структур, возникших вокруг небольших городских центров.

Северо-восток Месопотамии в начале II тыс. Население. Политические структуры. Северо-восток Месопотамии граничил с длинным горным поясом, населенным малоизвестными горными народами. Именно здесь находилась, вероятно, территория, которая начиная с середины III тыс. до н. э. упоминается в клинописных текстах под названием Субарту⁸. Субареи могли быть ранним языковым и этническим субстратом Северной Месопотамии, но уже с середины III тыс. до н. э. язык населения Субарту был, по-видимому, вариантом хуррито-урартского языка. Отдельные хурритоязычные группы с предгорий Кавказа мигрировали на северо-восток Верхней Месопотамии с начала III тыс. до н. э., ассимилируя или вытесняя более раннее население. Из Северной Месопотамии хурриты постепенно проникали все далее на запад, заселяя и осваивая широкий полумесяц сельскохозяйственных земель от гор Загроса до долины Хабура⁹. В начале II тыс. до н. э., хотя политическая власть в Верхней Месопотамии была сосредоточена главным образом в руках амореев, хурриты пересекли Евфрат и смогли захватить несколько районов на правом берегу реки к северу от Алеппо (Хашшум, Уршу). Однако самая сильная концентрация хурритского населения в этот период была к востоку от Тигра.

Большая часть населения крупных городов Северной Месопотамии, таких как Ашшур, Экаллатум, Калах, Ниневия, в начале II тыс. до н. э. была, вероятно, восточносемитской, говорившей на ассирийском диалекте аккадского языка. Возможно, некоторые из этих городов — те, что находились на восточном берегу Тигра, — в начале II тыс. до н. э. некоторое время были под властью турукеев, одного из многочисленных горных народов Загроса (Heimpel 2003: 602). Аккадское население этой территории в основном концентрировалось в крупных городах и их окрестностях. За пределами этих городов большая часть территории Северо-Восточной Месопотамии в начале II тыс. до н. э. была, по-видимому, заселена представителями различных западносемитских племен. К северу от города Экаллатум помимо аккадцев проживали представители племени нумха. Здесь же, к востоку от Тигра, располагалась территория, которая уже в клинописных текстах 24 в. до н. э. называлась «страна Ямутбал» (*kur e-mut-ba-lum.ki*) (Stol 1976: 63 ff.). Этот топоним, который совпадает с названием одного из аморейских племен, был образован, очевидно, от названия той группы

⁸ Концепция топонима Субарту, как и многих других топонимов, упоминаемых в клинописных текстах на протяжении нескольких тысяч лет, менялась от периода к периоду. Невозможно установить его единую локализацию для всех исторических периодов. То же можно сказать для обозначения «Кедровые горы», которое относится к территории Ирана, так же как и к Аманусу. Аналогичная ситуация с обозначением «Высокая земля амореев», которая могла располагаться в Джебель Бишри в Сирии и (по крайней мере для периода Ур III) в горах на границе Месопотамии и Ирана, не говоря уже о таких знаменитых «блуждающих» топонимах, как Маган, Мелухха или Дильмун (Michałowski 1993: 144–145).

⁹ Около 1600 г. западносемитское/аморейское население Среднего Евфрата было вытеснено на запад под давлением хурритов, двигавшихся с севера, и представителей малоизвестной до того времени этнической группы — касситов.

населения, которая обосновалась в этом транстигридском регионе задолго до времени написания этих текстов. Сама эта территория представляла собой узкий пояс (между Пушт-и-Кух и Тигром), ограниченный городами Каттунан (на западе), Каттара (на севере), Экаллатум (на востоке) и Ашшур (на юге)¹⁰.

В конце 19 в. до н. э. большая часть территории Северной и Северо-Западной Месопотамии (от Терки и Мари на западном берегу Евфрата до Экаллатума на восточном берегу Тигра к югу от Ашшура) на несколько десятилетий перешла под контроль аморейской династии, основанной Шамши-Ададом (1813–1781). Однако вскоре после смерти Шамши-Адада это объединение распалось на множество маленьких государств с аморейскими династиями¹¹. В конце 18 в. до н. э. после завоевательных походов на территорию Верхней Месопотамии вавилонских царей (Хаммурапи и его сына Самсуилуны) власть местных аморейских правителей здесь значительно ослабла. Со временем эта территория была поглощена хурритами, а в 15 в. до н. э. вошла в состав хурритского государства Митанни, которое контролировало почти всю территорию Верхней Месопотамии.

Южная Месопотамия в конце III — начале II тыс. до н. э. Население. Языки. Политическая структура. Первыми жителями Южной Месопотамии были представители разных по происхождению групп, которые начиная с VII тыс. до н. э. приходили сюда из соседних регионов: с запада, из районов к западу от центральной долины Евфрата и Северной Аравии, с востока с гор Загроса, с севера и северо-востока Месопотамии (Козырева 2010). Об этнической и языковой принадлежности раннего населения Южной Месопотамии ничего не известно, но данные археологии (планировка монументальных сооружений, типология керамики, изображения на цилиндрических печатях) свидетельствуют о длительной и непрерывной культурной традиции. Уже в начале V тыс. до н. э. эта территория, по-видимому, представляла собой единое культурно-хозяйственное пространство, что, вероятно, было следствием этнического и языкового единства населения этой территории. В конце IV тыс. до н. э. здесь появляется письменность, возникают города и формируются первые государственные структуры. Создателей этих атрибутов цивилизации исследователи достаточно уверенно называют шумерами.

Таким образом, в IV — первой половине III тыс. до н. э. основную часть населения Южной Месопотамии составляли шумеры¹². Северным соседом

¹⁰ Позднее, когда ямутбалы значительно расширили область своего обитания, постепенно передвигаясь на юг вдоль восточных окраин Южной Месопотамии, эту территорию, т. е. северную часть региона, для большей точности могли иногда называть «северный (верхний) Ямутбал», а обширную восточную и юго-восточную часть региона — «нижний Ямутбал» или «Ямутбал» (Stol 1976: 70).

¹¹ Отец Шамши-Адада был, вероятно, западносемитского происхождения. Сам Шамши-Адад хотя и носил аккадское имя, иногда в текстах назывался и по-аморейски — Самси-Адду. У него было двое сыновей, которые являлись его наместниками на северо-востоке (в Экаллатуме) и северо-западе Месопотамии (в Мари). Один сын, правитель Экаллатума, носил аккадское имя Ишме-Даган, т. е. «бог Даган услышал (молитву о наследнике)», второй — аморейское Ясмах-Адду, т. е. «бог Адду услышал (молитву о наследнике)».

¹² Несмотря на то что письменные памятники на шумерском языке более или менее поддаются пониманию, с позиции генетической классификации шумерский язык на сегодняшний день считается

шумеров являлось семитское население Центральной Месопотамии, которое постепенно распространялось на юг. Уже в 26 в. до н. э. большая часть писцов, которые составляли клинописные документы в Абу Салабихе, городе, располагавшемся на границе северной и южной части аллювия, тоже носила семитские имена (Biggs 1967). В составленных ими административных документах встречаются отдельные семитские слова и числительные. По-видимому, в это время в северной части Южной Месопотамии семитоязычное население было уже полностью интегрировано в шумерские городские структуры и занимало в них достаточно высокое положение.

Население Южной Месопотамии середины III тыс. до н. э. говорило, скорее всего, на двух языках: шумерском (территория южнее Ниппура) и раннесемитском (к северу от Ниппура). Это подтверждается изучением имен собственных, имен богов и топонимов. Между представителями двух основных этнолингвистических групп происходили постоянные контакты и взаимное смешение, которое в конечном счете привело «к аккадизации населения Месопотамии при ведущей роли шумерской культуры» (Edzard 1960). К концу III тыс. до н. э. шумерский язык постепенно выходит из живого обращения и превращается в язык культа и литературы, а сами шумеры как этнос практически исчезают. Основное население Южной Месопотамии к этому времени составляют носители семитских языков — аккадцы (восточные семиты) и родственные им аморей (западные семиты)¹³.

К началу II тыс. шумерский язык был почти полностью вытеснен аккадским, который в это время оказался под сильным влиянием аморейского. Следствием их взаимодействия явилось, вероятно, формирование вавилонского диалекта аккадского языка. Другим важнейшим диалектом аккадского был ассирийский язык. По-прежнему использовалась клинописная система письма, заимствованная за тысячу лет до этого у шумеров. Литературные, религиозные и учебные тексты по-прежнему записывались на шумерском. Большинство документов на севере аллювия в это время составляли на аккадском языке. Однако в городах на юге аллювия и административные, и юридические документы составлялись преимущественно на шумерском, в то время как письма писали на аккадском.

При этом детальной информации об основных этнических группах, населявших Южную Месопотамию в начале II тыс. до н. э., очень мало. Городское

изолированным. Ни одна из попыток причислить его к какой-либо языковой семье не может быть признана достаточно серьезной (шумеров пытались «породнить» и с тюрками, и с малайцами, и с носителями тибето-бирманских языков).

¹³ Помимо семитоязычного и шумероязычного населения в Южной Месопотамии в III тыс. до н. э. жили представители и других этнолингвистических групп. В течение всего III тыс. на территорию Южной Месопотамии как торговцы, дипломаты или переселенцы по-прежнему приходили жители соседних территорий. В конце III тыс. до н. э. официальными в Южной Месопотамии считались, по-видимому, шумерский, аккадский, аморейский, эламский и субарейский (хурритский) языки. Во всяком случае, именно на этих языках, как свидетельствует текст шумерского гимна, царь города Ура Шульги разговаривал со своими подданными и посланцами соседних стран, когда, будучи верховным судьей, решал какие-либо судебные споры в собрании (*puhrum*) (Klein 1981).

население в основном состояло из аккадцев, но в некоторых городах, особенно на самом юге, все же сохранялись и малочисленные группы шумерского населения. Скорее всего, это были не этнические шумеры, а носители шумерских культурных традиций. Значительную и все возрастающую часть сельского населения Южной Месопотамии составляли представители западносемитской этнокультурной группы (амореи).

Амореи на территории Южной Месопотамии в последние века III тыс.

В последней четверти III тыс. западносемитское население/амореи занимало, вероятно, не только самые окраины аллювия, но в некоторых местах (особенно на востоке и юго-востоке региона) постоянно жило уже и на территориях рядом с городами. Так же как и их предки, населявшие сиро-аравийские степи и пустыни к западу от Евфрата, амореи селились на вновь освоенных окраинных территориях Южной Месопотамии в небольших поселениях, занимаясь скотоводством и по возможности земледелием. Первоначально это было преимущественно сельское население, представители которого охотно нанимались на службу горожанам: проводниками торговых караванов и воинами. Однако со временем многие из амореев, вероятно, переселялись в города. Постепенно важнейшие рычаги политической и военной силы в Южной Месопотамии оказались в руках лидеров тех групп западносемитского (аморейского) населения, которые уже давно обживали окраины аллювия, и вождей племен, чьи военные отряды контролировали территории, окружавшие отдельные города.

В это время в административно-хозяйственных и юридических документах из Южной Месопотамии все чаще встречаются упоминания о людях марту (mar.tu), а в текстах появляются упоминания западносемитских имен собственных, которые можно отнести к аморейским.

Среди людей марту, упоминаемых в текстах того времени, большую часть составляли, по-видимому, те, кто приходил в города Южной Месопотамии с дипломатическими или торговыми миссиями и во время своего пребывания в городе получал от городской администрации продукты питания, что фиксировалось в отчетных документах (Vissellati 1966). В то же время количественно очень небольшие группы людей марту уже постоянно жили в некоторых городах Южной Месопотамии. Иногда (в Лагаше) они носили традиционные шумерские и аккадские имена (после которых в текстах ставили этноним «марту»), в других городах (Дрехем) их имена собственные были явно западносемитскими, т. е. в некоторых городах амореи, по-видимому, настолько ассимилировались, что давали детям местные имена, а в других они сохраняли свои ономастические традиции. Особенно много текстов, упоминающих людей марту, дошло из городов юго-восточной части аллювия: больше всего из Лагаша (142), гораздо меньше из Уммы (17) и Ура (10). Судя по документам хозяйственной отчетности, амореи, жившие в этих городах, воспринимались как «свои». Хотя в процентном отношении лица с аморейскими именами или с этнонимом «марту» составляли очень незначительную часть городского населения, они могли находиться на всех уровнях городского общества. Среди них были люди самых разных профессий и разного социального статуса: солдаты,

гонцы, цирюльники, плакальщики, земледельцы, начальники ремесленников, служители культа и т. п.

Каким образом была организована жизнь на территориях, занятых амореями, и в каких отношениях эти люди были с государством Ур III? Государственная администрация через городских чиновников поддерживала контакты с наиболее влиятельными лидерами тех аморейских племен, которые постоянно жили на окраинах Урского государства/городских территорий (Buccellati 1966: 290). С этими людьми торговали, нанимали их как воинов. Лидерам племен даже предоставляли официальные полномочия в управлении отдельными территориями, при этом они наделялись соответствующими должностями. Амореи, поселения которых занимали значительную часть приграничных территорий аллювия, были обязаны центру постоянными поставками¹⁴.

Это касалось прежде всего западносемитского населения восточных и юго-восточных окраин аллювия. Совсем другой была, вероятно, ситуация на северных и западных границах государства. К середине 21 в. до н. э. давление амореев на обитаемые районы Центральной и Южной Месопотамии с севера и северо-запада настолько усилилось, что около 2057 г. до н. э. (37-й год Шульги) власти предприняли строительство укрепленной стены/линии укреплений, простиравшейся от Евфрата до другого берега Тигра севернее нынешнего Багдада. Строительство было закончено в 4-й год правления его преемника Шу-Сина (около 2035). Упоминания в более поздних документах позволяют предположить, что эта стена простиралась более чем на 200 км по северной границе аллювиальной равнины от Евфрата над Сиппаром до Тигра в районе Багдада. Правители Ура пытались контролировать набеги амореев и периодически совершали военные рейды против них.

Военачальники, которые занимались организацией этих сооружений и защитой границ государства, постоянно жаловались царю на нападения амореев и просили дополнительной поддержки. Однако все усилия были напрасны и уже в начале правления Ибби-Сина амореи в ходе постоянных военных набегов проникали в самый центр Южной Месопотамии. В 2024 г. до н. э., в 5-й год своего правления, Ибби-Син построил защитные сооружения вокруг главных городов центральной и юго-западной части Южной Месопотамии — Ниппура и Ура. Вскоре после этого высокопоставленный царский чиновник Ишби-Эрра был послан с серебром на север для закупки зерна для города Ура. В своих письмах Ибби-Сину Ишби-Эрра сообщал, что выполнил поручение царя, но вынужден пока хранить купленное зерно в городе Исине. Переправить зерно в Ур, по его словам, было невозможно из-за отсутствия достаточного количества барж и из-за постоянных набегов амореев (Jacobsen 1953). В течение длительного времени Ишби-Эрра сообщал царю, что занимается организацией защиты Исина от амореев, а через некоторое время в 2015 г. до н. э. (в 14-й год правления Ибби-Сина) он провозгласил себя правителем Исина.

¹⁴ Упоминаются постоянные поставки скота, в том числе «поставки для амореев» (mu.túm mar.tu.e.ne) и «поставки для царя» (mu.túm lugal) (Buccellati 1966: 292–293).

Письма военачальников и Ишби-Эрры в Ур создают впечатление, что угроза амореев была исключительно серьезной. Однако это находится в явном противоречии с той картиной отношений государственной администрации с амореями, которая складывается на основании исследования архивных документов. К этому времени во многих городских центрах Южной Месопотамии уже проживало довольно значительное аморейское население и амореи были интегрированы во все структуры городской жизни. Вероятно, именно в связи с тем, что амореи становятся постоянными жителями городов, этноним *марту*, который на протяжении нескольких столетий сопровождал их имена в текстах, постепенно начинает использоваться все реже и к началу II тыс. почти полностью исчезает. О том, насколько усилилась роль западносемитской этнокультурной группы (амореев) в жизни общества Южной Месопотамии, свидетельствует и то обстоятельство, что в последние века III тыс. до н. э. в текстах из этого региона все чаще встречается имя нового для местного пантеона бога Амурру. С 21 в. до н. э. это божество уже постоянно упоминается в списках богов, которым приносят жертвоприношения. Амурру оставался среди главных богов месопотамского пантеона еще в I тыс. до н. э.¹⁵ В это же время впервые появляется упоминание бога Амурру как теофорной части имен собственных. Количество такого рода имен постепенно увеличивалось, особенно многочисленными они стали в первой половине II тыс. до н. э.

Ближний Восток и Южная Месопотамия в первой половине II тыс. до н. э.¹⁶ В первой половине II тыс. до н. э. западносемитская этнокультурная группа (амореи) была доминирующей политической силой не только на всей территории Месопотамии, но и во многих соседних с ней регионах. В каком-то смысле большая часть территории Ближнего Востока в первые века II тыс. представляла собой единое политическое пространство, отдельными областями которого управляли разные аморейские династии. Эти династии, стоявшие

¹⁵ Возможно, для того, чтобы объяснить появление этого божества в традиционном месопотамском мире, была даже создана поэма, описывающая его появление в местном пантеоне как результат вхождения Амурру на правах зятя в семью местного божества (Klein 1997). Поэма, написанная на шумерском языке, сохранилась в одной поздней (старовавилонской?) копии. В ней рассказывается о женитьбе бога Марту/Амурру на дочери бога Нумушды, правителя (*ensi*) вымышленного города Нинаб. В реальности Нумушда был главным богом города Казаллу, который располагался на северо-западной окраине Южной Месопотамии. Именно здесь в конце III тыс. до н. э. давление амореев было, вероятно, наиболее сильным. Одной из целей создания поэмы могло быть и описание мирной интеграции амореев в городское общество Южной Месопотамии.

¹⁶ Период в истории Месопотамии, занимающий первую половину II тыс. до н. э. (от 2000 до 1600 г. до н. э.), условно называется старовавилонским. Обычно он подразделяется историками на две части: время от падения государства Ур III до объединения Месопотамии под властью Хаммурапи (2000–1800) условно называется «периодом Исина и Ларсы», или «ранним (первым) старовавилонским периодом», а два столетия существования объединенной Месопотамии с центром в Вавилоне — (собственно) «старовавилонским периодом», или периодом «I вавилонской династии». Основными источниками по истории Месопотамии старовавилонского периода являются памятники материальной культуры того времени, в том числе раскопанные археологами дворцы, храмы и жилые кварталы некоторых месопотамских городов, и огромное количество клинописных текстов — литературно-религиозных, хозяйственных, юридических, учебных, частных и официальных писем, царских надписей и т. д.

у власти в большинстве крупных городов Сирии и Месопотамии, были объединены не только общностью языка и культуры, но и реальными родственными связями и представлением об их общем происхождении и общих предках¹⁷. Поддержанию этой общности способствовали постоянные дипломатические контакты, переписка между правителями и периодически заключавшиеся междинастические браки. Внутри этой группы аморейских правителей существовала жесткая иерархия и шла постоянная борьба за лидерство, время от времени переходившая в военные конфликты.

Аккадская клинопись широко использовалась в этот период по всему Ближнему Востоку для записи текстов на шумерском, аккадском, эламитском, хурритском и хеттском языках, однако тексты на аморейском языке неизвестны, он так и не стал письменным языком. Причиной этому, возможно, была не только близость двух семитских языков — аккадского (восточносемитского) и аморейского (западносемитского), но и огромное влияние, которое древняя культура Южной Месопотамии, носителями которой в это время были аккадцы, оказывала на все население Ближнего Востока.

Что происходило на территории Южной Месопотамии в самом конце III — начале II тыс., какими были причины и реальные последствия распада государства Ур III, судить достаточно сложно, поскольку документального материала от конца 21 — начала 20 в. до н. э. почти не сохранилось. Известно, что в городе Уре в конце правления Ибб-Сина возник серьезный экономический кризис. Захват столицы эламитами в 2004 г. до н. э., сопровождавшийся разрушениями и грабежами, привел к окончательному крушению государства. На некоторое время в городе перестали составлять письменные документы, что не удивительно при таких обстоятельствах. Однако уже через 20 лет возродился не только сам город, но и территория вокруг него. Появившиеся документы отражают продолжение той хозяйственной жизни и административной практики, которая существовала в предшествующий период¹⁸. В это время Ур находился под властью царей I династии Исына, которые претендовали на роль преемников государства Ур III и проводили масштабные работы по восстановлению и реконструкции города. Примерно тогда же были созданы два поэтических текста, в которых описывалось падение и разрушение города Ура, ко-

¹⁷ Сохранилось два клинописных текста, записанных в разное время, в которых приводятся «генеалогические списки» предков двух разных аморейских династий. Одна из них, династия Шамши-Адада, возникла в Северной Месопотамии, другая, династия Хаммурапи, — в центре Южной Месопотамии вокруг города Вавилона. Есть различия в написании и в порядке следования отдельных имен в этих двух генеалогических списках. Тем не менее эти тексты подтверждают, что существовало твердое представление об общем происхождении (общих предках) не только двух этих династий, но и других аморейских династий Ближнего Востока (Дьяконов 1992).

¹⁸ Последний сохранившийся в Уре документ, датированный правлением царей Ур III, был записан в 2002 г. до н. э. (24-й год Ибб-Сина), а самый ранний документ от времени исинской династии, под контролем которой Ур находился в начале 20 в. до н. э., был составлен в 1987 г. до н. э. (5-й год Шу-илишу, преемника основателя исинской династии Ишби-Эрры). Когда после перерыва тексты появляются вновь, «они показывают продолжение административной практики, разнообразную экономику и цветущий царский дом» (Mieroop 1992: 51).

торое произошло в конце III тыс. до н. э. По мнению составителей текстов, падение династии произошло по нескольким причинам: вторжение амореев с запада, внутренние беспорядки (отказ городов платить налоги центру) и набег эламитян с востока (Michałowski 1989).

Скорее всего, государство Ур III распалось прежде всего из-за внутренней нестабильности; определенную роль в ускорении этого процесса сыграли, конечно, и соседи Месопотамии, прежде всего, государство Элам, граничившее с юго-восточными окраинами государства Ур III. Свою лепту внесли и амореи, число которых на территории Месопотамии в конце III тыс. до н. э. многократно возросло за счет постоянных новых волн переселенцев из сирийских степей, постепенно все более активно занимавших территории между городами Южной Месопотамии.

Распад государства сопровождался полным разрывом установленной сверху системы связей в сфере сбора и распределения продуктов и трудовых ресурсов. Все это, безусловно, отразилось на хозяйственной жизни городов, однако местные экономики провинций были достаточно прочными, чтобы выживать без контроля центра. Каждый город в отсутствие централизованной политической власти пытался выжить самостоятельно; во многих городах возникли местные династии. К этому времени значительную часть сельского и некоторое количество городского населения Южной Месопотамии составляли амореи (представители западносемитской языковой группы).

Городские административные структуры привлекали аморейское население в качестве воинов для защиты города от грабежей и набегов со стороны других групп амореев. Амореи считались искусными воинами. Это отразилось даже в аккадской военной терминологии того времени. Высший военный чин, который можно условно сравнить с чином генерала, стал называться термином *ugula mar.tu*, т. е. «начальник амореев». Исключительно важной для городов была и роль амореев как торговцев, проводников и охранников торговых караванов. Присутствие в городах некоторой части аморейского населения становилось все более необходимым, и городская элита постепенно уступала в их пользу ведущие позиции в структурах власти, в том числе самых высших.

Со временем во многих городах Южной Месопотамии в руках аморейских лидеров оказались важнейшие рычаги политической и военной силы. Городская элита и население были заинтересованы в дружественных отношениях с этими аморейскими вождями, надеясь на их защиту в случае появления других племен и на возможность продолжать при их поддержке традиционный образ жизни (Whiting 1987). Письменные источники начала II тыс. до н. э. — многочисленные административно-хозяйственные, юридические документы, письма — содержат сведения о дипломатических контактах правителей городов с вождями дружественных аморейских племен, о династических браках, заключавшихся между семьями правителей и представителями аморейской аристократии, и о военных столкновениях с враждебными племенами (Козырева 2001). В документах после имен амореев даже перестали ставить этноним *mar.tu*.

Постепенно — этот процесс продолжался примерно 100–150 лет — либо мирным путем (династические браки), либо военным в ряде крупных городов Месопотамии к власти пришли аморейские династии, которые боролись за лидерство в Месопотамии следующие 250 лет. Имена собственные представителей этих династий свидетельствуют об их аморейском происхождении. Под управлением этих новых правителей некоторые древние города возвысились до уровня политической столицы территории (Исин, Эшнунна, Ларса), политическими столицами стали также и некоторые ранее мало известные города (Вавилон), правда, большинство удержались в такой роли совсем недолго (см. RIME 2).

Неоспоримым лидером в течение первых 150 лет II тыс. до н. э. был город Исин, который претендовал на роль преемника Ур III. Независимая династия была основана здесь еще при жизни Ибби-Сина, последнего царя государства Ур III. Ее основателем был один из важных сановников урского царя по имени Ишби-Эрра. В начале 20 в. до н. э. Исин, не имея сильных соперников, постепенно распространил свою власть на большую часть территории, которая входила в состав государства Ур III, под его контролем были культовая столица Южной Месопотамии город Ниппур и политическая столица государства III династии Ура, город Ур. Под контролем Исина в это время, возможно, была и Ларса.

Во второй половине 20 в. до н. э. политическая ситуация в Южной Месопотамии стала заметно меняться. В целом ряде городов возникли новые династии. Большинство из них были, вероятно, основаны лидерами местных западно-семитских/аморейских групп в небольших городах, и их кратковременное существование не оставило почти никаких следов. Тем не менее время единоличного доминирования Исина на территории Южной Месопотамии прошло. Главным его соперником постепенно становилось государство, занимавшее восточную и юго-восточную части аллювия, политическим центром которого был город Ларса. Одновременно несколько других городских династий (Урук, Казаллу, Эшнунна, Вавилон) контролировали другие регионы Южной Месопотамии.

Правители городов периодически объединялись в борьбе против более удачливого соперника и привлекали на помощь родственные группы амореев, проживавших на подконтрольных им территориях. Однако эти военные союзы были недолговечными и распадались при малейшем изменении политической конъюнктуры. С практической точки зрения главной задачей воюющих было расширение контроля над водными и торговыми путями. С точки зрения идеологии задачей правителей самых сильных и богатых городов было новое объединение Южной Месопотамии.

Попытки объединения Южной Месопотамии в единое территориальное государство под наследственной царской властью неоднократно предпринимались в предшествующий период. Очередную такую попытку предпринял Хаммурапи, шестой представитель самой известной из аморейских династий Месопотамии — I вавилонской династии. Эти действия Хаммурапи (1792–1750)

оказались вполне успешными. В ходе многолетних военных кампаний ему удалось объединить под властью Вавилона всю Южную Месопотамию и часть Северной. Однако это объединение оказалось недолговечным. В границах, установленных Хаммурапи, Вавилон просуществовал около 20 лет, примерно с 1760 по 1740 г. Распад Вавилонского государства фактически начался через несколько лет после того, как Хаммурапи завершил его объединение.

Изменения экологии. Главным фактором, который серьезно подрывал стабильное существование городских систем юга в начале II тыс. до н. э., было изменение экологической ситуации в этом регионе. На протяжении всего III тыс. две великие реки Месопотамии, Тигр и Евфрат, вокруг которых формировалась и поддерживалась жизнь населения, периодически меняли свое русло. Исследования обнаружили следы существования в этот период нескольких старых русел, которые потом высохли (Adams 1981: 14–19). Тигр периодически передвигался в восточном направлении, а Евфрат — в западном. Этим процессам способствовало, вероятно, и постепенное отступление на юг вод Персидского залива. В сочетании с общим уменьшением количества осадков в регионе Ближнего Востока это постепенно делало климат юга и центра все более жарким и сухим и увеличивало зависимость населения от водных ресурсов.

Изменению экологии способствовала и активная хозяйственная деятельность населения юга. Постепенное перемещение на запад русла Евфрата и продвижение русла Тигра на восток вынуждало жителей южных городов постоянно расширять старые и проводить новые каналы. Система искусственных каналов, с помощью которых орошались поля, а города снабжались водой, становилась все более сложной. Для ее поддержания требовались все более интенсивные и масштабные усилия, а сами каналы отбирали из рек все больше и больше воды.

Постоянные старания городских правителей проводить новые каналы, расширять ирригацию увеличивали площади обрабатываемых земель, но одновременно и расширяли те культурные территории, на которых во время паводка застаивалась вода и происходило отложение растворенных в воде минеральных осадков, прежде всего солей. Засоление почвы приводило к значительному уменьшению урожайности. Расширение системы каналов вызывало дополнительное засоление культурных сельскохозяйственных земель, что значительно снижало урожайность зерновых культур¹⁹.

Эти процессы особенно усилились в начале II тыс. до н. э. Больше всего они затронули жителей самого юга аллювия, той территории, где когда-то в IV тыс. до н. э. формировались первые города. Именно в южной части аллювия, представлявшей собой совершенно плоскую и понижавшуюся в сторону залива равнину, перемещение русел рек было наиболее заметным и имело самые серьезные последствия для населения.

¹⁹ Изучение сведений о зерновом производстве в документах от III до I тыс. до н. э. показывает, что между 2500–850 гг. до н. э. урожайность зерновых постепенно падала, а засоление почвы росло (Klein 2014).

Миграции. Экологические изменения оказывали серьезное влияние на хозяйственное развитие регионов и жизнь городского населения. Одним из последствий этих процессов была постепенно расширявшаяся миграция с юга на север. Группы горожан, переселявшиеся по каким-либо причинам из одного города в другой, привозили с собой и культ своего бога, которому их предки поклонялись в их родном городе²⁰. Уже с середины III тыс. до н. э. в текстах встречаются свидетельства о появлении в том или ином городе Южной Месопотамии новых, ранее не отмеченных культов или о заметном усилении в нем культов уже существовавших, но не игравших ранее значительной роли. Эти данные можно получить, изучая имена собственные, надписи на печатях и характер деятельности владельцев печатей. В начале II тыс. до н. э. в каждом крупном городе Южной Месопотамии наряду с храмами главных городских богов (семейной пары) и их божественных спутников и слуг существовало множество святилищ, посвященных богам других городов и поселений региона. Почитателями этих богов могли быть потомки тех, кто когда-то приехал отсюда и поселился в данном городе, сформировав новое компактное соседство или квартал. Жители новых городских кварталов кроме соседских и родственных уз были объединены и почитанием своего божества, которое со временем включалось в общегородской пантеон. Помимо святилища в центральном городском храме, небольшой храм или святилище могли располагаться внутри самого квартала (Дьяконов 1990: 75 сл.), именем этого божества назывались ворота, которые вели внутрь квартала.

Наиболее ранние данные такого рода сохранились из Эриду, самого южного города аллювия. Миграции жителей Эриду на север, на территорию Ура, происходили, вероятно, на протяжении всего III тыс. до н. э. Этот процесс продолжался и в начале II тыс., когда город Эриду окончательно пришел в упадок, а часть служителей культа главного городского бога Энки переселились в города Ур и Ларсу. Население покидало город, видимо, из-за постоянного уменьшения сельскохозяйственных площадей и рыболовных угодий вследствие того, что воды Персидского залива постепенно отступали на юг, а с запада на сельскохозяйственные территории города наступали песчаные дюны.

Политическая нестабильность. Другим важным стимулом, побуждавшим часть населения юга к переселению, была политическая нестабильность, постоянные войны между городами за контроль над главными водными потоками и торговыми путями (Frayne 1989: 23). В царских надписях этого времени, происходящих из разных городов Южной Месопотамии, постоянно говорится о войнах между городами, разрушениях, истреблении населения, но упоминаются также и действия царей по ликвидации последствий этих конфликтов

²⁰ На ряде табличек из Киша конца 18 в. до н. э. сохранились оттиски печатей человека по имени Мардук-мушаллим и его сына Нанна-мансума. В надписях на своих печатях оба называют себя «слугами бога Латарака». Латарак известен как младшее божество, которому поклонялись в Уруке и на близлежащих территориях. По-видимому, Латарак был фамильным божеством этой семьи задолго до того, как она переехала в Киш (Charpin 1981: 529, n. 12).

(RIME 4). Во многих случаях приходу царей к власти в том или ином городе предшествовала катастрофа (природная или военного характера), нарушавшая на какое-то время привычное течение жизни города и его населения. Главной задачей основателя новой династии в этих условиях было возвращение населения к нормальной жизни. Однако последствия катастроф были подчас столь разрушительны, что нередко ощущались на протяжении всего царствования. В многочисленных царских надписях того времени из разных городов Южной Месопотамии среди важнейших деяний благочестивого царя чаще всего перечисляются следующие:

— сбор «рассеянных» войной и разрухой подданных и расселение их в безопасных местах;

— строительство стен вокруг городов для защиты населения, проживающего в них;

— реконструкция старых и проведение новых ирригационных каналов для снабжения чистой водой городов и орошения полей;

— устранение поводов для жалоб (*i.d.utu*) и восстановление справедливости и правильного порядка (*níg.si.sà*; акк. *mīšārum*, *níg.gi.na*; акк. *kittum*).

Мысль о необходимости восстановления и поддержания внутреннего порядка в обществе постоянно присутствовала в царских надписях, что говорит об актуальности этой проблемы. На практике сложную ситуацию, которая складывалась в это время в городском социуме, цари пытались разрешить путем периодического провозглашения указов об освобождении (*ama.ar.gi4*, акк. *andurārum*). Эти указы отменяли некоторые виды задолженностей, давали право вернуть проданную за долги недвижимость и освобождали от долгового рабства. Чтобы улучшить материальное положение подданных, укрепить легитимность власти и поддержку среди населения, цари иногда объявляли об уменьшении налогов, взимаемых с жителей того или иного города, и сокращении сроков трудовой повинности²¹.

Постоянно упоминаемые в царских надписях масштабные работы по восстановлению городов и храмов, возведению новых городских стен, реставрации действующих и проведению новых каналов можно было осуществить только имея в своем распоряжении очень большое количество работников. Такие работы не могли выполняться за счет регулярной трудовой повинности, тем более что в ряде надписей царей Исына, Урука и Ларсы описываются щедрые выплаты продуктами и серебром всем принимавшим в них участие²². Возможно, эти

²¹ Именно к этому времени относится и создание трех больших законодательных сборников, составленных в 19–18 вв. до н. э. от имени царей трех крупных городов Южной Месопотамии — Эшнунны, Исына и Вавилона. Установленные в них нормативы должны были единообразно регулировать хозяйственную деятельность, имущественные и социальные отношения населения подконтрольной царю территории. Возможно, такого же рода сборники составлялись и в других крупных городах Южной Месопотамии, но остальные до нас просто не дошли.

²² Были ли заявления в царских надписях о действовавших во время их правления «низких» ценах и о щедрых выплатах работникам, занимавшимся осуществлением ирригационных или строительных проектов, отражением реальной экономической ситуации, например дороговизны серебра или чисто идеологическими пассажами, можно только предполагать.

работы проводились «по призыву», но центральная власть должна была их хорошо оплачивать. Упоминаемые в текстах нормы оплаты значительно превышают обычную для того времени плату наемным работникам.

Проблема нехватки трудовых ресурсов, которая как будто отражается уже в документах конца III тыс. до н. э., еще более обострилась в начале II тыс. до н. э. (Adams 2010). Уменьшению числа рабочего населения способствовали, вероятно, и военные конфликты, происходившие непосредственно на территории Южной Месопотамии, и миграция населения.

Цари были заинтересованы в увеличении числа трудового населения на своей территории, в усилении своего влияния на городское население, и прежде всего на городскую элиту. Переселение в столичные города преданной царю элиты, в том числе аморейской, часто происходило по инициативе царя. Цари дарили этим семьям городские участки и поля, поддерживали с ними тесные связи, многие на новом месте сразу занимали очень высокое положение в культовой или административной иерархии²³. Естественный для Месопотамии процесс миграции населения со временем также стал широко использоваться государством (царем) как один из способов усиления политической власти и контроля над городами. С середины 18 в. до н. э. появляется все больше свидетельств того, как администрация переселяет отдельные группы жителей из одного города в другой, при этом переселяемые, по-видимому, сохраняли свой социальный и профессиональный статус. После завоевания юга вавилонским царем Хаммурапи миграция населения становится одним из важных аспектов его государственной политики. Из-за войн, которые вел Вавилон при Хаммурапи, а потом и при его сыне Самсуилуне, в государстве ощущалась нехватка трудового населения, которую вавилонские цари старались восполнить депортацией части жителей с завоеванных территорий ближе к Вавилону.

Несмотря на все вмешательства центральной/царской администрации, города юга в начале II тыс. до н. э. во многом сохраняли прежнюю хозяйственную структуру, основанную на взаимодействии крупных хозяйств, составлявших единую экономическую систему. Сохранялись и отдельные элементы городского самоуправления. В значительной степени это было связано со спецификой внешней среды, с необходимостью постоянных коллективных усилий для создания и поддержания ирригационных систем, с одной стороны, и возможностью получать очень большие урожаи зерновых на орошенных землях — с другой, что создавало достаточно прочный фундамент для стабильного существования городского населения и самих городов.

На протяжении всего III — первой половины II тыс. до н. э. в некоторых самых крупных и богатых городах периодически усиливалось стремление от-

²³ Примеры такого рода упоминаются в документах из разных городов Южной Месопотамии. Район ТА в Ниппуре был заселен новыми обитателями около 1850 г. В это же время здесь был построен один из самых крупных домов (house K, Stone 1987: 41 ff.). Здесь поселилась семья некоего Нинлиль-зиму, генеалогию которой можно проследить по документам на протяжении восьми поколений. Семья владела большой собственностью в Ниппуре, часть которой была получена в дар от царя Исына. Такие же примеры известны из Эшнунны, Ура, Ларсы (см. ниже).

дельных представителей элиты к централизации власти. Правители городов становились царями и, стремясь укрепить свои позиции, старались взять под свой контроль все городское хозяйство и городскую элиту, которая это хозяйство контролировала. Для обоснования такой политики появлялась и соответствующая идеология. Город, патроном которого был главный городской бог и другие боги городского пантеона, получал еще одного божественного покровителя в лице обожествленного царя. Развивался культ царя, ему строились храмы и воздвигались статуи. Сакрализация личности царя проявлялась в датировочных формулах, царских надписях и посвященных царю гимнах и т. п. При этом хозяйственная система, в основных своих чертах/характеристиках оставалась прежней как оптимальная для данной территории. Кто бы ни стоял во главе этой системы — царь или представитель городской олигархии, он оставался ее управителем. Обладая определенным уровнем контроля над хозяйством города и его материальными ресурсами, он, тем не менее, не мог быть его единоличным владельцем или распорядителем.

Глава IX

Практика датирования документов в Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э.

Формуляр клинописных документов. Датирование документов. Кто создавал и утверждал датировочную формулу. По какому принципу отбирались события, достойные быть включенными в датировочную формулу. Каким образом датировка распространялась по всей стране. Менялось ли название года, если царь внезапно умирал и на престол вступал его наследник. Что происходило с датировками в случае насильственной смены династии или завоевания страны другим правителем.

Приложение: запись судебного протокола из Ниппура от 15-го числа VII месяца 1750 г. до н. э. (Stone 1987: № 22).

Формуляр клинописных документов. Огромный письменный материал, которым располагают современные исследователи древней Месопотамии, представлен самыми разнообразными по жанру клинописными текстами, составленными в период от конца IV до конца I тыс. до н. э. Подавляющее большинство из них составляют официальные документы, которые очень условно можно разделить на две большие группы: административные и частноправовые (Рифтин 1937: 7–26). Административно-хозяйственные документы появились в Южной Месопотамии еще в конце IV тыс. до н. э. и в основном представляли собой отчеты о наличии и расходовании ресурсов. Характерным признаком таких документов (различного рода отчетов, списков, записей, удостоверявших какой-либо административно-хозяйственный акт) считается отсутствие в них списка свидетелей¹.

¹ Общее представление о структуре таких документов дают шумерские термины и формулировки, которые чаще всего в них использовались:

Именно формуляр ранних документов, в которых фиксировались расходы хозяйства и особо отмечалась ответственность лица, производившего расход, лег, по-видимому, в основу схемы появившихся позднее частных правовых договоров, таких как купчие, займы и т. п.² Удостоверительную функцию при заключении частных правовых договоров несли такие элементы договора, как клятва³, список свидетелей⁴ и печати, прикладывавшиеся к документу⁵.

Датирование документов. Палеографический анализ и изучение характерных особенностей формы и вида глиняных табличек, на которых в течение нескольких тысячелетий жители Южной Месопотамии записывали различные документы, дают возможность распределить сохранившиеся тексты по определенным историческим периодам и установить примерное время их написания. Однако проблема точной датировки текстов в рамках того или иного исторического периода могла бы остаться неразрешимой, если бы исследователям не помогли в этом сами составители текстов.

Начиная с середины III тыс. до н. э. почти все документы — частноправовые, административные и судебные протоколы, которые обычно не имели строгого формуляра, — датировались⁶. Это было необходимо для контроля за хозяйственной деятельностью и для подтверждения прав контрагентов при возникновении

sag.níg.ga.ra šà.bi.ta — (это) основная сумма, из нее (произведены следующие расходы);

šu.ti.a — взято;

ba.zi — израсходовано;

ba.zi didli — дополнительные расходы;

lal — остаток;

mu.túm — доставлено.

Более подробно о хозяйственных документах см. главу XVIII.

² В первые века II тыс. до н. э. все разновидности правовых сделок в южных городах Месопотамии, за небольшими исключениями локального характера, сводились к единому типу стилизованного делового документа: формуляр такого документа состоял почти исключительно из кратких неизменных оборотов, располагавшихся в определенном порядке один за другим:

объект договора (невеста, ребенок, дом, поле, раб, животные, серебро, продукты и т. п.), имена контрагентов, правовой статус контрагентов относительно объекта сделки, условия сделки (не всегда), гарантийные обязательства сторон (не всегда), клятва, имена свидетелей и писца, дата.

³ В договоре отмечалось, что один или несколько контрагентов принесли клятву (шум. nam.eṣim, акк. *māmitum*) не вчинять иск и не отступать от заключенной сделки. Клялись обычно именем главного городского бога, часто в клятве упоминали и имя правящего царя.

⁴ Характерной особенностью частноправовых документов являлось упоминание в них имен двух или более свидетелей (шум. lú ki.inim.ma, т. е. букв. «человек места слова», акк. *šibu*, т. е. «старик, старейшина»). Список свидетелей стоял в документе после текста договора. Они перечислялись поименно, иногда с указанием имени отца и/или профессии. Перед именем свидетеля ставился предлог «перед» (шум. *igi*; акк. *mahar*) или вертикальный клин.

⁵ К документу прилагала печати та из сторон, которая в зависимости от характера сделки являлась распоряжающейся, отчуждающей или берущей на себя какие-либо обязательства. При займе — должник, при поручительстве — поручитель, при продаже — продавец и т. п. В тех договорах, которые налагали обоюдные обязательства, ставили свои печати обе стороны (при заключении брачного договора, обмене). Печати могли прикладывать также свидетели и лица, не упомянутые в тексте.

⁶ Очень редко дату ставили в письмах (когда эти письма фактически представляли собой отчет о состоянии дел в хозяйстве на определенный момент).

споров или исков. Большинство клинописных документов имеют указания на год их составления, во многих случаях указываются также месяц и день. Вначале обозначение года в датировке содержало только указание на то, каким по счету являлся данный год правления главы города (2-й, 5-й и т. п. год правления PN). Со времени аккадской династии (24–23 вв. до н. э.) изменился характер датировок, которые фиксировали в документах. Возник обычай официально обозначать название нового года по какому-либо важному событию общегосударственного значения, случившемуся в предшествующем году⁷. Эти изменения произошли не случайно и были связаны с изменениями в представлениях о характере управления обществом и постепенным усилением института царской власти в Южной Месопотамии. С этого времени именно деяния царя стали основной темой датировочных формул. Такая система просуществовала до середины II тыс. до н. э. За редким исключением, датировки писали только на шумерском языке.

В конце каждого документа, как административного, так и частноправового, обычно указывали месяц и день его составления и далее название года. Кроме того, писцы периодически составляли списки датировочных формул предшествующих правлений. Эти списки хранились в архивах, переписывались и обновлялись и в настоящее время являются одним из важнейших источников по истории Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. (RLA 2). Письменные памятники этого периода дают возможность составить некоторое представление о том, какой была реальная практика создания и использования датировочных формул.

Кто создавал и утверждал датировочную формулу? На этот вопрос в некоторой степени дает ответ письмо из Мари. Адресатом и корреспондентом этого письма были Ясим-суму и Шунух-рахаль, крупные военачальники и приближенные царя Мари Зимри-Лима (1780–1760), чьи имена хорошо известны из других писем и документов из Мари.

«Шунух-рахалю скажи, говорит Ясим-суму. Относительно наименования (будущего) года ты написал мне следующее: «(Название года должно быть такое:) год после того года, когда царь Зимри-Лим подарил великий трон богу Дагану». Этот трон, однако, так до сих пор и не подарен. Я посылаю табличку царю, в которой говорится: «название года (должно быть следующее:) год, в который царь Зимри-Лим пришел на помощь Вавилону и второй раз выступил против царства Ларсы». Обрати внимание царя на мое письмо и напиши мне ответ» (Oppenheim 1970: 104–5).

Какие предположения можно сделать из содержания этого письма? Формула будущей датировки заранее обсуждается представителями высшей администрации и предлагается царю. Именно царь выносит окончательное решение

⁷ Например, 7-й год правления царя Шульги (2094–2047) назывался «год, когда барка богини Нин-лиль была сооружена», 43-й год того же царя назывался «год, когда город Шашру был разрушен», 8-й год правления царя Амар-Сина (2046–2038) назывался «год, когда жрец-эн в городе Эриду был поставлен (на должность)», 20-й год царя Гунгунума (1932–1905) — «год, когда высокие ворота в городе Уре были построены» (RLA II, 131–196).

по этому вопросу. В названии года, выбранном для датировки, обычно упоминались реальные события, которые уже произошли, однако это не всегда соблюдалось. Иногда, как в данном случае, год назывался по запланированному, но еще не выполненному деянию в надежде, видимо, что оно будет произведено в ближайшее время.

По какому принципу отбирались события, достойные быть включенными в датировочную формулу? Судя по сохранившимся спискам датировочных формул, существовал определенный набор тем, которые могли преимущественно служить для названия года. С небольшими изменениями этот набор тем сохранялся на протяжении всего периода существования такой системы датировок, т. е. с середины III до середины II тыс. до н. э. Чаще всего в датировочных формулах упоминались следующие события:

- 1) военные победы;
- 2) строительство (храмов, городских стен или укреплений);
- 3) принесение даров в храмы (статуи из камня, меди, золота и серебра, иногда украшенные драгоценными камнями, золотые и серебряные троны и пьедесталы, эмблемы богов);
- 4) назначение главных жрецов и жриц в основные храмы государства.

Хотя имя правящего царя в датировках упоминается достаточно редко, совершенно очевидно, что именно царь являлся главным действующим лицом тех событий, которые были сочтены наиболее важными для страны в тот или иной год. Именно царь одерживал военные победы, строил и одаривал храмы, назначал жрецов и жриц в главные храмы страны, и в датировочных формулах отражалось представление о царе как о защитнике и строителе, хранителе единства и процветания страны. Само создание и функционирование на всей территории государства единообразной системы датировок было одним из важных условий такого процветания.

Частные события из жизни царя не могли служить темами для датировок, за исключением случаев, когда такое событие имело общегосударственное значение. Например, в датировках правления царя III династии Ура Шульги упоминается о замужестве его дочерей, которые были выданы за правителей соседних государств Мархаша и Аншан (RLA II, 141). Такие династические браки, целью которых было укрепление дружеских отношений с соседними государствами, естественно, могли считаться значимыми для всей страны. Еще одним событием в жизни царской семьи, которое могло служить темой датировочной формулы, было назначение царских родственников главными жрецами или жрицами важнейших храмов страны.

Старовавилонский период добавил к устоявшемуся набору тем две новые, годы стали называть также по объявлению царских указов об «освобождении» и по проведению масштабных ирригационных работ (RLA II, 164–191). И та и другая проблема были весьма актуальны для этого периода.

Каким образом датировка распространялась по всей стране? Точного ответа на этот вопрос у нас нет, но, вероятно, это был централизованный процесс, который мог занять некоторое время. В начале года писцы, еще

не знавшие новой датировки, могли некоторое время датировать документы по названию предыдущего года, т. е. писали «год после года такого-то». Встречаются примеры, когда писцы, не зная, очевидно, официальной датировки или в ее отсутствие, датировали документы по собственному усмотрению, упоминая в датировочной формуле самое важное, по их мнению, событие года. Чаще всего это происходило в случае внезапной смены правителя.

Менялось ли название года, если царь внезапно умирал и на престол вступал его наследник? Первый год правления нового царя в документах из разных городов Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. обычно обозначался стандартной формулой: «год, когда RN стал царем» (*mu RN lugal.e*). В городе Вавилоне первый год правления представителей I вавилонской (аморейской) династии официально называли так же, но в документах встречается и неофициальная формула, написанная не по-шумерски, а по-аккадски: «год, когда RN в дом своего отца вошел» (*šanat RN ana bīt abišu irubū*). Такие датировки известны для первого года правления вавилонских царей Сабума и Апиль-Сина (RLA II, 176).

Сложнее дело обстояло с датировками последнего года правления, т. е. года, когда правящий царь умирал и на престол вступал другой правитель. Последний год правления (никто, конечно, чаще всего не предполагал, что он будет последним) носил обычное название по событию предшествующего года, но неофициально мог называться в документах и по-другому. Так, последний год правления царя Ларсы Гунгунума (1932–1905) назывался «год, когда канал Бау-ришат был прокопан», но, поскольку Гунгунум в этот год умер, в документе могли написать и такую датировку: «год, когда Гунгунум умер». Первый год преемника Гунгунума Абисаре (1905–1894) официально назывался «год, когда Абисаре стал царем», но пока писцы не знали точного названия, они писали в документах следующую датировку: «год после года, когда канал Бау-ришат был прокопан» (RLA II, 156).

Э. Бикерман, говоря, правда, о более позднем периоде, отмечал, что в Вавилонии отрезок времени между вступлением нового царя на престол и наступлением нового года (1-й день нисанума) назывался «началом царствования», а 1-м годом правления нового царя считался начинавшийся полный календарный год (Бикерман 1975: 61).

Такая же практика, вероятно, существовала в Южной Месопотамии и в первые века II тыс. до н. э. Анализ хозяйственных документов показывает, что в некоторых случаях от последнего года правления того или иного царя сохраняются тексты, датированные почти всеми месяцами года, в том числе и последним, а датировки его наследника появляются с I месяца следующего года. То есть, независимо от того, в каком месяце умер правящий царь, до конца года сохранялась, видимо, прежняя датировка, а новая вступала в силу только с начала нового года. К сожалению, примеров такого рода немного. Документы, датированные I месяцем (*nīsānum*) 1-го года правления нового царя, дошли до нас от Рим-Сина (YOS 8 70), Самсуилуны (YOS 12 3),

Аммицадуки (YOS 13 26). От XII месяца (*addarum*) последнего года правления дошел документ времени Абисаре (Walters 1970: № 17).

Интересные факты, подтверждающие предположение о том, что официально правление нового царя начиналось только с I месяца года, следующего за годом смерти его предшественника, содержатся в одном документе из Ниппура времени Хаммурапи, опубликованном Элизабет Стоун в копии-автографии (Stone 1987: № 22). Текст представляет собой запись судебного спора, которая датирована 15-м днем VII месяца (*tašrītum*) 1750 года до н. э.

Этот год был последним годом правления Хаммурапи, который правил в течение 43 лет, с 1792 по 1750 г. до н. э. Есть основания считать, что Хаммурапи умер не позднее 10-го числа V месяца (*abum*) 1750 г., хотя пока это только гипотеза (Charpen 2004: 243, 333). Вероятно, сразу же после смерти Хаммурапи его сын и наследник Самсуилуна, который давно уже был наместником своего старого отца, написал письмо одному из высших чиновников покойного царя в Южной Месопотамии Этель-пи-Мардуку. Текст этого письма, хотя и несколько поврежденный, сохранился и был опубликован (TCL 17 76; AbB 14 130). В нем Самсуилуна сообщает о смерти своего отца и о том, что в связи с произошедшими событиями он объявил указ об «освобождении» (*mīšārum*): «Таблички долгов я разбил... освобождение я установил по всей стране».

Следствием издания такого указа должно было стать освобождение должников от кабальных долгов, освобождение лиц, проданных в рабство за долги, и возвращение первоначальным владельцам проданной ими недвижимости (Kraus 1958). Издание каждого указа сопровождалось множеством судебных исков, в ходе которых бывшие владельцы недвижимости, не надеясь, очевидно, несмотря на указ, вернуть проданное, пытались получить хотя бы какую-то дополнительную компенсацию (Козырева 1988: 72, 137).

В официальных датировочных формулах Самсуилуны это событие, т. е. установление «освобождения», отражено в датировке 1748 г., 2-го года его правления: «год, когда по указанию великих богов свободу Шумеру и Аккаду он (т. е. царь) установил» (RLA 2, 182). Данная датировка должна указывать на важнейшее событие предшествующего года, т. е. 1-го года правления Самсуилуны (1749 г.). Однако в реальности указ Самсуилуны был оглашен еще в середине 1750 г. до н. э., сразу после смерти его отца Хаммурапи.

Уже в середине VII месяца 1750 года в суде Ниппура разбиралось дело, связанное с появлением этого указа (см. приложение). Судя по содержанию документа, участники спора уже знали не только о смерти Хаммурапи, но и о том, что предпринял его сын и наследник Самсуилуна, т. е. об объявлении указа об «освобождении». Содержание и датировка этого текста дают основание утверждать, что Хаммурапи умер за некоторое время до 15-го числа VII месяца 1750 г. до н. э. Таким образом подтверждается гипотеза Д. Шарпена о том, что Хаммурапи умер не позднее 10-го числа V месяца (*abum*) 1750 г., поскольку к середине VII месяца этого года, как следует из документа, его сын Самсуилуна уже провозгласил указ об «освобождении». И дата написания документа, и само его содержание свидетельствуют, что он был составлен

после смерти Хаммурапи, однако в его датировке сохраняется название последнего года его правления (43-го года Хаммурапи). Эта же датировочная формула содержится и в целом ряде административных документов из Ларсы, написанных в VI, VIII и IX месяцах 1750 г., т. е., по-видимому, уже после смерти Хаммурапи (TCL 11 180–183).

Это подтверждает предположение о том, что при мирной смене царя на престоле в целях сохранения порядка в отчетности датировки меняли только с наступлением I месяца нового года и правление наследника официально начиналось со следующего календарного года.

Что происходило с датировками в случае насильственной смены династии или завоевания страны другим правителем? Известно, что когда в конце III тыс. до н. э. государство III династии Ура стало слабеть и распадаться, именно отказ отдельных городов от использования официальных общегосударственных датировочных формул и установление ими собственных местных датировок стали показателем самостоятельности и независимости этих городов, прекращения их сотрудничества с центральной властью. Таким образом, введение правителем города собственных датировок было подтверждением его независимости, а принятие датировок другого царя — свидетельством подчинения этому царю. Однако на практике этот процесс не всегда был таким прямым и в частных договорах даже после насильственной смены династии могли какое-то время сохраняться старые датировки.

Интересная ситуация с датировками отразилась в документах из Ларсы, составленных в 1835 г. до н. э., единственном году правления царя Цилли-Адада (Козырева 1988: 146 сл.). Цилли-Адад, вступивший на престол в 1835 г., был, предположительно, внуком царя Нур-Адада (1865–1849) и наследовал сыну последнего Син-икишаму (1840–1835). Датировочная формула года вступления его на престол была обычной: «год, когда Цилли-Адад стал царем». Так датированы частноправовые сделки от II и IX месяцев этого года (UET 5 90; YOS 5 117; YOS 14 310). Однако где-то между IX и XII месяцами, по-видимому, произошел дворцовый переворот и Цилли-Адад был свергнут. Новой официальной датировки, вероятно, не было, и писцы сами внесли некоторые коррективы в датировку последних четырех месяцев года. В одних случаях датировка стала звучать так: «Цилли-Адад свергнут с царствования» (UET 5 206, 221, 771; YOS 5 8–11, 54–57), а в других — «Цилли-Адад не стал царем» (СВД 45). Фактически в течение всего года независимо от ситуации использовалась одна и та же стандартная формула с небольшими, но, правда, существенными изменениями. Такой же неофициальный характер носила, возможно, и упомянутая в одном документе датировка последнего года правления царя Исына Липит-Иштара (1934–1922), написанная к тому же не на шумерском, как это было принято, а на аккадском языке: «год, когда Липит-Иштар аморея отбросил (от границ Исына)» (RLA II, 148).

Путаная ситуация с датировками возникла в Ларсе и в 1763 г., когда войска вавилонян, которыми руководил Хаммурапи, завоевали город и царь Ларсы Рим-Син был свергнут. Ход этой военной кампании Хаммурапи известен до-

статочно хорошо. По сведениям, которые содержатся в текстах из Мари, осада Ларсы началась в конце 1764 г. до н. э. и продолжалась около шести месяцев (Miegeor 1993: 59). Город был, вероятно, захвачен вавилонянами незадолго до VI месяца 1763 г., 30-го года правления Хаммурапи. Это могло произойти до 2-го числа V месяца (*abum*) 1763 г. (Charpin 2004: 320, n. 1661). Датировка следующего, 31-го года правления Хаммурапи (1762 г. до н. э.) упоминает события предшествующего года (1763), в том числе завоевание «страны Ямутбал», т. е. Ларсы, и пленение царя Рим-Сина (RLA II, 180).

Документов из Ларсы от 1763 г. — 60 и последнего года правления в Ларсе царя Рим-Сина — сохранилось очень мало. Самый поздний известный нам частноправовой документ (наем работника) из Ларсы, датированный 60-м годом правления Рим-Сина, был составлен в конце V месяца 1763 г. до н. э. (YOS 8 168). Ларса к этому времени была, возможно, уже захвачена войсками Хаммурапи, но использовалась старая датировка, поскольку новой писцы еще не знали, а для участников договора было очень важно правильно зафиксировать время его заключения, чтобы потом не могло возникнуть претензий.

Два самых поздних документа хозяйственной отчетности из Ларсы, упоминающие дату VI месяца 60-го года Рим-Сина (1763 г. до н. э.), были опубликованы А. П. Рифтиным (СВД 121, 122). В одном из них, как считал издатель, упоминается о падении Ларсы. Документы представляют собой отчеты о расходе зерна (СВД 121), сезама и меди (СВД 122). В документе СВД 121 упоминается, если следовать переводу издателя, что часть израсходованного зерна «была взята при падении города», т. е. Ларсы (13–14: *ša i-na li-pi-it a-li il-li-qú-ú*). Эта фраза, по мнению А. П. Рифтина, указывала, что «завоевание произошло еще до шестого месяца последнего года Рим-Сина» (Рифтин 1937: 144).

Д. Эдзард согласился с этим переводом (Edzard 1957: 22–23), но М. Мируп и некоторые другие исследователи сочли перевод ошибочным и дали иное чтение и перевод второму слову этого фрагмента. Они по-другому прочли эти строки (13–14: *ša i-na li-wi-it a-li il-li-qú-ú*) и перевели соответственно «(зерно) из окрестностей города было взято» (CAD L: 193), т. е. знак PI был прочтен ими как WI, что в принципе возможно. Однако анализ структуры и содержания документа дает основания утверждать, что, скорее всего, был прав именно издатель текста А. П. Рифтин.

Обычно такого рода отчетные документы составлялись в конце года. Чем была вызвана необходимость в составлении в каком-то отделении дворцового хозяйства отчетов о расходе продуктов и имеющихся остатках в середине хозяйственного года? Если вавилоняне действительно взяли город в начале V месяца, то отчеты, скорее всего, подготавливались уже для новой администрации, т. е. администрации Хаммурапи. Если же город еще не был взят вавилонянами, зачем у осажденных вообще могла возникнуть надобность в составлении отчетов в середине года?

В этом контексте упоминание о «падении города» выглядит вполне логичным и единственно возможным. Перевести эту фразу «из окрестностей города», как предлагают сейчас, нельзя и исходя из самого жанра отчетного документа.

В расходных документах указывались обычно количество израсходованного продукта и расходные статьи, по которым эти продукты были выданы, в конце документа подводился итог расходам. В таких документах не было и не должно было быть никаких упоминаний о том, откуда берется расходуемый продукт. Так же и в документе СВД 122 (вероятно, черновой или незавершенный отчет того же хозяйства) упоминаются только приход и расход продуктов (зерна, сезама и меди), а также имеющиеся излишки этих продуктов, но не указывается, откуда они взяты.

Смущает дата, упомянутая в обоих документах: «31-й год после того, как Исин был взят». Это официальная датировка 60-го года правления Рим-Сина (1763 г. до н. э.). Казалось бы, если город завоеван Хаммурапи, а правитель города взят в плен, должна была смениться и система датировок: датировочная формула свергнутого царя должна быть заменена датировочной формулой нового. Возможно, именно так произошло ранее в Исине и Ниппуре. В самом начале 1763 г. до н. э. войска вавилонян захватили эти города, и уже с IV месяца этого же года документы здесь стали датировать датировочной формулой 30-го года Хаммурапи (Mieroop 1993: 59) вместо прежней датировки (датировочной формулы 60-го года Рим-Сина).

Однако Ларса была в это время крупнейшим политическим, хозяйственным и административным центром Южной Месопотамии, и вряд ли смена власти прошла здесь так быстро и безболезненно, как в других городах, захваченных вавилонянами. От первых шести месяцев правления Хаммурапи в Ларсе не сохранилось вообще никаких документов. Только в самом конце 1763 г. (28-го числа XII месяца) был записан самый ранний известный нам из Ларсы документ, датированный 30-м годом правления Хаммурапи. К сожалению, издатель привел только краткое описание этого документа, содержащего отчет о расходе зерна за первые шесть месяцев 1763 г. (Arnaud 1976: 62, n. 92). Можно предположить, что и этот документ, составленный уже при Хаммурапи, был одним из отчетов прежней администрации.

От следующего, 1762 г., первого полного года правления Хаммурапи в Ларсе, дошло довольно много документов, самый ранний из которых (хозяйственная запись, связанная с поставкой жертвенных овец в храм Шамаша) датирован 10-м числом I месяца 31-го года Хаммурапи (Arnaud 1978: 268).

Датировки документов из Ларсы первых лет правления здесь Хаммурапи иногда весьма отличаются от официальных вавилонских датировок. Это могло быть связано как с недостатком информации у писцов, так и с попытками сохранить местную традицию датировок. Некоторые писцы могли не знать официальной датировки и указывали на документах стандартную формулу первого года царствования: «Хаммурапи — царь» (Anbar 1978: 3, 9), но даже те, которые знали ее, могли для точности перед вавилонской датировочной формулой также написать «Хаммурапи — царь» (Anbar 1978: 6 — 31-й год Хаммурапи; Anbar, Stol 1991: 7, 8 — 34-й год Хаммурапи и Anbar, Stol 1991: 10 — 40-й год Хаммурапи), поскольку для местного населения, прежде всего писцов, это была обычная формула для первого года правления нового царя. На одной

табличке в датировке написано просто слово «Хаммурапи», но на конверте записана полная дата 32-го года Хаммурапи (Anbar 1978: 17). Иногда, сохраняя местную традицию нумеровать годы, писцы указывали в датировке сначала порядковый номер года правления Хаммурапи в Ларсе (ki 4, ki 6), но далее на табличке или только на конверте приводили официальную датировку (Anbar 1978: 5).

Заключение. Возвращаясь к вопросу о реальной практике использования датировочных формул в Южной Месопотамии в первой половине II тыс. до н. э., можно сказать следующее. Собственная датировка была показателем независимости и самостоятельности государства. Название года заранее выбиралось из традиционного набора тем представителями высшей царской администрации и утверждалось самим царем. В случае смерти царя введенная в начале года датировка сохранялась до конца года и правление его наследника официально начиналось с I месяца нового года. В случае насильственной смены династии датировки иногда меняли, не дожидаясь конца года.

Даже беглый взгляд на списки датировочных формул конца III — первой половины II тыс. до н. э. выявляет существенные различия между ними: с начала II тыс. до н. э. заметно расширяется тематика надписей, появляется тема «справедливого царя» (провозглашение царских указов об «освобождении») и «царя-устроителя сельскохозяйственных земель» (работы по проведению каналов). Меняются и размеры датировочной надписи. Из очень краткой (чаще всего от 2 до 4 слов), содержащей только информацию о событии без каких-либо комментариев или оценок, она превращается в длинное, иногда сложносочиненное предложение.

Если в правление Шульги датировка документов могла быть сформулирована достаточно кратко: «Симуррум побежден», «жрец-эн в Эриду назначен» (RLA 2, 137), то при Рим-Сине такие же по содержанию датировки приняли гораздо более пространную форму (RLA II, 150 ff.). Иногда в названии года стали упоминать сразу несколько событий. Так, датировочная формула 2-го года правления Рим-Сина (1821 г. до н. э.) гласила следующее: «Год, когда храм Адада в Ларсе и храм Бар-уль-эгарра в Зарбилуме он (Рим-Син) построил, а также медную статую Варад-Сина в храм Эгальбара он ввел».

Особенно длинными были датировки, в которых упоминалось о военных победах царя. Так, датировка 30-го года Рим-Сина, увековечившая его победу над главным соперником Ларсы — городом Исином, была следующей: «Год, когда возвышенным оружием Ану, Энлиля и Энки Исин, город царский и все его население, сколько его было, истинный царь Рим-Син завоевал, многочисленному его населению жизнь подарил и имя царствования своего навеки заставил сиять».

Таким образом, из сугубо функциональной формулы, удобной для записи в хозяйственных документах, датировка постепенно превратилась в своеобразную краткую царскую надпись, прославляющую царя и его деяния. Конечно, писцы далеко не всегда выписывали полную формулу, стараясь по возможности ее сократить. В правление царя Ларсы Рим-Сина (1822–1763) такие «пышные»

датировочные формулы использовались первые 30 лет. Позднее, когда территория страны значительно расширилась и были проведены реформы по укреплению центральной власти и централизации управления экономикой, была изменена и система датировок. Годы стали обозначать по порядку номеров начиная с года завоевания Исины, т. е. год 1-й, 10-й, 20-й и т. д. после завоевания Исины. Такая система была, вероятно, удобна и для писцов, и для чиновников, которые работали с документами.

Приложение. Запись судебного протокола из Ниппура от 15-го числа VII месяца 1750 г. до н. э. (Stone 1987: № 22)⁸

1. *a[š-š]um 4 sar é.ki.šub.ba*
2. *ša da é é-a-na-šir*
3. *ù da é sila ša d.EN.ZU-ga-mil*
4. *sag.bi é d.mar.tu-še-mi*
5. *[egir.b]i é wa-tar-pi-ša*
6. *ša d.mar.tu-še-mi*
7. *ki wa-tar-pi-ša*
8. *i-na d.ha-am-mu-ra-bi lugal*
9. *a-na 5 gín kù.babbar*
10. *i-ša-mu-ú-ma [x-x-]šu*
11. *i-tu-ur-ma [wa-tar]-pi-ša*
12. *i-na d.sa-am-su-i-[lu-na] lugal*
13. *ki-ma ši-im-da-at lugal*
14. *é ep-ša-am ib-ku-úr-ma*
15. *um-[ma] šu-ú-ma*
16. *é.[ki.]šub.ba a-di-ma ki.šub.ba.e*
17. *[... n]i-id-di-nu ša(?) qú-ub-bu-su*
18. *k[i]-ma ši-im-da-at šar-ri*
19. *[na?-di?]-na-nam*
20. *[é.ki.šub.ba a]-di-ma ki.šub.ba.e*
21. *[.....]-ma-nim*
22. *[i-na mi]-it-gur-ti-šu*
23. *[x gín] kù.babbar*
- г. 1. *[na-d]i-na-nu-um iš?-qú?-[lu]*
2. *[.....]-a-ma*
3. *i-tu-ur-ma d.mar.tu-še-mi*
4. *a-na wa-tar-pi-ša iš-qú-ul*
5. *u4.kùr.šè wa-tar-pi-ša*
6. *ù ibila.ni a-na me.a.bi*

⁸ Судебных протоколов, касающихся дел о возвращении проданной недвижимости в связи с выходом указов об «освобождении», сохранилось довольно много, и некоторые из них находятся в лучшей сохранности, чем данный текст. Однако этот документ содержит уникальную историческую информацию, и поэтому приведен нами, несмотря на имеющиеся на табличке повреждения.

7. inim nu gá.gá.a
8. mu lugal.bi in.pàd.meš
9. igi a-hu-um ra-bi-a-nu
10. igi ša-na-nu-um
11. igi ì-lí-i-ma dumu 30-gal?.zu?
12. igi a-pil-d.utu dumu nu-úr-d.utu
13. igi d.EN.ZU-šar-ma-tim nimgir
14. igi a-hu-wa-qar dumu šu-ba-AN(?) -ili
15. igi be-la-nu-um dumu a-pil-ša
16. igi ip-qú-d.nin.šubur šabra(?)
17. igi [...] x-x dub.sar
18. iti dúl.kù u4 15 kam
19. mu ud.kib.nun.ki uru.ki ul
20. [d.ut]u.kè
21. [bàd.bi] sahar.gal.ta
22. [...] -ma mu.un.gá.ar.ra.aš

Перевод:

«(Иск) относительно (участка в) 140 кв. м (занятого) разрушенным строением, что возле дома Эа-нацира и возле дома (на) улице, принадлежащего Сингамилу; передняя сторона его (т. е. участка) — дом Амурру-шеми, задняя сторона его — дом Ватар-пиша, который Амурру-шеми у Ватар-пиша при Хаммурапи, царе, за 5 сиклей серебра купил и [...] его вернул.

Ватар-пиша при Самсуилуне, царе, в соответствии с указом царя, (факт) строительства дома оспорил и (на суде) сказал так:

“Разрушенные строения так и остаются (букв. «до сих пор являются») разрушенными, [...] продали ему (?)”.

(Это) жалоба его.

В соответствии с царским указом [...]про]давцу, (поскольку) [разрушенный участок до сих] пор остается разрушенным, [...] по] своей воле [х сиклей] серебра, [...] про]давец ..., и вернул, Амурру-шеми Ватар-пиша (это серебро) отвесил.

В (том, что в) будущем (ни) Ватар-пиша, (ни) его наследники, кто бы то ни был, судебное дело (относительно участка) не будут возбуждать, именем царя своего они поклялись.

Перед Ахумом, старостой,
перед Шананумом,
перед Илима, сыном Син-ГАЛ.ЗУ,
перед Апиль-Шамашем, сыном Нур-Шамаша,
перед Син-шар-матим, глашатаем,
перед Аху-вакаром, сыном Шубан-или,
перед Беланумом, сыном Апильша,
перед Ипку-Ниншубур, глашатаем (?),
[перед ...], писцом.

Месяц ташриту, день 15-й. Год, когда в Сиппаре, городе священном [бога Шам]аша, у стен его великую земляную насыпь [...] и соорудил (43-й год Хаммурапи)».

Содержание документа. В правление Хаммурапи некий Амурру-шеми, житель Ниппура, купил у своего соседа Ватар-пиша заброшенный городской участок площадью около 140 кв. м, который располагался между его домом и домом продавца. За этот участок Амурру-шеми заплатил 5 сиклей серебра. Как указано в документе, покупатель приобрел этот участок для застройки. К середине 1750 г., если мы правильно понимаем этот текст, участок по-прежнему оставался заброшенным. Продавец, узнав (скорее всего, услышав от глашатая) о смерти Хаммурапи и намерении Самсуилуны объявить указ об «освобождении», в соответствии с которым можно было (хотя бы теоретически) вернуть проданную недвижимость, сразу же обратился в суд с требованием компенсации. Одним из аргументов, который он привел в свою пользу, был, по-видимому, тот факт, что покупатель так и не застроил купленный участок. Истцу удалось получить компенсацию от ответчика, сколько-то сиклей серебра, точная сумма остается неизвестной, поскольку документ поврежден. Запись этого судебного протокола датирована 43-м, последним годом правления Хаммурапи, но была составлена, очевидно, в тот период, когда царь Хаммурапи уже умер, а его сын и наследник Самсуилуна объявил указ об «освобождении».

Глава X

Города Исин и Эшнунна на рубеже III и II тыс. до н. э.

Города Южной Месопотамии в конце III — начале II тыс. до н. э. Город Исин. Архив кожевенной мастерской. Сведения об амореях в документах мастерской. Город Эшнунна. Правители Эшнунны конца III — начала II тыс. до н. э. Отношения с амореями. Аморецкие кварталы в Эшнунне. Отношения с амореями в правление царя Билаламы.

Приложение: текст «An Old Babylonian List of Amorites» (Gelb 1968).

В течение примерно 250 лет после падения государства III династии Ура значительная часть городского населения Южной Месопотамии продолжала существовать в давно сложившихся и в основном неизменных условиях социума, экономики, политики. Города в отсутствие централизованной политической власти, объединявшей всю территорию аллювия, использовали традиционные формы хозяйственного и социального устройства, стараясь выжить самостоятельно. Однако исторический контекст, в рамках которого эти города некогда сформировались и существовали на протяжении предшествующего тысячелетия, с начала II тыс. до н. э. стал заметно меняться. Одним из важных факторов, ускорявших этот процесс, был массовый приход нового населения, которое постепенно занимало все новые территории вокруг городов и захватывало ведущие позиции в структурах власти, в том числе самых высших.

В то время как управление хозяйственной деятельностью и распоряжение материальными ресурсами по-прежнему находилось в руках городов и городской элиты, важнейшие рычаги политической и военной силы в Южной Месопотамии постепенно оказались у вождей аморецких племен, военные отряды которых контролировали окружающие города территории, постепенно

обживавшиеся представителями этих племен. Правители и население городов были заинтересованы в дружественных отношениях с аморейскими вождями, надеясь на их защиту в случае появления других племен и на возможность продолжать при их поддержке традиционный образ жизни (Whiting 1987). Письменные источники начала II тыс. до н. э. — многочисленные административно-хозяйственные, юридические документы, письма — содержат сведения о дипломатических контактах правителей городов с вождями дружественных аморейских племен, о династических браках, заключавшихся между семьями правителей и представителями аморейской аристократии, и о военных столкновениях с враждебными племенами (Козырева 2001).

Археологический и письменный материал из ряда городов Южной Месопотамии, таких как Исин, Эшнунна, Ниппур, Ур, Ларса, Урук, отражает в определенной степени процесс заселения амореями этих городов и взаимодействия городской и аморейской элиты.

Исин в конце III тыс. до н. э. Именно город Исин занял лидирующее положение в Южной Месопотамии в самом конце III тыс. до н. э. Где-то после 2020 г. до н. э., когда государство III династии Ура находилось уже в состоянии экономического и политического кризиса, последний царь династии Иббисин послал на север одного из своих высших чиновников, Ишби-Эрру, поручив ему закупить зерно в северных городах и доставить его в голодающую столицу, город Ур. Однако Ишби-Эрра, воспользовавшись слабостью центральной власти, решил отделиться от Ура и стал самовластно править в богатом и древнем городе Исине. Город располагался на небольшом боковом канале, отходившем от Евфрата к северу от Ниппура (Исиннитум). Эта изолированная позиция содержала потенциальный риск для Исина, поскольку враги могли блокировать канал и отрезать город от водоснабжения. И действительно, один из более поздних царей Ларсы — Сумуэль — сделал такую попытку (см. ниже). В правление Ишби-Эрры (2017–1985) Исин контролировал значительную часть территории Южной Месопотамии с главными водными потоками, которые вели с севера на юг. Цари основанной им династии позиционировали себя как законные преемники и продолжатели политики государства Ур III. Династия продолжала следовать традициям Ура в управлении, идеологии и пропаганде, а также и в сфере экономики и налоговой политики. Город Исин стал тем центром, куда стекались ресурсы со всех подвластных ему территорий.

Со временем правители Исина стали контролировать большую часть территории, которая ранее входила в состав государства Ур III, в том числе главный культовый центр государства город Ниппур, а после 2004 г. до н. э. и прежнюю столицу государства, город Ур. Некоторое время под их контролем также находились такие города, как Ларса и Урук на юге и Эшнунна и Киш на севере.

Время единоличного доминирования Исина в Южной Месопотамии закончилось во второй половине 20 в. до н. э. К этому времени в регионе уже сформировалось несколько небольших политических структур во главе с незави-

симыми аморейскими правителями. Большинство из них были, видимо, основаны лидерами местных западносемитских групп в небольших городах, и их кратковременное существование не оставило никаких или почти никаких следов. Однако некоторые, более сильные, стали представлять для Исина серьезную конкуренцию. Постепенно главным соперником Исина в борьбе за лидерство в Южной Месопотамии стала династия, правившая в древнем городе Ларса. Примерно в 1923 г. до н. э. правитель Ларсы захватил контроль над древней столицей — Уром. Соперничество династий Исина и Ларсы продолжалось еще более ста лет, пока в 1792 г. Исин не был окончательно побежден и присоединен к территории Ларсы¹.

Исин — единственный из городов Южной Месопотамии, сохранившийся документальный материал из которого освещает в определенной степени самый ранний этап того периода (конец 21 в. до н. э.), когда государство III династии Ура доживало последние годы и все большее число крупных южномесопотамских городов вновь становились независимыми и самостоятельными. Документальный материал из Исина составляют две группы текстов. Первая группа — тексты, написанные от имени основателя I династии Исина Ишби-Эрры (2017–1985) и его сына Шу-илишу (1984–1975). Среди них письма Ишби-Эрры к Ибби-Сину, царю Ура, и официальные надписи Ишби-Эрры сначала как правителя, а затем и как царя города Исина, а также надписи, составленные от имени его сына и преемника (RIME 2). Вторая группа текстов представлена почти исключительно административно-хозяйственными записями, зафиксировавшими деятельность какой-то крупной хозяйственной структуры, скорее всего, связанной с царским дворцом (Mieroop 1987: xiii). В них помимо данных о хозяйственной деятельности содержатся и некоторые косвенные сведения о реальных событиях того времени, в том числе и связанных с амореями, присутствие которых и в повседневной, и в политической жизни города Исина в это время было, по-видимому, уже вполне привычным.

Архив кожевенной мастерской. Значительная группа административно-хозяйственных документов, в которых периодически упоминаются амореи, происходит из архива небольшой ремесленной мастерской (шум. *giš.kin.ti*), существовавшей в городе Исине, вероятно, еще при царях III династии Ура и продолжившей свою работу при первом царе новой династии Ишби-Эрре и его сыне и преемнике Шу-илишу². Сохранившиеся документы, судя по их датировкам,

¹ Позднее Исин вошел в состав Вавилонского царства и сильно пострадал при сыне Хаммурапи Самсуилуне, когда в 1739 г. до н. э. царь усмирлял мятеж южных городов. Произшедшее при этом разрушение оросительной системы сильно затронуло Исин, так же как и Ниппур, и после 1720 г. до н. э. эти города были покинуты жителями и заброшены на несколько столетий.

² Эта группа текстов из Исина насчитывает примерно 1000 табличек, датированных правлением Ишби-Эрры и первыми годами правления его сына Шу-илишу. Документы были приобретены в 30–40-е гг. прошлого века от частных антикваров для коллекции Дж. Б. Найса, ныне хранящейся в Университете Йеля, США. Большая часть этих текстов была опубликована в автографии, прорисовке, в девятом и десятом томах серии Вавилонских надписей, издаваемой Йельским университетом (BIN 9, 10), около 30 документов опубликованы в работе Дж. Ферверда (Ferwerda 1985) и еще около

охватывают период с 2011 по 1981 г. до н. э. Тщательное изучение этого архива позволило исследователям в значительной степени восстановить действовавшие здесь процессы производства и управления (Buccellati 1966; Ferwerda 1985; Mieroop 1987).

Мастерская, архив которой дошел до нас, была, по-видимому, одной из многих ремесленных мастерских города Исина и, скорее всего, находилась под контролем центральной администрации. Здесь работало 2–3 десятка опытных мастеров (плотники, кожевники, плетельщики тростника, валяльщики шерсти), которые занимались обработкой и окраской кожи, шерсти, тростника. Из этих материалов они изготавливали самые разные изделия — обувь, сумки, мешки, детали и покрытия для щитов, музыкальных инструментов, мебели и т. п. Очень востребованными были различного рода кожаные и плетеные короба для хранения вещей, в том числе одежды, а также обувь и специальные кожаные сосуды для воды, которыми, в частности, снабжались гонцы.

В мастерской велся традиционный для хозяйственной системы Южной Месопотамии тщательный учет поступавших материалов, изготовленной продукции и распределения готовых изделий. Тексты архива отражают все стадии работы мастерской в разной степени детализации: получение исходных материалов, распределение их между мастерами, получение от мастеров готовой продукции и распределение готовой продукции между потребителями. Именно эта последняя стадия документирована наиболее подробно.

Мастерская снабжала своей продукцией (сосуды, мешки, подносы, решета для просеивания муки, мебель) другие отделения центрального хозяйства — кухню, маслобойню, мельницу, откормочное хозяйство. Часть изделий (одежда, обувь, предметы мебели, детали для колесниц, музыкальные инструменты, сосуды) поступала в царский дворец, храмы и направлялась в качестве официальных даров дружественным Исину царям и правителям (Mieroop 1987: 108–109). В отчетных записях после перечня предметов, составлявших такие дары, выписывался специальный термин, обозначающий «официальное приношение» (шум. *níg.šu.tag4.a*, акк. *šūbultum*)³. Зафиксированные в расходных записях сведения о распределении готовой продукции проливают некоторый свет на отношения и связи правителей Исина с другими городами и территориями Месопотамии и соседних регионов, в том числе с амореями.

Изделия мастерской отправляли в качестве дипломатических даров в соседние с Исином города, над которыми цари Исина постепенно устанавливали свой

50 — в различных других изданиях (Ferwerda 1985: № 3–4; Mieroop 1987: № 2–5). Транслитерация и перевод некоторых текстов архива опубликованы в монографиях М. Мирупа и Дж. Ферверда (Ferwerda 1985; Mieroop 1987).

³ В архиве исинской мастерской за период примерно в 24 года сохранилось не менее 35 документов, зафиксировавших отправку изделий мастерской в качестве официальных даров (BIN 9, 10; Ferwerda 1985). За это время официальные дары в виде изделий мастерской отправляли в Мари (BIN 9 324), Барсиппу (BIN 9 452), на остров Дильмун (BIN 9 391). Место назначения даров почти всегда указывалось в документах в виде топонима, названия города или страны. Несколько документов из этой группы повреждены, и место, куда направлялись дары, остается неизвестным (BIN 9 233, 403, 491).

контроль, а также в более отдаленные крупные города, связанные с Исином торговыми и политическими отношениями, такие как Мари, Киш, Барсиппа, Ниппур, Ур, Урук, Ларса. Особенно тесными, судя по отчетным документам мастерской, были связи Исины с городом Ниппуром, который сохранял свое положение главного культового центра Южной Месопотамии. Новой династии необходим был контроль над Ниппуром для укрепления своей легитимности и поддержания претензий на роль преемника III династии Ура. Этот контроль был установлен, по-видимому, около 2012 г. до н. э. Именно с этого времени Ниппур все чаще фигурирует в отчетных документах мастерской. Возможно, один из складов этой мастерской (*é kišib.ba*), откуда изделия передавались правителю Ниппура (*ensi*), в ниппурские храмы, а также царю Исины и его родственникам, когда те посещали храмы священного города, находился в самом Ниппуре (Mieroop 1987: 108–116).

Сведения об амореях в документах мастерской. В отчетных документах кожевенной мастерской периодически упоминаются аморейские имена собственные и термин «амореи» (*mar.tu*). В 850 опубликованных в автографиях текстах архива этот термин упоминается 49 раз (см. индексы к BIN 9, 10), т. е. примерно в 5 % текстов. В то же время аморейские имена собственные (не всегда сопровождаемые в тексте этнонимом *mar.tu*) составляют чуть более 10 % от всех имен собственных, встречающихся в текстах архива (Buccellati 1966: 125–185). Всего в текстах архива упоминается более 50 имен амореев, которые получали изделия этой мастерской.

Чаще всего в отчетных документах упоминаются выдачи обуви и сосудов для воды амореям, которые служили гонцами. Кроме того, отдельным представителям амореев, в том числе и гонцам, выдавали или посылали такие изделия из мастерской, как кожаные мешки, сумки, короба различных размеров. Поскольку мастерская изготавливала эти контейнеры, она, естественно, отчитывалась и в их распределении, но вряд ли контейнеры отправлялись пустыми. Скорее такие изделия мастерской служили не столько дарами, сколько емкостями для помещения собственно даров: одежды, тканей, ювелирных изделий. Некоторые амореи упоминаются в документах мастерской как получатели дорогих кож, специальным образом выделанных или окрашенных (BIN 9 372, 388), драгоценной мебели, украшенной металлическими деталями, кожаных и деревянных деталей для упряжи и колесниц, оружия (BIN 9 225, 227).

Более 20 расходных документов архива зафиксировали отправку официальных даров отдельным лицам из числа амореев, которых в этих текстах обычно называли по имени собственному, сопровождаемому этнонимом. Место назначения даров при этом обозначалось не с помощью устойчивого топонима, как, например, в случаях с посылкой даров в Мари или на остров Дильмун, а просто как «земля/место амореев» (*ki mar.tu.e.ne*)⁴. Только в одном документе этой

⁴ Документы (BIN 9 224, 242, 272, 369), в которых нет указаний на место, куда направлялись изделия, скорее всего, тоже подразумевали, что дары предназначены амореям. См.: Buccellati 1966: 308, n. 105.

группы (BIN 9 390, 12–14) содержится более подробное указание, но это тоже не топоним, а скорее некоторое уточнение: «в горы, землю/место Шамамума, аморея» (см. ниже).

Трудно судить, насколько полно сохранился данный архив, но по имеющимся документам в этот период официальные дары в виде разнообразных изделий из кожи отправлялись амореям как минимум один-два раза в год, а в некоторые годы и чаще. От 26-го года правления Ишби-Эрры, т. е. 1991 г. до н. э., сохранилось пять записей об отправке таких даров (BIN 9 282, 290, 301, 395, 400). В первые три года правления Шу-илишу, его сына, дары амореям в виде изделий данной мастерской посылались не менее двух раз в год. Как обстояли дела позднее, сказать сложно, поскольку на этом архив обрывается.

В соответствии с традиционным формуляром отчетных записей по поводу передачи готовых изделий после перечисления количества и вида переданных предметов указывалось, кто являлся их получателем. В документах, связанных с амореями, чаще всего использовалась формулировка «для амореев» (*mar.tu.ne.šè*) (BIN 9 227, 271, 282, 383, 395). В некоторых случаях указывалось имя получателя с отметкой «аморей» (*PN mar.tu*) (BIN 9 225, 240, 372), а иногда, хотя имя было явно аморейское, и без такой отметки.

Особый интерес представляют отчетные записи, по которым официальные дары получали целые группы амореев от 15 до 40 человек, перечисленные по именам. В архиве сохранилось несколько записей такого рода от 2007 г. (BIN 9 408), 2005 г. (BIN 9 316) и 1992 г. (Ferwerda 1985: № 18). В первом случае 15 амореев получили кожаные изделия, изготовленные из 45 овечьих шкур. Получатели разделены на 4 группы от 3 до 5 человек в каждой. За правильность выдачи изделий каждой из групп отвечал отдельный чиновник-контролер (*gir*). Второй документ был составлен через два года после первого по такой же схеме. В нем перечислены уже более 40 имен получателей, разделенных на 9 групп по 4–5 человек, с отдельным чиновником-контролером для каждой группы. Среди 9 чиновников, фигурирующих во втором документе, четверо те же самые, чьи имена фигурируют и в более раннем документе, к ним добавлены еще пятеро, по-видимому, в связи с увеличением числа получателей.

Интересно, что в обоих документах, разделенных двумя годами, повторяются не только имена чиновников, ответственных за выдачи амореям, но и имена самих амореев, выдачи которым находились под контролем именно данного чиновника. Например, в обоих документах в группе, которую контролирует чиновник по имени Иддин-Син, фигурируют такие имена, как Напшанум, Марацум, Буганум. В обоих списках среди имен получателей упоминаются Иланум, Метеум, Милкилил и ряд других. К сожалению, оба документа частично повреждены и сделать абсолютно точное сравнение имен в группах невозможно, но и приведенные свидетельства говорят о длительных и постоянных контактах государственных структур Исина в лице чиновников мастерской с определенной группой амореев.

Отправка и вручение официальных даров носили, вероятно, достаточно регулярный характер. Кроме того, изделия мастерской иногда передавали от-

дельным лицам из числа амореев в качестве даров, по-видимому, как специальное вознаграждение по определенному случаю⁵. При этом после перечня изделий иногда могли написать уточняющее слово «дар» (шум. *níg.ba*, акк. *qīštum*) (BIN 9 152, 372, 388) или «дар царя» (*níg.ba lugal*) (BIN 10 118) и далее указывали имя того, кому этот подарок предназначался⁶. Причины, по которым делались такие дары, в документах обычно не упоминались. Единственный документ архива, где как будто указывается причина посылки даров, упоминает такую ситуацию: «890 шкур (выделанных в виде мешков) для хранения серебра передано в подарок амореям за то, что они помогли разгромить эламтян»⁷. Документ (BIN 9 152) датирован 2005 г. до н. э. (12-й год Ишби-Эрры), т. е. он был составлен незадолго до того, как эламтяне захватили и разрушили город Ур. Государство Ур III к этому времени окончательно распалось, и эламские войска совершали набеги не только на восточные, но и на центральные и западные территории аллювия. Ишби-Эрра отражал эти набеги с помощью аморейских отрядов, позднее, в 1987 г. до н. э., он с помощью амореев освободил город Ур от семилетней оккупации эламтянами.

О том, какое положение занимали амореи, получавшие изделия из мастерской, можно судить только по косвенным данным. Особо дорогие изделия получали представители аморейской элиты, такие как Амирум (ему был передан драгоценный стул-паланкин, отделанный бронзой) (Ferwerda 1985: № 8), Хамимум (получивший оружие-*zamirītum* BIN 10 118). Однако, кроме имени, об этих двоих ничего более не известно. Три раза среди получателей изделий мастерской упоминается имя Милкилила (BIN 9 408 2007, 316 2005, 256 1995), четыре раза имя Иланума (BIN 9 408 2007, 316 2005, 225 2003, 190). Помимо обычных кожаных коробов и обуви мастерская изготавливала для них детали упряжи и колесниц.

Шамамум. Из аморейских имен собственных чаще всего в документах архива упоминается имя Шамамума. Он фигурирует в 9 документах, составленных в период с 2006 по 1984 г. до н. э., т. е. охватывающих период более 20 лет. После 1981 г. архив, к сожалению, обрывается. В пяти случаях изделия

⁵ Сохранилась расходная запись, согласно которой некоему аморею по имени Энусум в качестве подарка предоставили рабыню аморейского происхождения (*m.ma-nu-a-tum sal kur.mar.tu níg.ba e-nu-sum mar.tu.še*) (BIN 10 146 1–2, 22 год Ишби-Эрры).

⁶ Сложность перевода термина *níg.ba* в том, что у определения, которое его сопровождает, падежные окончания обычно не выписываются, и судить о том, как правильно перевести, «подарок такого-то» или «подарок такому-то», можно только по контексту.

⁷ Р. Вайтинг предполагает, что амореям было передано в дар 890 овечьих шкур, которые потребовались «для заворачивания серебра», подаренного им в виде благодарности за помощь, оказанную царю Исина в борьбе с эламтянами (Whiting 1987: 25). Однако передача такого количества серебра, для хранения которого потребовалось 890 овечьих шкур, представляется маловероятной. Трудно предположить и то, что серебро «заворачивали» в шкуры. В документах того времени упоминания о значительных суммах серебра, превышающих 1 мину (0,5 кг), встречаются только в годовых отчетах государственного хозяйства (TCL 10 17; YOS 5 207). Скорее эти шкуры были выделаны в мастерской в виде больших кошел, в которых хранили в том числе и серебро, и амореям подарили именно такие кошел. Во всяком случае, из документа ясно, что амореи оказали военную поддержку Исину и были за это вознаграждены.

мастерской (короба для одежды, обувь) передаются Шамамуму и другим лицам в качестве «официальных даров» (BIN 9 316, 383, 390, 423, 425). При этом в тексте документа после имен получателей даров ставится этноним «аморей» (mar.tu) и упоминаются гонцы (lú kin.gi4.a) или гонцы царя (lú kin.gi4.a lugal), очевидно, назначенные доставить эти дары. В двух случаях упоминаются и гонцы самого Шамамуму, которых он, видимо, периодически присылал в Исин за дарами.

Самый ранний документ датирован началом 2005 г. до н. э. Это единственный документ, где упоминаются амореи, в котором после перечня изделий содержится относительно четкое указание на место назначения: «гонцы царя в горы, землю Шамамуму, аморея, пойдут» (BIN 9 390 12–14. lú kin.gi4.a lugal hur.sag ki ša-ta-mi-ut mar.tu.šè gin.na.me). Где находились эти «горы», можно только предполагать. Обычно места обитания амореев связывают с плоскогорьем Джебель Бишри. Гора в связи с амореями упоминается также в одном письме того же времени из Эшнунны (Whiting 1987: 69). В других документах этой группы, составленных позднее, точных указаний на место назначения официальных даров уже нет.

Еще четыре документа из архива, где встречается имя Шамамуму, представляют собой отчетные записи о передаче изделий мастерской ему и членам его семьи (BIN 9 224, 276, 326, 406). В этих записях нет упоминаний об официальных дарах, гонцах, и, что представляется существенным, в них отсутствует этноним mar.tu после имени Шамамуму. Возможно, эти документы зафиксировали передачу изделий непосредственно самому Шамамуму и его жене, Интинум, когда они приезжали в Исин в качестве официальных гостей. В одном случае имена Шамамуму и его жены возглавляют список из восьми аморейских имен; прочие принадлежали, очевидно, лицам, сопровождавшим супругов в ходе визита. Эти люди получили из мастерской кожаные короба для хранения одежды (BIN 9 224 — 1987).

Гаушум. В начале 1993 г. до н. э. из мастерской в «землю амореев» были посланы официальные дары двум лицам, одним из которых был Гаушум, аморей (BIN 9 409). Через год, в начале 1992 года, Гаушум с супругой и еще 14 человек получили из мастерской по одному кожаному сосуду и кожаному коробу для хранения одежды (Ferwerda 1985: № 18). В расходной записи, составленной по этому случаю, как и в документе BIN 9 224, упоминавшемся выше, ничего не говорится об официальных дарах и гонцах, а при именах, несомненно аморейских, нет этнонимов. Вероятно, и в этом случае передача изделий мастерской производилась непосредственно в руки получателей, находившихся в это время в Исине. В 1987–1985 гг. до н. э. в мастерской не менее трех раз изготавливались различные деревянные и кожаные детали для колесницы (шум. giš.gigir, акк. *narkabtum*) Гаушума (BIN 9 187, 191; 10 86). Надо полагать, такого рода работы производились по специальному заказу.

Усиум. Это имя в архиве мастерской фигурирует шесть раз в документах, датированных с 2007 по 1994 г. до н. э. Два раза он упоминается как получающий официальные дары (BIN 9 408 — 2007; BIN 9 395 — 1994). Причем если

в первом случае он — первый из 15 получателей, то во втором случае в отчетном документе перечисляются изделия, которые мастерская выдала как официальный дар именно для Усиума. Этот перечень занимает более 25 строк, в нем упомянуты различного рода емкости или контейнеры из кожи, дерева и тростника, которые служили, вероятно, хранилищами для самих даров: одежды, тканей, ювелирных изделий. После этого списка официальных даров для Усиума (níg.šú.tag4.a ki ú-si-i mar.tu.šè) перечислены расходы на обеспечение четырех гонцов, которые должны доставить эти дары. Каждый гонец получил по паре сандалий и по одному кожаному сосуду для воды. Один из гонцов был работником мастерской, а трое были присланы в Исин самим Усиумом. Еще три документа архива, в которых упоминается это имя, также связаны с расходами на обеспечение сандалиями и сосудами для воды гонцов (от одного до трех человек), которых Усиум, судя по всему, периодически присылал в Исин за дарами (BIN 9 39, 324–326).

Несомненно, что люди, получавшие дары, имена которых были упомянуты выше, были представителями аморейской элиты, хотя никакие титулы или должностные звания рядом с их именами не упоминаются. Только один раз в документах архива имя аморея сопровождается указанием на его статус. Некий Бирбирум, имя которого дважды встречается в отчетных документах за 1987 г. до н. э., в одном из них назван рабианумом (BIN 9 392; 199 8-9 *bir5-bi-ru-ma ra-bi-a-nu-um-ma*). Таким аккадским термином, обозначающим управителя городской или сельской структуры, местная городская администрация или местное население называли, по-видимому, представителя аморейской знати, возможно, главу или вождя племенной группы (Stol 1976: 73)⁸.

Большинство аморейских имен собственных упоминается в отчетных записях архива всего один-два раза, и никакими другими сведениями об этих людях мы не располагаем, кроме того что в определенный момент они получали какие-то изделия из данной мастерской. О многом, правда, говорит сам характер получаемых изделий.

Лица, которые получали со складов мастерской пару сандалий и сосуд для воды, были, скорее всего, гонцами, даже если в тексте нет точного указания на это (BIN 9 39, 325, 326, 382, 395, 421). Такие гонцы относили дары, которыми обменивались какие-то аморейские структуры и правители Исины, сопровождали торговые караваны, выступая в роли проводников. Группы амореев, вероятно, состояли и на военной службе при правителях Исины. Сохранились два документа, возможно, не входившие в архив мастерской, которые зафиксировали выдачи продуктов амореям (Ferwerda 1985: № 16; BIN 9 509). Первый документ был составлен в начале XI месяца 1993 г. до н. э. (27-й год Ишби-Эрры). Согласно этой записи амореи, которые были заняты, очевидно, охраной города Исины (ki en.nu.gá šà ì-si-in-na), получили 12 кувшинов «пивного хлеба» (сухого

⁸ Даже захватив власть и основав свои династии в городах, аморейские вожди какое-то время продолжали называть себя в официальных надписях титулом рабианум. Позднее в некоторых случаях употребляли двойной титул: царь города GN, рабианум страны амореев (Stol 1976: 87–88).

пивного концентрата), на изготовление которого пошло 216 л ячменя и 360 л ячменной муки. От XII месяца того же года сохранилась запись о выдаче амореям одного кувшина «пивного хлеба» и 16 л ячменной муки. В обоих случаях использован термин «служебный рацион» (*ša.gal*, акк. *ukullū*), которым обозначали выдачи продуктов питания воинам, лицам, занятым на общественных работах, работникам крупных хозяйств, в том числе рабам.

По всей видимости, не всегда отношения с амореями (или не со всеми группами амореев?) были мирными. Девятый год правления Ишби-Эрры (2012 г. до н. э.) имел датировку «год, когда город амореев был разрушен» (*tu uru.ki mar.tu ba.hul*), а следующий, восьмой, назывался «год, после (того года, когда) город амореев был разрушен» (Mieroop 1987: 127).

Прямых данных об амореях в составе собственно городского населения Исины этого времени у нас нет в связи со спецификой документального материала. Однако, судя по именам собственным постоянных работников мастерской, среди них были и лица аморейского происхождения. Названия профессий и должностей, сопровождающие их имена (плотник, кожевник, контролер), говорят о том, что эти люди занимали достаточно прочное положение в ремесленной и бюрократической среде города⁹.

Сведения об амореях, которые содержатся в документах архива ремесленной мастерской, хотя и носят косвенный характер, указывают на то, что не только амореи были весьма заинтересованы в получении изделий данной мастерской, но и Исинское государство — в поддержании регулярных дружественных отношений с данной группой амореев. Судя по документам архива, цари Исины в течение многих десятилетий поддерживали дружественные отношения с вождями одного из аморейских племен. Эта группа амореев, по-видимому, постоянно жила на одном и том же месте, сравнительно недалеко от города Исины. Представители аморейской элиты получали многочисленные дары от царя и его администрации и использовали исинские мастерские для выполнения своих заказов. В свою очередь, в случае необходимости амореи оказывали городу военную поддержку. Некоторые амореи, вероятно, находились на постоянной службе у правителей Исины в качестве гонцов, воинов, проводников торговых караванов. Судя по именам некоторых работников мастерской, небольшое число амореев было уже и среди постоянного городского населения Исины.

Все аморейские имена, которые встречаются в документах архива, за небольшим исключением, не носят никаких следов аккадского влияния (Buccellati 1966: 101–124). Это подтверждает тот факт, что данная группа амореев в основной своей массе не принадлежала к числу городских жителей, а продолжала вести привычный образ жизни. Те ее представители, которые все-таки поселились в Исине, скорее всего, только начинали свою «городскую жизнь», поскольку второе поколение амореев-горожан носило обычно уже аккадские или аккадизированные имена.

⁹ *munānum* nagar (BIN 9 533, 4); *šulānum* ašgab (BIN 9533 15); *šulānum* gir (BIN 9 267, 5).

Архивы кожевенной мастерской обрываются в 1981 г. до н. э., возможно, в связи с неблагоприятной политической обстановкой, которая сложилась к тому времени во всей Южной Месопотамии. Однако имена некоторых амореев, упомянутых в этом архиве, встречаются в царских архивах из другого города, располагавшегося на северо-восточной окраине региона, — Эшнунны.

Город Эшнунна. Источники. Раскопки в Эшнунне (Телль Асмар) начались в 30-е гг. 20 в. н. э. под руководством Генри Франкфорта. Из зданий первой половины II тыс. до н. э. здесь были исследованы царский дворец и большой храмовый комплекс, в которых было найдено около 1500 клинописных документов конца III — начала II тыс. до н. э. Остальная территория города была изучена только в самом общем плане с помощью зондажа и траншей. В ходе раскопок были найдены еще около 150 табличек (Whiting 1987: 1).

Судя по плану, представленному археологами, уже с начала III тыс. здесь существовал город, окруженный стеной. Сохранившиеся остатки этой стены были найдены археологами в нескольких местах. В конце III и особенно в начале II тыс. до н. э. город значительно расширился в направлении с северо-востока на юго-запад, образовав новые районы, по площади в несколько раз превышавшие старый город (Postgate 1992: 77). Расширение границ во многом было вызвано значительным увеличением числа городского населения в связи с усилившимся политическим значением города Эшнунны в это время.

Немалую роль в этом усилении сыграло местоположение города. Эшнунна была по существу главными северо-восточными «воротами» Южной Месопотамии. Здесь был перекресток важнейших торговых путей с севера на юг (Ашшур — Исин/Ларса) и с запада на восток (Вавилон — Элам). Город Эшнунна поддерживал связи и с крупными торговыми городами северо-запада, в частности с городом Мари, который располагался в нескольких сотнях миль по прямой на северо-запад от Эшнунны. Роль посредника в международной торговле приносила городу большие богатства, о чем свидетельствуют дворцы и храмы, выросшие здесь в начале II тыс. до н. э.

Документальный материал из Эшнунны, относящийся к концу 21 — началу 20 в. до н. э., — письма из царского архива, документы хозяйственной отчетности, надписи на печатях — проливает свет на вопрос о том, какую роль в жизни города играли в это время отношения с амореями. Как показывают документы, правители Эшнунны уже в конце 21 — начале 20 в. до н. э. не только породнились с семьями аморейских вождей, но и позволили представителям этих семей поселиться в городе, образовав здесь несколько новых жилых кварталов. Эти данные вполне согласуются со свидетельствами археологии о значительном расширении городских жилых районов в Эшнунне в начале II тыс. до н. э.

Правители Эшнунны конца III тыс. до н. э. Именно Эшнунна была одним из самых первых городов Южной Месопотамии, которые, воспользовавшись ослаблением государства III династии Ура, отпали от него. Около 2030 г. до н. э., когда в Уре еще правил Шу-Син, предпоследний представитель династии, к власти в Эшнунне пришла местная династия. О первых двух правителях этой

династии, Итурии и Шу-илие, почти ничего не известно. В одной из своих надписей Шу-илия назвал себя «царь сильный, царь страны Варум» (*šarrum dannum šar māt Warim*) (Whiting 1987: 24). Судя по титулатуре, он претендовал на власть над северной частью Южной Месопотамии. Такие серьезные амбиции правителей Эшнунны объяснялись, вероятно, не только ослаблением государства Ур III, но и значительной отдаленностью Эшнунны от Ура. Однако «окраинное» местоположение города таило в себе и большую опасность, угрожавшую ему со стороны торговых конкурентов (город Ашшур в Северной Месопотамии был одним из главных его соперников в торговле), а также воинственных соседей, таких как хурритское государство Субарту и горные племена, населявшие соседние территории Загроса. Исключительно важной для Эшнунны была и проблема отношений с амореями.

Первым правителям Эшнунны приходилось прилагать немало усилий, чтобы сохранить самостоятельность своего города. Когда в 2017 г. до н. э. в Исине основал свою династию Ишби-Эрра, отношения между двумя городами, располагавшимися на разных концах аллювия, были вполне дружественными. Правители Исина и Эшнунны даже обменивались дипломатическими дарами¹⁰. Однако постепенное усиление Исина представляло серьезную угрозу независимости Эшнунны. Кроме того, правители новой династии столкнулись с серьезными внешними угрозами, справиться с которыми самостоятельно могли, надо полагать, далеко не всегда.

В конце своего правления Шу-илия потерпел серьезное поражение от Зиннума, правителя Субарту, войско которого захватило значительную часть Северной Вавилонии с городами Барсиппа, Киш и Эшнунна, изгнав из них местных правителей. На помощь свергнутым правителям пришел царь Исина Ишби-Эрра, который в это время контролировал значительную часть Южной Месопотамии, в том числе и район реки Диялы, где располагалась Эшнунна. Именно его войско, по-видимому, разгромило войско Субарту и при его поддержке на престол в Эшнунне взошел некий Нур-ахум (2010–2000). По-видимому, он находился в зависимости от Ишби-Эрры и в своих надписях называл себя не царем, а правителем (*ensí*). Также называли себя и его преемники вплоть до середины 19 в. до н. э., когда влияние Исина в Южной Месопотамии стало ослабевать.

Династия Нур-ахума. Отношения с амореями. Будучи ставленником Ишби-Эрры, Нур-ахум поддерживал самые дружественные отношения с той группой амореев, которые были союзниками царя Исина, стремясь найти в них опору своему достаточно шаткому положению. Во все времена одним из самых надежных способов укрепления межгосударственных союзов были династические браки. Таким путем пошел и Нур-ахум, выдав свою дочь замуж за некоего Ушашума, старшего сына Абда-эля, «главы амореев» (*rabiān amurrim*).

¹⁰ Одна хозяйственная запись времени Шу-илии упоминает сосуд с маслом/свиным жиром, присланный в качестве официального дара (шум. *níg.šu.tag4.a*, акк. *šūbultum*) Ишби-Эррой (Whiting 1987: 115).

Своему зятю Нур-ахум подарил печать с надписью, оттиск которой сохранился на фрагменте глиняного конверта, найденном в царском дворце: «Нур-ахум, любимый богом Тишпаком, Ушашуму, своему зятю, сыну Абда-эль, главы амореев, подарил (эту печать)» (Whiting 1987: 26).

Судя по этой надписи, около 2010 г. до н. э. главой амореев, с которыми поддерживал тесные контакты правитель Эшнунны, был некий Абда-эль, сын которого Ушашум стал его зятем. Эти родственные связи были закреплены еще одним браком: тот же Абда-эль отдал свою дочь в жены племяннику правителя Эшнунны и будущему правителю — Билаламе. Таким образом, оба семейства «обменялись дочерьми» и укрепили дружественные отношения (Whiting 1987: 27). Абда-эль и его сын Ушашум, ставшие родственниками правителя Эшнунны, это, несомненно, те самые лица, чьи имена фигурируют в хозяйственной записи из вышеупомянутого архива исинской кожевенной мастерской (*ab-de4-él. ú-ša-šum dumu.ni*) (BIN 9 316, 13–14). В документах и письмах из Эшнунны упоминаются имена и других амореев из числа тех, кто получал дары от царя Исина Ишби-Эрры и заказывал изделия в его кожевенной мастерской.

Аморейские кварталы в городе Эшнунна. Некоторые из этих имен встречаются в административной записи из Эшнунны этого времени, опубликованной И. Гельбом в его статье «An Old Babylonian List of Amorites» (Gelb 1968). Поскольку этот важный текст был издан очень давно, имеет смысл, вероятно, воспроизвести эту публикацию (см. приложение)¹¹.

Список перечисляет 29 амореев, поселившихся в городе Эшнунна, по-видимому, в конце 21 в. до н. э. (точная дата не сохранилась). Только трое из них названы по именам, остальные названы «сын такого-то» или «брат такого-то»¹². Все имена, перечисленные в списке, кроме имен контролеров этого процесса, назначавшихся, очевидно, из числа местной аккадской администрации, чисто аморейские, так же как и имена амореев в исинских документах, т. е. люди, упомянутые в тексте, родились и выросли в аморейской среде, еще не подвергшейся влиянию аккадского этноса и языка. По крайней мере семь аморейских имен, упомянутых в списке (в переводе они отмечены звездочкой), встречаются в документах из кожевенной мастерской города Исина (Buccellati 1966, 101–124).

26 человек из списка объединены в три группы (7, 9 и 10 человек). Каждая группа обозначена как квартал (*bābtum*), и перечень людей в каждой группе начинается с имени сына главы квартала. Главами *bābtum* в тексте названы Абда-эль, Икзу-эль и Милкила-эль, возможно, родственники, судя по общей структуре имени всех троих. Их имена неоднократно встречаются в документах из Исина и Эшнунны (Whiting 1987: 68). После перечня подводится итог: «26 амореев из верхней страны (*elūtum*, букв. “верхних”))». В конце текста к списку

¹¹ В приложении приведена транслитерация текста, предложенная И. Гельбом, однако представленный перевод в деталях отличается от перевода, данного издателем. Несколько другим является и наше понимание содержания текста.

¹² Надо отметить, что в текстах из Исина и Эшнунны, хотя речь идет об амореях, никогда не упоминаются племенные обозначения (ямутбал, нумха и т. п.).

добавлены еще три человека, один из квартала Башанума из Приморья, т. е. из «нижней страны», и два — из квартала Абда-эля.

Ключевым для понимания данного текста, как представляется, является толкование двух терминов: *bābtum* и *elūtum*. Чикагский словарь аккадского языка переводит слово *bābtum* как quarter of a city (CAD v. 2 p. 9). Однако издатель текста И. Гельб перевел термин *bābtum* как «small encampment, section», считая, что «*bābtum* was restricted to the individuals belong to a certain tribal grouping» (Gelb 1968: 43). Его заключение представляется вполне резонным для данного текста. Действительно, судя по «списку амореев», можно сделать вывод, что амореи рассматривались как этническая группа, отличающаяся от коренного населения и, по-видимому, находились вне города. Кроме того, амореи были объединены в группы, называемые *bābtum*. Однако не следует, вероятно, упускать из виду и то обстоятельство, что в данном списке упоминаются не вообще амореи, а амореи, поселившиеся в городе, т. е. включенные в городскую структуру, важной частью которой в это время были городские кварталы (*bābtum*).

В законах из Эшнунны (ЗЭ), составленных, по-видимому, в правление Билаламы (1990–1980), т. е. примерно в то же время, что и «список амореев», термин *bābtum* упоминается трижды. В каждом случае квартал как институт выполняет контролирующую и предупредительную функцию, охраняя безопасность жителей квартала. В одном случае квартал объявляет хозяину быка, что его бык бодлив (ЗЭ § 54), в другом — владельцу злой собаки, что та может быть опасна (ЗЭ § 56), в третьем — владельцу дома, что стена в его доме может обвалиться (ЗЭ § 58). Причем в первых двух случаях указана и сумма штрафа, который придется заплатить владельцу опасных животных, если из-за них погибнет человек (40 сиклей серебра за свободного и 15 сиклей за раба). В случае гибели человека из-за обрушения стены размер штрафа не приведен, приговор по этому делу должен выносить царь.

Такого рода предупреждения помогали кварталу не только предотвратить возможные несчастия, но и избежать коллективной ответственности (прежде всего материальной) за гибель людей на территории самого квартала, переложив эту ответственность на владельца опасных животных или разрушающегося дома. Даже те скудные данные о квартале, которые содержатся в ЗЭ, свидетельствуют о том, что городской квартал в Эшнунне был определенным образом организован и его члены несли, судя по всему, коллективную ответственность за преступления, совершенные отдельными его представителями.

В данном случае напрашивается сравнение с § 22–24 Законов Хаммурапи (ЗХ). Они рассматривают случаи ограбления и убийства, правда не на территории квартала, а на территории города (*ālum*). Если преступника поймать не удавалось, то возместить пострадавшему убытки должны были «город и градоначальник» (*ālum ù rabiānum*), они же должны были выплатить 1 мину серебра родственникам потерпевшего в случае убийства.

Собственно квартал (*bābtum*) в ЗХ упоминается в двух случаях. В § 142–143 ЗХ квартал выступает как главный арбитр при рассмотрении дела о разводе.

В § 126 рассматривается случай, когда один из жителей заявляет о пропаже своего имущества, обвиняя в этом именно квартал. Уличенный в том, что у него ничего не пропало, обманщик должен выплатить двойную сумму стоимости своей пропажи огульно обвиненному кварталу. Совершенно очевидно, что *bābtum* в данном случае не просто территориальное соседство, но и некая единая экономическая структура, распоряжающаяся общими средствами.

Структуры типа *bābtum* упоминаются в текстах из разных городов Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э., встречается и должность «начальника квартала» (шум. *ugula dag.gi4.a*, акк. *wakil bābtim*). При этом характер информации об этом институте не только весьма скудный, но и очень разнородный, так как документы, происходящие из разных городов, освещают разные стороны функционирования этого института, поэтому исследователи, дискутирующие по этому вопросу, могут быть правы, выдвигая разные точки зрения, поскольку рассматривают разные стороны одного феномена. Вероятно, в тех случаях, когда поселение было небольшим, оно, естественно, не делилось на отдельные структуры, кварталы, а представляло собой единый «коллектив соседей». В крупных городах, занимавших большую территорию и многонаселенных, для контроля и управления необходимо было внутреннее деление города на отдельные структуры.

Впервые этот термин упоминается в источниках конца III тыс. до н. э., в документах начала II тыс. до н. э. количество таких упоминаний увеличивается. В определенной степени это можно связать с расширением городов и городской застройки, которое, по данным археологии, особенно активно происходило в городах Южной Месопотамии в 19–18 вв. до н. э., и увеличением числа нового городского населения, формировавшего городские кварталы.

В приведенном выше «списке амореев» аккадский термин *bābtum* был, вероятно, использован аккадскими писцами для передачи какого-то аморейского термина, имевшего сходную смысловую нагрузку. Возможно, как указывал и издатель текста, имелась в виду самая мелкая часть племенной структуры, т. е. совместно проживающая родственная группа, возглавляемая старшим родственником. У такой группы наверняка было какое-то свое аморейское название, но аккадские чиновники, составлявшие документ, использовали наиболее подходящий по смыслу аккадский эквивалент, обозначающий отдельную группу городского населения, связанную соседскими, хозяйственными и родственными отношениями и обладающую некоторым самоуправлением и юрисдикцией.

Вторым важным термином, упоминающимся в данном тексте, является слово *e-lu-tum*, которое И. Гельб транскрибирует как *ellūtum*. И. Гельб отвергает общепринятый перевод этого термина, приведенный в CAD, «чистый, священный, благородный, знатный» (CAD v. E 106), считая, что это аккадское слово, претерпев определенную эволюцию, приобрело значение «чистый, доверенный, избранный».

И. Гельб выводит слово *ellutum* от *ellum*, «чистый», откуда формируется значение «доверенный, избранный». Поэтому И. Гельб переводит слово *ellūtum*

как *deputies*, т. е. «избранные лица, делегаты». По его мнению, эта группа амореев была делегирована, чтобы собирать налоги со своих соплеменников, живших в разных областях Месопотамии. В данном документе, однако, как будто не содержится ничего, подтверждающего такой ход мыслей знаменитого ассириолога. Можно предложить другое объяснение ситуации, изложенной в тексте. Оставаясь в рамках дословного перевода, приведенного в САД, оно соответствует, как нам кажется, и историческим реалиям того времени, отражая процессы обновления и расширения состава горожан, когда в него постепенно включались и группы аморейского населения Месопотамии.

Вполне приемлемо, как представляется, транскрибировать слово *e-lu-tum* в полном соответствии с его написанием как *elûtum*, т. е. как множественное число от прилагательного *elûm*, «верхний». Это тем более обоснованно, что в тексте имеется явное противопоставление: 26 амореев «верхних» и один аморей «нижний», буквально из Приморья. Традиционное деление территории Месопотамии на верх и низ, т. е. на север и юг, отражено еще в текстах III тыс. до н. э. В данном случае под «верхними» и «нижними» амореями, возможно, подразумеваются представители аморейских племен, которые жили и на севере Месопотамии, в районе Джебель Синджар, и на юге Месопотамии, где позднее один из представителей племени ямутбала основал свою династию с центром в городе Ларса. Территория Приморья, т. е. побережье Персидского залива, входила в состав этого нового государства¹³.

Аморей, перечисленные в списке, представляли собой какие-то родственные группы, а упоминающийся среди них Абда-эль какое-то время был, по-видимому, тем самым «главой амореев», о котором уже говорилось выше. Возможно интерпретировать данный текст как список представителей аморейских родов, которые, находясь в дружественных отношениях с правителями Исына и Эшнунны, в самом конце 21 в. до н. э. смогли поселить часть своих родственников (младших сыновей и братьев) в городе, сформировав новые жилые кварталы. То, что здесь поселились именно младшие представители знатных фамилий, видно на примере семьи Абда-эля. В то время как его старший сын Ушашум продолжал жить там же, где жил и его отец, другой сын Абда-эля, Авиланум, который в списке фигурирует, вероятно, как *dumu abdael* (строка 1), продолжал жить в Эшнунне еще во время правления второго преемника Нур-ахума, Билаламы. В одной административно-хозяйственной записи того времени среди других расходов упоминается выдача погребальных даров по случаю смерти Авиланума. «...1 одежда, 1 кувшин масла, 2 связки фруктов выданы, когда Авиланум, сын Абда-эля, умер» (Whiting 1987: 115).

Отношения с амореями в правление Билаламы. После смерти Нур-ахума ему наследовал его брат Кирикири, но царствовал он недолго. После него, примерно в 1990 г. до н. э., на престол правителя Эшнунны взошел сын последнего Билалама, племянник Нур-ахума, женатый на дочери Абда-эля. В ар-

¹³ В одном из текстов того времени упоминаются жители ямутбала и жители верхней (= северной) страны — *dumu jamutbal ù dumu mâtîm e-li-i-tîm* (Stol 1976: 68–70).

хиве царского дворца сохранилось несколько писем, написанных правителям Эшнунны их аморейскими родственниками.

По-видимому, в самом начале правления Билаламы скончался Абда-эль. Его сын Ушашум сообщает об этом в письме правителю Эшнунны (Whiting 1987: 48 ff.). В самом начале письма он напоминает корреспонденту об их родстве: «я твой брат, твоя плоть и кровь», и просит его поддержки. Ушашум надеется с помощью Билаламы получить титул, которым владел его отец, т. е. стать «главой амореев». Письмо интересно не только тем, что содержит информацию о характере отношений, существовавших между правителями месопотамских городов и аморейскими вождями, оно проливает некоторый свет и на вопросы внутренней организации амореев.

Из текста письма следует, что похороны аморейского вождя были важным общественным событием для всей Южной Месопотамии. На них должны были присутствовать «посланцы всей страны», т. е. делегации из всех городов, а также «все амореи» (20–26: *šiprū mātim kalīša ana qubūrim ša abda-el ilakūnim ū amurru kalūšu ipahhiram*). После церемонии должны были, вероятно, пройти выборы преемника покойного вождя. Судя по содержанию письма, титул «глава амореев» не переходил по наследству, а был выборным. В своем письме Ушашум просит Билаламу показать всем амореям, что тот его уважает и поддерживает, а для этого прислать богатые дары, которые были обещаны еще его отцу, Абда-элю, а именно: одну золотую чашу и три серебряных, одежды и раба.

Неизвестно, что ответил царь Билалама на просьбу Ушашума. Однако документы из исинского архива свидетельствуют, что в 1987 г. (это примерно 3-й год правления Билаламы в Эшнунне) главой этой группы амореев был не Ушашум, а некий Бирбурим (BIN 9 199).

Нур-ахум и его преемники, были, несомненно, заинтересованы в тесном взаимодействии с аморейскими племенами, представлявшими в это время серьезную политическую и военную силу. Несмотря на возникавшие периодически споры между сторонами (по поводу захвата людей, скота, водопоев), отношения Эшнунны с этой группой амореев, как видно по документам того времени, мало чем отличались от отношений этого государства с другими ближними и дальними соседями, такими как Субарту и Элам. Посылка официальных даров чередовалась с военными столкновениями. Иногда дело доходило и до прямых военных столкновений. Возможно, именно в связи со смертью Абда-эля и переходом руководства этой группы амореев к «чужаку», не связанному родственными узами с правителем Эшнунны, отношения между Билаламой и амореями серьезно обострились и даже перешли в военный конфликт. Об этом свидетельствует содержание ряда писем из царского архива Эшнунны¹⁴.

¹⁴ Несколько писем из царского архива в Эшнунне относятся, как предположил Р. Вайтинг, к тому времени правления Билаламы, когда он воевал с амореями (Whiting 1987: 46). Они содержат отчеты градоначальника одного из подчиненных Эшнунне городов: «...я укрепил город против амореев...» (Whiting 1987: № 7);

Несколько датировочных формул Билаламы посвящены победоносным военным действиям его войска против амореев. В одном документе хозяйственной отчетности из Эшнунны содержится перечисление разнообразных предметов из золота, серебра, меди и бронзы, выданных разным лицам, в том числе упоминается и следующий расход: золотое кольцо весом 4 сикля, серебряное кольцо весом 3 сикля, две бронзовые чаши и еще какой-то предмет из бронзы весом в 1 мину 15 сиклей были даны начальнику отряда (*nu.bànda*), когда тот разгромил амореев (Whiting 1987: 25).

Отрывочные сведения об Абда-эле и его семье, которые содержатся в документах и письмах из Исина и Эшнунны, можно предположительно суммировать следующим образом. В 2005 г. до н. э. Абда-эль и его сын Ушашум получили официальные дары в Исине. Между 2010 и 2000 гг. сын Абда-эля Ушашум женился на дочери правителя Эшнунны Нур-ахума, а дочь Абда-эля была выдана за племянника Нур-ахума Билаламу, будущего наследника престола в Эшнунне. В это время Абда-эль носил титул рабиан амуррим, т. е. был главой амореев. Возможно, в это же время младший сын Абда-эля в числе других представителей знатных аморейских родов поселился в городе Эшнунна.

Между 1990–1980 гг. до н. э. (в правление Билаламы) имя Абда-эля неоднократно упоминается в административно-хозяйственных документах из Эшнунны. Он, его сын Ушашум или их доверенные лица (*lú ab-da-el*) периодически получали официальные дары. Один неопубликованный текст из Эшнунны времени Билаламы упоминает выдачи продуктов, в частности хлеба, посланцам, прибывшим из разных городов, в том числе упоминается и посланец Абда-эля (Whiting 1987: 28, n. 85).

Абда-эль оставался главой амореев вплоть до своей смерти в правление Билаламы. Старший сын Абда-эля Ушашум попытался добиться избрания на эту должность, надеясь на помощь Билаламы, но, по-видимому, этой помощи не получил. Новым главой амореев, возможно, стал некий Бирбирум, который упоминается как рабианум в документе из Исина от 1987 г. до н. э. (BIN 9 199).

Семья Абда-эля после его смерти, по-видимому, потеряла свое высокое положение. В царском архиве Эшнунны сохранилось письмо вдовы царю Билаламе, в котором она жалуется на притеснения. Один из слуг вдовы был насильно задержан и отправлен на какие-то работы (очевидно, повинностные); если его не освободят, то он рискует пропустить время сбора урожая, и тогда ему и его семье грозит голод (Whiting 1987: 51–52). Упоминание в письме о сборе урожая подтверждает мнение о том, что амореи, населявшие Месопотамию в начале II тыс. до н. э., были не только пастухами, но и земледельцами, т. е. вели тот же образ жизни, что и местное сельское население.

«...Х. идет против тебя с двумя сотнями амореев, пусть стражники не уходят с городской стены ни днем, ни ночью...» (Whiting 1987: № 8);

«...господину моему скажи: воины здоровы, город в безопасности, гарнизон моего господина силен. Даже если амореи будут воевать (против нас) 10 лет и привезут с собой 10 стенобитных орудий и 20 орудий-сумукану, я останусь силен в моем городе. Мой господин не должен беспокоиться» (Whiting 1987: № 9).

Младший сын Абда-эля Авиланум, который поселился в Эшнунне, умер также в правление Билаламы. Старший сын Абда-эля Ушашум был жив еще в правление второго преемника Билаламы Уцур-авассу (1970–1960). Сохранилось письмо Ушашума к Уцур-авассу, которое содержит жалобу на то, что были задержаны двести его овец, три повозки и двое слуг. Обращаясь к правителю, он пишет: «Если ты мой сын...». Это обращение напоминает и об их значительной разнице в возрасте, и о его родственных связях с правящим домом Эшнунны (Whiting 1987: 76).

Приложение. «An Old Babylonian List of Amorites» (Gelb 1968)

Ниже приведена транслитерация текста, предложенная И. Гельбом, однако представленный перевод в некоторых местах отличается. Несколько другим является и наше понимание содержания текста (см. выше).

Звездочкой отмечены аморейские имена, которые встречаются в текстах из обоих городов — Исина и Эшнунны.

1. [1 <i>dumu ab-da-el</i>]	[1 сын? Абда-эля*],
2. [1 <i>dumu PN?</i>]	[1 сын? PN],
3. [1 <i>dumu x</i>]- <i>x-el</i>	[1 сын? x-]эля,
4. [1 <i>du</i>]mu <i>mu-ti-me-el</i>	[1 сы]н Мутим-эля,
5. [1 <i>š</i>]eš <i>šu-mu-um</i>	[1 бр]ат Шумума,
6. [1 <i>du</i>]mu <i>ma-aš-da-ku-um</i>	[1 с]ын Машдакума,
7. [1 <i>š</i>]eš <i>i-li-ma-da</i>	[1 бр]ат Илимада —
8. 7	(всего) 7 (амореев).
9. <i>ba-ab-tum ab-da-el-me</i>	(Это) квартал Абда-эля*
10. 1 <i>dumu ik-zu-el</i>	1 сын Икзу-эля,
11. 1 <i>dumu na-ma-el</i>	1 сын Нама-эля,
12. [1] <i>dumu i-me-ri-nu-um</i>	[1] сын Имеринума,
13. [1] <i>dumu na-gi4-a-nu-um</i>	[1] сын Нагианума,
14. [1 <i>du</i>]mu <i>i-ba-um</i>	[1 с]ын Ибаума,
15. [1 <i>dumu</i>] <i>za?-i?-nu-um</i>	[1 сын] Заинума,
16. [1 <i>dumu PN</i>]	[1 сын PN],
17. 1 <i>dumu ku?-na?-nu?-um?</i>	1 сын Кунанума?
18. 1 <i>dumu hu-na-nu-um</i>	1 сын Хунанума —
19. 9	(всего) 9 (амореев).
20. <i>ba-ab-tum ik-zu-el-me</i>	(Это) квартал Икзу-эля.
21. 1 <i>dumu mi-il-ki-la-el</i>	1 сын Милкила-эля*,
22. 1 <i>ú-ga-zum</i>	1 Угазум,
23. 1 <i>ša-la-nu-um</i>	1 Шаланум,
24. 1 <i>mu-ut-ga-bi-id</i>	1 Мутгабид,
25. 1 <i>dumu ib-li-nu-um</i>	1 сын Иблинума,
26. 1 <i>dumu ba-lu-zum</i>	1 сын Балузума,

27. 1 <i>dumu i-la-n[u?-um?]</i>	1 сын Илан[ума]*,
28. 1 <i>šeš za-ma-[ra?]-nu-um</i>	1 брат Зама[ра]нума,
29. 1 <i>ú-da-[ma?] šeš.ni-[.]</i>	1 Уда[ма]*, брат Ни[...],
30. 1 <i>dumu e-[...]</i>	1 сын Э[...] —
31. 10	(всего) 10 (амореев).
32. <i>ba-ab-tum m[i-il-k]i-la-el-me</i>	(Это) квартал Милкила-эля*.
33. <i>nigín.ba 26 mar.tu</i>	Итого 26 амореев
34. <i>e-lu-tum-me</i>	«верхних».
35. 1 <i>mar.tu</i>	(А также) 1 аморей
36. <i>ba-ab-tum ba-ša-nu-um</i>	(в) квартал Башанума*
37. <i>a-ab-ba-ta</i>	из Приморья.
38. <i>gìr innin-e-ru-um-ma-ša-ri</i>	Контроль Иннин-эрум-мацари.
39. 1 <i>dumu mu-ut-na-nu-um</i>	(А также) 1 сын Мутнанума,
40. 1 <i>šeš ma-ni-um</i>	1 брат Маниума*
41. <i>ba-ab-tum ab-da-el-me</i>	(в) квартал Абда-эля*.
42–43. [...]	[...]
44. [<i>nigín.ba 3</i>] <i>tah-hu-me</i>	[Итого 3] дополнительных (аморея).
45. <i>šu.nigín 30 lá 1 mar.tu</i>	Всего 29 амореев,
46. [<i>ur[u.ki.a tuš.a.me</i>	которые в городе были поселены.
47. <i>gìr lú-ša-lim</i>	Контроль Лу-шалима.
[48–51]	[...]

Глава XI

Резидентные кварталы города Ниппура в начале II тыс. до н. э.

Город Ниппур в начале II тыс. до н. э. Резидентные кварталы. Квартал ТВ. Частноправовая деятельность жителей квартала ТВ. Должности и профессии обитателей квартала ТВ.

Квартал ТА. Заселение квартала ТА. Частноправовые документы из района ТА. Частноправовая деятельность обитателей дома house N. Профессии и должности обитателей ТА. Упоминания термина «квартал» (bābtum) в документах из ТА.

Жители ТА и ТВ — сходство и отличия.

Приложение: запись о сборе средств на покупку дома от III месяца 1743 г. до н. э. (Stone 1987: № 25); запись расходов по случаю проведения погребальных церемоний (Stone 1987: № 40, без даты).

Город Ниппур в начале II тыс. до н. э. В это время город Ниппур по-прежнему оставался главным культовым центром Южной Месопотамии. Именно сюда на протяжении всего III тыс. до н. э. поступала значительная часть всех производившихся на территории аллювия ресурсов. Система постоянного и бесперебойного обеспечения многочисленных храмов и святилищ города разнообразными продуктами, скотом для жертвоприношений и трудовыми ресурсами достигла своего наивысшего расцвета в конце III тыс. до н. э. в правление царей III династии Ура.

Падение государства и трагические события, связанные с этим — разруха и голод, в конце 21 в. до н. э. затронули многие города юга, но вначале, по-видимому, мало отразились на Ниппуре. Уже в 2022 г. до н. э. на 6-й год правления царя Ибби-Сина один из его военачальников Ишби-Эрра, отправленный им на север для закупки зерна, добился, чтобы царь официально назначил его «защитником Ниппура и Исина». При этом он ссылаясь на опасность со стороны амореев. В 2017 г. до н. э. Ишби-Эрра основал собственную династию в Исине

и постепенно перехватил политическое лидерство у Ура. Таким образом, Ниппур попал в сферу влияния города Исина. Исин был богат зерном и по-прежнему снабжал им и Ниппур. Тем не менее последствия развала единой хозяйственной системы, охватывавшей всю Южную Месопотамию, не могли обойти ни один город региона, тем более город, который значительную часть своих ресурсов получал извне. Что происходило на территории Южной Месопотамии в начале 20 в. до н. э., точно не известно. Никаких письменных свидетельств этого времени не сохранилось. Однако к середине столетия весь регион был опустошен после войны и многие города разрушены. Распад централизованной системы сборов и перераспределения продуктов, созданной в государстве Ур III, вряд ли мог привести к таким последствиям. В литературных текстах, созданных несколько позднее в жанре «плачей по городам», довольно туманно упоминаются некие «враги».

Город Ниппур был разрушен до такой степени, что в нем на некоторое время, вероятно, прекратилось даже отправление культа Энлиля, главного бога общемесопотамского пантеона. Восстановление города связано с именем царя Исина Ишме-Дагана (1955–1937), который собрал «рассеянных людей» Ниппура, вновь заселил город и восстановил постоянное проведение храмовых служб. Последнее означало не просто восстановление ритуального порядка, но фактически восстановление городской экономики, поскольку жизнь большинства горожан была тесно связана с храмами и храмовыми хозяйствами. В своих надписях царь Ишме-Даган сообщал, что он проводил большие восстановительные работы в священном городе и особым указом освободил его жителей от военной службы и обязательных поставок (RIME 4, 26 ff.).

Между 1870 и 1793 гг. Ниппур, как это видно из датировочных формул царей Исина и Ларсы, был объектом соперничества правителей этих двух городов и каждые несколько лет переходил под контроль то одного, то другого из них. Эти события, по-видимому, не оказывали большого влияния на жизнь основной массы горожан. В 1792 г. до н. э. царь Ларсы Рим-Син завоевал Исин и объединив всю южную часть Южной Месопотамии в рамках своего государства, в составе которого оказался и Ниппур. Тридцать лет мирной жизни под властью Рим-Сина окончились в 1763 г. до н. э., когда юг Месопотамии был завоеван Хаммурапи и включен в состав Вавилонского государства.

В 1739 г. до н. э. южные города подняли восстание против Вавилона. Преемник Хаммурапи Самсуилуна в течение нескольких лет сражался с мятежниками, пока не восстановил контроль над восставшими областями. В ходе военных действий случайно или намеренно была повреждена значительная часть ирригационных сооружений. Особенно пострадали самые южные города, но сильный урон был нанесен и хозяйству Ниппура и Исина. Около 1721 г. до н. э., воспользовавшись слабостью вавилонского царя, юг Месопотамии, в том числе и город Ниппур, на некоторое время захватили цари Приморья (болотистой местности в устье Тигра и Евфрата)¹. После этого второго удара система водоснабжения,

¹ После III месяца 1721 г. до н. э. (29-й год Самсуилуны) в текстах из Ниппура вместо вавилонских датировок стали ставить датировки царя Приморья Илumu-или (Stone 1977: 281).

по-видимому, пришла в окончательный упадок. Центральная часть региона Южной Месопотамии, в том числе и Ниппур, была превращена в пустыню. Оставшееся в живых население покинуло город, унеся с собой все ценное. В домах осталось то, что нельзя было унести, или то, что не представляло никакой ценности за пределами города, в частности таблички с записями деловых контрактов. В течение нескольких последующих столетий заброшенные дома и храмы Ниппура постепенно разрушались, а их руины пастухи-кочевники использовали для устройства стоянок и погребения покойников. Прошло не менее трех веков, прежде чем в Ниппуре вновь возродилась городская жизнь².

С конца XIX до 90-х гг. XX в. н. э. на территории Ниппура периодически проводились археологические раскопки. Была обследована только небольшая часть города. В центре города в слоях первой половины II тыс. до н. э. был открыт большой храмовый комплекс и найдено несколько небольших храмов в городских кварталах. Были раскопаны также два небольших жилых района, находившихся на территории, обозначенной на археологических планах как *Scribal Quarter* — TA и TB (Stone 1987).

В составе археологических находок, относящихся к этому времени, важное место занимают клинописные таблички, которых в Ниппуре было найдено более двух тысяч. Среди них около 450 частноправовых договоров, а также большое количество административно-хозяйственных записей из архивов отдельных крупных хозяйств. Структура этих крупных хозяйств и формуляры отчетных документов, которые в них создавались, обнаруживают явное типологическое сходство с подобными же структурами (крупными хозяйствами), существовавшими в этот период в Уре, Ларсе и других городах Южной Месопотамии (см. ниже).

Сохранилась часть архива одного из крупных хозяйств города Ниппура — 500 табличек, датированных 1792–1787 гг. до н. э. (Robertson 1989: 1992). По содержанию документы можно разделить на три группы; 350 табличек касаются содержания скота, около 100 табличек — это записи выдач различных продуктов и около 40 документов представляют собой записи, фиксировавшие отдельные этапы организации сельскохозяйственных работ.

Хозяйство, которому принадлежал этот архив, располагало пахотными землями площадью не менее 500 га (около 85 бур), а возможно, и больше.

² Ниппур был вновь заселен в 14–13 вв. до н. э., тогда же были восстановлены храмы, вокруг города была возведена новая стена. О плотности городского населения в это время судить трудно, но отдельные большие дома, построенные в городе, были окружены садами, т. е. свободного места было, вероятно, достаточно. Территория вокруг Ниппура, которая в это же время была вновь освоена и заселена, носила более сельский (*rural*) характер, чем в предшествующий период. Из упомянутых в текстах того времени 59 топонимов с этой территории большинство представляли собой названия очень маленьких городков и сельских поселений (Tenney 2011). В Южной Месопотамии в это время по-прежнему росло количество населения, которое переселялось из больших городов в маленькие города или деревни, занимавшие площадь 10 и менее гектаров, т. е. продолжались процессы рурализации (*ruralization*), которые начались еще в середине III тыс. до н. э. и достигли своего пика примерно в середине 8 в. до н. э. (Tenney 2011: 138–140).

Соответственно количество ежегодно получаемого зерна должно было исчисляться сотнями тысяч литров (более 750 000 л при средней норме урожайности в 30 гур с 1 бур площади). Уборкой урожая на полях хозяйства занимались более 400 работников.

В хозяйстве откармливали огромное количество крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Ежедневно кормом снабжали тысячи голов скота, предназначенного для жертвоприношений в ниппурских храмах. Это были постоянные расходы, которые аккуратно фиксировались. Только за 1791 г. до н. э. (31-й год правления царя Рим-Сина) на это было израсходовано почти 89 тонн зерна. Жертвенный скот распределялся между всеми (или почти всеми) ниппурскими храмами.

Значительная часть произведенных в хозяйстве продуктов расходовалась на выдачи. Помимо собственного персонала эти выдачи получали люди, обладавшие разным статусом. Это были ремесленники (кузнецы, металлурги, кожевники, пивовары), культовый персонал различных храмов Ниппура, главы аморейских общин, расселившихся на территориях вокруг города (*ad.da mar.tu*), наемные работники, в том числе строители, в двух случаях упоминаются представители царской фамилии. Большое количество продуктов хозяйство передавало в храмы Ниппура. Оно оплачивало расходы по строительным проектам (строительство храма бога Сина и строительство дома для высшего городского чиновника-гуэннакума). В документах упоминаются также расходы на приобретение таких продуктов и материалов, как тростник, рыба, битум, древесина и обеспечение торговых караванов в города Адаб, Исин и Ларса. Вероятно, это была одна из самых крупных хозяйственных структур Ниппура (хозяйство города?), существовавшая в тесном взаимодействии с другими городскими институтами.

К началу II тыс. до н. э. многочисленные храмы и храмовые комплексы, которые располагались в городе Ниппуре, имели уже многовековую историю. Самые крупные из них принадлежали главному божеству южномесопотамского пантеона богу Энлилю и членам его семьи. (Экур — храм Энлиля, Экиур — храм его супруги Нинлиль, Эшумеша — храм их сына Нинурты.) Также очень значительным был храмовый комплекс богини Инанны. Существовали и многочисленные другие храмовые комплексы меньшего масштаба, о которых мало что известно (Robertson 1992: 177).

Каждый храм или храмовый комплекс был не только культовым, но и административным центром большого хозяйства, которое располагало пахотными землями, стадами, ремесленными мастерскими, где перерабатывались произведенные сельскохозяйственные продукты и изготавливалось все необходимое, со своим административным и рабочим персоналом. Все эти хозяйства были тесно связаны в культовом, административном и экономическом плане и постоянно обменивались между собой материальными и трудовыми ресурсами. В рамках этих хозяйств существовала большая часть жителей Ниппура.

Принадлежность к числу храмового персонала была не только показателем определенного статуса данной городской семьи или родственной группы,

но и обеспечивала ей достаточно стабильное существование. Этот статус был наследственным и передавался в рамках одной родственной группы из поколения в поколение. Многое зависело, конечно, от того, какое положение семья занимала внутри культово-административной иерархии. Это давало возможность распоряжаться определенными ресурсами (земельными наделами, частью доходов хозяйства и т. п.). По масштабам ресурсов, имевшихся в распоряжении того или иного должностного лица, персонал храмового хозяйства условно можно разделить на две группы. Первая группа состояла из тех, кто занимал высшие и средние ступени культово-административной лестницы. Эти люди управляли хозяйством и его ресурсами. В их распоряжении были служебные земельные наделы и определенная часть храмовых доходов. Вторая группа храмового персонала состояла из тех, кто владел должностями более низкого уровня, требовавшими ежедневного выполнения некоторых простых обязанностей, для чего не нужны были специальные профессиональные знания и навыки. Это мог быть (жрец)-умаститель (gudu4), в обязанности которого входило периодически смазывать маслом священные предметы в храме, привратник (i.du8), дворник (kisal.luh), который должен был содержать в чистоте территории, прилегающие к храму, пивовар (lú šim), почетной обязанностью которого была поставка в храм к праздникам определенного количества напитков.

Исполнение такого рода должности давало ее владельцу право на постоянное получение определенного материального вознаграждения, масштабы которого зависели, вероятно, не только от характера должности, но и от возможностей хозяйства. Это мог быть небольшой земельный надел или определенная часть приношений (зерно, финики, масло), поступавших в храм от донаторов. К началу II тыс. до н. э. многие культовые должности такого рода превратились по существу в синекуру (пребенду) и стали передаваться в семьях по наследству как часть семейного имущества. При его разделе одну должность (вернее, доходы от нее), которую ранее представители данной семьи должны были исполнять круглый год, начали делить между наследниками сначала на месяцы, а при последующих разделах и на дни³. Начиная с 19 в. до н. э. такие должности не

³ В одном из договоров, составленном в Ниппуре в правление Самсуилуны, был зафиксирован обмен должностями (скорее доходами от должностей) в хозяйствах двух разных храмов (UMBS VIII/2 182; Socquerillat 1955: 62). Некий Син-имгуранни владел постоянными (вероятно, наследственными) доходами в хозяйстве бога Нинурты. Эти доходы складывались из исполнения должности умастителя в течение трех месяцев в году, соответствовавшего этой должности земельного надела и части в жертвоприношениях. Второй участник обмена, человек по имени Ламасани, владел должностью умастителя и пивовара богинь Инанны и Нанайи продолжительностью два месяца в год, земельным наделом и частью в жертвоприношениях. Все это некогда было куплено Ламасани за серебро. По каким-то причинам эти два человека, владевшие разными должностями в разных храмах, обменялись ими, что было засвидетельствовано в договоре: «Должность умастителя бога Нинурты в течение трех месяцев (в год), поле кормления ее (т. е. должности) и часть приношений — то, что причитается Син-имгуранни, (он обменял на) должность умастителя и пивовара богинь Инанны и Нанайи, (исполняемую в течение) двух месяцев в году, соответствующее поле кормления и часть в приношениях, купленные Ламасани за серебро».

только передавали по наследству, но и дарили, продавали, обменивали и даже сдавали в аренду (Cocquerillat 1955).

С храмовыми хозяйствами были связаны и группы горожан, являвшихся почитателями того или иного божества, те, для кого оно было семейным/семейным богом. Хотя они не входили непосредственно в число персонала данного хозяйства, но могли рассчитывать на часть в ежедневных приношениях богам, а в некоторых случаях — и на земельные наделы⁴.

Между ритуальными церемониями, постоянно происходившими в храме, и повседневной хозяйственной жизнью города и горожан существовало самое тесное взаимодействие. Сохранилась часть архива хозяйства бога Нинурты (Эшумеша), которая состоит из 428 табличек (Sigrist 1984). В основном это записи, которые велись постоянно из года в года с 1873 по 1795 г. до н. э. и фиксировали расходы на ежедневные приношения богам (шум. *sá.dug4*, акк. *sattukku*). В их состав могло входить до семи видов разнообразных продуктов, в том числе хлеб, пиво, вино. Приношения сначала предлагались богам, а затем, после «поедания» их богами, все продукты в определенной пропорции распределялись между храмовым персоналом и жителями города. Эти выдачи служили добавлением к обычному материальному довольствию храмовых служителей всех уровней и горожан, связанных с храмом⁵. Какое количество продуктов расходовалось при этом, сказать трудно, поскольку тексты архива находятся в разной степени сохранности. Во всяком случае, только самого обычного вида хлеба здесь ежедневно выдавали примерно 600 л. Повседневное распределение продуктов происходило не только в храмовом комплексе Эшумеша, но и в других храмах Ниппура и было элементом общей хозяйственной системы города. Такое же применение находили ежедневные приношения богам и в храмах других городов Южной Месопотамии (Charpen 1986).

Помимо административно-хозяйственных записей в Ниппуре было найдено и около 500 частноправовых документов того времени. Большая часть этих документов, особенно те, что были обнаружены в ходе первых археологических исследований, не имеют определенной привязки к месту находки, однако в 50–80-х гг. XX в. н. э. раскопки в районе Scribal Quarter производились весьма тщательно. На этой территории было исследовано два небольших городских района, которые содержали слои первых веков II тыс. до н. э. На археологиче-

nam gudu4 d.nin.urta mu.a itu.3.kam
a.ša šuku.bi ù nam.bur.šu.ma
bal.gub.ba d.EN.ZU-im-gu-ra-an-ni
nam gudu4 nam lú ŠIM d.inanna d.na.na.bi
mu.a itu.2.kam a.ša šuku.bi ù nam.bur.šu.ma
kù.ta.šám la-ma-sa-ni

⁴ Сохранились документы, в которых перечисляются земельные наделы, которые храм Инанны в Ниппуре выдавал лицам, не принадлежавшим, судя по их описанию, к числу храмового персонала, но являвшимся жителями Ниппура (Zettler 1992).

⁵ Такого рода учет был достаточно сложным, поскольку требовалось соблюсти точное соответствие между количеством продуктов, которые «получали» боги, святилища и различные культовые объекты, и тем, что распределялось между горожанами. Этот процесс, должно быть, контролировался высшими храмовыми или городскими инстанциями, для чего, собственно, и велись записи.

ском плане они были обозначены как ТА и ТВ. Археологи смогли проследить развитие жилой застройки в этих районах на протяжении почти трехсот лет, и, что самое важное, нашли *in situ* не только множество предметов, сопровождавших повседневную жизнь обитателей этих районов (посуда, украшения, оружие и т. п.), но и более 400 клинописных табличек⁶.

Район ТВ. Жилой район, обозначенный на археологических планах как ТВ, был раскопан на площади около 1200 кв. м. В конце III тыс. до н. э. этот район был единовременно спланирован и застроен большими по площади зданиями, которые первоначально использовались как служебные помещения крупного хозяйства. В начале II тыс. до н. э. здания этого района во многом сохраняли свои служебные функции, но сначала отдельные помещения в домах, а позднее и целиком дома, стали использоваться и как жилье, очевидно, теми самими лицами (и их семьями), которые выполняли здесь свои служебные обязанности (Stone 1987: 101). Обнаруженные здесь примерно полтора десятка зданий, относящихся к первым векам II тыс. до н. э., сохраняли четкую связь со строительными сооружениями предшествующего периода.

В домах ТВ было найдено около 350 клинописных табличек. Большая их часть (более 200) представляли собой школьные тексты. Почти все они были найдены в доме, где, по-видимому, находилась писцовая школа. Из оставшихся текстов более 100 — это административно-хозяйственные записи различного рода, главным образом учет расхода продуктов для жертвоприношений, и только 36 документов, вероятно, содержали частноправовые договоры. Хронологически эти документы распределяются между 1874 и 1721 гг. до н. э. (Ниппур был оставлен населением, предположительно, в 1720 г. до н. э.), т. е. они охватывают более 150 лет. При этом большинство документов, 24 документа из 36 (Stone 1987: № 68–91), были составлены в последние 25 лет. Все они представляли собой купчие на храмовые должности-пребнды, которые совершал некий Атта (Goetze 1964; Stone 1987: 91–97, 291–294).

Частноправовая деятельность обитателей квартала ТВ. Частноправовая деятельность обитателей квартала ТВ помимо документов, связанных с деятельностью Атты (см. ниже), зафиксирована только 12 документами, хронологически распределяющимися на 150 лет между 1874–1721 гг. до н. э. По содержанию эти документы можно разделить на три группы по четыре текста в каждой.

Четыре документа касаются полей (Stone 1987: № 63, 64, 66, 92) (1872–1740 гг.). Из них только один можно достаточно уверенно назвать договором аренды: жрица-надиту сдала в аренду участок целины площадью около 1 га (Stone 1987: № 92) (1740 г.). Еще один документ этой группы (Stone 1987: № 66) (1872 г.) не договор аренды, как считает издатель, а запись о долге (10 гур = 3000 л зерна), оставшемся за арендатором (?) после раздела урожая с участка площадью

⁶ Это позволило Э. Стоун, принимавшей непосредственное участие в экспедиции, сопоставить археологические данные с сопутствующим им документальным материалом (Stone 1987). Там же опубликованы копии (автографии) группы клинописных текстов, найденных в районах ТА и ТВ, которые были использованы автором в данной работе. Два из них (Stone 1987: № 25, 40) приведены ниже.

в 3 га. Об этом говорит тот факт, что документ был составлен как раз в месяце сбора урожая. Два других документа, в которых упоминаются поля площадью 2 га (Stone 1987: № 64) и 4,5 га (Stone 1987: № 63), слишком плохо сохранились, и судить об их содержании трудно.

Еще 4 документа этой группы представляют собой договоры о займе серебра (Stone 1987: № 97, 65, 67, 94) (1874–1762 гг.). В трех случаях величина займа не превышает 1 сикль серебра (Stone 1987: № 65, 67, 94). В одном случае семейная пара занимает 10 сиклей серебра под рост в 25 % на три месяца (Stone 1987: № 97). Один из должников обозначен как управитель храмового хозяйства (шум. *abrig*; акк. *abriqqu*) (Stone 1987: № 65). Во всех случаях возвращение займа было связано со временем сбора урожая. Процент начислялся только в случае повторного займа (Stone 1987: № 67, 97). Кредиторы, судя по их именам, возможно, также входили в число персонала хозяйства бога Энлиля (*kù-d.en.líl*) (Stone 1987: № 94), в одном случае в качестве кредитора выступает сам бог Энлиль (Stone 1987: № 67).

Последние четыре документа очень плохо сохранились. Это договор об усыновлении (Stone 1987: № 62) (1860 г.) и три документа, касающихся займа (?) зерна (Stone 1987: № 93, 95, 96) (1862–1743 гг.).

Таким образом, за период почти в 150 лет из квартала ТВ дошло только 12 документов, которые предположительно можно назвать частноправовыми, но и в отношении некоторых из них могут быть сомнения, так как они плохо сохранились, возможно, это были административные записи. При этом и содержание документов крайне ограничено. Среди них совершенно отсутствуют какие-либо договоры, касающиеся имущества, например разделы, купли-продажи, судебные разбирательства и т. п., все, что достаточно полно представлено в соседнем районе Ниппура — ТА (см. ниже).

Еще 24 таблички с записью частноправовых договоров, найденные в этом районе, были обнаружены в доме, обозначенном на археологическом плане как house 0. Здесь с 1747 по 1721 г. до н. э. проживал некий Атта. Есть косвенные данные, указывающие, что Атта, вероятно, происходил из богатой семьи, сравнительно недавно поселившейся в Ниппуре и стремившейся «закрепиться» в городе (Stone 1987: 93). Документы представляют собой договоры о покупке и продаже культовых должностей-пребэнд. Покупателем был Атта, иногда он действовал вместе со своими родственниками. О том, кто продавал должности, были ли они жителями района ТВ или других кварталов Ниппура, сказать трудно. Во всяком случае, продавцами часто выступали семейные группы — муж с женой, дети с матерью, брат с сестрой.

Объектами продажи в основном были должности в хозяйстве бога Уту/Шамаша, но также в хозяйствах бога Нуску, бога Лугаль-аба и некоторых других⁷, в некоторых случаях продавалось также право на получение определенной

⁷ В то время как продажа городской недвижимости строго контролировалась городской администрацией (см. ниже), продажи храмовых должностей, по-видимому, отслеживались администрацией хозяйства, где эта должность должна была исполняться. В 70 % таких документов в начале списка свидетелей упоминается должностное лицо храма (Stone 1977: 276).

части приношений (*buḡ.šu.ma*). В сделках упоминается несколько видов должностей: умаститель (*gudu4*), пивовар (*lú ŠIM*), привратник (*i.du8*), дворник (*kisal.luh*), управитель хозяйства (*ugula é*). Судя по договорам, чаще всего одновременно продавали все перечисленные пребенды, но иногда два-три названия из этого набора отсутствуют. Количество дней исполнения каждой из этих должностей в одном договоре (т. е. у одного владельца) всегда одинаковое, в разных договорах оно колеблется от 5 до 30 дней, а поскольку в большинстве случаев продавали целую группу должностей, то Атта мог одновременно купить до 90 дней должностей-пребенд. Всего по сохранившимся документам Атта скупил 792 дня храмовых должностей-пребенд⁸, уплатив по этим договорам около 865 г (2 ²/₃ мины 4 ¹/₆ сикля) серебра (Stone 1987: 94–95). Возможно, такая «активная» продажа и скупка храмовых должностей была связана с ухудшавшейся в это время политической и экономической ситуацией. Всего через год после заключения Аттой последней по времени сделки Ниппур был оставлен жителями.

В частноправовых документах из ТВ редко упоминаются должности участников договоров, несколько чаще встречаются указания на должности свидетелей, в роли которых, как обычно, выступали ближайшие родственники и соседи.

Должности и профессии обитателей квартала ТВ⁹. Список должностей, упоминаемых при именах жителей ТВ:

администратор храмового хозяйства (*abrig**),
резчик печатей (***bur.gul***),
писец (***dub.sar***),
(жрец) умаститель (***gudu4***),
умаститель богини Инанны (*gudu4 d.inanna*),
умаститель бога Нанны (*gudu4 d.nanna*),
умаститель богини Нинлиль (***gudu4 d.nin.líl.lá***),
жрица бога Нинурты (***lukur d.nin.urta****),
пивовар (***lú ŠIM***),
пивовар бога Энлиля (***lú ŠIM d.en.líl.lá***),
глашатай (***nimgir***),
жрец (***nu.èš***),
кузнец (***simug***),
каменщик (*sidim*),
начальник [?] (*ugula [x]*),
начальник дома (хозяйства) (*ugula é*),
начальник дома (хозяйства) богини Мах (***ugula é d.mah***),
начальник женщин-певиц (*ugula sal.nar.balag**).

⁸ Атта был не единственным скупщиком должностей-пребенд в Ниппуре. Почти одновременно с ними действовал и некий Маннум-мэшу-лицтур, который скупил таких должностей на 261 день. К сожалению, документы, упоминающие его имя, невозможно привязать к определенному кварталу города (Stone 1977: 286; 1991).

⁹ Звездочкой отмечены случаи, когда в документе упоминается должность участника договора, в остальных случаях указаны должности свидетелей (Stone 1987: 223 ff.). Жирным шрифтом отмечены те должности, упоминание о которых есть и в документах из квартала ТА (см. ниже).

Конечно, такой список не может дать полного представления о должностях, которые занимали жители ТВ, но характер их занятий достаточно очевиден. Это ремесленники (резчик печатей, кузнец, каменщик, пивовар) и административный и культовый персонал храмов, в том числе и храмов главных богов Ниппура: Энлиля, его супруги Нинлиль и сына Нинурты.

Район ТА. Расположенный на расстоянии около 40 м к юго-западу от ТВ жилой район, обозначенный на археологических планах как ТА, был обследован на площади около 800 кв. м. Археологи раскопали в этом квартале часть улицы, тянувшейся с северо-востока на юго-запад. С обеих сторон она была тесно застроена маленькими домами с беспорядочной планировкой, многие из них имели общие стены. Одним из первых здесь был построен большой, хорошо спланированный дом на фундаменте из обожженного кирпича, по своей планировке напоминающий дома этого же времени из Ура (UE 7 pl. 22) и дома северо-восточного квартала Ларсы (см. гл. XVI). Дом стоял отдельно от других и не граничил стенами ни с одним домом, построенным позднее (house K на плане, см.: Stone 1987: 41). Во второй половине 18 в. до н. э. здесь жили представители одной из богатых семей Ниппура, потомки некоего Нинлиль-зиму.

Население района ТА в 19–18 вв. до н. э. должно было в значительной степени состоять из тех самых «рассеянных» катастрофами начала 20 в. до н. э. обитателей южных городов Месопотамии и их потомков, которых царь Ишме-Даган и его преемники возвращали в города, стремясь возродить городскую жизнь. Для этого необходимо было восстановить основу этой жизни — крупные хозяйства; в Ниппуре это были прежде всего хозяйства главных городских богов. Среди горожан, вернувшихся в Ниппур и поселившихся в районе ТА, были, вероятно, и местные жители, которым удалось остаться в живых, и жители других разоренных городов Южной Месопотамии, и обитатели сельской местности, в том числе представители аморейских племен, заселявших в это время обширные территории между городами¹⁰.

Часть города, где находился район ТА, была сильно разрушена в начале 20 в. до н. э. Со второй половины этого же столетия начался активный процесс восстановления. Как раз в это время, около 1920 г. до н. э., в Ниппуре был составлен самый ранний (из сохранившихся) частноправовой документ, записанный в той форме, которая позднее стала широко использоваться во всех городах юга (Stone 1987: 20). Самые ранние контракты начала II тыс. до н. э. из Ура датируются примерно тем же временем, в других городах они появились несколько позднее.

Городская земля в Южной Месопотамии в этот период, как и в предшествующее тысячелетие, номинально принадлежала городской общине в лице главно-

¹⁰ В одном тексте из Ниппура времени царя Дамик-илишу (1816–1794), который представляет собой договор о продаже культовой должности в храме богини Нинлиль, упоминаются три категории храмовых донаторов, на часть приношений которых имеет право владелец должности: жители Ниппура, жители Исына и амореи (UMBC VIII/2 12; Socquerillat 1955: 58). О том, что амореи приносили дары в храмы Ниппура, свидетельствует найденная здесь ваза с посвяtitельной надписью от имени главы какой-то группы амореев: «Богине d.nin.suk.nir, своей госпоже, *ammī-īštar*, *rabiān* mar.tu за свое здоровье (этот сосуд) подарил» (RIME 4, 810).

го городского божества и была неотчуждаемой, т. е. не могла выходить за пределы семьи или родственной группы, которая ею владела (либо по праву наследования, либо получив в качестве вознаграждения за службу или как «дар» царя), пользовалась ею и несла в связи с этим определенные обязательства перед городской администрацией. В самом раннем законодательном памятнике II тыс. до н. э. из Южной Месопотамии, который был составлен, по-видимому, в Исине в правление третьего преемника Ишби-Эрры царя Ишме-Дагана (1955–1937), когда Ниппур находился под полным его контролем, были установлены следующие нормативы в отношении цен на городские строения и участки заброшенной земли в городе, а также стоимости аренды домов¹¹.

Column iii 3–8:

«Если 1 сар жилого строения [(человек) купил...]

Если 1 сар заброшенного участка (человек) купил, эквивалент его — 1 сикль серебра (за каждый сар).

Если 1 сар жилого строения человек нанял, 1 сикль серебра (в год) он должен отвесить».

Характерно, что параграфы, касающиеся аренды и продажи недвижимости, были приведены последними в законодательной части текста. Затем следовало заключение с угрозами тем, кто осмелится/попыtet уничтожить надпись или заменить в ней имя царя, оставившего ее, на свое собственное. Такое расположение параграфов, касавшихся цен на недвижимость, возможно, свидетельствует о том, что это было «нововведение», которым составители дополнили собрание традиционных формул в связи с изменениями, происходившими в жизни горожан.

Однако на практике, судя по договорам из Ниппура (см. ниже) и других городов юга, эти нормы, вероятно, почти никогда не соблюдались и колебания цен были очень значительными. Они зависели не только от качества недвижимости и обстоятельств, толкнувших продавца на совершение такой сделки, но и от общей ситуации в регионе¹². В других более поздних законодательных сборниках этого времени, например в сборнике преемника Ишме-Дагана царя Липит-Иштара (1936–1926), таких установлений уже нет.

Количество сделок по продаже городской недвижимости (или прав на владение ею) с начала II тыс. до н. э. медленно, но неизменно увеличивалось, и городская администрация старалась контролировать этот процесс. Все сделки, связанные с передачей прав на владение городской недвижимостью, фиксировались письменно в присутствии свидетелей и специального городского чиновника

¹¹ На табличке из города Сиппара, находящейся в Британском музее, сохранились три неполные колонки этого клинописного текста, написанного на шумерском языке. Он представляет собой отрывок не известного ранее законодательного кодекса из Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э., составленного, вероятно, в Исине (Michalowski, Walker 1989; Roth 1997).

¹² Цены на городскую недвижимость Ниппура, упоминаемые в документах, датированных 1895–1732 гг. до н. э., сильно колебались. При этом если с 1895 по 1739 г. включительно цены на дома колебались в пределах от 16 до 76 сиклей за 1 сар площади, то с 1738 по 1732 г. они колебались в значительно более низких пределах — от 4 до 16 сиклей за 1 сар, что было связано, скорее всего, с явным ухудшением политической ситуации в Южной Месопотамии в эти годы (Stone 1977).

(шум. ka.ki; акк. *kakikkum*). Правда, в Ниппуре, в отличие от других городов Южной Месопотамии (Ларсы, Ура, Эшнунны), роль такого контролера исполнял «резчик печатей» (шум. buḡ.gul; акк. *purkullu*), который, судя по списку свидетелей в договорах, почти всегда присутствовал при такого рода сделках. Именно он изготавливал печати, которыми продавцы удостоверяли договоры продажи¹³.

Начиная с 19 в. до н. э. для восстановления status quo в сфере владения недвижимостью в столичных городах Южной Месопотамии стали периодически издавать «царские указы» (*šimdat šarrim*), в соответствии с которыми отдельные виды сделок с недвижимостью аннулировались, так что первоначальный владелец теоретически имел возможность вновь вернуть ее себе. Для этого нужно было подать иск в суд, на что решились немногие, тем более что чаще всего суд приговаривал покупателя только к выплате сравнительно небольшой компенсации продавцу. Тем не менее если объектом сделки была купленная (*šām*) недвижимость, это обязательно специально отмечалось в договоре, чтобы покупатель впоследствии не отговаривался незнанием.

В квартале ТА было найдено более полутора тысяч табличек, большая часть которых представляет собой «школьные» тексты. Помимо учебных текстов здесь было найдено 60 табличек с записью частноправовых договоров¹⁴, но не обнаружено ни одного документа административно-хозяйственного характера (Козырева 2003).

Частноправовые документы из района ТА. Пять документов, содержащих договоры о разделе имущества, датированы 1880–1740 гг. до н. э. (Stone 1987: № 4, 6, 11, 31, 42). Договоры упоминают только недвижимость и культовые должности, раздел остального имущества (мебель, утварь, орудия труда, серебро), по-видимому, не фиксировался письменно либо оно оставалось в общем пользовании наследников. Среди имущества, подлежащего разделу, жилые строения в Ниппуре и других городах (Stone 1987: № 31, 42, более 60 кв. м), участки незастроенной городской земли (Stone 1987: № 4, 31, от 80 до 100 кв. м), поля (Stone 1987: № 6, 31, 1 + x га и более 12 га), культовые должности (Stone 1987: № 11).

Одиннадцать договоров о купле-продаже домов и участков незастроенной городской земли (Stone 1987: № 16, 17, 18, 19, 26, 37, 43, 44, 46, 47, 54) и один договор о продаже сада площадью около $\frac{1}{3}$ га (Stone 1987: № 13) были составлены между 1895–1732 гг. до н. э., т. е. приходятся на период более чем 160 лет. Площадь покупаемой городской недвижимости колеблется от 6 до 70 кв. м. Поскольку часто продавали смешанные участки — дом и двор (Stone 1987: № 16, 37) или же дом вместе с дверью и запором на ней (Stone 1987: № 17), то установить, как оценивались в Ниппуре разные виды городской недвижи-

¹³ Такие печати изготавливались специально по случаю заключения договора и использовались только один раз. Обычно их делали не из дорогого камня, а из глины. На них не было никаких изображений, а вырезались только имя и отчество продавца или группы продавцов. Печать такого типа, имевшая исключительно удостоверительную функцию, прикладывалась к глиняной табличке с нескольких сторон, после того как на ней был записан текст договора и пока глина еще не высохла.

¹⁴ Эти документы опубликованы в автографии (Stone 1987: pl. 36–94).

мости, чтобы сравнить их с ценами на недвижимость в других городах, можно далеко не всегда. В документах из ТА точно установить стоимость единицы площади городской недвижимости удается только в трех случаях:

1 sar жилого строения (é.dù.a) — 7 $\frac{1}{5}$ сикля серебра (1738 г., Stone 1987: № 43),

1 sar разрушенных строений (é.ki.šub.ba) — 3 сикля (1743 г., Stone 1987: № 54),

1 sar незастроенного участка (é.kis.lah) — 1 $\frac{1}{4}$ сикля (без даты, Stone 1987: № 19).

Всего по 11 сохранившимся договорам за 160 с лишним лет было продано около 150 кв. м жилых строений и участки городской земли, занятые заброшенными строениями, примерно такой же площади. Общая сумма платежей по всем договорам составляла около 450 г серебра. Большая часть сделок по продаже приходилась на 1743–1732 гг. до н. э., что могло быть связано с серьезным политическим кризисом, который примерно в это время охватил Южную Месопотамию.

Сохранилось также четыре документа об обмене недвижимостью. В двух случаях обменивали дома (Stone 1987: № 12, 45), в двух других — заброшенные участки (Stone 1987: № 20, 21). Обмены такого рода иногда совершались для того, чтобы избежать в дальнейшем претензий на купленную недвижимость от ее бывших владельцев. Среди документов есть два договора об аренде домов (Stone 1987: № 14, 50) и семь договоров об аренде полей, датированных 1744–1739 гг. (Stone 1987: № 29, 32, 38, 49, 51, 59, 60). В аренду чаще всего сдавались участки целины (arín.nu.zu, букв. «плуга не знающие») площадью от 0,3 до 4 га за часть урожая ($\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$). В Ниппуре, как и в Уре (см. ниже), сделки по купле-продаже и обмену городской недвижимости обычно заключались между родственниками и соседями. Иногда один и тот же крошечный участок продавался, обменивался и снова продавался, — и все это в одном узком кругу (Stone 1987: 42–47, 65 ff.).

Из района ТА сохранилось также шесть договоров о займе серебра (Stone 1987: № 2, 3, 7, 28, 39, 57) (1860–1749 гг.). Почти во всех сделках величина займа одинаковая — 1 сикль серебра, в одном случае — 7 сиклей (Stone 1987: № 2). Заем без роста заключался на срок от одного до пяти месяцев до сбора урожая, при этом в четырех случаях кредиторами выступали боги: Син (№ 2), Шамаш (№ 28, 39), Нинурта («ворота бога Нинурты», № 3). В одном случае заем (сумма не сохранилась) был дан под залог поля (№ 7). Еще один документ зафиксировал выдачу при свидетелях небольших сумм серебра трем лицам (Stone 1987: № 48).

В этой же группе документов находилось шесть договоров о займе зерна (Stone 1987: № 8, 9, 23, 27, 41, 61) (1801–1743 гг.). Все займы были заключены в конце или самом начале года до времени сбора урожая, т. е., скорее всего, это займы «на дожитие». Количество занимаемого зерна от 80 до 600 л. Три займа из шести (№ 8, 9, 23) — беспроцентные. Еще один случай займа касается шерсти (на месяц одалживают 1 мину шерсти) (Stone 1987: № 33).

Займы зерна и серебра, как видно из приведенных выше документов, производились достаточно редко, один договор от другого отделяют иногда десятки

лет. Суммы займов были сравнительно небольшими, а их возвращение почти всегда связывалось со сбором урожая. В ряде случаев одни и те же люди выступают то в роли кредиторов, то в роли должников, что, возможно, отражает разные стороны их деятельности в качестве представителей администрации хозяйства (Stone 1987: 63, n. 59; 110, n. 11). Так, некий Мар-ирцетим в одном случае дал в долг зерно (Stone 1987: № 27) (1750 г.), а на следующий год сам взял в долг 1 сикль серебра у бога Шамаша (Stone 1987: № 28) (1749 г.). Большинство выдаваемых займов, скорее всего, были займами вспомоществования. Об этом говорит и срок возврата займов, и то, что большинство из них были беспроцентными и кредиторами в ряде случаев выступали боги.

Четыре записи судебных разбирательств, сохранившихся в квартале ТА, посвящены исключительно имущественным спорам (Stone 1987: № 22, 24, 35, 36). Так, когда царь Самсуилуна, взойдя на престол, издал указ об отмене некоторых видов сделок на недвижимость и долговых обязательств, один из жителей ТА потребовал по суду вернуть ему участок заброшенной земли, проданный им за несколько лет до этого (Stone 1987: № 22) (1750 г., транслитерация и перевод текста: см. прил. к главе IX). Покупатель уладил спор, уплатив компенсацию серебром. Сумма компенсации неизвестна, так как документ поврежден.

Вероятно, с такой же ситуацией связан и другой судебный спор между жителями ТА, происходивший на 113 лет раньше (Stone 1987: № 36) (1863 г.). В этом случае трое лиц отказались от претензий на проданный (?) ими раньше дом в обмен на компенсацию в 1 сикль серебра. Два других документа, зафиксировавшие судебные разбирательства, сохранились не очень хорошо. В одном случае дело касалось расторжения договора об усыновлении, в другом, видимо, спора о наследстве (Stone 1987: № 24 без даты; № 35) (1920 г.?).

В этой группе документов также имелись брачный контракт (Stone 1987: № 1), договор о помолвке (Stone 1987: № 34), об усыновлении (Stone 1987: № 10, 15, 30, 62), о найме работника (Stone 1987: № 5) и освобождении раба (Stone 1987: № 53).

Таким образом, большинство частноправовых документов из ТА касается так или иначе имущественных вопросов, которые как будто совсем не возникали у жителей ТВ. Начав заселение этой части Ниппура с середины 20 в. до н. э., обитатели ТА уже с 1920 и вплоть до 1721 г. периодически покупали друг у друга или обменивали небольшие участки недвижимости, делили наследственное имущество, сдавали в аренду поля и рассматривали в судебном порядке споры относительно владения имуществом. Даже договоры усыновления чаще всего имели своей целью сохранение имущества в рамках семьи.

Частноправовая деятельность обитателей дома house N. Семьи, вновь заселившие район ТА в конце 20 — начале 19 в. до н. э., по-видимому, получали здесь во владение (за службу или как дар от царя) заброшенные участки городской земли и начинали на них строительство¹⁵. Постепенно к ним старались

¹⁵ В договоре о разделе имущества одной из семей района ТА упоминается участок поля площадью около 2 га, который назван в документе «дар царя» (Stone 1987: 47).

присоединиться их родственники и соплеменники, также пытавшиеся закрепиться в городе. Это достаточно четко прослеживается на примере одного из домов в районе ТА, который в археологических планах обозначен как house N. В этом доме было найдено больше всего частноправовых документов, которые хронологически охватывают почти весь период существования города Ниппура в первые века II тыс. до н. э. Форма самых ранних глиняных табличек, найденных в этом доме, почерк документов, особенности формулировок, записанных в договорах, а также данные просопографии, — все это явно отличает их от сходных документов из Ниппура и позволяет предположить, что обитатели этого дома (как и многих других домов района ТА) были приезжими, а не коренными жителями Ниппура (Stone 1987, 59–67)¹⁶.

Семейным богом многих обитателей этого и соседних домов был, вероятно, бог Амурру, который постоянно упоминается в их именах собственных. В найденных здесь документах встречаются следующие имена такого рода: Апилль-Амурру, Амурру-бани, Амурру-шеми, Варад-Амурру¹⁷. Носители этих имен в найденных здесь контрактах выступали как активно действующие лица. Среди свидетелей, приложивших свои печати к текстам договоров, заключавшихся обитателями этого дома, были и такие, которые в надписях на печатях называли себя «рабами бога Амурру»¹⁸, а к одному из документов, найденных в этом доме, была приложена печать самого бога Амурру с надписью «бог Амурру, сын бога Анума»¹⁹.

Обитатели этого дома покупали, продавали и обменивали участки городской земли с разрушенными строениями, арендовали дома и поля, продавали и покупали культовые должности, давали в долг и сами занимали серебро, зерно, шерсть (Stone 1987: 62). В 1764–1743 гг. до н. э. одним из жителей дома был некий Амурру-шеми, упоминающийся в целом ряде документов, найденных здесь (Stone 1987: № 19, 20, 22–26). Именно с ним связаны два из четырех судебных дел, дошедших из этого района. Основной род его занятий неизвестен. Его частная деятельность, отраженная в нескольких сохранившихся документах, связана с недвижимостью. Он несколько раз покупал (Stone 1987: № 19) и выменивал (Stone 1987: № 20) городские участки с заброшенными строениями, располагавшиеся рядом с его домом, чтобы расширить свои

¹⁶ Есть и другие данные, подтверждающие предположение о том, что многие жители района ТА, в частности обитатели house N, были приезжими. Однако свидетельства эти весьма противоречивы и указывают на разные направления (Stone 1987: 62 ff.). В одном из договоров о разделе имущества, найденном в этом доме, упоминается, что помимо недвижимости в Ниппуре семья имела дом в городе *Jahlpilum* (местность к югу от города Ашшура на берегу Тигра, см. RG b.3, 119). Северное происхождение жителей house N как будто объясняет аккадские имена, непривычные для Ниппура, и относительно частое (для Ниппура) применение аккадского (а не шумерского) языка в найденных здесь документах. Однако их формуляр и упоминающаяся в них клятва именем богов полностью соответствовали синхронным текстам из Южной Месопотамии.

¹⁷ *apil-amurru* — «наследник бога Амурру», *amurru-bānī* — «бог Амурру — (мой) создатель», *amurru-šemī* — «бог Амурру услышь (меня)», *warad-amurru* — «слуга бога Амурру».

¹⁸ d.EN.ZU-šaruh // dumu ilī-dimī // ir d.mar.tu (Stone 1987: № 19, 21).

¹⁹ d.mar.tu // dumu d.an.na (Stone 1987: № 51).

владения. Всего, судя по сохранившимся договорам купли и обмена, он приобрел около 70 кв. м (2 сар) заброшенного участка за 2 $\frac{1}{2}$ сикля серебра и выменял еще 35 кв. м (1 сар) за равноценный участок таким образом, что приобретенные им участки оказались рядом с его домом.

Амурру-шеми совершил по крайней мере еще одну купчую, но письменного договора об этом не сохранилось. О ней упоминается в записи судебного дела, которое рассматривалось через много лет после совершения этой сделки (Stone 1987: № 22, транслитерацию и перевод текста см. в приложении к главе IX). Согласно решению суда, Амурру-шеми должен был откупиться от первоначального владельца недвижимости, выплатив ему некоторую сумму серебра. Чтобы избежать в будущем возможных претензий со стороны продавцов недвижимости, люди, желавшие поселиться в городе, должны были, вероятно, либо породниться с семьями, владевшими здесь недвижимостью, либо приобретать недвижимость через посредников. Документы из house N дают некоторое представление о том, каким образом к семьям, поселившимся в Ниппуре, постепенно присоединялись их родственники или соплеменники.

Один из вариантов приобретения недвижимости, возможно, зафиксирован в договоре от III месяца 1743 г. до н. э. (Stone 1987: 62–63, № 25, транслитерацию и перевод текста см. в приложении). Согласно этому документу, Амурру-шеми, один из обитателей house N, собрал с группы в девять человек значительное количество зерна (более 3300 л) и передал это зерно своему соседу Апил-Амурру в уплату за его дом (*šām é.a.ni*). Кто были эти люди, неизвестно, поскольку в других документах их имена не встречаются. Однако некоторые особенности формуляра этого договора позволяют предположить, что данная сделка во многом отличалась от обычных купчих.

Очень часто в договорах того времени имена участников сделки сопровождались уточняющими указаниями, которые могли представлять собой либо отчество, либо профессию/род занятий участника сделки. В данном случае такие указания сопровождают имена трех из девяти лиц. В остальных случаях либо никаких указаний нет, либо вместо отчества указано имя матери, имя сына и даже имя брата отца²⁰, а один из девяти обозначен как проживающий в доме продавца (*asīrum ša ina é apil-d.mar.tu wašbu*)²¹. Такое указание вызывает аналогию с параграфами 3X, согласно которым «человек, проживающий (в доме)», может (имеет право?) купить этот дом у владельца, уплатив «полную» цену²².

²⁰ Это вызывает некоторые аналогии со «списком амореев» из Эшнунны (см. главу X), в котором амореи, получившие разрешение поселиться в Эшнунне, названы не по именам собственным, а обозначены как братья или сыновья определенных высокопоставленных лиц.

²¹ Аккадское слово *asīrum* буквально означало военнопленного, которого использовали как работника. Иногда оно встречается и как имя собственное или прозвище (CAD v. 1 part II 331).

²² Сравнительно недавно был опубликован вновь найденный фрагмент Законов Хаммурапи, который заполнил лакуну, существовавшую между 78 и 79 параграфами законов. Речь в нем идет об арендаторе, буквально «человеке, проживающем (в доме)» (*awīlum wašbum*), который захотел купить этот дом. Ни о каких возражениях, могущих возникнуть со стороны домовладельца, не упоминается. Единственное условие, которое должен соблюсти покупатель, это выплата «полной цены» (Donbaz,

Среди свидетелей договора упомянуты два высоких должностных лица — рабианум, т. е. глава города или городского совета, и глашатай (*nimgir*), в чьи обязанности входило объявление царских указов населению. Список свидетелей заканчивается необычной фразой, в других договорах, насколько известно, не встречающейся: «и (другие) свидетели, которые у отцов своих живут». Можно предположить, что имелись в виду надежные свидетели, жившие не в купленных домах (*é šám*), а в домах, права на которые они унаследовали от своих предков (т. е. купленные дома и люди, в них живущие, не надежны, поскольку с изданием очередного царского указа (*šimdat šarrim*) договор купли мог быть расторгнут?).

Через три месяца после заключения этого договора был составлен еще один, согласно которому Амурру-шеми при тех же свидетелях купил у Апиль-Амурру участок с заброшенными строениями (*ki.šub.ba*) площадью в 18 кв. м, располагавшийся рядом с храмом бога Амурру (Stone 1987: № 26). Цена на этой табличке, к сожалению, не сохранилась. Возможно, этот второй договор был заключен, чтобы оформить в привычной формулировке не совсем обычное первоначальное соглашение.

Профессии и должности ТА. Об источниках существования и занятиях жителей ТА и ТВ, как уже говорилось выше, можно судить главным образом по упоминаниям профессий/должностей, которые сопровождали имена участников и свидетелей сделок в текстах договоров, однако далеко не всегда эти люди жили там, где составлялся договор. Жители ТА и ТВ, вероятно, поддерживали между собой тесные контакты, и нередко одно и то же должностное лицо выступало свидетелем в сделках, заключавшихся и в том и в другом квартале.

Список должностей, упоминаемых в документах ТА (звездочкой отмечены должности, носители которых являлись непосредственными участниками договора, в остальных случаях должность указана при имени свидетеля, жирным шрифтом отмечены те должности, которые встречаются в документах и ТА, и ТВ):

резчик печатей (**bur.gul**),
торговый агент-тамкар (*dam.gâr**),
писец (**dub.sar**),
(жрец) заклинатель (*gala*),
управляющий трудовыми и военными ресурсами города (*gîr.níta*),
(жрец) умаститель (**gudu4***),
умаститель богини Нинлиль (**gudu4 d.nin.líl.lá**)
умаститель бога Нинурты (*gudu4 d.nin.urta*),
жрица бога Нинурты (**lukur d.nin.urta***),
пивовар (**lú ŠIM**),
пивовар бога Энлиля (**lú ŠIM d.en.líl.lá**),

Sauren 1991). Интересно, что в тексте «Реформ Урунимгины» (Лагаш, 25 в. до н. э.) законодатель, устраняя злоупотребления администрации, рассматривает в том числе ситуацию, когда начальник пожелает купить дом, построенный его подчиненным. Сделка может состояться только с согласия продавца и по той цене, которую он назовет (SARI I 72).

глашатай (**nimgir**),
жрец (**nu.èš***),
глава городского совета (*rabiānum*),
глава (хозяйства) бога Лугальдукуга (*sanga d.lugal.du8.kù.ga*),
глава (хозяйства) бога Нанны (*sanga d.nanna*),
кузнец (**simug**),
глава храмового хозяйства (*šabra*),
начальник квартала (*ugula dag.gi4.a*),
начальник хозяйства богини Мах (**ugula é d.mah**),
начальник «дома чистоты» (*ugula é sikil*),
стражник (*uku.ús*),
стражник главного управителя Ниппура (*uku.ús gú.en.na*).

Так же как и в случае с ТВ, этот список не дает нам, конечно, полного представления о должностном составе жителей ТА, но позволяет сделать некоторые предположения. Среди обитателей этого квартала были ремесленники: резчик печатей, кузнец, пивовар. Многие из них владели культовыми должностями, в том числе и в храмах главных городских богов: Энлиля, Нинлиль, Нинурты. Именно такого рода должности и связанные с ними постоянные доходы делали экономическое положение горожанина относительно стабильным, а городскую жизнь весьма привлекательной в глазах населения. Однако среди жителей ТА, в отличие от обитателей квартала ТВ, было немало лиц, связанных и с городской администрацией. Это глава городского совета, управляющий рабочими ресурсами города, начальник квартала, стражники.

Упоминания квартала (*bābtum*) в документах из ТА. Жители Ниппура были объединены в соседства или кварталы (шум. *dag.gi4.a*, акк. *bābtum*), в каждый из которых могло входить несколько родственных групп. Во главе квартала, как и любой административной структуры крупного хозяйства, стоял «начальник квартала» (*ugula dag.gi4.a*). Лица, входившие в каждый квартал, были связаны не только узами родства и соседства, но и имели общие экономические интересы, а собрание квартала решало не только узкосемейные вопросы, но и вопросы, касавшиеся распределения доходов и расходов квартала, например на похороны или сговор невесты. Вероятно, эти расходы контролировались администрацией квартала или учитывались с целью компенсации²³. Записи такого рода сохранились в нескольких документах из ТА (Stone 1987: № 25, 34).

В 1742 г. до н. э. один из обитателей house N в районе ТА, Ипкуша, усыновил своего внука, Эа-тайара, сына своей дочери, и разделил имущество между ним и своим сыном, Эа-турамом (BE 6/2 28; Stone 1991: 41–42). Каждому из двух наследников досталось по 9 кв. м жилого помещения и по земельному участку площадью 0,3 га на поле, которое называлось «установленное богом Энлилем» (*d.en.lil gar.ra*) (наследственный земельный надел?). Поле такой площади даже

²³ Такого рода документы, тщательно учитывающие расходы, понесенные в связи с важными событиями внутрисемейной жизни, известны нам и из Ура (UET 5 636; Greengus 1966; Charpin 1986: 66–67; Дьяконов 1990: 353).

при максимальной урожайности не могло дать более 900 л (3 гур) зерна при годовой прожиточной норме на одного человека 720 л ($2\frac{2}{5}$ гур, см.: Козырева 1988: 140 сл.). При этом каждый сын обязался выплачивать отцу содержание по принятым тогда нормам, а именно по 720 л зерна, 3 л растительного масла и 3 кг шерсти ежегодно. Нарушивший это обязательство лишался прав на наследование. Откуда сыновья могли взять эти продукты и что было действительным источником их существования, можно только предполагать.

Поле, на котором наследники получили свои участки, судя по названию, принадлежало хозяйству бога Энлиля. На этом же поле располагались участки почти такой же площади, которыми владела другая семья из этого дома (Stone 1987: № 31) (1740 г.). Вероятно, обитатели house N входили в число персонала, получавшего от хозяйства Энлиля обеспечение в виде небольших земельных наделов, а также в виде постоянных выдач продуктов.

Однако порядок, установленный договором о разделе имущества, о котором говорилось выше, нарушила непредвиденная ситуация. Сначала, по-видимому, умер Эа-тайар, потом умерла жена Ипкуши, т. е. бабушка Эа-тайара, а вскоре и сам Ипкуша. Возникла необходимость учесть все расходы, связанные с похоронными обрядами и распределением годового содержания, причитавшегося Ипкуше. По этому случаю в присутствии «начальника квартала» (*ugula dag.gi4*. a) и свидетелей из числа жителей этого квартала был составлен документ (Stone 1987: № 40, транслитерацию и перевод текста см. в приложении), в котором были зафиксированы все расходы, произведенные в связи с похоронами и с перераспределением содержания, получаемого одним из жителей квартала. Общая сумма расходов (Stone 1987: 40, г. 9–11) была значительной: 1630 л зерна, 30 л муки, $3\frac{1}{2}$ л растительного масла, 1,5 кг шерсти, $\frac{1}{3}$ сикля серебра, одна овца.

Начальник квартала Или-мансум, по показаниям которого в 1740 г. до н. э. была составлена эта расходная запись, в следующем, 1739 г. выступил свидетелем при заключении договора помолвки в одной из семей квартала (Stone 1987: № 34). На этой церемонии помимо начальника квартала присутствовали еще 12 свидетелей и было израсходовано, как следует из записи, $1\frac{1}{3}$ сикля серебра на пиво для гостей и около 1 л масла для умащений.

Приведенные данные могут свидетельствовать о том, что и в начале II тыс. до н. э. жители городских кварталов (*bābtum*) были объединены не только родственными и соседскими связями, но и общими хозяйственными интересами, а сами кварталы представляли собой определенную административную структуру единой городской системы²⁴.

²⁴ Еще одно свидетельство того, что жителей квартала (*bābtum*) объединяли не только родственные и соседские отношения, но и единый социальный статус и способ материального обеспечения, возможно, содержит документ Ki 1056 из Киша. Хотя собственно термин *bābtum* в нем не упоминается, издатели предполагают, что мы имеем в нем дело с группой семей, образовывавших именно такого рода структуру (Donbaz, Yoffe 1986: 57–69).

Документ был составлен в конце 19 или начале 18 в. до н. э. и происходит из города Киш, одного из древнейших городов Южной Месопотамии. Он представляет собой список выдач зерна отдельным семьям (домам). Всего перечислены 22 семейных дома-хозяйства (é), но, по-видимому, это только

Жители ТА и ТВ — сходства и отличия. Кварталы ТВ и ТА вместе с другими кварталами Ниппура составляли в своей совокупности единую городскую экономическую структуру, объединявшую крупные хозяйства, большинство из которых номинально считалось принадлежащими богам. Все горожане, в том числе и те, кто заселял районы ТА и ТВ, были тесно связаны с этими хозяйствами, но при этом жители ТВ, возможно как потомки коренных ниппурцев, по-видимому, входили в число наследственной администрации хозяйств главных городских богов, получая оттуда основные средства к существованию. В то время как жители ТА, среди которых было значительное число пришлого населения, были, вероятно, связаны с другими крупными городскими хозяйствами, в том числе и с хозяйством Большого дома (дворца).

Условия жизни в обоих районах были сходные, и политические события, затрагивавшие город, одинаково влияли на жизнь всех горожан. В обоих районах были школы, где обучались дети, и в обоих районах были найдены синхронные массовые детские захоронения, относящиеся к самому началу и самому концу этого периода существования города. Возможно, они были связаны с разрушениями, которым подвергался Ниппур в эти моменты своей истории.

Сходство и различие двух районов города отчетливо проявляются при сравнении предметов материальной культуры, найденных в домах ТА и ТВ. Данные такого рода собраны Э. Стоун (Stone 1987: 113). Приведем только некоторые выдержки из ее таблицы:

	ТА	ТВ
всего предметов	366	727
ювелирные изделия	28	83
оружие	4	12
печати	23	109
бусины	2	16
приспособления для ткачества	12	13
металлические изделия	3	20
гири	23	23
игрушки	5	5

фрагмент более обширного списка. Каждая семья, как правило, состояла из главы семьи (указывается его имя и отчество) и его домашних, в числе которых могли быть жена, дети, рабыни, дети рабынь, иногда старики и другие родственники. Не все семьи полные, в некоторых нет хозяина или хозяйки. После перечня представителей каждой семьи, которые получали выдачи, указывалось, что они составляют «дом такого-то» (é PN). Приведем фрагмент перевода, в котором описывается одна из семей: «90 л (зерна) — Даданум, сын Лапия, 30 л — Арвия, его жена, 20 л — Ахати-вакрат, его рабыня, 20 л — Аппан-или, ее сын, 20 л — Хумуси, его сестра. (Это) дом-хозяйство Даданума».

Главы семей получили от 80 до 120 л зерна, их жены — 30 л, а рабыни и дети рабынь — от 10 до 20 л. Судя по количеству зерна, документ фиксировал выдачу за месяц. По крайней мере некоторые из семей были связаны между собой родством. Возможно, это были семьи новопоселенцев, со-

Как видно из таблицы, в обоих кварталах было найдено почти одинаковое количество предметов домашнего пользования: приспособления для ткачества, детские игрушки. Интересно, что оружие (наконечники для стрел) в обоих районах было найдено на открытых пространствах в тех же слоях, к которым относятся и массовые детские захоронения, т. е. эти находки, вероятно, были также связаны с кризисными моментами в истории города (Stone 1987: 114).

В районе ТВ было найдено гораздо больше печатей, чем в районе ТА, однако помимо различия в количественном соотношении этих предметов прослеживается весьма существенное различие в их использовании. Жители ТВ применяли печати гораздо чаще, но использовали их главным образом в служебной практике: оттиски их печатей сохранились на глиняных буллах, которыми опечатывали склады, емкости, сосуды с продуктами, документы хозяйственной отчетности (Stone 1987: 115). Жители ТА прикладывали печати прежде всего к текстам договоров для скрепления различного рода частноправовых сделок. Помимо самых простых печатей (*buḡ.gul*) они часто использовали и печати с надписями типа «такой-то, сын такого-то, раб бога имярек» (*PN dumu PN ir DN*, подробнее об этих видах печатей см. гл. XIX).

Жители ТВ, очевидно, были потомками коренных горожан, сумевших пережить катастрофы, постигшие Ниппур. Их семьи были издавна прочно включены в систему крупнейших храмовых хозяйств города и занимали стабильное положение ближе к верхушке храмовой иерархии. Служба в храме давала им все необходимое для существования: дома, служебные наделы, выдачи продуктов, но при этом для них исключалась всякая возможность каких-либо манипуляций с недвижимостью. Судя по найденным здесь предметам материальной культуры (ювелирные изделия, утварь, богатый погребальный инвентарь), жители ТВ располагали значительными материальными ресурсами и жили гораздо богаче жителей ТА²⁵.

Среди обитателей ТА наверняка было немало пришлого населения. Восстанавливая священный город Ниппур после катастрофы, случившейся в первой половине 20 в. до н. э., цари старались прежде всего вернуть оставшихся в живых городских жителей, «рассеявшихся» по стране. Недостаток населения, возможно, восполняли за счет жителей других разрушенных городов или переселяя в город семьи своих соплеменников, амореев, занимавшихся сельским хозяйством и скотоводством на свободных территориях между городами. При этом «новые» горожане, получив участки городской земли, таким образом, должно быть, приобретали статус и привилегии полноправных горожан. Они могли покупать культовые должности и получать земельные наделы или выдачи от храма, связанные с этими должностями. Среди них было немало лиц, связанных с городской администрацией.

ставивших новый городской квартал, которые снабжались зерном из городского хозяйства. Можно отметить, что многие имена в списке явно аморейские.

²⁵ Если сравнивать с кварталами Ура этого же времени (см. ниже), то определенное сходство можно найти между жителями квартала ТВ в Ниппуре и обитателями квартала ЕМ в Уре.

Жители ТА, в отличие от обитателей ТВ, могли в определенной мере распоряжаться своей недвижимостью. Однако возможности для манипуляций такого рода были, вероятно, ограничены рамками семьи и ближайшего соседства. Вся деятельность, касающаяся недвижимости, строго контролировалась городской администрацией и периодически регулировалась с помощью царских указов (*šimdat šarrim*).

Приложение. Ниппур, район ТА. Запись о сборе средств на покупку дома от III месяца 1743 г. до н. э. (Stone 1987: № 25); запись расходов по случаю проведения погребальных церемоний (Stone 1987: № 40, без даты)

Stone 1987: № 25

1. 3 gur še *be-el-ta-ni*
2. lukur d.nin.ur
3. dumu.mí *pa-ni-ra-bi*
4. 3 gur dingir-*da-mi-iq*
5. ú nu-úr-d.utu
6. 1.2.3.0 ì-lí-i-din-nam
7. dumu šeš.a.ni *ša ba-zi-ja*
8. 1.0.3.0 d.EN.ZU-i-din-nam
9. dumu *dam-qum*
10. 0.1.5.0 *ma-an-nu-um-ba-lum-d.utu*
11. *a-bi* d.nin.ur-*ga-mil*
12. 0.3.5.0 *a-si-rum*
13. *ša i-na é a-pil-d.mar.tu*
14. *wa-aš-bu*
- r.1. 0.3.2.0 *iz-ku-rum*
2. dumu *e-la-dingir*
3. 0.3.2.0 d.EN.ZU-*a-hi-i-din-nam*
- 4–5. dumu d.*ma-ar-ti-d.a-nu-um-mi*
6. šu.nigin 11.0.1.0 gur še
7. *ša d.mar.tu-še-mi*
8. šám é.a.ni
9. *a-na a-pil-d.mar.tu*
10. *id-di-nu*
11. igi ì-lí-di-*e-ki ra-bi-a-nu*
12. igi *ma-an-na-šu*
13. igi *be-la-nu-um*
14. igi *a-pil-d.mar.tu nimgir*
15. igi *li-pí-it-ištar*
16. ù ši-bi *ša i-na ab-bi-šu-nu*
17. *uš-bu*

iti sig4.a
mu sa-am-su-i-lu-na lugal
giš.tukul šu.nir

Перевод:

«900 л зерна (от) Белтани, жрицы-надиту бога Нинурты, дочери Пани-раби;
900 л (от) Или-дамик и Нур-Шамаша;
450 л (от) Или-иддинама, сына брата (человека) по имени Базия;
330 л (от) Син-иддинама, сына Дамкума;
110 л (от) Маннум-балум-Шамаш, отца Нинурта-гамила,
230 л (от) Асирума, который в доме Апиль-Амурру живет;
200 л (от) Изкурума, сына Элаили;
200 л (от) Син-ахи-иддинама, сына Марти-ану-умми.

Всего 3310 л зерна, которое Амурру-шеми (в качестве) платы за дом его Апиль-Амурру отдал.

Перед Или-деки, старостой, перед Маннашу, перед Беланумом,
перед Апиль-Амурру, глашатаем, перед Липит-Иштар и
(другими) свидетелями, которые у отцов своих живут.

(приписка на боковой стороне таблички) Месяц симанум. Год, (когда) Сам-суилуна, царь, оружие-эмблему (приказал изготовить)».

Stone 1987: № 40

1. *i-li-ma-an-sum ugula dag.gi4.a*
2. *m.ni-in-nu-tum dumu a-li-wa-aq-rum*
3. *ù u-bar-d.utu dumu a-ab-ba-a*
4. *ši-bu-ut-šu-nu ki-a-am iq-bu-ù*
5. *um-ma šu-nu-ù-ma*
6. *aš-šum šu-ha-ra-am*
7. *ma-ri ma-ar-ti-šu*
8. *ip-qu-ša*
9. *i-na bi-ir-ki-šu id-du-ù*
10. 2 [+x] še.gur 3 sila i.giš
11. 3 ma.<na> síg 1 u[du.níta]
12. 2 (pi) še nindà 6? (pi) kaš [x]
13. *u4.um a-ša-su m[a-a-t]u*
14. 3 (ban) še a-na ša k[a-pa-r]i-im
15. 2 (ban) zíd.še 2 (ban) [x]
16. *a-na ki.sì.gá u4 3 kam*
- r.1. 1 (?) (ban) zíd.še 5 sila zú.lum 1/2 sila i.giš
2. *a-na giš.gu.za iti ab.è*
3. 2 še.gur šuku *ip-qu-ša*
4. *egir a-ša-ti-šu*
5. *iš-tu iti sig4.a*
6. *a-di še.gur10.kud u4 10 kam*

7. 1 (pi) še šu.ti.a é-a-tu-ra
 8. $\frac{1}{3}$ gín kù.babbar šám túg
 9. 5.2.1.0 še.gur 3 (ban) zíd.še
 10. 3 $\frac{1}{2}$ sila i.giš 3 ma.na síg
 11. $\frac{1}{3}$ gín kù.babbar 1 udu.níta
 12. igi a-we-li-ja ugula é sikil
 13. igi ma-an-nu-um-ma-hir-šu lú ...
 14. igi ma-nu-um-ma-hir-šu dumu.ni
 15. igi d.inanna-ma-an-sum šeš.a.ni
 16. igi mu-na-wi-rum
 17. igi i-lí-iš-me-a-ni
- (последние строки не сохранились)

Перевод:

«Или-мансум, начальник квартала, Ниннитум, сын Али-вакрума, Убар-Шамаш, сын Аббайи, свидетели эти так говорили. Они сказали: “Поскольку юношу, сына дочери своей, Ипкуша потерял (букв. ‘из лона своего уронил’), (то были произведены следующие расходы):

600 [+x] л зерна, 3 л растительного масла, 1,5 кг шерсти, 1 овца, 120 л зерна (на) хлеб, 360 л пива [x], — (было израсходовано).

Когда жена его у[мер]ла, (то были произведены следующие расходы):

30 л зерна для (ритуала) очищения, 20 л муки, 20 л [x] для похоронных обрядов 3-го дня, 10 л муки, 5 л фиников, $\frac{1}{2}$ л растительного масла для (ритуала) трона месяца тебетума.

(Также было израсходовано):

600 л зерна — пропитание Ипкуши, (пока) за женой своей (он не ушел?), с месяца симанума до месяца аддарума 10-го дня;

60 л зерна получил Эатурам, $\frac{1}{3}$ сикля серебра — стоимость одежды.

(Всего было израсходовано) 1630 л зерна, 30 л муки, 3 $\frac{1}{2}$ л растительного масла, 1,5 кг шерсти, $\frac{1}{3}$ сикля серебра, 1 овца”.

Перед Авилия, начальником “дома чистоты”, перед Маннум-махиршу, [...], перед Маннум-махиршу, его сыном, перед Инанна-мансум, его братом, перед Мунаввирумом, перед Или-ишмеани».

Глава XII

Город Ур в начале II тыс. до н. э. Резидентные кварталы (ЕМ, АН, CLW)

Город Ур в начале II тыс. до н. э. Квартал ЕМ. Домашние «архивы» жителей квартала ЕМ. Профессии и должности. Имущественное положение и основные источники материальных ресурсов. Служебные земельные наделы. Распределение доходов хозяйства бога Нанны. Частноправовая деятельность.

Квартал АН. Общие сведения о семейном имуществе жителей АН. Виды имущества. Городская недвижимость. Продажа городской недвижимости. Сады. Цены на городскую недвижимость и сады. Упоминания городской недвижимости и земли в садах в договорах обмена и аренды. Продавцы и покупатели недвижимости. Особенности продажи недвижимости. Судебные дела, связанные с имущественными спорами (дома, сады). Культовые должности-пребнды в составе семейного имущества. Серебро, рабы, утварь. Поля (служебные земельные наделы). Занятия (служебный статус) жителей АН. Обозначения профессий и должностей при именах свидетелей в частноправовых договорах и судебных протоколах из АН. Культовые должности. Административные должности. Управление скотоводством. Управление заготовками тростника. Кредитная деятельность жителей АН.

Квартал CLW. Архив семьи Адад-гугаллума. Судебное решение от 1890 г. до н. э. Покупка городской недвижимости в 1889 г. до н. э. Раздел партнерского имущества в 1817 г. до н. э. Договоры о купле-продаже недвижимости от 1815–1813 гг. до н. э. Эламитяне и амореи в районе CLW. Печати и оттиски печатей в Уре. Заключение.

Приложение: запись судебного протокола от X месяца 1813 г. до н. э. (UET 5 247) и договор займа от XII месяца 1804 г. до н. э. (UET 5 389).

Город Ур в начале II тыс. до н. э.¹ Территория Ура была обитаема с середины V тыс. до н. э. В конце IV тыс. до н. э. Ур стал центром одной из городских систем Южной Месопотамии. В течение всего III тыс. до н. э. он был одним из важнейших хозяйственных и политических центров юга, а в конце тысячелетия стал столицей всей Южной Месопотамии, объединенной царями III династии Ура. После распада государства Ур III и разрушения города войсками эламитян Ур так и не вернулся к состоянию независимой политической структуры. В течение последующих 260 лет город последовательно входил в состав государств Исына, Ларсы и Вавилона. Тем не менее именно в это время, в первые века II тыс. до н. э., он активно рос и его площадь достигла своих наибольших размеров. В плане город представлял собой неровный овал размером 1200 на 800 м и площадью около 60 га, который огибали два водных протока: с юго-западной стороны Евфрат, а с северо-восточной — большой канал. Территорию города пересекала целая система небольших каналов². Две пристани находились на западе и на севере города, а главная торговая пристань располагалась, вероятно, за пределами собственно города. Для обозначения на археологическом плане улиц и площадей города Ура Л. Вулли, который руководил британскими археологами, проводившими здесь раскопки в 1922–1934 гг., заимствовал городские названия Оксфорда³ (Woolley 1976).

В конце III тыс. до н. э. Ур окружала мощная стена из обожженного кирпича. После захвата города эламитами в 2004 г. до н. э. эта стена была разрушена и начала отстраиваться вновь уже при царях династии Ларсы, когда территория Ура перешла под их контроль. В правление царя Син-иддинама (1849–1842) и затем при царе Варад-Сине (1834–1822) стена была вновь отстроена и окружена защитным валом с башнями (RIME 4, 174–175, 236–243). В одной из своих надписей царь Варад-Син упоминает, что расширил территорию города. При нем же были построены новые городские ворота. Вход в город, возможно, находился в середине восточной части городской стены (Mieroop 1992: 29).

Мощный административно-храмовый комплекс с храмом главного бога города Нанны и храмами и святилищами других богов городского пантеона располагался в северо-западной части города (там же, где он находился и в на-

¹ При раскопках Ура в слоях рассматриваемого периода было обнаружено более 1500 клинописных текстов, около 1000 из которых были опубликованы. Копии (автографии) большей их части были опубликованы в издании UET 5, Figulla 1953; см. также Ormsby 1972; Loding 1976; 1989. Координация археологического материала с данными письменных источников из Ура была осуществлена в исследовании И. М. Дьяконова (Дьяконов 1990) и позднее в более полном объеме в монографии М. Мирупа (Mieroop 1992). Исследование большой группы документов, связанных с деятельностью персонала центральных городских храмов, было проведено Д. Шарпенем (Charpen 1986).

² Каналы, пересекающие города, встречаются на археологических планах многих городов Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.: Ниппур, Машкан-шапир, Сиппар (Stone 1987; Mieroop 1992: 30).

³ Экспедиция раскапывала не только монументальные здания, прежде всего грандиозный храмовый комплекс в центре, но исследовала и жилые здания, городскую стену, некоторые кварталы города. Огромной заслугой Л. Вулли было издание целой серии отчетов о раскопках и найденных памятниках, в которых содержится неоценимая информация о всех периодах существования Ура (UE).

чале III тыс. до н. э.). На месте царских гробниц середины III тыс. до н. э. в начале II тыс. до н. э. располагалась группа больших, единообразно спланированных и, вероятно, единовременно построенных домов, которые, по-видимому, соединяли в себе функции жилых и административных зданий (Charpin 1986: 245–250). Внутри этих домов было найдено несколько административных записей, относящихся к 19 в. до н. э. (Mieroop 1992: 32, 272).

Вся остальная территория города внутри городских стен была плотно застроена, только жилых домов было предположительно более 4000⁴. Население города могло составлять 10–15 тысяч человек. Город состоял из нескольких жилых районов (кварталов), отделявшихся друг от друга каналами⁵. В каждый такой квартал, возможно, вели собственные ворота, названия которых неоднократно упоминаются в текстах из Ура этого времени. Археологами были раскопаны несколько фрагментов отдельных резидентных кварталов города. Наиболее тщательно были исследованы три из них, обозначенные в археологических планах как ЕМ, АН и CLW.

Домашние «архивы» жителей ЕМ. К центральному культовому комплексу с юга примыкал жилой район, который на плане археологических раскопок был обозначен как ЕМ (Козырева 2000). В этой части города, сохранившейся лучше других, был обследован участок застройки площадью около 3000 кв. м, на котором было найдено 16 домов, образовавших четыре улицы. Расположение улиц и домов, в основном двухэтажных (многие из них были построены, наверное, еще в конце III тыс. до н. э.), носило, судя по всему, регулярный характер. В этих домах было найдено около 140 клинописных табличек (имеются в виду только те, которые были в хорошем состоянии).

Почти треть найденных текстов (46), похоже, представляют собой остатки «школьной библиотеки». Это копии царских надписей, литературные, лексические, математические тексты, учебники, сборники упражнений по грамматике и т. п. Они были найдены в доме № 7 по Quiet Street, где были не только жилые помещения, но находилась, вероятно, и школа (Charpin 1986: 35–41; Дьяконов 1990: 225–266; Mieroop 1992: 267–270). Остальные таблички содержат главным образом административно-хозяйственные записи (более 60). Также было найдено небольшое количество (около 30) юридических документов (договоров, судебных решений и писем). Все эти тексты, судя по сохранившимся во многих случаях датировкам, составлялись в промежутке от 1900 до 1750 г. до н. э., т. е. в течение примерно 150 лет.

Большая часть табличек была найдена *in situ* в жилых домах. Эти домашние «архивы» принадлежали представителям высшей администрации крупнейшего хозяйства города Ура — хозяйства бога Нанны. Большинство документов, хранившихся в таких «архивах», представляли собой списки и отчетные записи, связанные со служебной деятельностью обитателей этих домов. Возможно, это

⁴ По мнению Л. Вулли, в стенах города насчитывалось до 4250 домов (UE 7, 1–10).

⁵ Внутри городских стен в это время могло существовать по крайней мере шесть отдельных резидентных территорий (Woolley 1976: 12).

были копии хозяйственных документов, сделанные для личного пользования, а может быть, хозяева по каким-то своим соображениям хранили дома некоторые служебные записи. Чиновники этого хозяйства вместе со своими семьями жили поблизости от главного административно-храмового комплекса города, передавая из поколения в поколение своим наследникам служебный статус, должности и семейные имена⁶.

Один их таких «архивов», найденный в доме 5 по Quiet Street, принадлежал, вероятно, чиновнику, который в 90-х гг. 19 в. до н. э. занимался управлением рабочими ресурсами хозяйства бога Нанны (Mieroop 1992: 267–268). В документах нет точного указания на должность этого человека, который носил шумерское имя Экигалла (é.ki.gal.la, букв. «дом — место великое», Charpin 1986: 396, Дьяконов 1990: 229–233). В надписи на печати, оттиск которой сохранился на ряде документов, он называет себя писцом (dub.sar)⁷. Этот термин помимо обозначения собственно должности служил в это время также и для обозначения высокого статуса, принадлежности к привилегированному образованному слою населения⁸.

В подчинении Экигаллы или под его контролем находились, по-видимому, «начальники отрядов» (ugula), которые руководили большими группами работников (e²ín), выполнявших трудовую повинность в хозяйстве Нанны. Общее количество таких работников исчислялось сотнями человек (UET 5 222, 634, 730, 731), а в некоторых случаях могло достигать до трех и более тысяч человек (UET 5 223). Они занимались сезонными сельскохозяйственными работами (UET 5 569), различными земляными работами (UET 5 721, 722), рытьем каналов и резкой тростника (UET 5 545). Помимо служебных записей Экигаллы в этом домашнем «архиве» сохранился еще один текст — договор, в соответствии с которым сын Экигаллы, носивший аккадское имя Син-шеме, в 1888 г. до н. э. купил (?) какое-то жилое строение площадью около 30 кв. м (UET 5 135).

Потомки Экигаллы продолжали, по-видимому, жить в том же доме, где хранился архив. В 1821 и 1814 гг. один из его потомков, носивший семейное имя и отчество — Син-шеме, сын Экигаллы, продал два садовых участка своему соседу (UET 5 140, 180). Еще через 45 лет в 1768 г. некий Экигалла, занимавший высокую культовую должность (nam.šita₄), выступил свидетелем при

⁶ Исследование домашних «архивов», как и изучение деятельности жителей ЕМ, не оставивших такого рода «архивов», затрудняет одно немаловажное обстоятельство: многие семьи, проживавшие в этом районе 150–200 лет (а может быть, и больше), состояли в родстве между собой, но проследить родственные связи во многих случаях практически невозможно. По традиции в семьях сохранялось имя предка и периодически (через поколение?) одно и то же имя появлялось в семье вновь и вновь, должности также часто передавались в семье по наследству. Поэтому далеко не всегда удается точно различить тезок и родственников, имена которых упоминаются в разновременных текстах.

⁷ é.ki.gal.la // dub.sar // dumu ur-d.nin.a.zu (UET 5 545).

⁸ Все найденные в доме Экигаллы документы, в которых сохранились датировки, были составлены в 1894 г. до н. э., т. е. они дают представление только об одном коротком периоде служебной деятельности этого чиновника, поскольку основная часть административных документов хранилась, вероятно, в архивах самого хозяйства. Между тем Экигалла, по-видимому, занимал высокое положение в городской административной иерархии задолго до написания этих документов. В тексте частного договора от 1911 г. до н. э. он упоминается как один из свидетелей (UET 5 264, 25–26).

составлении договора об освобождении раба (UET 5 191), который был заключен в семье его соседей. Скорее всего, и этот человек был потомком владельца архива, поскольку обычно имя главы семьи сохранялось в последующих поколениях. Таким образом, документально зафиксировано почти 150 лет проживания семьи Экигаллы в районе ЕМ, с 1911 по 1768 г. до н. э., и все это время семья была тесно связана с крупнейшим хозяйством города Ура — хозяйством бога Нанны.

Соседи Син-шеме, сына Экигаллы, которым он продал два садовых участка, жили в доме № 7 по Quiet Street (Charpen 1986: 35–42; Дьяконов 1992: 225 сл.; Mieroop 1992: 269). Документы домашнего «архива», сохранившегося здесь, а также несколько административных записей, найденных в других кварталах Ура, в которых упоминались представители этой семьи, датированы периодом с 1832 по 1748 г. до н. э. На протяжении этого времени в доме № 7 сменилось по крайней мере три поколения семьи, также входившей в круг высшей администрации хозяйства бога Нанны. Два старших представителя семьи, Ку-Нингаль, а затем его сын Ур-Нанна, занимали одну из высших должностей — должность начальника канцелярии (gá.dub.ba). Под их контролем находились все стороны разнообразной деятельности крупного хозяйства: управление пашнями, стадами, контроль за садоводством и рыболовством, учет поступления и распределения жертвоприношений, контроль за сбором налогов и деятельностью торговых агентов и т. п.

Земельные ресурсы крупных хозяйств, которые контролировали представители высшей администрации, были, вероятно, очень велики. Ур-Нанна в силу своей должности имел, по-видимому, прямое отношение к процессу измерения и распределения земель крупных хозяйств, в том числе хозяйства Нанны. В его архиве хранились два служебных текста, касавшиеся этих земель. Один из них (UET 5 666⁹) представлял собой описание распределения участка

⁹ Документ по форме представляет обычную для канцелярии того времени отчетную запись, первая часть которой — дебет, а вторая — кредит. Сначала перечисляются имеющиеся ресурсы (дебет), затем они суммируются, и после стандартной формулы «такова общая сумма, из нее (произведены следующие расходы)» (sag.níg.ga.ra ša.bi.ta) перечисляются произведенные из этих ресурсов расходы (кредит). Земля, которая учитывалась в данном документе, располагалась между каналами, названия которых, к сожалению, не сохранились, и была поделена на две категории: около $\frac{2}{3}$ площади занимали земли обработанные (шум. gán.zi, акк. mēreštu) и примерно $\frac{1}{3}$ — земли неосвоенные (? gán.x).

Часть 1 — дебет. В начале текста (строки 1–5) приводится площадь полей, числившихся за Большим домом, или дворцом (níg é.gal). Она составляла примерно 991 га (152 $\frac{1}{2}$ бур), из которых 390 га (60 бур) неосвоенных (?) земель (gán.x). Далее (строки 7–13) приводится площадь таких же земель, принадлежавших хозяйству бога Нанны (níg é.d.nanna). Она также составляла около 991 га, из которых 390 га — неосвоенных (?) земель. Затем цифры суммировались и подводился итог (строка 14). Он составил 1982 га (305 бур). Заканчивается первый раздел описанием границ учитываемых территорий (строки 15–20). Таким образом, эта часть документа представляет собой описание того, что имелось в наличии.

Часть 2 — кредит. Вторая часть вводится стандартной формулой (строка 21), о которой мы уже упоминали выше, «такова общая сумма, из нее (произведены следующие расходы)». Далее идет «расходная» часть, т. е. описание того, каким образом в самом общем плане были распределены данные сельскохозяйственные территории. Сначала перечисляется распределение дворцовых земель (строки 22–26). При этом распределяется не 991 га, которые числятся за дворцом в части дебет, а на 325 га больше, т. е. 1316 га. Из общей площади в 1316 га 620,5 га (немного меньше половины) были выделены

сельскохозяйственной земли площадью более 2600 га (Дьяконов 1990: 234–235, 363). Весь участок был поделен на две равные части: одна — «относящаяся к Большому дому (дворцу)» (*níg é.gal*), и другая — «относящаяся к хозяйству бога Нанны» (*níg é.d.nanna*).

Второй документ (UET 5 863) содержал описание служебного надела, или «держания» (шум. *ì.dab5*, акк. *šibtu*), некоего Цилли-Амурру. Участок площадью более 430 га состоял из 12 отдельных полей (от 4 до 80 га), числившихся за определенными лицами (его подчиненными или арендаторами), в тексте указаны их имена. Возможно, Цилли-Амурру был тем самым человеком, два письма которого также найдены в архиве Ур-Нанны (UET 5 49, 50). Сохранились только первые строки писем. В одном из них (UET 5 50) речь идет о выполнении распоряжения Ур-Нанны по поводу выдачи некоему лицу земельного надела площадью в 90 га.

Будучи начальником канцелярии, Ур-Нанна одновременно исполнял и важную культовую должность (*gudu4 ab.zu*). Лица, занимавшие такие высокие должности и располагавшие в силу этого огромными материальными ресурсами, входили в число высшей городской элиты. Многие из них занимали видное положение при царском дворе, официально называя себя в надписях на печатях «рабами царя RN». Ур-Нанна, сын Ку-Нингаля-старшего называл себя в надписи на печати «рабом царя Варад-Сина». О близости этого семейства к царскому двору говорит и тот факт, что среди писем в архиве дома № 7 по Quiet Street были найдены адресованные Ур-Нанне письма от царя Ларсы Рим-Сина и от Кудур-мабука, отца Рим-Сина (UET 5 36, 75; Charpen 1986: 43–44; Дьяконов 1992: 237–238). Ур-Нанна упоминается как свидетель в договоре, зафиксировавшем сделку по покупке участка незастроенной городской земли в Уре другим представителем высшей государственной элиты того времени, Бальмунамхе (подробнее о нем см. главу XVI). Огромный участок (840 кв. м) был куплен у хозяйства бога Нанны за колоссальную по тем временам сумму в две мины (около 1 кг) серебра (YOS 5 122 — 1825).

Прямых данных относительно материальных возможностей, которыми располагала в это время семья Ур-Нанны, в сохранившихся документах нет, но несомненно, что они были значительными. Ур-Нанна и его семья распоряжались

царю (23. *ana šarrim nadi*), 273 га, примерно $\frac{1}{5}$ общей площади, составляли участки, которые должны были выдаваться за службу в качестве кормления (*šuku*), и 422,5 га (примерно $\frac{1}{5}$) — участки, которые выдавались за долю урожая (*éš.gàr gún*). Таким образом, почти половина пахотных земель крупного хозяйства (Большого дома, или дворца) была выделена царю, а остальная земля выдавалась участками за службу и сдавалась в аренду за долю урожая.

Далее следует описание распределения сельскохозяйственных территорий, числившихся за хозяйством Нанны (*níg é.d.nanna*), которое носило более общий характер. В этом случае 78 га записаны как предоставленные за долю урожая некоему Ипкуше, а оставшиеся 913 га числятся за богом Нанной. Подробного описания того, как распределялась эта земля, нет. Площадь земель хозяйства Нанны (991 га) оказалась на 325 га меньше, чем площадь земли Большого дома, или дворца. Однако три последние строки документа, к сожалению, сильно поврежденные, содержат описание участка площадью 325 га, т. е. именно той площади, на которую земли дворца превысили земли хозяйства Нанны. Так что земельные владения этих двух хозяйств (Большого дома и хозяйства бога Нанны) оказались равными по площади. Общая площадь полей, о которых шла речь в документе, составляла около 2632 га (405 бур).

значительной частью ресурсов хозяйства Нанны. В одном документе архива содержится перечисление количества и видов мелкого рогатого скота, всего 263 головы, который Ур-Нанна должен был, вероятно, выплатить хозяйству в качестве десятины (UET 5 612 — 1821). То есть стадо мелкого рогатого скота, которым он распоряжался, могло составлять более 2000 голов. Среди документов архива, касающихся деятельности Ур-Нанны, частноправовые договоры отсутствуют.

Возможно, в том же 1821 г. до н. э. Ур-Нанна закончил свою деятельность. Именно с этого года появляются документы, связанные с деятельностью одного из его сыновей, получившего имя своего деда. Ку-Нингаль-младший занимал одну из высоких культовых должностей (*abrig*) в хозяйстве бога Нанны. Помимо служебного надела, полагавшегося ему по должности (*šuku abrig*), ему был предоставлен еще один земельный участок в качестве «пожалования» (*amirtum*). «Пожалованный» надел не становился собственностью получателя, но мог перейти во владение его сыновьям. Общая площадь полей хозяйства, которые «относились» (*nig*) к Ку-Нингалю, т. е. были в его распоряжении, составляла примерно 38 га (UET 5 883; Дьяконов 1990: 249). Они располагались в пяти различных селениях, находившихся в окрестностях города Ура на землях, принадлежавших хозяйству Нанны. В отчетном документе от 1820 г. до н. э. упоминаются расходы, понесенные по случаю выдачи замуж дочери Ур-Нанны, в том числе 12 дорогих одежд и два серебряных браслета общим весом более 1 мины серебра как дары невесте (YOS 5 207). В другом отчете от 1807 г. до н. э. зафиксированы расходы по случаю свадьбы «в доме Ур-Нанны» (две одежды, пять овец и 50 л очищенного масла, оцененные в $12 \frac{5}{6}$ сикля серебра, TCL 10 17). К этому времени самого Ур-Нанны, вероятно, уже не было в живых. В отличие от Ур-Нанны, основным источником сведений о деятельности его сына Ку-Нингалья являются не административные записи, а тексты нескольких частных договоров.

С 1821 по 1814 г. Ку-Нингаль купил три небольших садовых участка (два у семьи Экигаллы, жившей в том же квартале города) общей площадью около 1 га, уплатив за них около 15 г ($18 \frac{1}{2}$ сикля) серебра (UET 5 140 — 1821, 180 — 1814, 179 — 1814), обменялся домовым участком с соседями (UET 5 123 — 1814) и заключил с ними соглашение о поддержании общей стены (UET 5 236 — 1814). О том, что семья по-прежнему сохраняла близость к царской семье, говорит тот факт, что в 1812 г. Ку-Нингаль получил в дар участок земли площадью около 1 га, располагавшийся на территории города «в саду в районе гавани», от главной служительницы бога Нанны Энанеду, дочери Кудур-мабука и сестры царя Рим-Сина (UET 5 272).

Ку-Нингаль умер, по-видимому, в 34-м году правления Рим-Сина, т. е. в 1788 г. до н. э. (Charpen 1986: 69; Дьяконов 1990: 249–256). Кто занимал должность управителя главной канцелярии или главного архивиста хозяйства Нанны с 1821 (когда, предположительно, закончилась деятельность Ур-Нанны) по 1788 г., неизвестно. После смерти Ку-Нингалья его культовая должность и находившиеся в его распоряжении земельные наделы перешли к двум его сыновьям (UET 5 883).

Кроме того, по приказу царя Рим-Сина одному из братьев был предоставлен в качестве пожалования (*amirtum*) надел в 18 га (3 бур).

Свои служебные наделы (*a.šà šuku*) сыновья Ку-Нингалья (младшего) сдавали в аренду (UET 5 212 — 1780, 213 — 1775). При этом в тексте договоров площадь полей, которые сдаются в аренду, вообще не указывалась. В одном случае арендатор обязался обработать, «сколько рука его захватит», в другом упоминается только о том, что поле, сдаваемое в аренду, граничит с полем бога Иштарана и полем богини Инанны. Судя по размерам арендных платежей, оба поля находились на хорошо орошаемой культурной территории с высокой урожайностью¹⁰. Оба текста скреплены печатями лиц из числа высшего персонала хозяйства Нанны, которые при заключении этих договоров выступили в роли свидетелей. О тех лицах, которые брали землю в аренду, ничего не известно, в других документах из Ура их имена не упоминаются.

Сыновьям Ку-Нингалья пришлось снова улаживать запутанные дела относительно недвижимости с соседями, разрешая проблемы, возникшие, надо полагать, еще при их отце (UET 5 124 — 1788)¹¹. Включение Ура в состав вавилонского государства Хаммурапи в 1763 г. до н. э., возможно, отразилось на положении семьи. В 1748 г. до н. э. был заключен еще один арендный договор. Один из сыновей Ку-Нингалья сдал в аренду поле площадью более 12 га за символическую плату — 1500 л ячменя (UET 5 215). Возможно, такие условия аренды были связаны с личностью арендатора. Судя по его имени и отчеству, он мог быть выходцем из Вавилона (Дьяконов 1990: 256). В надписи на печати, которая была приложена к договору, арендатор, которого звали Амри-илишу, сын Ипку-Арах-тума, называл себя «рабом бога Амурру».

Один из домов на улице, располагавшейся рядом с той, где жила семья Ур-Нанны (№ 7 по Quality Lane), занимала семья некоего Илшу-иббишу (Charpen 1986: 122; Mieroor 1992: 126, 206, 269–270). Деятельность представителей этой семьи зафиксирована документами небольшого домашнего архива, а также найденными в других частях города административными записями и оттисками печатей, принадлежавших представителям этой семьи. Документы были составлены в промежуток времени между 1840 и 1749 гг. до н. э. Все это время семья, по-видимому, занимала важное место в высшей администрации хозяйства Нанны.

В доме, где жила семья, сохранилось девять документов, датированных 1840–1815 гг. Четыре документа представляют собой разрозненные записи, связанные со служебной деятельностью главы дома Илшу-иббишу (UET 5 479 —

¹⁰ В первом случае арендатор должен был отвесить 240 л зерна с каждого 0,3 га (1 ику) поля в качестве арендной платы. Учитывая, что арендная плата обычно составляла треть урожая, можно подсчитать, что это было поле с урожайностью около 2000 л зерна с 1 га (или 40 гур зерна с 1 бур поля). Во втором случае точный размер арендной платы не установлен; арендатор обязуется обработать не менее 2 га (6 ику) поля и заплатить так же, как и его соседи по полю «справа и слева». В случае если он вообще не обработает поле, он должен заплатить штраф в размере 18 000 л зерна с каждого из 6 га поля, т. е. в размере максимально большого возможного по тем временам урожая, равного 3000 л зерна с 1 га поля (Козырева 1988: 15).

¹¹ Возможно, это было связано с очередным указом об «освобождении», который позволял продавцу вернуть проданную недвижимость.

1840, 579, 580, 581 — без даты; см. Butz 1979: 338–339). Сама должность главы семьи в них не упоминается, но, судя по тем ресурсам, которые находились в его распоряжении, она должна была быть весьма значительной. Он контролировал расходы больших количеств зерна со складов хозяйства Нанны, которые шли на оплату грузовых барж, на питание служебного персонала, ежемесячные выдачи зерна слугам хозяйства.

Остальные документы архива касаются «частной» деятельности этого чиновника. Располагая большими служебными ресурсами, Илшу-иббишу имел, вероятно, возможность манипулировать ими. Две ссуды зерном (UET 5 370 — 1830, 371 — 1828) и ссуда в $1\frac{1}{4}$ сикля 6 ше серебра (около 10 г, UET 5 334 — 1819), записи о которых сохранились, были предоставлены им слугам хозяйства Нанны¹².

В 1819 г. Илшу-иббишу дал $1\frac{1}{4}$ сикля 6 ше серебра в долг под 20 % человеку по имени Губбанидуг. Срок возврата, указанный в документе займа, — время сбора урожая. Должник, судя по его имени, так же как и кредитор, принадлежал к числу храмового персонала¹³. Последний по времени документ, касающийся деятельности Илшу-иббишу, был составлен в 1815 г. Это договор о покупке рабыни с ребенком за $\frac{1}{3}$ мины 4 сикля серебра (UET 5 188)¹⁴.

О статусе потомков Илшу-иббишу известно главным образом из надписей на их печатях, оттиски которых сохранились на документах. Семья продолжала занимать высокое положение и после того, как в 1763 г. до н. э. Хаммурапи завоевал юг Месопотамии и включил Ур в состав своего государства. Сын Илшу-иббишу Син-икишам с 1788 г до н. э. занимал высокую культовую должность (gudu4.ab.zu) в хозяйстве Нанны, а при Хаммурапи получил еще и должность начальника канцелярии (gá.dub.ba), которую ранее (1828–1818) занимал живший недалеко от него Ур-Нанна, сын Ку-Нингаля (см. выше). В надписи на печати он называл себя «рабом (царя) Хаммурапи» (UET 1 304; RIME 4 362). Свою должность он передал сыну, т. е. внуку и тезке старшего Илшу-иббишу (UET 1 149; RIME 4 395). Илшу-иббишу-младший также называл себя в надписи на своей печати «рабом (царя)», но уже не Хаммурапи, а его сына и преемника Самсуилуны (1749–1712). (Подробнее о надписях на печатях см. главу XIX.)

В том же доме, где жил Илшу-иббишу, были найдены четыре документа, касающиеся деятельности трех сыновей некоего Нанна-мунтила: Варад-Энлилла, Лугаль-мелама и Лугаль-дугги (Mieroop 1992: 270). Эта семья также была тесно

¹² Оба займа зерном были выданы в конце года на несколько месяцев до времени сбора урожая. В первом случае заем (720 л зерна) беспроцентный, во втором (420 л) заем выдан при условии, что 33 % к сумме займа будут начислены, если он не будет возвращен вовремя. В обоих случаях Илшу-иббишу предоставил кредит некоему Атте, который, по-видимому, тоже входил в число персонала хозяйства Нанны и сам отвечал (nig.šu) за расходы зерна на выдачи работникам в этом хозяйстве (более 6000 л UET 5 582 б/д). О частном характере займа говорит, возможно, и тот факт, что в одном случае (UET 5 370) в списке свидетелей договора первыми записаны имена богов Нингублага и Ниминтаббы, святилище которых располагалось неподалеку от дома Илшу-иббишу.

¹³ Шум. gub.ba.ni.dùg — «служба его (ему) хороша» (Дьяконов 1990: 392).

¹⁴ Такая ситуация, когда в конце своей служебной деятельности чиновник покупает раба или недвижимость, встречается неоднократно.

связана с хозяйством бога Нанны. Сам Нанна-мунтил, по-видимому, отвечал за выдачу работникам зерна и хлеба со склада хозяйства Нанны (UET 5 500 — 1835). Два из четырех документов представляют собой расписки о возмещении долгов. В первом случае (UET 5 429 — 1827) один из братьев, Варад-Энлилла, выплачивает около 12 сиклей серебра и 1620 л зерна девяти кредиторам (торговым агентам-тамкарам) с условием, что два других его брата будут свободны от претензий. Во втором случае (UET 5 444 — 1827) другой брат, Лугаль-мелам, выплачивает четырем кредиторам 15 сиклей серебра и 1710 л зерна на тех же условиях. Возможно, существовал и третий документ, написанный от лица третьего брата. Оба сохранившихся документа были составлены одновременно в XI месяце 1827 г. до н. э. и заверены одними и теми же свидетелями. Интересно, что первым в списке свидетелей указан отец братьев Нанна-мунтил, а вторым — Илшу-иббишу.

Откуда взялись у братьев такие огромные долги, можно только предполагать. Скорее всего, они были связаны со служебными обязательствами Нанна-мунтила и его сыновей, занимавших, судя по масштабам этих обязательств, высокие административные должности в хозяйстве Нанны. Возможно, они принимали участие в каких-то торговых операциях. Необходимость одновременно удовлетворять всех кредиторов, имевших претензии к братьям, могла быть связана с предстоящим разделом имущества семьи. О том, что эти выплаты не нанесли ущерба хозяйству Варад-Энлилла, говорит тот факт, что через 6 лет после выплаты долгов он кредитовал $\frac{1}{4}$ сикля 10 ше серебра (около 11 г) под 20 % до времени сбора урожая (UET 5 332 — 1821). Еще в одном случае имя Варад-Энлилла упомянуто в списке свидетелей какого-то судебного разбирательства (UET 5 700 — без даты)¹⁵.

Профессии и должности жителей ЕМ. Домашние «архивы» дают некоторое представление не только о статусе владельцев архивов, но и о профессионально-должностной принадлежности других жителей квартала ЕМ. Отдельные сведения такого рода содержатся в частноправовых договорах, найденных в этих домах вместе с административными записями. По сравнению с другими кварталами города Ура здесь таких договоров было найдено очень мало (см. ниже данные по кварталу АН). Сохранилось всего около 30 документов такого рода, составленных в период от 1894 до 1748 г. до н. э., т. е. в течение почти 150 лет. Редкие сделки по обмену или продаже недвижимости жители квартала ЕМ заключали в узком кругу родственников или соседей. Участниками этих договоров и свидетелями при их составлении помимо владельцев архивов чаще всего были их соседи и родственники, жившие в этом же квартале. Иногда, но далеко не всегда, в тексте договора рядом с именем соседа по дому или свидетеля указывалась и его должность. К сожалению, далеко не все названия должностей, упомянутые в текстах, удастся прочесть и точно перевести.

¹⁵ Д. Шарпен предположил, что Нанна-мунтил был отцом, а его сыновья — братьями Илшу-иббишу (Charpin 1986: 132). Даже если здесь не было прямого родства — а установить его достаточно сложно, совершенно очевидно, что и эта семья занимала высокое положение в администрации хозяйства Нанны.

Среди жителей квартала ЕМ были представители высшего и среднего административного персонала хозяйства бога Нанны, служители культа и обслуживающий персонал. Однако деление это достаточно условно. Один человек мог занимать одновременно несколько должностей, как административных, так и культовых. В документах упоминаются управители отдельных крупных хозяйств (*sanga*), главы канцелярии (*gá.dub.ba*), чиновники, управлявшие определенными сельскохозяйственными территориями (*engar*), и начальники такого рода чиновников (*ugula engar*), чиновники канцелярии, которые вели бухгалтерию и составляли отчеты (*šà.tam*), хранитель главной печати или интендант, контролировавший склады (*kišib.gal*), сборщик платежей (*zabardabbu*), садовник (*nu.giš.kiri6*) и главный садовник (*gal.ni*). Среди разнообразных культовых должностей чаще всего упоминается должность «умастителя священного сосуда» (*gudu4 abzu*) и более низкая должность такого же характера (*gudu4*). Среди обслуживающего персонала — цирюльник (*šu.i*), пекарь (*muhaldim*), гонец (*rá.gab*). В частноправовых документах упоминаются также и чиновники, сопровождавшие все сделки по недвижимости, в каком бы квартале города они ни заключались (*ka.ki*), и судьи (*dí.kud*), но были ли они жителями этого квартала, или присутствовали при заключении договоров или рассмотрении споров в силу своих служебных обязанностей, неизвестно.

Имущественное положение и основные источники материальных ресурсов. Район ЕМ, непосредственно примыкавший к территории главного административно-культового комплекса города Ура, был заселен в основном семьями наследственного высшего и среднего персонала хозяйства Нанны. Исполнение административных и культовых обязанностей — оба этих вида деятельности были неразрывно связаны — должно было занимать большую часть времени обитателей ЕМ, предоставляя взамен право располагать определенной долей хозяйственных ресурсов, каждому в соответствии с его местом в служебной иерархии, а также право на доходы со служебных земельных наделов, которые им выдавало хозяйство.

Служебные земельные наделы. Часть пахотных земель хозяйства распределялась в качестве служебных наделов среди персонала. При этом наделы предоставлялись не индивидуальному лицу, а должности, которую он занимал. Передача должности по наследству от отца к сыну сопровождалась и наследованием земельных владений, полагавшихся данной должности. Это видно на примере ситуации в семье Ур-Нанну, сын которого Ку-Нингаль по какой-то причине не смог унаследовать должность отца, начальника канцелярии хозяйства, но сохранил высокое положение в хозяйственной иерархии, занимая высокую культовую должность. Своим сыновьям он передал и эту должность, и связанные с ней служебные наделы.

Большую часть служебных наделов, находившихся на территориях сельских поселений в окрестностях Ура, обрабатывали работники хозяйства, в том числе местные жители, которые определенную часть урожая передавали либо представителям хозяйства, либо тем должностным лицам, кому данная земля была предоставлена в служебное пользование. При отсутствии

достаточного числа рабочих рук эти участки могли быть сданы в аренду. Помимо служебных наделов представители высшего персонала по распоряжению царя могли получать поля в качестве «пожалования» (*amirtu*). Эти наделы могли передаваться по наследству, но использовались только на правах временно-го владения. Работы на них также проводились силами рабочего персонала хозяйства.

Распределение ресурсов хозяйства бога Нанны. Жители ЕМ, занимая высшие административные и культовые должности в хозяйстве Нанны, получали не только служебные наделы, но и все необходимое для достойного существования — продукты (муку, масло, мясо, рыбу), одежду, серебро. Один из текстов, зафиксировавших такие выдачи, хранился в доме Ку-Нингаля, который, возможно, был в числе тех, кто распределял продукты со стороны хозяйства (UET 5 607; Charpen 1986: 62–63; Дьяконов 1990: 262)¹⁶. Помимо продуктов, овец и одежды почти каждый из упомянутых в списке получил небольшое количество серебра, от $\frac{1}{3}$ до 10 сиклей. Другие предметы выдач (продукты, одежда) также оценены в серебре, как это было принято в административной системе учета. Общая оценка расходов на выдачи в серебре составила около 2,2 кг ($2\frac{2}{3}$ мины).

Во многих семьях, живших в этом квартале, были, вероятно, рабы или, скорее, рабыни, хотя упоминаний о них в документах мало. В одном случае Илшу-иббишу (см. выше) купил рабыню и ее дочь за 24 сикля серебра у некоего Син-эрибама (UET 5 188 — 1815). В другом случае был составлен договор об освобождении раба, который, по-видимому, был сыном хозяина дома (UET 5 191 — 1769). 1760 г. до н. э. был датирован договор, согласно которому три сына передали матери рабыню в качестве обеспечения «вместо зерна и одежды» с условием, что после смерти матери рабыня и ее дети, если они у нее будут, вернутся в дом братьев (UET 5 95).

Единственное судебное дело, дошедшее до нас из этого квартала (UET 5 254 — 1798), связано с обвинением некоего Уцелли в хищении движимого имущества (ячменя, серебра, одежды и шапки), которое выдвинул против него один из сыновей Ку-Нингаля. Дело разбиралось во дворе храма богини Нингублаг, находившегося недалеко от дома № 7 по Quiet Street, в присутствии священного символа богини и высокопоставленных служителей хозяйства Нанны.

Частноправовая деятельность населения ЕМ. Масштабы частной деятельности жителей этого квартала по сравнению, например, с жителями другого

¹⁶ Среди получателей разнообразных продуктов в этом тексте упоминаются имена лиц, известных из других документов как жители ЕМ, занимавшие культовые должности guda4 ab.zu: Хилимансум, Андаккулум, Цилли-лугаль. Некий Вакрум (*wagrut*), судя по записи в этом документе (в других документах из Ура его имя как будто не упоминается), три раза получал различного рода продукты: зерно, муку, растительные и животные масла и жиры, овец, одежду. В одном случае, например, он получил 24 000 л зерна, 150 л муки, 9 овец, 360 рыб одного вида, 70 рыб другого вида и одну особенно ценную рыбу стоимостью в 1 сикль серебра (строки 22–24). И все это «кроме муки и пива, кроме ежемесячных выдач хлеба по 30 л и ежемесячных выдач вина по 60 л» (строки 30–31).

района Ура — АН (см. ниже), были весьма ограниченными. Отсутствуют документы о разделе имущества¹⁷. Договоров купли-продажи жилых строений за период примерно в 150 лет сохранилось всего два (UET 5 135 — 1888, UET 5 154 — без даты). Кроме того, сохранился один договор обмена жилыми строениями (UET 5 123 — 1814), который сопровождался договором с новыми соседями об ответственности за общие стены (UET 5 236 — 1814). Три документа о купле-продаже недвижимости из района ЕМ касаются садов (UET 5 140 — 1821, 179 и 180 — 1814). Покупатель во всех договорах один и тот же, вышеупомянутый Ку-Нингаль. Продавцы также его соседи и родственники. Общая площадь купленных садов около 0,7 га. Общее количество серебра, указанное в договорах как плата за участки, — 17 ¹/₂ сикля, т. е. примерно 175 г. По-видимому, царские указы об отмене сделок с недвижимостью распространялись на жителей этого квартала, как и на всех других горожан.

За этот же период времени зафиксировано четыре займа серебра и два займа зерна. Все займы были выданы на короткий срок, от одного до 3 трех месяцев, с условием возвращения в месяце сбора урожая. Многие из этих займов, если не все, заключались между представителями персонала хозяйства и могли быть связаны с их служебной деятельностью.

Редкие сделки по купле-продаже недвижимости и небольшие суммы займов (особенно, как мы увидим ниже, по сравнению с ситуацией в этой области в других кварталах Ура) вовсе не являются свидетельством того, что жители района ЕМ жили беднее жителей других кварталов. Напротив, во многом это обстоятельство можно связывать с тем, что именно эта группа горожан занимала наиболее прочное экономическое положение, располагая постоянными и стабильными источниками существования, что было связано с их высоким статусом в системе административно-культовой иерархии города.

Каким образом большие материальные возможности, которыми, по-видимому, располагали жители ЕМ, отражались на их повседневной жизни? Данные археологии свидетельствуют, что домашняя обстановка и погребения в этом районе были самыми богатыми в городе, хотя богатство это весьма относительно. Золота в Уре было найдено очень мало, либо уцелевшие жители смогли унести его с собой, когда оставляли город после восстания 1739 г. до н. э., либо оно досталось воинам Самсуилуны, подавлявшим восстание (см. главу XX). Однако все находки предметов из золота в Уре, за одним исключением, были сделаны именно в районе ЕМ. Это шесть золотых сережек в виде колец, два золотых кольца, украшение из золотой проволоки и несколько золотых бусин. Кроме того, здесь было найдено с десятков медных предметов: чашка, лезвия, наконечники для плуга, а также два бронзовых браслета (UE 7: 215 ff.).

Неудивительно в связи с этим, что расходы на свадебные торжества в одной их семей ЕМ составили огромную по тем временам сумму: почти полкилограмма серебра. Документ, найденный в доме № 7 по Quite Street, представляет

¹⁷ Единственный договор такого рода, хранившийся в доме Ку-Нингалья (UET 5 109), оказался здесь, по-видимому, достаточно случайно, поскольку сами участники раздела, вероятно, жили в районе АН.

собой запись расходов на свадебные торжества, которые продолжались в течение нескольких месяцев (UET 5 636). Самые разнообразные продукты (мука, масла, лепешки, пиво) просто перечислены в тексте с указанием количества каждого вида продукта, но при этом не оценены в серебре, поскольку их предоставило, видимо, хозяйство родителей невесты. Однако для части продуктов (особо ценные сорта масел, скот) и предметов (одежда, украшения) указана их стоимость в серебре. Общая сумма этих расходов составила $\frac{2}{3}$ мины 4 $\frac{2}{3}$ сикля (примерно 450 г) серебра. Такие расходы могли позволить себе, конечно, только самые богатые жители Ура.

Высокий социальный статус жителей района ЕМ нашел свое отражение и в надписях на их печатях. Многие в этих надписях называют себя «рабами царя RN», что подтверждает их высокое общественное и служебное положение. Об этом же свидетельствуют и уже упоминавшиеся факты — именно сюда, в дом № 7 по Quiet Street, посылали свои письма с распоряжениями царь Рим-Син и его отец Кудур-мабук, а дочь последнего, главная жрица храма бога Нанны, подарила одному из обитателей этого района участок сада. Интересно, что и через несколько столетий в конце II тыс. до н. э. жители этого квартала, будучи потомками носителей древнейших культовых традиций Ура, сохраняли свое положение и тесную связь с хозяйством бога Нанны, несмотря на то что во второй половине 18 в. до н. э. город был надолго заброшен и вновь начал заселяться только в 13–12 вв. до н. э. (Mieroop 1992: 129).

Квартал АН города Ура. Самый большой из раскопанных экспедицией Л. Вулли жилых районов Ура располагался к югу от центральной части города, не примыкая, как ЕМ, непосредственно к храмовому комплексу (Mieroop 1992: 130–162; Дьяконов 1990: 155 сл.). Он обозначен на археологических планах как АН. В начале II тыс. до н. э. этот район города был, вероятно, частично разрушен и затем перестроен. Произведенная застройка носила довольно беспорядочный характер (в отличие от района ЕМ) и не имела единой планировки. Археологи обследовали здесь участок площадью примерно 8000 кв. м., на котором располагалось более 50 строений, в том числе четыре небольших храма или святилища. В центре этой территории находилась небольшая площадь, от которой в разных направлениях расходились четыре улицы шириной в два-три метра, тесно застроенные домами (Mieroop 1992: 34–35). Предположительно на этой территории могли жить до 1000 человек (если считать 125 человек на 1 га резидентной площади).

Население, обитавшее здесь по крайней мере с середины 20 в. до н. э., состояло, по-видимому, как из потомков прежних жителей Ура, так и из новопоселенцев, в том числе амореев. Имена жителей квартала в основном аккадские. Шумерских имен очень мало, аморейские встречаются редко, главным образом как отчества.

Административно жители АН или по крайней мере какая-то их часть были объединены в кварталы (шум. dag.gi4.a, акк. *bābtum*), во главе которых стояли «начальники кварталов» (ugula dag.gi4.a). Кварталы были не только административно-территориальной единицей, но, по всей видимости, и определенного

рода социально-экономической структурой, являясь элементом общей хозяйственной системы города¹⁸.

В одном из домов (№ 1 по Broad Street) располагалась школа (Charpin 1986: 439–447; Дьяконов 1990: 126–155). Среди большого количества разнообразных документов (религиозных, литературных и учебных текстов) здесь было найдено 11 текстов, представлявших собой нечто вроде учебных пособий по составлению частноправовых договоров, которые Д. Шарпен предложил называть «model contracts» (Charpin 1986: 468 ff.). Среди них представлены почти все наиболее распространенные в тот период типы частноправовых договоров: раздел имущества (UET 5 119), аренда дома (UET 5 234), усыновление (UET 5 260), различного рода займы и долговые обязательства (UET 5 301, 329)¹⁹. Эти «образчики», написанные по классическим формулярам договоров, были составлены, судя по упоминающимся в них именам собственным, на реальном местном материале. Некоторые из них, возможно, были черновиками или заготовками будущих документов. Подбор документов в группе «model contracts», по-видимому, достаточно четко показывает, какие стороны жизни населения АН требовали письменной фиксации.

Помимо текстов, обнаруженных в доме № 1 по Broad Street, в других домах квартала АН было найдено еще более 330 клинописных документов, составленных в промежуток между концом 20 и серединой 18 в. до н. э. Примерно треть из них содержат записи административно-хозяйственного характера (около 120), а остальные (более 200) представляют собой частноправовые договоры, записи судебных протоколов и письма. Это самая большая группа частноправовых документов этого времени из всех обнаруженных в Уре (Mieroop 1992: 274–297).

Материал клинописных документов, найденных на территории АН, дает возможность составить некоторое представление о занятиях жителей этого квартала, имуществе, которым они располагали, и тех ресурсах, которые составляли источники их существования.

Общие сведения об имуществе жителей АН. Виды имущества. Информация о том, какими видами имущества располагали жители квартала АН, содержится в договорах о разделе семейного имущества или о выделе доли одному из членов семьи. Таких договоров, составленных с 1911 по 1764 г. до н. э., т. е. в течение примерно 150 лет, было найдено около двух десятков. В них

¹⁸ Термин, обозначающий «городской квартал» (шум. dag4.gi.a, акк. *bābtum*), упоминается в двух документах из АН (UET 5 214, 256). В первом случае «начальник квартала» (*ugula dag4.gi.a*) арендует участок сада у одного из жителей АН. Другой документ представляет собой судебный протокол: «в квартале» или «в присутствии квартала» (*ina bābtim*) рассматривалось дело о привлечении к ответственности одного из жителей по обвинению в клевете. Разбирательство происходило в присутствии священнослужителя медной маски бога Нинурты и свидетелей, по-видимому, жителей квартала. Ответчик был уличен в клевете и пообещал уплатить штраф.

¹⁹ От «реальных» договоров они отличаются чрезмерно подробными формулярами, более детальным, чем обычно, описанием условий договора, полным отсутствием или чрезвычайной малочисленностью списка свидетелей, отсутствием даты на большинстве таких документов. Иногда на одной табличке записаны два или три варианта договора одного типа, но с разными условиями (UET 5 366).

в определенной последовательности перечисляются виды имущества, составлявшие долю каждого из владельцев. Это строения в городе (é.dù.a), двери, незастроенные (é.ki.gál) или заброшенные участки городской земли (é.ki.šub.ba), сады (kiṣib), культовые должности, серебро, рабы, мебель и утварь. Естественно, что не во всех договорах упоминались все виды имущества, но последовательность перечисления соблюдалась всегда. Относительно небольшое количество такого рода документов, составленных за 150 лет, говорит о том, что далеко не всегда раздел фиксировался письменно.

Все, что подлежало разделу, могло быть оценено в серебре. Это было важно, когда возникала необходимость точно оценить долю каждого из братьев. Старший брат получал большую долю имущества, доли остальных братьев должны были быть равноценными. Тот, чья доля оказывалась более ценной, должен был компенсировать другим братьям серебром разницу в стоимости имущества. Еще одним источником сведений о семейном имуществе жителей АН являются договоры о купле-продаже недвижимости и рабов.

Городская недвижимость. Владение городской недвижимостью было, по-видимому, определяющей характеристикой полноправного статуса горожанина. В составе делимого имущества в договорах раздела прежде всего упоминаются жилые строения общей площадью от 30 до 150 кв. м. Иногда вместе с ними делили участки с разрушенными строениями и незастроенные участки городской земли площадью от 25 до 50 кв. м. Почти во всех разделах упоминаются двери. Это была важная часть имущества, поскольку хорошего дерева было мало и стоило оно дорого. Участвующие в разделе получали либо сами двери, либо компенсацию их стоимости в серебре (UET 5 112, 119).

Продажа городской недвижимости. Около двух десятков текстов из квартала АН представляют собой договоры о купле-продаже жилых строений и участков городской земли (UET 5 131–134, 136, 137, 139, 143, 147, 148, 150, 151, 153, 157, 158, 161, 163–165). Они были составлены в период от 1903 до 1804 г. до н. э., т. е. охватывают примерно 100 лет. Среди них 13 сделок по продаже жилых строений и 6 сделок по продаже пустошей и заброшенных городских участков. Площадь жилых строений, которые являлись объектами договора купли-продажи, не превышала 30 кв. м. В шести случаях документы зафиксировали продажу таких небольших участков (от 2,5 до 8,5 кв. м), что их покупка могла заинтересовать только родственников или соседей. Семь раз упоминаются строения площадью 19–20 кв. м, представлявшие собой, вероятно, отдельные комнаты. Во всех этих сделках продавалась, видимо, только часть дома. Только в одном случае (UET 5 151) объектом сделки был весь дом (площадью 144 кв. м) и какие-то пристройки (площадью 350 кв. м).

Сады. Следующим видом имущества после городской недвижимости в договорах раздела должны были идти сады. Однако садами располагали далеко не все. Только в трех случаях раздела упоминались небольшие сады площадью от 0,3 до 2,5 га, интересно, что во всех этих случаях в составе имущества были и культовые должности (см. ниже). Сохранилось семь договоров по продаже садов и один договор продажи пустоши между садами, составленных в период

с 1894 по 1808 г. до н. э. (UET 5 169, 170–174, 176, 159). Площадь продаваемых садов небольшая, от 0,18 до 0,48 га. Некоторые сады располагались на территории города. Так, проданный участок пустоши, как указано в договоре, с трех сторон был окружен садами, а с четвертой стороны граничил с улицей (UET 5 159).

Цены на городскую недвижимость и сады. Суммы, уплаченные покупателями за городскую недвижимость, составляли от 3 $\frac{1}{2}$ до 50 сиклей. В пересчете на единицу площади за 1 сар платили от 6 до 100 сиклей серебра. Всего по этим сделкам за период с 1903 по 1804 г. до н. э. покупатели должны были выплатить более 2,6 кг (5 мин 10 $\frac{5}{6}$ сикля) серебра (в одном документе цифра не сохранилась, в другом сохранилась не полностью). Цены на городскую недвижимость очень сильно варьировались в зависимости, вероятно, от качества и местоположения дома или участка, но при более тщательном изучении и здесь как будто прослеживается определенная тенденция. В более ранний период, с 1903 по 1895 г. до н. э. (сохранилось четыре договора), за 1 сар (36 кв. м) жилого строения (é.dù.a), согласно этим документам, платили от 1 $\frac{2}{3}$ до 1 $\frac{1}{2}$ мины серебра. В конце 19 в. до н. э., в период с 1823 по 1812 г. до н. э. (сохранилось шесть договоров), за 1 сар жилого строения платили от 21 (т. е. $\frac{1}{3}$ мины 1 сикль) до 28 $\frac{2}{5}$ сиклей. Только в одном договоре, составленном в этот период, цена 1 сар жилого строения поднялась до 48 сиклей, интересно, что в этом случае сделка заключалась между братьями. Договоров продажи других городских участков, пустошей (é.ki.gál) и руин (é.ki.šub.ba) слишком мало, чтобы судить о ценах. Относительно цен на сады сказать что-либо также трудно, так как цифры сохранились не во всех документах. На покупку садов по этим договорам покупатели расходовали от 1 $\frac{1}{2}$ до 80 сиклей серебра. Всего по сохранившимся договорам ими было уплачено около 1 кг (1 мина 54 сикля) серебра. В пересчете на единицу площади за 1 ику сада (0,3 га) могли уплатить от 10 до 53 $\frac{1}{3}$ сиклей серебра. В одном случае покупатель заплатил продавцу зерном (4800 л), а также обязался передать урожай зерновых, посеянных на территории сада, в хозяйство бога Нанны (UET 5 172).

Упоминания городской недвижимости и земли в садах в договорах обмена и аренды. Обменивались недвижимостью достаточно редко. Сохранилось два документа обмена домами (UET 5 155, 122). И в том и в другом случае семейные владения обменивались на равноценные по площади²⁰. Только пять договоров зафиксировали аренду домов (UET 5 199–202, 204). В четырех случаях арендовали жилые дома, в одном — склад. Размер арендной платы колебался в пределах от $\frac{1}{2}$ до 3 $\frac{1}{2}$ сикля в год, однако причины этих колебаний остаются неизвестными²¹. Площадь арендуемых домов ни в одном документе

²⁰ В обоих договорах упоминаются «купленные» (šám) строения. В одном случае владелец такого строения (комнаты площадью 18 кв. м) поменял его на равноценную по площади часть дома, принадлежавшего к его собственному (UET 5 155). В другом случае обмен также производился с соседями для расширения «купленного» участка (UET 5 122).

²¹ Скорее всего, плата зависела от размера, качества или местоположения арендуемого дома. Самая высокая арендная плата была назначена за дом, расположенный на площади (é PN ša rebitim), который у жителя АН арендовали два жителя района ЕМ (UET 5 200).

не указана. Все они были заключены после 1797 г. до н. э., т. е. во второй половине правления царя Рим-Сина и позднее, когда документы купли-продажи недвижимости из Ура и Ларсы практически полностью отсутствуют, возможно, из-за реформ, проведенных царем Рим-Сином (см. гл. XVI).

Также сохранились два договора аренды земли в садах под сельскохозяйственные работы. В одном случае арендовали «поле сада» (a.šà giš.kiri6) площадью в 0,6 га «для посева сезама» (UET 5 220 — дата не сохранилась). В другом случае в аренду была взята «орошаемая земля сада» (ú.sal.giš.kiri6, UET 5 214 — 1741). Однако точная площадь арендуемого участка в документе не указана, арендатор обязуется обработать «сколько сможет». В документах четко определено, для чего арендуется земля: «под посев сезама» и «для пахоты и сева». В обоих случаях также указано, как будет распределен урожай: $\frac{2}{3}$ берет арендатор, $\frac{1}{3}$ — хозяин, он же отвечает перед дворцом за налоговые платежи с поля (m[áš].a.šà.bi). В первом случае ни месяц, ни дата заключения договора не сохранились, а во втором это 20-й день VIII (*warahsamnu*) месяца 1741 г. до н. э., т. е. канун сева.

Продавцы и покупатели недвижимости. В более чем половине заключенных договоров продавцами городской недвижимости и садов являлись семейные группы: родители и сын, отец и сын, мать и сын, брат и сестра. В большинстве случаев из текста договора следует, что участок покупается у соседа, чье жилье примыкает к жилью покупателя, при этом нередки указания и на родственные связи покупателя и продавца. Иногда члены семьи продавали долю своего покойного родственника (вдова и ее сын продали комнату, составлявшую долю имущества покойного мужа, — UET 5 150). Таких вариантов более половины. Возможно, и многие остальные договоры также были заключены между соседями или родственниками, но в текстах прямых указаний на это нет, а установить родственные связи между отдельными лицами с помощью других текстов не всегда удается.

Покупатель в договоре был обычно один. Несколько человек выступали в этой роли неоднократно. Так, некий Аханирши с 1896 по 1886 г. до н. э. заключил шесть договоров купли недвижимости (еще какое-то количество договоров явно существовало, но не сохранилось, см. ниже). В результате этих сделок он приобрел часть строения, располагавшегося рядом с его домом, и прилегающий к нему участок общей площадью около 25 кв. м, а также 0,25 га сада (и еще один сад, площадь которого в договоре не была указана), также рядом с его садами²². Таким образом, Аханирши расширил свои владения в городе и увеличил площадь

²² Архив Аханирши, самый ранний из архивов, найденных в районе АН, состоит из 14 табличек, датированных 1909–1880 гг. (Mieroop 1992: 296–297). В 1909 г. он и один из его братьев получили свою долю семейного имущества (UET 5 101). В нее помимо жилых строений, мебели и утвари входила еще « $\frac{1}{2}$ мины серебра шерсти хозяйства бога Нанны» (14. kù.sig é d.nanna) и большое количество зерна (не менее 2700 л), которое числилось за неким «сыном Лугаль-ити». В договоре раздела ничего не говорится о полях. Однако в распоряжении Аханирши имелись большие количества зерна, которые он передавал другим лицам (10 000 л; UET 5 373), что было связано, по-видимому, с его служебным положением. Вероятно, семья Аханирши имела свою долю в доходах хозяйства Нанны. Возможно, они были торговыми агентами-тамкарами этого хозяйства.

своих садов, за что ему пришлось уплатить огромную по тем временам сумму — более 500 г серебра (не все цифры платежей сохранились). В 1820–1818 гг. некий Энлиль-иссу заключил четыре договора купли и приобрел около 43 кв. м недвижимости и 0,48 га сада, уплатив за все около 190 г серебра.

Особенности продажи недвижимости. На пути заключения договоров по приобретению недвижимости возникало, по-видимому, немало препятствий, которые необходимо было обходить. Это хорошо видно на примере сделок Аханирши. Чтобы купить у семьи своих соседей 12,6 кв. м жилого строения и 12 кв. м незастроенного участка, ему пришлось заключить не менее пяти договоров. Из них сохранились только четыре (UET 5 132–134, 164). Часть этой недвижимости Аханирши купил у семьи соседей сам, а два других участка у соседей Аханирши сначала купили другие лица, а уже у них почти сразу же и за ту же цену перекупил Аханирши. Несмотря на все предосторожности, наследники одного из продавцов возбудили в суде дело против Аханирши (см. ниже) о возвращении проданного строения (UET 5 198). Есть свидетельства о неоднократной перепродаже одного и того же строения²³.

Приобретая недвижимость через вторые или даже третьи руки, продавая купленную недвижимость или обменивая ее на другую сразу после заключения сделки, покупатель, вероятно, пытался избежать претензий со стороны родственников продавца. Возможно, это было связано с периодически издававшимися каждые пять-шесть лет царскими указами об аннулировании сделок с недвижимостью.

Никакой прямой связи между кредитными сделками и покупками домов как будто не прослеживается, хотя исключить такую возможность нельзя. Однако о «спекуляции» недвижимостью не может быть и речи. Совершенно очевидно, что дома и участки городской земли покупались и продавались очень редко и в достаточно узком кругу, главным образом с целью расширения собственных владений (возможно, для «укоренения», приобретения определенных прав), и даже такая покупка была сопряжена со многими трудностями.

Судебные дела, связанные с имущественными спорами (дома, сады). В районе АН было найдено несколько судебных протоколов, зафиксировавших споры, объектом которых была недвижимость — дома и сады (UET 5 265 — 1894; 198 — 1880; 262, 266 — 1847; 247 — 1813; 251 — 1795; 261 — без даты). К сожалению, многие из них плохо сохранились, и причины возникновения споров и основания для претензий не всегда ясны. Сложность для понимания создает и краткий характер записей.

В 1894 г. до н. э. некий Белум-Син на площади города Ура в присутствии свидетелей поклялся именами бога Нанны и царя Сумуэля, что не будет предъявлять претензии к дому женщины по имени Гумуртум (UET 5 265). В 1880 г.

²³ В одном из договоров указывается, что заброшенный участок площадью 18 кв. м, некогда являвшийся долей семейного имущества, уже дважды переходил от одного покупателя к другому, прежде чем его купил третий покупатель (UET 5 163). Случай неоднократной перепродажи одного и того же жилого строения известен и из другого района города Ура, CLW, о чем более подробно — ниже (UET 5 141, 152, ср. такие же примеры в Куталле: Charpen 1980:156 ff.).

Аханирши, о котором уже упоминалось выше, уплатил дополнительно 3 сикля серебра двум женщинам, владелицам дома, который он купил за 4 года до этого (UET 5 198). Возможно, данный иск возник в связи с объявлением царского указа, аннулировавшего сделки купли-продажи. Кто рассматривал это дело, из текста неясно.

От 1847 г. до н. э. сохранились две записи одного судебного спора относительно дома и сада. Согласно более раннему документу, в назначенное время в суд явился представитель только одной стороны и спорное имущество (дом и сад) присудили именно ему (UET 5 262). Однако позднее был составлен еще один протокол, в котором упомянуто уже участие обеих сторон, хотя решение осталось прежним. Причины спора неясны.

От 1813 г. до н. э. сохранилось два варианта судебного протокола, записанного на двух сторонах одной таблички (UET 5 247). Мужчина по имени Син-муштешир обратился с иском по поводу 18 кв. м незастроенного участка, принадлежавшего его покойной жене Ахати-вакрат. Из второго более подробного варианта протокола, записанного на обороте таблички, становится ясно, что дело разбиралось судьями в присутствии главы народного собрания (*gal.zu ukkin.na*) города Ура. По решению суда недвижимость должна была остаться в распоряжении женщины, воспитывавшей сына Ахати-вакрат и Син-муштешира, и только после ее смерти могла перейти к истцу и его сыну (см. текст в приложении).

Согласно другому, к сожалению, плохо сохранившемуся судебному протоколу, составленному в 1795 г. до н. э. (UET 5 251), суд отклонил претензии на дом некой женщины, видимо вдовы, предъявленные ее братьями (?), поскольку спорный дом принадлежал не самой женщине, а ее свекру. В протоколе зафиксированы показания ответчицы: «Дом этот — владение моего свекра!» (30–33: *bitum annum lū dūrussu ša emīja*). В списке свидетелей, присутствовавших при рассмотрении дела, упоминается некий Цилли-Амурру, представитель главы народного собрания (8–9: *m.šilli-d.mar.tu ša gal.zu ukkin.na*). Должности при именах свидетелей в судебных протоколах вообще записывались очень редко, обычно ограничивались упоминанием только имени или имени и отчества. Вполне возможно, глава народного собрания или его представители присутствовали среди свидетелей и при разборе других дел, но в документах это не отражено. Упоминание о статусе Цилли-Амурру как представителе главы народного собрания попало в данный документ только в связи с тем, что среди свидетелей был его тезка, еще один человек по имени Цилли-Амурру.

И наконец, еще один документ, к сожалению, не датированный, представляет собой, по-видимому, запись об исполнении судебного решения (UET 5 261). В присутствии свидетелей дом одного человека забирает за долги (?) другой (можно сравнить с документом UET 5 252 из района ЕМ, см. выше).

Таким образом, в семи судебных протоколах, происходящих из квартала АН (1894–1795 гг. до н. э.), было зафиксировано рассмотрение шести дел, связанных с претензиями относительно недвижимости — домов или городских участков.

Во многих случаях эти споры происходили в кругу одной семьи. Интересно, что в трех случаях из шести ответчицами являются женщины, в чью пользу суд и решал дело, найдя предъявленные к ним претензии необоснованными. Еще в одном случае две женщины выступают как истицы и получают компенсацию от ответчика. Решение споров о недвижимости в пользу женщин не говорит, конечно, об особых привилегиях последних. Ситуация скорее обратная: иски возникают потому, что имущество этих женщин (вдов или одиноких) кажется их родственникам или соседям легкой добычей. При разборе двух таких судебных дел присутствовали глава народного собрания города (UET 5 251) и его представитель (UET 5 247).

Культовые должности-пребнды. В перечне видов имущества в договорах о разделе после описания городской недвижимости и садов (если они были) упоминаются культовые должности-пребнды, если семья владела таковыми. Обычно пребнды измерялись количеством дней в году, в течение которых их владелец имел право исполнять определенную повинность в храме и получать соответствующее вознаграждение.

В документах из АН культовые должности упоминаются в договорах о разделе семейного имущества²⁴ и договорах об усыновлении (UET 5 274, 90, 94, 96). В четырех документах раздела упоминаются должности-пребнды (mar.za) в различных храмах²⁵:

1. 35 дней должности в храме бога Намму (UET 5 274, mar.za d.nammu).
2. Должность (вероятно, целая, т. е. годовая) в храме богини Нингаль и еще одного божества, имя которого не сохранилось (UET 5 110, mar.za é d.nin.gal ù d.[x]).
3. 226 дней должностей в четырех разных храмах (UET 5 113, mar.za giš.gu.za libir.ra, mar.za [x], mar.za d.inanna, mar.za d.utu).
4. Более 600 дней (408 + 240 + 240?) должностей в трех разных храмах (UET 5 117, mar.za d.[x], mar.za d.utu [x], mar.za é d.[x]).

Культовые должности упоминаются как часть семейного имущества и в нескольких договорах об усыновлении из АН (UET 5 274 — 1888, 90 — 1835, 94 — 1783, 96 — без даты). В трех документах не указано, какая часть должности передается усыновляемому, возможно, имелись в виду целые должности. В четвертом договоре указано, что усыновляемый получает право на 30 дней исполнения должности (mar.za ina é d.Lugal-easagra) ежегодно. Такая должность, как и другие виды семейного имущества, могла оказаться и предметом судебного спора (UET 5 248, текст плохо сохранился).

²⁴ В одном договоре о выделении имущества родственнику (UET 5 274) и трех договорах раздела (UET 110, 113, 117)

²⁵ В том, что в имуществе одной семьи могли быть культовые должности, исполнявшиеся в храмах различных богов, нет никакого противоречия. Это могло быть следствием породнения семей в результате браков или просто покупки пребнды. Все эти боги входили в городской пантеон, занимая в нем каждый свое место, а их храмы были элементами единой хозяйственной структуры города. Приделы или часовни, посвященные богам городского пантеона, находились на территории главных храмов Ура — бога Нанны и богини Нингаль. Помимо этого, отдельные небольшие храмы находились и на территории города.

Серебро. Следующим по очередности видом имущества в договорах раздела было серебро. Однако в составе семейного имущества оно упоминается только в четырех случаях раздела из семнадцати. Серебро, которое делили, могло быть в виде металла. Также семья, вероятно, могла распоряжаться какой-то частью оцененных в серебре доходов крупного хозяйства, в составе которого она существовала. Так, братья поделили между собой более 250 г ($1\frac{1}{2}$ мины) серебра (UET 5 112), около 56 г (8 сиклей) серебра вошли в состав доли имущества, выделенной дочери (UET 5 273). В другом случае среди семейного имущества, которое делят два брата, упоминается « $1\frac{1}{2}$ мины серебра шерсти хозяйства бога Нанны» (UET 5 101) или же тесть предоставляет будущему зятю долю семейного имущества, в которую помимо комнаты и культовой должности входят еще и некие обязательства на сумму более $4\frac{5}{6}$ сикля серебра. За это зять обязуется в течение трех лет выдавать тестю содержание продуктами, ячменем и маслом (UET 5 274).

Рабы в составе семейного имущества упоминаются два раза: в одном случае в каждую из трех долей имущества входят раб и рабыня (UET 5 117), в другом один раб входит в состав приданого (UET 5 274). Известны отдельные случаи продажи рабов хозяевами (UET 5 187) и самопродажи за долги (UET 5 185, 190).

Утварь. Во многих документах раздела упоминаются двери и отдельные предметы мебели и домашней утвари. В двух случаях среди семейного имущества упоминаются лодки, использовавшиеся для рыболовства и в качестве транспортного средства.

Таковы в общих чертах размеры и виды семейного имущества, которые фигурировали в документах о разделе имущества и частноправовых договорах из квартала АН. Небольшие (иногда даже очень небольшие) строения, снабженные дверью и иногда предметами мебели, в отдельных семьях — сады и культовые должности-пребенды. Очень редко — один-два раба и некоторое количество серебра (от 60 до 500 г) или оцененная в серебре часть доходов хозяйства, в составе которого семья существовала²⁶.

Судя по этим данным, источниками материальных ресурсов для отдельных семей могли быть сады и поступления из доходов храмовых хозяйств (по некоторым обязательствам и за должности-пребенды). Об источниках ресурсов остальных семей, в разделах которых не упоминаются сады, пребенды или серебро, можно говорить только предположительно. Ни поля, ни скот в составе семейного имущества в документах раздела из АН не упоминаются²⁷. Что

²⁶ При этом надо учитывать, что разделы имущества письменно фиксировались далеко не всегда, но, очевидно, только в самых обеспеченных семьях. Бывало и так, что члены семьи делили один вид имущества (например, мебель: UET 5 264), а все остальное, вероятно, оставалось в совместном пользовании.

²⁷ Из района АН известны два документа о разделе земельных участков, но эти земли не имели отношения к семейному имуществу (UET 5 107, 118). Это, по-видимому, раздел территорий для выпаса скота между главными пастухами (*ú.tul*) хозяйства Нанны. Один из этих пастухов, Агуа, возможно, жил в доме 1 по Broad Str., где был найден небольшой архив административно-хозяйственных документов, касающихся скотоводства и объединенных именем Агуа. В одном из документов этого

касается частноправовых договоров, то из АН известен только один случай продажи участка, который в договоре был назван полем. В 1842 или 1841 г. до н. э. 2,4 га «заброшенного поля» (a.šà kankal) возле дороги было продано за 80 г (10 сиклей) серебра (UET 5 167). Тем не менее многие жители АН, по-видимому, имели в своем распоряжении земельные наделы.

Поля (служебные земельные наделы). Упоминания о полях в документах и письмах из АН встречаются довольно часто, но все они касаются не семейного имущества, но исключительно служебных наделов или «полей кормления» (a.šà šuku), т. е. земельных наделов, которые крупное хозяйство предоставляло персоналу за исполнение определенных обязанностей/службы в хозяйстве. Владелец такого надела был обязан отдавать хозяйству часть урожая со своего поля в виде налога и выставять работника для исполнения трудовой повинности.

Большая часть документов из АН, в которых упоминаются служебные поля, представляет собой «школьные упражнения» или так называемые *model contracts* — образчики, которые использовали писцы при составлении официальных документов или писем. В одном случае (UET 5 401; Charpen 1986: 476–477) это договор займа серебра под заклад служебного земельного надела (a.šà šuku)²⁸. Остальные тексты представляют собой письма.

В трех письмах совершенно идентичного содержания (UET 5 4, 15, 51), отличающихся только именами адресатов и корреспондентов, речь идет о служебном наделе (a.šà šuku) площадью в 13 га, который корреспондент арендовал у адресата и на который предъявляет какие-то претензии некий Дуду, чиновник šabra²⁹. Еще в двух письмах (UET 5 38, 56) говорится о недоимках (*ribbātum*) сезама, которые хозяйство Нанны имеет за автором писем. В первом случае недоимка составляла 22 ⁴/₅ гур 1 бан сезама (т. е. около 7000 л), во втором немного меньше — 22 ²/₅ гур 3 бан. Автор просит корреспондента срочно прислать ему сезам для уплаты долга. Так же как письма (UET 5 4, 15 и 51), о которых говорилось выше, эти два письма близки по своему содержанию и являются, вероятно, образчиками школьного письмовника (Charpin 1986: 463–464).

Аренда надела упоминается, по-видимому, и еще в одном письме из АН (UET 5 30). Судя по его содержанию, и в данном случае, как и в трех вышеупомянутых письмах, речь идет о служебном наделе площадью 13 га. Арендаторы, которым предъявили требование выплатить налог с арендованного поля,

архива перечислены семь полевых участков общей площадью примерно 70,9 га, которые являлись служебным наделом Агуа (a.šà šuku, UET 5 850).

²⁸ Другие случаи займа под залог поля из Ура неизвестны, хотя сохранился договор займа под залог дома (UET 5 300 из района АН, см.: Дьяконов 1990: 94) и под залог рабыни (UET 5 439 из района АН).

²⁹ Эта должность упоминается в документах из Ура, связанных с сельскохозяйственными работами на полях хозяйства Нанны и поставками зерна в хранилище хозяйства (UET 5 571, 572, 723). Имя Дуду упоминается и еще в одном письме из АН с тем же полевым номером, что и UET 5 15 (UET 5 67 17237). Возможно, это тоже «школьное письмо». К сожалению, оно сильно разбито. Речь в нем также идет о полях и о двух сиклях серебра, которые необходимо передать Дуду, šabra. Вероятно, чиновник, занимавший такую должность, контролировал служебные наделы хозяйства.

рискуют потерять право аренды и просят адресата принять меры, чтобы этого не произошло. То, что так много школьных текстов из АН посвящено проблемам аренды служебных наделов и выплате недоимок, свидетельствует, по-видимому, об актуальности этой темы для жителей квартала.

Занятия (служебный статус) жителей АН. О том, какое место занимали жители АН в хозяйственной и административной структуре города Ура, каковы были их занятия и источники существования, можно судить, в основном опираясь на свидетельства косвенного характера. Очень редко в текстах договоров или административно-хозяйственных записях после имени собственного упоминается профессия или должность данного лица. К сожалению, писцы ограничивались написанием только имени, иногда добавляли отчество, а должность чаще всего не указывали. Судя по данным такого рода, среди жителей АН были профессиональные работники (ремесленники), обслуживающий персонал (привратники, стражники), культовые служители, чиновники (в том числе торговые агенты-тамкары).

Обозначения профессий и должностей при именах свидетелей в частнопроводных договорах и судебных протоколах из АН. Все тексты, представлявшие собой частнопроводные договоры и записи судебных протоколов, заканчивались списком свидетелей, которых могло быть от двух до двадцати. Большинство свидетелей были соседями или родственниками участников договора, т. е., скорее всего, они жили поблизости. Иногда после имени свидетеля писец указывал его профессию или должность. В некоторых случаях это делалось для уточнения личности, например когда в списке свидетелей встречались тезки. Такое указание могло иметь и статусный характер, подчеркивая высокое положение данного свидетеля. В частнопроводных договорах из АН среди ремесленников, которые выступают свидетелями, упоминаются резчики печатей (1)³⁰, каменщики (8), плотники (3), цирюльники (1), корабельщики (2), пекари (4), кузнец (1). В роли свидетелей могли выступать и культовые служители-гуду (3), и лица из числа обслуживающего персонала — стражники (2), привратники (6) и изредка чиновники — начальник отряда, начальник каменщиков, старший пастух (UET 5 67–76).

Культовые должности. Одна из самых высоких культовых должностей, известных в Уре, название которой можно условно перевести как «умастител священного водоема» (gudu4 ab.zu), несколько раз упоминается в договорах из АН, но только при именах жителей квартала ЕМ, которые выступают в роли контрагентов или свидетелей³¹. Зато при именах жителей АН довольно часто встречается упоминание культовой должности более низкого ранга — «умастител» (шум. gudū4, акк. pašīšu), т. е. служитель, занимающийся умощением различных священных предметов в храме. Именно из района АН происходит

³⁰ В скобках указано, сколько раз в имеющихся документах в списках свидетелей упоминаются представители данной профессии или должности.

³¹ В одном случае два жителя района ЕМ, Син-хацир и Эриду-ливвир, gudū4 ab.zu, арендовали дом в районе АН (UET 5 200), в другом — житель ЕМ Элалі gudū4 ab.zu выступил свидетелем при разделе имущества семьи из АН (UET 5 100).

большая часть сведений о жителях города Ура, занимавших должности *gudu4*. Известны имена более десятка жителей АН, которые исполняли эту должность в храмах богов Инанны, Ишкура, Нанайи (UET 5 311), Шары (UET 5 90). Все эти храмы представляли собой, скорее всего, небольшие святилища внутри кварталов или приделы, располагавшиеся внутри главного городского храмового комплекса, где находились храмы бога Нанны и его супруги богини Нингаль³².

Еще одна группа храмового персонала состояла из лиц, которые владели культовыми должностями достаточно низкого ранга или пребендами (*maḡ.za*), требовавшими ежедневного выполнения некоторых простых обязанностей, для чего не нужны были специальные профессиональные знания и навыки. Эти должности были наследственными и передавались в рамках одной родственной группы из поколения в поколение. Изначально, возможно, наличие такой должности было подтверждением статуса семьи, ее принадлежности к культу (и соответственно хозяйству) того или иного божества. Такими должностями могли владеть и женщины.

К 19–18 вв. до н. э. отдельные семьи владели уже не целой должностью, а только ее частью. Это хорошо прослеживается по документам раздела из АН. Связь семей квартала АН с определенными святилищами или храмами была, по-видимому, очень тесной и сохранялась на протяжении многих поколений³³. Жители города, у которых имелись унаследованные или купленные права на культовые должности (или их отдельные части), могли рассчитывать на постоянные и четко определенные выплаты из храмового хозяйства. В начале II тыс. до н. э. культовые должности среднего уровня и пребенды стали продавать и даже обменивать, тем более что доход от должности или ее части можно было оценить в серебре³⁴. Правда, из квартала АН города Ура такого рода договоры неизвестны³⁵.

Административные должности. Примерно треть документов, найденных в АН, представляют собой административно-хозяйственные записи. Они составлялись чиновниками, отвечавшими за отдельные сферы деятельности

³² Так, некий Нигга-Нанна, который входил в число административного персонала храма богини Нингаль и удостоверял своей печатью учет жертвоприношений в этом храме, называет себя на печати «умастителем» богини Нанайи (*nig-ga-d.nanna // gudu4 d.nanaia // dumu en.libur*, UET 5 550).

³³ Свидетельство такого рода сохранили документы из дома № 4 А по Paternoster Row. В 1888 г. до н. э. хозяин дома усыновил своего зятя и выделил ему долю наследства, в состав которой входила культовая должность (*maḡ.za*) в храме бога Шары (UET 5 274). В 1835 г. до н. э. (через 53 года) в этом же доме был составлен договор усыновления, в котором в составе имущества, переданного усыновленному, упоминается и должность «умастителя» в храме этого же бога (*gudu4 d.šara*, UET 5 90).

³⁴ Позднее, во времена Самсуилуны, когда Ур был уже на пороге серьезного социального кризиса, пребенды стали брать «в аренду». В одном случае даже арендовали ритуальную процессию с божественными символами бога, причем арендатор и арендодатель обязались поделить поровну «зерно и все, что будет в наличии», т. е. то, что предполагалось, по-видимому, получить от поклоняющихся во время следования статуи бога (YOS 12 354; Charpin 1986: 65–176).

³⁵ Единственный сохранившийся договор такого рода происходит из другого квартала города Ура — района CLW (UET 5 194 — 1804). Документ представляет собой договор о продаже двумя братьями части их семейного имущества — 45 дней исполнения культовой должности в храме бога Амурру.

крупных хозяйств Ура, прежде всего хозяйства бога Нанны. Часть отчетных документов передавалась, вероятно, в центральные архивы хозяйства, но многие хранились в домах самих чиновников вместе с документами частного характера. В нескольких домах квартала АН кроме разрозненных частных-правовых и административных документов были найдены группы отчетных записей, которые можно рассматривать как архивы обитателей этих домов. В каждой группе таких документов помимо административных записей находилось и несколько частных-правовых документов. Чаще всего в этих документах имена жителей АН упоминаются среди представителей среднего управленческого звена.

Управление скотоводством. Несколько семейных групп из АН занимались скотоводством в хозяйствах главных богов Ура, бога Нанны и богини Нингаль, которые держали огромные стада мелкого и крупного рогатого скота³⁶. Ежегодно хозяйства получали тысячи килограммов шерсти³⁷, большая часть которой перерабатывалась и экспортировалась (UET 5 367). Скот был важной экономической составляющей этих хозяйств, и в этой сфере было занято, по-видимому, множество горожан. Документы, касающиеся управления работами в скотоводстве, содержатся в двух архивах из района АН (Mieroop 1992a).

Одна из семей, занятая в этой отрасли хозяйства, проживала, предположительно, в доме № 1 по Broad Str. (Mieroop 1992: 293–295 — 1836–1811). Большая часть документов найденного здесь архива связана с именем старшего из шести братьев (Агуа), который занимал должность старшего пастуха (ú.tul). Это была высокая должность административного характера. Сам Агуа не занимался выпасом скота. Под его началом находилась целая группа пастухов более низкого ранга. В обязанности «старшего пастуха» входил, судя по всему, контроль за подчиненными ему пастухами и стадами, а также доставка на склады хозяйства определенного количества продуктов скотоводства: шерсти, молока, сыра, масла³⁸. В соответствии со своей должностью Агуа имел большой служебный надел от хозяйства Нанны. В одном из документов архива перечисляется семь полевых участков общей площадью свыше 70 га, которые обозначены как служебный надел (a.ša šuku, UET 5 850 — 1830).

³⁶ В одном из текстов времени царя Цилли-Адада (1835 г. до н. э.) перечисляются имена 91 пастуха, которые пасли стада овец, принадлежавших этим хозяйствам (UET 5 100). На одного пастуха могло приходиться 300–600 овец, с каждой он был обязан ежегодно сдавать 0,8 кг шерсти (YOS 5 104). Если возникала недостача шерсти, ее компенсировали серебром (UET 5 637). Излишки, вероятно, оставались у пастухов. В другом тексте, представляющем собой отчет о состоянии стад, упоминается более 16 000 голов крупного рогатого скота (UET 5 849).

³⁷ Два отчета хозяйства от 2-го и 5-го дней XII месяца 1835 г. упоминают соответственно 1498 и 1860 кг шерсти (UET 5 100).

³⁸ Точное количество пастухов и скота, находившихся под контролем Агуа, нам неизвестно. В одном случае упоминается стадо в 13 200 овец (UET 5 849 — 1820), в другом — под его ответственностью находятся стада в 4116 (UET 5 809 — 1821) и 1934 (UET 5 811 — 1821) овец. Документы архива фиксируют расход молочных продуктов, которые Агуа получал от подведомственных ему пастухов (UET 5 626 — 1823, 627 — 1819); учет поставок скота для жертвоприношений (UET 5 806 — 1826), передачу скота для сельскохозяйственных работ (UET 5 810 — 1820, 811 — 1821). Чиновники хозяйства удостоверяли правильность отчетов, прикладывая свои печати к его отчетным документам (UET 5 629).

Агуа был не единственным старшим пастухом в хозяйстве. Сходные функции выполняли еще несколько лиц, которые упоминаются в урских документах. Скорее всего, они также были жителями района АН, так как их имена неоднократно встречаются среди имен свидетелей различного рода сделок, которые заключали между собой жители АН (UET 5 112 IV 12; 115 21; 116 22). В распоряжении этих администраторов находились большие земельные территории, которые они использовали для выпаса переданного им скота³⁹.

Вторая группа текстов из АН, связанных со скотоводством, хранилась в доме № 2 по Church Lane, где был найден архив другого старшего пастуха, которого звали Апил-киттим (Mieroop 1992: 281–283 — 1813–1787). Тексты были составлены несколько позже документов первого архива. Обе семьи, возможно, были связаны родством⁴⁰. Апил-киттим как старший пастух выполнял такие же обязанности, как и Агуа⁴¹. Он контролировал состояние стад (в UET 5 823. 832 упоминается несколько стад крупного рогатого скота, в каждом из которых было по 40–60 животных), вел учет поступления продуктов животноводства (UET 5 630). В его подчинении было несколько младших пастухов. Предположительно все они входили в число персонала хозяйства богини Нингаль, супруги бога Нанны (UET 5 946). Один документ архива касается частной деятельности Апил-киттима. Он одолжил некоему Амурру-шеми 3,2 г ($\frac{1}{3}$ сикля 12 ше) серебра на два месяца под 20 % (UET 5 338 1813).

Управление заготовками тростника. В доме № 1 по Broad Street была найдена небольшая группа административно-хозяйственных документов (1808–1807 гг.), связанных с заготовками тростника и сопутствующими работами (Mieroop 1991; 1992: 293). Работы такого рода производились в болотах между Уром и Эриду⁴². Они велись постоянно и были, вероятно, организованы так же,

³⁹ В архиве сохранилось два документа, представляющих собой запись раздела пастбищ между старшими пастухами (UET 5 107, 118).

⁴⁰ Интересно, что целый ряд имен собственных первого архива повторяется во втором, упоминается в нем и имя Агуа (UET 5 822,5; 823.10; 824,7; 832,4; 833.5). Причем названа и его должность — «младший пастух» (áb.al, UET 5 825). Вряд ли это одни и те же лица, слишком велик разрыв во времени, скорее это свидетельствует о том, что скотоводством занимались определенные семейные группы, внутри которых отдельные имена периодически повторялись. Более того, в архиве Агуа имеется документ, возможно, происходящий из архива Апил-киттима, — UET 5 843. В нем перечислены стада крупного рогатого скота, находящиеся под управлением «главных пастухов», и упомянуто имя Апил-киттима как ответственного лица (nig.šu). Документ не датирован. Нахождение его в архиве Агуа, возможно, является подтверждением его родственных связей с Апил-киттимом.

⁴¹ Нет никаких оснований, как нам представляется, считать, что Апил-киттим «was a private businessman who was contracted by the temples to take care of herds» (Mieroop 1992: 180), тем более что он занимал столь высокую должность в административной структуре.

⁴² Обширная болотистая территория между городом Уром и Персидским заливом, находившаяся, по-видимому, под контролем хозяйства Нанны, была основным местом заготовки тростника, который являлся необходимым сырьем для многих отраслей хозяйства. Тростник широко использовали в строительстве, матами из тростника выкладывали дно и стены ирригационных каналов, связки тростника, скрепленные жидким асфальтом, служили для сооружения лодок и грузовых барж; из него изготавливали самые разнообразные плетеные изделия: двери, мебель, циновки, корзины и емкости для переноски и хранения продуктов. Корзины широко использовались при проведении земляных работ. Связки сухого тростника служили топливом для приготовления пищи. Заготовки тростника велись

как и другие производственные сферы крупных хозяйств. Структура персонала этой отрасли, которую можно предположительно восстановить по документам архива, состояла из трех основных звеньев.

Резкой тростника, связыванием стволов и транспортировкой занимались отряды работников (*erīn*) из 15–45 человек. Каждый работник заготавливал 20–60 связок тростника в день, увязывая их в тюки по 10–20 связок. Руководили отрядами работников «начальники отрядов» (*nu.bānda*). В течение сезона заготовки тростника начальники отрядов ежедневно приходили со своей группой работников на берега каналов (территория была, по-видимому, точно определена заранее), где производились работы. За день каждая группа обязана была выработать определенный урок (*éš.gār*), размер которого колебался от 400 до 1800 связок (UET 5 648–659). Часть заготовленного тростника сразу передавалась для использования лицам из числа персонала хозяйства, что также тщательно учитывалось (UET 5 645). В случае невыполнения нормы это фиксировалось как недостача (*lal*, UET 5 647–651, 656, 659), ответственность за которую несли «начальники отрядов». В текстах архива упоминаются более 15 имен таких «начальников отрядов».

«Начальники отрядов» в свою очередь находились в подчинении у чиновников более высокого уровня, «надзирателей» (*ugula*), которые контролировали деятельность от трех до шести отрядов. Они же вели учетную документацию, ежедневно отмечая выработку, поставки и недостачи. Отчетные документы составлялись несколько раз в месяц, а может быть, и ежедневно⁴³. В архиве упоминаются имена двух таких чиновников (Дингир-сигга и Лугатум), одному из которых, очевидно, и принадлежал архив.

Кто были работники, заготавливавшие тростник, неизвестно, скорее всего, это были жители Ура и селений и небольших городков вокруг него, исполнявшие трудовую повинность (UET 430, 660). Начальники отрядов и надзиратели, фигурирующие в этой группе документов, были, вероятно, жителями квартала АН.

В отношении заготовок тростника, как и любых других видов хозяйственной деятельности, действовали определенные нормативы, которые позволяли оценивать эти работы в пересчете на серебряный эквивалент как обязательства или задолженность чиновников, осуществлявших их. Сохранились два документа, представляющие собой списки, в которых перечислены небольшие количества

в огромных масштабах и были тесно связаны с другой важнейшей отраслью хозяйства — рыболовством. Заготовленный тростник распределялся внутри хозяйства. В данной группе документов сохранились записи о выдаче огромного количества тростника (26 230 связок) пекарям и корабельщику (UET 5 645), а также о передаче тростника (536 связок) для укрепления берегов канала (UET 5 658).

⁴³ Характер текстов: ежедневные отчеты о заготовках тростника, отчеты о недостачах, отчеты о распределении заготовленного тростника, отчеты о платежах, произведенных в связи с этими работами. В одном из документов упоминаются «обязательные поставки» (*gún*, UET 5 658), в других документах употребляются также такие термины, принятые в централизованном учете, как «поставки» (*mu.túm*), «недостача» (*lal*), «урок» (*éš.gār*). Все это, а также упоминание в документах официальных должностей лиц, занятых на этих работах, свидетельствует о том, что мы имеем дело с одной из структур централизованного хозяйства, а не с «частными предпринимателями, работающими по контракту с храмом» (Mieroop 1992: 90).

серебра с указанием лиц, за которыми это серебро числилось (UET 5 477, 489). Хотя должности в списках не указаны, судя по именам, среди них были и те самые начальники отрядов заготовителей тростника. В одном из этих документов (UET 5 477) указаны и имена контролировавших расходы надзирателей — Дингир-сигга и Лугатум.

Сведения о том, как вознаграждались за свою службу начальники отрядов и надзиратели (nu.bànda, ugula), отсутствуют, за исключением одной записи, в которой говорится, что между группой «начальников отрядов» было распределено 46 свиней. Ответственным лицом при этом выступал надзиратель Дингир-сигга (UET 5 677). Обычно начальники отрядов получали служебные земельные наделы на себя и своих работников. Вероятно, так же обстояло дело и в данном случае.

О деятельности этих двух надзирателей (ugula), помимо той информации, которая содержится в документах данного архива, известно мало. Один из них (Лугатум) выступил свидетелем при передаче жителями небольшого города Куара, находившегося в окрестностях Ура, крупной суммы серебра хозяйству Нанны по каким-то обязательствам (UET 5 430). Он же получил 720 связок тростника в качестве обязательных поставок от рыбаков Ура (mu.túm šu.ha.e ne lú šeš.unug.ki, UET 5 660).

Кредитная деятельность жителей АН. Возвращаясь снова к «школьному» архиву на Broad Str., отметим одно существенное обстоятельство: большинство документов (7 из 11) связаны с кредитным оборотом серебра. Эти документы следующие:

- 1) договор беспроцентного займа 2 сиклей серебра (UET 5 301);
- 2) долговое обязательство храму Nanna на 1 $\frac{1}{6}$ сикля серебра (UET 5 322);
- 3) две долговые сделки, записанные на одной табличке (UET 5 366). Первая сделка — это заем 12 сиклей серебра под залог рабыни, которая должна ежедневно выполнять определенную работу: перемалывать в муку 10 л зерна; вторая — заем 21 сикля серебра с обязательством ежегодно отдавать по 7 сиклей;

- 4) заем 10 сиклей серебра под залог служебного надела (UET 5 401), на содержании этого документа мы подробно останавливались выше;

- 5–6) два документа «займа товарищества» для торгового путешествия (UET 5 367, 428);

- 7) заем 80 л какого-то сыпучего продукта; долг следовало вернуть в месяц сбора урожая (UET 5 388).

Такое большое количество документов «школьного архива», представлявших собой образцы различного рода кредитных документов, вполне адекватно отражало общую ситуацию в документальном материале из АН. Именно документы займа и различного рода обязательства, с ними связанные, составляли здесь преобладающую часть частноправовых документов. Из примерно 200 сохранившихся документов частноправового характера, найденных в домах АН, 104 представляют собой договоры займа, 75 из них — это займы серебра и 29 — займы различного рода продуктов — зерна, фиников, рыбы, масла.

Документы, фиксирующие займы серебра, охватывали период примерно в 116 лет (1902–1786 гг.). Если разложить все эти договоры хронологически и попытаться проанализировать их содержание, то в проведении кредитных операций вырисовывается как будто определенная система. Распределение по месяцам в течение года, ежегодное общее количество, величина отдельных займов и общие суммы серебра в ежегодном кредитном обороте, — все это имело, по-видимому, вполне устойчивый характер и колебалось в незначительных пределах.

Прежде всего, ежегодно совершалось не так уж много кредитных сделок, фиксировавшихся письменно: обычно одна-две, изредка — четыре. С 1822 по 1787 г. до н. э. (в первые 36 лет правления царя Рим-Сина) было заключено 56 сделок такого рода на общую сумму в $3\frac{1}{3}$ мины 7 сиклей серебра. Большая часть заемных сделок заключалась в X и XII месяцы года, т. е. в то время, когда чиновники всех уровней должны были представлять годовую отчетность. Примерно $\frac{1}{5}$ часть займов в условиях возвращения долга указывала III месяц года, месяц сбора урожая (шум. sig4.a, акк. *simānum*), возвращение остальных займов приходилось на разные месяцы и, по-видимому, не было связано напрямую со сбором урожая⁴⁴.

В одном из самых небольших по площади домов АН (дом № 3 по Niche Lane) была найдена группа документов (более 40), датированных 1796–1787 гг. до н. э. (Міегоор 1992: 275 ff.). Тексты представляли собой различного рода хозяйственные записи, касающиеся поступления и расхода больших количеств разнообразных продуктов и скота (16), и договоры, связанные с выплатами серебра и займами серебра и продуктов (23). Среди них был также договор аренды дома и найма работника. Владелец архива был, по-видимому, человек по имени Думузи-гамиль, который упоминается в большинстве документов как главное действующее лицо. Те документы архива, в которых его имя не было упомянуто, судя по их содержанию, также были непосредственно связаны с его деятельностью.

Через руки Думузи-гамиль проходили огромные количества самых разнообразных продуктов и скота (хлеба, зерна, мяса, шерсти, овец), которые предназначались для обеспечения различных подразделений хозяйства бога Нанны, в том числе для жертвоприношений и выдач персоналу. Он вел учет поступления и контролировал передачу этих продуктов, выступая в роли ответственного лица (*níg.šú*). Расходы продуктов, за которые он нес ответственность, были весьма значительны: от 1300 до 14 706 л зерна (UET 5 405), расход хлеба также измерялся литрами и мог достигать единовременно от 1300 до 4400 л (UET 5 404). Думузи-гамиль контролировал выдачи продуктов для приношений статуе покойного царя, а также хлеба и мяса для угощения правящего царя, посещавшего Ур по случаю некоторых религиозных праздников (UET 5 225, 226). Еще

⁴⁴ Если обратиться к количеству серебра, которое ежегодно обращалось в виде займов, то за 25 последовательных лет, от которых у нас сохранились достаточно полные данные, ежегодная сумма кредитованного серебра колебалась в следующих пределах: до 5 сиклей — 11 раз, до 15 сиклей — 7 раз, до 30 сиклей ($\frac{1}{2}$ мины) — 5 раз, свыше 1 мины — 2 раза.

в одном случае Думузи-гамиль отвечал за передачу более ста овец, оцененных в серебре, для жертвоприношений в храме Нанны (UET 5 615). В сферу его деятельности, по-видимому, входила также реализация за серебро шерсти (UET 5 435, 450) и овец (UET 5 413, 455, 458, 615).

Неизвестно, занимал ли владелец архива какую-то определенную должность и как она могла называться. Скорее всего, он, как и многие из лиц, упоминающихся в документах его архива, входил в число торговых агентов-тамкаров хозяйства Нанны⁴⁵. Очевидно, что Думузи-гамиль занимал высокое положение в администрации хозяйства и оперировал его ресурсами, в том числе и серебром, что давало ему возможность активно действовать и как кредитору.

Пятнадцать документов из архива Думузи-гамия касались кредитных операций с серебром. В четырех документах содержались записи о передаче каких-то сумм по неизвестным нам внутрихозяйственным расчетам, которые были связаны, вероятно, с его служебной деятельностью. Три займа были предоставлены для «путешествия», т. е. для международной торговли. Остальные восемь займов, величина которых колебалась от 1 до 18 сиклей серебра, выдавались на очень короткий срок (30 дней, только в одном случае UET 5 365 — на 60 дней), причем рост почти во всех займах — 20 %. В пяти случаях в текстах займов прямо указывалось, что они произведены из ресурсов хозяйства бога Нанны (UET 5 350–352, 363, 317). Срочный характер займов свидетельствовал о том, что они были произведены либо в связи с какими-то служебными надобностями, сопряженными с манипуляциями продуктами и серебром внутри хозяйства, либо с торговыми операциями⁴⁶. В пользу этого предположения говорят и другие свидетельства, в частности исследование деятельности лиц, которые давали и получали кредиты.

Думузи-гамиль был, конечно, не единственным кредитором, действовавшим в квартале АН. Изучение других кредитных документов из этого квартала, помимо архива Думузигамия, показывает, что многие лица, выступающие в них в качестве кредиторов и должников, так же как и он сам, были тесно связаны с хозяйством Нанны и, скорее всего, занимали определенное положение в административной структуре храма, хотя их деятельность иногда, возможно, выходила за рамки собственно служебных обязанностей. Во многих случаях в виде долгового обязательства могла быть оформлена передача ресурсов внутри хозяйства от одного чиновника другому, тем более что для удобства взаиморасчетов в учетной системе хозяйства, как уже говорилось выше, все продукты

⁴⁵ Начальником торговых агентов-тамкаров (*ugula dam.gàr*) Ура в это время был, по-видимому, кредитор самого Думузи-гамия Шуми-абум (UET 5 361, 403). О тесных связях Думузи-гамия с тамкарами говорит и тот факт, что он предоставлял займы на «путешествие», т. е. для международной торговли. Организация торговых агентов-тамкаров в Уре была одним из важнейших звеньев городского хозяйства. Одной из ее основных задач была деятельность по «оборачиванию» продуктов внутри этого хозяйства в условиях распределительной системы и при отсутствии сколько-нибудь развитого внутреннего рынка.

⁴⁶ Традиция оформления в виде долгового обязательства или займа передачи ресурсов хозяйства Нанны от одного чиновника другому в случае нехватки или каких-то служебных надобностей существовала задолго до времени Думузи-гамия (UET 5 325 — 1895; 358 — 1865).

оценивались в серебряном эквиваленте. При этом в роли должников, судя по документам займов, периодически могли оказаться и сами кредиторы⁴⁷. Среди должников встречались и лица, занимавшие очень высокое положение в администрации хозяйства, а в роли свидетелей договоров могли выступать Нанна, Шамаш и другие боги.

Значительная часть кредитных операций жителей АН с серебром, и особенно с сельскохозяйственной продукцией, которые оформлялись как частнопроводимые договоры, были непосредственно связаны с положением этих лиц в административной системе крупного хозяйства и с теми обязанностями и возможностями, которые это положение им предоставляло. И кредиторы, и должники, упомянутые в большинстве договоров займа, принадлежали, вероятно, к достаточно узкому кругу лиц (представителей среднего или низшего звена чиновников-управленцев), которые несли ответственность за поступление тех или иных продуктов с определенного участка хозяйства в центр или за исполнение определенного объема работ. В системе учета эти лица могли фигурировать как должники, обязанные возместить определенную сумму серебра, эквивалентную стоимости продукта, за поставки которого они отвечали (по тарифу, действовавшему внутри хозяйства), либо обязанные выполнить определенный объем работ.

Район CLW. Еще один жилой район города Ура в изданных Л. Вулли отчетах о раскопках был обозначен как CLW. Он располагался на северо-восточной окраине города. Археологи обнаружили здесь и частично исследовали группу домов, протянувшихся более чем на сто метров вдоль городской стены и частично образующих эту стену. Дома были построены в начале II тыс. до н. э.

⁴⁷ Таков, например, Син-наши. Его служебная деятельность, как и деятельность Думузи-гамиля, включала контроль за расходом хлеба в хозяйстве. Своей печатью он удостоверил расход 2430 л хлеба на выдачи персоналу, произведенный на хлебном складе храма Нанны (UET 5 501 — 1822). Несколько раз Син-наши одалживал серебро лицам одного с ним круга (UET 5 364 — 1819, 337 — 1817), а один раз сам занял у одного из своих бывших должников, Аппы, 300 л зерна (UET 5 381 — 1801). Последний также неоднократно выступает и как кредитор (UET 5 333 — 1820, 381 — 1819, 309 — 1797), и как должник (UET 5 364 — 1819, 415 — 1813).

Имгур-Эа — один из тех, кто часто упоминается в архиве Думузи-гамиля. Он выступал свидетелем в договорах займа (UET 5 313), сам занимал серебро (UET 5 314). Его имя упоминается в списке лиц, имевших обязательства перед хозяйством по поставкам, где за ним числится 1 $\frac{1}{2}$ сикля серебра (UET 5 538).

Имликум. Давал серебро займы (UET 5 356, 3 $\frac{1}{3}$ сикля), сам брал в долг (UET 5 321 — 1787, $\frac{1}{3}$ сикля); получил 3 сикля 15 ше серебра от хозяйства Нанны (UET 5 467).

Супапум. Предоставил заем в 11 сиклей серебра группе из пяти человек (UET 5 297 — 1840), сам вместе с десятью другими лицами одолжил 15 сиклей серебра (UET 5 328 — 1837), за ним же числилось 3 сикля серебра по расчетам с хозяйством Нанны (UET 5 538).

Адад-бани. Предоставлял займы (UET 5 335 — 1818, 341 — 1805, 379 — 1803, 342 — 1800, 344 — 1800). Вместе с двумя другими лицами одолжил 25 сиклей серебра на условии вернуть долг двумя платежами в течение года (UET 5 309 — 1797). Он же, возможно, упомянут в списке выдач зерна и хлеба лицам из числа персонала хозяйства Нанны (UET 5 492).

Атта. Давал серебро в долг, 1 сикль 18 ше на 30 дней (UET 5 346 — 1792), одолжил Имликуму $\frac{1}{3}$ сикля на 30 дней (UET 5 321 — 1787); взял в долг у бога Нанны $\frac{5}{6}$ сикля серебра на 20 дней (UET 5 310 — 1792). Его брат, Шамаш-ите, занял 2 $\frac{1}{3}$ сикля 18 ше серебра (UET 5 368).

Л. Вулли назвал эту часть города «a poor quarter to the NE of the Temenos». Однако это заключение было сделано до изучения документального материала, найденного здесь (Woolley 1976: 232).

Архив семьи Адад-гугаллума. В районе CLW была найдена группа из 29 документов, составленных в период с 1889 по 1788 г. до н. э. (Mieroop 1992: 297–298). Восемь текстов, датированных 1817–1788 гг. до н. э., объединены именем некоего Адад-гугаллума⁴⁸, сына Илшу-бани, и, по-видимому, составляли его семейный архив (Козырева 2000а). Остальные тексты из этой группы на первый взгляд как будто не имеют прямого отношения к этому семейству. Однако многие из этих документов если и не входили прямо в архив Адад-гугаллума, то принадлежали его ближайшим соседям и, возможно, родственникам, жившим поблизости⁴⁹. По-видимому, большинство документов из CLW отражают деятельность жителей района, объединенных соседскими и родственными связями.

Два самых ранних документа, которые, вероятно, относятся к деятельности этой родственной группы, датированы 1890 и 1889 гг. до н. э. (UET 5 103, 160). Один из них был найден в районе CLW, точное местонахождение другого осталось неизвестным, и он был опубликован без полевого номера. Изучение имен собственных лиц, упомянутых в этих двух текстах, дает основание объединить их.

Первый документ, датированный 1890 г. до н. э. (UET 5 103), представляет собой судебное решение о разделе урожая с одного поля между двумя братьями. Текст был издан без указания полевого номера. Соглашение о разделе урожая было заключено между двумя сыновьями человека по имени Абабим⁵⁰. Одного из братьев звали Цилли-Адад. Второй брат носил аморейское имя Гу-нанум. К сожалению, текст сильно поврежден. Общее содержание можно восстановить следующим образом: два брата владели полем, но расходы на его содержание и обработку по какой-то причине нес только один из братьев. Чтобы возместить убытки, он обратился в суд, который вынес следующее решение: «Когда из урожая поля налог-миксу будет изъят, Гу-нанум посевное зерно, корм скоту, солому (и) отруби, плату работникам его, сколько было установлено, возьмет себе» (UET 5 103 20–25). Остальное зерно оба брата должны были поделить между собой поровну.

Таким образом, из урожая, собранного с этого поля, прежде всего должны были вычесть налог. Затем один из братьев мог взять из урожая то количество

⁴⁸ Его имя можно прочесть по-аккадски *Adad-gugallum* (так его читает и Charpen 1976: 271) и по-шумерски, *d.iskur.gú.gal*, т. е. «бог Ишкур — управитель каналов». Шумерскому богу Ишкуру, аккадскому Ададу, были подвластны дожди и бури.

⁴⁹ Многие имена, встречающиеся в этих текстах, упоминаются и в архиве Адад-гугаллума; так, имена продавца и покупателя в договоре о покупке сада (UET 5 175) упоминаются в таком же договоре из архива (UET 5 181). Договор о покупке дома у семейной группы (UET 5 141 — 1820) находит явное продолжение в архиве, так как этот же дом и у этого же покупателя сам Адад-гугаллум покупает через 6 лет (UET 5 152 — 1814).

⁵⁰ Это имя (*ab-ab-im*), буквально означавшее «отец отца», т. е. дед, в других документах того времени из Южной Месопотамии не упоминается. Есть примеры его употребления в нововавилонских текстах (Stamm 1968: 302).

зерна, которое соответствовало понесенным им расходам. В эти расходы входило посевное зерно, корм скоту, т. е. волам, ходившим в плужной упряжке при пахоте, и плата работникам, которые были заняты на полевых работах. Скорее всего, поле, при разделе урожая с которого возник спор между двумя братьями, было семейным служебным наделом (a.šà šuku), который обрабатывался с помощью наемных работников.

Свидетелями в судебных разбирательствах обычно выступали ближайшие родственники участников. В данном документе перечислены три свидетеля. Среди них два брата, Адад-эллатсу и Нур-илишу, сыновья Адад-гугаллума. Это, конечно, не тот Адад-гугаллум, чей архив датируется примерно на 70 лет позднее, но, вполне возможно, его прадед. Такое «родовое» имя, которое часто было связано с почитанием определенного божества (в данном случае бога Адада), передавалось в семьях из поколения в поколение⁵¹. Судя по именам участников спора и свидетелей, эта семейная группа имела аморейские корни и почитала бога Адада как своего патрона. Возможно, семья была в числе тех, которые поселились в Уре и других городах Южной Месопотамии после падения III династии Ура, придя сюда вместе с аморейскими вождями. Такие пришельцы не имели, вероятно, прямых связей с собственно городским хозяйством. Главным источником их существования могли быть царские пожалования за службу в виде земельных наделов. Очевидно, и возможность поселиться в городе таким семьям часто предоставлялась царем, поскольку купить участок городской земли «чужаку» (акк. *nakru*) было непросто.

Второй документ, представляющий собой договор купли городского участка, был найден в районе CLW. В 1889 г. до н. э., через год после вынесения решения о разделе урожая, Цилли-Адад купил у некоего Нанна-зиму⁵² большой участок незастроенной земли, располагавшийся рядом с его участком. Однако плату за землю, 3 сикля серебра, как указано в тексте договора (UET 5 160), он должен был уплатить не продавцу, т. е. Нанна-зиму, а «от имени продавца» хозяйству бога Нанны, которое было, видимо, номинальным владельцем этой городской земли. Судя по тексту, в начале 19 в. до н. э. Цилли-Адад и его семья имели в своем распоряжении не только значительный земельный надел, который обрабатывался силами наемных работников, но и несколько больших участков незастроенной городской земли на северо-восточной окраине города Ура.

Остальные известные нам документы, касающиеся деятельности семьи Адад-гугаллума, относятся уже к последней четверти 19 в. до н. э. Самый ранний из них (UET 5 108) был составлен в 1817 г. до н. э., через 70 лет после принятия судебного решения о разделе урожая (UET 5 103). Это договор о разделе иму-

⁵¹ Имя Адад-гугаллум ни в каких других текстах этого времени из Ура, помимо документов его архива и данного договора (UET 5 103), не упоминается.

⁵² Само имя Нанна-зиму (шум. Бог Нанна — моя жизнь) указывает на связь продавца с культом бога Нанны. Это имя еще два раза упоминается в документах из Ура, оба раза датировки в текстах отсутствуют. Один раз Нанна-зиму фигурирует как получатель в списке выдач зерна (UET 5 583 I 20), другой — в списке должников (?) хозяйства, где за ним числится 1 $\frac{2}{3}$ сикля 6 ше серебра (UET 5 469).

щества между двумя «товарищами», предположительно, торговыми компаньонами, одним из которых был сам Адад-гугаллум⁵³.

Всего по этому договору было поделено два одинаковых по площади (около 40 кв. м каждый) дома, располагавшиеся в районе торговой пристани, дом «в городе» площадью около 60 кв. м и участок с заброшенными строениями площадью более 300 кв. м, 10 рабов, металлическая и деревянная утварь. Адад-гугаллум поклялся именем бога Нергала в том, что расчет был произведен полностью. Список свидетелей раздела имущества возглавили два божества (что тоже не встречается в документах раздела из Ура), Нергал и Гушкинбанда⁵⁴.

Договор о разделе имущества между компаньонами (так же как и договор о разделе урожая от 1890 г. до н. э.) и по содержанию, и по формулировкам во многом отличается от упоминавшихся ранее договоров раздела семейного имущества из Ура⁵⁵. Состав имущества достаточно обычный для того времени: жилые строения, деревянная и металлическая утварь, рабы, но перечисляется оно не в том порядке, что в обычных договорах (рабы, утварь, жилые строения). Все другие документы раздела начинают перечень именно с жилых строений. Размеры делимого также не сравнимы с тем, что мы знаем из договоров раздела семейного имущества, которые заключались жителями Ура из района АН.

Таким образом, в конце 1817 г. до н. э. два компаньона («товарища»), одним из которых был Адад-гугаллум, занимавшиеся, вероятно, какими-то торговыми операциями, завершили свою совместную деятельность и поделили общее имущество. В этот контекст хорошо укладываются и упоминания в договоре о больших помещениях в районе карума, торговой пристани, и 10 рабов, возможно,

⁵³ UET 5 108 — 14 XI 1817.

«1 раб, Даккум по имени, 1 раб, Адайатум по имени, 1 раб, Шамаш-раби, сутеец, 1 раб, Или-хаири по имени, 1 раб, Хабалум-маруц по имени, металлическая (утварь) и все, что имеется (в наличии); 9 сар [заброшенных] жилых (строений) с фундаментами (?) возле дома Ирлуб-писанны, сына Белайи, 1 сар 15 гин дома на пристани, возле дома Син-пилаха, домашнее имущество (и) деревянную утварь, всю, что имеется, в согласии они поделили. (Это) доля товарища (его?) [х]-Ниншубур.

1 раб, Шамаш-раби по имени, 1 раб, Апил-Син по имени, 1 раб, Или-таббаз по имени, 1 раб, Син-икишам по имени, 1 раб, Варад-Шамаш, сутеец, 1 ²/₃ сар жилого строения в городе, возле дома Иддин-Даму и (возле) улицы, 1 сар 15 гин жилого строения на пристани, возле дома Нур-ахи, судьи, домашнее имущество, утварь деревянная и металлическая, все, что имеется, в согласии они поделили.

В том, что товарищество их полностью завершено и клятву (именем) бога Нергала Адад-гугаллум принес, именем царя своего они поклялись» (список свидетелей, дата).

⁵⁴ Интересно, что в копии документа, написанной на конверте, в который была вложена табличка, имена богов-свидетелей идут в обратном порядке: *igi dku.zi.i.da u dⁿe.irì.gal*. Последний был, вероятно, личным божеством Адад-гугаллума (он же был одним из семейных богов царской семьи династии Ларсы, которой в это время подчинялся и Ур), а имя первого божества в документах из Ура и Ларсы, за исключением этого текста, не встречается. Гушкинбанда — это одно из имен бога Эа/Энки в функции покровителя ювелирного ремесла (*d.ea ša kutimme*, Daimel 1950: 585). Судя по всему, эти два божества — личные боги двух компаньонов — выступили в качестве свидетелей правильности раздела имущества.

⁵⁵ Некоторые формулировки, использованные при составлении этого договора, также отличают его от других договоров раздела имущества из Ура. Употребленное в этом договоре словосочетание «в согласии они поделили» (*tēš.a.sè.ga.bi i.ba.e.ne*, акк. *mithariš izuzzū*) ни в одном документе из Ура, кроме договора UET 5 103 от 1890 г., о котором уже говорилось выше, не встречается.

пригнанных для продажи (ср. YOS 8 98 от 1794 г. — раздел имущества между компаньонами, в том числе 13 рабов и 6 рабынь). Участие в торговой деятельности объясняет и тот факт, что Адад-гугаллум, судя по другим документам его архива, располагал значительным количеством серебра, которое после проищенного раздела он начал активно использовать.

Договоры о купле-продаже недвижимости 1815–1813 гг. до н. э. Остальные документы архива Адад-гугаллума представляют собой договоры о купле-продаже недвижимости (домов, городских участков, садов) и судебные соглашения, связанные с недвижимостью (Mieroop 1992: 297–299). Они датированы 1815–1813 гг. По формуляру эти документы полностью совпадают с документами из района АН.

Адад-гугаллум, как и некоторые жители района АН, чаще всего покупал дома у своих соседей (UET 5 144, 146, 152) и перекупал дома, купленные ранее другими лицами. В 1813 г. он купил за 15 сиклей серебра дом, который его владделец приобрел за 14 сиклей в 1821 году у семейной группы, отца и двух сыновей (UET 5 141, 152). Во всех случаях при заключении сделок среди свидетелей присутствовал городской чиновник-какикку. Через него центральная администрация осуществляла контроль над владельцами домов и участков земли внутри города. Как и другие горожане, Адад-гугаллум периодически сталкивался с проблемами, вызванными царскими указами, аннулировавшими сделки с недвижимостью (UET 5 253).

Однако существовали и серьезные отличия между сделками Адад-гугаллума и сделками жителей АН. Они заключались в их масштабах и, самое главное, в размерах платежей по ним. По сохранившимся документам за три года Адад-гугаллум купил около 150 кв. м жилых строений, уплатив за них, согласно договорам, не менее 2 кг серебра. Для сравнения можно вспомнить, каковы были масштабы сделок такого рода и платежей по ним в районе АН, заключенные примерно в те же годы: Энлиль-иссу — 3 сделки, 43 кв. м, 170 г серебра, Нур-илишу — 3 сделки, 47 кв. м, 176 г серебра, Аханирши, который жил гораздо раньше, в самом начале 19 в. до н. э., заключил 4 сделки и приобрел около 25 кв. м строений, уплатив примерно 500 г серебра.

Другим видом недвижимости, которую приобретал Адад-гугаллум, были сады. Сохранилось три документа, упоминающих об этом: два договора (UET 5 181, 183) и одна запись судебного разбирательства (UET 5 253). К сожалению, в текстах договоров уцелели не все знаки, фиксировавшие площадь приобретенных участков, поэтому подсчеты могут быть только приблизительными. Общая площадь садов, упоминаемых в этих документах, превышала 9 га. Вместе с садами было приобретено еще не менее 17 га необработанной земли. Знаки, указывавшие на размеры платежа, сохранились только в одном документе (UET 5 181, около 300 г серебра). Можно сравнить со сходными данными по покупке садов из района АН, учитывая, что и здесь не все цифры сохранились: Аханирши — 3 сделки, 2,7 га, 110 г серебра, Энлиль-иссу — 3 сделки, 2 га, 160 г серебра.

Таким образом, примерно за пять лет, с 1815 по 1810 г., Адад-гугаллум приобрел более 150 кв. м жилых строений на территории города Ура и более

9 га садов и 17 га земли под сады в пригороде, уплатив за все не менее 3 кг серебра. Эта сумма почти совпадает с той, что получится, если сложить все платежи по сделкам купли-продажи недвижимости, известным нам из района АН более чем за сто лет (1902–1787). Даже принимая во внимание тот факт, что не все документы сохранились и не все числовые знаки в текстах мы можем прочесть, нельзя не согласиться, что ресурсы, которыми располагал Адад-гугаллум, не сравнимы с теми, которыми обладали даже самые активные деятели района АН.

Эламтяне и амореи в районе CLW. Такой размах деятельности Адад-гугаллума, возможно, объяснялся тем, что его семья была издавна связана с царским хозяйством, владела служебными наделами и участвовала в международной торговле. Есть данные, свидетельствующие о том, что и другие обитатели района CLW, где жил Адад-гугаллум, были, возможно, связаны с высшими кругами царской администрации. Об этом косвенно свидетельствуют два письма, найденные здесь же (UET 5 19, 28). По крайней мере одно из них было прислано из столицы государства — города Ларса. Корреспондент этого письма носит эламское имя Кук-сигат. В документах из Ура и Ларсы эламские имена встречаются редко и обычно принадлежат высшим представителям царской администрации, что неудивительно, если вспомнить, что сама ларсская династия была тесно связана с Эламом, а отец правящего царя носил эламское имя Кудурмабук. Печать эламтянина Кук-шуку была приложена к важнейшим документам хозяйства бога Нанны (UET 5 476). Возможно, он был представителем царской администрации при этом хозяйстве. Некий Кук-шугаллит упоминается в расходной записи о выдаче зерна высшему персоналу царского хозяйства в Ларсе от 1813 г. до н. э. (YOS 5 191). Корреспондент упомянутого письма мог принадлежать к числу знатных эламтян, близких царю, тем более что и адресат был, вероятно, близок к царской семье. Содержание письма касается какой-то судебной проблемы. Во втором письме упоминаются поставки скота.

Оба письма адресованы одному человеку. Имя адресата, Алла-рапи, явно аморейское. Помимо писем оно упоминается в Уре еще раз в надписи на фрагменте известняковой буллы, найденной в районе зиккурата: «Богу Амурру, своему богу, за жизнь Варад-Сина, царя Ларсы, Алла-рапи, сын Укуа, посвятил (этот предмет) как его раб» (RIME 4, 262).

Такого рода дары в храм с посвятительными надписями делали обычно родственники или приближенные царя, к числу которых принадлежал, вероятно, и адресат двух писем, найденных в районе CLW. В надписи на булле аморей Алла-рапи обратился с просьбой о здоровье царя к своему аморейскому богу Амурру. Судя по месту находки буллы, придел этого бога, как и многих других богов, находился на территории главного храмового комплекса города. Отдельный храм бога Амурру, возможно, располагался и в районе CLW.

Два документа из Ура упоминают храм бога Амурру и его персонал. Один из них — это договор о продаже должности в храме Амурру (UET 5 194 — 1803). Неизвестно, где был найден этот документ, так как полевой номер отсутствует, но свидетелями договора выступают лица из числа высшего

персонала храма Нанны; из этого можно заключить, что речь идет о продаже должности в святилище бога Амурру, располагавшемся на территории храма Нанны.

Второй документ, в котором речь идет о персонале храма Амурру, происходит из района CLW. Это договор займа, согласно которому две женщины по имени Амат-шерим и Хизитум, «ткачихи бога Амурру», заняли 450 л зерна в храме бога Сина (UET 5 393). Вероятно, не случайно именно здесь на окраине города появился текст, упоминаящий служителей бога Амурру и называющий шумерского бога Нанну его семитским именем Син (Mieroop 1992: 95). Интересно, что ответственность за возврат беспроцентного займа нес человек, в чьем имени также упоминался бог Амурру, это некий Цилли-Амурру. Имен собственных, в составе которых упоминается бог Амурру (d.mar.tu), в Уре сравнительно немного. Они составляют не более 0,4 % от всех личных имен, содержащихся в урских документах. Такие имена встречаются главным образом на документах из района АН.

Печати и оттиски печатей в Уре. При проведении археологических раскопок в Уре было найдено более ста цилиндрических печатей начала II тыс. до н. э. (Legrain 1951: № 460–573). Большинство из них было обнаружено в захоронениях. В основном (более 80) это были печати без надписей с изображением различного рода мифологических сцен. Остальные печати содержали надписи, и по типу надписей их можно распределить следующим образом:

Имя и отчество владельца — 10.

Имя, отчество, профессия/должность — 4.

Имя, отчество, «раб бога DN» — 6.

Имя, отчество, «раб царя RN» — 2.

Имя божества — 4.

Профессии, которые упоминаются в надписях на печатях, следующие: кузнец (465, EM), вязальщик тростника (494, АН), плотник (474), тамкар (489). Две последние печати были найдены в пригороде Ура Diqdiqqah (далее Dq).

В надписях на печатях их владельцы называют себя «рабами» следующих богов: d.nergal (497, EM), d. šulpae, d.ninhursagga (498, EM), d.ea (525, АН?), d.lugal.bànda (540, АН), d.nin.šubur (476), d.mar.tu/amurru (536).

Боги, печати с именами которых были найдены, следующие: d.enki, d.damgal-nunna (384, АН), d.mar.tu/amurru (531, Dq), d.nin.šubur (483), d. šamaš, d.aia (481, 501, Dq).

Царь, «рабом» которого называют себя владельцы двух найденных печатей, это Бур-Син, царь Исины, 1895–1874 гг. до н. э.

Об оттисках печатей на табличках из Ура подробнее см. главу XIX.

Заключение. Археологические раскопки затронули только небольшую часть города Ура. Из шести резидентных районов, которые, по мнению Л. Вулли, существовали здесь в начале II тыс. до н. э., были частично исследованы только три. Насколько полной является картина, которую можно восстановить на основе археологических данных и свидетельств, найденных в этих районах клинописных текстов, можно только предполагать.

Квартал ЕМ. К центральному культовому комплексу с юга примыкал жилой район, который на плане археологических раскопок был обозначен как ЕМ. Расположение улиц и домов (в основном двухэтажных) в этой части города носило, по-видимому, регулярный характер, а многие дома были построены еще в конце III тыс. до н. э. В домах было найдено около 140 клинописных табличек, составленных между 1900 и 1750 гг. до н. э. Почти треть из них представляла собой, по-видимому, остатки «школьной библиотеки». Это копии царских надписей, литературные, лексические, математические тексты, учебники, сборники упражнений по грамматике и т. п. Остальные таблички содержали главным образом административно-хозяйственные записи (более 60), а также небольшое число (около 30) юридических документов (договоров, судебных решений и писем). Квартал был заселен в основном семьями наследственного высшего и среднего персонала хозяйства Нанны. Основными источниками существования этой группы городского населения были доходы со служебных земельных наделов и доля в материальных ресурсах хозяйства, соответствовавшая занимаемому данным лицом положению в хозяйственной структуре. При этом масштабы частной деятельности жителей квартала ЕМ по сравнению, например, с деятельностью жителей другого района Ура, АН, были весьма ограниченными, что во многом объясняется наличием постоянных источников материальных ресурсов, полагавшихся этой группе горожан в соответствии с их высоким статусом в административно-культовой иерархии города.

Квартал АН, располагавшийся в юго-восточной части города, был разрушен в конце III тыс. до н. э., но вновь заселен в начале II тыс. до н. э. Узкие извилистые улицы были плотно застроены разными по площади домами. Именно здесь помимо значительного количества административных записей была найдена самая большая группа (более 200) частноправовых документов (договоры, записи судебных протоколов, письма) этого времени из всех обнаруженных в Уре.

Имущественное положение жителей АН, зафиксированное в договорах о разделе семейного имущества, было достаточно скромным: небольшие (иногда даже очень небольшие) строения в городе, мебель, изредка сады и культовые должности в храмах. В некоторых семьях были один-два раба, очень редко — небольшое количество серебра. Никаких упоминаний о полях в договорах раздела имущества нет.

Среди жителей АН были ремесленники, стражники, чиновники среднего и низшего звена. Многие из них были тесно связаны с крупными хозяйствами, в рамках которых проходила их деятельность, прежде всего с хозяйством бога Нанны, и обладали определенными правами и привилегиями, связанными с их служебным положением. В их числе было, вероятно, право на служебный надел (или на часть урожая с него) и на периодическое получение продуктов, а в некоторых случаях и серебра из ресурсов хозяйства.

То относительное разнообразие (по сравнению с кварталом ЕМ) хозяйственной деятельности жителей АН, которое отразилось в многочисленных

документах частноправового характера, хранившихся в домах его обитателей, в значительной мере было связано с возможностями, которыми располагали отдельные жители АН, будучи чиновниками среднего и низшего звена или торговыми агентами-тамкарами в крупном хозяйстве. Эта хозяйственная деятельность, возникавшая на фундаменте централизованного хозяйства, в большинстве случаев не выходила за рамки использования его ресурсов и возможностей.

Квартал CLW. На северо-восточной окраине города Ура рядом с городской стеной, где, по наблюдениям Л. Вулли, находились дома городской бедноты, в конце 20 — начале 19 в. до н. э. начали селиться люди, пришедшие сюда, вероятно, вместе с аморейскими царями Ларсы. По-видимому, близость к царской администрации позволила им получить во владение служебные наделы и, возможно, заброшенные участки городской земли. Некоторые из них занимались торговлей и имели в своем распоряжении очень значительные финансовые ресурсы, несопоставимые с теми, которыми обладали даже самые богатые семьи из района АН. Это позволяло им расширять свои владения в городе и покупать сады. Часть населения этого района была, судя по всему, аморейского происхождения и сохраняла связь с культом бога Амурру. Возможно, здесь же жили и некоторые знатные эламитяне.

Большинство жителей Ура начала II тыс. до н. э. были тесно связаны с крупными хозяйствами города, прежде всего с хозяйством бога Нанны, в рамках которого они занимали постоянные позиции во внутренней иерархии. Некоторая часть населения, в основном из числа тех, кто сравнительно недавно поселился в городе, часто по протекции царя, поддерживала тесные связи с царской администрацией. В любом случае, все горожане-домовладельцы были тем или иным образом включены в единую хозяйственную систему города. С одной стороны, это давало им стабильное обеспечение в виде служебных земельных наделов и некоторой части материальных ресурсов хозяйства, с другой, безусловно, накладывало определенные обязательства по выплате налогов и исполнению трудовой повинности. Городская администрация была заинтересована в неукоснительном выполнении этих обязательств всеми домовладельцами. Право распоряжения городской недвижимостью было, по-видимому, во многих отношениях ограничено. Все сделки с недвижимостью совершались по большей части в узком кругу родственников и соседей. Тем не менее центральная администрация периодически издавала от имени царя указы об аннулировании таких сделок и возвращении к *status quo*.

Масштабы частноправовой деятельности горожан были очень узкими/ограниченными. В основном она сводилась к манипуляциям с ресурсами, которые были под контролем тех или иных чиновников или торговых агентов-тамкаров. Доходы от таких манипуляций вряд ли были очень большими, но иногда давали возможность в конце чиновничьей карьеры расширить дом или приобрести небольшой участок финикового сада или раба, который должен был обслуживать хозяина в конце его жизни.

Даже такая достаточно ограниченная частноправовая деятельность полностью зависела от политических факторов. Подавляющее большинство заемных сделок и сделок купли-продажи, зафиксированных текстами из Ура, было заключено в первые 36 лет царствования царя Рим-Сина, правившего более 60 лет (1822–1763). Со второй половины его правления количество частноправовых документов в Уре стало заметно сокращаться, и полностью исчезли сделки по купле-продаже недвижимости. Возможно, это было связано с тем, что после 1791 г. до н. э. вся финансовая деятельность крупных хозяйств города Ура, прежде всего хозяйства бога Нанны, по-видимому, окончательно перешла под контроль царской администрации, располагавшейся в столице государства — городе Ларса. Документов, датированных после 1776 г., в районе АН вообще нет, а поскольку дома, где были найдены более ранние документы, продолжали быть обитаемыми по крайней мере до 1739 г. до н. э., можно предположить, что той стороне деятельности жителей АН, которую условно называют частноправовой, был положен предел. Во всяком случае, она больше не фиксировалась письменно. В остальных районах Ура документы окончательно исчезают после 1739 г. до н. э., когда город был разрушен и надолго оставлен населением.

**Приложение. Запись судебного протокола от X месяца 1813 г.
до н. э. (UET 5 247) и договор займа от XII месяца
1804 г. до н. э. (UET 5 389)**

UET 5 247

Текст данного судебного протокола был записан дважды — на табличке и на глиняном конверте (case), в который она была вложена. Ниже приводятся транслитерация и перевод текста, который был записан на конверте. Разночтения или дополнения, имеющиеся на табличке, добавлены в угловых скобках.

1. m.d.EN.ZU-mu-uš-te-ši-ir
2. a-na ½ sar é.ki.gál
3. ha.la <níg> a-ha-ti-wa-qar-ra-at
4. a-na ša-at-é-a <ù m.ìr-ištar-ra>
5. inim.ma gar.ra.a
6. gal.zu ukkin.na ù di.kud.e.ne
7. di-nam ú-ša-hi-zu-šu-nu-ti
8. sag.ki é
9. el.e.[?].ne
10. u4.kur.šè d.EN.ZU-mu-uš-te-ši-ir
11. é.bi.šè
12. a-na <m.ìr-ištar-ra ù> ša-at-é-a
13. inim.ma nu.gá.gá
14. u4 ša ša-at-é-a

15. *i-mu-tu*
16. *ú-ša-la-ak-ku-ši-ma*
17. m.d.EN.ZU-*mu-uš-te-ši-ir*
18. *ù ir-ištar* dumu.ni
19. *é.a.ni* ha.ba.an.sum
20. mu lugal.bi in.pád
21. *igi a-hi-tābum*.bu.um nu.bànda
22. m.a-at-ta-a dumu ur.d.šul.pa.è
23. m.ni-id-na-at-d.EN.ZU šeš.a.ni
24. m.la-qí-ip
25. m.d.EN.ZU-tab.ba.e
26. m.dingir-tu-ra-am
27. m.lu-ud-lu-ul-d.EN.ZU
28. m.a-pil-ku-bi
29. m.d.EN.ZU-iš-me-ni aga.ús
30. m.d.EN.ZU-ma-gir dumu lú-[x]
31. m.da-da-a [xx]
32. iti ab.è
33. mu bàd.gal d.utu gar.ra
34. mu.dù.a

Перевод:

«Син-муштешир относительно заброшенного домового участка площадью 18 кв. м, наследственной доли <имущества>Ахати-вакрат (его покойной жены), против Шат-Эа <и Варад-Иштара> иск подал. Глава народного собрания и судьи дело им разрешили. Фасад дома они должны отремонтировать.

В том, что в будущем Син-муштешир относительно дома этого к <Варад-Иштару и> Шат-Эа исков не будет подавать (и только) после того, как Шат-Эа умрет и будет похоронена (букв. “вынесена”), Син-муштешир и Варад-Иштар, его сын, дом этот возьмут, он поклялся именем царя (21–31 — список свидетелей) Месяц тебетум. Год, (когда) стена великая (в городе) Ишкун-Шамаш была построена».

UET 5 389

1. 1.1.4.0 še.gur
2. *igi.6.gál* 6 še kù.babbar
3. ki *ib-ni-é-a*
4. *ù i-din-é-a*
5. m.it-ti-d.EN.ZU-mil-ki
6. šu.ba.an.ti
7. iti sig4.a
8. še ì.ág.e
9. *igi d.iškur*
10. *igi d.utu*

11. igi d.nanna
12. iti še.gur10.kud
13. mu uru.ki é šu-d.EN.ZU.na
14. ba.an.dib

Перевод:

«1 ¹/₅ гур 4 бан (400 л) зерна (и) 36 ше серебра у Ибни-Эа и Иддин-Эа Итти-Син-милки⁵⁶ взял (в долг).

(В том, что в) месяце симанум (III месяц года) зерно он отвесит, перед богом Ададом, перед богом Шамашем, перед богом Нанной (он поклялся). Месяц аддарум (XII месяц года). Год (когда) город Бит-Шу-Син он разрушил».

⁵⁶ Кредиторами в данном договоре выступают два лица, вероятно, родственники, чей архив был найден в доме № 2 по Church Lane. Девять документов займа этого архива датированы 1811–1800 гг. до н. э. (Mieoор 1992: 143, 283–284). Должник — Итти-Син-милки — был, по-видимому, одним из представителей высшего персонала хозяйства Нанны. Его имя часто упоминается в важнейших документах хозяйства.

Глава XIII

Политическая история Ларсы (2025–1762 гг. до н. э.)

Западносемитское население восточной части Южной Месопотамии. Город Ларса до начала II тыс. до н. э. Политическая история города Ларса в первые века II тыс. до н. э. (2025–1763). Аморецкие правители Ларсы (2025–1866): Напланум, Эмциум, Сабииум, Гунгунум, Абисаре, Сумуэль. Правление местной династии (1865–1835): Нур-Адад, Син-иддинам, Син-эрибам, Син-икишам, Цилли-Адад. Династия Кудур-мабука (1834–1763): Кудур-мабук, Варад-Син, Рим-Син. Завоевание Ларсы войсками Хаммурапи.

Письменные памятники начала II тыс. до н. э. из ряда городов Южной Месопотамии (Исина, Эшнунны, Ура), о которых шла речь выше, в определенной степени освещают разные стороны/аспекты взаимодействия между южномесопотамскими городами и аморецким населением окружавших города территорий. Однако самый обширный материал, который позволяет представить, какую роль в политической жизни региона играли возникавшие в это время во многих городах «аморецкие» династии и как складывалась жизнь горожан под властью новых правителей, дошел до нас из Ларсы.

Западносемитское население восточной части Южной Месопотамии. Территория северо-востока Южной Месопотамии и район Центральной Месопотамии к востоку от Тигра уже во второй половине III тыс. до н. э. были заселены семитоязычным населением, предки которого переселялись сюда с запада и северо-запада. В основном это были представители крупных западносемитских племенных групп, в том числе таких, как нумху, идамарац и ямутбал. Основным занятием западносемитского/аморецкого населения было скотоводство, по возможности земледелие, торговля (чаще всего они выступали как проводники торговых караванов), воинская служба. Название племени со временем давало название территории, которую оно заселило. В описании земель (kur), подконтроль-

ных Саргону Аккадскому (24 в. до н. э.), среди прочих упоминаются топонимы, связанные с названиями аморейских племен: «земля Идамарац», «земля Мутиабаль» и «земля Ямутбал» (Stol 1976: 63 ff.). Передвижения племенных групп не прекращались и в конце III — начале II тыс. до н. э. Группа идамарац, занимавшая часть региона Центральной Месопотамии, постепенно продвигалась на северо-восток вдоль реки Диялы, и впоследствии ее центром стал город Эшнунна. Ямутбалы, по-видимому, постепенно распространялись на юго-восток. В надписи царя Эшнунны Белакума, правившего в начале 19 в. до н. э., упоминается о договоре, который он заключил с правителями таких территорий, как Аккад, Ямутбал, Нумхум и Идамарац (Stol 1976: 64).

Со временем территория, которую контролировали ямутбалы, стала включать и отдельные города. В последние века III тыс. до н. э. одним из их центров на северо-востоке Южной Месопотамии стал, по-видимому, город Машкан-шапир (Steinkeller 2004: 26 ff.). Отсюда амореи-ямутбалы постепенно двигались на юг, занимая территории вдоль восточных границ аллювия. Этот регион всегда находился в сфере влияния Элама, юго-восточного соседа Месопотамии. Возможно, отдельные аморейские вожди, поселившиеся здесь, со временем могли породниться с эламской элитой и даже принимали эламские имена (см. ниже историю семьи Кудур-мабука).

К началу II тыс. до н. э. ямутбалы уже продвинулись далеко на юг и заселили обширные пространства вдоль восточных границ Южной Месопотамии и значительную часть юго-востока аллювия¹, так что название «(земля) Ямутбал», которое еще со времен Саргона Аккадского использовалось для обозначения транстигридского региона, стало обозначать и часть Центральной и Северо-Восточной Месопотамии, восточную часть аллювия вдоль Тигра и юго-восток аллювия. При этом иногда для большей точности север этого региона могли называть «северный (верхний) Ямутбал», а обширную восточную и юго-восточную часть этой территории — «Нижний Ямутбал», или просто Ямутбал (Stol 1976: 70). В письмах и надписях правителей Исина и Урука первой половины II тыс. до н. э. упоминаются победы над воинами ямутбала и над «землей Ямутбал». В текстах второй половины 19 — первой половины 18 в. до н. э., когда в Ларсе правила династия Кудур-мабука, эту территорию могли называть и Ямутбал, и «земля Ларса» по названию политического центра государства.

В начале II тыс. до н. э. значительную часть сельского населения аллювия, в том числе юго-восточной его части, составляли относительно недавно поселившиеся здесь представители западносемитской этнокультурной группы (амореи). Постепенно увеличивалось количество аморейского населения и в городах, где основную часть жителей по-прежнему составляли представители восточносемитской этнокультурной группы (аккадцы), а на самом юге сохранялось, вероятно, очень небольшое количество шумерского населения.

¹ О том, что процесс расселения нового населения на юге аллювия активно шел в первые века II тыс. до н. э., говорят и данные раскопок. Опубликованные результаты археологического исследования региона Ура проводят различия между местами Ур III — начало Ларсы и местами поздняя Ларса: свыше 89 % более поздних мест не имели ранних предшественников (Mieroop 1992: 22).

Город Ларса до начала II тыс. до н. э. Место, где позднее располагался город Ларса, было заселено еще в VI тыс. до н. э. В ходе археологических раскопок в слоях конца VI и V тыс. до н. э. здесь было найдено множество фрагментов керамики и глиняных серпов (Huot 1989: 18; Margueron 1997: 332). Недалеко располагалось самое раннее из известных на настоящий момент поселений Южной Месопотамии — Квели (см. гл. I).

Топоним Ларса впервые упоминается в списке городов из Урука (конец IV тыс. до н. э.). В самом начале этого списка стоят названия таких городов, как Ур, Ниппур, Ларса, Урук. Те же названия городов и в том же порядке сохранились на оттисках городских печатей из Урука и Джемдет Наср и на табличках из Урука того же времени (Matthews 1993). Вероятно, Ларса входила в состав союза городов, который в то время объединял многие города Южной Месопотамии. Возможно, именно из Ларсы происходит группа из 27 архаических текстов, составленных в конце IV тыс. до н. э., которые представляют собой административные записи, касающиеся распределения большого количества зерна (Englund 1998: 29–31).

Название города Ларса упоминается и на оттисках городских печатей из Ура начала III тыс. до н. э. среди таких топонимов как, Ур, Эриду, Урук, Адаб, Ниппур, Кеш (Matthews 1993). В текстах 26–25 вв. до н. э. из Шуруппака и Абу Салабиха Ларса не упоминается, очевидно, в этот период город находился в сфере влияния Лагаша или Урука. Вновь название Ларсы появляется в текстах конца 25 и 24 вв. до н. э. из Лагаша и Уммы. В надписи на «Стеле коршунов» правитель Лагаша Эанатум упоминает о том, что он заставил побежденного царя Уммы принести ему клятву (верности) именем главного бога города Ларса, бога Уту (акк. Шамаш), в его главном храме Эбаббар, который располагался в Ларсе (SARI I, 36 ff.). В надписи преемника Эанатума Энметены упоминается о крупном строительном проекте, который он осуществил, призвав на работы население нескольких городов, Урука, Ларсы и Бад-тибира. По окончании работ жители этих городов были «освобождены» и смогли вернуться к своим богам, в частности жители Ларсы вернулись к богу Уту (SARI I, 58 ff.).

Вероятно, Ларса находилась под контролем Лагаша и позднее, когда царь Уммы Лугаль-загеси попытался объединить всю территорию Южной Месопотамии под своей властью (конец 24 в. до н. э.). В единственной сохранившейся надписи этого правителя он перечисляет города, которые оказались под его контролем, в том числе Урук, Ур, Умма, Забалам и Ларса (SARI I, 94). В правление аккадской династии (24–23 вв. до н. э.) город Ларса редко упоминался в текстах, так как не играл особо заметной роли в хозяйственной и политической жизни Южной Месопотамии. В надписях аккадских правителей Ларса не упоминается вовсе, ее нет и в перечне городов, которые захватил и разрушил Саргон, а позднее Римуш, не было Ларсы и среди городов, которые подняли «великое восстание» против Нарам-Сина. Тем не менее и в аккадский период город не только существовал, но и был важным культовым и административным центром. Эбаббар, храм Уту/Шамаша в Ларсе, упоминается

в одном из храмовых гимнов, создание которых приписывается дочери Саргона Энхедуанне. В одной из административных записей того периода перечисляется скот, который был выдан «начальникам» (*ugula*) нескольких городов: Ура, Ниппура и Ларсы (Никольский 1915: № 84). В текстах последних веков III тыс. до н. э., когда Южная Месопотамия находилась под властью III династии Ура, Ларса также упоминается редко. В это время город не был столицей провинции, на него не распространялась общая система сбора налогов (*bala*). В нем не было правителя (*ensi*), и он управлялся членами царской семьи из Ура через главного администратора (*šabra*) храма бога Уту (*Sharlach* 2004: 65). При этом Ларса оставалась важнейшим на юге культовым центром солнечного бога.

В период между 2004 г. до н. э., когда окончательно распалось государство Ур III, и 1762 г. до н. э., когда большая часть Месопотамии была объединена под властью Хаммурапи Вавилонского, город Ларса превратился в столицу самой сильной политической структуры региона Южной Месопотамии. Определенную роль в возвышении Ларсы, вероятно, сыграло то, что именно этот город в начале II тыс. до н. э. был одним из центров соприкосновения разных культурных традиций, их взаимовлияния и постепенного симбиоза, происходившего на территории Южной Месопотамии. Свою роль, возможно, сыграло в том числе и происходившее здесь взаимодействие двух вариантов хозяйственного и политического развития: традиционных структур южномесопотамского города и племенных структур на окружавшей город территории, заселенной амореями-ямутбалами (*Steinkeller* 2004: 36). Сохранившиеся письменные источники, касающиеся Ларсы, дают возможность в определенной степени проследить эти процессы.

Политическая история города Ларса в первые века II тыс. до н. э. (2025–1763). Основным источником для восстановления последовательности и продолжительности пребывания у власти правителей Ларсы с 20 до середины 18 в. до н. э. является текст, который условно называется «Список царей Ларсы»². Всего в нем упоминается 14 царей, которые правили около 250 лет. Судя по списку, первые правители Ларсы (2025–1866) носили аморейские имена или же указывали на свои связи с амореями в своих надписях. Затем, в течение примерно 30 лет (1865–1835), в Ларсе правила местная городская династия, и, наконец, последними в ряду независимых правителей Ларсы стояли братья Варад-Син и Рим-Син, чей отец Кудур-мабук, возможно, был эламитянином (1834–1763). Кудур-мабук в течение многих десятилетий контролировал значительную часть востока и юго-востока Южной Месопотамии (Ямутбал), заселенной по большей части аморейским населением, и даже носил титул «отец амореев» и «отец Ямутбала» (см. ниже). Ни Варад-Син, ни его брат и преемник Рим-Син не упоминают амореев в своих надписях.

² Оригинал текста представлял собой, вероятно, компиляцию, составленную писцом на основе списков датировочных формул правителей Ларсы. Сохранилась учебная копия текста, которую ученик, по-видимому, сделал с оригинала в ходе обучения. Самое последнее научное издание текста было предпринято в 80-е гг. прошлого века (*Grayson* 1980–1983: 89).

Конец независимому существованию государства Ларса был положен шестым правителем аморейской династии города Вавилона Хаммурапи, который завоевал Ларсу в 1763 г. до н. э. В своих надписях Хаммурапи называл себя «царем обширной страны амореев» (*lugal dagan kur.mar.dú*) (RIME 4, 343, 344). Также «царем амореев» его называли в посвященных надписях (RIME 4, 360). Об аморейском происхождении Хаммурапи свидетельствуют и данные о генеалогии I вавилонской династии (см. прим. 17 стр. 210). Вышеупомянутый список царей Ларсы был составлен, по-видимому, в правление Хаммурапи. Возможно, это сочинение должно было подтвердить право аморейских царей Вавилона управлять Ларсой и именно поэтому он начинается с имен аморейских вождей, для которых город Ларса, вероятно, еще не был их политической столицей.

1. Напланум (2025–2005). Человек, который в этом списке упоминается как основатель династии Ларсы, носил аморейское имя Напланум. Не сохранилось ни датировочных формул, ни надписей, составленных от его имени. 2025 г., в котором Напланум, судя по царскому списку, основал новую династию, был вторым годом правления царя Ибби-Сина. Государство Ур III, объединявшее в то время всю территорию Южной Месопотамии, было еще достаточно устойчивым. Ур продолжал снабжать продуктами и главный храм города Ларсы — храм бога Уту/Шамаша.

В административных текстах времени III династии Ура часто упоминаются амореи (см. главу VII). Аморея по имени Напланум (*naplānum mar.tu*) упоминается в 80 опубликованных документах из Дрехема, Лагаша, Урука и Ура (Buccellati 1966: 294–299), которые были записаны в течение примерно 20 лет в период с 2060 по 2033 г. до н. э. (т. е. от 34-го года правления царя Шульги до 6-го года правления Шу-Сина). В документах встречаются имена и членов его семьи: жены, сыновей, братьев и племянников. Причем молодое поколение носило в основном уже аккадские имена. Напланум, по-видимому, был человеком очень высокого статуса. В расходных записях он фигурировал чаще, чем другие персонажи, имена которых также сопровождалось этнонимом *mar.tu*. Его имя появляется в документах рядом с именами самых важных чиновников того времени, правителей городов Киш, Гирсу, Мархаша, посланников и торговцев, пришедших из соседних северо-западных территорий, Мари, Уршу, Эблы, рядом с именем сына царя.

Большая часть текстов, в которых встречается имя Напланума, происходит из Дрехема (Пузриш-Даган), одного из важнейших центров государства Ур III, куда поступали собранные со всей территории государства налоги, и прежде всего скот. В отчетных записях фиксировалось распределение скота и различных продуктов между членами царской семьи, представителями элиты и чужеземными посланниками, которые присутствовали на государственных культовых праздниках, Напланум упоминается как получатель в 15 таких записях, составленных в период 2049–2033 гг. до н. э. Судя по этим документам, все эти годы Наплануму и его родственникам постоянно отправляли отсюда дары, главным образом скот (быков, овец, коз), но также и продукты, такие как пиво, мука и т. п.³.

³ Точное количество отправляемого скота установить невозможно, сохранились далеко не все записи. В отчете за 2047 г. до н. э. упоминается 430 овец, в отчете за 2043 г. говорится о посылке двух

В расходных записях указывалось не только имя получателя, но и место назначения, т. е. то место, где находился получатель даров. В более ранних текстах это место, где располагалась, вероятно, ставка Напланума, называли «земля/страна амореев» (kur mar.tu)⁴, а в 2039–2038 гг. дары Наплануму стали посылать и в город Кисиг. Этот небольшой город находился недалеко от столицы государства, города Ура. Именно здесь, должно быть, жил Напланум со своей семьей и свитой, когда пребывал на территории государства Ур III. Возможно, в правление последнего царя III династии Ура Ибби-Сина Напланум был назначен местным правителем какой-то территории на юго-востоке Южной Месопотамии (Edzard 1957: 64). Формально Напланум в это время не был правителем Ларсы, как это утверждает составитель царского списка из Ларсы, но он был одним из наиболее важных официальных представителей амореев перед правителями государства Ур III и контролировал не только территорию восточных окраин Южной Месопотамии, занятую ямутбалами, но и (с формального согласия правителей Ура?) часть юго-востока этого региона, которая позднее была известна под названием Ямутбал.

Память об огромных властных полномочиях Напланума, которые распространялись не только на его соплеменников-ямутбалов, но и на жителей большого региона Южной Месопотамии, в том числе, возможно, и на жителей Ларсы, о его тесных связях с царской семьей (родство?), о его длительном «сидении» в городе Кисиг, который позднее вошел в состав Ларсы, — все это, вероятно, превратило его в глазах потомков в легендарную личность. Когда несколькими (двумя?) десятилетиями позже ямутбалы во главе с Эмциумом сделали город Ларса своим центром на юго-востоке Южной Месопотамии, именно Напланума стали считать эпонимом-основателем новой династии⁵.

Первые шесть правителей этой новой династии, которые перечислены в списке царей Ларсы после Напланума, также носили аморейские имена. Каким образом они приходили к власти, т. е. были ли они связаны родственными узами с Напланумом или нет, неизвестно.

быков, десять овец и двух коз; в 2039 послали двух быков, девять овец и пять коз (Buccellati 1966: 298). Не совсем ясно, почему амореям, которые, как считается, были скотоводами, отправляли главным образом скот.

⁴ Название «земля/страна амореев» (kur mar.tu) в текстах из Южной Месопотамии встречается с 25 в. до н. э. Со временем географическая привязка этого топонима могла меняться, как это происходило с другими топонимами, например Субарту. В текстах Ур III kur mar.tu неоднократно упоминается как место, куда посылали дары амореям, в том числе и Наплануму. Точное расположение «земли/страны амореев» времени Ур III остается неизвестным, возможно, она располагалась в транстигридском регионе, в районе Джебель Хамрин. Если это так, то при движении из «земли/страны амореев» в Ур Напланум должен был проделывать тот же путь, который проходили племена ямутбала, мигрировавшие через Машкан-шапир в Ларсу и Ур (Steinkeller 2004: 40, п. 68).

⁵ Ситуация с Напланумом несколько напоминает то, что происходило примерно в то же самое время с «отцом амореев» Абда-эле, который упоминается в текстах из Исина и сын которого породнился с царской династией, правившей в городе Эшнунне (см. главу X). Другим высокопоставленным аморе-ем времени Ур III, который стал эпонимом-основателем для династии Вавилона, был, вероятно, предок Хаммурапи Аби-Дитану, который упоминается в генеалогическом списке I вавилонской династии (Steinkeller 2004).

2. Эмциум (2004–1977). Судя по списку царей Ларсы, следующим после Напланума «царем» был некий аморец по имени Эмциум, который правил 28 лет. Какая связь была между ним и Напланумом, неизвестно. В тех текстах, где упоминается имя Напланума, имя Эмциума не встречается. От Эмциума, как и от Напланума, не сохранилось ни царских надписей, ни датировочных формул. В текстах того времени нет никаких следов связей Эмциума с регионом Ларсы.

Имя Эмциума (того же?) упоминается в текстах из Исины, где перечисляются дары, которые по каким-то официальным праздникам передавались представителям аморецкой элиты. О высоком статусе этого Эмциума говорит тот факт, что он получал дары от царя Исины Ишби-Эрры вместе с такими высокопоставленными аморецами, как Абда-эль и его сын Ушашум (см. главу X). С другой стороны, тексты, в которых он упоминается, датированы 15-м и 32-м годами Ишби-Эрры (соответственно 2003 и 1986 гг.), что, если верить списку царей Ларсы, соответствовало 1-му и 19-му годам правления Эмциума как «царя Ларсы» (BIN 9, 316 и 217).

Таким образом, знатный аморец по имени Эмциум получал официальные дары от администрации Исины в то самое время, в которое, судя по списку царей, некий Эмциум правил в Ларсе. Не исключено, что это было одно и то же лицо. Эмциум был лидером аморецкого населения (племени ямутбала) и под его контролем, скорее всего, с позволения Ишби-Эрры, царя Исины, находилась юго-восточная часть Южной Месопотамии, в том числе города Ларса и Лагаш. Жители этих территорий при заключении договоров приносили клятвы его именем. С другой стороны, с этих территорий шли платежи в Исин, а цари Исины этого времени упоминают в своих надписях о работах по реставрации храмов, которые по их распоряжению проводились в Ларсе и Лагаше.

Однако Эмциум, так же как и его преемник Самиум, вряд ли рассматривал город Ларсу как политический центр контролируемой ими территории. Почему составители списка царей Ларсы включили в этот список Эмциума, неизвестно.

3. Самиум (1976–1942). От времени следующего по списку правителя Самиума не сохранилось ни датировочных формул, ни надписей. Однако его имя упоминается в надписях его сыновей, Забайи и Гунгунума, которые в списке царей Ларсы занимают соответственно четвертое и пятое места. Вероятно, Самиум, как и его предшественник Эмциум, контролировал территорию юго-востока Южной Месопотамии. Его имя появляется в клятве на документе из Гирсу (Steinkeller 2004: n. 51)⁶. Тем не менее вряд ли он был полностью независим от Исины. И при нем юго-восточные территории аллювия по-прежнему платили налоги Исину.

4. Забайя (1941–1933). Третий преемник Напланума, сын Самиума Забайя, вероятно, контролировал всю восточную окраину Южной Месопотамии с се-

⁶ Также некий Самиум упоминается в письмах из Эшнунны (Whiting 1987: № 30, 32, 39, 87) времени Билаламы (1990–1980).

вера на юг, которая к этому времени уже довольно давно была заселена ямут-балами, и часть территории собственно Южной Месопотамии с целым рядом городов. Некоторые из этих городов, которые аморейские вожди избирали местом своей постоянной резиденции, постепенно становились центрами новых политических структур. На территории, которую контролировал Забайя, было два главных (для ямутбалов) городских центра. В северо-восточной части это был город Машкан-шапир, а на юго-востоке — город Ларса. В обоих городах при Забайе велись строительные работы (строительство стены в Машкане и реконструкция храма Эбббар в Ларсе), и по этому поводу были составлены посвященные надписи на шумерском языке, как это издревле делали цари и правители городов в Месопотамии (RIME 4, 112). Эти надписи были найдены в Машкан-шапир. В них Забайя не называл себя «царем» или «царем Ларсы», а обозначал себя титулом «глава амореев» (*rabiān mar.tu*). Очевидно, как и его предшественники, он находился в некоторой зависимости от Исина.

Город Машкан-шапир (совр. Абу Дувари), располагавшийся на северо-востоке Южной Месопотамии, в период расцвета государства Ларса играл роль ее второй столицы (Steinkeller 2004). Это место было обитаемым еще с конца IV тыс. до н. э., но постоянное поселение сформировалось здесь в 24 в. до н. э. В конце III тыс. до н. э. оно занимало площадь около 3 га. Здесь жили пастухи, которые пасли царские стада овец и крупного рогатого скота. В это же время здесь велось какое-то крупное строительство (сохранились кирпичи со стандартной надписью царя Амар-Сина). Рост Машкан-шапир до масштабов города произошел в начале II тыс. до н. э. Судя по найденной здесь надписи Забайи, четвертого правителя династии Ларсы (около 1941), уже в это время город входил в состав контролируемой им территории, представляя собой ее крайний северный пост.

Однако периодически Ларса его теряла и потом возвращала снова. Одна из датировок царя Нур-Адада (1865–1850) говорит о завоевании им Машкан-шапир. Син-иддинам (1849–1842) построил или перестроил здесь стену. В период расцвета Ларсы город значительно расширился, его площадь достигла 72 га. После падения Ларсы Машкан-шапир постепенно стал терять свое значение. Коллапс города был связан с общим упадком городов юга в правление Самсуилуны около 1720 г., но в отличие от других городов он не был вновь заселен в конце II тыс. до н. э. Город оставался заброшенным до парфянского периода, когда здесь было проведено несколько больших каналов, чтобы вернуть воду на страдавшую от засухи территорию, но вскоре снова был покинут, на этот раз окончательно.

Несмотря на свою относительно короткую историю, в начале II тыс. до н. э. Машкан-шапир представлял собой типичный южномесопотамский город, разделенный каналом на несколько резидентных зон или кварталов. Здесь находился храм одного из самых важных богов месопотамского пантеона, бога Нергала. Город был активно вовлечен в местный и особенно сильно в межрегиональный обмен. Само местоположение в северной части протяженного

водного пути, проходившего с юга на север региона через систему каналов, связывавших южные притоки Евфрата со средним течением Тигра, сделало город стратегически важным постом для Ларсы. В первые века II тыс. до н. э. Ларса была отрезана от продвижения на север Месопотамии через Евфрат сначала Исином, потом Кишем и Вавилоном и должна была искать альтернативные пути для этой цели. Свою роль в судьбе города сыграло и то обстоятельство, что с начала II тыс. до н. э. он превратился в один из важнейших политических центров племени ямутбала.

Можно предположить, что первые четыре правителя в списке царей Ларсы были аморейскими лидерами, которые контролировали значительные территории, в том числе и Ларсу, но не позиционировали себя как цари. Вероятно, для них пока был предпочтительнее (или доступнее?) статус вождя или лидера населения и территории Ямутбала, т. е. востока и юго-востока Южной Месопотамии.

5. Гунгунум (1932–1906). Собственно царская династия в Ларсе началась со следующего преемника Напланума, брата Забайи — Гунгунума⁷ (1932–1906). Он носил аморейское имя, но в сохранившихся надписях нет никаких указаний на его статус среди амореев (RIME 4, 118). Гунгунум первым из правителей, перечисленных в списке царей Ларсы, принял титул «царь Ларсы». Именно при нем город Ларса действительно становится центром большой политической структуры. Активная военная и строительная деятельность этого правителя, отраженная в его надписях и датировочных формулах, вполне соответствует традиционной деятельности правителя южномесопотамского города. В первые годы своего правления он ходил военными походами в Элам и разрушил города Башими и Аншан⁸. В 1914 г. до н. э. Гунгунум успешно сражался с войском Малгиума.

В 1926–1923 гг. до н. э. под его контроль перешли город Ур⁹ и несколько других более мелких городов, располагавшихся в том регионе (Дуннум, Дурум). Контроль над Уром, который до этого находился под властью Исины, Гунгунум, возможно, получил ненасильственным путем, во всяком случае, это событие не нашло своего отражения в его датировочных формулах. Тем не менее с этого времени он принял титул «царь Ура». При этом Гунгунум как будто сохранил дружеские отношения с Исином. Высшие чиновники, назначенные царем Исины Липит-Иштаром (1934–1923), остались на своих постах и при Гунгунуме.

⁷ Сохранились полный список датировочных формул Гунгунума (Sigrist 1990) и четыре надписи (RIME 4, 114–118).

⁸ Аншан был столицей горной части Элама. Одна из дочерей Шульги была выдана замуж в Аншан. Это не помешало Шульги, судя по датировкам 34–36-го годов его правления, через несколько лет разрушить Аншан. Сын Шульги Шу-Син также выдал свою дочь за правителя Аншана. Этой традиции, как и другим традициям царей III династии Ура, следовал и царь Исины Иддин-Даган, чья дочь также была выдана замуж в Аншан.

⁹ Последующие цари Ларсы сохраняли контроль над Уром до 1763 г., когда Ларсу завоевал Хаммурапи, за исключением трех лет в правление царя Сумуэля (19–22), когда этот контроль вновь перехватил Исин.

Дочь царя Исины Ишме-Дагана (1953–1934), которая была главной жрицей храма Нанны в Уре, также оставалась на этом посту. Сохранились надписи, сообщающие об ее строительных проектах в Уре, которые осуществлялись «за жизнь Гунгунума» (RIME 4, 114–117). Одна из дочерей Липит-Иштара, которая за несколько лет до этого была избрана главной жрицей богини Нингублага в Уре, но не успела пройти церемонию интронизации, была возведена в эту должность уже при Гунгунуме.

Установив контроль над Уром, Гунгунум получил удобный выход к заливу и возможность торговли с Индией через о. Дильмун (Бахрейн). В его правление появляется первое со времени Ишби-Эрры упоминание о торговых связях с Дильмуном, но, скорее всего, они не прерывались и в предшествующий период (Mieroop 1992: 56).

На протяжении всех лет своего правления Гунгунум занимался масштабными строительными проектами в Ларсе, Уре, Куталле (примерно в 14 км южнее Ларсы) и ирригационными работами в окрестностях этих городов. При нем Ларса была укреплена, в 1913 г. до н. э. вокруг города была построена мощная стена (RIME 4, 117–118). Именно при Гунгунуме начал, вероятно, вновь налаживаться централизованный контроль за деятельностью крупных хозяйств. Временем его правления датированы несколько самых ранних документов хозяйственной отчетности II тыс. до н. э., найденных археологами на территории Ларсы.

Все это время аморейские династии, контролировавшие отдельные регионы Южной Месопотамии, вели ожесточенную борьбу за лидерство. Один год правления Липит-Иштара, последнего представителя династии Ишби-Эрры в Исине, был датирован следующим образом: «Год, когда Липит-Иштар аморея отбросил (от границ Исины)» (RLA II, 148). Кто именно назван в этой датировке амореем, неизвестно. Возможно, имелся в виду именно Гунгунум либо правитель Урука или Кисурры¹⁰. Периодически внутри новых политических структур возникали и династические конфликты, так, линия династии Ишби-Эрры в Исине была прервана в 1923 г. до н. э., когда на престол в Исине возшел «узурпатор» с шумерским именем Ур-Нинурта.

В результате успешной военной и строительной деятельности Гунгунума роль Ларсы на политической сцене Южной Месопотамии настолько усилилась, что Гунгунум принял титул «царь Шумера и Аккада». Некогда этот титул носили цари III династии Ура, а потом его взяли цари Исины, считавшие себя продолжателями традиций урской династии. Принятие такого титула означало контроль над всей Южной Месопотамией или претензии носителя на такой

¹⁰ Возможно, именно эти события нашли свое отражение в несколько более поздних литературных текстах, написанных в виде писем, которыми царь Исины Липит-Иштар обменивался со своим главным военачальником. В них обсуждался вопрос о вторжении войска Гунгунума на территорию Исины и о состоянии войска Исины, которое должно организовать отпор врагу. Липит-Иштар обещает своему военачальнику прислать ему 6000 копейщиков, лучников и воинов, вооруженных двойными топорами (Fitzgerald 2002: 43).

контроль. Это означало и признание власти Гунгунума в главном культовом центре Южной Месопотамии городе Ниппуре¹¹.

Для преемников Гунгунума Абисаре (1905–1895) и Сумуэля (1894–1866) их деятельность в качестве царей и управителей территории, государственные политические и экономические интересы, по-видимому, окончательно выдвинулись на первый план. Они активно занимались строительством, проведением новых каналов, расширением и укреплением границ, постепенно превращая контролируемую ими территорию юго-востока в сильнейшее государство Южной Месопотамии. При этом они вовсе не забывали о своем происхождении и сохраняли свой высокий статус среди аморейского населения этой территории.

6. Абисаре (1905–1895). Этот царь носил аморейское имя и был, вероятно, законным наследником Гунгунума. Абисаре не только сохранял контроль над Уром, установленный еще Гунгунумом, но и считал этот город своей столицей наряду с Ларсой¹². В надписи на праще, которую некий Варад-Шамаш, изготовитель печатей, посвятил богу Нергалу «за жизнь Абисаре», тот назван «царем Ура» и «царем Ларсы» (RIME 4, 126). При этом Абисаре, по-видимому, сохранял статус главы амореев (*rabiān mar.tu*). Такой же титул использовал Забайя, но в надписях непосредственного предшественника Абисаре Гунгунума он не встречается. Сохранилась школьная копия надписи, в которой Абисаре был назван «любимцем бога Нанны», «царем Ура» и «главой амореев» (RIME 4, 121–123). Все царские надписи в тот период, за редкими исключениями, составлялись на шумерском языке. Сохранилась одна надпись Абисаре, составленная на аккадском языке, в которой сообщается об укреплении стены вокруг Ларсы. В ней он назвал себя «царем Ларсы» (RIME 4, 125). До этого на аккадском языке была составлена только одна небольшая надпись Забайи.

Возможно, Абисаре считал, что может стать законным наследником традиций и могущества царей Ур III. Однако титул «царь Шумера и Аккада» он не использовал. Очевидно, контроль над Ниппуром, без чего этот титул носить было нельзя, был потерян и вновь перешел к Исину. Ларса вернула его себе только через несколько десятилетий в конце правления преемника Абисаре Сумуэля. Претензии Абисаре на роль наследника царей III династии Ура вызывали, по-видимому, отпор в Исине, но власть Исина постепенно ослабевала.

¹¹ О таком признании, возможно, говорит и то, что в Ниппуре были найдены таблички с текстом двух гимнов богу Нанне, написанных от имени Гунгунума. Жанр царских гимнов, которые составлялись на шумерском языке, был очень популярен в Южной Месопотамии еще со времен царей III династии Ура. Эта традиция была продолжена царями Исина, а затем и царями Ларсы. Интересно, что именно Гунгунуму посвящен самый ранний гимн такого рода, составленный на аккадском языке. Он был найден в Эшнунне.

¹² Абисаре приносил богатые дары богу Нанне, главному богу города Ура, в том числе по его приказанию была изготовлена и установлена в храме бога Нанны статуя. Как сказано в надписи самого Абисаре, статуя из серебра и сердолика была очень большая (выше человеческого роста), необыкновенно искусно сделанная и украшенная драгоценными камнями (RIME 4, 121–123).

Датировочная формула Абисаре от 1897 г. до н. э. (9-й год правления) говорит о его победе в сражении с войсками Исина (RLA II, 157). В эти же годы, вероятно, было основано селение, названное его именем, которое неоднократно упоминается, правда, в более поздних документах, составленных в конце 19 в. до н. э. (YOS 5 175, 184). В конце правления Абисаре его дочь была избрана высшей жрицей храма Эббабар в Ларсе.

Значительная часть датировок Абисаре (5 из 11) касается проведения ирригационных работ. Абисаре и его преемник Сумуэль предпринимали большие усилия, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение водой города Ларса и других городов юго-востока и контролировать водные транспортные пути (Frauene 1989). Возможно, в это время Исин отрезал Ларсе путь в северную часть Южной Месопотамии по Евфрату и вынудил ее освоить альтернативный путь на север по восточной части аллювия¹³. Этот путь через систему каналов соединял Южный Евфрат со средним течением Тигра. Частью этой системы, возможно, были те каналы, о работах над которыми упоминают хозяйственные документы и датировки Абисаре и его преемника Сумуэля (Walters 1970: 163).

7. Сумуэль (1894–1866). В конце правления Абисаре политическая ситуация в Южной Месопотамии снова значительно обострилась. Ослабление Исина привело к тому, что к северу от него появился целый ряд небольших независимых царств. С некоторыми из них Сумуэль поддерживал дипломатические отношения и даже заключал династические браки с представителями правящих там династий. Так, его дочь Шат-Син была выдана замуж за правителя города Марад (Stol 1994: 113). Первый год правления Сумуэля был первым годом правления и для Сумуабума, основателя I вавилонской династии. Исин потерял контроль и над Уруком, где также возникла местная династия. Судя по датировочным формулам, Сумуэлю приходилось вести военные кампании гораздо чаще, чем его предшественникам и преемникам, вплоть до Рим-Сина, в основном на севере за пределами собственно территории Ларсы¹⁴.

Однако Исин еще не был сокрушен, и в 1874 г. до н. э. город Ур вновь перешел под его контроль, правда, ненадолго. Через три года Ур был возвращен. Контроль над Уром был очень важен для Сумуэля, поскольку он, как и Абисаре, придавал большое значение своему статусу царя Ура и еще более активно позиционировал себя как законного преемника III династии Ура. В своих надписях Сумуэль использовал титулы и эпитеты царей этой династии. Он называл себя «царем Ура», но никогда (в сохранившихся надписях) — «царем Ларсы». Сумуэль был первым из правителей династии Ларсы, перед именем которого писцы стали выписывать детерминатив божества, как это делали для царей III династии Ура. Так же как цари Ура и один из его предшественников, Гунгунум, Сумуэль

¹³ В частности, на северо-востоке в окрестностях города Адаба он приказал прокопать канал, названный в его честь (Edzard 1957: 109).

¹⁴ 1891 г. до н. э. (4-й год правления Сумуэля) — победа над войском Казаллу, в 1890 г. до н. э. (5-й год) войско Сумуэля одержало победу над армией независимого города Урука. Через несколько лет Сумуэль разгромил войско Киша, за которым, вероятно, стоял Вавилон (RLA II, 157).

называл себя «царем Шумера и Аккада», т. е. какое-то время он, по-видимому, контролировал Ниппур. Об этом говорит и тот факт, что в Ниппуре были найдены документы с датировками Сумуэля. Тем не менее царь Исина Эрра-имитти (1868–1861) вернул себе Ниппур и тот оставался под контролем Исины до 1843 г. до н. э., когда царь Ларсы Син-иддинам окончательно присоединил Ниппур к Ларсе.

В первые годы своего правления Сумуэль, судя по датировкам, активно занимался поддержанием культа Уту в Ларсе. Позднее он много строил в Уре. В 1873 г. до н. э. (22-й год правления) Сумуэль назначил свою дочь жрицей Нанны, главного бога города Ура. Это событие считалось настолько важным, что по нему были датированы все оставшиеся восемь лет его правления¹⁵. Сумуэль был последним царем Ларсы, который носил титул «царь Ура», в дальнейшем контроль над Уром выражался другими способами.

Был ли Сумуэль связан родством с Абисаре, неизвестно, но его хозяйственная деятельность была прямым продолжением деятельности его предшественника¹⁶. Сумуэль продолжил масштабные ирригационные работы, которые начал Абисаре. В 1889 г. до н. э. был прокопан канал под названием Шаррум-Син. В честь этого была дана датировка следующему, 1888 г. (RLA II 157). Одновременно было, по-видимому, основано и селение с таким же названием. Точное местоположение этого канала и одноименного селения неизвестно. Работы проходили, предположительно, на территории к северу от Ларсы и требовали не только большого количества работников, но и немало воинов для охраны от набегов врагов. Об этом неоднократно упоминается в группе документов и писем из архива административной структуры, которая организовывала эти работы (Walters 1970:162). Для сооружения стены или крепости над огромным резервуаром в устье канала Исин потребовалось не менее 1 300 000 кирпичей и огромное количество работников, которыми управляли 70 начальников отрядов. Возможно, в более поздних текстах этот канал упоминается как канал Исиннитум, который отходил от Евфрата севернее Ниппура.

В 1873–1871 гг. до н. э. примерно в те же годы, когда Ур снова на несколько лет отошел к Исину, Сумуэль осуществил грандиозный проект, задачей которого было построить дамбу, чтобы перегородить одно из русел Евфрата. Возможно, эти работы были связаны с какими-то военными планами царя. Тактика перегораживания русел каналов или рек для того, чтобы отрезать от воды неприятеля, применялась в Южной Месопотамии и до этого (Dijk 1965: 13 ff.). Эти работы были, вероятно, кульминацией/завершающим этапом много-

¹⁵ Таким образом, это событие стало точкой отсчета своего рода «новой» эры. От него отсчитывались следующие годы: «второй год, (третий, четвертый и т. д.) после того, как главная жрица бога Нанны была назначена» (RLA II, 158).

¹⁶ От этого времени сохранился архив небольшого административного института, который занимался организацией строительных и ирригационных работ. Тексты охватывают период около 20 лет, от 1898 по 1877/76 г. до н. э. (от 8-го года Абисаре до 18-го или 19-го года Сумуэля), в течение которых организация не только продолжала свою деятельность, но и сохранила основной состав высшего административного персонала, в частности в течение почти 20 лет в документах упоминается имя одного из высших чиновников Лу-игиса (Walters 1970).

летних ирригационных работ и военной активности Сумуэля. Возможно, Сумуэль хотел таким образом отрезать Исин от водного снабжения, однако эта стратегия оказалась неудачной и не привела к падению Исина (Frauke 1989: 23). По другому предположению, проект с перегораживанием Евфрата возник после того, как Ларса потеряла Ур, и был вполне успешным, поскольку Ур был возвращен под контроль Сумуэля. Однако цена, которую Ларса заплатила за этот проект, была исключительно высокой. Эти работы самым катастрофическим образом отразились на ситуации в Ларсе в последние годы правления Сумуэля.

Состояние дел в Ларсе в конце правления Сумуэля. В конце правления Сумуэля в Ларсе возник, по-видимому, серьезный политический и экономический кризис, сопровождавшийся мятежами, голодом и эпидемией. То ли соседи смогли отвести воды Тигра, а затем напали на Ларсу, то ли река сама поменяла русло, а соседи напали, воспользовавшись бедственным положением в городе. Во всяком случае, неизвестные противники сумели перекрыть поступление воды в город, где начался мятеж, в результате которого из числа горожан был выбран новый царь, Нур-Адад. Последствия этого кризиса затронули, вероятно, и правление сына Нур-Адада — Син-иддинама.

Литературный текст, представляющий собой письмо Син-иддинама, сына следующего правителя Ларсы Нур-Адада, обращенное к статуе его покойного отца, содержит описание состояния дел в государстве Ларса в конце правления царя Сумуэля (Dijk 1965). Судя по этому тексту, страшная катастрофа, которая постигла в это время Ларсу, была результатом действий некоего врага. Имя этого врага в тексте не называется, правда, часть текста, в которой могло быть точное указание, повреждена.

Перечисляя действия неведомого врага, которые вызвали катастрофу, автор упоминает, что множество каналов были повернуты в другую сторону, в устье канала были построены укрепления и размещены войска. Были ли эти «вражеские» действия как-то связаны с работами по перегораживанию реки, которые упоминаются в датировках 20–23-го года правления Сумуэля, точно не известно. Во всяком случае, в документах архива той структуры, которая занималась работами по каналу Исин, упоминается и о строительстве укреплений.

Последствия этих и ряда других не очень понятных для нас событий, которые описываются в тексте, были ужасными (Dijk 1965: 61–83). Неурожай — в степи перестала расти трава, ячмень не вставал из борозды — привел к страшному голоду. В городе закончились все запасы зерна, дом восставал против дома, на площади шло сражение, оружие убивало. На улицах (вместо домов) стояли руины. Брат истреблял брата. Войска погибали от голода или оружия. На дорогах появились львы и разбойники. Чтобы спасти свой любимый город, бог Уту/Шамаш выбрал из числа многочисленных жителей города «праведного пастыря» Нур-Адада и назначил его на царство. «По велению бога Уту» Нур-Адад приказал разобрать заграждения (дамбу?) и вернуть реку в прежнее русло, укрепления были захвачены, стены укреплений были снесены, воины, охранявшие их, убиты. Все те, кто враждебно относился к Ларсе, были наказаны.

8. Нур-Адад (1865–1860). Судя по списку царей Ларсы, Нур-Адад правил 16 лет, в последние годы правления, возможно, совместно со своим сыном и наследником Син-иддинамом. Нур-Адад и следовавшие за ним четыре правителя Ларсы (его законные наследники), судя по их классическим аккадским именам, не были амореями или, во всяком случае, не позиционировали себя как амореи, не называли себя в надписях «главами амореев». Напротив, Нур-Адад в своей надписи особо подчеркивал тот факт, что он по решению бога Уту/Шамаша получил пастырство над городом, в котором некогда был рожден (RIME 4, 148). Упоминая о своем происхождении и о том, что именно город Ларса был местом, где он родился, Нур-Адад, по-видимому, утверждал свою легитимность как царя Ларсы¹⁷. При этом он почитал своего предшественника Абисаре как законного правителя Ларсы и установил в храме статую в его честь. В то же время в надписях Нур-Адада нет подобных упоминаний о Сумуэле¹⁸.

Цари Гунгунум и Абисаре в своих надписях называли себя «царями Ларсы» и «царями Ура». Сумуэль использовал титул «царь Ура», не называя себя «царем Ларсы». Кроме того, Гунгунум и Сумуэль называли себя «царями Шумера и Аккада», поскольку контролировали Ниппур, во всяком случае, на каком-то отрезке своего правления. Так же как и правители Исины, они стремились позиционировать себя прежде всего преемниками царей III династии Ура. И в этом отношении, по-видимому, именно город Ур был для них «городом царственности». Начиная с Нур-Адада, все правители Ларсы (кроме Цилли-Адада) носили титул «царь Ларсы» и не использовали титул «царь Ура», хотя продолжали контролировать Ур и проводили в нем строительные работы (RIME 4, 139–144). Вместо этого они использовали в титулатуре эпитет «кормилец Ура/обеспечивающий (едой) Ур» (ú.a.úgi.ki). Нур-Адад был первым представителем династии, который, вероятно, отказался от претензий на преемственность, связанную с III династией Ура. Основное внимание он уделял своему родному городу. При нем Ларса превратилась в политический центр подконтрольной ему территории и столицу государства¹⁹. Именно со времени правления Нур-Адада Ларса уже

¹⁷ В упоминавшемся выше письме Син-иддинама статуе его покойного отца Нур-Адада вошествоие последнего на престол в Ларсе описывалось как результат выбора, сделанного главным богом Ларсы Уту/Шамашем «из множества (букв. из 3600) жителей» (Dijk 1965: 7, 104–105). Это должно было подчеркнуть легитимность его правления. Выбор городского бога как подтверждение законности прихода к власти упоминается в надписях многих правителей Лагаша III тыс. до н. э. — Энметены, Урунинигины, Гудеа.

¹⁸ Для некоторых исследователей этот факт является дополнительным аргументом в пользу предположения, что именно Сумуэль был тем самым «врагом», действия которого привели к катастрофическим последствиям для Ларсы (Fitzgerald 2002).

¹⁹ В надписях Нур-Адада и в литературных текстах, описывающих события этого времени, есть некоторые моменты, которые позволяют предположить, что он был связан с городом Лагашем и, возможно, происходил из Лагаша (Dijk 1965: 15). В начале II тыс. до н. э. территория Гирсу-Лагаша входила в сферу влияния Ларсы. Нур-Адад и его преемники утверждали свою легитимность, подчеркивая значение Ларсы, утверждая свое происхождение из числа жителей Ларсы и указывая на связи между ними и старошумерскими правителями Гирсу-Лагаша (Halla 1957: 137). Возможно, Нур-Адад и его преемники считали себя скорее наследниками традиций старошумерских правителей Лагаша, а не традиций государства Ур III, как Сумуэль.

и официально становится «городом царственности», т. е. городом, где пребывают царь и царская власть. Об этом свидетельствует и тот факт, что самый ранний царский дворец, раскопанный археологами в Ларсе, это дворец Нур-Адада, который был построен на фундаменте дворца Ур-Намму, основателя III династии Ура (Edzard 1957: 144 ff.).

В одном отношении Нур-Адад действовал как Сумуэль: перед его именем в некоторых надписях, в том числе на печатях, писцы ставили детерминатив божества²⁰. Культ Нур-Адада сохранялся через много десятилетий после его смерти. В документах времени царя Рим-Сина (1822–1763) неоднократно упоминается «селение Нур-Адад», куда правящий царь ежегодно в период стрижки овец совершал паломничество и где проводил культовые церемонии²¹.

Мирная деятельность. Деятельность Нур-Адада была в основном связана с ликвидацией последствий страшной катастрофы, которая постигла Ларсу и Ур либо в самом конце правления Сумуэля, либо сразу после его смерти. В какой-то момент Ларса, Ур и некоторые другие города юга оказались, по-видимому, отрезанными от воды. За этим последовали разрушения, голод и бегство населения. Уту/Шамаш, главный бог города Ларса, выбрал самого достойного из числа горожан, «человека Ларсы» или «одного из многих» (т. е. местного жителя, горожанина) и возвел его на трон. Нур-Адад сумел прогнать врагов с территории государства и «освободить» воду. Он вернул «рассеявшихся людей» в их прежние жилища. После победы Нур-Адад соорудил в главном храме Ларсы Эбббар золотой трон Шамаша, назначил в храм главную жрицу и обеспечил постоянные жертвоприношения.

Ур, так же как и Ларса, по-видимому, серьезно пострадал в конце правления Сумуэля, и Нур-Адад и здесь предпринимал большие усилия по восстановлению нормальной жизни горожан²². В одной из надписей, где он называет себя «обеспечивающим (едой) Ур», он говорит, что «сделал Ур спокойным, удалил из него зло и жалобы, собрал его разбежавшееся население и вернул богу Нанне его границы» (RIME 4, 142, 26–36). Далее Нур-Адад сообщает, что для бога Нанны и ради своей жизни он приказал соорудить «огромную печь для приготовления трапез бога Нанны/Сина, который снабжает едой всех других богов, и установить огромный котел, который громко ревел/клокотал при (приготовлении) утренних и вечерних трапез» (RIME 4, 142 37–46). Для Нанны и его божественной супруги Нингаль были построены и новые храмовые сооружения.

Нур-Адад много строил в Ларсе, Уре и Эриду, где им был восстановлен культ бога Энки (вероятно, прекратившийся или пришедший в упадок после распада

²⁰ В одном случае это надпись, посвященная сооружению в Уре для бога Нанны и его супруги Нингаль специального строения (ga.nun.mah), где хранились запасы молочных продуктов, масла и сыра (RIME 4, 140), в другом случае его имя с детерминативом божества упоминается в надписи на печати некоего Адад-иллассу (RIME 4, 153).

²¹ Возможно, селения, названные в честь давно умерших царей, были некогда этими царями основаны. Доход с таких селений мог поступать на содержание царя, имя которого они носили, или после его смерти для поддержания заупокойного культа.

²² После этого цари Ларсы сохраняли контроль над Уром до 1763 г до н. э., когда Ларсу завоевал Хаммурапи.

государства Ур III). Сохранилось несколько строительных надписей, составленных от его имени (RIMA 4, 138–156). В надписи на глиняном конусе, посвященной строительству (реконструкции) стены вокруг Ларсы, после описания того, как бог Уту призвал его на царствование, Нур-Адад сообщает о процветании, которого достигла при нем страна:

«Я насыпал горы и холмы (ячменя) для бога Уту. Я увеличил количество крупного и мелкого рогатого скота, я сделал растительное и сливочное масло изобильным. Я дал моим людям есть разнообразную пищу и пить обильную воду. Я сокрушил разбойников, преступников и злодеев. Я дал жить в довольстве слабым, вдовам и сиротам» (RIME 4, 148–149). Результатом этого процветания, как следует из надписи, были исключительно низкие в пересчете на серебро тарифы на основные продукты и очень щедрая оплата работников, которые выполняли строительные работы (о тарифах и оплате работников подробнее см. гл. XV)²³.

Военные конфликты. При Нур-Ададе Ларса сохраняла, по-видимому, те же границы, которые были при Сумуэле. В упомянутом выше письме-молитве, описывавшем катастрофу, произошедшую в конце правления Сумуэля (Dijk 1965), указывается, что Нур-Адад действовал по повелению главных богов всех основных городов, территории которых составляли ядро государства Ларса: Уту (Ларса), Нингирсу (Гирсу-Лагаш), Иштар (Забалам), Ишкур (Каркар). Под контролем Ларсы оставался и Ур. Судя по надписям и датировочным формулам Нур-Адада, его деятельность была в основном сконцентрирована на юге — в Уре, Ларсе и Эриду. Ниппур находился вне его контроля. В одной из своих надписей Нур-Адад, правда, заявлял, что приказал расчистить Евфрат, так что бог Нанна мог перевезти по воде первенки (плоды первого урожая) из Ура в Ниппур (Fitzgerald 2002: 95), но в то же время датировки документов из Ниппура свидетельствуют, что город оставался под властью Исына вплоть до последних лет правления сына Нур-Адада Син-иддинама. Единственное упоминание о военном конфликте времени правления Нур-Адада касается города Машкан-шапир. Этот город был северным центром территории Ямутбала. В середине 20 в. до н. э. правитель Ларсы Забайя, «глава амореев», построил вокруг него стену. Впоследствии город был потерян для Ларсы, и Нур-Адад его вернул. Одна из его датировок названа «год, когда Машкан-шапир был захвачен» (Arnaud 1978: 232).

Последние годы правления Нур-Адада прошли, вероятно, мирно. От этого времени нет никаких сведений о военных конфликтах. Возможно, его соправителем в эти годы был старший сын Син-иддинам²⁴. Однако общая политическая

²³ «Во время моего прекрасного царствования в соответствии с тарифом, который действовал в моей стране, за 1 сикль серебра работник мог получить 600 л ячменя, 20 л растительного масла, 5 кг шерсти (или) 3000 л фиников. В это время я построил великую стену (вокруг) города Ларса, (которая возвышалась) как гора на чистом месте. Плата одному человеку была 30 л ячменя, 2 л хлеба, 2 л пива, 17 г масла. Это работник получал каждый день» (RIME 4, 148 57–70).

²⁴ В одной из надписей, где он называет себя «царем Ларсы», Син-иддинам сообщает, что проводил строительные работы в Уре «за жизнь своего отца и за свою жизнь» (RIME 4, 170–171). Также сохранились два частноправовых документа из Лагаша, в которых участники договора приносили клятву именами двух правителей: Нур-Адада и Син-иддинама (Biggs 1976: 38–39b).

ситуация в Южной Месопотамии постепенно становилась все более напряженной. На фоне ослабления Исины усиливались другие политические структуры Южной Месопотамии: Вавилон, Урук, Малгиум (город, предположительно, стоял на Тигре между Машкан-шапир и дельтой Диялы). Современник Нур-Адада вавилонский царь Сумулаэль, судя по его надписям, был занят военными конфликтами к северу от Вавилона. Однако он не упускал из вида и южных территорий. Одну из своих дочерей он выдал замуж за царя Урука Син-кашида. Сыну Нур-Адада Син-иддинаму пришлось вступать в конфликты со многими правителями северных царств.

9. Син-иддинам (1849–1843). Син-иддинам правил только 7 лет, но оставил как минимум 16 надписей (RIME 4, 157–188). Некоторые из них были созданы, вероятно, еще при жизни его отца Нур-Адада. В одной из надписей, где рассказывается о сооружении драгоценного трона для бога Ишкура/Адада, Син-иддинам перечисляет свои титулы. Он называет себя «кормильцем, обеспечивающим Ур, царем Ларсы, царем Шумера и Аккада», «тем, кого его многочисленный народ истинно избрал» (RIME 4, 178, 51–53). Так же как и его отец, он ссылается на поддержку жителей Ларсы при восшествии на престол.

Мирная деятельность. Нур-Ададу не удалось, по-видимому, полностью преодолеть последствия катастрофы, постигшей Ларсу, их ликвидацией пришлось заниматься его сыну Син-иддинаму. Свою деятельность как царь Ларсы Син-иддинам начал с проведения неотложных ирригационных работ. Важнейшим событием первого года правления Син-иддинама, отраженным в датировочной формуле его второго года, были работы по возвращению реки Тигр в ее прежнее русло таким образом, чтобы обеспечить жителей города Ларсы и все население страны «чистой и постоянной/нескончаемой водой». Для этого потребовалось, по-видимому, проведение специального канала для отвода воды и укрепление с помощью земляных дамб старых берегов Тигра. Именно воды реки Тигр играли в это время важнейшую роль в оросительной системе юга, и прежде всего Ларсы (Steinkeller 2001: особенно 29–30; такого же рода работы позднее предпринял Рим-Син, судя по датировочной формуле его 19-го года).

«Чтобы обеспечить сладкую воду для города и для страны... (боги Ан и Энлиль) поручили мне выкопать Тигр (т. е. выкопать канал, по которому пойдут воды реки Тигр) и вернуть его (в его прежнее русло). В это время по указанию Ана и Инанны (и с помощью других богов) и моей великой силой я выкопал Тигр, реку изобилия бога Уту. После этого я вернул его (русло) на его (прежнее) место в те границы, которые я установил ему. Я величественно направил (его русло) в болота (превентивная мера, чтобы избежать неконтролируемого разлива?). (Таким образом) я обеспечил постоянную воду, не уменьшающееся изобилие для города Ларса и моей страны <...> Силами (всей) моей страны я выполнил эти работы. По приказу и решению великих богов я вернул Тигр

В одной из хозяйственных записей времени Нур-Адада упоминается большое количество сезама и шерсти из налоговых поставок, предназначенных для реализации за серебро, которые обозначены как «имущество Син-иддинама, сына царя» (YOS 5 153).

в его прежнее русло» (RIME 4, 159–160). О работах по укреплению Тигра упоминается и в более поздних надписях, посвященных другим строительным проектам (RIME 4, 176).

Другим важным проектом Син-иддинама было строительство (скорее масштабная реконструкция) храма бога Уту/Шамаша Эбаббар, которое продолжалось, вероятно, все годы его царствования. Это событие не только отмечено в датировочной формуле 3-го года его правления, но и упоминается в большинстве его надписей.

Как и его отец Нур-Адад, Син-иддинам в своих надписях неоднократно обращается к описанию того, какого великого процветания достигла при нем страна и как благополучно живет население. Эти заявления подтверждались приводимыми в текстах данными о размерах тарифов в годы его правления. Оказывается, что при Син-иддинаме основные продукты в пересчете на серебро стали еще дешевле, чем при его отце Нур-Ададе. За 1 сикль серебра можно было получить 1200 л ячменя, 3600 л фиников, 7 1/2 кг шерсти, 30 л растительного масла или 50 л свиного жира; неудивительно, что жители города «ликовали» (RIME 4, 166, 58–69). Исключительно высокой была и плата работникам, трудившимся на реализации его ирригационных и строительных проектов.

Те, кто работали на проекте по Тигру, ежедневно получали некоторое количество ячменя (числовой знак не сохранился), 2 л хлеба, 4 л пива и 17 г растительного масла (RIME 4, 160). Еще более щедрыми были выплаты работникам, занятым на реконструкции храма Эбаббар.

«В это время для бога Уту, моего господина, моей настойчивой молитвой я (полностью) удалил (причины для) жалоб из моего города. Я собрал население Ларсы и дал им как людям, выполняющим его (храма Уту) работу, плату — еду и масло для умащения (достаточно, чтобы) обрадовать их сердце. За один год я обжег его (храма Уту) кирпичи и построил для него святилище-гигунну, его любимый храм, как гору на чистом месте. Когда я строил святилище Эбаббар <...> плата (за работу) одного человека (составляла) [х] гур ячменя, 2 л фиников, 2 л сыра, 2 л сезамовых жмыхов, 17 г растительного масла, не считая пищи, (поступавшей от стад). За один день работник получал это» (RIME 4, 165–166, 25–57).

Несмотря на такие описания исключительного процветания, время правления Син-иддинама было для жителей Ларсы, по-видимому, достаточно тяжелым. Помимо необходимости довести до конца работы по восстановлению оросительной системы и участию в масштабных строительных проектах царя горожане длительное время страдали от какой-то эпидемии. В одном из сохранившихся писем-молитв Син-иддинама царь обращается к главному богу и покровителю Ларсы богу Уту/Шамашу с жалобами на бедствия и невзгоды, которые постигли население Ларсы, страдавшее от многолетней эпидемии какой-то болезни, и с просьбами помочь «своему городу»²⁵.

²⁵ В другом письме-молитве (Halla 1976) Син-иддинам жаловался богине Нин-Исине (вероятно, одна из ипостасей богини-целительницы Гулы) на свои болезни, которые «никто из людей не может

«Уже седьмой год в моем городе никто не избежал страданий, мор не прекращается... Я не знаю, что делать... О, Уту, взгляни на свой город с любовью. Скажи: “Увы! Сколько можно!”». Пожалей свой город. Вмешайся. Заставь мор покинуть город. Удали болезнь... Пусть зерно города всегда будет обильным. Что касается меня, за мою почтительность дай мне здоровье. Пошли мне в дар долгую жизнь» (Halla 1982).

Военные конфликты. Относительно короткое правление Син-иддинама было заполнено не только строительной деятельностью, но и постоянной борьбой с врагами и мятежниками. Сражаться с врагами ему пришлось уже в 1849 г. до н. э., с момента вступления на престол, прежде чем он смог в том же году приступить к выполнению своего глобального проекта по перемещению русла Тигра. Возможно, эти ирригационные работы затрагивали интересы населения соседних территорий, сокращая их водные ресурсы. В надписи, посвященной строительству святилища для бога Нанны в Уре (RIME 4, 172), Син-иддинам сообщает, что после вступления на престол, прежде чем он смог приступить к необходимым для населения ирригационным работам, ему пришлось сломить сопротивление многочисленных врагов и только после этого он смог осуществить свой проект.

О подавлении мятежей и борьбе с врагами говорится и в более поздних надписях. В частности, после того как Син-иддинам «подавил мятеж восставших земель и поразил своих врагов оружием», он приказал построить (новую?) стену вокруг Ура (RIME 4, 174–175). В другой его надписи упоминается о строительстве стены вокруг города Бад-Тибира (RIME 4, 176). В конце своего царствования Син-иддинам построил стену и вокруг города Машкан-шапир, что было связано, возможно, с обострением политической ситуации в регионе (RIME 4, 179).

Кто выступал против царя Ларсы в этих случаях, не до конца ясно. Однако, судя по датировочным формулам, где упоминаются одержанные им победы, главными его соперниками были северные города — Вавилон, Малгиум, Эшнунна и, возможно, союзник Вавилона Урук.²⁶ Датировочные формулы Син-иддинама (RLA II, 159) упоминают военные конфликты к северу от Ларсы — разгром армии Вавилона, взятие Малгиума и разрушение Эшнунны. Традиционный соперник Ларсы Исин, вероятно, уже смирился с потерей контроля над южными городами²⁷ и не представлял для Син-иддинама серьезной угрозы.

излечить». Каким-то образом это недомогание царя было, по всей видимости, связано с конфликтом между Ларсой и Вавилоном. В конце письма с просьбой о выздоровлении царь обращается и к главному богу Вавилона Асалулухи (Мардуку).

²⁶ В первые годы правления Син-иддинама (1849–1842) в Вавилоне правил царь Сумулаэль (1880–1844), которого через несколько лет сменил его сын Сабиум (1844–1830), прадед Хаммурапи, в Эшнунне — царь Ипик-Адад (II 1860–1840), в Уруке — Син-кашид (1865–1832).

²⁷ Годы правления Син-иддинама частично совпадают с годами правления царя Исина Энлиль-бани (1860–1836). При этом царю титулатура правителей Исина претерпела серьезные изменения (Halla 1959: 57). В начале своего правления Энлиль-бани упоминал в надписях и южные города, называя себя не только «царем Исина» и «царем Шумера и Аккада», но и «пастырем, дающим благополучие Ниппуру, земледельцем, который выращивает высокий ячмень для Ура, тем, кто очищает ритуалы Эриду,

Связи с другими городами. Син-иддинам полагался не только на военные действия, но и на дипломатию. При нем Ларса активно участвовала и в мирных контактах с городами северной части аллювия. Сохранилась группа административных документов времени его правления, которые содержат записи расхода ячменя на выдачи представителям разных городов. Среди получателей зерна и других продуктов были приезжие из таких городов, как Урук, Исин, Малгиум, Рапикум, Муталу и городов региона Тигра-Диялы (Дер, Эшнунна, Диниктум), а также городов на территории между Нижним Забом и Джебель Хамрин (Кимас, Шашиллани, Терка) (Goetze 1950: 94 ff.). Большинство этих городов были, скорее всего, вполне самостоятельными и не зависели от Ларсы. Возможно, получатели были посланцами этих городов при царском дворе Ларсы или же представителями Ларсы в этих городах.

Несмотря на все сложности, которые сопровождали его правление, Син-иддинам остался в исторической памяти скорее как успешный и благочестивый правитель. Ставился ли детерминатив божества перед именем Син-иддинама, сказать невозможно. Первую часть его имени составляет имя бога Сина, перед которым такой детерминатив обязательно ставили. Тем не менее царь Син-иддинам, вероятно, был обожествлен и весьма почитался после смерти. В 1816 г. до н. э. правивший тогда в Ларсе царь Рим-Син приказал изготовить золотую статую Син-иддинама. Сохранилась также неопубликованная табличка (NBC 5452), на которой записаны четыре молитвы, обращенные к Син-иддинаму (Halla 1967: 96).

Среди найденных в городе Мари моделей в форме печени с записями предсказаний сохранилась одна, касающаяся Син-иддинама: «Это (гадание по) печени, относительно царя Син-иддинама, на которого в храме Уту/Шамаша в месяце элулум лестница/каменный блок обрушился» (Goetze 1950). Это предсказание считалось свидетельством того, что Син-иддинама постигла ужасная смерть. Однако позднее перевод текста был уточнен. В соответствии с новой версией предсказание было благоприятным, ужасная смерть должна была постичь врагов, а царю предстояло оказаться счастливым завоевателем и триумфатором (Halla 1967: 96 ff.).

10. Син-ирибам (1842–1841). О кратком правлении Син-ирибама почти ничего не известно, но, скорее всего, оно было вполне мирным, и ему наследовал его сын Син-икишам.

11. Син-икишам (1840–1836). Сын Син-ирибама и последний независимый представитель этой ветви династии правил только 5 лет. Сохранились все датировочные формулы его правления и несколько царских надписей, а также гимн Нумушде, главному богу города Казаллу (северо-запад Южной Месопотамии), за здоровье царя Син-икишама (Black et al. 1998). Именно с этим го-

любимым жрецом Урука» (RIME 4, 78 ff.), хотя в это время Ур и Эриду находились под контролем царей Ларсы, а Урук не зависел ни от Исына, ни от Ларсы. Однако в последние годы своего правления Энлиль-бани в своих надписях уже опускал все титулы, касавшиеся южных городов (Ур, Эриду, Урук), оставляя только упоминание о Ниппуре. Таким образом, Исин, по-видимому, не только признал потерю юга, но и смирился с ней.

родом были связаны многие важные события в период его царствования. В самом начале своего правления Син-икишам, вероятно, предпринял успешный поход на север, в результате которого были завоеваны несколько северных городов, в том числе город Казаллу, где были установлены статуи городским богам. В следующие два года золотые и серебряные статуи были установлены в храме бога Уту в Ларсе, 14 статуй были принесены в Ниппур. Также была построена (скорее реконструирована) стена вокруг Ларсы. В это же время Сабиум, царь Вавилона, упоминает в одной из своих датировок разгром войска Ларсы. Возможно, царь Ларсы занялся укреплением своего столичного города в ожидании нового нападения Вавилона. В датировочной формуле 5-го (последнего) года своего правления Син-икишам упоминает о победе над войском Казаллу и Элама (сохранились и другие варианты этой датировки, в которых упоминается еще и победа Син-икишама над царем Исина Замбиа). При Син-икишае Ларса продолжала контролировать Ниппур, однако синхронные документы из Ниппура содержат датировки и царя Исина, и царя Ларсы, т. е. оба царя соревновались за влияние в Ниппуре. Впоследствии Син-икишам, как и его брат Син-иддинам, считался благочестивым царем и почитался. Царь Рим-Син устанавливал в храмах его статуи из серебра и золота (UET 5, 404, 406).

Соседи Ларсы в середине 19 в. до н. э. К этому времени территория Ларсы была окружена несколькими независимыми и соперничавшими с Ларсой и друг с другом государствами. К северу от Ларсы располагалась территория независимого Урука, который был союзником Вавилона. Далее к северу и западу от центральной части региона Южной Месопотамии находилось царство Исин, которое долгое время было соперником Ларсы. На севере, к западу от города Машкан-шапир, располагался Вавилон, правители которого Сумулаэль (1880–1844) и Сабиум (1844–1831) были давними врагами Ларсы и союзниками Урука. Династии двух городов объединяли и родственные связи. Царь Урука Синкашид (1865–1832) был женат на дочери Сумулаэля. При необходимости Вавилон помогал Уруку, предоставляя ему свои воинские отряды (Stol 1976: 28). К северу от Машкан-шапир вдоль Тигра находилось государство Малгиум, которое неоднократно упоминается в источниках из Ларсы как ее военный противник, но о котором известно очень мало. К востоку за Тигром лежало государство Элам. Все эти политические структуры были заинтересованы в контроле над торговыми путями, связывавшими юг и север аллювия. Наиболее удобный путь с юга-востока на северо-запад Южной Месопотамии проходил по системе каналов, которые связывали среднее течение Тигра с южными протоками Евфрата. «Стыковка» Евфрата с Тигром располагалась примерно в 40 км севернее Ниппура. Однако Ларса не могла пользоваться этим путем. От продвижения на север по Евфрату она была отрезана сначала Исином, позднее Кишем и Вавилоном. Альтернативный путь в северную часть Южной Месопотамии, который правители Ларсы стали активно осваивать еще со времен Аби-саре, шел по восточной части аллювия через систему каналов, соединявших Южный Евфрат со средним течением Тигра, и далее через Эшнунну.

11. Цилли-Адад (1835). После смерти Син-икишама на престоле в Ларсе оказался человек по имени Цилли-Адад (Козырева 1988: 146–147). Точных сведений о происхождении этого правителя нет. Есть основания считать, что он был сыном Нур-Адада, т. е. дядей предшествующего правителя (Fitzerald 2002: 123). Вероятно, Цилли-Адад жил в Ларсе при дворе своего племянника и периодически получал дары вместе с другими высокопоставленными сановниками, в том числе Кудур-мабуком²⁸. Судя по датировкам, его правление продолжилось менее года. Возможно, он не был независимым правителем. В двух сохранившихся надписях, составленных от его имени (RIME 4, 199–201), он называл себя не царем Ларсы, а «правителем (ensi) Ура, Ларсы и земли Куталлы» (город в 14 км к югу от Ларсы), хотя в датировках его называли царем. Первые девять месяцев 1835 г. до н. э. документы в Уре и Ларсе датировали обычной для первого года правления царя формулой: «год, когда Цилли-Адад (стал) царем» (YOS 5 117), но начиная с IX месяца того же года датировки изменились: «год, когда Цилли-Адад не (стал) царем» (СВД 45, запись об отказе от претензий на поле, XII месяц) и «год, когда Цилли-Адад с царствования был смещен». Последняя датировка содержится в группе отчетных записей от последнего месяца года из хозяйства бога Нанны в Уре (YOS 5 9–11, 54–57). Документы представляют собой обычные для конца года сводки о наличии скота в стадах хозяйства, о поступлении на склады шерсти. Судя по ним, отчетность велась как обычно и перемены на вершине власти на деятельности хозяйства как будто не отразились.

Документы, относящиеся к следующему году, датированы уже правлением другого царя, Варад-Сина, сына Кудур-мабука. Их совсем немного, а содержание, кажется, свидетельствует о том, что военная обстановка все-таки вызвала некоторые перебои в работе хозяйства храма бога Нанны. Так, у некоторых пастухов образовались недоимки по поставкам скота, которые были возмещены уже к IV месяцу 1-го года правления Варад-Сина. Возможно, с недостаточным поступлением продуктов за предыдущий год, вызванным военным временем, было связано и то, что в VII–IX месяцы 1-го года Варад-Сина работникам хозяйства вместо зерна выдали финики²⁹. Ко 2-му году правления Варад-Сина положение, видимо, стабилизировалось. Этим годом отмечено значительное количество хозяйственных записей (YOS 5 14, 16, 30–32, 46, 49, 53, 65, 68, 72, 78, 81, 88) и частноправовых документов (YOS 5 124 — продажа раба, 135 — жреческой должности, 134 — строения).

Возможно, причиной смещения Цилли-Адада был серьезный военный кризис, который угрожал самому существованию независимой Ларсы. В конце 1-го и единственного года его правления (1835) Ларса подверглась нападению со стороны объединенных войск города Казаллу, которые действовали в союзе

²⁸ Сохранилась запись о выдаче пива (YOS 5 167) нескольким важным лицам, в том числе Цилли-Ададу (300 л для праздничного пира, 200 л для «дома женщин», 60 л Цилли-Ададу, 20 л Кудур-мабуку и др.) от 1837 г. до н. э. = 4-й год Син-икишама.

²⁹ «70 гур фиников — это зерновые выдачи носильщикам» — 70 (gur) zú.lum še.ba erín nu.il.meš (YOS 5 12, 1–2).

с представителями одного из аморейских племен (мутиабаль), в это же время Цилли-Адад лишился трона. Какое из этих событий произошло раньше, нападение Казаллу или уход Цилли-Адада, неясно. Во всяком случае, враги были изгнаны с территории Ларсы, и в 1834 г. до н. э. царем Ларсы официально стал сын человека, которому город был обязан этой победой, — Варад-Син, сын Кудур-мабука.

Кудур-мабук. Основателем новой династии в Ларсе был человек по имени Кудур-мабук, который, хотя сам и не провозгласил себя царем, но посадил на престол своего сына. О происхождении Кудур-мабука можно судить только по косвенным данным. И он сам, и его отец, Симти-шилхак, носили эламские имена и были, возможно, представителями знатного эламского рода³⁰. Также эламское имя Манзи-варташ носила дочь Кудур-мабука, в то время как у сыновей были аккадские имена (Варад-Син, Рим-Син, Син-мубаллит)³¹.

Кудур-мабук, по-видимому, располагал большими материальными и политическими ресурсами, в том числе и воинскими. Он сумел установить контроль над восточными и юго-восточными территориями аллювия (Ямутбал), которые к этому времени были в значительной степени заселены западносемитским (аморейским) населением. В своих надписях Кудур-мабук называл себя «отцом Ямутбала» (*abu emutbala* RIME 4, 267). Его сын Варад-Син также называл в своих надписях Кудур-мабука «отцом Ямутбала» и «отцом земли амореев» (*ad.da emutbala, ad.da kur mar.dú* RIME 4, 255, 256). Имя Кудур-мабука упоминается в документах из Ларсы по крайней мере с 1843 г. до н. э., когда в Ларсе еще правил Син-иддинам (YOS 5 216). При проведении важных официальных и культовых праздников Кудур-мабук посещал царский двор Ларсы в сопровождении целой группы лиц (в том числе певцов), которые в одном документе (в соответствии с которым ему было выдано 90 л сезамового масла) названы эламитами (*lú NIM.ki*, YOS 14 333). Во время этих визитов он получал различные дары, а его свиту снабжали продуктами. В записи от 1837 г. до н. э.,

³⁰ Роль Элама в политической и хозяйственной жизни Южной Месопотамии была исключительно важной. В течение всего III тыс. до н. э. с территории Элама шла, вероятно, постоянная миграция небольших групп населения в города восточной и юго-восточной части Южной Месопотамии. Эти люди были воинами, работниками, гонцами, чаще всего торговцами. В текстах их имена сопровождаются термином *NIM.ki* (Элам). Насколько такое обозначение можно назвать этнонимом, неясно, скорее в этот период оно играло роль маркера, уточнявшего территориальное происхождение данного лица. Эти группы, вероятно, достаточно быстро ассимилировались в культуре Южной Месопотамии. Миграция шла и в обратном направлении — с территории Южной Месопотамии в Элам, начиная по крайней мере с конца IV тыс. до н. э.

В конце III тыс. до н. э. цари Ура заключали договоры с главами политических структур на территории Элама (Аншан, Симашки) и даже выдавали своих дочерей замуж за их правителей. Периодически возникали и военные конфликты с Эламом, от которых особенно страдали города в юго-восточной части аллювия, прежде всего Лагаш. Когда в конце III — начале II тыс. до н. э. ряд важнейших городов юго-востока (на территории Уммы и Лагаша) пришли в упадок, Ларса оказалась в непосредственном тесном контакте с Эламом.

³¹ Этническая идентичность Кудур-мабука остается предметом спора. Одни исследователи считают, что он был эламитамином (Steinkeller 2004: 31), другие — что он был амореем, но имел тесные связи с Эламом (Edzard 1983), есть и такое мнение, что он был наполовину аморей, наполовину эламитамином (Дьяконов 1990).

которая зафиксировала одну из таких выдач, имя Кудур-мабука стоит в списке получателей сразу после имени будущего правителя Ларсы Цилли-Адада (YOS 5 167)³². Кудур-мабук был, вероятно, тесно связан с правящей династией. Возможно, именно благодаря его усилиям государство, которое в момент прихода к власти Цилли-Адада оказалось в серьезном кризисе, было сохранено и восстановлено.

Где-то в конце 40-х гг. 19 в. до н. э. Кудур-мабук захватил город Машкан-шапир и сделал его своим центром. Пока правили Син-ирибам и Син-икишам, Кудур-мабук, видимо, поддерживал дружеские отношения с правителями Ларсы. Однако вражеские действия со стороны Казаллу и мутиабаль³³ угрожали не только Ларсе, но и всей территории юго-востока и самому Кудур-мабуку как вождю ямутбалов. После смерти Син-икишама опасность вражеского захвата значительной части Ямутбала еще более возросла. Власть Цилли-Адада, сменившего своего племянника на престоле, была ограничена собственно городом Ларса. Это следует из титулатуры, которая упоминается в его надписях. В них он называет себя управителем (*ensi*) Ларсы, а не царем (*lugal*). Вторжение на территорию Ларсы войск Казаллу и мутиабаль, вероятно, привело и к тому, что на какое-то время Кудур-мабук потерял контроль над Машкан-шапир и вернул его только через три или четыре года³⁴.

Вопрос о том, при каких обстоятельствах Кудур-мабук захватил Ларсу и посадил на престол своего старшего сына Варад-Сина (1834–1823), остается неясным. После смерти Варад-Сина Кудур-мабук посадил на престол в Ларсе другого сына — Рим-Сина (1822–1763). Можно только предполагать, как была поделена ответственность между отцом и сыновьями. Кудур-мабук, который контролировал всю территорию востока и юго-востока аллювия (Ямутбал), сидел в Машкан-шапир на севере региона, в то время как его сын правил в Ларсе на юге³⁵. Такая структура сохранялась вплоть до его смерти (около 1814 г. до н. э.). После Кудур-мабука в Машкан-шапир сидел, возможно, другой его

³² В документах того времени упоминается также некий человек по имени Варад-Син, который получал продуктовые выдачи вместе с другими важными сановниками или чиновниками (Goetze 1950). Был ли это сын Кудур-мабука, неясно.

³³ Мутиабаль (так же, как и ямутбал) в рассматриваемый период — очевидно, не только название одного из западносемитских племен, но и обозначение территории, заселенной представителями этого племени, одним из политических центров которой был город Казаллу.

³⁴ В честь возвращения Машкан-шапир под власть Кудур-мабука в Ниппуре во дворе храма богини Нинлиль была установлена победная стела. На ней был изображен Кудур-мабук, попирающий ногой некоего Цилли-Иштара, «человека Машкан-шапир». Сама стела не сохранилась, но сохранилась копия надписи, высеченной на ней. В ней Кудур-мабук назван «царем (*lugal*), который возвращает добром тому, кто делает ему добро» (RIME 4, 267). Это единственный известный текст, в котором Кудур-мабук назван царем. Однако в данном случае слово «царь» следует, вероятно, рассматривать скорее как эпитет, а не как обозначение титула, поскольку после него нет указания на территорию, где он мог царствовать.

³⁵ Сходная система разделения власти существовала почти в это же время и на севере и северо-западе Месопотамии, где правил царь Шамши-Адад (1814–1781). Он посадил своих сыновей в два важнейших города царства: старший, Ишме-Даган, был наместником отца в Экаллатуме, на восточной границе царства, недалеко от древней столицы Ашшура, а младший, Ясмах-Адду, — в Мари на Евфрате, на южной границе государства. Сам Шамши-Адад сидел в одной из столиц на севере — в городе

сын. Во всяком случае, в 1763 г. до н. э., когда Хаммурапи пошел против Ларсы, оборону Машкан-шапир возглавлял сын (или родственник?) Кудур-мабука по имени Син-мубаллит (Mieroop 1993: 50).

Хотя основным местом пребывания самого Кудур-мабука все это время оставался город Машкан-шапир, но он активно действовал и на юге. От его имени составлялись «царские» надписи, но он никогда не называл себя в них царем (RIME 4 266–269). Его дочь (а не дочь Варад-Сина, царя) была назначена в главный храм города Ура жрицей бога Нанны. Он переписывался с высшими чиновниками Ура и Ларсы относительно культовых дел³⁶.

Кудур-мабук и его сыновья позиционировали себя как законные преемники власти в Ларсе и оказывали публичные почести своим предшественникам, Син-иддинаму и Син-икишаму³⁷. Сыновья Кудур-мабука продолжали строительную деятельность предшествующих правителей: реставрацию стен в Уре, восстановление святилища Ганунмах, хранилища бога Нанны в Уре. При них сохранялись и действовавшая до этого система управления, и прежний управленческий аппарат³⁸.

13. Варад-Син (1834–1823). Варад-Син правил сравнительно недолго (в отличие от своего брата и преемника Рим-Сина, который сидел на престоле 60 лет), но при этом он оставил самое большое (из всех правителей Ларсы) количество надписей. Почти все они, так же как и его датировки, касаются культовой деятельности — возведения и реконструкции храмов, установки в храмах статуй. Две надписи Цилли-Адада, найденные в Уре, сообщают, что он занимался реставрацией фундамента зиккурата и террасы храма Нингаль (RIME 4, 199–201). Эту работу без какого-либо перерыва продолжил сменивший его на престоле Ларсы Варад-Син, сын Кудур-мабука. В самой ранней надписи Варад-Сина, где сообщается об этом, его титулатура полностью повторяет титулатуру Цилли-Адада: «правитель (ensi) Ура, Ларсы и земли Куталлы» (RIME 4, 203–204).

В начале правления строительная деятельность царя распространялась прежде всего на главный храм города Ларсы — храм бога Уту/Шамаша, но позднее он активно действовал в Уре (храм бога Нанны) и в городе Забалам (храм Инанны). Во 2-й год своего правления (датировка 3-го года) Варад-Син установил

Шубат-Энлил. Хотя сыновья в своих столицах могли вести себя как цари, отец внимательно следил за их деятельностью. Это ясно следует из его переписки с сыновьями.

³⁶ Должность главной жрицы храма Нанны в Уре была особенно важной и почетной еще с тех времен, когда ее исполняла дочь Саргона Энхедуанна. До правления Варад-Сина ее всегда занимала дочь царя. В 1827 г. до н. э. на эту должность была поставлена сестра Варад-Сина Энанеду. Возможно, у Варад-Сина не было дочери, но Кудур-мабук явно был лично заинтересован в назначении своей дочери и уделял большое внимание ее статусу. Об этой заинтересованности свидетельствует письмо Кудур-мабука, адресованное главному архивариусу хозяйства бога Нанны в Уре Ур-Нанне (UET 5 75). В нем Кудур-мабук отдает распоряжения по поводу установки статуи этой жрицы.

³⁷ Датировка 6-го года Рим-Сина — «год, когда была изготовлена золотая статуя Син-иддинама, царя Ларсы» (Stol 1976: 3). В двух документах времени Рим-Сина упоминается о статуях Син-икишама из серебра (UET 5 404) и золота (UET 5 406, 407). Сохранилась запись о приношениях в храм Син-иддинама и о расходе овец на приношения Син-иддинаму от 1803 г. (Fitzgerald 2002: 102).

³⁸ Чиновники, служившие при Син-икишаме, продолжали исполнять свои обязанности и использовать свои печати и при Варад-Сине (YOS 5 18, 42, 43, 123).

свою золотую статую в храме бога Уту/Шамаша, а в 9-м году (датировка 10-го года) он установил там же золотую статую своего отца Кудур-мабука. В надписи, описывающей возведение (реконструкцию) стены вокруг Ура, Варад-Син, как и его предшественники Нур-Адад и Син-иддинам, упоминает о щедрой плате, которую получали трудившиеся там работники: ежедневно каждый получал по 30 л ячменя, 2 л хлеба, 2 л пива и 17 г растительного масла (RIME 4, 240).

Скорее всего, Варад-Син не был полностью независимым правителем, а был фактически ставленником своего могущественного отца, так что клятвы в договорах могли упоминать сразу два имени — Варад-Сина и Кудур-мабука³⁹. Датировка 1-го года его правления (1834) в соответствии с традицией гласила: «год, когда Варад-Син стал царем», но главным событием этого года была победа над войском Казаллу, что отмечено в датировке следующего года Варад-Сина (1833): «год, когда стены Казаллу были разрушены и войско мутиабаль изгнано из Ларсы». Об этих же событиях говорится в одной из его надписей. Однако заслуга этой победы принадлежала, видимо, его отцу, Кудур-мабуку. Во всяком случае, именно он взял на себя ответственность за изгнание врага и восстановление мирной жизни. В своих надписях (необычен сам факт существования надписей, составленных от имени человека, который формально не носил титул царя) Кудур-мабук указал, что он «установил мир в Уре и Ларсе», «собрал разбежавшееся население, навел порядок в войсках, сделал землю/страну мирной, снес голову ее врагам», «не делал зла Ларсе и Ямутбалу» (RIME 4, 266 ff.). После смерти Варад-Сина на престол в Ларсе был посажен другой сын Кудур-мабука, Рим-Син. Судя по тому, что тот царствовал 60 лет и был смещен с престола насильно, когда Хаммурапи завоевал Ларсу, в момент прихода к власти это был еще совсем молодой человек.

14. Рим-Син (1822–1763). Рим-Син был одним из самых долго царствовавших правителей в Южной Месопотамии. Он правил почти 61 год (1822–1763). Его отец Кудур-мабук активно участвовал в государственной деятельности первые годы его правления (до 1814). В это время территория государства простиралась примерно на 250 км с юга на север, занимая восточную часть аллювия. На западе границы проходили вдоль Евфрата от побережья залива и Ура на юге до Урука. На юго-востоке она включала города Куталла, Бад-тибира до Гирсу, далее на северо-восток — Забалам, Адаб, Машкан-шапир. В нее входил и расположенный к юго-западу от Машкан-шапир Ниппур. Граница с Вавилоном проходила к западу от Машкан-шапир. Связь между отдельными регионами не всегда была простой, особенно на юге и юго-востоке, где пространственные болотистые территории окружали Ур и Гирсу.

Первые годы правления Рим-Сина, когда его отец был еще жив и активно действовал, а сам он был, вероятно, еще очень молод, были заняты строитель-

³⁹ Сохранились документы, зафиксировавшие договоры частного характера, при составлении которых клятвы были принесены сразу двумя именами — Кудур-мабука и Варад-Сина (YOS 5 127), от 1823 г. (12-й год Варад-Сина) и неопубликованный текст NBC 10448 от 1824 г. (10-й год Варад-Сина, см. Fitzgerald 2002: 135).

ством храмов и установкой в них статуй. Эти события нашли свое отражение в датровочных формулах (Stol 1976). В 1821 г. до н. э. Рим-Син установил медную статую своего покойного брата в заупокойном (?) храме Эгальбарра; в 1820 г. до н. э. — четыре медные статуи своего отца в храме Нанны, и в 1818 г. до н. э. в Эгальбарра были установлены еще две медные статуи Кудур-мабука и медная стела. В 1816 г. до н. э. была изготовлена золотая статуя царя Син-иддинама, позднее, в 1812 г. до н. э., в храме Уту были установлены две медные статуи царя Рим-Сина. В Ларсе были построены новые храмы или святилища для таких богов, как Адад, Энки, Инанна, Нанайа. Царь обязан был заботиться не только о главном божестве своей столицы, но и о главных богах городов, которые были под его властью. Храмовое строительство велось в эти годы во многих городах южной части государства: Уре, Ашдуббе около Ларсы, Зарбилуме (к северо-востоку или северу от Ларсы), Каркаре⁴⁰.

Отец Рим-Сина Кудур-мабук умер около 1814 г. до н. э., и это сразу отразилось на политической ситуации. В следующем, 1815 г. до н. э., Ларса потеряла город Ниппур. До 1802 г. до н. э. он оставался под контролем Исына. Усиление военной угрозы со стороны соседей заставило Рим-Сина заняться возведением стен вокруг приграничных (?) городов Ишкун-Шамаш и Ишкун-Нергал. Новые фортификационные сооружения были построены на северо-востоке, в городе Машкан-шапир были возведены новые стены и большие ворота. Машкан-шапир оставался важнейшим северным центром государства, где были сосредоточены «войска Ямутбала» и откуда они могли направляться на запад и на север, в частности в Эшнунну (TCL 10 54). Скорее в поддержку Эшнунны, а не для нападения на нее⁴¹.

Ирригационные проекты Рим-Сина. Датировочные формулы первых тридцати лет правления Рим-Сина не менее восьми раз упоминают о масштабных работах по прорытию новых и восстановлению и расширению старых каналов⁴². Об этих же событиях рассказывается и в ряде его надписей (RIME 4, 290–293). Не менее семи крупных проектов по прорытию каналов были осуществлены в период с 1810 по 1796 г. до н. э., в том числе в 1804 г. до н. э. в юго-восточной части государства был прокопан масштабный канал от Гирсу до залива, соединивший Тигр с морем.

Политическая нестабильность, предшествовавшая воцарению династии Кудур-мабука, привела, вероятно, ко множеству местных катастроф и нарушила систему ирригации на территории, которую контролировала Ларса⁴³. Чтобы

⁴⁰ Точное местоположение города неизвестно, возможно, он располагался между Адабом и Уммой (Powell 1980).

⁴¹ Эшнунна, располагавшаяся к северо-востоку от Вавилона, вероятно, стала союзником Ларсы еще в 1801 г. до н. э. (22-й год Рим-Сина). Документы и письма этого времени показывают, что между двумя царствами были тесные торговые связи. В 1766 г. до н. э. (58-й год Рим-Сина) Эшнунна была завоевана Эламом, а в следующем, 1765 г. до н. э. ее завоевал Хаммурапи.

⁴² Следующие 30 лет его правления датировались стереотипными формулами, в которых последовательно указывалось количество лет, прошедших со времени завоевания города Исына.

⁴³ Ирригационные системы городов, располагавшихся на самом юге Южной Месопотамии, были весьма уязвимы со стороны соседей, живших севернее, выше по течению Тигра и Евфрата. Можно

восстановить и расширить ее, требовались очень большие усилия и разработанный план действий. Такой план, скорее всего, был у Рим-Сина. В течение полутора десятков лет шла последовательная работа по реконструкции и расширению сети ирригационных каналов в подконтрольном Ларсе регионе, начиная с восточной его части, Лагаша и далее в западном направлении в сторону Евфрата. Во многих случаях при проведении этих работ должны были использовать многочисленные естественные протоки или русла старых заиленных каналов, расширяя, углубляя и реконструируя их.

Несколько старых каналов были продлены «до самого моря» (датировочные формулы от 9, 16, 19, 23, 24-го года правления Рим-Сина, RLA II, 161–163). По крайней мере в четырех случаях работы проводились на больших водных протоках. В 1815 г. до н. э. был прокопан «до моря» канал Лагаша, в 1808 г. до н. э. — «степной» канал (в районе между Лагашем и Уммой), в 1804 г. до н. э. «Рим-Син прокопал до моря реку Тигр, реку богов, приносящую изобилие», в 1801 г. до н. э. Евфрат, вероятно, одно из его русел, был проведен «от Урука до моря».

Грандиозные работы такого рода проходили и в 1800–1798 гг. до н. э. Одним из крупнейших старых каналов на территории Ларсы был канал под названием Мама-шаррат, «(который получал воды) от Тигра и Евфрата». От него отходили многочисленные меньшие каналы, орошавшие поля. Однако «половина» вод, которые нес канал, не использовалась, а «выливалась в море». Чтобы полностью использовать «вечные воды... Тигра и Евфрата», бог Энлиль повелел Рим-Сину прокопать новый канал, по-видимому, на некотором расстоянии от старого и почти параллельно ему. Это должно было «принести воды благоденствия Шумеру и Аккаду, заставить их многочисленные поля взращивать ячмень, их рощи и сады производить финиковый сироп и вино, их болота поставлять множество рыбы и птицы». Исполняя повеление бога Энлиля, Рим-Син велел прорыть рядом со старым каналом Мама-шаррат другой канал, названный Тукмат-Эрра. Этот канал, по-видимому, представлял собой достаточно сложную ирригационную систему с дамбами и резервуарами для хранения воды (RIME 4, 292–293).

Такие масштабные ирригационные работы позволяли не только восстановить старые сельскохозяйственные угодья, но и заселить и обустроить новые территории, расширив пахотные площади. В своих надписях и датировочных формулах Рим-Син постоянно сообщает, что он увеличил (число) поселений на берегах прорытых каналов, возделал обширные новые пашни, вернул городам их поля, прокопал канал, приносящий изобилие в Ларсу, снабдил Ур хорошей водой, «установил пищу для еды и воду для питья своему многочисленному народу».

О реальных масштабах этих работ можно судить только предположительно. Канал, который был прокопан в 1801 г. до н. э. «от Урука до моря», был в длину, вероятно, около 50 км. Скорее всего, в ходе работ расширили и углубили

вспомнить ситуацию в Ларсе, которая возникла в конце правления Сумуэля. В этом плане завоевание Иси-на было, вероятно, насущной необходимостью для безопасного существования независимой Ларсы.

уже существовавшее старое русло, но и в этом случае, при действовавших тогда нормах выработки на землекопных работах, не менее 1925 человек должны были работать в течение 60 дней (Renger 1990: 36). В одной из надписей, где сообщается о проведении канала Тукмат-Эрра, есть упоминание о том, кто работал на рытье канала: «...я собрал с холмов и долин многочисленных людей, которых Энлиль дал мне, своей великой силой я заставил их сделать (эту) работу». Основной рабочей силой на этих проектах было, очевидно, сельское население.

Одновременно с осуществлением ирригационных проектов, начиная с 1810 по 1793 г. до н. э., Рим-Син проводил активную и успешную военную экспансию, расширяя границы своего государства. В 1810 г. до н. э. он разгромил военную коалицию Урука, Исина и Вавилона, которым помогали город Рapiкум (он располагался на Евфрате севернее Вавилона) и сугии, представители одного из западносемитских племен (Mieroop 1993: 51 ff.). Несколько небольших поселений недалеко от Урука перешли под контроль Ларсы, однако сам Урук пока сохранял свою независимость. В последующие годы Рим-Син продолжил успешные военные походы против Урука. Он захватил город Дурум, недалеко от Урука, Кисурру (примерно в 20 км к востоку от Исина), а в 1801 г. до н. э. наконец захватил и город Урук, присоединив его территорию к Ларсе. В 1802 г. до н. э. Ларса вернула себе контроль над главным культовым центром Южной Месопотамии, городом Ниппуром, после чего Рим-Син был обожествлен и в текстах перед его именем начали ставить знак божества, а в своих надписях он уже на полном основании называл себя «царем Шумера и Аккада».

Самыми сильными политическими структурами в Южной Месопотамии помимо Ларсы, территория которой занимала всю восточную и юго-восточную часть региона, в это время оставались Исин и Вавилон, занимавшие северо-западную часть аллювия. Однако Исин, теснимый Вавилоном, уже не мог соперничать с Ларсой. В 1794 г. до н. э. войска Ларсы захватили город Дуннум, один из самых важных городов государства Исин, а в следующем 1793 г. до н. э. Рим-Син сумел осуществить свою главную задачу — завоевать Исин. После этого Рим-Син на некоторое время стал самым сильным правителем Южной Месопотамии. Под его властью оказалась почти вся территория, некогда входившая в состав государства Ур III, в том числе такие древние города, как Эриду, Ур, Урук, Ниппур, Исин и др. Таким образом, Рим-Сину удалось на практике реализовать претензии на роль наследника государства Ур III, которые были не только у правителей Исина, но и у многих правителей Ларсы⁴⁴. Уничтожив царственность в Исине, Ларса осталась единственной законной наследницей государства Ур III.

⁴⁴ С этим обстоятельством, по-видимому, связано особое внимание, которое представители династии Кудур-мабука уделяли культовым сооружениям Ура, прежде всего храму Нанны, а также факт обожествления Рим-Сина. Примером этому могло послужить обожествление Шульги, самого сильного правителя Ур III, вслед за которым приняли обожествление преемники Шульги и позднее цари Исина, которые претендовали на роль преемников династии Ура.

В результате многочисленных военных кампаний к 1792 г. до н. э. почти вся территория Южной Месопотамии, за исключением севера и северо-запада, оказалась под властью Рим-Сина. Ларса превратилась в самое сильное государство Месопотамии того времени, ее границы простирались от Ниппура до Персидского залива. Под контролем Ларсы оказалась вся водная система Евфрата южнее Вавилона. Это было исключительно важно для государства, которое до этого для транспортировки грузов и водоснабжения могло рассчитывать только на канал Итурунгаль (Mieroop 1993: 55). Север аллювия, однако, оставался под контролем Вавилона, для которого Ларса теперь стала серьезным соперником. После того как Исин был завоеван Ларсой, ее земли стали прямо граничить с землями Вавилона.

Значительное расширение территории государства и необходимость обеспечить безопасность на северных границах, где постепенно усиливался Вавилон — все это, по-видимому, потребовало от Рим-Сина серьезных изменений во внутренней политике⁴⁵. О характере этих изменений можно судить только по косвенным свидетельствам. От тридцати лет второй половины правления Рим-Сина из самой Ларсы не дошло почти никаких сведений о деятельности этого царя. Единообразные датировочные формулы, последовательно фиксирующие года «эры Исина», не содержат никакой исторической информации⁴⁶. Из 19 сохранившихся надписей Рим-Сина только две были составлены после взятия Исина. Прекратилась или приостановилась строительная деятельность в культовых центрах Ура. Последнее упоминание главной жрицы храма Нанны относится к 1803 г. до н. э. (21-й год Рим-Сина, UET 5 343). Резко сократилось и количество административных документов в Уре, особенно после 1793 г. до н. э. (29-й год Рим-Сина). Равномерный поток административных документов в этот период сохранялся, по-видимому, только в Ларсе и Ниппуре, в остальных городах юга количество документов значительно уменьшается.

Основным направлением хозяйственных и административных реформ, предпринятых Рим-Сином, была, вероятно, централизация управления, все нити которого были сосредоточены в столице государства — Ларсе в руках

⁴⁵ В. Леманс рассматривал эти изменения как результат усиления центральной власти, а М. Мируп — как признак слабости, необходимость вводить более прямой контроль за управлением земель и ресурсами ввиду все усиливавшейся военной угрозы со стороны Вавилона (Leemans 1950, 113–12; Mieroop 1993, 67).

⁴⁶ После завоевания Исина изменился характер датировочных формул, т. е. официальных названий последовательных лет правления Рим-Сина. В течение ряда лет до этого события эти формулы постепенно становились все более и более пространными, так что превратились по существу в небольшие «царские надписи», ежегодно фиксировавшие достижения царя. Поскольку необходимо было датировать все документы, и административные, и частные, написание таких объемных многострочных формул вызывало, вероятно, определенные сложности. Все года после 1792 г. до н. э., т. е. после завоевания Исина, стали называть по этому событию. С этого времени в датировках изменялось только цифровое обозначение: «1-й год после того, как Исин был взят», «2-й год после...», «10-й год после...» и т. п., вплоть до последнего года правления Рим-Сина, который назывался «год 31-й после того, как Исин был взят». Такая система датировок может рассматриваться как введение эры отсчета лет. Одновременно были проведены какие-то не очень ясные изменения в календарной системе, которые коснулись, предположительно, в основном административного делопроизводства (Robertson 1983).

прежде всего царской (т. е. назначаемой царем), а не местной городской администрации. После 1802 г. до н. э., когда Ниппур был возвращен в состав Ларсы, а Рим-Син принял обожествление и стал называть себя «царем Шумера и Аккада», все большую роль в управлении, судя по административным документам, начали играть люди, тесно связанные с царем родственными узами или отношениями личной преданности. В именах собственных лиц, которые занимали самые важные административные позиции, появилось имя «бога Рим-Сина», а в надписях на своих печатях эти люди называли себя «рабами/слугами бога Рим-Сина» (подробнее об этом см. главу XIX). Старая городская элита, по-видимому, во многом потеряла свои позиции в распоряжении городскими материальными ресурсами (сбор налогов и повинностей, межрегиональная торговля). Контроль над ними в значительной степени перешел к представителям царской администрации, которые назначались царем.

Начиная с 1798 г. до н. э. в частнопроводных документах из Ларсы появляются периодические упоминания о царских указах (*šimdat šarrim*), в соответствии с которыми аннулировались некоторые виды кабальных сделок. Люди, вынужденные продавать свои дома и сады, своих родственников или даже самих себя за невыполнение долговых обязательств, в соответствии с этими указами получали возможность освободиться от рабства или вернуть свое имущество. Долговые обязательства были связаны главным образом с неуплатой налогов, а кредиторами в этих случаях выступали чаще всего представители высшей администрации. Царские указы должны были облегчить положение части горожан и расширить социальную базу, на которую могла опираться центральная власть, и в определенной степени ослабить городскую/местную элиту⁴⁷.

Отсутствие прямой информации (царских надписей и разнообразных датировочных формул) по политической истории государства во второй половине правления Рим-Сина создает обманчивое впечатление пассивности Ларсы во внешней политике, отсутствия какой-либо видимой реакции на постепенное усиление Хаммурапи Вавилонского и приближение территории Вавилонии к границам Ларсы. Однако это было далеко не так.

Косвенную информацию об этом этапе правления Рим-Сина содержат письма из Мари, в которых посланники царя Мари Зимри-Лима (1775–1762) описывали общеполитическую ситуацию и сообщали данные разведки о состоянии дел в различных городах (Heimpel 2003). Судя по этим сведениям, самыми сильными игроками на политической сцене Ближнего Востока в это время были Ларса, Эшнунна и Вавилон в Южной Месопотамии, Мари и Ямхад — на западе

⁴⁷ Немаловажным было и то, что после многих лет успешных военных действий в распоряжении Рим-Сина оставалась многочисленная армия, которую надо было содержать и поддерживать ее боеготовность и в мирное время. Это обстоятельство могло быть одной из причин, по которой Рим-Син постарался сломить влияние старой элиты и предоставить определенные привилегии своим войнам — выдавать им земельные наделы, с которых в мирное время они должны были платить определенные налоги (Leemans 1950: 117 ff.). Деятельность Рим-Сина в этом направлении во многом предвосхищала реформы Хаммурапи.

Великой Месопотамии и Катна — в Южной Сирии. Правящие династии этих государств (в основном аморейские) активно боролись между собой за лидерство на политической сцене. При этом использовались все возможные дипломатические и военные методы: заключение династических браков, торговые соглашения, подношение даров, тайные военные альянсы, сбор разведывательных данных и т. п. Рим-Син поддерживал дипломатические связи с правителями этих государств, вел переписку с некоторыми из них (Катна, Вавилон, Эшнунна). В какой-то момент наметилась даже коалиция между Рим-Сином и Шамши-Ададом и они совершили общий военный поход против неизвестного врага (AbB 8 15).

Рим-Син поддерживал активную дипломатическую переписку и с Хаммурапи. Возможно, между ними даже были какие-то договоренности по поводу военного партнерства. События, которые привели к завоеванию Ларсы войсками Хаммурапи, довольно подробно освещены в архиве из Мари (Heimpel 2003: 553). Где-то на рубеже 50–60-х гг. 18 в. до н. э. Хаммурапи вел переговоры с рядом своих союзников по поводу заключения военного союза для борьбы с продвижением Элама на территорию Месопотамии в районе Эшнунны. В Машкан-шапир из Вавилона для переговоров с Рим-Сином были посланы высокопоставленные дипломаты. Рим-Син уверил Хаммурапи, что будет поддерживать его войсками в случае необходимости, однако посылать своих воинов не торопился и даже не стал возвращать Хаммурапи воинов, которые дезертировали из вавилонской армии и бежали в Ямутбал (Heimpel 2003: № 26 368). Вскоре после этого Рим-Син фактически превратился во «врага Хаммурапи», а войска союзников Рим-Сина стали совершать набеги на вавилонские территории (Heimpel 2003: № 26 372). Еще в одном письме приводятся слова Хаммурапи по поводу этих событий. «Поскольку ларсянин постоянно беспокоит мои земли военными набегами... я обратился к богам Шамашу и Мардуку за советом, и они сказали: “Да”». Далее в письме цитируется обращение Хаммурапи к войскам: «Идите, пусть боги идут впереди вас. Если вам повезет и город (Машкан-шапир) откроет ворота перед вами, примите его мир. Если не откроет (захватите его?) и пошлите за мной» (Heimpel 2003: № 27 156, 27 158).

В это время самого Рим-Сина в Машкан-шапир не было. В городе находился Син-мубаллит, брат Рим-Сина, военачальники и несколько тысяч воинов. Вавилоняне окружили город, ожидая, что через три–четыре дня осады город откроет ворота (Heimpel 2003: № 26 386). И действительно, после короткой осады Машкан-шапир пал, а Син-мубаллит, три его генерала и несколько тысяч воинов попали в плен. Местные отряды Ямутбала были присоединены к войску Хаммурапи, которое двинулось против Ларсы. Судя по письмам из Мари, осада самой Ларсы (1763 г. до н. э.) длилась около шести месяцев. Когда город был захвачен, Рим-Син был взят в плен и вместе со своими близкими и имуществом увезен в Вавилон (Heimpel 2003: № 27 156, 27 158). О дальнейшей судьбе царя ничего не известно.

Ларса при Хаммурапи. Когда Хаммурапи завоевал Ларсу (в 1763 г. до н. э.), ему нужно было позаботиться о том, чтобы не разрушать город, который он

предполагал превратить в организационный и управленческий центр всего юга аллювия, но восстановить прежний порядок как можно скорее. Ларса действительно не была разрушена (как позднее был полностью разрушен город Мари). Сразу же после завоевания часть городского населения была призвана в войско, вероятно, для предстоящего военного похода против Мари⁴⁸. Одновременно Хаммурапи издал указ «об освобождении». Провозглашение такого рода указа в первый год правления нового царя было традицией, которая подтверждала легитимность преемника престола. Хаммурапи таким образом подчеркивал законность своего правления в Ларсе и представлял себя как царя-пастыря, который заботится о населении города.

После завоевания Ларсы Хаммурапи правил еще более 12 лет (до 1750 г. до н. э.). Все это время город Ларса сохранял свое значение как важнейший хозяйственный центр юга. Здесь сидел наместник вавилонского царя, под контролем которого находились не только собственно город, но и территории к востоку от Ларсы (Лагаш) и к западу (Ур, Урук). Именно сюда стекались все налоговые поступления с юга, которые затем направлялись в Вавилон. При Хаммурапи в городе шло активное строительство. Был построен огромный монументальный комплекс общественных зданий с храмами и ремесленными мастерскими (Margueron 1997: 332). В конце своего правления Хаммурапи возглавлял самое сильное и большое государство Месопотамии. Не только Ларса, но и Элам, Эшнунна, Ашшур, когда-то соперничавшие с ним в борьбе за лидерство, оказались под полным его контролем. Только далеко на западе сохранялись аморейские государства, не затронутые его прямым влиянием (Ямхад, Катна)⁴⁹. Однако в границах, созданных Хаммурапи, Вавилон просуществовал только 20 лет.

⁴⁸ Сохранилась большая табличка со списком примерно 200 работников-ткачей из числа жителей Ларсы, которые вскоре после завоевания Ларсы были призваны Хаммурапи в армию для похода против бывшего союзника Вавилона Мари (Bonchi 1993).

⁴⁹ О ситуации на юге Месопотамии, и в частности в Ларсе, после включения этой территории в состав Вавилонского государства при Хаммурапи и его преемниках см. главу XX.

Глава XIV

Резидентные кварталы и население города Ларса

Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н. э. Данные археологии о структуре городского пространства Ларсы в 19–18 вв. до н. э. Этнический состав населения города по именам собственным и надписям на печатях. Городские кварталы: Амуррум-тиллассу (YOS 8 153; YOS 12 307). Городские кварталы: Элмешум (VS 18 I, 101). Заключение.

Приложение: договор от 1807 г. до н. э. о продаже части жилого дома двумя братьями (TCL 10 128) (Jean 15), и соглашение (заключено между 1797 и 1790 гг. до н. э.) о выплате компенсации одному из продавцов за проданный 10 лет назад дом (TCL 10 132) (Jean 18).

В начале II тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии по-прежнему существовали десятки крупных городов с населением от 15 до 50 тысяч человек, большинство из которых сформировалось еще в начале III тыс. до н. э. В их числе был и город Ларса, занимавший важную стратегическую позицию на юго-востоке региона. С точки зрения организационной структуры каждый такой город, изначально возникший на основе объединения нескольких сельских общин, представлял собой иерархическую систему, которая состояла из различных по масштабам, но примерно одинаковых по внутреннему устройству крупных хозяйств, со своими пахотными землями, садами, городской территорией и персоналом. Во главе одних хозяйств стояли чиновники-администраторы (гражданские и храмовые), другими владели и управляли отдельные представители старой городской элиты. Все эти структуры были соединены в общую систему в рамках городского хозяйства, которым руководил правитель города или царь.

Такая организационная структура города отражалась и на характере планировки внутригородского пространства. В большинстве случаев археологи от-

мечают четкое деление внутригородской территории на отдельные резидентные зоны (кварталы), каждый из которых, во всяком случае изначально, был, вероятно, заселен представителями какого-либо одного крупного хозяйства. Обитатели такого квартала были объединены не только родственными и соседскими отношениями и почитанием своего божества, но и тесными хозяйственными связями. В их общем владении находились и определенные сельские угодья, и та часть городской территории (квартал), где располагались их дома.

Все или подавляющая часть горожан были в той или иной мере связаны с городскими хозяйствами, в которых они имели определенный служебный статус (от простого работника до главы хозяйства) и от которых получали средства к существованию (в виде земельных наделов или натуральных выдач, или того и другого) в зависимости от занимаемого ими положения. Владение домами и участками городской земли, как и право на получение земельного надела или содержания, также изначально было связано со служебными обязательствами перед хозяйством, к персоналу которого принадлежала данная семья. В течение многих столетий поколение за поколением горожане передавали по наследству свое положение во внутренней иерархии хозяйства и связанные с этим статусом владения в городе, право на получение земельных наделов и выплат, а выморочное имущество, если таковое бывало, возвращалось в распоряжение хозяйства или города. Формально горожанин не мог продать свой дом или его часть постороннему человеку, не связанному с данным хозяйством, так же как он не мог продать свое служебное положение, так как это означало бы «размывание», разрушение хозяйства. Жизненная практика, естественно, вносила свои коррективы в эту систему, сложившуюся еще в период формирования городов в конце IV — начале III тыс. до н. э.

Со временем излишки владений, будь то сельские угодья или дома в городе, стали сдавать в аренду, извлекая дополнительную прибыль. Следующим шагом в этом направлении стала долгосрочная аренда в форме продажи. Наследственное владение продавалось за цену, равную трех-пятилетней арендной плате; по окончании этого срока теоретически оно должно было вернуться к первоначальному владельцу, но на практике это, вероятно, происходило далеко не всегда. Однако и при этом не могло быть и речи о продаже наследственного семейного владения постороннему человеку. Сделки заключались только в кругу родственников или соседей. Изменения коснулись и такого вида имущества, как право на долю храмовых ресурсов, которые полагались лицам, исполнявшим в храмах некоторые постоянные служебные обязанности, не требовавшие специальных знаний. Такие должности на протяжении многих поколений оставались в рамках определенной семьи или рода. С начала II тыс. до н. э. обязанности, которые необходимо было исполнять круглый год, и связанные с ними доходы стали делить на части между наследниками, так что каждый мог получить право на полгода, месяц или даже несколько дней исполнения должности и на соответствующую долю доходов. Со временем эти обязательства стали передавать в качестве дара, продавать и даже сдавать в аренду.

В таких условиях человеку со стороны можно было временно поселиться с разрешения администрации на окраине города или в специальных кварталах для приезжих и торговцев, но внедриться в городскую среду, стать полноправным наследственным горожанином, было весьма не просто. Чтобы стать горожанином, надо было стать членом какого-либо городского, родственного или служебного коллектива, т. е. либо приобрести недвижимость через покупку или пожалование, либо породниться с городской семьей, либо поступить на службу в какое-то крупное хозяйство.

В самом конце III — начале II тыс. до н. э. многие города Южной Месопотамии, история которых к тому времени насчитывала уже более тысячи лет, пережили целый ряд военных и природных катастроф. Сильное централизованное государство (государство III династии Ура), в рамках которого они существовали предшествующие полтора столетия, распалось. Соседи с запада и северо-запада (западноеврейские племена амореев) и с востока (эламитяне), пользуясь ослаблением центральной власти, совершали военные набеги на города, грабили и разоряли сельское население. Такая ситуация сохранялась в течение нескольких десятилетий, так что к 19 в. до н. э. некоторые города Южной Месопотамии были полностью или частично разрушены, а оставшееся в живых население по большей части рассеялось в поисках безопасных мест обитания. Несколько старых городов так и не смогли оправиться от этой катастрофы и со временем были оставлены жителями (Эриду, Шуруппак, Кеш), но большинство городов через несколько десятилетий после этих катастрофических событий постепенно вновь начали отстраиваться и заселяться.

Период истории Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. исследователи иногда называют «аморейским», поскольку в это время в большинстве городов региона к власти пришли аморейские династии¹. От первых веков II тыс. до н. э. сохранилось множество надписей, составленных в основном на шумерском языке, в которых аморейские цари, правившие в это время в разных городах Южной Месопотамии, описывали свою деятельность по восстановлению разрушенных городов (RIME 4). Чаще всего в этой связи упоминается реконструкция разрушенных храмов и восстановление прежнего порядка культовых служб, ремонт и строительство городских стен и ирригационных сооружений. Обязательно говорится и о том, что цари собирали горожан, рассеянных войной, и возвращали их на прежние места обитания. В надписях, таким образом, особо подчеркивается тот факт, что одновременно с восстановлением внешней городской среды, аморейские цари прилагали большие усилия для возрождения привычной городской жизни в ее прежних хозяйственных и социальных формах.

¹ Одна из аморейских династий, правившая в городе Вавилоне (так называемая I вавилонская династия), смогла в середине 18 в. до н. э. вновь объединить всю территорию Южной Месопотамии (и часть Северной) под властью шестого представителя этой династии — царя Хаммурапи.

Примерно через 150–200 лет после катастрофы, случившейся на рубеже тысячелетий, восстановленные города не только достигли своей прежней площади, но и превзошли ее. Это хорошо видно по археологическим планам, которые свидетельствуют, что городская застройка в это время начинает как бы перекипать через край, выплескиваясь далеко за пределы городских стен предшествующего периода. Так, например, город Эшнунна, находившийся на крайнем северо-востоке Южной Месопотамии, в начале II тыс. до н. э., как показывают данные археологии, значительно расширил свои границы, образовав новые районы, по площади в несколько раз превышавшие старый город. Площадь резидентной застройки города Ура, располагавшегося на самом юге аллювия, увеличилась в это время более чем на 10 га и достигла 60 га (Mieroop 1992: 7). Значительно увеличилась площадь Сиппара (северо-западная часть Южной Месопотамии) и Ниппура (центральная часть Южной Месопотамии).

Совершенно очевидно, что такое расширение площади жилой застройки в городах означало и значительное увеличение численности городского населения. Помимо возвращения местного населения в города цари помогали поселиться в городах и своим соплеменникам амореям. В некоторых случаях они дарили своим приближенным участки городской земли, оставшиеся по каким-то причинам без владельцев. Позднее процесс перераспределения городских участков происходил уже в рамках семейных групп новых горожан, которые помогали своим родственникам и соплеменникам вступить в число полноправных горожан, продавая им крошечные участки городской земли (Kozuyeva 1999).

Примеры такого рода известны из ряда городов Южной Месопотамии аморейского времени. Правители города Эшнунны, например, не только породнились с представителями некоторых знатных аморейских родов, но и разрешили им поселиться в городе, образовав здесь несколько новых жилых кварталов. Город Сиппар вырос за счет расширения пригородных зон, названия которых (Сиппар-Амнанум и Сиппар-Яхрурум) соответствовали названиям аморейских племен амнанум и яхрурум, представители которых составляли основное население этих территорий.

Археология Ларсы. Город Ларса, занимавший площадь более 30 га и насчитывавший примерно 15–20 тысяч жителей, располагался на берегу огромного канала, который пересекал Южную Месопотамию с востока на запад и соединял протоки Тигра и Евфрата. В северо-западной его части находились огромный административно-храмовый комплекс (Эбаббар) и зиккурат, дворец царя Нур-Адада и несколько очень больших зданий площадью до 3000 кв. м, представлявших собой, вероятно, резиденции или дворцы. На юго-западной окраине города размещались ремесленные мастерские, в основном гончарные. Здесь были обнаружены более 25 гончарных печей, более десятка колодцев и несколько больших строений, состоявших из одного большого помещения, служившего, предположительно, мастерскими или складами. Археологи обнаружили здесь груды разбитых кирпичей и керамики, покрывавшие всю эту территорию.

Основная жилая застройка (резидентные кварталы) занимала северо-восточную часть города. Значительная часть зданий, образывавших резидентную часть города, была построена в самом начале II тыс. до н. э. примерно по одному плану. Археологи смогли достаточно тщательно обследовать только несколько десятков зданий, располагавшихся на севере города в некотором отдалении от основной застройки, ближе к городской стене (Calvet 1996). По площади они варьировались следующим образом: 5 домов площадью менее 150 кв. м, 8 — от 170 до 280, 10 — от 480 до 610 и 19 — от 880 до 6300 кв. м. При этом, судя по расположению домов, сначала были построены самые небольшие и средние здания, позже были возведены самые большие дома. Причем в отличие от того, что было найдено в других городах Южной Месопотамии, например в Уре, где (в обследованных кварталах) дома располагались достаточно плотно, образуя улицы, здесь здания были разбросаны по большой территории на расстоянии в 10 и более метров друг от друга.

Большинство домов имели в плане стандартную прямоугольную форму. В центре располагался открытый двор, вокруг него — комнаты. В каждом доме находились один-два больших приемных зала, несколько комнат и подсобных помещений. Возможно, дома были двухэтажными, найдены следы лестницы, которая вела на второй этаж. Здания стояли на прочном фундаменте из необожженных кирпичей. Нижняя часть стен в 1–1,5 м высотой была сделана из обожженного кирпича, верхняя часть стен — из необожженного. Полы — прибитая земля, иногда — обожженный кирпич. Под полом одного из самых больших залов находился семейный склеп. Дома, по-видимому, были оборудованы системой канализации, устроенной из керамических труб. К каждому зданию примыкала дворовая территория площадью от 100 до 200 кв. м.

Время существования этих домов было относительно коротким, не более трех-четырех поколений, примерно 100 лет, с середины 19 до середины 18 в. до н. э.² Кто жил в этих просторных домах? Можно только предполагать, что это были очень богатые городские семьи. Некоторые из них, скорее всего, поселились в Ларсе в 20–19 вв. до н. э. вместе с аморейскими царями³.

Значительная часть клинописных документов 19–18 вв. до н. э. из таких городов, как Ниппур и Ур была найдена *in situ*, т. е. там, где они были оставлены в древности. Это дало исследователям возможность сопоставить содержание

² Здания были обнаружены сильно поврежденными, содержимое склепов было вынесено в древности. Документов было найдено очень мало, поскольку дома, вероятно, были разграблены искателями табличек в 30-е гг. XX в. н. э. Тем не менее обнаруженные предметы и эпиграфика позволили установить, что дома были покинуты где-то во второй половине 18 в. до н. э. (Calvet 1996).

³ Можно сравнить со сходной ситуацией того же времени в Уре в районе CLW (см. гл. XII). Семья Адад-гугаллима, возможно, аморейского происхождения, поселилась на северо-восточной окраине Ура где-то в середине 20 в. до н. э. Сам Адад-гугаллим в 1817 г. разделил имущество со своим партнером/родственником. Помимо 10 рабов и различной домашней утвари они поделили участок заброшенной земли в городе площадью около 500 кв. м и дом около пристани площадью 90 кв. м. Уже после раздела Адад-гугаллим только по сохранившимся документам приобрел более 150 кв. м жилых строений, около 9 га садов и около 17 га земли под сады в пригороде, выплатив продавцам не менее 3 кг серебра. Вероятно, его семья занималась торговлей и была достаточно богата, чтобы расширять свои владения в городе.

документа и археологический контекст, частью которого он являлся (Charpin 1986; 1990; Stone 1987; Дьяконов 1990; Mieroop 1992). Комплексное исследование данных позволило в ряде случаев восстановить имена обитателей тех или иных домов и улиц древнего города, изучить семейные и деловые связи этих людей, сравнить имущественное положение и социальный статус жителей разных городских кварталов. Однако основная масса уже опубликованных документов первых веков II тыс. до н. э. из Ларсы попала в музеи не в ходе систематических археологических раскопок, а из рук перекупщиков и в результате случайных находок. Эти документы невозможно привязать к археологическому контексту⁴, поэтому в исследовании характера городской структуры и социума Ларсы приходится полагаться главным образом на свидетельства письменных источников. При этом надо учитывать, что повседневная жизнь основной массы городского населения очень редко требовала письменной фиксации и те документы, которыми мы располагаем, отражают административную и частную деятельность наиболее активной и обладавшей определенными материальными ресурсами части горожан.

В ряде текстов из Ларсы упоминается термин «городской квартал» (шум. *dag.gi4.a*, акк. *bābtum*), неоднократно встречающийся и в синхронных текстах из Эшнунны, Ура и Ниппура. Эти документы (договоры, касающиеся городской недвижимости, и судебные протоколы) позволяют высказать некоторые предположения о структуре городского населения Ларсы.

Население города Ларсы в начале II тыс. до н. э. С середины 19 в. до н. э. город Ларса на протяжении более чем ста лет являлся крупнейшим политическим, хозяйственным и административным центром Южной Месопотамии. Сюда приезжали торговцы, дипломатические представители, посланцы из городов Южной Месопотамии и всего Ближнего Востока (от Катны до Суз), переселенцы из других городов, вынужденные покидать свои дома из-за разрухи вследствие военных действий или изменения экологии, родственники и соплеменники новых аморейских правителей⁵.

Наиболее ранние данные такого рода свидетельствуют о переселенцах из Эриду (Charpin 1986: 341–489). В конце III — начале II тыс. до н. э. население постепенно покидало этот город, пришедший в упадок из-за усугубившихся экологических проблем. Где-то в середине 19 в. часть культового персонала храма Энки в Эриду, вероятно, переселилась в Ур. Храм Энки в Уре находился в юго-восточной части города, но вновь прибывшие, во всяком случае какая-то их часть, поселились в центральном храмовом квартале ЕМ. Среди них, возможно, была и семья известного Бальмунамхе (подробнее см. гл. XVI). Он и его отец купили в 30-е гг. 19 в. огромный земельный участок в Уре у храма Нанны (YOS 5 122), но в Уре жить не стали, а поселились в Ларсе. Семья Бальмунамхе поддерживала тесные отношения с семьей Кудур-мабука. Сам Бальмунамхе в надписи

⁴ Попытка такого рода была предпринята Д. Шарпеном (Charpin 2003), но она пока остается на уровне гипотезы (см. главу XVI).

⁵ Группа текстов из Ларсы времени Син-иддинама упоминает выдачи людям, пришедшим из разных мест, Эшнунна, Диниктум, Кимаш, Терка, Шашиллани. Рапикум, Малгиум, Дер (Goetze 1950).

на своей печати называл себя «рабом (царя) Варад-Сина». Здесь, в Ларсе, семья жила на протяжении почти ста лет, пока город не был разрушен Самсуилуной, сохраняя свои материальные ресурсы и высокое положение⁶.

Именно потомки тех, кто переселился или был переселен в город Ларса после падения государства III династии Ура, составляли в рассматриваемый период значительную часть наиболее активного в деловом отношении населения города (Kozyreva 1999). Часто эти переселения производились с помощью царя или даже по его инициативе. Цари дарили этим семьям городские участки и поля, поддерживали тесные связи с представителями этих семей, многие из которых на новом месте сразу заняли очень высокое положение в культовой или административной иерархии.

В административно-хозяйственных записях и частноправовых документах из Ларсы этого времени упоминаются несколько тысяч имен собственных жителей города; имена и отчества горожан сохранились также на оттисках печатей, которые прикладывали к документам. Подавляющее большинство из них (более 80 %) составляли аккадские имена, сравнительно небольшое количество (около 5 %) — шумерские, почти столько же западносемитских/аморейских (около 4 %). Встречаются отдельные эламские и хурритские имена и имена неясной этимологии. Однако характер имен собственных отражал этнический состав городского населения только косвенным образом.

Переселенцы старались приспособиться к местным традициям, что видно на примере выбора имен для детей. С каждым новым поколением они становились все более традиционными для данного города. Все чаще в имена детей включали имена главных богов местного городского пантеона, т. е. официальную номенклатуру, а чужеземные (прежде всего западносемитские) имена становились аккадизированными или просто вытеснялись аккадскими. Более разнообразную информацию такого рода можно получить, анализируя и сопоставляя имена богов, которые встречаются в теофорных именах собственных и в надписях на печатях, владельцы которых называли себя «рабом бога DN» (подробнее о надписях на печатях см. гл. XIX). Особенно часто в этой связи встречается имя бога Амурру, культ которого, вероятно, активно поддерживался в семьях западносемитских (аморейских) переселенцев в Ларсу⁷. Имя этого божества содержит почти треть всех сохранившихся надписей на печатях горожан⁸. Новые жители из числа амо-

⁶ В надписях на своих печатях представители этой семьи называли себя «рабами бога Энки и богини Дамгальнунны», эти же божества неоднократно упоминаются в ономастике семьи, так же как и топоним Эриду (Эриду-ливир). О сохранявшихся тесных связях с Эриду свидетельствуют и административные документы, связанные с деятельностью представителей этой семьи, в которых упоминаются расходы на жертвоприношения и украшение храмов Энки в Эриду и Ларсе.

⁷ Имя бога Амурру первоначально могло, возможно, использоваться для обозначения какого-либо западносемитского божества, подлинное имя которого было табуировано, как в случае с западносемитскими именами, теофорная часть которых содержала такие элементы, как -el или -lim, заменявшие, вероятно, имя собственное божества.

⁸ Более 700 текстов из Ларсы (LER, TCL 10, 11; YOS 8, 5) сохранили около 200 оттисков печатей с различного рода надписями. Больше половины этих надписей (117) содержат имя и отчество владельца печати и указание, «рабом/служкой» какого бога он является. Среди богов, «рабами» которых называют себя владельцы печатей, наиболее часто упоминаются следующие: d.mar.tu — 31, d.nin.

реев составляли в это время значительную часть городского населения Ларсы, так же как и других городов Южной Месопотамии.

Городские кварталы: Амуррум-тиллассу. Одним из таких «новых жителей» города Ларсы был, очевидно, некий Амуррум-тиллассу (букв. «Бог Амуррум — его опора»). Его имя упоминается в четырех документах (RA 85/1, № 2; YOS 8 153; YOS 12 225, 307), датированных соответственно 1773, 1768, 1743 и 1741 гг. до н. э. (Козырева 2012). Один из документов представляет собой договор купли. В 1743 г. до н. э. Амуррум-тиллассу купил за 19 сиклей серебра раба у четырех продавцов, скорее всего, у семейной группы (YOS 5 225). Три других документа касаются недвижимости — две дарственные записи на его имя и текст судебного решения по поводу одной из этих дарственных. Во всех текстах Амуррум-тиллассу назван «сыном музыканта» (*dumu nar*). Был ли он действительно сыном высокопоставленного музыканта или же входил в число профессиональных музыкантов (как *dumu ummia*, т. е. ремесленник), трудно сказать. Профессия музыканта могла быть связана с исполнением культовых обязанностей или службой при царском дворе. Так, например, в расходных записях времени правления царя Рим-Сина (1822–1760) неоднократно упоминается имя музыканта Ку-Инанна, который в течение ряда лет ежегодно получал из государственного хозяйства по 18 000 л зерна (Козырева 1988: 21–23). Во всяком случае, судя по сохранившимся документам, Амуррум-тиллассу был весьма состоятельным человеком, близким царскому двору, однако приобретение недвижимости в городе Ларса представляло для него, по-видимому, определенную проблему, как это видно из приведенных ниже текстов.

В 1773 г. Амуррум-тиллассу, сын музыканта, получил в дар два участка с жилыми строениями, которые образовывали, судя по описанию их границ, один дом стандартной площадью в 1 сар (35 кв. м), что было зафиксировано в дарственной записи, составленной в городе Ларса 12/VI 1773 г. до н. э., т. е. в 49-й год правления царя Рим-Сина (Anbar, Stol 1991; RA 85/1, № 2).

«²/₃ сар дома покойного Литул-или, сына Луштамар-Сина, возле (дома) Зунавии и возле (дома) Ана-Рим-Син-таклаку, (одна) сторона его (выходит на) улицу. Это дар Амуррум-тиллассу, сыну музыканта. Контролер — Магирум, воин Аплума, главного садовника.

¹/₃ сар дома покойного Шамаш-или, сына Зунавии, возле (дома) Луштамар-Сина и возле (дома) Ана-Рим-Син-таклаку, (одна) сторона его (выходит на) улицу. Это дар Амуррум-тиллассу, сыну музыканта. Контролер — Магирум, воин Аплума, главного садовника».

Договоры дарения имущества довольно часто встречаются среди частныхправовых документов из Ларсы этого времени (СВД 43; YOS 8 141). При этом внутрисемейное дарение (от отца к сыну, от мужа к жене) выводило подаренное имущество из числа общесемейной собственности, подлежащей разделу между наследниками, что было зафиксировано и в законодательстве (3X § 150). Однако

šubur — 20, d.iškur — 7, d.ninsianna — 9. Имена Уту/Шамаша, главного бога Ларсы, и Нанны/Сина, главного бога Ура, и в надписях такого рода встречаются очень редко (подробнее о надписях на печатях см. гл. XIX).

приведенный выше документ не похож на обычную дарственную запись. В нем не указаны условия дарения, не приведены клятвы о ненарушимости договора, нет списка свидетелей и, что более существенно, нет указания на то, кто собственно совершил акт дарения. По форме документ ближе к административно-хозяйственной записи, чем к частноправовому договору. Строение, переданное Амуррум-тиллассу, названо словом «дар» (шум. *níg.ba*, акк. *qištum*), которое обычно встречается в записях, фиксировавших вотивные дары или дарения, произведенные членами царской фамилии (Ahw 9236). Этим же термином «дар» (*níg.ba*) в Ниппуре было названо поле, подаренное царем Энлиль-бани одному из жителей района ТА (YOS 14 321).

Дома, которые получил в дар Амуррум-тиллассу, не были выморочным имуществом. Хотя в документе и указывается, что прежние владельцы дома умерли, в соседних домах, как следует из текста, по-прежнему проживали их ближайшие родственники. С двух боковых сторон к подаренным строениям примыкали дома родителей (отцов) покойных владельцев. Тем не менее после смерти владельцев дома не были возвращены в семью, а были переданы в дар третьему лицу, не связанному узами родства с прежними владельцами.

Возможно, это строение общей площадью 35 кв. м, переданное в 1773 г. до н. э. в дар сыну музыканта, не входило в состав семейного наследуемого имущества и принадлежало к той категории недвижимости, которая предоставлялась на условиях несения службы и при определенных условиях могла быть отобрана. Особенно часто практика предоставления дома и земельного надела за службу применялась в отношении воинов (шум. *aga.ús*, акк. *rēdum*). Несколько разделов ЗХ специально оговаривают правила передачи по наследству служебных наделов такого рода, предоставлявшихся воинам от имени царя (ЗХ § 28, 36–39). После смерти воина они могли перейти к его сыну, который должен был продолжить службу, но ни в коем случае не могли быть переданы его жене или дочери. Такое имущество, судя по ЗХ (§ 71), нельзя было продать даже соседу, т. е. жителю того же квартала⁹.

Возможно, что и в данном случае строения, переданные в дар Амуррум-тиллассу, до этого были служебным имуществом двух воинов в виде жилого дома в городе, то, что в ЗХ называется *bīt ilkim*, букв. «дом/хозяйство службы». После смерти воинов, вероятно, не имевших сыновей-наследников, служебное имущество было передано административным путем в дар кому-то из приближенных царя, при этом родственники умерших не имели, по-видимому, никаких наследственных прав. Примечательно, что контролировал акт дарения воин Магирум¹⁰.

⁹ Вплотную к домам покойных владельцев недвижимости примыкали дома их отцов (родителей или начальников?), все дома выходили на одну сторону, т. е. образовывали сплошную улицу. Возможно, это свидетельство того, что дома, связанные с повинностью, т. е. предоставленные царем за службу, не занимали какой-то компактной территории в городе, а могли соседствовать с наследственными домами горожан.

¹⁰ Он же, по-видимому, упоминается как свидетель при рассмотрении спора относительно служебного земельного надела (YOS 8 63 — 1777). В документе указана и его должность — «начальник отряда» (*nu.bānda*).

В 1768 г. до н. э., ровно через пять лет после составления вышеприведенной записи о дарении, был составлен еще один документ такого рода (YOS 8 153). На этот раз имя дарителя было указано. Им выступил царь Ларсы Рим-Син. Запись была составлена в городе Ларса в месяц нисанум (I) 1768 г. до н. э. (54-й год правления царя Рим-Сина).

«1 $\frac{1}{2}$ сар жилого строения, дом Эрра-имитти, сына Син-икишама, 1 сар жилого строения, дом Шамаш-гамиля, á.gál, $\frac{2}{3}$ сар жилого строения, дом Яшамума, кузнеца, (это дома в) квартале Луштамара. 2 $\frac{2}{3}$ сар заброшенного участка, дом Арватума и Нергал-гамиля, рыбака, (это дома в) квартале Явельили.

Всего: 3 $\frac{1}{6}$ сар жилого строения (и) 2 $\frac{2}{3}$ сар заброшенного участка. Всего 5 $\frac{5}{6}$ сар — это участок, который Амуррум-тиллассу, сыну музыканта, был дан. Дар царя. Контроль Апиль-илишу, шакканаккума» (список свидетелей, дата).

По данной записи Амуррум-тиллассу получил от царя в дар три жилых строения площадью около 110 кв. м и заброшенный городской участок площадью около 95 кв. м. Возможно, по каким-то причинам администрация передала подаренный ранее Амуррум-тиллассу служебный надел другим лицам и царь компенсировал потерю, подарив ему более значительную по площади недвижимость. По своему формуляру этот документ значительно отличался от первой приведенной выше дарственной записи и был скорее ближе частнопрововому договору. В частности, в нем присутствовал список свидетелей.

В данном тексте была зафиксирована ситуация, когда царь изъял в двух городских кварталах дома у владельцев и передал их другому лицу. Три изъятых участка находились в квартале, который возглавлял некий Луштамар, а четвертый, вероятно, в соседнем квартале, начальником которого был Явельили. Словосочетание «квартал такого-то» (dag.gi4.a PN), употребленное в данном тексте, аналогично тому, которое было использовано в так называемом списке амореев (Gelb 1968). В нем шла речь о позволении большой группе амореев поселиться в городе Эшнунна, и в этой связи были упомянуты четыре квартала, названные по имени собственному их глав (*bābtum PN*). Только слово «квартал» в тексте из Эшнунны было написано по-аккадски (см. главу X).

В отличие от первой дарственной записи, во втором документе ничего не говорится о том, что случилось с прежними владельцами недвижимости. Все они названы по имени и профессии. Это муиррум (высокая воинская должность), кузнец и рыбак, один из бывших владельцев назван по отчеству и профессии отца, но какая именно это была профессия, неясно из-за неразборчивости знаков в автографии. Контролером и в данном случае, как и в предыдущем, выступает военный, но более высокого ранга: чиновник-шакканаккум — высшее должностное лицо в городе, управлявшее трудовыми и военными ресурсами.

Документ был составлен в присутствии девяти свидетелей. Первые два из них — чиновники-*kakikku* (шум. ka.ki), городские чиновники, в обязанности которых входил контроль за передачей прав на владение городской недвижимостью при обмене или покупке (это могли быть дома и заброшенные или незастроенные участки городской земли). Следующие два свидетеля это

начальники кварталов, на территории которых располагалась переданная в дар недвижимость¹¹.

Аккадское имя одного из начальников квартала почему-то приобрело в тексте аморейский оттенок: вместо обычного Авель-или два раза написано Явель-или (*ja-wi-il-dingir*). Также аморейское имя носит один из владельцев недвижимости — Яшамум, кузнец, и, возможно, один из чиновников-*kakikku* — Иннанум (Buccellati 1966: 158). Среди свидетелей упомянут еще один кузнец. Таким образом, два квартала Ларсы, управляемые «начальниками кварталов», были в это время заселены, во всяком случае, частично, ремесленниками и воинами, среди которых было немало лиц аморейского происхождения. Переданная по этой дарственной недвижимость находилась на территории двух городских кварталов, являвшихся традиционными административными единицами городской структуры. При каких-то условиях, судя по этой записи, администрация могла отобрать ее и передать другим лицам, однако наследники прежних владельцев сохраняли определенные права на нее (см. ниже), т. е. эта недвижимость была уже не служебной, а семейной наследственной.

Судя по двум вышеприведенным документам, в течение пяти лет сын музыканта Амуррум-тиллассу получил по двум дарственным почти 250 кв. м городской земли с несколькими домами. В обоих случаях дарителем, вероятно, был царь, хотя упоминается об этом только в тексте второго документа. В первом случае прежние владельцы недвижимости умерли, во втором никаких упоминаний на этот счет нет, первоначальные владельцы названы по имени и профессии. Возможно, они были живы, об этом как будто говорит и присутствие свидетелей, в том числе и чиновников-*kakikku*, от лица городской администрации контролировавших передачу прав на владение городской недвижимостью.

Считается, что царь Рим-Син со второй половины своего правления (примерно с 1790 г. до н. э.) начал проводить в государстве какие-то серьезные хозяйственные реформы, суть которых не очень понятна (Mieroop 1993). Можно только догадываться, что стояло за такими действиями, как обожествление царя, изменение календаря и характера датировочных формул. Возможно, одним из последствий этих реформ было почти полное исчезновение со второй половины правления Рим-Сина договоров по купле-продаже недвижимости. Административные ограничения на такие сделки в первые века II тыс. до н. э. существовали во многих городах Южной Месопотамии. Владелец проданной недвижимости мог при определенных условиях ее вернуть, воспользовавшись периодическими царскими указами (*šimdat šarrim*), отменявшими отдельные категории сделок.

¹¹ Эти же Луштамар и Авель-или упоминаются и в других текстах из Ларсы, где название их должности выписано полностью: *ugula dag.gi4.a*, т. е. «начальник квартала». В документах из Ларсы встречаются следующие имена «начальников квартала»:

Авель-или — YOS 12 227, 48 — 1742,

Луштамар — RA 72 p. 114 — 1762,

Цилли-Иштар, сын Ур-Шульпаэ — RA 85 p. 29 — 1763, Урук, св. продажи дома,

Мухаддум — YOS 12 214, 29 — 1742, в тексте из Урука.

В тексте из Южной Месопотамии неизвестного происхождения:

Авель-Адад — RA 85 p. 35 — 1738.

Возможно, два случая дарения, произведенных под покровительством царя, должны были помочь Амуррум-тиллассу приобрести городскую недвижимость, обойдя действующие запреты, о которых говорилось выше. Однако жители квартала, где располагалась недвижимость, упомянутая во втором случае дарения, все-таки обладали определенным объемом прав на владение недвижимостью, и их наследники попытались эти права отстоять, правда, это произошло гораздо позже, в 1741 г. до н. э. В это время Ларса уже около 20 лет находилась под властью вавилонской династии, здесь правил царь Самсуилуна, сын Хаммурапи. Почему наследники так долго ждали, прежде чем предъявить свои претензии, можно только предполагать.

Судебный иск в данном случае, как и в других многочисленных случаях такого рода, был подан, по-видимому, в связи с выходом очередного царского указа (*šimdat šarrim*), в соответствии с которым можно было при определенных условиях вернуть ранее проданную недвижимость. Такие указы в этот период издавались периодически, каждые пять-семь лет (Kraus 1958). В большинстве случаев недвижимость так и оставалась у покупателя, а продавец или его наследники довольствовались относительно небольшой компенсацией в серебре (см. приложение). Очередной царский указ был провозглашен в 1742 или 1741 г. до н. э., т. е. в 7-й или 8-й год правления Самсуилуны (Kraus 1958: 225–227). Им, по-видимому, и воспользовались наследники владельцев недвижимости, подаренной Амуррум-тиллассу за 27 лет до этого.

Сохранилась запись соглашения между Амуррум-тиллассу и семейной группой из пяти человек в отношении дома, подаренного царем Рим-Сином (YOS 12 307)¹². Скорее всего, в документе имеется в виду одно из строений, упомянутых в дарственной записи от 1768 г. до н. э. (YOS 8 153), а истцы — это, по-видимому, наследники одного из владельцев подаренной тогда недвижимости. В соответствии с решением суда Амуррум-тиллассу пришлось выплатить истцам компенсацию в размере 5 сиклей серебра. Выплата была произведена в главном городском храме Ларсы — храме бога Шамаша — в присутствии девяти свидетелей. Среди них были храмовый чиновник (*ab.ab.du*) и начальник отряда (*nu.bānda*), остальные свидетели названы только по именам. Один из свидетелей приложил к документу свою печать, в надписи на которой он назвал себя «рабом бога Амурру» (*ilī-ippalsam // dumu gamal-ilī // ir d.AN.mar.tu*).

И истцы, и свидетели данного соглашения, скорее всего, были жителями одного из тех кварталов, где находились подаренные дома. Судя по печати и нескольким аморейским именам в тексте YOS 8 153, среди них было и аморейское население. Возможно, эта часть города была заселена после его восстановления

¹² «За [x] сар 15 ше жилого строения, которое Рим-Син, царь, Амуррум-тиллассу подарил, Шамаш-тилллати, Куррум, сын Шамаш-уммати, и Уннубтум, жена его, Таб-кабаша, сын Тимгу, и Нарубтум, его жена, 5 сиклей серебра в соответствии с их договорен[ностью] (в) храме Шамаша из рук Амуррум-тиллассу получили. Сердца их удовлетворены. (В том, что в отношении этого дела) они (с претензиями) не вернуться, не будут [подавать новый иск], именем Шамаша и Самсуилуны, царя, они поклялись» (список свидетелей, дата: 25/VI 1741 г. до н. э.) (Козырева 2012).

во второй половине 20 в. до н. э. Как видно из приведенных выше документов, в Ларсе, как и в других городах Месопотамии в начале II тыс. до н. э., существовала структура городских кварталов (шум. *dag.gi4.a*, акк. *bābtum*), в которые были объединены разные по правовому статусу группы горожан.

Городские кварталы: Элмешум (VS 18 1, 101). В кварталы было объединено не только пришлое, но и коренное население города. Некоторые свидетельства на этот счет содержат два документа из Ларсы времени Рим-Сина. Они касаются имущества жительницы города Ларсы, некоей женщины по имени Элмешум, дочери Мутабума.

В 1797 г. до н. э. родители выделили ей долю семейного имущества, что было зафиксировано договором, а еще через 30 лет, когда сама Элмешум, видимо, уже умерла, по поводу ее имущества, на которое претендовали ее племянник и бывший муж, состоялось судебное разбирательство¹³.

В конце 1797 г. до н. э. (25-й год правления царя Рим-Сина) была составлена опись имущества, которое некие супруги Мутабум и Шимат-Син выделили своей дочери Элмешум (VS 18 101). Документ довольно большой и не везде хорошо сохранившийся, но содержание его как будто достаточно понятно. В состав этой части семейного имущества входила недвижимость (70 кв. м дома и 0,3 га финикового сада), а также две рабыни с детьми¹⁴ и разнообразная домашняя утварь, в том числе много предметов из бронзы (чашки, сосуд, зеркало), мебель, зернотерка, а также серебряный браслет весом 250 г. Кроме имущества, которое дали Элмешум родители, некий Аху-табум, вероятно, родственник семьи, подарил ей еще двух рабынь и раба¹⁵. Все, что получила Элмешум, названо в документе словом «дар/приданое» (*nidittu*). В документе зафиксировано, что два брата Элмешум, Син-икишам и Син-гимланни, отказались от претензий к этому имуществу.

Дарение было произведено по случаю «заключения» Элмешум в «монастырь» при храме Шамаша, видимо, в качестве жрицы *надиту*. Храм Шамаша был главным городским храмом Ларсы и крупнейшим храмом этого бога на юге Месопотамии. К сожалению, документы из самого храмового архива пока почти неизвестны, но можно не сомневаться в том, что этот храм был чрезвычайно богатым и влиятельным институтом, игравшим важную роль в жизни города¹⁶. Законы Хаммурапи, составленные примерно в это же время, содержали несколь-

¹³ Текст обоих документов был записан дважды, на глиняных табличках и на глиняных конвертах, в которые они были вложены. Транслитерацию и перевод обоих текстов см.: (Козырева 1982).

¹⁴ Полученное Элмешум имущество описывается следующим образом. VS 18 101, 1–9: «2 сар жилого строения возле дома Шамаш-раби и возле дома Иддин-Сина, 1 ику сада, засаженного финиковым пальмами, возле сада Убар-Сина, сына Аба-х, на берегу канала Мамми-даннат; одна рабыня Нанайа-ламасси по имени и Син-лудлул, дочь ее, (рабыня) Таб-циллум и Иштар-кате, дочь ее».

¹⁵ VS 18 101, 26–30: «Одна рабыня Нанайа-табат, одна рабыня Шуннуртум, один раб Нур-илишу по имени — (это то), что Аху-табум при заключении ее в храм бога Шамаша дал ей».

¹⁶ Главным центром почитания бога Шамаша на севере Южной Месопотамии был город Сиппар. Здесь при храме был «монастырь», в который отдавали девушек из самых знатных семей города. В это время в нем проживало около 200 *надиту* (Harris 1975: 302–332). Такие же, хотя и не столь крупные, структуры существовали при храмах в Вавилоне, Кише, Ниппуре, Сузах.

ко разделов (ЗХ § 110, 178–182), регулировавших юридический статус различных групп женщин, приписанных к храму, что свидетельствует о важности этого института в рассматриваемый период. Статус жриц *надиту*, к числу которых, вероятно, принадлежала Элмешум, мог быть различным, некоторым из них даже разрешалось выходить замуж. Общим для всех жриц такого рода было то, что им не разрешалось иметь детей и по смерти их имущество возвращалось в дом отца. Исключением были *надиту* бога Мардука, главного городского бога Вавилона, которые могли распоряжаться выделенным им семейным имуществом по своему усмотрению.

«Заклучение» Элмешум в монастырь при главном городском храме — явный признак принадлежности ее семьи к коренной группе городского населения, связанной с хозяйством главного городского божества. О богатстве семьи говорит и значительное по размерам имущество, выделенное ей родителями. Имя ее отца в сохранившихся документах из Ларсы упоминается как будто только один раз: в 1825 г. до н. э. он в числе целого ряда других очень высоких должностных лиц выступил свидетелем, когда известный Бальмунамхе вместе со своим отцом купил огромный земельный участок в городе Уре у храма бога Нанны (YOS 5 122). В тексте договора купли указана и должность, которую в то время исполнял Мутабум: он был чиновником-шатамму, т. е. занимал одну из высоких ступеней в бюрократической иерархии. Неизвестно, кем был Ахутабум, подаривший Элмешум в дополнение к тому, что ей дали родители, еще трех рабов. Возможно, дедом или дядей. Это имя тоже редко упоминается в документах из Ларсы¹⁷. В одном из отчетов государственного хозяйства о расходе масла от 1816 г. до н. э. упомянуто, что Ахутабуму, «когда он заболел», было выдано 50 л масла (YOS 5 171, 28). Был ли это тот же самый персонаж, неизвестно.

Свидетели и печати. Договор был составлен в присутствии 12 свидетелей. При именах всех свидетелей есть отчества или указания на должность/профессию (судья, чиновник-шатамму, начальник земледельцев). Сохранились оттиски шести печатей, которые свидетели приложили к документу. На всех печатях были надписи, содержавшие имя и отчество владельца и имя божества, «рабом» которого он себя считал (PN dumu PN2 ir DN). Среди этих богов в двух случаях упоминается бог Нергал (родовой бог правящей царской фамилии), два раза бог Амурру (an.an.mar.tu) и один раз — бог Энки. На шестой печати надпись неразборчива.

Таким образом, упомянутый выше документ представлял собой составленный при свидетелях договор, содержащий описание части семейного имущества, движимого и недвижимого, с которым в 1797 г. до н. э. Элмешум вступила в храм Шамаша. После ее смерти имущество должно было, по-видимому, вернуться в дом ее отца.

¹⁷ Это имя упоминается в синхронных административных документах из Ларсы, связанных со скотоводством; в одном случае некий Ахутабум выступает как контролер (gir, TCL 10 24, 37), в другом получает 140 кг шерсти (TCL 10 64, 2).

Судя по второму дошедшему до нас документу (VS 18 1), где упоминается Элмешум, она принадлежала к той категории жриц, которые могли выходить замуж. Через 30 лет после того, как она была заключена в храм Шамаша, Элмешум, по-видимому, скончалась, а ее племянник, Син-раби, сын ее брата Син-икишама, предъявил претензии в отношении оставшегося после нее имущества мужу Элмешум, которого звали Данцум. Разбор этого дела происходил на самом высоком уровне, в нем участвовал и один представитель царской семьи. Помимо торговой организации (карума) двух городов, Ура и Ларсы, и судий Ларсы в слушании дела приняли также участие «квартал и начальник квартала», в котором проживала семья Элмешум. Сохранилась запись этого судебного разбирательства, проходившего в 1767 г. до н. э. (Козырева 1982).

Весь текст этого документа можно разделить на три смысловые части, расположение которых не соответствует хронологическому порядку ведения данного дела. В начале документа (строки 1–16) описывается, перед кем и какое окончательное решение было принято по данному делу.

«1–3. Относительно судебного дела Элмешум. дочери Мутабума, [сес]тры Син-икишама, отца Син-раби, которую Данцум при жизни ее оставил, (было установлено следующее).

4–13. Перед карумом Ура и Ларсы, кварталом и начальником квартала, (а также перед) Или-иппальсамом, судьей, главным жрецом бога Нергала, Иддин-Амурру, судьей, сыном Санума, Ибби-Нергалом, судьей, начальником пятерки (тамкаров), Хумбайей, судьей, сыном Лу-Нинсианны, Хабиль-кинумом, судьей, братом Ирибам-Сина, начальника тамкаров, и Син-эришем, судьей, сыном Или-икишама, шакканаккума, перед этими судьями Ларсы в оставлении Элмешум Данцум был уличен.

14–16. Рабынь и имущество Элмешум, которое имелось в наличии, у Данцума отобрали и Син-раби (племяннику Элмешум) отдали».

Во второй (строки 17–36) и третьей (строки 37–59) частях документа приведены показания Данцума, данные им в двух разных местах. На основании этих показаний и опроса свидетелей и было, по-видимому, впоследствии принято решение, зафиксированное в первой части документа.

На первом этапе разбирательство проводили «судьи города Ларсы» (строки 17–36). Они заслушали показания, которые Данцум дал в присутствии 13 свидетелей. Совершенно очевидно, что свидетели были выбраны не случайно. Они могли подтвердить или опровергнуть показания ответчика потому, что сами были в курсе дела, т. е., скорее всего, они были жителями того квартала, где жила семья Элмешум и располагалось ее имущество (дом). Эти свидетели, возможно, и представляли «квартал», о котором говорится в первых строках документа. Все тринадцать человек названы в тексте по профессии или должности (в двух случаях окончание строк не сохранилось, и нельзя установить точное название должности, хотя первоначально в тексте оно было, строки 21, 26). Среди свидетелей этого разбирательства упоминаются воины, жрецы-ума-стителы, чиновники-шатамму, тамкар, служители храмов (сторож и пекарь),

начальник отряда работников. По своему профессиональному составу жители этого квартала Ларсы, которые присутствовали в суде в качестве свидетелей, имеют сходство с обитателями квартала АН в Уре, т. е. они принадлежали к среднему административному и культовому персоналу.

Перед городскими судьями и этими свидетелями Данцум подтвердил, что действительно оставил свою жену Элмешум, но при этом заключил (букв. «установил») с ней договор (об обеспечении): 34–36. «После того как в Ларсе я ее оставил, в селении Ишкун-Нингирсу перед свидетелями договор с ней я установил».

Такого рода договором, заключение которого, видимо, обосновывало его права на пользование имуществом Элмешум, могло быть соглашение о пожизненном содержании в обмен на передачу имущества. Практика таких соглашений была широко распространена в городах Южной Месопотамии (Козырева 1972; Stol 1998). Незамужние женщины, жрицы, вдовы, престарелые родители, одинокие старики, — все те, кто в силу положения или возраста были не в состоянии заниматься физическим трудом, но располагали достаточным имуществом, могли передать это имущество какому-либо другому лицу в обмен на пожизненное содержание. При этом составлялся письменный договор, в котором размер содержания указывался в форме ежемесячных или ежегодных выдач. В состав таких выдач обычно входили зерно, масло и шерсть на одежду или серебро. В случае с Элмешум странным кажется тот факт, что, оставляя жену в Ларсе, Данцум заключил с ней договор не в Ларсе, а в селении Ишкун-Нингирсу. Предположительно, это можно объяснить тем, что в этом селении находились какие-то владения Данцума, часть доходов с которых он рассчитывал, вероятно, использовать на содержание жены.

Для проверки этого заявления было проведено дополнительное (второе) расследование (строки 37–59). Нергал-рим-или, сын царя¹⁸, в присутствии ответчика опросил группу свидетелей из 11 жителей селения Ишкун-Нингирсу. Среди них присутствовали староста селения (*rabiānum*), без участия которого не могло, вероятно, совершиться заключение подобного рода договора, и местный чиновник-шакканаккум. Остальные девять свидетелей названы в документе по имени и отчеству, и только в двух случаях была указана должность, но не самого свидетеля, а его отца. Разница между двумя списками свидетелей (одна группа свидетелей из города Ларсы, вторая — из селения Ишкун-Нингирсу) совершенно очевидна и вполне объяснима. В первом случае суд имел дело с представителями городского населения, значительную часть которого

¹⁸ Выражение «сын царя» (*dumu lugal*) не обязательно обозначало родного сына царя, но могло также служить для обозначения представителя царского рода (Gelb 1979: 65 ff.). Нергал-рим-или, вероятно, занимал очень важное положение в государственной структуре. Его имя упоминается еще в одном документе из Ларсы (Stol 1991; 1766 г. до н. э.), согласно которому он получил 1 $\frac{2}{3}$ мины серебра как последнюю часть причитающейся ему общей суммы в 20 мин (10 кг) серебра. Имена собственные, упоминающие Нергала, бога потустороннего мира, довольно редки, но некоторые данные свидетельствуют о том, что именно этот бог был личным богом правившей в то время династии, в том числе царя Ларсы Рим-Сина (RIME 4, 277).

составляла бюрократия разного уровня (ср. районы ЕМ и АН в Уре, ТВ в Нипуре), поэтому при всех именах обозначены должности, во втором — с сельским населением, в основном, очевидно, земледельческим. Свидетели заявили, что договор не был составлен, а о выдачах пищи и одежды они ничего не знают.

В результате всех этих разбирательств было вынесено решение, которое, по-видимому, записано в начале документа (строки 1–16): имущество покойной Элмешум было отобрано у ее бывшего мужа Данцума и передано ее племяннику. Окончательное решение в присутствии торговой организации (карума) двух городов, Ура и Ларсы, квартала, в котором жила семья Элмешум, и начальника этого квартала было принято шестью судьями города Ларсы, среди которых были глава хозяйства бога Нергала, руководство карума, сын начальника городских трудовых и воинских ресурсов и другие высокопоставленные лица.

В 1767 г., когда состоялось это судебное разбирательство, Элмешум и ее братьев, по-видимому, уже не было в живых, а принадлежавшие ей рабыни и движимое имущество оказались в руках ее мужа Данцума. Суд уличил Данцума в том, что тот расстался с женой, когда та была еще жива, и, следовательно, не является ее законным наследником. Согласно § 138 ЗХ (и, вероятно, более ранним законам) в случае развода с бесплодной женой муж должен был вернуть ей серебро, равное ее выкупу, и приданое, полученное ею от отца. Данцум, похоже, не сделал этого. Рабыни и какое-то движимое имущество бывшей жены остались у него, и прямой наследник последней, ее племянник, вынужден был обратиться в суд, чтобы восстановить свои права. Вопрос о недвижимости в ходе судебного разбирательства не возник. Возможно, после смерти владелицы оно вернулось в дом ее отца либо осталось в храме Шамаша¹⁹.

Заключение. Приведенные выше документы представляют, как нам кажется, различные варианты распоряжения движимым и недвижимым имуществом обитателей города Ларсы. В первом случае выморочное имущество (дома в городе), возможно, принадлежавшее воинам, находившимся на службе у царя, могло быть безоговорочно передано административным путем в дар кому-то из приближенных царя, при этом родственники умерших не имели, вероятно, никаких наследственных прав. Во втором случае речь шла о домах и участках городской земли, расположенных, по-видимому, во вновь заселенных после развала Урского государства районах города, жители которых были объединены в традиционные городские структуры — кварталы — и уже располагали каким-то уровнем прав на свою недвижимость. По неизвестным нам причинам царь Рим-Син подарил часть недвижимости из этого квартала одному из своих приближенных. При этом дарственная составлялась по всем правилам, в присутствии начальника квартала, свидетелей из числа жителей квартала и городских чиновников, в обязанности которых входил контроль за владельцами недвижимости, которые платили налоги городу. Если в первом случае указано, что владельцы недвижимости умерли, то во втором случае судьба

¹⁹ Сиппарские жрицы-надитум, например, «удочеряли» своих младших родственников, и, таким образом, имущество передавалось в семье по наследству, оставаясь в храме (Harris 1975).

владельцев, т. е. были ли они в момент составления дарственной еще живы или нет, остается неизвестной. Однако их семьи сохранили определенные права в отношении этих владений и через двадцать с лишним лет добились выплаты компенсации за них от того, кому они были подарены царем.

И наконец, в случае с Элмешум речь, по-видимому, шла о семейном имуществе — движимом и недвижимом — коренного городского населения, также объединенного в административные структуры *bābtum*. Спорные вопросы, связанные с имуществом, решались в этом случае на самом высоком уровне: в присутствии городских судей, начальника квартала, жителей квартала, выступающих в роли свидетелей; на определенном этапе в процесс рассмотрения дела даже мог подключиться представитель царской семьи.

Различные способы решения вопросов с недвижимостью предположительно можно объяснить различным правовым статусом отдельных групп городского населения. В первом случае дело касалось недвижимости служащих царя, вероятно, воинов, которые не являлись полноправными горожанами; дома в городе они получали за службу, и по окончании службы или по смерти служащего эти дома при отсутствии наследников, способных нести службу, возвращались в распоряжение администрации. В другом случае недвижимость принадлежала, вероятно, новым жителям города, которые уже были включены в городскую структуру и обладали определенным уровнем прав, что позволило им позднее требовать компенсации за отобранную недвижимость. И наконец, в случае с Элмешум имущество принадлежало потомственным горожанам, представителям городской элиты.

Различие между правами полноправного горожанина на свою городскую недвижимость и правами царского служащего или воина на те дома или наделы, которые он получал как компенсацию за службу, достаточно четко отражено в одном из писем того времени из города Эшнунны (AbB 10 3):

«...Относительно дома Мар-Ташметума, который ты отдал свинопасу. Дом этот — не дом воина, (это) дом жителя Эшнунны (*bītum šū ūl bīt aga.ús bīt lú ešnunna.ki*). Дело рассмотри. Мар-Ташметум — не чужак (*ūl nakārum*), одной грудью мы питались. Дом Мар-Ташметума, который свинопасу ты отдал, ему верни». Выражение *bīt aga.ús* (букв. «дом/хозяйство воина») часто встречается в письмах и документах того времени и по своему значению, видимо, совпадает с выражением *bīt ilkim* (букв. «дом/хозяйство службы»), т. е. «служебное имущество» или «служебный фонд».

Эти и все другие проблемы, связанные с городской недвижимостью, которые волновали жителей самых южных городов Месопотамии в конце 19 — начале 18 в. до н. э., были «кардинально решены» всего через несколько лет после того, как Амуррум-тилласу в 1742 г. до н. э. выплатил по решению суда компенсацию наследникам подаренной ему некогда царем Рим-Сином недвижимости. В том же году на юге Месопотамии вспыхнуло восстание против царя Самсуилуны. Через несколько лет войско вавилонского царя подавило мятеж, но при этом были разрушены многие города юга, в значительной степени пострадала ирригационная система. Возможно, одной из причин этих разрушений было

перемещение на запад основного русла Евфрата. Количество воды в его восточных протоках значительно уменьшилось. Такие города, как Ниппур и Исин стали получать недостаточно воды, а города, располагавшиеся южнее, в том числе и Ларса, не получали ее вовсе. Оставшееся в живых городское население мигрировало на север, а южные города были надолго заброшены.

Приложение. Договор от 1807 г. до н. э. о продаже части жилого дома двумя братьями (TCL 10 128) (Jean 15) и соглашение (заключено между 1797 и 1790 гг. до н. э.) о выплате компенсации одному из продавцов за проданный 10 лет назад дом (TCL 10 132) (Jean 18)

В 1807 г. до н. э. два жителя Ларсы, по-видимому, братья — Нур-Син и Нур-Шамаш — продали часть жилого дома площадью около 25 кв. м. своему соседу Иддин-Амурру за 17 сиклей серебра. В присутствии семи свидетелей был составлен договор купли-продажи. Покупателем в данном случае выступил представитель семьи Санума, деятельность которой, тесно связанная с торговой организацией города Ларсы, отразилась в большой группе частноправовых документов (см. главу XVI).

TCL 10 128

1. $\frac{2}{3}$ sar é.dù.a
2. da é *i-din-d.mar.tu*
3. é *nu-úr-d.EN.ZU*
4. ù *nu-úr-d.utu*
5. ki *nu-úr-d.EN.ZU*
6. ù *nu-úr-d.utu*
7. m.*i-din-d.mar.tu*
8. in.ši.šám
9. 17 gín kù.babbar
10. šám.til.la.ni.šè
11. in.na.an.lal
12. u4.kur.šè u4.nu.me.a.ak
13. m.*nu-úr-d.EN.ZU*
14. ù *nu-úr-d.utu*
15. é.mu nu.ub.bi.a
16. mu lugal.la.bi in.pàd
17. igi *a-bi-i-din-nam*
18. igi KA.GA-*i-lì-šu*
19. igi *ì-lì-ši-lì*
20. igi *nu-ru-um*
21. igi *šu-mu-um-li-ib-ši*
22. igi *ìr-ra-ga-mil*

23. *igi a-hi-ša-gi-iš*
24. *mu en.te.na*
25. *id.hé.gál mu.ba.al*

Перевод:

«²/₃ сар (25 кв. м) жилого строения возле дома Иддин-Амурру, дом Нур-Сина и Нур-Шамаша, у Нур-Сина и Нур-Шамаша Иддин-Амурру купил.

17 сиклей (около 14 г) серебра, полную цену его, он отвесил (продавцам).

(В том, что) в будущем, когда то бы ни было Нур-Син (или) Нур-Шамаш «Дом — мой!» не скажет, именем царя своего он (продавец) поклялся.

(17–23 — список свидетелей.) Год, когда канал великий в степи был прокопан (до самого моря)».

Начиная с 1798 г. до н. э. в частноправовых документах из Ларсы появились упоминания о царских указах (*šimdat šarrim*), в соответствии с которыми аннулировались некоторые виды кабальных сделок. Люди, вынужденные продавать свои дома и сады, своих родственников или даже самих себя за невыполнение долговых обязательств, получали возможность освободиться от рабства или вернуть свое имущество. Долговые обязательства были связаны главным образом с неуплатой налогов, а кредиторами в этих случаях выступали чаще всего представители администрации, в том числе торговые агенты-тамкары, которые занимались сбором налогов. Хотя царские указы такого рода теоретически давали продавцам возможность вернуть проданную недвижимость, на практике это было, вероятно, непросто. Судя по отдельным сохранившимся документам, продавцы чаще всего довольствовались сравнительно небольшой компенсацией.

В данном случае примерно через 10 лет после продажи дома двумя братьями один из продавцов сумел получить компенсацию «в обмен на дом», проданный некогда Иддин-Амурруму, и дал обязательство не предъявлять в будущем исков по этому поводу. Точная дата составления этого соглашения неизвестна. Скорее всего, оно было заключено между 1797 и 1790 гг. до н. э.

TCL 10 132

1. *a-na pu-ha-at é*
2. *ša it-ti nu-úr-d.EN.ZU*
3. *ù nu-úr-d.utu*
4. *m.i-din-d.mar.tu*
5. *in.ši.šám*
6. *a-na ši-im-da-at lugal*
7. *5(?) gín kù.babbar i-din-d.mar.tu*
8. *a-na nu-úr-d.EN.ZU*
9. *i-di-nu*
10. *u4.kur.šè u4.nu.me.a.ak*
11. *nu.mu.un.gi4.gi4.de*

12. mu lugal.la.bi in.pàd
13. [igi] d.EN.ZU-qa-ti-ša-ba-at
14. igi d.utu-mu-ba-lí-iṭ
15. igi ak-ša-a-a
16. igi šu-mu-li-ib-ši
17. igi u-bar-d.utu
18. igi d.EN.ZU-ha-ši-ir dub.sar
19. kišib lú.inim.ma.bi.meš
20. iti zíz.a
21. mu [...]

Перевод:

«В обмен на дом, который Иддин-Амурру у Нур-Сина и Нур-Шамаша купил, в соответствии с указом царя 5 сиклей (около 5 г) серебра Иддин-Амурру Нур-Сину дал. (В том, что) в будущем когда бы то ни было судебных исков ему он (продавец) предъявлять не будет, именем царя своего он поклялся. (13–17 — список свидетелей.) Печать свидетелей (приложена). Месяц шабатум. Год [...].»

Глава XV

Имущество и материальные ресурсы жителей Ларсы. Уровень потребления

Документы раздела имущества из Ларсы. Строения в городе и участки городской земли. Сады. Поля. Рабы. Скот. Серебро. Разделы имущества в самых «богатых» семьях (YOS 8 98, 88; TCL 11 224).

Нормы потребления продуктов в административных текстах III тыс. до н. э. Данные о нормах потребления в административных и частноправовых документах из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. Договоры о найме работника. Данные о размерах содержания наемных работников по хозяйственным документам и царским надписям. Договоры о пожизненном содержании.

Приложение: данные о количестве рабов в отдельных городских семьях по документам из Ларсы, Ура и Куталлы (таблица). Фрагмент договора раздела имущества (TCL 11 224 58–92).

Документы раздела имущества из Ларсы. Самое общее представление о характере имущества, которым владели отдельные городские семьи Ларсы, можно составить по документам раздела, которых сохранилось более двух десятков (Matouš 1949). Письменно раздел имущества фиксировали, конечно, далеко не во всех городских семьях, но, скорее всего, только в самых «богатых». Сравнение таких документов показывает, что имущественное положение отдельных семей могло значительно различаться и внутри этой группы горожан, но, тем не менее, именно договоры раздела дают некоторое представление о том, чем владели наиболее обеспеченные жители Ларсы. В некоторых случаях имущество по каким-то причинам делили деловые партнеры, чаще всего это были, вероятно, торговые агенты-тамкары (YOS 8 98). Однако в большинстве случаев договоры о разделе касались семейного имущества, которое делили, очевидно, после смерти главы дома, а в качестве наследников

выступали его сыновья и внуки. При этом какие-то части имущества могли по-прежнему оставаться в общем пользовании всех наследников. Дочери упоминаются в разделах редко: их рано выдавали замуж и выделяли их долю в виде приданого¹.

Документы раздела представляли собой последовательное описание имущества, которое приходилось на долю каждого из делящихся. Если это был семейный раздел, то сначала шло описание доли старшего брата, а затем остальных братьев по старшинству. При этом различные виды семейного имущества внутри каждой доли обычно перечислялись в определенном порядке. Перечень всегда начинался с описания владений в городе. Чаще всего они состояли из жилого дома или его части (*é.dù.a*). В состав городской недвижимости входили также и участки городской земли, которые были заняты заброшенными строениями (*é.ki.šub.ba*), и незастроенные участки (*ki.gal6*). Богатые семьи располагали городскими владениями не только в Ларсе, но и в других городах, например в Уре. Далее в перечне указывались другие виды имущества, если они были во владении данной семьи, — поля, сады, рабы, скот, серебро, мебель, домашняя утварь.

Строения в городе и участки городской земли. Во всех документах раздела имущества из Ларсы, Ура и соседнего с Ларсой города Куталлы перечень каждой отдельной доли всегда начинался с описания жилого строения — дома или части дома, который переходил данному наследнику; указывались его площадь и имена владельцев соседних домов, примыкающих к нему. Далее упоминались, если они были, другие виды городских построек и участков городской земли.

Площадь домов. В строительстве, как и в других областях жизни в городах Южной Месопотамии, и в частности в городе Ларса, действовали, вероятно, традиционные стандарты. Это касалось площади дома и отдельных комнат в нем. Чаще всего в договорах о разделе имущества упоминаются дома площадью от 50 до 90 кв. м ($1\frac{1}{2}$ сар, $1\frac{2}{3}$ сар, $2\frac{2}{3}$ сар). Комнаты в этих домах были площадью от 12 до 30 кв. м ($\frac{5}{6}$ сар, $\frac{2}{3}$ сар, $\frac{1}{3}$ сар, $\frac{1}{2}$ сар). Однако некоторые семьи владели постройками гораздо больших размеров: 270 кв. м ($1\frac{2}{3}$ сар + $3\frac{2}{3}$ сар + $2\frac{2}{3}$ сар; YOS 8 98); 280 кв. м ($1\frac{2}{3}$ сар + $1\frac{2}{3}$ сар + $1\frac{2}{3}$ сар + $2\frac{2}{3}$ сар; TCL 11 200).

Это не значит, конечно, что все дома и комнаты, упоминаемые в документах, были на практике точно такие по площади. Эти размеры были скорее стандартами, которыми удобно было оперировать при различных действиях с недвижимостью, чтобы иметь возможность более точно оценить ее. При разделе имущества, например, дом часто продолжал оставаться в совместном пользовании семьи, однако доля каждого наследника точно определялась во избежание дальнейших споров.

¹ В состав богатого приданого помимо недвижимости (дом, сад) обычно входили золотые и серебряные украшения, рабы и домашняя утварь. Так, приданое некоей Буртум состояло из серебряных украшений общим весом более 600 г ($1\frac{1}{3}$ мины), золотых украшений весом около 18 г (2 сикля), рабыни, раба и нескольких предметов домашней утвари, а также строения площадью около 36 кв. м (YOS 8 141 — 1888).

Нет прямых сведений о том, во что обходилось строительство дома. В одном судебном решении из Ларсы времени Хаммурапи говорится, что в случае возобновления спора истец обязан предоставить ответчику материалы для постройки дома, а именно 4320 штук (6 сар) необожженных кирпичей и 10 балок для крыши (СВД 47). В ряде купчих на дома оговорено, что в случае предъявления продавцом претензий к покупателю первый платит штраф. Размеры штрафа очень значительные, в несколько раз превышающие ту сумму, которую покупатель уплатил за дом: 500 г серебра (TCL 10 10) и 250 г серебра (TCL 10 5). Возможно, это имело какое-то отношение к стоимости дома. 3X устанавливали для строителя плату в 2 сикля (18 г) серебра за каждый сар, т. е. за каждые 35 кв. м построенного дома (3X § 228). В одном случае арендатор обязался построить на свои средства дом на участке площадью 70 кв. м (2 сар; TS 48). За это он получил право жить в нем в течение 10 лет. По окончании этого срока арендатор обязался этот дом покинуть. Стоимость строительства здесь, кажется, приравнивается к стоимости десятилетней аренды².

Другими видами городской недвижимости, наиболее часто упоминающимися в документах раздела, были участки городской земли, занятые заброшенными строениями, и незастроенные участки, иногда очень значительной площади, т. е. в городах были, вероятно, пространственные незастроенные или заброшенные территории. Так, документ (YOS 5 122) зафиксировал продажу в городе Уре такого участка площадью более 840 кв. м (24 сар), который принадлежал храму бога Нанны.

Сады. На следующем месте после жилых строений в документах раздела упоминались сады, если они были в составе семейного имущества. Основной садовой культурой была финиковая пальма. В документах также встречаются упоминания о яблонях, гранатовом дереве и плодах граната (YOS 8 5; TCL 11 168, 176). В частноправовых договорах среди владельцев садов кроме лиц, названных только по именам, упоминаются также лица следующих должностей или профессий: староста (*rabiānum*, YOS 5 133), начальник торговой организации города (*ugula dam.gār*, YOS 8 85), посыльный (*rá.gab*, YOS 8 65), цирюльник (храма) Уту/Шамаша (*šu.i d.utu*, YOS 8 99). В документах упоминаются также сады, принадлежавшие Большому дому (дворцу) (TCL 10 51) и хозяйствам богов (бога Амурру, СВД 28; бога Нанны YOS 8 85). Располагались сады жителей Ларсы как в пределах самого города или его ближайших окрестностей

² Документов аренды домов из Ларсы сохранилось сравнительно немного (YOS 8 137; СВД 31–34). Аренда домов упоминается и в некоторых письмах, найденных в Ларсе (AbB 14 188). Срок аренды по этим договорам колебался от года до 10 лет. Плата чаще всего указывалась в серебре и составляла от $\frac{5}{6}$ сикля (YOS 8 137; СВД 33) до $2\frac{3}{4}$ сикля 4 ше (СВД 32) в год, т. е. примерно от 7 до 25 г серебра. Дома, построенные почти целиком (за исключением фасада нижнего этажа) из необожженного кирпича, были непрочными, поэтому во многих документах аренды указывается, что съёмщик берет на себя и расходы по дому (*mānahti bītim*), связанные, вероятно, с его ремонтом (СВД 32). Иногда расходы эти были так велики, что арендатор освобождался на несколько лет от арендной платы (TS 60).

(TCL 10 31 giš.kiri6 UD.UNUG.ki-ma), так и в различных сельских поселениях вне Ларсы (uru.ki d.nanna.gu.gal, YOS 8 156; uru *dunnum*.ki, TCL 11 175; uru.ki *idi*-d.Uraš, YOS 8 42).

Сады упоминаются далеко не во всех договорах раздела имущества из Ларсы. Площадь садов, упоминаемых в таких документах, колеблется от 0,7 (YOS 8 74) до 27 га (TCL 11 224), но большей частью она не превышала 6 га³. В большинстве договоров о продаже садов из Ларсы их известно около 40, площадь садов не превышала 0,3–0,6 га. Только в двух случаях (VS 13 79; YOS 8 80) площадь продаваемых садов достигает 6 га, а в одном случае (TCL 10 33) немного превышает эту величину.

Скорее всего, горожане, основным занятием которых были служба или ремесло, чаще всего не занимались сами работами в садах, а сдавали их, особенно находившиеся в дальних поселениях, в аренду. Однако собственно договоры об аренде сада в Ларсе редки (СВД 42): возможно, аренда была наследственной. Зато из Ларсы известно довольно много документов, содержащих оценку предполагаемого урожая сада, из которых видно, что владельцы садов только принимали урожай, а всеми работами занимались другие лица (YOS 5 146; YOS 8 34, 59; TCL 11 150, 182, 184).

Поля. В частноправовых документах из Ларсы поля упоминаются гораздо реже, чем другие виды недвижимости. Они фигурируют только в двух документах раздела имущества, а на сто с лишним случаев продажи недвижимости приходится лишь десять случаев продажи полей, причем по этим договорам в основном продавали небольшие участки площадью от 0,3 до 6,5 га, располагавшиеся рядом с садами⁴.

В некоторых случаях среди другого имущества наследники делят значительные количества зерна, хотя поля в тексте не упоминаются (YOS 8 98; TCL 10 55). Многие жители Ларсы, будучи так или иначе связанными с крупными хозяйствами, располагали, вероятно, служебными земельными наделами, «полями кормления» (a.šā šuku), которые хотя и могли фактически передаваться от отца к сыну, но не всегда были индивидуальными и не упоминались в разделах семейного имущества⁵.

Право на владение таким наделом обычно переходило от отца к сыну вместе с профессией или должностью, с исполнением которой было связано это

³ В документах раздела имущества из Ларсы, Ура и Куталлы площадь садов соотносится следующим образом: до 6 га — 9 раз (UET 5 110, 113; TS 14, 18, 44 (?); YOS 8 74, 88, 98; YOS 5 148), от 6 до 12 га — 3 раза (UET 5 117; TS 50; TCL 11 174), свыше 12 га — 1 раз (TCL 11 224). В Уре на 20 случаев продажи садов только в трех случаях их площадь достигает 6 га (UET 5 174, 176, 178).

⁴ В соседнем с Ларсой Уре поля в договорах раздела имущества и вовсе не упоминаются, неизвестны оттуда и факты продажи полей.

⁵ Поля кормления упоминаются в частных письмах (TCL 7 2), документах аренды (YOS 8 173), судебных спорах (YOS 8 63). Так, в одном документе упоминается 11 участков общей площадью 140 га (22 бур), которые составляли «держание» (шум. i.dab5, акк. *šibtu*) Нарам-Сина и «его людей». Нарам-Син, вероятно, был начальником группы ремесленников, в состав которой входили, как видно из текста, цирюльники (TCL 11 239).

держание. В этом отношении интересно свидетельство судебного протокола (YOS 8 63), в котором зафиксирован спор по поводу такого поля. Его владелец Шеп-Син, к которому предъявил претензии некий Пирхум, утверждал, что спорное поле было служебным наделом его отца, которое тот «держал еще со времени царя Син-иддинама». Царь Син-иддинам правил в Ларсе в 1849–1842 гг. до н. э., а документ был составлен в 1778 г. до н. э. Таким образом, служебный надел находился в руках семьи Шеп-Сина не менее 60 лет. Минимальная площадь служебного надела составляла около 0,35 га (1 ику), с такого поля получали в среднем 400–500 л ячменя.

Свои земельные наделы горожане далеко не всегда имели возможность (или желание) обрабатывать сами. Часто они сдавали их в аренду земледельцам (engar), возможно, тем же жителям сельских поселений, рядом с полями которых располагались их служебные наделы (СВД 16). Участки сдавались в аренду либо за арендную плату, обычный размер которой был 3000 л (10 гур) ячменя с 6,5 га (1 бур) поля (YOS 8 55, 173), либо из доли урожая, чаще всего, вероятно, из $\frac{1}{3}$ (см. ЗХ § 44, 56, 63).

Рабы. После перечисления недвижимости в договорах о разделе семейного имущества могли упоминаться рабы и рабыни (ir/gim), однако они имелись далеко не во всех семьях. Если говорить о рабах как социальной группе, то внутри нее между отдельными категориями людей, называемых в документах рабами, можно различить две основные группы: домашние рабы, обслуживавшие семью хозяина, и рабы-работники, работавшие в различных производственных структурах (земледелии, ремесле), которыми владели или руководили их хозяева.

Домашние рабы. В богатых городских семьях были «домашние» рабы, многие из которых были «рождены в доме» или были куплены для работы в доме у торговцев, которые привозили их из других земель и городов. В большинстве случаев такие рабы выполняли обычную домашнюю работу (помол зерна, приготовление пищи, уход за скотом, ткачество), которая в отсутствие рабов лежала на плечах других членов семьи⁶. Домашние рабы часто упоминаются в составе приданого⁷.

По своему правовому положению такой раб был близок малолетнему, находившемуся под властью главы дома. Раба можно было усыновить (ср. ЗХ § 170, 171) и таким образом превратить в полноправного члена семьи и общества, однако это было возможно, видимо, лишь в случае отсутствия наследников мужского пола (AbB 14 207). Раба, как и другие виды имущества, можно было подарить: известны случаи, когда муж дарит раба жене (СВД 43), отец — дочери (YOS 8 71), обменять (YOS 8 54), отдать в качестве залога (AbB 14 197). В случае неплатежеспособности должника кредитор мог забрать

⁶ В одном контракте из Ура (усыновление), например, мы читаем: «пока он (усыновитель) жив, Или-бани будет делать работу по дому Ахам-арши (усыновителя) и заботиться о его саде подобно его рабу» (UET 5 88).

⁷ В составе приданого упоминаются раб (YOS 8 7), рабыня (YOS 8 154), раб и рабыня (YOS 8 141), в письме содержится просьба купить двух рабов и трех рабынь в приданое дочери (AbB 9 9).

рабов вместе с другими членами семьи должника в обеспечение долга (AbB 14 128).

Рабы-работники. Значительную часть лиц, называемых в текстах рабами, составляли работники крупных хозяйств, в том числе и частных, которые трудились в различных сферах хозяйства: земледелии, скотоводстве, ремесленном производстве. Такими рабами могли быть и жители сельской местности, и горожане-ремесленники. Откуда брались эти рабы-работники? Частично это были те, кто унаследовал такой статус от своих родителей, пленные, которых пригоняли из набегов или военных походов и продавали или распределяли по крупным хозяйствам, лица, лишившиеся вследствие каких-то причин социальных связей и вынужденные прибегнуть к покровительству администрации или богатого человека, лица, которых «дарили» или жертвовали в хозяйство храмов их родственники или покровители. И наконец, рабами могли стать обычные горожане, оказавшиеся в силу обстоятельств в долгу у администрации. Такого рода рабство могло быть временным (см. ниже).

Рабы как часть семейного имущества упоминаются только в самых «богатых» разделах: в Ларсе четыре раза из двадцати (YOS 8 88, 98; TCL 10 55; 11 224), в Уре — пять раз из двадцати двух (UET 5 108, 112, 117, 119, 120), в Куталле — два раза из двенадцати (TS 5, 44). Количество рабов при этом колеблется от 1 (TS 44; UET 5 112) до 39 (TCL 11 224), причем рабов чаще всего значительно больше, чем рабынь⁸.

Скот. Скот как часть имущества горожанина редко упоминался в документах из Ларсы. Он фигурирует в двух случаях раздела имущества. Оба эти раздела принадлежат к числу наиболее «богатых». В одном (YOS 8 88) трое братьев кроме многочисленного другого имущества получили «рабынь, рабов, крупный и мелкий рогатый скот» (gim.îr.hi.a áb.gud.hi.a u8.udu.hi.a); поскольку эта фраза повторяется при описании доли каждого из трех делящихся без указания конкретных цифр, то, вероятно, рабы и скот, остались в общем пользовании всех троих. В другом (YOS 8 98) две группы лиц, предположительно занимавшихся торговлей (братья или компаньоны, неясно), делят разнообразное имущество, и в том числе 138 овец и баранов (по 69 голов на каждого). Большинство горожан, как кажется, либо не держали скот вовсе, либо держали его в очень небольшом количестве.

Серебро. В сохранившихся документах раздела имущества из Ларсы собственнo наличное серебро в виде металла упоминается только один раз. Старший сын Иштар-или, сына Санума, Иддин-Амурру, при разделе семейного имущества кроме недвижимости и рабов получил «[х] мины серебра, 120 гур ячменя (и) 80 гур...» (TCL 10 55, 15). При перечислении имущества второго участника, Иблутама, также упоминается серебро, но в неясном контексте.

Еще в двух случаях, когда при разделе имущества упоминается серебро, имелся в виду очевидно не наличный металл, а какие-то виды семейных дохо-

⁸ Для наглядности данные этих документов о количестве рабов в отдельных семьях сведены в небольшую таблицу (см. приложение).

дов, оцененные в серебре. В одном договоре в доле имущества Ибни-Амурру, старшего сына Иддин-Амурру, упоминается 1 1/2 мины серебра, относительно которой ведется судебное разбирательство в храме Шамаша (TCL 11 174), в другом «серебро договора» (kù.kešda) и «серебро дебеторных обязательств» (kù.dag.gi4.a), всего более 4,5 кг (9 мин 6 1/ сикля), поделили две группы партнеров, которые принадлежали, вероятно, к торговой организации Ларсы, каруму (YOS 8 98, см ниже).

Серебро упоминается еще в нескольких документах раздела имущества из Ларсы, но не как часть делимого наследства, а как компенсация за недостающую часть имущества или какие-либо расходы⁹. В обращении у частных лиц серебра было, по-видимому, немного. Небольшое количество серебра имелось во многих городских семьях в виде женских украшений, входивших в состав приданого, приносимого невестой в дом жениха. Украшения из серебра и золота неоднократно упоминаются в документах из Ларсы как часть имущества женщины (TCL 11 17; YOS 5 207; YOS 8 141, 154).

Разделы имущества в богатых семьях. Несколько примеров (YOS 8 98, 88; TCL 11 224). В 1793 г. до н. э. (28-й год Рим-Сина) две группы из четырех человек, очевидно, партнеров (по два человека в каждой группе), поделили свое имущество, о чем был составлен соответствующий документ (YOS 8 98, транслитерация и перевод документа см.: Козырева 1988: 111, 190). Всего, согласно документу, поделенное на две равные доли имущество состояло из 280 кв. м (8 сар) жилых строений и 220 кв. м (6 1/3 сар) участков заброшенной земли в Уре и Ларсе, 14 дверей, 1 га (3 ику) финиковых садов, 14 рабов, 6 рабынь¹⁰, 138 овец, 18 мин 13 сиклей серебра, 190 гур зерна¹¹, разнообразных мелких предметов и мебели¹². Основную часть поделенного имущества составляли дома, участки городской земли, сады, 20 рабынь и рабов, стада мелкого рогатого скота, большое количество зерна (57 000 л) и серебро (более 9 кг).

При этом партнеры, по-видимому, поделили не наличный металл, а обязательства, оцененные в серебре. Часть серебра, вероятно, поступала по каким-то договорам (kù.kešda), а часть была вложена в торговый (?) оборот (kù.dag.gi4.a). Недвижимость партнеров располагалась в Уре и Ларсе (дома и участки городской земли) и в поселении Замарум (сады). В приписке, следующей сразу

⁹ 1 сикль серебра «за недостающие деревья» (TCL 10 141, 8–11), 1 сикль серебра «вместо двери» (YOS 8 88, 25), 1 мина серебра «вместо жены» (TCL 11 224).

¹⁰ В данном случае, в отличие от документа TCL 11 224 (см. далее), социальный статус этих лиц не вызывает сомнений. Перед именами выписана идеограмма раб/рабыня (ir/gim), а после каждого имени поставлена указывающая на зависимый статус шумерская формула «по имени» (mu.ni): «...один раб Гимил-Гула по имени, один раб Илушу-таппаз по имени... одна рабыня Аматалия по имени...».

¹¹ 190 гур зерна — это урожай с поля площадью более 6 бур, т. е. около 40 га (при урожайности 30 гур с 1 бур). Однако поля в разделе не упоминаются.

¹² Среди них два бронзовых зеркала, противовесы для взвешивания, чашки для весов, медные мерки различного объема, столы, табуретки, в том числе медные, корзины для хранения одежды и для хранения табличек и другие предметы.

после перечня имущества (строки 63–67), упоминается, что в будущем каждая из сторон будет отвечать за свои обязательства самостоятельно, так что тамкар (в данном случае, вероятно, как сборщик налогов) одной стороны не будет предъявлять никаких претензий к другой стороне.

В 1791 г. до н. э. (32-й год Рим-Сина) трое братьев поделили недвижимое имущество, располагавшееся в Ларсе, в поселении «укрепление Или-ашранни» (an.zag.gàr ilī-ašranni) и еще в двух поселениях (YOS 8 88). В Ларсе семья владела жилыми домами рядом с домом тамкара Син-эриша площадью 225 кв. м и незастроенными городскими участками площадью 516 кв. м. В поселении Или-ашранни она располагала жилыми домами площадью 144 кв. м и незастроенными участками площадью около 432 кв. м. Там же в поселении Или-ашранни находились поля общей площадью около 35 га (5 бур 11 ику), которыми владели братья. Были поделены также сады площадью около 2,2 га, большая часть их также находилась в поселении Или-ашранни. Хотя недвижимость (дома, участки, поля и сады) была поделена, крупный и мелкий рогатый скот и рабы остались, по всей вероятности, в общем пользовании всех братьев¹³. Это может говорить о том, что, хотя раздел имущества и был произведен, сельскохозяйственные работы велись по-прежнему совместно.

Один из самых «богатых» разделов имущества был произведен в Ларсе в 1772 г. (51-й год Рим-Сина). Глава семьи Син-бел-аплим, накопивший такое значительное имущество, также был тамкаром и состоял в торговой организации Ларсы (Leemans 1950: 50)¹⁴. Семеро наследников Син-бел-аплима поделили имущество «дома отца» (TCL 11 224). Семья, по-видимому, постоянно жила в Ларсе, где она владела жилыми домами площадью более 250 кв. м, а также двумя обширными участками городской земли: один участок площадью около 1500 кв. м с заброшенными и разрушенными строениями (ki.šub.ba), а второй представлял собой незастроенный пустырь (kislah) площадью более 1 га. Здесь же в Ларсе у них был сад площадью более 210 кв. м (знаки сохранились не полностью). Кроме того, у семьи были незастроенные городские участки в Уре (более 1 га) и городе Меду (uru.ki medu), также более 1 га. Главным богатством семьи были, судя по всему, сады в городе Бад-Тибира, занимавшие более 22 га. Таким образом, недвижимость семьи располагалась в четырех разных городах.

Помимо недвижимости и отдельных предметов обстановки наследники поделили между собой группу работников, более 30 человек (39?), которые в записи раздела перечислены по именам. Однако, в отличие от вышеупомянутого документа раздела YOS 8 98, в этом перечислении перед именами не вы-

¹³ При описании каждой из трех долей имущества упоминаются «рабыни, рабы, крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот», при этом никакие цифры в документе не указываются.

¹⁴ О каруме Ларсы времени Рим-Сина, тесной связи торговой организации города с хозяйством главного городского бога Ларсы, бога Шамаша свидетельствуют документы из архива еще одной богатой семьи из Ларсы, семьи Санума, также принадлежавшей, по-видимому, к этому кругу (см. главу XVI).

писан термин «раб/рабыня», также после имен нет обычного для обозначения в документах лиц рабского статуса термина «по имени» (*tu.ni*). Примерно $\frac{2}{3}$ из числа этой группы составляли мужчины, остальные — женщины и три девочки, их дочери, скорее всего, малолетние, так как они не названы по имени. Одна из этих девочек осталась в той же группе, где была ее мать, а две другие были отделены от матерей и зачислены в другие группы. Каждому из четырех лиц, участвовавших в разделе, досталось от 4 до 7 человек, но это, вероятно, не были семейные группы.

При именах двух мужчин указаны их профессии: кузнец и цирюльник. Возможно, и другие лица, упомянутые в этом списке, имели профессии, но кузнец и цирюльник были тезками: обоих звали Шамаш-магир, поэтому для их различения и были указаны профессии, а при других именах (больше тезок нет) профессии могли и не указать. Интересным представляется и то, что все теофорные мужские имена включали имя бога Шамаша. Владельцы были, по-видимому, тесно связаны с торговой организацией Ларсы и храмом Шамаша (см. ниже) и, возможно, в их распоряжении была группа работников храма.

Трое братьев ко времени раздела еще не были женаты, и помимо доли имущества им полагалась компенсация «вместо жены» (*kima aššatim*): в качестве такой компенсации одному дали «трех рабынь» (3 *gim.hi.a*), т. е. в данном случае социальный статус переданных женщин был зафиксирован, а их имена не были названы. Двум другим выплатили по 1 мине серебра, что равнялось примерно стоимости трех рабынь в серебре.

И наконец, еще одним видом имущества, которым владела данная семья, были права на должности в храме Нанны/Сина (*é d.šeš.ki*) и в храме Шамаша (*é d.utu*). В течение примерно 50 дней в году члены семьи исполняли обязанности «входящих в храм» (*lú tu é/erib bitim*). Это была одна из высоких номинальных должностей в храмовой иерархии, приносившая, по-видимому, значительный доход¹⁵.

Раздел имущества наследников Син-бел-аплима был произведен в присутствии большой группы свидетелей, состоявших, как было принято, из родственников, ближайших соседей и партнеров по службе. Имена и должности свидетелей, упомянутые в тексте, дают возможность представить ближайшее окружение этого семейства и в некоторой степени его социальный статус. Первым и, следовательно, самым значительным по положению свидетелем указан начальник торговых агентов-тамкаров (*ugula dam.gàr*), его имя в тексте не сохранилось. Предпоследним в списке свидетелей указан торговый агент-тамкар Ипку-илишу. Среди остальных свидетелей многие также были членами торговой организации (карума) города Ларсы¹⁶, в том числе Иддин-Амурру, сын Иштар-или, представитель семьи Санума (см. гл. XVI).

¹⁵ Точные функции исполнителя этой должности неизвестны, но она стояла в перечне высших храмовых должностей (CAD v. E 290 ff.).

¹⁶ В том числе два брата, сыновья Ку-Нинсианны. Тесная связь семьи с торговой организацией Ларсы и храмом Шамаша отразилась в документе, составленном еще в 1826 г. (TCL 10 4).

Какой уровень жизни, какие материальные ресурсы могло обеспечить имущество, которым располагали обеспеченные городские семьи? Насколько их уровень потребления мог отличаться от уровня потребления остальных городских семей?

В законодательных памятниках этого времени при описании имущества, которое передавали в дар или получали по наследству, обычно использовали стандартное клише: «поле, сад, дом» (*eqlum kirūm û bītum*). В этих случаях имелось в виду, по-видимому, то имущество, которое было источником существования его владельца. Иногда помимо недвижимого упоминали и движимое имущество/добро (*bīšūm*). Судя по ЗХ, имущество, которое было необходимо иметь женщине, оставленной мужем, чтобы вырастить детей, — это поле, сад и дом (ЗХ § 137, в данном случае женщине причиталась половина того, что принадлежало ее мужу). Поле, дом и сад — имущество сирот — согласно договору от 1739 г. до н. э. в присутствии должностных лиц, в том числе «начальника квартала», было передано некоему Авиятуму, гонцу, с тем чтобы он поднимал детей, оставшихся, по-видимому, без родителей¹⁷. Размеры имущества не указываются, скорее всего, они были стандартными. Такой состав недвижимого имущества вполне мог обеспечить жизнь детей и их опекуна; уровень потребления большинства населения, судя по сохранившимся данным, был весьма скромным.

Нормы потребления продуктов в административных текстах III тыс. до н. э. В шумерском сказании об Адапе, рыболове из города Эриду, рассказывается, как однажды тот обломал крылья Южному ветру, мешавшему ему ловить рыбу для жертвоприношений богам. Великий бог Ану, царь небес, потребовал, чтобы Адапа предстал перед ним для объяснений. Когда Адапа поднялся на небеса, боги предложили ему пищу, воду, одежду и масло для умащения. Совершенство даров, предложенных Адапе богами в качестве жеста гостеприимства, можно рассматривать как отражение того, что в Южной Месопотамии традиционно считалось необходимым для поддержания жизни и собственно составляло ее материальную основу (Izre'el 2001: 120–121). Еда, питье, умащение, одежда — это то, что было необходимо человеку ежедневно. Эти четыре элемента составляли базовую основу человеческого существования, что нашло свое отражение не только в мифологии, но и в хозяйственных текстах¹⁸.

Из математических и хозяйственных текстов последней четверти III тыс. до н. э. известно, что уже в это время в Южной Месопотамии существовала тщательно разработанная система хозяйственных норм: норм затрат труда на производство различного вида работ, выхода продукции, посева зерна на единицу площади, урожайности и т. п. (Вайман 1961: 35 сл.). Сохранившиеся записи выдач доволь-

¹⁷ «Относительно поля, дома и сада (a.šà é û giš.kirib) детей Мар-Амурру — Игмил-Син передал это (имущество) Авиятуму, гонцу, сыну Ша-Амурру. За поле, дом и сад Авиятум, гонец, сын Ша-Амурру, отвечает и детей Мар-Амурру он вырастит» (Anbar, Stol 1991: № 23).

¹⁸ Различие между едой и питьем, с одной стороны, и маслом и одеждой — с другой, имело, вероятно, глубокое значение. Вода и еда представляли необходимое для поддержания биологической жизни, масло и одежда — это элементы цивилизации и, следовательно, жизни человеческой в отличие от жизни животного.

ствия персоналу хозяйств представляют материал, по которому можно судить и о наличии определенных норм потребления. Распределительная система, на которой преимущественно базировалась городская экономика Южной Месопотамии, подразумевала регулярные выдачи трех базовых продуктов: ячменя, масла и шерсти. Остальные продукты — овощи, финики, рыба и др. — выдавались только по случаю и не всем, а только определенным группам персонала.

Первые письменные свидетельства существования такого рода системы зафиксированы еще в текстах из Джемдет Наср (конец IV тыс. до н. э.), где перечисляются должностные лица и зерновые рационы, которые они получали (Englund 1988: 46). Термины, обозначающие собственно «выдачи» (шум. *ba*) различного рода продуктов, появляются в документах из Шуруппака, относящихся к 26 в. до н. э., но наиболее обширная информация, касающаяся системы рационов, содержится в хозяйственных документах конца III тыс. до н. э. (22–21 вв. до н. э.). Среди предметов выдач в них упоминаются самые разнообразные продукты: зерно (ячмень), хлеб, рыба, пиво, масло, финики, мясо, а также шерсть. Однако только выдачи ячменя, масла и шерсти производились регулярно. Выдачи остальных продуктов носили случайный, необязательный характер. Количество продукта, получаемого каждым индивидуумом, зависело от ряда обстоятельств, прежде всего от пола и возраста и во вторую очередь — от статуса и характера исполняемой работы.

При этом, как показал И. Гельб, в крупных хозяйствах Южной Месопотамии III тысячелетия существовала стандартная норма снабжения работников всем необходимым, которая соответствовала, по-видимому, необходимому прожиточному минимуму. Она составляла для взрослого мужчины 2 сила ячменя в день (720 сила, или $2\frac{2}{5}$ гур в год) и 4 сила масла и 4–6 мин шерсти в год. Женщины получали 1 сила ячменя ежедневно, 4 мины масла и 3 мины шерсти в год. Таким образом, в год на содержание взрослого мужчины-работника уходило около 548,6 л ячменя, 3 л масла и 2–3 кг шерсти (Gelb 1965). Женщине, согласно этим нормам, требовалось около 274,3 л ячменя, 3 л масла и 1,5 кг шерсти. Такое количество продуктов в пересчете на современные нормы питания действительно соответствовало необходимому прожиточному минимуму (Stol 1998: 64).

Данные о нормах потребления в административных и частноправовых текстах из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. Списки выдач довольствия составлялись и в начале II тыс. до н. э. Такие документы известны и из Ларсы. Шесть записей такого рода, относящихся к разным месяцам 1803 г. до н. э. (19-й год правления Рим-Сина) происходят, очевидно, из какого-то отдела крупного хозяйства; имена лиц, получающих довольствие, переходят из списка в список (СВД 106–111). Выдачи, по всей вероятности ежедневные, производились ячменем и мукой. Семь лиц из списка получали по 2 л муки в день, трое — по 2 л муки и 2 л ячменя. Из Ларсы этого же времени происходят и еще два документа, в которых точно указан размер ежедневных выдач работникам и срок, в течение которого они получали эти выдачи. Это отчеты о расходе зерна на содержание партии работников (*erín*) в течение месяца (СВД 114, 116). Несколько человек из группы (в одном тексте это 7,

в другом — 8), вероятно начальники отрядов (*erīn ra*), получают по $6 \frac{2}{3}$ л ячменя в день, остальные (1903 и 1894 человека) — по 2 л ячменя в день.

Таким образом, в административно-хозяйственных документах из Ларсы наиболее употребительной нормой зернового довольствия взрослого работника продолжает оставаться 2 л ячменя в день (720 л, или $2 \frac{2}{5}$ гур в год). В этих записях, однако, нет данных о нормах выдачи масла и шерсти, возможно, потому что эти продукты выдавались обычно раз в год, а имеющиеся у нас документы фиксируют только ежедневные и ежемесячные выдачи.

Что кроме зерна и в каком количестве входило в состав необходимой нормы потребления в этот период, применялись ли эти нормы в повседневной жизни отдельных хозяйств или они использовались только в административной сфере? Ответы на эти вопросы могут дать свидетельства законодательных памятников и частноправовых документов этого времени.

Из законодательных памятников начала II тыс. до н. э. из Южной Месопотамии очевидно, что представление о наборе продуктов, необходимых для жизни, остается тем же, что и в предыдущий период: ячмень, масло и шерсть. Так, из § 27 ЗЛИ явствует, что мужчина должен выдавать матери своих внебрачных детей содержание ячменем, маслом и одеждой (*še.ba i.ba ù túg.ba*). Согласно § 32 ЗЭ, человек, отдавший сына на воспитание кормилице, должен обеспечивать ее выдачами ячменя, масла и шерсти (*še.ba i.ba ù sig.ba*). В § 178 ЗХ говорится, что братья жрицы после смерти отца должны содержать сестру, давая ей выдачи ячменем, маслом и шерстью (*še.ba i.ba ù sig.ba*). Размеры выдач ни в одном из случаев не упоминаются. Выражение *še.ba i.ba ù sig.ba*, т. е. «выдачи ячменя, выдачи масла и выдачи шерсти», было, вероятно, устойчивым словосочетанием для обозначения того, что было необходимо для поддержания жизни. В законах есть упоминание и об абсолютной величине норм довольствия, в частности в параграфах, касающихся найма работников: § 11 ЗЭ устанавливает в качестве нормы пропитания работника, нанятого на месяц, 60 л ячменя, т. е. 2 л ячменя в день.

Договоры о найме. Те же нормы, соответствовавшие необходимому прожиточному минимуму, как видно из частноправовых договоров, использовались и в повседневной практике (Козырева 1972; 1988: 140–152; Stol 1998). Так, данные о размере содержания работника встречаются во многих наемных контрактах этого времени. В договоре о найме из Ларсы от 1764 г. до н. э. хозяин обязуется выдать работнику, нанятому для пастьбы скота, плату (4 сикля серебра) и содержание (720 л = $2 \frac{2}{5}$ гур ячменя на год)¹⁹.

В аналогичном договоре из Эшнунны²⁰ хозяин нанимает работника на год для пастьбы овец и также обязуется выдать ему кроме наемной платы опреде-

¹⁹ YOS 8 148, транслитерацию текста см.: Козырева 1988: 193. «Син-магира по имени от него самого Ахушуну нанял. 4 сикля серебра, 720 л ($2 \frac{2}{5}$ гур) ячменя на 1 год он ему дал. В седьмой день месяца ташриту (VII) с утра он приступит к работе. За овец он отвечает» (список свидетелей, дата: VII 1764 г. до н. э.).

²⁰ UCP 10 1 58, транслитерацию текста см.: Козырева 1988: 196. «В месяце абум (V) Пакикума, сына Исидна, Илушу-нацир. сын Бур-Сина, на 1 год для пастьбы овец нанял. 1500 л (5 гур) ячменя — его наемная плата. 720 л ($2 \frac{2}{5}$ гур) — пропитание (*še.ba*), 1 сикль серебра — одежда (*sig.ba*).

ленное содержание. В соответствии с заключенным договором за год работы хозяин должен был заплатить нанятому пастуху 1500 л зерна и выдать ему содержание в размере 720 л ($2\frac{2}{5}$ гур) ячменя и 1 сикля серебра на одежду.

В другом документе, также происходящем из Ларсы, договор о найме был заключен не на год, а на несколько месяцев, поэтому здесь указан размер ежемесячных выдач: «По 60 л ячменя ежемесячно (в качестве) пропитании он будет ему давать, и одеждой (стоимостью в) 1 сикль серебра он его оденет» (СВД 36 1739), т. е. ежедневная норма составляла 2 л ячменя.

Известны и еще договоры о найме, в которых упоминается величина содержания, выдаваемого хозяином работнику, и в них прослеживается наличие вполне определенных норм содержания работников. В большинстве случаев размер этого содержания был одинаковым и равнялся той же норме довольствия, которая действовала в крупных хозяйствах и упоминалась в административно-хозяйственных документах. В некоторых договорах найма, правда, особо оговаривалось еще и количество питья (ячменного пива, шум. *kaš*, акк. *šikārum*), которое получал работник. Оно могло составлять 3 л в день (YOS 14 74; СВД 38).

Данные о расходах на содержание наемного работника по договорам о найме (количество ячменя, которое расходовалось на еду и питье в течение года, и количество «серебра одежды», которое ему выдавали):

Дата	Еда (ячмень) л на 1 день (год)	Питье л на 1 день (год)	Серебро на одежду сиклей (в год)	Документ
ок. 1863	2 (720)	—	1	UCP 10 I 58
1739	2 (720)	—	1	СВД 36
1764	2 (720)	—	—	YOS 8 148
?	2 (720)	—	—	VAB 5 161
?	2 (720)	2 (720)	—	VAB 5 163
1647	2 (720)	3 (1080)	—	YOS 14 74
1635	2 (720)	3 (1080)	—	СВД 38

Сколько мог такой работник заработать за год? В законодательных памятниках того времени регулировались размеры не только содержания наемного работника, но и его оплата. Так, по ЗЭ плата наемному работнику в месяц (= 30 дней) должна была составлять 1 сикль (180 ше) серебра, а на питание хозяин должен был выдавать работнику 60 л ячменя в месяц, т. е. 2 л в день (§ 11). Исходя из такой суммы оплаты можно подсчитать, что один день работы оценивался в 6 ше серебра. Похожие расценки, 5 и 6 ше серебром в день, упоминаются и в ЗХ (§ 274). Если пересчитать эти платежи на зерно, то наемный работник

Из овец, за которых он отвечает, на (каждую) сотню сто двадцать он отдаст, и за пропажу (овец) он отвечает. Если он будет небрежен, он потеряет свою наемную плату» (список свидетелей, дата — около 1863 г. до н. э.).

зарабатывал 10–12 л ячменя в день, помимо того что он получал в качестве содержания²¹. В год плата такого работника должна была составлять соответственно 10 или 12 сиклей серебра или 3000–3600 л зерна. Теоретически, исходя из существовавшего норматива в 720 л ячменя в год на взрослого мужчину, такого количества зерна могло хватить для пропитания семьи из 3–4 человек²².

Договоры о пожизненном содержании. Подтверждение тому, что содержания, в основе расчета которого лежал именно такой норматив (720 л ячменя в год), хватало для обеспечения прожиточного минимума взрослого человека и что это содержание сознательно воспринималось именно как необходимая и достаточная для каждого норма потребления, можно найти в других договорах этого времени, которые касаются обеспечения стариков, одиноких женщин и малолетних детей. Незамужние женщины (жрицы), вдовы, престарелые родители, одинокие старики, сироты, оставшиеся без родителей, — все те, кто в силу положения или возраста не могли заниматься физическим трудом, но располагали достаточным имуществом, могли передать свое имущество другим людям (чаще всего родственникам или усыновленным, в числе которых могли быть и рабы) в обмен на пожизненное содержание. При этом составлялись письменные договоры, в которых размер содержания указывался в форме ежемесячных или ежегодных выдач (Козырева 1972; 1982; Stol 1998).

Так, например, на одной из табличек, найденных около Ниппура, записан контракт, согласно которому трое сыновей обязались содержать мать, пока та жива, — ежегодно выдавать ей 720 л ($2 \frac{2}{5}$ гур) ячменя, 2,5 кг шерсти и 4 л свиного жира (TIM IV 27). В другом документе двое сыновей обязались содержать отца, который поделил свое имущество между ними (BE 6/2 28): «Варад-Син и Нур-Шамаш Авель-или, своего отца, ежемесячно 60 л ячменя и $\frac{1}{3}$ л растительного масла и ежегодно 1,5 кг шерсти — выдачами ячменя, масла и шерсти — будут его поддерживать». Таким образом, двое сыновей обязались выдавать отцу следующее содержание (в пересчете на год): 720 л ячменя, 4 л растительного масла и 1,5 кг шерсти.

В основе расчетов при установлении размеров ежегодных выдач, очевидно, лежали традиционные нормы, хотя в отдельных случаях размеры содержания

²¹ Стандартное соотношение серебра и зерна составляло 1 сикль серебра на 300 л (1 гур) зерна.

²² Совсем другие масштабы оплаты труда работников упоминаются в ряде царских надписей из Ларсы. Царь Нур-Адад (1865–1850), сообщая о процветании, которого достигла при нем страна, в подтверждение своих слов упоминает о том, как оплачивался труд работников, занятых на строительстве «великой стены» вокруг Ларсы, названной «Бог Уту достиг своего триумфа». Ежедневно каждый работник получал по 30 л ячменя, 2 л хлеба, 2 л пива и 15 г растительного масла. О высоких платежах такого рода упоминается и в надписях двух других царей: Син-иддинама (1849–1842) и Варад-Сина (1834–1822) (см. гл. XIII).

Плата работникам за 1 день работы по царским надписям из Ларсы:

Имя царя	Зерно	Хлеб	Пиво	Масло	Документ
Нур-Адад	30 л	2 л	3 л	17 г	RIME 4 149
Син-иддинам	[х]	2 л	4 л	17 г	RIME 4 160
Варад-Син	30 л	2 л	2 л	17 г	RIME 4 239 ff.

могли быть больше или меньше этих норм (Stol 1998: 64–65). Так, в 1742 г. до н. э. был составлен договор о содержании, в соответствии с которым трое сыновей обязались обеспечивать продуктами своего отца (Anbar, Stol 1991: № 22). Каждый из братьев обязался ежегодно выдавать отцу по 1000 л ячменя, 2 кг «хорошей» шерсти и 2 л растительного масла, вместе это составляло 3000 л ячменя, 6 кг шерсти и 6 л масла в год. Содержание женщины могло быть несколько меньше. Так, например, два брата, жившие в Уре, поделив, вероятно, после смерти отца часть семейного имущества (строения и двери к ним), включили в договор о разделе обязательство о совместном содержании матери (UET 5 115, дата не сохранилась). Оно составляло 30 л муки и 0,5 л растительного масла ежемесячно и 3 кг шерсти раз в год²³. Это же соглашение было отдельно (от договора о разделе имущества) записано на другой табличке, датированной 1813 г. до н. э. Судя по единообразному списку свидетелей на обеих табличках, вторая была составлена одновременно с первой (UET 5 603). Текст соглашения о содержании на обеих табличках идентичен. В пересчете на год содержание женщины в данном случае равнялось 360 л муки, 6 л масла и 6 минам шерсти.

Размер выплаты вряд ли зависел напрямую от размеров передаваемого имущества, хотя определенная корреляция в этом отношении наблюдается. Так, в договорах такого рода из Сиппара площадь поля, отдаваемого взамен содержания, могла значительно колебаться от 6 до 46 ику, но размер содержания при этом изменялся только в два раза. В первом случае он составлял 1 $\frac{1}{2}$ нормы, во втором — 3 нормы (Stol 1998: 69).

Размеры выдач ячменя, упомянутые в соглашениях такого рода, колебались в очень значительных пределах: от 40 до 3600 л в год. Тем не менее более чем в половине случаев они соответствовали действовавшей стандартной норме или составляли часть этой нормы ($\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$). В ряде соглашений о содержании из Сиппара помимо ячменя, масла и шерсти в качестве предметов выдач дополнительно упоминались также мука и мясо. Большая часть этих документов представляли собой договоры об удочерении девушек сиппарскими жрицами Шамаша. Приемная мать передавала дочери свое имущество и жреческие доходы, в состав которых входило и мясо от жертвоприношений. В обмен на это удочеренная должна была содержать ее в соответствии с условиями договора и в праздники Шамаша, происходившие несколько раз в год, делиться своими доходами от жертвоприношений, выдавая ей дополнительно некоторое количество муки и по куску мяса. То, что снабжение жриц Шамаша, находившихся в особо привилегированном положении, отличалось от снабжения других лиц, передававших свое имущество в обмен на содержание, только тем, что жрицы получали еще некоторое количество муки и несколько кусков мяса

²³ UET 5 115 (дата не сохранилась) 8. itid.da 3 (ban) zid.še ½ sila i.giš 9. mu 1 kám 6 ma.na síg 10. u4-us-su-um 11. ù dingir-šu-na-šir 12. um-mi-ṭabat.ba.at ama.a.ni 13. in.na.an.sum.meš 14. mu lugal.bi in.pád (15–21 — список свидетелей).

Перевод: «(В том, что) ежемесячно по 30 л ячменной муки и по $\frac{1}{2}$ л растительного масла (и) ежегодно по 3 кг шерсти Уссум и Илушу-нацир Умми-табат, своей матери, будут давать, именем своего царя они поклялись».

в год в качестве своей доли жертвоприношений, свидетельствует, что уровень потребления большинства населения был скромным и в основном видимо, ограничивался рамками традиционных норм.

Стандарты, определявшие потребности человека в самом необходимом, выработанные в распределительной системе крупных хозяйств Южной Месопотамии в III тыс. до н. э., по-видимому, широко применялись и в первой половине II тыс. в административной и в частноправовой сферах. Нормой пропитания, необходимой для взрослого мужчины, считалось 2 л ячменя в день (720 л, или 2 ²/₅ гур в год); кроме того, ему требовались 3–4 л растительного масла в год и одна шерстяная одежда, на изготовление которой шло 2–3 кг шерсти (в пересчете на серебро такая одежда стоила 1 сикль). Для пропитания женщины достаточной считалась половинная норма ячменя, т. е. 1 л в день (360 л, или 1 ¹/₅ гур в год). Масла и шерсти на одежду женщине требовалось примерно столько же, сколько и мужчине²⁴.

Судя по данным в договорах о передаче имущества в обмен на содержание, это были вполне реальные нормы, в рамках которых в основном проходила жизнь как той части городского населения, которая владела определенным семейным имуществом, так и горожан, не располагавших собственным имуществом и получавших жизненно необходимые ресурсы от администрации в виде платы за выполняемую ими работу или службу. Существовало и представление об «идеальной» (желательной) норме, которая составляла 10 л ячменя в день, или 3600 л в год (Stol 1998: 67, n. 32).

Приложение. Данные о количестве рабов в отдельных городских семьях по документам из Ларсы, Ура и Куталлы (таблица) и фрагмент договора раздела имущества (TCL 11 224 58–92)

Данные о количестве рабов в отдельных городских семьях по документам из Ларсы, Ура и Куталлы:

Всего рабов	Мужчин	Женщин	Документ
39	28	11	TCL 11 224
22	22	—	UET 5 120
20	16	4	TCL 10 55
19	13	6	YOS 8 98
10	10	—	UET 5 108
5	2	3	TS 5
4 (?)	2	2 (?)	UET 5 117

²⁴ Поскольку эти нормы соответствовали необходимому минимуму для проживания, нет ничего удивительного в том, что они применялись и позднее в нововавилонский и персидский периоды (Driel 1998).

3+x	3 (?)	x	UET 5 119
1+x	1	x	TS 44
1	1	—	UET 5 112

Договор о разделе имущества сыновьями Син-бел-аплима (TCL 11 224). Текст был составлен в 1772 г. до н. э. (51-й год правления царя Рим-Сина). Документ содержал описание долей имущества шести братьев и список свидетелей. Он состоял примерно из 200 строк, записанных в два ряда на лицевой и оборотной стороне глиняной таблички, но сохранился не полностью. Приведенный ниже фрагмент договора содержит описание долей имущества двух из шести братьев, Алума и Ибби-Шамаша.

58. $\frac{5}{6}$ sar é.dù.a da é [.]
59. 4 sar ki.šub.ba *i-na* kaskal-a[.]
60. 10 iku 45 sar giš.kiri₆ bàd-[tibira.ki]
61. ús.sa.du d.EN.ZU-*ri-me-ni*
62. 41 sar ki.gal₆ ká ud.unug.ki-*ma*
63. ús.sa.du d.EN.ZU-*ri-me-ni*
64. 44 sar ki.gal₆ uru.ki *me-du-ú*
65. ús.sa.du d.EN.ZU-*ri-me-ni*
66. 44 sar ki.gal₆ *i-na* šeš.unug.ki-*ma*
67. ús.sa.du d.EN.ZU-*ri-me-ni*
68. m. *ì-lí-i-din-nam*
69. m.mu-ti-e-ra-ah
70. m.a-la-al-a
71. m.d.utu-mu-tab-li
72. m.ištar-dam-qu-mu-ul-lu-ši
73. u₄ 8.kam lú tu é d.nanna
74. ha.la *a-lu-ú-um*
75. 1 sar 11 gín igi.4.[gál é.dù.a]
76. da é *i-[bi-d.EN.ZU]*
77. da é d.utu [.]
78. 10 iku 25 sar giš.kiri₆ bàd-[tibira.ki]
79. ús.sa.du *a-lu-ú-um*
80. 41 sar [ki].gal₆ ká ud.unug.ki-*ma*
81. ús.sa.du *a-lu-ú-um*
82. 44 [sar ki].gal₆ uru.ki *me-du-ú*
83. [ús].sa.[du] *a-lu-ú-um*
84. [44] sar ki.gal₆ *i-na* šeš.unug.ki-*ma*
85. ús.sa.du *a-lu-ú-um*
86. m.d.utu-na-šir
87. m.HI.AB.GAL-ša-du-šu
88. m.d.utu-du-um-qi
89. m.ì-lí-um-ma-ti

90. 1 na₄ har.zi.bi

91. ha.la i-bi-d.utu

92. u₄ 8.kam lú tu é d.nanna

Перевод:

(58–92) «⁵/₆ сар жилого строения возле дома [х], 4 сар заброшенного участка возле дороги [х], 10 ику 45 сар сада (в) городе Бад-Тибира возле сада Син-римени, 41 сар незастроенного участка у ворот Ларсы возле (участка) Син-римени, 44 сар незастроенного участка (в) городе Меду возле (участка) Син-римени, 44 сар незастроенного участка (в) городе Уре возле (участка) Син-римени;

Или-иддинам, Мути-эрах, Алалла, Шамаш-мутабли, Иштар-дамку-муллуши;
8 дней (должности) “входящий в храм бога Нанны”

— это доля Алума.

1 сар 11 гин [жилого строения] возле дома Иб[би-Сина] и возле дома Шамаш-[х], 10 ику 25 сар сада (в) городе Бад-тибира возле сада Алума, 41 сар незастроенного участка у ворот Ларсы возле (участка) Алума, 44 сар незастроенного участка (в) городе Меду возле (участка) Алума, 44 сар незастроенного участка (в) городе Уре возле (участка) Алума.

Шамаш-нацир, [х]-шадушу, Шамаш-думки, Или-уммати;

1 мельничный жернов,

— это доля Ибби-Сина, (а также) 8 дней (должности) “входящий в храм бога Нанны”».

Глава XVI

«Богатые и великие». Семьи городской элиты Ларсы в 19–18 вв. до н. э. Семья Санума. Семья Бальмунамхе

Состав городской элиты. Семейство Санума: деятельность и имущество. Семья Бальмунамхе: деятельность и имущество. Частноправовая деятельность городской элиты.

Приложение: договор о покупке сына у родителей от 6/III 1819 г. до н. э. (YOS 5 141); гарантийное соглашение от 10/V 1819 г. до н. э., содержащее обязательство родителей выплатить покупателю [x] мины серебра в случае бегства сына (YOS 8 23); гарантийное соглашение от VI 1804 г. до н. э., содержащее обязательство родителей отдать покупателю дом и сад в случае бегства сына (YOS 8 35).

Состав городской элиты. Вопрос о том, какой была структура городского общества в Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э., ставился исследователями неоднократно, но до сих пор он далек от разрешения¹. С достаточной очевидностью можно говорить о том, что в городах Южной Месопотамии

¹ Трудности исследования социальной структуры общества древней Месопотамии во многом связаны с характером информации, которую содержат клинописные источники. Выдающийся ассириолог Л. Оппенхейм сравнивал эту информацию с лучом света, произвольно освещающим то один, то другой предмет в бесконечном мраке тысячелетий (Оппенхейм 1980). Узкая направленность свойственна, по-видимому, не только клинописной, но и другим видам письменной информации. Это связано, с одной стороны, с тем, что далеко не все стороны жизни древнего общества требовали письменной фиксации, а с другой — что круг грамотных людей был достаточно ограничен и их традиционный, выработанный многими поколениями взгляд на мир, несомненно, влиял на характер и широту письменной информации (Adams 1981: 81). В такой ситуации для исследователя особую важность представляет анализ косвенной информации, которая носит отрывочный характер, будучи рассеяна буквально по крупiciцам в разных источниках.

существовали привилегированные социальные группы, однако о конкретном социальном статусе и имущественном положении лиц, входивших в их состав, известно очень мало. Некоторые сведения на этот счет содержатся в письменном материале из города Ларса (Козырева 2014).

В одном письме, сохранившемся, к сожалению, только фрагментарно, некто пишет о необходимости рассмотреть дело об убытках, которые понес главный садовник (AbB 10 161). Для этого надо, чтобы «судьи Ларсы и главные люди города (di.kud.meš ša UD.UNU.ki ù lú *qaqqadat* ugu.ki) вошли в храм и решили дело в соответствии с (царским) указом». Аккадское слово *qaqqadum* (букв. «голова») не было официальным титулом или обозначением должности (Stol 1976: 77–78). Оно служило для обозначения человека высокого статуса, стоящего во главе какой-либо важной городской структуры. Так могли называть, например, главу городской торговой организации, чья должность формально называлась «начальник тамкаров (ugula dam.gàr). Важное дело, о котором говорится в письме, в данном случае должны решить городские судьи и «главные люди города».

В 1767 г. до н. э. (55-й год правления царя Рим-Сина) «судьи города Ларсы» (di.kud.meš ša UD.UNU.ki) рассмотрели имущественный спор, который возник в одной из богатых семей города (VS 18 1; Козырева 1982). Слушание дела и принятие решения происходило в присутствии «карума Ура и Ларсы, квартала и начальника квартала», вероятно, как представителей истца². В тексте «судьи города Ларсы», участвовавшие в этом процессе, — их было шестеро — перечислены поименно. После имени каждого судьи указан его служебный статус или родственные связи:

(6–11) Или-иппалсам, судья, служитель санга бога Нергала,
Иддин-Амурру, судья, сын Санума,
Иддин-Нергал, судья, начальник пятерки (тамкаров),
Хумбайя, судья, сын Лу-Нинсианны,
Хабил-кинум, судья, брат Ирибам-Сина, начальника тамкаров,
Син-ериш, судья, сын Или-икишама, шакканаккума.

Таким образом, среди городских судей Ларсы были люди самого высокого служебного статуса или представители их семей. В 1767 г. до н. э. в этот круг входили представители городской торговой организации (карума), один из служителей культа Нергала, личного бога правящей семьи, чиновник-шакканаккум, управлявший городскими трудовыми и воинскими ресурсами. В письмах и документах того времени высшие слои городского общества обозначались как «богатые и великие» (*kabtu ù rabū*, букв. «тяжелые/мощные и большие/великие»). Эти термины употреблялись как устойчивое словосочетание и не требовали никаких дополнительных разъяснений.

² О высоком положении участников судебного дела говорит и факт участия в нем родственника царя. Поскольку дело оказалось сложным и в качестве свидетелей пришлось опрашивать жителей поселения Ишкун-Нингирсу, на которых юрисдикция судей города Ларсы, вероятно, не распространялась, к рассмотрению дела подключился сын царя Рим-Сина Нергал-рим-или, который и опрашивал этих свидетелей; подробнее об этом тексте см. гл. XIV.

Некоторое представление о возможностях, которыми располагали те, кто входил в эти высшие городские группы, дают гарантийные документы, составленные при временной передаче рабов от одного лица другому. В тексте гарантии предусматривались штрафные санкции на случай бегства переданного раба и указывалось (в разной степени детализованности), где те могли найти безопасное убежище в случае бегства. В этой связи в ряде текстов из Ларсы упоминаются следующие лица и структуры: Большой дом/дворец (*é.gal*), знатный человек (*kabtu*), высокопоставленный чиновник (*rabū/rābišum*) или «дом женщин» (*é.mi*). Беглого раба, попавшего к этим людям или в эти структуры, вернуть, по-видимому, было невозможно. Поэтому поручители в случае возникновения такой ситуации были обязаны выплатить очень большой штраф, размер которого соответствовал полной цене взрослого раба или даже превышал ее. Штраф мог составлять от 20 до 60 сиклей (160–480 г) серебра. Месопотамское законодательство наказывало за укрывательство беглых рабов штрафом в 15 сиклей серебра (ЗЛИ § 12) и даже смертной казнью (ЗХ § 19). Судя по гарантийным документам, на лиц, входивших в группу «богатых и великих», это законодательство не распространялось. Возможно, именно к этому кругу принадлежали две городские семьи, с деятельностью которых связано особенно большое количество документов из Ларсы.

Семейство Санума. Значительная группа документов из Ларсы (около 100) зафиксировала деятельность нескольких поколений одной городской семьи, которую можно условно обозначить как семья Санума, по имени старейшего ее представителя³, который упоминается в документах архива (Козырева 1988: 86–94). Документы охватывают период около ста лет, примерно с 1840 по 1744 г. до н. э., но распределены по этому периоду очень неравномерно. Большая их часть представляет собой записи о разделе имущества, договоры купли недвижимости (домов, городских участков и садов) и судебные споры по поводу унаследованного и купленного имущества⁴.

Большая часть документов архива касается деятельности старших представителей трех поколений этой семьи: сына Санума Иштар-или, старшего внука Санума Иддин-Амурру, сына Иштар-или, и его старшего правнука Ибни-Амурру, сына Иддин-Амурру. Старший сын получал в Ларсе обычно двойную долю наследства. Вероятно, он часто наследовал и служебное положение отца. Это

³ Эти документы были в свое время довольно подробно исследованы В. Леемансом, который сделал обзор того, в каких текстах упоминаются члены этого семейства и в каком окружении они действуют (Leemans 1950). Л. Матоуш, исследуя формуляры документов раздела имущества в Ларсе, привел в одной из своих статей транскрипцию и перевод ряда подобных документов из архива Санума (Matouš 1949; см. также Charpin 2003).

⁴ Примерное время деятельности пяти поколений этой семьи по документам архива:

(i) Санум (до 1840 г. до н. э.);

(ii) Иштар-или — Син-шеми (1840–1815 гг.);

(iii) Иддин-Амуррум / Иблутам — Или-(и)турам / Иддин-Нанайа (1815–1804 гг.);

(iv) Ибни-Амуррум-Санум-Мар-Амурру-Липит-Иштар-Син-магир

(время Хаммурапи-Самсуилуны);

(v?) Иддин-Амурру, сын Санума.

позволяло ему развернуть более активную административную и частную деятельность, чем его братьям, что нашло яркое отражение и на примере архива семьи Санума, большинство документов которого касается деятельности в каждом поколении именно старших братьев. Документами освещена в основном только их частная деятельность, о профессиональной можно судить главным образом по косвенным данным⁵.

Санум (i). Старший представитель семьи — Санум — известен только по имени, упоминаемому в текстах как отчество его сына.

Иштар-или, сын Санума (ii). Годы деятельности по сохранившимся документам — 1829–1814. Время активной деятельности Иштар-или пришлось на период политического и экономического возвышения Ларсы в правление Варад-Сина и первые годы правления его брата Рим-Сина. Самый ранний сохранившийся документ, в котором упоминается имя Иштар-или, относится к 1829 г. до н. э. Иштар-или, сын Санума, на почетном первом месте упоминается в списке свидетелей договора о продаже дома одним из его соседей (TCL 10 14). Чем именно занимался Иштар-или, неизвестно, но, судя по косвенным данным, он, скорее всего, состоял в торговой организации Ларсы, каруме, и масштабы его профессиональной деятельности были очень значительными. В IX месяце 1827 г. до н. э. в храме Шамаша в присутствии священных символов этого божества, в том числе «весовой (эталонной) меры» Шамаша, и почти 30 свидетелей был произведен «великий расчет бога Шамаша» (TCL 10 4). В соответствии с этим расчетом Иштар-или отдал 10 мин серебра родственникам некоего Шеш-патук, вероятно своего партнера по торговой деятельности, и был признан свободным от обязательств⁶.

Именно с этого времени, т. е. после проведения расчета и освобождения от каких-то обязательств, Иштар-или начал активную частную деятельность (Charpin 2003). Насколько были связаны эти два события, можно только предполагать. В клинописных документах того времени неоднократно встречаются примеры того, как в конце (или по окончании) своей профессиональной деятельности чиновники или торговые агенты-тамкары покупают дом или раба/рабыню. С XI месяца 1827 по 1819 г., т. е. примерно за 8 лет, по сохранившимся данным, Иштар-или совершил не менее 10 сделок⁷, в результате которых он скупил более 270 кв. м городской недвижимости ($7 \frac{5}{6}$ сар), в том

⁵ По мнению В. Лееманса, участие карума, начальника тамкаров и тамкаров как постоянных свидетелей договоров этой семьи, тесная связь представителей всех поколений семьи с храмом Шамаша и, в некоторых случаях, прямые упоминания статуса тамкара при именах отдельных представителей семьи — все это свидетельствует о том, что она входила в группу торговых агентов-тамкаров (Leemans 1950: 53 ff.).

⁶ TCL 10 4 A, 28–37: «... в присутствии этих свидетелей (для) Иштар-или в храме Шамаша (священный) двойной медный топорик, весовая мера Шамаша, и расчет его (т. е. Шамаша) великий были установлены, и 10 мин серебра, причитающиеся Шеш-патук, Ку-Нинсианне, брату его, и сыну Шеш-патук, он отдал. В том, что ничего, принадлежавшего Шеш-патук, у Иштар-или не имеется (он поклонялся)».

⁷ TCL 10 6–9, 11, 18, 22, 23, 129, 130 — два последних раза вместе с Или-турам, своим племянником.

числе 155 кв. м жилых строений (4 $\frac{1}{3}$ сар) и 115 кв. м незастроенных городских участков (3 $\frac{1}{3}$ сар 35 ше).

Судя по периодически повторяющимся в разных договорах именам отдельных продавцов и свидетелей, Иштар-или чаще всего покупал недвижимость у своих ближайших соседей, вероятно расширяя таким образом свои городские владения. За эту недвижимость, по сохранившимся договорам, он уплатил продавцам более 2,5 кг серебра (5 мин 8 $\frac{1}{3}$ сикля). Каковы были источники богатства этой семьи, которое позволяло Иштар-или израсходовать такую огромную по тем временам сумму серебра на приобретение городской недвижимости? Скорее всего, это была его деятельность как члена торговой организации города Ларсы, которая существовала при храме Шамаша.

В IV месяце 1814 г. до н. э. Иштар-или и его брат Син-шеме поделили между собой часть семейного имущества, около 2 га финиковых садов на берегу канала (TCL 10 31). Первым в списке свидетелей этого договора указан начальник торговых агентов-тамкаров (имя не сохранилось), за ним в списке стоят еще два тамкара⁸. Очевидно, вскоре после этого Иштар-или умер. Он оставил двух сыновей, Иддин-Амурру и Иблутама, но сохранившиеся документы касаются деятельности старшего сына, младший упоминается только в документах раздела.

Иддин-Амурру, сын Иштар-или (iii). Годы деятельности по сохранившимся документам — 1814–1763. В X месяце 1814 г. была сделана запись, зафиксировавшая площадь и местоположение садов, входивших в наследственную долю Иддин-Амурру (TCL 10 30). Их общая площадь составляла около 9 га, и они были расположены в четырех или пяти (документ поврежден) разных поселениях. В том же 1814 г. (месяц неизвестен) между представителями третьего поколения семьи Санума — Иддин-Амурру, сыном Иштар-или, и его двоюродным братом Иддин-Нанайей, сыном Син-шеме, возник спор из-за имущества (TCL 10 34). После смерти отца во владение Иддин-Амурру, по видимому, перешла наследственная доля имущества его двоюродного брата Или-турама, сына Син-шеме. Возможно, потому, что Или-турам был компаньоном в некоторых сделках Иштар-или, отца Иддин-Амурру (TCL 10 129, 130). Это вызвало иск со стороны родного брата Или-турама, Иддин-Нанайи. Вопрос был поднят на самом высоком уровне, и для его решения царь (Рим-Син) направил братьев в храм Шамаша. Торговая организация Ларсы, карум, собралась для разбора спора братьев в храме Шамаша, рассмотрела дело и привела Иддин-Амурру к клятве. В присутствии символов Шамаша (как и в деле его отца Иштар-или) было установлено, что ничего принадлежащего Иддин-Нанайе у Иддин-Амурру не имеется и «...к дому, саду, рабьям (и) рабам, пустошам

⁸ Среди свидетелей раздела в тексте упоминается некий Бур-Син, сын Нанна-манси, который приложил к документу свою печать с надписью «Бур-Син // сын Нанна-манси // раб богини Нинсианны». Он же выступил свидетелем и приложил свою печать к документу раздела имущества сыновей Иштар-или, который состоялся через 13 лет, в 1801 г. (TCL 10 55). За это время Бур-Син сделал карьеру и стал важным дворцовым чиновником, что видно из надписи на его новой печати, приложенной к документу: «Бур-Син // сын Нанна-манси // начальник „слуг“» (ugula sagi).

(и всему) имуществу, какое имеется, и к наследственной доле Или-турама, (ко всему), что Иддин-Амурру, сын Иштар-или, имеет (сейчас) или приобретет (в будущем), Иддин-Нанайа, сын Син-шеме, претензий не должен предъявлять» (TCL 10 34, 23–29). Решение было принято в присутствии 20 свидетелей, в том числе Мунаввирума, начальника тамкаров.

Гораздо позже, в 1801 г. до н. э., т. е. через много лет после смерти Иштар-или, его сыновья Иддин-Амурру и Иблутам официально «поделили имущество дома своего отца, все, что имеется» (TCL 10 55, 5–7). В состав поделенного имущества входили дома, участки городской земли и сады, располагавшиеся помимо Ларсы еще в четырех или пяти поселениях. К сожалению, документ с записью договора о разделе сильно поврежден и о размерах отдельных видов имущества говорить сложно. Помимо недвижимости братья поделили 6 рабынь и 14 рабов, в их числе были два пекаря; серебро (в неизвестном количестве, но, во всяком случае, измерявшееся в минах) и различного рода домашнюю утварь и мебель (TCL 10 55). Две доли получил Иддин-Амурру как старший брат, одну долю получил Иблутам. Вероятно, в состав имущества, которое поделили братья, входила и недвижимость, некогда купленная их отцом. Иддин-Амурру как старший брат должен был получить две части купленной отцом недвижимости, т. е. более 160 кв. м. Кроме прочего имущества на долю Иддин-Амурру досталось также 36 000 л (120 гур) ячменя (урожай с 2–4 бур поля) и 24 000 л (80 гур) еще какого-то зерна. Поскольку о полях в архиве Санума нет никаких упоминаний, скорее всего, это мог быть урожай со служебного надела, которым владела семья.

О профессиональной деятельности Иддин-Амурру почти ничего не известно. Те документы, которые сохранились, в основном касаются его частной деятельности по покупке недвижимости. Скорее всего, он, как и его отец, был тамкаром и по роду своей деятельности был тесно связан с храмом Шамаша⁹. Именно его профессиональная деятельность как тамкара предоставляла ему возможность манипулировать значительными материальными ресурсами.

С 1816 по 1795 г. Иддин-Амурру не менее восьми раз заключал договоры о покупке городской недвижимости (TCL 10 27, 29, 36, 41, 44, 50, 73, 128). За это время он приобрел жилые строения площадью более 190 кв. м (5 $\frac{1}{3}$ сар) и участки заброшенной городской земли площадью более 1800 кв. м (51 сар), заплатив за эту недвижимость примерно 1,7 кг серебра (3 $\frac{1}{3}$ мины 2 сикля 4 ше). Вероятно, как и его отец, Иддин-Амурру продолжал расширять свои наследственные владения, покупая строения у соседей, в том числе и у своего двоюродного брата Иддин-Нанайи.

Примерно в этот же период (с 1813 по 1787 г. до н. э.) Иддин-Амурру, по сохранившимся документам, не менее восьми раз покупал сады и прилегающие

⁹ В 1793 г. до н. э. в храме Шамаша был произведен очередной «великий расчет», в данном случае по поводу невыполненных обязательств по поставке больших объемов шерсти. Среди свидетелей этого разбирательства упомянуты несколько судий и тамкаров, в том числе «Иддин-Амурру, тамкар» (YOS 8 102). В 1791 г. Иддин-Амурру выступил свидетелем при разделе имущества в семье тамкарума Син-бел-аплима (TCL 10 224).

к ним участки земли (TCL 10 33, 35, 37, 42, 43, 46, 51, 89). Садовые участки, приобретенные Иддин-Амурру, располагались в разных поселениях за пределами города Ларса. Их общая площадь превышала 10 га (1 $\frac{1}{2}$ бур 2 ику 20 сар), в том числе более 4 га финикового сада и пустоши он купил у своего двоюродного брата Иддин-Нанайи. За эти приобретения Иддин-Амурру отдал продавцам около 1,5 кг серебра. По наследству от своего отца Иддин-Амурру также получил примерно 10 га садов и пустошей (1 $\frac{1}{2}$ бур 1 $\frac{1}{2}$ ику, TCL 10 30, TCL 11 141). Всего в его руках должно было быть более 20 га садов и прилегающих к ним участков (унаследованных и купленных).

Интересно было бы выяснить, кто работал в этих садах, которые ежегодно приносили многие тысячи литров фиников и других фруктов. Никаких документов об аренде садов в архиве нет. Однако по некоторым косвенным данным можно предположить, что сады семьи Санума обрабатывали постоянные арендаторы. Так, при описании садов, которые приходились на долю Иддин-Амурру, кроме указаний, где располагались те или иные участки, иногда упоминаются лица, которые, видимо, на этих участках работали постоянно (TCL 10 30, 6–7: 6 $\frac{1}{2}$ iku *ša Sin-māgir* 70 sar *ša Imgurum* 10 sar *ša* [x-x-] *rim uru. ki [Ra]hasum*)¹⁰.

Общие расходы серебра по договорам купли составили за эти годы более 3 кг серебра (5 $\frac{5}{6}$ мины 24 $\frac{1}{6}$ сикля 4 ше). Иддин-Амурру мог позволить себе такие колоссальные по масштабам того времени расходы, поскольку принадлежал, видимо, к той немногочисленной прослойке городских жителей, которые по роду своей деятельности или в силу занимаемого положения располагали некоторыми свободными суммами серебра. С другой стороны, значительная часть горожан периодически испытывала, вероятно, потребность в дополнительных ресурсах. Для уплаты налогов и выполнения обязательств перед государством им приходилось обращаться к кредиту. Однако получить заем в серебре могли только те, кто имел доступ к серебру, т. е. торговые агенты-тамкары и чиновники достаточно высокого уровня. Остальные могли получить заем под залог или, при крайней необходимости, продать свою недвижимость.

Иддин-Амурру предоставлял крупные займы лицам высокого ранга¹¹, лицам более низкого ранга он одалживал серебро под залог недвижимости (TCL 10

¹⁰ Участок сада площадью около 2 га (5 ику), который брат Иддин-Амурру Иддин-Нанайа в 1813 г. продал некоему Убар-Шамашу (TCL 10 32), назван в документе «держание Кубуллума» (*šibtat m.kubullum*). Тот же Иддин-Нанайа продал своему брату несколько участков сада и пустоши (TCL 10 33), в том числе участок пустоши в 2 $\frac{1}{2}$ ику *ša Kubullum* и финиковый сад площадью в 3 $\frac{1}{2}$ ику «держание (шум. i.dab5, акк. *šibtu*) PN».

¹¹ В 1793 г. Иддин-Амурру передал более 700 г серебра (1 $\frac{1}{2}$ мины) в качестве займа «товарищества» (*nam.tab.ba*) некоему Лалуму, сыну Син-раби (TCL 10 75). Такого рода займы обычно предоставлялись для масштабных торговых операций. В договоре займа среди свидетелей упомянуты двое тамкаров. В соответствии с договором серебро должно было быть возвращено, «когда пожелает кредитор». Лалум, которому Иддин-Амурру одолжил такую значительную сумму серебра, несколько раз выступал свидетелем в сделках последнего (TCL 10 46, 48).

48 — 1805)¹². Кредитные операции скрывались, вероятно, и за некоторыми сделками Иддин-Амурру по покупке недвижимости¹³.

За время активной деятельности Иддин-Амурру, т. е. примерно с 1814 по 1794 г., в политической и хозяйственной жизни города произошло немало важных событий. Правители Ларсы завоевали весь юг аллювия, в том числе и город Исин, и с 1793 г. Ларса (или Ямутбал) в течение почти 30 лет сохраняла статус сильнейшей политической структуры Южной Месопотамии. Для укрепления своих позиций внутри государства царь Рим-Син начиная с 1793 г. провел, по-видимому, целый ряд реформ, которые были призваны усилить централизованный контроль за деятельностью городских хозяйственных структур и городской элиты, в том числе тамкаров (Mieroop 1993). Примерно с 1798 г. до н. э. периодически стали появляться царские указы (*šimdat šarrirn*), в соответствии с которыми недвижимость, проданная при определенных обстоятельствах (связанных, по-видимому, с долговыми отношениями), могла вернуться первоначальному владельцу (подробнее см. ниже). При этом далеко не все лица, которые были вынуждены продать свою недвижимость, могли на практике добиться ее возвращения, так как часто это требовало обращения в суд (TCL 10 105) и вовлекало в новые расходы. Некоторые продавцы поэтому удовлетворялись получением компенсации от покупателя, хотя ее сумма могла значительно уступать первоначальной плате за недвижимость.

Под действие этих указов попали и некоторые сделки Иддин-Амурру. Начиная с 1798 г. ему неоднократно приходилось возвращать купленную недвижимость (или равноценную ей) ее первоначальным владельцам (TCL 10 76 — 1794; 105 — 1773) или давать им компенсацию в размере 5–10 сиклей серебра (TCL 10 67 — 1798; 70 — 1796; 128 — 1807 и 132 — без даты — транслитерацию и перевод двух последних текстов см. приложение в главе XIV). При составлении договоров о возвращении купленной недвижимости или выплате компенсации за проданную некогда недвижимость в качестве свидетелей присутствовали различные должностные лица, в том числе начальник торговой организации Ларсы (TCL 10 105), тамкары (TCL 10 67, 70), чиновник-какикку, через которого городская администрация контролировала владельцев недвижимости (TCL 10 70).

Всего по сохранившимся документам Иддин-Амурру пришлось вернуть прежним владельцам примерно 25 кв. м жилых строений, около 0,5 га садов и прилегающих к ним участков и выплатить в качестве компенсации примерно 250 г серебра. Документы Иддин-Амурру, связанные с делами по воз-

¹² В XI месяце 1805 г. до н. э. после сбора урожая фиников Иддин-Амурру предоставил некоему Аху-вакару 3 1/2 сикля 18 ше серебра в заем под залог сада. По условию договора должник мог получить свой сад назад, «когда вернет серебро» (TCL 10 48).

¹³ В одном случае Иддин-Амурру покупает у вдовы сад и платит за него 1 1/6 сикля серебра (TCL 10 89). Заем именно такой суммы серебра неоднократно упоминается в документах из Ларсы (YOS 8 153, 171). Эта величина складывалась, вероятно, из основной суммы займа — 1 сикля серебра — и процентов от нее — 1/6 сикля, которые включались кредиторами в сумму займа (Козырева 1988: 136).

вращению проданной недвижимости прежним владельцам, датированы 1798–1773 гг. до н. э. Примерно с этого же времени (после 1791 г. до н. э.) количество сделок купли-продажи недвижимости в Ларсе резко снижается¹⁴ (Charpen 2003: 313).

О деятельности Иддин-Амурру в течение десяти лет, с 1773 по 1763 г., никаких данных нет. В это время он, по-видимому, уже достиг довольно преклонного возраста, учитывая, что начал он свою деятельность не позже 1814 г. до н. э. В 1801 г. до н. э. был произведен раздел имущества между ним и его братом Иблутамом, но некоторая часть семейного имущества вплоть до 1763 г. до н. э. по-прежнему оставалась в их совместном пользовании. Только в III месяце 1762 г. до н. э. была составлена запись раздела между братьями участка сада площадью около 2 га (TCL 11 141)¹⁵. Этот раздел, как это было и в случае с их отцом и дядей (TCL 10 31), был произведен, вероятно, в конце жизни Иддин-Амурру. В истории Ларсы это был трагический год. Через три месяца после составления документа о разделе сада город после довольно длительной осады был захвачен войсками царя Хаммурапи, и вся территория Ямутбала была включена в состав Вавилонского государства.

В нескольких документах из Ларсы, составленных в 1797–1767 гг. до н. э., упоминается имя Иддин-Амурру, сына Санума. Возможно, это был внук Иддин-Амурру, сына Иштар-или. В 1797 г. до н. э. он выступил свидетелем при заключении договора о компенсации. В соответствии с этим соглашением продавец получил за проданный ранее финиковый сад площадью около 1000 кв. м компенсацию в размере 8 сиклей серебра (YOS 8 52). Иддин-Амурру, сын Санума, записан вторым в списке свидетелей, который возглавил Мунаввирум, начальник тамкаров. В 1790 г. до н. э. он также выступил свидетелем при продаже дома, располагавшегося возле храма бога Амурру (YOS 8 128)¹⁶. И наконец, в судебном протоколе, составленном в 1767 г. до н. э., он упоминается как судья (7. m.i-din-d.mar.tu di.kud dumu sa-nu-um). «Перед карумом Ура и Ларсы, кварталом и начальником квартала» в числе других «судей города Ларса» из числа наиболее знатных и высокопоставленных ее жителей он заслушал показания свидетелей и вынес решение по одному судебному делу (VS 18 1, подробнее об этом документе см. гл. XIV).

Ибни-Амурру, сын Иддин-Амурру (iv). Годы деятельности по сохранившимся документам — 1753–1743. У Иддин-Амурру было пять сыновей: старший сын Ибни-Амурру, Санум, названный, по-видимому, в честь прадеда, а также Мар-Амурру, Липит-Иштар и Син-магир. Примерно через 10 лет после

¹⁴ 92 % всех сохранившихся договоров такого рода из Ларсы относятся к 1840–1792 гг. (Charpen 2003: 313).

¹⁵ О времени проведения раздела можно судить по датировке документа (*Hammurapi lugal*: Хаммурапи — царь). Так, документы в Ларсе датировали в первые месяцы после завоевания Ларсы войском Хаммурапи, во второй половине 1763 и в 1762 г. до н. э.

¹⁶ Проданный в соответствии с этим договором за 2 $\frac{1}{3}$ мины 4 сикля дом площадью 140 кв. м был за 13 лет до этого приобретен продавцом за 1 $\frac{1}{2}$ мины серебра, правда, при продаже к дому было добавлено небольшое, около 11 кв. м, складское (?) помещение (YOS 8 58).

смерти Иддин-Амурру пятеро братьев разделили основную часть семейного имущества (TCL 11 174, 4/VI 1753). Какая-то часть семейного имущества, вероятно, могла уйти из семьи вместе с дочерьми как приданое.

За месяц до заключения договора о разделе имущества в храме бога Шамаша были подсчитаны долговые обязательства «сыновей Иддин-Амурру и дома их отца» (TCL 11 173, 3/V 1753). В присутствии символов бога Шамаша, семи свидетелей из числа высокопоставленных служителей храма Шамаша (*gal zu.ab, gudu d.utu, šà.tam, i.dah*) был произведен «большой (окончательный) расчет» (*níg.šid gu.la*) и установлено, что задолженность (*hubullum*) семьи составляла $2\frac{1}{3}$ мины $5\frac{1}{3}$ сикля (около 1,2 кг) серебра. В документе было указано также, что по поводу еще одной суммы в $\frac{1}{2}$ мины серебра между братьями существует спор, который рассматривается в суде¹⁷.

Как упоминалось выше, за 80 лет до этого в похожей ситуации находился Иштар-или, дед этих братьев. В IX месяце 1827 г. до н. э. в храме Шамаша в присутствии священных символов этого божества и почти 30 свидетелей был произведен «его великий расчет» (*nikkassu-šu rabūtum*, аккадский эквивалент шумерского выражения *níg.šid gu.la*), после чего Иштар-или передал 10 мин серебра родственникам некоего Шеш-патука, вероятно своего партнера по торговой деятельности, и был признан свободным от обязательств.

Каким образом могла формироваться такая задолженность? Указанные в документах суммы не были, конечно, частными долгами, а представляли собой задолженности по постоянным служебным обязательствам, которые эта семья имела в отношении городского хозяйства, поскольку ее представители, видимо, были членами городской торговой организации, карум. Тамкары входили в ту небольшую по численности часть городского населения, которая имела прямое отношение к обороту серебра. Они занимались сбором налогов с некоторых групп населения, финансировали выполнение городских проектов по ирригации. Крупные городские хозяйства часть произведенных ресурсов (ячмень, шерсть, масло) передавали торговым агентам-тамкарам для реализации. При этом продукты оценивались в серебре по действовавшим официальным тарифам и тамкары, получившие продукты, считались должниками хозяйства на сумму, равную стоимости переданных продуктов.

Братья поделили «имущество дома отца», в том числе городскую недвижимость в Ларсе площадью около 300 кв. м и дом в городе Рахасум (80 кв. м). Он достался одному из братьев, Мар-Амурру. Были поделены также сады и садовые участки (орошаемые участки рядом с садами, обычно использовавшиеся под выращивание огородных культур) в нескольких поселениях (в том числе и в городе Рахасум) площадью около 10 га. В состав поделенного имущества входили также двери и различная мебель. Домашняя утварь и рабы, которых у их отца Иддин-Амурру было не менее 14 (TCL 10 55 — 1801), не упо-

¹⁷ «Кроме $\frac{1}{2}$ мины серебра другого, которое для судебного разбирательства между ними оставлено (букв. “брошено”)» (TCL 11 173, 11–13: *ezib ½ ma.na kù.babbar ahim ša ana dīnim ana bērt-šunu nadū*).

минаются. Как старший брат Ибни-Амурру получил двойную долю имущества, в том числе некую «дополнительную» часть, оцененную примерно в 0,7 кг (1 $\frac{1}{3}$ мины 3 сикля) серебра. Как указано в документе, оценка была произведена в храме Шамаша. Среди свидетелей договора упомянуты такие должностные лица, как начальник пятерки (тамкаров) и начальник квартала (ugula nam-5, ugula dag.gi4.a).

По мнению Д. Шарпена, текст TCL 10 174, где зафиксирован раздел имущества, в том числе дома, содержит явную параллель появившимся сравнительно недавно археологическим данным (Charpin 2003: 317). Возможно, один из домов жилого квартала Ларсы, обозначенный на археологических планах как В 27, был тем самым, который разделили между собой представители третьего поколения семьи Санума, сыновья Иддин-Амурру. Это предположение исследователя основано на косвенных свидетельствах эпиграфики, на примерном соответствии площади дома В 27 и площади того дома, который был поделен между братьями, а также на том, что в ходе раскопок было установлено, что изначально в доме было только одно помещение со встроенной вдоль одной из стен длинной скамьей из кирпича, которое служило как «приемная», позднее такие скамьи встроили еще в два других помещения. По мнению Д. Шарпена, это свидетельствует о том, что вначале дом принадлежал одному владельцу, но позднее был разделен между несколькими наследниками. Это привело к необходимости иметь три отдельных «приемных» помещения. Есть и другое предположение на этот счет — изменения в функциональном назначении внутренних помещений дома произошли после раздела имущества между представителями второго поколения семьи Санума, Иддин-Амурру и Иблутам (Feuerherm 2004). В обоих случаях исследователи связывают дом В 27 с семьей Санума.

Если предположения относительно принадлежности этого дома семье Санума верны, то мы имеем дело с уникальной возможностью соединить данные письменных и археологических источников и представить, в каких условиях проходила повседневная жизнь одной из богатых городских семей Ларсы в 19–18 вв. до н. э. Дом В 27 относился, по мнению археологов, к группе «средних» по площади зданий, типичных для резидентного квартала (Calvet 1996). Его общая площадь составляла 534 кв. м, жилая — более 311 кв. м. Здание было построено на фундаменте из необожженного кирпича глубиной до 1,7 м. Толщина стен составляла до 1 м, их нижняя часть на высоту до 1,5 м была выстроена из обожженного кирпича. В доме было 20 комнат, сгруппированных вокруг большой центральной комнаты или, скорее, центрального двора, поскольку помещение не имело крыши. Остальные комнаты были накрыты кровлей из пальмовых балок, земли, смешанной с соломой, и связок тростника. Над некоторыми помещениями, возможно, был надстроен второй этаж или террасы. Под полом одной из комнат находился фамильный склеп, представлявший собой подвальное помещение, выложенное обожженными кирпичами. Еще одно детское захоронение было найдено под полом другой комнаты.

Сады, вернее садовые участки, т. е. орошаемые поля рядом с садами, представители этой семьи делили еще по крайней мере два раза. В 1746 г. до н. э.

четверо братьев (начало документа не сохранилось либо Ибни-Амурру почему-то не был упомянут в документе) поделили «по жребию» около 0,3 га таких участков (TCL 11 200). Еще через три года, 25/II 1743 г. до н. э., был составлен другой документ раздела, к сожалению, плохо сохранившийся, согласно которому было поделено около 10 га «полевых садовых участков» (a.šà ú.sal giš.kiri6) на берегу канала Ишме-Син и еще такие же участки неизвестной площади в других местах (TCL 11 218). Кто из братьев принимал участие в разделе, кроме Ибни-Амурру, неясно из-за плохой сохранности документа. Возможно, эти «повторяющиеся» разделы были связаны со смертью кого-то из родственников. TCL 11 218 — самый «поздний» документ, упоминающий Ибни-Амурру (интересно, что самые «поздние» документы, касающиеся деятельности Иштар-или и Иддин-Амурру, тоже представляли собой разделы садовых участков, см. выше).

Из поколения в поколение жизнь семьи Санума была, по-видимому, тесно связана с храмом главного бога Ларсы Шамаша и торговой организацией. Служебный статус давал возможность представителям этой семьи оперировать значительными суммами серебра, но это серебро (или, во всяком случае, его значительная часть), скорее принадлежало каруму, а не было его собственностью. С храмом Шамаша семья была связана и долговыми обязательствами¹⁸.

Городская недвижимость семьи Санума граничила с недвижимостью храма бога Амурру (TCL 10 11), храма Шамаша (TCL 11 141, 174) и храмовых служителей (TCL 11 141). В то же время сады семьи граничили и с садами дворца (TCL 10 51), и среди лиц, постоянно выступавших свидетелями в их делах, были и дворцовые служащие.

Большинство документов, касающихся деятельности двух старших поколений семьи, Иштар-или и Иддин-Амурру, представляли собой сделки по покупке недвижимости, заключенные в период с 1814 по 1763 г. Среди документов старшего представителя третьего поколения этой семьи Ибни-Амурру, составленных в период с 1753 по 1743 г., сохранился только один договор такого рода (TCL 11 198), в соответствии с которым 20/XI 1747 г. до н. э. он купил небольшой участок заливного поля рядом с садом на берегу канала Мамми-даннат у своего дяди Иблутама¹⁹. Проведение сделок с недвижимостью в Ларсе было, вероятно, сильно затруднено/ограничено после 1791 г. до н. э. (см. гл. XIV). Зато сохранилось более десятка документов, касающихся профессиональной деятельности Ибни-Амурру (TCL 11 192–195, 197, 199, 205, 208, 210, 215), которая проходила в первые годы правления Самсуилуны (1747–1744), сменившего на престоле в Вавилоне своего покойного отца Хаммурапи. В эти годы

¹⁸ Сохранился документ от 15/V 1746 г. до н. э., фиксирующий задолженность Ибни-Амурру и его сыновей храму Шамаша по какому-то договору. Она составила 1 сикль серебра. TCL 11 204: «1 сикль серебра — (это) обязательство по договору (шум. ka.kešda, акк. *riksu*) Ибни-Амурру и его сыновей. За Ибни-Амурру бог Шамаш имеет».

¹⁹ Это было не последнее имение Иблутама. В 1745 г. до н. э. некто (имя не сохранилось) поклялся, что не имеет претензий на 3 ику поля на садовом участке (a.šà ú.sal giš.kiri6) в городе Меду, которое принадлежит Иблутаму (TCL 11 206, VI 1745 (5-й год Самсуилуны)).

Ибни-Амурру как член торговой организации, карума, контролировал поступление в Ларсу подати-сутум, которую Ямутбал (юго-восток Южной Месопотамии) выплачивал Вавилону. Подать состояла из продуктов (рыбы, фиников, чеснока и шерсти), которые необходимо было реализовать, поскольку центр требовал поставки стоимости этих продуктов в серебре.

В принципе, характер деятельности торговой организации Ларсы при вавилонских правителях мало изменился по сравнению с предшествующим периодом. И раньше при правителях династии Ларсы торговые агенты-тамкары занимались сбором налогов и реализацией части собранных продуктов за серебро. О существовании определенной преемственности в служебной деятельности отца и сына, Иддин-Амурру и Ибни-Амурру, говорит и тот факт, что последний ставил на своих официальных документах печать своего отца²⁰. Однако в новых условиях значительно изменились масштабы этой деятельности. Огромные количества ячменя и серебра, которые ежегодно требовал центр, вероятно, исчерпали все ресурсы юга, и в конце концов дело дошло до восстания южных городов.

Семья Бальмунамхе. Имена членов этой семьи упоминаются в документах из Ларсы примерно с 1830 и по 1739 г. до н. э.²¹ Деятельность ее наиболее активного и высокопоставленного представителя Бальмунамхе, судя по связанным с ним документам, разворачивалась в городе Ларса, частично затрагивая и город Ур, в период между 1832 и 1792 гг. до н. э., т. е. имя этого человека фигурирует в документах из Ларсы более сорока лет (Charpin 1981; Mieroop 1987; Козырева 1988: 67–86). Семья Бальмунамхе была тесно связана с правящей династией. Его отец Син-нур-матим упоминается в нескольких документах, составленных в 1830–1826 гг. до н. э. Он неоднократно совершал поездки в город Машкан-шапир, место пребывания Кудур-мабука, отца правящего царя, и приносил оттуда к царскому двору Ларсы драгоценные одежды. Сохранились четыре квитанции, зафиксировавшие принесение им одежд, от 1830, 1829 и 1827 гг. (YOS 5 162, 165, 250, 251). В 1829 г. он ходил в Машкан-шапир даже два раза, квитанции были составлены в VI и X месяцы года. Принесенные им одежды принимали чиновники-шатамму, которые ставили свои печати на квитанциях. В одном случае (в 1830 г.) приемщиком одежд выступил сам царь Ларсы Варад-

²⁰ Оттиск печати Иддин-Амурру сохранился на группе документов, зафиксировавших служебную деятельность его сына Ибни-Амурру (TCL 11 195 — 1747, 199 — 1747, 208 — 1745, 210 — 1745). На печати была следующая надпись: «Иддин-Амурру, сын Иштар-или, раб бога Амурру (*i-din-d.mar.tu / dumu d.inanna-dingir / ir d.mar.tu*)». О том, что семья не входила в круг лиц, особо близких царю, говорит тот факт, что Иддин-Амурру на своей печати называет себя слугой бога Амурру, а не царя, как, например, Бальмунамхе.

²¹ Примерные хронологические рамки деятельности семьи Бальмунамхе условно можно восстановить следующим образом:

(i) Син-нур-матим (30-е гг. 19 в. до н. э.);

(ii) Бальмунамхе — Гимиллум — Цилли-Шамаш (между 1832–1792 гг. до н. э.);

(iii) Иддин-Еа — Бала — Мунаввирум (60–50-е гг. 18 в. до н. э.);

(iv) Наби-Дамгальнунна — Эриду-ливвир — Липит-Эа — Бальмунамхе (II) — Бэлитум (40-е гг. 18 в. до н. э.).

Син, приложивший свою печать к документу²². В двух документах упоминается, что одежды (плащи или покрывала) были доставлены для празднования «дня исчезновения луны».

Последний по времени документ, в котором упоминается деятельность Син-нур-матима, представляет собой купчую (YOS 5 122). В 1826 г. он вместе со своим сыном Бальмунамхе купил в городе Уре у хозяйства бога Нанны участок заброшенной городской земли площадью около 860 кв. м (24 сар), уплатив за него около 1 кг серебра (2 мины). Приведенными выше документами исчерпываются все сведения о деятельности отца Бальмунамхе Син-нур-матима, но его имя еще не исчезает из документов. В целом ряде текстов 1817–1801 гг. до н. э. упоминается селение, названное его именем (uru.ki d.EN.ZU-*nūr-mātim*).

Сам Бальмунамхе занимал высокое положение при царе Варад-Сине еще при жизни своего отца. В надписи на своей печати он называл себя «рабом (царя) Варад-Сина» (YOS 8 71). Позднее, уже в правление Рим-Сина, Бальмунамхе долгое время стоял во главе крупного городского хозяйства Ларсы, которое в административных документах обозначалось словом «дом» (шум. é, акк. *bītum*, см. гл. XVII)²³. Вместе с большой группой административных документов и писем, которые составляли архив центральной конторы этого хозяйства, в нем хранились и «частные» документы Бальмунамхе, многие годы возглавлявшего эту структуру²⁴.

Фигура Бальмунамхе выдвигается далеко вперед из числа других известных нам жителей Ларсы по количеству и масштабам совершенных им частноправовых сделок. Как частное лицо Бальмунамхе владел значительным имуществом, а его официальное положение предоставляло самые благоприятные возможности для его увеличения. Договоров раздела имущества отцовского дома между Бальмунамхе и его братьями не сохранилось. Однако многочисленные частноправовые и административные документы архива содержат косвенные сведения

²² YOS 5 165: ir-d.EN.ZU // lugal UD.UNUG.ki // dumu kudur-mabuk

²³ Первые исследователи текстов из Ларсы, в которых упоминалось имя Бальмунамхе, изучали главным образом документы частноправового характера (купля рабов, недвижимости) и на основании анализа содержания этих текстов сделали, казалось бы, логичный вывод о том, что Бальмунамхе был независимым и богатым частным лицом, скупавшим дома, земли и рабов, а договоры купли-продажи составляли его частный архив (Mieroop 1987). Однако дальнейшее изучение всех доступных документов из Ларсы показало, что к архиву, где хранились документы Бальмунамхе, надо отнести еще две обширные группы текстов, в которых Бальмунамхе упоминается не по имени, а фигурирует как «господин» (*bēlum*) или «человек» (*awīlum*). Это, во-первых, большая группа писем, которые некий Цилли-Шамаш писал «своему господину» (*ana bēlī-ja*). Этим «господином», как показал анализ текстов, оказался именно Бальмунамхе (Козырева 1988: 67–86). Во-вторых, это значительное число административно-хозяйственных документов, представлявших собой отчетные документы большого административно управляемого хозяйства, главой которого, т. е. авилумом, в течение ряда лет был, по-видимому, Бальмунамхе. Таким образом, в значительной степени расширилось и изменилось представление о количестве и характере документов, входивших в этот архив. Удалось показать, что это был архив крупного хозяйства, в котором хранились и частные договоры управлятеля этого хозяйства, заключенные им в то время, когда он стоял во главе этого хозяйства.

²⁴ В административных документах его как главу хозяйства называли «человек» (*awīlum*), а в письмах, которые посылали ему в Ларсу из сельской округи, чиновники, обращаясь к нему, называли его «мой господин» (*bēlī-ja*).

относительно различных видов имущества, которым он владел и которое увеличивал в ходе своей активной деятельности (Mieroop 1987; Козырева 1988). Можно расположить эти сведения в порядке, обычном для описания имущества в документах раздела того времени: городская недвижимость, сады, поля, скот, рабы.

Строения и участки городской земли. Сохранилось более двух десятков документов, зафиксировавших куплю и обмен строений и участков городской земли, произведенных Бальмунамхе. Все эти сделки относятся к первым годам его деятельности (1829–1815 гг. до н. э., с 6-го года правления царя Варад-Сина по 8-й год правления Рим-Сина). За это время, по сохранившимся договорам, Бальмунамхе скупил в Ларсе более 1000 кв. м городской недвижимости, из них 635 кв. м жилых строений и 450 кв. м заброшенных участков и пустошей, не считая тех 860 кв. м пустоши (24 сар) в городе Уре, которые он купил вместе со своим отцом Син-нур-матимом.

Общая сумма серебра, в которую, согласно документам, была оценена эта недвижимость, превышала 8 мин, т. е. составляла более 4 кг. Кроме того, в двух случаях Бальмунамхе часть покупной цены внес натуральными продуктами: 10 сиклей серебра, 1 гур (300 л) зерна, 5 мин шерсти и 5 сила масла (YOS 8 69), $\frac{1}{3}$ мины 7 $\frac{1}{2}$ сикля серебра и 6 гур (1800 л) зерна (YOS 5 112).

Часть купленной недвижимости Бальмунамхе сразу после приобретения обменивал на другие, почти равноценные по площади, участки. В 1828 г. до н. э. Бальмунамхе купил за $\frac{1}{2}$ мины 3 сикля серебра участок площадью около 108 кв. м, на котором находился дом площадью 72 кв. м (2 sar é.dù.a) и пустошь или двор в 36 кв. м (1 sar ki.gal6) у двух лиц, по-видимому, семейной пары, Тарибума и Эриштум, дочери Син-гамиля, а потом поменялся домами с Син-гамилем, отцом Эриштум, отдав ему купленный участок, а взамен получив участок несколько меньшей площади, который состоял из жилого строения в 45 и 55 кв. м пустоши (YOS 5 125, 134). Обе сделки, судя по дате и списку свидетелей, который почти совпадает в обоих документах, были совершены одновременно, вероятно, по взаимной договоренности.

В 1825 г. до н. э. Бальмунамхе купил у Кунанума дом площадью 82 кв. м (2 $\frac{1}{3}$ сар), по обе стороны которого располагались дома Син-ишмеани и Вардани (YOS 5 119). Через несколько лет он обменял приобретенную недвижимость на другую, возможно более удобно для него расположенную. Часть купленного дома в 36 кв. м, располагавшегося по соседству с домом Син-ишмеани, Бальмунамхе использовал для уплаты за купленный им в 1821 г. до н. э. у Син-бели, медника, дом такой же площади, т. е. по-существу произвел обмен домами. За купленный у того же продавца незастроенный участок рядом с домом в 12 кв. м ($\frac{1}{3}$ сар) он дал приплату около 20 г серебра (YOS 8 4). В следующем (1820) году Бальмунамхе обменял другую часть дома, купленного у Кунанума, располагавшуюся рядом с домом Вардани, на равноценное по площади строение, дав владельцам еще и значительную приплату — 18 г серебра, 900 л ячменя, одежду (?) и одну овцу (YOS 8 7). В том же 1820 г. Бальмунамхе купил дом в 66 кв. м и незастроенный участок в 60 кв. м по соседству с домами Аху-вакара

и Ипкуши, певца (YOS 8 6). Часть этой недвижимости, что была возле дома певца Ипкуши, он в следующем году обменял на равноценную по площади (YOS 8 14).

Купив дом или городской участок, Бальмунамхе во многих случаях сразу или почти сразу менял его на другой. При этом ему нередко приходилось давать в приплату продукты или серебро или же нести потери на площади получаемого участка. Обмен мог производиться, вероятно, для того, чтобы свести воедино купленные участки, но одновременно он мог преследовать и еще одну цель. Купля-продажа недвижимости в Ларсе, как и в других городах Южной Месопотамии, часто скрывала за собой кредитные сделки и поэтому подпадала под действие специальных «указов царя» (*šimdat šarrim*), согласно которым купленная недвижимость должна была быть возвращена через некоторый срок первоначальному владельцу. Однако когда недвижимость обменивалась на равноценную, да еще и с приплатой, то такая сделка никак не могла считаться кабальной и, вероятно, не подходила под действие таких указов. Во многих случаях лица, с которыми обменивался недвижимостью Бальмунамхе, брали на себя обязательство отвечать по иску об отчуждении со стороны третьего лица, если таковые иски появятся в будущем.

Свидетели. Среди свидетелей, имена которых перечисляются в договорах Бальмунамхе, встречаются люди почти всех известных из Ларсы профессий и должностей (более 30 названий). Многие из них упоминаются и в административно-хозяйственных документах. Так, например, свидетелем у Бальмунамхе неоднократно выступал кузнец Адайатум (YOS 5 113, 7 PC; YOS 8 7, 9, 3 PC), он же назван в отчетах о выдаче зерна (TCL 10 25, 6 PC; YOS 5 189, 9 PC); ювелир Ибнатум (YOS 5 123, 10 BC; 132, 10 PC; YOS 8 4, 2 PC, 9, 3 PC), он же упоминается в административно-хозяйственных документах (СВД 50, 4 PC; TCL 10 17, 2 PC); Шаррут-Син, корабельщик (YOS 8 2, 2 PC), получает 20 гур зерна из хранилища (TCL 10 25, 6 PC). Среди свидетелей Бальмунамхе были и самые высокопоставленные чиновники государственного хозяйства: начальник тамкаров (YOS 5 120), начальник трудовых и воинских ресурсов (СВД 28), начальник пекарей (YOS 5 113), начальники ткацких мастерских, где работали рабыни (YOS 5 112, 123, 126, 129, 141 и др.), тамкары (YOS 5 129; YOS 8 19, 32, 46, 69, 176; СВД 25).

Сады. Среди документов Бальмунамхе сохранились три договора покупки (YOS 5 123; YOS 8 38; СВД 15) и три договора обмена (YOS 8 37; СВД 28, 29) финиковых садов, датированных 1824–1804 гг. до н. э. Так же как и в случае с городскими участками, Бальмунамхе производил иногда одновременно куплю и обмен садов (YOS 8 37). Во всех трех случаях покупки садов продавцами выступали семейные группы: два раза отец, мать и сын и один раз мать и сын.

Всего по этим договорам Бальмунамхе приобрел около 1 га (2 iku 42 sar) садов и около 0,5 га (1 1/2 iku 20 sar) целины рядом с ними. Продавцы, согласно купчим, получили в уплату около 300 г (1/3 ma.na 16 gín) серебра. Сады, в основном с финиковыми пальмами, но также упоминаются яблони и гранатовые деревья (YOS 8 5), располагались чаще всего за пределами города Ларса. В до-

кументах упоминаются сады Бальмунамхе в селении Иди-Ураш, Машзи (YOS 8 42), в городе Бад-Тибира (YOS 8 59). Бальмунамхе сдавал их в аренду садовникам, которые несли полную ответственность за их сохранность и должны были доставлять в Ларсу урожай согласно предварительной оценке (*šukunnū*), которая производилась перед сбором урожая.

Сохранились три документа, в которых была зафиксирована предварительная оценка урожая в финиковых садах Бальмунамхе (YOS 5 146 — 1813; YOS 8 34 — 1793, 59 — 1791) Согласно этим документам, садовники должны были принести в Ларсу соответственно 22 020 (73 ²/₅ гур), 7200 (24 гур) и 9420 л (31 ²/₅ гур) спелых фиников. Арендная плата, вероятно, была обычной для того времени, составляя одну треть или половину урожая. Арендаторы, скорее всего, были постоянные. Имена некоторых садовников неоднократно повторяются в документах архива Бальмунамхе, датированных разными годами.

Другой вид документов, содержащих некоторые данные о садовом хозяйстве Бальмунамхе, — это заемные записи на финики. Известны три таких документа от 1818 (YOS 8 18) и 1800 гг. до н. э. (YOS 8 10, 43). Они составлялись в конце года после уборки и сдачи урожая в том, очевидно, случае, когда по каким-либо причинам садовник не смог сдать урожай полностью согласно оценке. В заемной записи содержалось обязательство садовника восполнить недостающие финики в VII или VIII месяце будущего года, т. е. после сбора нового урожая²⁵. Трудно сказать, рассчитывали ли эти садовники отдать долг финиками из своих собственных садов (которые могли у них быть) или же за счет причитающейся им доли урожая арендованных садов. Так или иначе, известны случаи, когда садовники попадали в кабалу Бальмунамхе и становились его рабами (хотя, возможно, и временными).

Несколько раз в документах разных лет из архива Бальмунамхе упоминается имя Ахуатума, предположительно, садовника-арендатора. 10/XII 1818 г. до н. э. был составлен договор, в соответствии с которым Бальмунамхе взял на себя обязательство выплатить долги неких Ахуатума и Игмиль-[х], арендаторов (?) расположенного «возле дороги» сада площадью около 2,2 га, засаженного финиковыми пальмами, яблонями и гранатовыми деревьями (YOS 8 5). Задолженность была связана, вероятно, с неуплатой арендных платежей с сада. В VI месяце 1813 г. до н. э. была проведена предварительная оценка урожая фиников и составлена запись, в соответствии с которой Ахуатум и еще два садовника обязались через месяц принести Бальмунамхе в Ларсу 22 020 л спелых фиников (YOS 5 146). А 21/I 1807 г. до н. э. Ахуатум был продан Бальмунамхе неким Син-икишамом (YOS 8 30), и одновременно на него уже как на раба Бальмунамхе был составлен документ поручительства (YOS 8 33).

Другое лицо, связанное с садовым хозяйством Бальмунамхе, Апиль-Амурру, впервые упоминается в документах уже как раб Бальмунамхе, относительно которого в III месяце 1800 г. до н. э. был составлен договор поручительства от лица

²⁵ «10 гур (300 л) фиников (долга) за Варад-Бау Бальмунамхе имеет. В месяце вараксамну (VIII месяц года) финики он (Варад-Бау) отвесит» (YOS 8 43 от 19/XI 1800).

его матери, Али-аби, и брата, Син-тайара (YOS 8 41). В конце того же года в XII месяце была составлена заемная запись на 1894 л фиников, которые Апиль-Амурру и Али-аби обязались отдать из урожая будущего года (YOS 8 10).

Таким образом, Бальмунамхе владел значительным садовым хозяйством, которое он расширял за счет покупки садов. Велось это хозяйство, видимо, с помощью садовников-арендаторов, и система аренды была такова, что некоторые садовники со временем могли попасть в рабство Бальмунамхе.

Поля. Собственно, о полях Бальмунамхе есть только одно не очень ясное упоминание в судебном протоколе от 1799 г. до н. э. (YOS 8 42). Однако в документах архива упоминаются селения, названные по имени его отца (uru.ki d.EN.ZU-*nūr-mātim*) и по его имени (uru.ki Balmunamhe или an.zag.gār Balmunamhe²⁶), из которых в Ларсу поступало зерно. Эти селения вместе с рядом других (Пи-Анум, Ишкун-Эйа, Ширимтум) составляли, по-видимому, один большой сельскохозяйственный район, находившийся в течение длительного времени под управлением самого Бальмунамхе (см. главу XVII). Часть обрабатываемых земель в них была занята административно управляемым зерновым и скотоводческим хозяйством, еще одна часть — служебными наделами и остальная земля — наделами земледельцев из числа жителей поселения. Вероятно, Бальмунамхе и его отец получали какие-то доходы с этих селений вследствие своего служебного положения.

Скот. Крупный и мелкий рогатый скот, принадлежавший Бальмунамхе, упоминается в нескольких письмах и хозяйственных документах его архива. Скот содержался за пределами Ларсы в селениях, которыми Бальмунамхе управлял как глава Дома, а его личные стада, очевидно, пасли пастухи хозяйства. При этом случались и злоупотребления. Сохранилась запись расследования, которое провели старейшины и глава одного из селений по поводу кражи скота, принадлежавшего Бальмунамхе и некоему Син-имгуранни²⁷. 18/XII 1812 г. до н. э. был составлен отчет о настриге шерсти со стада в 327 овец и баранов,

²⁶ Оба эти топонима, скорее всего, обозначали один и тот же населенный пункт. Кажется вполне обоснованным давнее предположение В. Лееманса о том, что «укрепление» Бальмунамхе со временем превратилось в «поселение» Бальмунамхе (Leemans 1954: 90). Пока Бальмунамхе был управителем большой территории, на которой располагалось много селений, в том числе и поселение, названное его именем, в административных документах оно обозначалось как «укрепление», что соответствовало его роли как центра управляемой территории. После смерти Бальмунамхе оно перестало играть роль центра и стало обозначаться/называться в документах просто по его имени, «поселение Бальмунамхе». Селение Бальмунамхе упоминается в документе YOS 8 173 от 31-го года Рим-Сина, т. е. в то время, когда пора особенно активной частной и служебной деятельности Бальмунамхе уже закончилась. Документ представляет собой соглашение об аренде полевого участка, расположенного в селении Бальмунамхе и являвшегося служебным наделом некоего Иддин-Сина. Арендатор, судя по его имени (Рим-Син-магир-Энлиль), принадлежал к числу высокопоставленных дворцовых служащих.

²⁷ «Относительно восьми овец, которые из загона Бальмунамхе и Син-имгуранни, который был проломан, убежали, старейшины селения и староста собрались (и установили следующее). За овец, которые пропали, отвечал Авиль-Адад, пастух. Две овцы, два ягненка и один баран, всего пять овец и баранов с клеймом Бальмунамхе, Апиль-Амурру в руке Авиль-Адада, пастуха, схватил. Старейшинам поселения Авиль-Адад, пастух, так отвечал, он сказал: “Два ягненка — мои”. Старейшины поселения (на это) так отвечали, они сказали: “Почему клеймо Бальмунамхе [на этих овец поставлено?] Только

которое принадлежало Бальмунамхе (YOS 5 193). Стрижка животных была произведена в поселении Ишкун-Эйа и дала Бальмунамхе почти 250 кг (8 gín 10 ma.na) шерсти.

Когда в 1800 г. до н. э. (23-й год правления Рим-Сина) Бальмунамхе удалил-ся (или был смещен?) с поста главы хозяйства, была, по-видимому, проведена ревизия имущества, в том числе и скота. В VIII месяце 1800 г. до н. э., т. е. как раз перед началом полевых работ, был составлен отчет о состоянии стада крупного рогатого скота (YOS 5 150). В стаде, которое первоначально насчитывало 206 голов скота, на момент ревизии оказалось в наличии 163 животных. За предшествующий период 7 быков и коров были переданы в другие отделения хозяйства, 17 животных умерли и их шкуры были представлены контролерам. Недостача составила 19 голов. Ответственность за это нес Абум-раби, пастух из селения Ишкун-Эа, имя которого неоднократно упоминается в документах архива (YOS 5 175, 184, 200), и Бальмунамхе, по-видимому, как глава хозяйства (Kraus 1966).

Рабы. Рабы, принадлежавшие самому Бальмунамхе, упоминаются в документах архива сравнительно редко. В одном случае Бальмунамхе купил раба у какого-то приезжего человека (YOS 5 124). Известны также два случая, когда Бальмунамхе купил детей у родителей (СВД 24; YOS 8 15) Трудно предположить, что он покупал их для усыновления (хотя такая практика существовала в тот период), поскольку нам известны имена по крайней мере трех его сыновей. Дети эти, по всей вероятности, также становились работниками в хозяйстве их покупателя. Рабы и рабыни упомянуты в перечне его имущества без указания численности (YOS 8 42)²⁸.

Кроме этих отдельных свидетельств в архиве Бальмунамхе сохранилось более сорока единообразно составленных договоров о купле и поручительстве, датированных периодом от 1829 до 1792 г. до н. э., которые касаются рабов (Miegeois 1987; Козырева 1988: 76–85).

Оба договора, т. е. купчая и поручительство или гарантийная запись, составлялись одновременно. Первый — по обычной для того времени форме договора купли-продажи: «такого-то по имени от него самого/его родственников/его владельца Бальмунамхе купил, столько-то серебра, полную цену его, отвесил». Однако в этих купчих отсутствовало обязательное для обычных договоров купли-продажи из Ларсы обещание не оспаривать в будущем заключенную сделку и клятва именем бога и царя. Во втором документе, договоре о поручительстве или гарантии, купленный называется уже рабом Бальмунамхе. Поручители, которыми чаще всего выступали родственники проданного (они же могли быть и продавцами) брали на себя обязательство выплаты новому хозяину раба (Бальмунамхе) большого штрафа (в два или более раза превышающего сумму, упомянутую в купчей в качестве цены) в случае бегства или гибели раба.

владелец овец ставит клеймо на своих овец» (YOS 8 1, 1–30; транслитерация и перевод см.: Козырева 1988: 76, 185–186).

²⁸ Таким же образом, т. е. без указания количества и имен, упоминаются «рабы и рабыни» и в договоре о разделе наследства (YOS 8 88), о котором говорилось выше.

Эта сторона «частноправовой» деятельности Бальмунамхе была тесно связана с его административным статусом, а расходы, которые он нес, покупая таких рабов, фиксировались и в административных отчетных записях архива как расходы хозяйства.

6/XII 1808 г. до н. э. была сделана административная запись о расходе $\frac{1}{3}$ мины $6\frac{1}{6}$ сикля серебра (около 200 г) на покупку (*šám*) двух лиц — Лисатума и Илима-аби (YOS 5 238). Каким образом произошла эта покупка, свидетельствуют другие документы архива, связанные с именем Бальмунамхе. Этим же числом датирована купчая на Илима-аби (YOS 8 17), который продал себя Бальмунамхе (цена неизвестна, поскольку документ частично поврежден) и два документа поручительства: на Илима-аби (YOS 8 49) и на Лисатума (YOS 8 161). Во всех трех документах одинаковый список свидетелей. В тот же день, судя по расходной записи, был составлен и четвертый документ, купчая на Лисатума, которая, по-видимому, просто не сохранилась.

Это не единственная сделка Бальмунамхе, которая на первый взгляд носила сугубо частный характер, но по какой-то причине была зафиксирована в отчетных документах хозяйства, которым он управлял. В том же месяце был составлен договор, в соответствии с которым некий Шу-Амурру продал себя Бальмунамхе за 13 сиклей серебра (СВД 25). Одновременно было составлено поручительство от имени семейной пары (Амурру-шеми и Шат-Иштар) с обязательством выплатить 20 сиклей серебра, если Шу-Амурру убежит (YOS 8 11). Эта сделка Бальмунамхе также была зафиксирована в отчетных документах хозяйства. В записи о расходе серебра от 23/XII 1808 г. указан расход $13\frac{1}{6}$ сикля на покупку Шу-Амурру (YBC 7201; Dyckhoff 1998: 121).

Кто были лица, продававшие себя Бальмунамхе, и кто были их поручители? Люди, которые продавали себя Бальмунамхе, были жителями города Ларса, зачастую соседями Бальмунамхе. Многие из них неоднократно упоминаются в документах его архива как свидетели. В роли поручителей чаще всего выступали их ближайшие родственники: отец с матерью (YOS 8 23, 25), брат с женой (YOS 8 27), жена с детьми (YOS 8 46). В других случаях поручителями являлись семейные группы и отдельные лица, о родстве которых с объектами поручительства ничего не говорится, хотя таковое и здесь представляется весьма вероятным. Также в этой роли могли выступать и коллеги по профессиональной группе. Среди поручителей многие — ремесленники: ткачи (YOS 8 44, 45, 72), пекари (YOS 8 57), кузнецы (YOS 8 39); в одном случае в качестве поручителя выступает жрец-гуда (YOS 8 15). Многие поручители также были тесно связаны с Бальмунамхе и неоднократно выступали в его сделках как свидетели²⁹.

²⁹ В III месяце 1803 г. до н. э. некий Таб-шар-или выступил свидетелем одной из сделок Бальмунамхе, связанной с обменом садовыми участками (YOS 8 37). В списке свидетелей он стоял на малопочетном предпоследнем месте. Последним в этом списке указан некий Шамаш-аби, который, в свою очередь, замыкал список свидетелей в договоре поручительства от VII месяца того же года, согласно которому Таб-шар-или уже как раб Бальмунамхе был передан под поручительство некоего Нидиттума (YOS 8 29). В случае бегства Таб-шар-или Нидиттум обязался предоставить другого раба. Через четыре года после составления этого документа в X месяце 1799 г. было составлено

Большинство таких договоров скрывали за собой какие-то предшествовавшие кредитные обязательства. Некоторые жители Ларсы, находясь в бедственном положении или нуждаясь срочно по той или иной причине в кредите, продавали в рабство своих детей или самих себя. Рабство такого рода, во всяком случае теоретически, носило, вероятно, временный характер, и по истечении определенного срока (связанного, видимо, с отработкой долга) при благоприятных обстоятельствах эти лица могли вновь стать свободными.

Интересно было бы выяснить, конечно, насколько случаи самопродажи и поручительства были связаны с долговыми обязательствами, касавшимися самого Бальмунамхе. Из ста с лишним документов его архива, охватывающих период более чем в 60 лет, известны только три случая, когда Бальмунамхе ссужал серебро (YOS 5 147; YOS 8 32, 24). В первом случае Абу-вакар, сын Ипку-Ирра, занял у Бальмунамхе шесть сиклей серебра с обязательством через восемь месяцев вернуть на эту сумму сезамовое масло по курсу, который будет в тот момент. Имя этого человека, принадлежавшего к кругу торговых агентов-тамкаров, неоднократно упоминается в документах из Ларсы, а его деятельность была, по-видимому, тесно связана с хозяйством (Домом), которое возглавлял Бальмунамхе (Feuerherm 2004). Возможно, заем относился к числу тех, когда продавец авансом получал плату за товар, обязуясь представить его в будущем. Два других документа займа серебра из архива Бальмунамхе повреждены, и величина займа в обоих случаях неизвестна. Должники обязуются вернуть серебро и проценты по требованию кредитора. Такого рода займы без указания точного времени возвращения долга часто носили коммерческий характер, т. е. были формой «вложения капитала» в торговлю. Имена этих должников Бальмунамхе среди его рабов не встречаются.

Это и неудивительно. Поскольку серебра, видимо, вообще было мало в обращении, давать его в долг, рассчитывая на возвращение долга тоже серебром, можно было только лицам, которые по роду своих занятий имели доступ к основному источнику серебра — торговому обороту городского хозяйства, т. е. высшим чиновникам и торговым агентам-тамкарам. Остальные займы неизбежно превращались в отработочные: либо отрабатывал должник или члены его семейства, либо в пользование кредитора передавалась какая-то часть имущества, приносившая доход. И в том и в другом случае такой заем оформлялся в виде купчей, чем он и был на самом деле. Единственное, что отличало эти сделки от обычных купчих, — это их временный характер. Должники или их имущество переходили в пользование кредитора до возвращения долга и процентов, после чего кредитор терял свои права на них. В купчих на людей, правда, нет никаких указаний относительно срока, на который продавали себя в рабство, однако косвенные данные свидетельствуют, что он был ограничен. Об этом говорит тот факт, что на некоторых рабов такого рода по истечении

поручительство за Шамаш-аби как раба Бальмунамхе (YOS 8 22). Некий Иддиняатум обязался выплатить огромную сумму в 1 мину серебра, если Шамаш-аби «убежит, скроется или прекратит работу».

определенного времени составлялся второй гарантийный документ, причем поручителями оба раза могли выступать одни и те же лица³⁰.

Появление повторного гарантийного документа на одно и то же лицо, возможно, объяснялось тем, что по истечении определенного срока человек, продавший себя Бальмунамхе и ставший его рабом, автоматически освобождался, его обязательства по отношению к хозяину кончались или же он полностью отработывал задолженность, если это была покупка за долги. При этом, согласно обычному праву Двуречья, он, вероятно, мог разбить купчую, чем и объясняется отсутствие многих купчих на лиц при наличии на них гарантийных документов. В некоторых случаях, когда, отработав положенный срок, это лицо хотело (или было вынуждено) вновь прибегнуть к такой же сделке, оно снова должно было, видимо, найти надежных людей, которые согласились бы поручиться за него и составить новый гарантийный документ. Необходимость составления гарантийных документов, быть может, была вызвана тем, что вновь купленные «рабы» не обязательно должны были жить у Бальмунамхе, а могли оставаться в своей семье и ходить к хозяину лишь на работу.

О том, что, отслужив определенный срок, такой купленный «раб» вновь становился юридически свободным лицом, говорит, возможно, и следующий факт: в ряде случаев человек, купленный Бальмунамхе и ставший его рабом, через несколько лет сам выступал в роли поручителя за другого купленного раба³¹. Если действительно существовал законный срок, на который свободный человек продавал себя в рабство, то срок этот мог не оговариваться в купчей только в том случае, если он был твердо установлен и известен всем. Тогда это, несомненно, должно было найти свое отражение в действовавшем законодательстве. К сожалению, письменные памятники законодательного характера от времени Рим-Сина неизвестны, но в Законах царя Липит-Иштара, который правил в Исине в конце 20 в. до н. э., описывается как будто похожая ситуация: «Если раб человека к хозяину своему в рабство (снова) вернулся, хозяину своему рабство свое вдвойне возвратил, (то) раб этот должен быть освобожден»

³⁰ Так, например, в 1809 г. до н. э. (14-й год Рим-Сина) родители некоего Син-магира продали его Бальмунамхе (YOS 5 141). Одновременно был составлен документ поручительства (YOS 8 23), согласно которому родители обязались уплатить штраф серебром (размер его неясен, так как документ в этом месте поврежден) в случае побега сына. Через пять лет, в 1804 г. до н. э. (19-й год Рим-Сина), родители вновь поручились за сына, обязуясь в случае его побега отдать Бальмунамхе в качестве штрафа уже не серебро, а дом и сад (YOS 8 35). Сохранились повторные гарантийные документы и на других лиц. На Шамаш-раби от 1807 и 1798 гг. (YOS 8 27, 44), Лисатума от 1798 и 1790 гг. (YOS 8 16, 19), на Таб-булусса от 1798 и 1795 гг. (YOS 8 45, 3).

³¹ Так, в 1808 г. до н. э. (15-й год Рим-Сина) некий Шу-Амурру продал себя Бальмунамхе (СВД 25). В качестве его поручителей выступили Амурру-шеми и его жена Шат-Иштар (YOS 8 11, 13/XII 1808). В отчете о расходе серебра, составленном 23/XII 1808 г., т. е. на 10 дней позже, чем купчая и гарантийная запись, упоминаются 13 1/6 сикля — «цена Шу-Амуррума» (YBC 7201; Dyckhoff 1998: 121). Те же Амурру-шеми и Шат-Иштар в следующем году поручились за брата Амурру-шеми Шамаш-раби (YOS 8 27), а через 10 лет, в 1798 г. до н. э. (25-й год Рим-Сина), был составлен еще один гарантийный документ на того же, вероятно, Шамаш-раби, в котором в качестве одного из поручителей выступил уже Шу-Амурру (YOS 8 44). В 1795 г. до н. э. (28-й год Рим-Сина) Шу-Амурру выступил поручителем за еще одного раба Бальмунамхе, Таб-булусса (YOS 8 3).

(§ 14). Здесь интересно то, что оговаривается факт повторного возвращения раба в рабство к бывшему хозяину. Видимо, раб, «вернув свое рабство хозяину», освобождался, но если он по каким-либо причинам возвращался обратно к хозяину, то должен был «вернуть свое рабство» уже вдвойне. Под выражением «вернуть свое рабство» имелась в виду, очевидно, отработка платы, отданной за раба.

К данному виду сделок, по всей вероятности, имеет отношение и § 117 3X, который гласил, что в случае, если человек, находившийся в стесненных обстоятельствах, продал за серебро кого-либо из своих родственников, то «они должны служить в доме их покупателя или заимодавца три года, на четвертый год должны отпустить их на свободу».

Таким образом, лица, нуждавшиеся для уплаты долга или по какой-либо другой причине в определенной сумме серебра, могли продать себя Бальмунамхе и становились его рабами, а их ближайшие родственники или сотоварищи ручались за то, что они не убегут и не обратятся с просьбой об убежище к какому-либо другому официальному лицу. С этим же было связано, возможно, и отсутствие в купчих гарантийных клаузул и клятв. Интересно, что в один день часто заключались по две-три сделки такого рода. Судя по всему, контрагенты заранее сговаривались, чтобы разом оформить все сделки.³²

Количество серебра, которое Бальмунамхе, как следует из договоров, платил за этих людей, составляло 10–13 сиклей, т. е. было несколько меньше обычной для того времени в Ларсе цены «домашнего» раба. О том, что эти сделки не были (или, во всяком случае, не всегда были) оформлением прежней задолженности по отношению лично к самому Бальмунамхе, говорит тот факт, что Бальмунамхе действительно расходовал серебро, покупая этих людей, и эти расходы фиксировались в отчетных записях хозяйства, которое в течение длительного времени он возглавлял. В архиве хозяйства сохранилось несколько записей, где в числе других упоминались и расходы серебра на такого рода покупки³³.

Управление крупным городским хозяйством на каком-то уровне служебной лестницы могло, видимо, переходить в систему частноправовых договорных отношений. Это вызывало затруднения, если возникала необходимость отделить частное имущество официального лица от того имущества, которым он управлял по службе (например, когда это лицо по какой-то причине прекращало свою служебную деятельность). Именно при такой ситуации был, вероятно, составлен документ YOS 8 42. В 1800 г. до н. э. (23-й год правления Рим-Сина) характер деятельности Бальмунамхе как будто изменился. Возможно, ввиду преклонного возраста — его деловая активность продолжалась к тому времени уже более трех десятков лет — он удалился (или был смещен?) с того поста, который занимал в хозяйстве. В VIII месяце 1800 г. до н. э. был составлен отчет

³² YOS 8 13, 41 от 14/III 1800; YOS 8 72, 44, 45 от 14/X и 15/X 1798.

³³ « $1\frac{1}{3}$ мины $6\frac{1}{6}$ сикля серебра — плата за Лисатума н Илима-аби» (YOS 5 238 от 6/XII 1808). Сохранились также датированные этим же днем купчая на Илима-аби (YOS 8 7) и гарантийные документы на него (YOS 8 49) и на Лисатума (YOS 8 161). Вероятно, существовала и купчая на Лисатума, но она не дошла до нас.

о наличии поголовья крупного рогатого скота (YOS 5 150)³⁴. Бальмунамхе вместе с Абум-раби, пастухом из селения Ишкун-Эа, имя которого неоднократно упоминается в документах архива (YOS 5 175, 184, 200), выступил как контролер (gir), удостоверивший правильность подсчетов. В IX месяце того же 1800 г. был составлен документ, который, по-видимому, должен был оградить частное имущество Бальмунамхе от каких-либо претензий (Mieroop 1987: 17–18; Козырева 1988: 84, 186). Документ сильно поврежден, и прочесть удастся далеко не все (YOS 8 42):

«Судьи разрешили Цилли-Шамашу, Цилли-Иштару, Син-магиру, Лалуму и Син-шар-матиму (рассмотреть) их судебный иск в храме [бога Шамаша?] и постановили, что [относительно] поля, сада в поселении Иди-Ураш, сада в Машмашене, сада (в) Машзи, в Бад-тибира и сада финикового (в)..., [имущества] разного, рабынь, ра[бов], крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и всег[о] остального, [ч]то Бальмунамхе приобрел и (что) дети Бальмунамхе приобре[тут в будущем], (а также) имущества унаследованного (букв. «старого») (от) Син-нур-матима, [и отно]сительно «укрепления Бальмунамхе», Цилли-Шамаш, Цилли-Иштар, Син-магир, Лалум (и) Син-шар-матим никаких прав на это имущество не имеют. В том, что в будущем они не будут возбуждать судебного иска, именем бога Нанны, бога Шамаша и Рим-Сина они поклялись».

В документе приведен перечень принадлежавшего Бальмунамхе имущества, которое ограждается от претензий. Все имущество делится на две части. В первую входило имущество, приобретенное Бальмунамхе во время исполнения им обязанностей «главы Дома». Это поля и сады в нескольких поселениях, рабыни, рабы, крупный и мелкий рогатый скот. Бальмунамхе, по-видимому, приобрел все это, либо купив, либо получив в дар от царя. От претензий ограждается и то, что наследники Бальмунамхе предположительно могут приобрести в будущем. Вторая часть — это, если мы правильно понимаем, имущество «старое», унаследованное Бальмунамхе от отца, Син-нур-матима, и то, что находилось в поселении, называвшемся «укрепление Бальмунамхе». Что именно входило в это имущество, в документе не раскрывается, так как сомнений по этому поводу (в отличие от вопроса о приобретенном имуществе), видимо, не было. Возможно, существовал и документ раздела имущества Син-нур-матима между его наследниками, в котором должна была быть указана и доля Бальмунамхе.

Вопрос об имуществе Бальмунамхе решался судьями в главном храме города Ларса, храме бога Уту/Шамаша. Лица, от претензий которых судьи оградили имущество Бальмунамхе, были, вероятно, его родственниками и одновременно принадлежали к административному персоналу «Дома», которым он долгое время управлял. Во всяком случае, эти же имена неоднократно встречаются в хозяйственных документах и письмах архива. В конце текста перечис-

³⁴ Это единственный текст, в котором при имени Бальмунамхе есть указание на его высокий должностной статус (но не на должность, поскольку в роли контролеров могли выступать разные должностные лица).

лены имена 23 свидетелей, помимо самих судий в этом качестве выступили представители городской элиты — начальник торговых агентов-тамкаров, начальник жрецов-гадателей. К документу было приложено не менее четырех печатей. И текст документа, и оттиски печатей сохранились плохо. Полностью читаются только последние строки надписей на печатях, в которых указывается, что владельцы печатей были «рабами (царя) Рим-Сина», т. е. имели особо высокий статус и были близки царю.

После 1800 г. до н. э. (23 PC) положение Бальмунамхе, по-видимому, изменилось, и его деятельность как будто также изменила свой характер. Исчезают сделки о покупке недвижимости, несколько увеличивается число гарантийных документов на рабов, причем в них появляется новая уточняющая формула. Кроме прежнего условия, о выплате компенсации серебром в том случае, если раб «скроется (или) убежит», в этих договорах поручители обязуются уплатить штраф и в том случае, если раба «захватит враг, загрызет лев» (YOS 8 44, 56) или если он найдет убежище «во дворце, у знатного/почтенного лица, в доме женщин» (YOS 8 72, 57)³⁵, «во дворце, у почтенного лица, у высокопоставленного чиновника» (YOS 8 15, 19, 26, 39). Увеличилась и сумма штрафа за пропажу раба. Если до этого стандартный размер штрафа составлял 20 сиклей серебра, что соответствовало средней цене раба, то после 1800 г. до н. э. штраф чаще всего составлял 30–60 сиклей и даже мог достигнуть 80 (Miegeor 1987: 5). Законодательные сборники из Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. наказывали за укрывательство беглых рабов штрафом, а несколько позднее даже смертной казнью. Судя по сохранившимся гарантийным документам, в начале 18 в. до н. э. на «богатых и великих» города Ларса действие этих законодательных установлений не распространялось³⁶. Было ли связано введение новых условий в гарантийные документы с тем, что после 1800 г. до н. э. статус Бальмунамхе изменился, неясно.

Деятельность Бальмунамхе, судя по сохранившимся документам, закончилась в 1792 г. до н. э. (31-й год правления Рим-Сина). Его сын Иддин-Эа входил в число приближенных к царю Рим-Сину чиновников и в надписи на своей печати называл себя «рабом бога Рим-Сина»³⁷. Семья Бальмунамхе сохраняла

³⁵ «Дом женщин» (é.mí) помимо гарантийных документов Бальмунамхе несколько раз упоминается в записях о расходе продуктов (YOS 5 167, 216). «Гонец дома женщин» (PN rá.gab é.mí) упоминается в TIM 5 68 (Stol 1976: 10, п. 3).

³⁶ В так называемых Законах Липит-Иштара, составленных на шумерском языке от имени царя города Исына, указывается, что человек (lú), в доме которого беглый раб прожил 1 месяц, должен вернуть раба за раба или выплатить штраф в 15 сиклей серебра (ЗЛИ § 12–13). Похожее наказание предусматривали Законы из города Эшнунны (ЗЭ § 49). В составленных гораздо позже и записанных на аккадском языке Законах Хаммурапи (1792–1750) такого рода преступление наказывалось более сурово. Человека (*awilum*), который выведет беглого раба за городские ворота, спрячет его в своем доме или задержит, должен казнить (ЗХ § 15–19).

³⁷ В 1790 г. до н. э. (31-й год правления Рим-Сина) был составлен документ о передаче Абу-вакару, торговому агенту-тамкару, $\frac{1}{2}$ мины серебра на покупку рабов и рабынь. К документу, как указано в тексте, были приложены печати чиновников-шатамму. Одна из печатей, оттиск которых сохранился на табличке, принадлежала Иддин-Эа. Надпись на ней гласила: «Иддин-Эа, сын Бальмунамхе, раб бога Рим-Сина» (*i-din-é-a // dumu bala-mu-nam-hé // ir d.ri-im-d*.EN.ZU, YBC 04468; Feuerherm 2004: 71).

высокое положение и во вторую половину правления Рим-Сина, и позднее, при Хаммурапи и Самсуилуне. Сохранилось письмо Хаммурапи, адресованное Иддин-Эа, сыну Бальмунамхе, в котором царь отдавал распоряжения относительно организации стрижки овец в районе Ларсы (AbB 14 117)³⁸. Появившееся вновь в документах из Ларсы после перерыва почти в тридцать лет в 1765 г. до н. э. (58-й год правления Рим-Сина) имя Бальмунамхе принадлежало, вероятно, сыну Иддин-Эа³⁹. Бальмунамхе II, сын Иддин-Эа, сына Бальмунамхе, был, очевидно, внуком последнего. Это подтверждает и тот факт, что у Бальмунамхе II был брат Гимиллум (YOS 12 77), так же как у его деда Бальмунамхе. Родовые имена передавались, видимо, из поколения в поколение.

Бальмунамхе II занимал довольно значительное положение в городской бюрократии Ларсы во время правления Самсуилуны, хотя оно вряд ли могло сравниться с положением его деда при сыновьях Кудур-мабука. Вместе с другими чиновниками-шатамму Бальмунамхе II контролировал приход-расход зерна (YOS 12 152), передавал волов для проведения пахотных работ (YOS 12 334), выступал первым свидетелем в частноправовых сделках (YOS 12 302, 312). Во время восстания Рим-Сина II Бальмунамхе II упоминается в двух документах в качестве ответственного должностного лица (см. гл. XX). В одном случае он контролировал принесение оружия из Ларсы (YOS 5 227), в другом — вместе с двумя другими лицами получил 25 л растительного масла (СВД 84). Оба документа датированы первым годом правления Рим-Сина II.

Частноправовая деятельность городской элиты. Не только Бальмунамхе, но и другие богатые горожане периодически покупали недвижимость и составляли гарантийные договоры на своих рабов (Козырева 1988: 65). Однако по количеству таких сделок Бальмунамхе далеко опередил их. Во многом это было прямым следствием его официального статуса как главы крупного городского хозяйства, с работой в котором была связана жизнь значительной части городского населения Ларсы.

В Ларсе, как и в других городах Южной Месопотамии этого периода, располагались центры нескольких крупных хозяйств, которые входили в состав единой городской структуры. Значительная часть всей дошедшей до нашего времени документации составлялась и хранилась в архивах этих хозяйств. В таких хозяйствах нередко образовывались излишки продуктов, которые из-за неразвитости товарного обращения проще было отдать в кредит под проценты частным лицам, либо для проведения торговых операций (путем предоставления займа),

В том же году Иддин-Эа приложил свою печать к записи о расходе 24 овец на поминальные праздники по случаю смерти дочери царя (YBC 05847; Feuerherm 2004: 138). В 1764 г. до н. э. он подарил своей дочери Бильтум раба, скрепив дарственный документ печатью, но не своей, а своего отца Бальмунамхе (YOS 8 71).

³⁸ Почти такое же по содержанию письмо (AbB 4 86) было послано царем Хаммурапи его наместнику в Ларсе Шамаш-хациру (Veenhof 2005: 109, note 117a).

³⁹ Документ представляет собой гарантийную запись на раба, принадлежавшего Бальмунамхе II (YOS 8 46).

либо для поддержания мелких хозяйств, пострадавших в результате каких-либо природных или социальных катаклизмов (мелкие займы, каких большинство). Многие из мелких хозяйств, будучи не в состоянии вернуть займы, разорялись, и их владельцы в возмещение долга продавали чиновникам крупного хозяйства себя, недвижимость, детей.

Частноправовая деятельность административного персонала (чиновников и торговцев), которая сводилась прежде всего к скупке недвижимости и рабов, в южных городах, и в том числе в Ларсе, развивалась, по-видимому, особенно активно в моменты политического подъема, когда власть проводила в жизнь масштабные гражданские и военные проекты, требовавшие больших материальных затрат, и администрация имела возможность развернуться. В качестве продавцов недвижимости или членов семьи чаще всего выступали семейные группы (примерно пятая часть всех случаев) или отдельные лица, никакими сведениями о которых мы не располагаем. Что касается покупателей, то имена большинства из них хорошо известны из целого ряда частных и административных документов. Это прежде всего Бальмунамхе и семейство Санума. С их именами связана третья часть всех договоров купли. Неоднократно выступают скупщиками недвижимости и рабов торговые агенты-тамкары Абувакар (YOS 8 68, 79, 84, 95; YOS 5 138) и Убар-Шамаш (YOS 8 65, 85, 110, 143; VS 13 77).

Активная скупка представителями высшей администрации и тамкарами городской недвижимости, садов и своих собственных сограждан свидетельствовала не только о росте богатства и влияния городской элиты в период политического расцвета Ларсы, но и об усилении в такие периоды социальной дифференциации внутри городского общества. Рим-Син первым из правителей Ларсы прибегнул к проведению мер, которые должны были вернуть общество к той предполагаемой исходной ситуации, когда оно находилось в состоянии внутреннего баланса и порядка. Эти меры включали аннулирование долговых обязательств некоторых групп горожан и возвращение недвижимости, которая была продана под давлением сложных обстоятельств. Они должны были уменьшить количество долговых рабов среди горожан и препятствовать чрезмерной аккумуляции недвижимости в руках отдельных лиц, восстанавливая, по-видимому, таким образом экономический баланс внутри городского хозяйства.

Точные даты издания Рим-Сином таких указов (*šimdat šarrim*) неизвестны. Однако их появление обычно сопровождалось судебными спорами, касавшимися возвращения недвижимости или заключения согласительных договоров о выплате покупателем компенсации продавцу. В таких договорах и судебных протоколах упоминалось о царских указах как основании для споров и соглашений, и по датировкам этих документов можно предположить, что, начиная с 25-го года своего правления Рим-Син издавал такие указы периодически. О них упоминается в документах, датированных с 1798 по 1773 г. до н. э. (25-й, 34-й, 41-й, 50-й годы его правления). Промежуток между указами составлял примерно 7–10 лет. Считалось, по-видимому, что за этот срок

покупатель недвижимости или долгового раба окупал свои затраты на покупку и мог без ущерба для себя вернуть приобретенное первоначальному владельцу⁴⁰.

П р и л о ж е н и е. Три договора, касающиеся Син-магира, сына Пузур-Нумушды и Тарибатум:

- 1) договор о покупке Син-магира у родителей (YOS 5 141, 6/III 1819 г. до н. э.);
- 2) гарантийное соглашение — обязательство родителей выплатить покупателю [х] мины серебра в случае бегства сына (YOS 8 23, 10/V 1819 г. до н. э.);
- 3) гарантийное соглашение — обязательство родителей отдать покупателю дом и сад в случае бегства сына (YOS 8 35, VI 1804 г. до н. э.)

YOS 5 141

1. m.d.EN.ZU-*ma-gir* mu.ni.im
 2. dumu púzur.d.nu.muš.da
 3. ù *ta-ri-ba-tum*
 4. ki púzur.d.nu.muš.da ad.da.ni
 5. ù *ta-ri-ba-tum* ama.a.ni
 6. m.bal.mu.nam.hé
 7. in.ši.in.šám
 8. $\frac{1}{3}$ ma.na kù.babbar
 9. šám.til.la.ni.šè
 10. in.na.an.lal
 11. giš.gan.na íb.ta.bal
- (список свидетелей, дата)

Перевод:

«Син-магира по имени, сына Пузур-Нумушды и Тарибатум, у Пузур-Нумушды, его отца, и Тарибатум, его матери, Бальмунамхе купил.

$\frac{1}{3}$ мины серебра, его полную цену, он отвесил. Жезл он передал» (список свидетелей, дата).

YOS 8 23

1. [1 sag.ír d.EN.]ZU-*ma-gir* mu.ni.im
2. [ír] bal.mu.nam.hé
3. [ki] bal.mu.nam.hé
4. [luga]l.a.ni.ír
5. púzur.d.nu.muš.da
6. ù *ta-ri-ba-tum* dam.a.ni

⁴⁰ О том, что эти меры возымели определенное действие, по мнению Д. Шарпена, говорит тот факт, что 92 % всех сохранившихся договоров купли-продажи недвижимости из Ларсы относятся к 1840–1792 гг. до н. э., после чего их количество резко сокращается (Charpen 2003: 313).

7. [šu.ni.]a.ni šu.ba.an ti
 8. m.d.EN.ZU-*ma-gir*
 9. [ú.gu.ba.]an.dè
 10. púzur.d.nu.muš.da
 11. ù *ta-ri-ba-tum* dam.a.ni
 12. [x ma.na] kù.babbar
 13. [i.lal.e.]dè
- (список свидетелей, дата)

Перевод:

«Одного раба по имени Син-магир, раба Бальмунамхе, у Бальмунамхе, его господина, Пузур-Нумушда и Тарибатум, его жена, в руки свои взяли. (Если) Син-магир убежит, Пузур-Нумушда и Тарибатум, его жена, (х) мины серебра отвесят» (список свидетелей, дата).

YOS 8 35

1. [l sag.ir d.EN.]ZU-*ma-gir* mu.ni.im
 2. [ir] bal.mu.nam.hé
 3. [ki] bal.mu.nam.hé
 4. [luga]l.a.ni.ir
 5. púzur.d.nu.muš.da ad.da.ni
 6. ù *ta-ri-ba-tum* ama.a.ni
 7. [...]ni
 8. šu.ni.a.ni šu.ba.an.ti.meš
 9. m.d.EN.ZU-*ma-gir*
 10. ú.gu.ba.an.dè
 11. púzur.d.nu.muš.da ad.da.ni
 12. ù *ta-ri-ba-tum* ama.a.ni
 13. é.ni ù giš.kiri6.ni
 14. m.bal.mu.nam.hé
 15. ba.an.sum.mu
- (список свидетелей, дата)

Перевод:

«Одного раба по имени Син-магир, раба Бальмунамхе, у Бальмунамхе его господина, Пузур-Нумушда, его отец, и Тарибатум, его мать, в руки свои взяли. (Если) Син-магир убежит, Пузур-Нумушда, его отец, и Тарибатум, его мать, дом свой и сад свой Бальмунамхе отдадут» (список свидетелей, дата).

Глава XVII

Ларса.

Городские хозяйственные институты

Дом-хозяйство (ё) как один из важнейших элементов городской хозяйственной структуры города Ларса.

Деятельность Дома за пределами Ларсы: производство зерна и скотоводство. Записи о количестве зерна, собранного с полей хозяйства в каждом отдельном поселении и предназначенного для отправки в центр. Отчеты о расходе зерна на производственные нужды на местах в селениях. Скотоводство. Мелкий рогатый скот. Крупный рогатый скот. Персонал хозяйства на местах (в сельской округе).

Деятельность Дома в Ларсе. Записи о поступлении в Ларсу зерна из отдельных поселений. Объемы зерна, поступавшего в Ларсу. Распределение зерна по складам. Другие сельскохозяйственные продукты, поступающие на склады в Ларсу. Сезам. Шерсть. Переработка продуктов. Дом рабынь/работниц-ткачих. Откормочное хозяйство. Расходы хозяйства. Выдачи с городских складов.

Управление хозяйством. Дом в конце правления Рим-Сина. Деятельность Дома в последний год правления Рим-Сина. Дом при Хаммурапи.

Типологически сходные архивы из других городов: архив дома-хозяйства из города Лагаба, архив дома-хозяйства из города Тутуб. Заключение.

Приложение: два клинописных текста из коллекции Государственного Эрмитажа (ДВ-15058, ДВ-15059), которые представляют собой письма, присланные в Ларсу Бальмунамхе как главе Дома от одного из управителей пахотными землями хозяйства.

Дом-хозяйство (é) как один из элементов городской хозяйственной структуры Ларсы. Главными элементами городской экономики в Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. по-прежнему оставались крупные хозяйства (дома). В рамках таких хозяйств находились основные массивы городских пахотных земель и большинство производственных ресурсов. О том, что могло быть за пределами этих хозяйств, сведений очень мало. В документах из Ларсы упоминаются самые разные дома-хозяйства: дома-хозяйства богов¹, дома-хозяйства должностных лиц², дома-хозяйства частных лиц³, а также такие хозяйственные структуры, как Большой дом (дворец), дом женщин, дом тамкаров и просто дом. Вместе они составляли единую городскую хозяйственную систему, в рамках которой все они сосуществовали и взаимодействовали.

Большая часть документов из Ларсы, которые охватывают период более чем в 70 лет, т. е. практически почти все время независимого существования города в начале II тыс. до н. э., являются сохранившейся частью архива одного из крупных городских хозяйств, которое в этих текстах обозначалось просто словом «дом». В административных записях архива, которые в это время составлялись в основном на шумерском языке, для обозначения хозяйства использовали соответствующий шумерский термин *é*, а в письмах, которые писали преимущественно по-аккадски, — его аккадский эквивалент *bītum*. Под словом «дом» в текстах архива подразумевалось, естественно, не просто строение, а крупная хозяйственная организация. В данном случае это слово имело, вероятно, нарицательный смысл, обозначая первый или главный из целой группы разнообразных «домов», составлявших городскую хозяйственную систему.

По своей внутренней структуре Дом представлял собой, по-видимому, типичное для городов юга Месопотамии того времени крупное хозяйство со всеми

¹ Упомянуты только те случаи, когда «дом» божества выступает как хозяйственный институт, получающий или выдающий какие-либо продукты.

é d.inanna ú d.nanaia (YOS 5 171; YOS 5 172; YOS 5 194), é d.nergal (YOS 5 178),

é d.nanna (YOS 5 173; TCL 10 45), é d.nin.é.gal (YOS 5 237), é d.enki (СБД 49; YOS 5 169),

é d.utu (YOS 5 165, 179, 181, 183, 219, 237; YBC 07268; Feuerhen 2004: 164).

² é giš.gu.za en d.enki (YOS 5 194), é *rabī sikkatim* (YBC 7038; Breckwoldt 1995), é dam.gàr (AbB 9 64), é gud.udu.še (YBC 5788; Breckwoldt 1995; YBC 07268; Feuerhen 2004: 164; TCL 10 15, 23, 24; YOS 5 208, 212, 217, 219, 244), é šarrim (AbB 10 126).

³ é *abba* (YOS 5 171, 181, 195),

é *abu-waqar* (YOS 5 194, 224; YBC 05836, 06817; Feuerhen 2004: 134, 157),

é *apil-kūbi* (YOS 5 207),

é *hubuttatum* (YBC 6636; Breckwoldt 1995),

é *igigi* (i-gi4-gi4) (YBC 04213; Feuerhen 2004: 33),

é *ilī-tukultī* (YOS 5 171),

é *māšum* (YBC 6663; Breckwoldt 1995),

é *nabi-ilīšu* (TCL 10 127),

é *nūr-kabta* (YBC 07268; Feuerhen 2004: 165),

é EN.ZU-iddinam (YOS 5 194),

é *tarībum* (YBC 7038; Breckwoldt 1995; YOS 5 169, 191),

é *tizqārūm* (TCL 10 87, 88),

é ŠA.ŠI.IN (YOS 5 224; YBC 05836; Feuerhen 2004: 134; печать: ŠA.ŠI.IN dumu ni-ip-pi ir d.rīm-d.EN.ZU).

необходимыми составляющими: пахотная земля и пастбища, рабочий персонал, в том числе рабы, скот, складские и подсобные помещения в городе, ремесленные мастерские, управленческий аппарат.

Деятельность Дома-хозяйства за пределами Ларсы: производство зерна и скотоводство. Большая группа текстов среди документов архива этого хозяйства представляет собой отчетные записи, которые постоянно фиксировали самую важную сторону деятельности Дома — производство продуктов земледелия и скотоводства.

Пахотные земли и пастбища, эксплуатацией которых занималась эта структура, располагались на территориях селений в окрестностях Ларсы. Чаще всего в этой связи в документах архива упоминаются такие поселения, как Ишкун-Эа (uru.ki *iškun-ea*), Пи-Анум (uru.ki KA.AN), Абисаре (uru.ki *abī-sarē*), Син-нурматим (uru.ki d.EN.ZU-*nūr-mātim*), Бальмунамхе (uru.ki *balmunamhe*) и укрепление Бальмунамхе (an.zag.gār *balmunamhe*).

Зерновое хозяйство. Документы архива, касающиеся этой сферы деятельности хозяйства, представляют собой отдельные записи о производстве и расходовании зерна в селениях и сводные ежегодные отчеты о поступлении и расходе зерна, составленные на основании этих данных. Надо учитывать, что сохранились, конечно, не все документы и доступные сведения носят весьма отрывочный, неполный характер. Они отражают отдельные этапы хозяйственной деятельности в этой сфере. Дошли записи за отдельные годы о количестве зерна, собранного с полей хозяйства в каждом поселении и предназначенного для отправки в центр, т. е. в город Ларса (YBC 5585, 6974; Breckwoldt 1995; YOS 5 201), и отчеты о расходах зерна на производственные нужды в отдельных поселениях (YOS 5 175, 176, 181, 184, 202; СВД 53).

Эти документы дают некоторое представление об организации и масштабах зернового производства в хозяйстве, которое в документах обозначалось просто словом «Дом».

Записи о количестве зерна, собранного с полей хозяйства в каждом отдельном поселении и предназначенного для отправки в центр (YBC 5585, 6974; Breckwoldt 1995; YOS 5 201). Сразу после сбора урожая (II–III месяц года) зерно (в основном это был ячмень) сушили и провеивали. Одновременно собранное зерно измеряли (в мерах емкости) и определенную его часть подготавливали к отправке в город. Для этого зерно ссыпали в кучи на берегу судоходного канала⁴. Из Ларсы присылали необходимое количество барж, и зерно по воде переправлялось в город. Все эти этапы фиксировались письменно.

В III–IV месяце года составлялись памятные записи, официально фиксировавшие количество зерна, подготовленного к отправке в каждом из поселений. В документе указывалось и имя лица или лиц, которые контролировали этот процесс. Сохранилось несколько записей такого рода.

⁴ Для обозначения этого действия в текстах используется аккадский глагол *pašāru*, одно из значений которого — «сгребать, собирать в кучу». Зерно, предназначенное для отправки в центр, называлось *napšarātum* или *še`um napšartum* (CAD v. 11 part 1 316).

От 1817 г. до н. э. из селения Абисаре (YBS 6974; Breckwoldt 1995): «360 гур зерна в селении Абисаре подготовлено к отправке (т. е. собрано и упаковано). (Всего) 360 гур (зерна). Контролер Син-магир» (дата: IV месяц 1817 г. до н. э.).

От 1815 г. до н. э. из селения Ишкун-Эа (YOS 5 201): «580 гур зерна (собрано с) поля Мананум, 200 гур (с) поля Аралла, 192 гур (с) поля Либум. (Всего) 972 гур (зерна), подготовленного к отправке из селения Ишкун-Эа» (дата: 5/III 1815 г. до н. э.).

Весной 1817 г. до н. э., судя по этим документам, с административно управляемых полей хозяйства, располагавшихся в селении Абисаре, было собрано и подготовлено к отправке в Ларсу 108 000 л (360 гур) зерна. В другом селении, Ишкун-Эа, весной 1815 г. до н. э. с трех полей хозяйства было собрано 291 600 л (972 гур) зерна, которое предполагалось отправить в центр.

Сохранилась и сводная запись от 25/III 1813 г. до н. э., в которой приведены сведения о количестве зерна, собранного в четырех других поселениях: укрепление Бальмунамхе, Пи-Анум, Син-нур-матим и Ширымтум (YBC 5585; Breckwoldt 1995: 80). В тексте перечисляется количество плужных упряжек (*giš.apin.gud*), которые были заняты на полевых работах в каждом из поселений, имена чиновников, ответственных за работу этих упряжек и количество зерна, подготовленного к отправке (*napšarātum*). Всего в четырех селениях хозяйства было 11 плужных упряжек, которыми руководили 9 человек, названные в документе по именам. К 25 числу III месяца 1813 г. с полей селений было собрано и подготовлено к отправке около 667 620 л (2225.2.0.0 гур) зерна.

Термин «упряжка» (*giš.apin.gud*), который используется в этих документах, следует понимать не буквально, а как обозначение определенной хозяйственной единицы. Она включала в себя определенного размера полевой участок и необходимое для его обработки количество персонала, скота и зерна⁵. За проведение работ на таком участке отвечал специально назначенный чиновник (шум. *ensí*, акк. *iššakkum*). Каждая упряжка должна была ежегодно производить определенное количество зерна, в среднем около 300 гур (Козырева 1988: 13–34).

Отчеты о расходе зерна на производственные нужды на местах в селениях. XI и XII месяцы года были временем подведения итогов хозяйственной деятельности и составления сводных отчетов на основании расходных записей, которые велись постоянно на протяжении предшествующих месяцев. Отчеты

⁵ Система деления сельскохозяйственной территории на упряжки-плуги имела в Южной Месопотамии очень давнюю традицию. Так, в одном досаргоновском тексте из Мугдана упоминается участок в 30 бур как задание для пяти плужных упряжек, т. е. 6 бур (38 га) на одну упряжку; а в другом — участок в 5 бур (32 га) как задание для одной плужной упряжки (Stol 1990: 198). В Лагаше аккадского времени (24–23 вв. до н. э.) на одну упряжку приходилось 5–6 бур, т. е. примерно 32–38 га (Foster 1982: 19). По данным документов из Лагаша конца III тыс. до н. э., на одну упряжку приходилось в среднем 6–8 бур поля, т. е. 38–50 га. В Ларсе рассматриваемого периода в документах упоминается норма в 7–8 бур (40–50 га) поля на одну упряжку (Козырева 1988: 25).

о расходах, которые были произведены в ходе сельскохозяйственных работ на участках хозяйства в разных селениях, составлялись, вероятно, в центральной конторе этой структуры, т. е. в городе Ларса, по тем записям, которые присылали из сельской округи (*kaprum*) и хранили здесь же в архиве хозяйства.

В каждом таком отчете перечислялись расходы зерна, произведенные в течение года в группе из двух-трех селений; в конце документа указывалось имя лица, ответственного за эти расходы (*níg.šu PN*), иногда таких ответственных лиц было двое. Фактически это были отчеты чиновников, отвечавших за данный участок хозяйства.

Два нижеприведенных документа представляют собой годовые отчеты о расходах зерна на производственные нужды в селениях Ишкун-Эа и Абисаре (YOS 5 184) и в селениях Син-нур-матим, Пи-Анум, укрепление Бальмунамхе и Ширимтум (YOS 5 181) в 1816 г. до н. э.

YOS 5 184⁶

«135 гур (ячменя) — семена и фураж для трех плужных упряжек,
18 гур — подкормка плужных волов, питание (букв. “хлеб”) за два месяца;
30 гур — зерновые выдачи шести работникам погонщикам волов;
10 гур (для) Абум-раби,
5 гур (для) Син-эриша,
5 гур (для) Таб-циллашу. (Это) зерновые выдачи пастухам;
24 гур — фураж быкам, откармливаемым зерном,
42 гур — подкормка коров и быков;
32 $\frac{2}{5}$ гур — зерновые выдачи рабыням и рабам.
(Всего) 301 $\frac{2}{5}$ гур (израсходовано в) селении Ишкун-Эа.
45 гур — семена и фураж одной плужной упряжи волов,
30 гур — плата людям [xx].
(Всего) 75 гур (израсходовано) в селении Абисаре.
376 $\frac{2}{5}$ гур (на) семена, фураж скоту, зерновые выдачи Дому и
[фураж для дома плужных волов]⁷ (израсходовано) за один год.
Ответственность Син-магира и Нанна-имах.
Это то, (что) Син-магир из (сельской) округи (*kaprum*) прислал». (дата: XII месяц 1816 г. до н. э.)

В конце документа подсчитана общая сумма расходов зерна в двух поселениях и кратко перечисляются статьи расходов: семена и фураж упряжному скоту, зерновые выдачи Дому и зерно на фураж для дома плужных волов. Что подразумевается под статьей «зерновые выдачи Дому»? По-видимому, это выдачи разным группам персонала хозяйства, которые упоминаются в документе. В данном тексте среди персонала хозяйства в Ишкун-Эа упоминаются шесть пахарей, три пастуха, рабыни и рабы. В селении Абисаре зерно было

⁶ Транслитерацию документа см.: Козырева 1988: 171.

⁷ Восстановлено по YOS 5 181, 21.

израсходовано на плату работникам (?). В конце отчета упоминается, что документ был составлен на основе информации, присланной ответственным лицом, Син-магиром, из сельской округи (*kaprum*). Всего за 1816 г. в двух селениях (Ишкун-Эа и Абисаре) на производственные нужды, корм скоту и выдачи работникам было израсходовано 112 920 л зерна (376 ²/₅ гур).

В селении Ишкун-Эа работали три плужные упряжки, а в Абисаре — одна. Таким образом, в селении Абисаре, судя по вышеприведенному документу, площадь полей хозяйства составляла около 45–52 га (исходя из норматива 7–8 бур поля на одну упряжку), а в селении Ишкун-Эа, где на обработке полей хозяйства были заняты три упряжки, по-видимому, в три раза больше и могла достигать 135–156 га.

Возможно, одновременно с документом YOS 5 184 был составлен и другой, представляющий собой отчет о расходах зерна за тот же 1816 г. в четырех других селениях, где также располагались земли хозяйства (YOS 5 181)⁸.

«660 гур (зерна) обязательные поставки на склад (?).

180 гур семена и фураж (для) волов четырех плуж[ных упряжек],

12 гур (добавочная) подкормка плужных волов,

40 гур зерновые выдачи людям, погонщикам волов,

30 гур это (зерно), что сборщикам урожая было дано.

(Всего) 922 гур зерна (израсходовано) в селении Син-нур-матим.

180 гур — семена и фураж (для) волов четырех плужных упряжек,

12 гур (добавочная) подкормка плужных волов,

136 гур зерновые выдачи людям, погонщикам волов,

30 гур сборщикам урожая было дано.

(Всего) 358 гур зерна (израсходовано) в селении Пи-Анум

и в укреплении Бальмунамхе.

45 гур — семена и фураж (для) волов одной плужной упряжки,

3 гур (добавочная) подкормка плужных волов,

34 гур зерновые выдачи людям, погонщикам волов,

10 гур это (зерно), что сборщикам урожая было дано.

(Всего) 92 гур зерна (израсходовано) в селении Ширимтум.

(А также) 40 гур зерновые выдачи пастухам,

120 гур зерновые выдачи Дому и фураж (для) дома плужных волов,

20 гур корм овец и баранов,

300 гур для дома Аббайи,

390 гур зерновые выдачи лодочникам,

20 гур плата наемным людям, которые лепили кирпичи,

20 гур плата наемным людям, которые указанные работы

(по строительству) ближней стены исполнили.

Всего 2282 гур (зерна) израсходовано за один год.

Ответственность Цилли-Шамаша».

(дата: XII месяц 1816 г. до н. э.)

⁸Транслитерацию документа см.: Козырева 1988: 170.

В этом документе, составленном в конце 1816 г. до н. э., перечисляются расходы зерна, произведенные в отделениях хозяйства, располагавшихся в четырех селениях (Син-нур-матим, Пи-Анум, Ширимтум, укрепление Бальмунамхе) за прошедший (1816) год. Статьи расходов, кроме упомянутых в первой строке документа «обязательных поставок» (*mu.túm*) зерна на склад (т. е. зерна, отправленного в Ларсу), те же, что и в предшествующем документе⁹. Это посевное зерно и фураж для упряжных животных, дополнительный фураж (подкормка упряжных животных во время полевых работ), зерновые выдачи различным группам персонала, оплата наемных работников (жнецов и строителей).

Общее количество зерна, израсходованного в четырех селениях за 1816 г., не считая 198 000 л (660 гур) зерна «обязательных поставок», отправленных, вероятно, в Ларсу, составило около 486 600 л (1622 гур). В том же 1816 г. 112 920 л зерна ($376 \frac{2}{5}$ гур) было потрачено на те же цели в поселениях Ишкун-Эа и Абисаре (см. выше YOS 5 184). Таким образом, в 1816 г. до н. э. в шести селениях Ларсы, где располагались пахотные земли и пастбища Дома, на посевное зерно, содержание упряжного скота, выдачи персоналу, выплаты наемным работникам было израсходовано около 600 000 л (2000 гур) зерна. Это была часть полученного здесь урожая. При этом другая, скорее всего большая, его часть была отправлена в Ларсу. В этих шести селениях на полях хозяйства работали 13 плужных упряжек. Общая площадь полей составляла, по-видимому, около 540–630 га и оставалась неизменной из года в год, так как неизменным оставался ежегодный расход зерна на семена и фураж (ср. YOS 5 175 — 1817 и YOS 5 184 — 1816).

Скотоводство. Мелкий рогатый скот. Еще в середине 19 в. до н. э. несколько постоянных пастухов пасли городские стада овец в окрестностях Ларсы. Небольшая группа документов времени царя Син-иддинама (1849–1842), в которых была зафиксирована эта деятельность, представляют собой очень краткие расходные записи, которые, возможно, происходят из городского архива Ларсы этого времени (Goetze 1950). Пастухи были подотчетны городской администрации. Ежегодно производилась проверка состояния стад и наличия поголовья. Из этих стад ежемесячно некоторое количество скота отправляли в храмы города, и эти расходы фиксировались. К расходным документам прикладывали печати чиновники-шатамму¹⁰. При этом пастухи соблюдали очередность, так что каждый из них отправлял скот из своего стада в Ларсу только в определенный месяц года. Порядок перечисления имен богов, в храмы которых отправляли скот, в большинстве документов тоже единообразный: Уту, Ишкур, Инанна, Нанайа, Нергал, Энлиль, Энки, Нинхурсага, Нинкаррак, Нингаль, Ниншагга, в списке также упоминается главный служитель бога Уту (*en*). В храм бога Уту отправляли обычно трех животных, в храмы остальных богов — по одному (мужским божествам — баранов, женским божествам — овец). Все эти выдачи

⁹ Неясно, где именно были произведены расходы, перечисленные в самом конце документа. Возможно, имелись в виду расходы, произведенные в Ларсе.

¹⁰ Чиновник с функциями контроля за перемещением продуктов и товаров между разными отделениями внутри хозяйства.

обозначались термином, которым называли постоянные приношения богам (шум. *sá.dug4*, акк. *sattukku*).

Из этих же стад выдавали овец гадателям (*máš.šu.gíd.gíd*), по случаю проведения каких-либо культовых или официальных церемоний, постоянно отправляли животных группе высокопоставленных лиц из 5–6 человек, а также в другие города (Ниппур, Урук). Среди получателей овец также упоминаются «ворота дворца», «ворота дома наследника» и «дом наследника» (Goetze 1950: 92).

Документы, касающиеся скотоводства в хозяйстве, которое в рассматриваемой группе документов называлось «Дом», были составлены на несколько десятилетий позднее. Хозяйство держало своих овец и крупный рогатый скот в селениях, располагавшихся в окрестностях Ларсы. Здесь рядом с пахотными землями Дома располагались и пастбища (Козырева 1988: 35–40). Чаще всего в документах архива встречаются упоминания о стаде овец, которое паслось поблизости от селения Син-нур-матим (*uḡi.ki EN.ZU-nūr-mātim*). Это стадо пасли два-три постоянных пастуха, которые отвечали перед администрацией за состояние стада¹¹. У пастухов были, вероятно, помощники из числа членов их семей или лиц, нанятых ими в частном порядке, которые к персоналу хозяйства прямого отношения не имели и соответственно в отчетных документах не упоминались. Под надзором каждого пастуха находилось 500–900 овец, а общее количество овец в этом стаде в разные годы насчитывало примерно от 1200 (TCL 10 24 — 1817) до 2400 голов (YOS 5 217 — 1801). Норма приплода, судя по этим документам, составляла 80 %, а норма падежа — 15 % от общего числа овец и баранов (Kraus 1966).

Ежегодно весной стадо приводили на стрижку в селение Син-нур-матим, вблизи которого оно паслось. В отчетных документах указывалось, что норма настрига шерсти с одной овцы составляла 2 мины, т. е. около 1 кг. На практике выход шерсти с одной овцы по имеющимся отчетам колебался от 1 мины 27 сиклей (YOS 5 208) до 2 мин 32 ¹/₄ сикля (TCL 10 24), так что периодически возникали недостатки, реже — излишки шерсти, что также фиксировалось в ежегодных отчетах.

В конце каждого года составлялся отчет с подробным описанием состояния стада, наличии молодняка, настрига шерсти и т. п. Сохранилось несколько годовых отчетов пастухов этого стада, которые относятся к периоду от 1817 до 1794 г. до н. э. От 1813 г. до н. э. сохранилась запись годового отчета двух пастухов, Самума и Шамайатума, в которой были указаны недостатки в животных и шерсти, имевшиеся у каждого пастуха (YOS 5 208, XII месяц 1813). Кроме того, сохранилась еще и отдельная запись этих же недостатков, полностью совпадающая по цифрам с отчетом (YOS 5 192, 30/XII 1813).

Стада мелкого рогатого скота держали для получения шерсти, но небольшое количество животных ежегодно расходовали на различные нужды: передавали в откормочное хозяйство, царю и высшим чиновниками во время их поездок за пределы Ларсы, для оплаты чрезвычайных расходов. В одном случае пять овец

¹¹ Имя одного из пастухов — Самума — встречается в целом ряде отчетных документов, судя по которым он занимался выпасом стад не менее 23 лет с 1816 по 1794 г. до н. э. (YOS 5 208, 217, 192, 212, 218).

было дано жрецу-гадателю, «когда заболел Гимиллум» (YOS 5 218), один из высших чиновников хозяйства, который, в частности, контролировал скотоводство (YOS 5 217, 208). Некоторое количество животных ежегодно выдавалось из стада для жертвоприношений при совершении различного рода ритуалов¹².

В архиве сохранился документ (СВД 103), датированный I месяцем 1821 г. (2-й год правления Рим-Сина), в котором было записано количество шерсти, полученной хозяйством из разных селений от содержавшихся в них стад мелкого рогатого скота, а также от овец, имевшихся в откормочном хозяйстве (120 овец). Общее количество поступившей шерсти составило 2290 кг (76 талантов 20 мин). Исходя из средней нормы выхода шерсти — 2 мины (около 1 кг) с одной овцы можно предположить, что были острижены примерно 2290 овец. Возможно, этот документ зафиксировал поступление шерсти почти со всех имевшихся на тот момент в данном хозяйстве животных, поскольку были учтены не только животные в стадах, но и овцы, содержавшиеся в откормочном хозяйстве.

Крупный рогатый скот. Очень важной отраслью хозяйства было разведение крупного рогатого скота. Из этих стад обеспечивались рабочим скотом земледельцы, обрабатывавшие поля хозяйства. Существовали специальные структуры, где содержали этих животных, «дом плужных волов» (*é.gud.giš*). Зерно для фуража они получали из ресурсов Дома (YOS 5 181). Ответность в этой сфере была такой же, что и в отношении мелкого рогатого скота. Сохранились два отчета пастухов этих стад (СВД 56 — 1806; YOS 5 150 — 1800). Оба документа написаны в месяце варахсамну (VIII месяц года). Именно в этом месяце проводились главные работы по возделыванию полей и севу, в которых использовали крупный рогатый скот. В первом случае стадо составляло 182 головы, во втором — 163. В обоих отчетных документах указано, что из стада плужных волов (*gud.giš*) были выданы животные чиновнику по имени Нанна-имах, управляющему одним из сельскохозяйственных отделений Дома. В одном случае он получил 11 животных, в другом — трех. В хозяйстве велся тщательный учет павших животных, пастухи должны были передать их шкуры в хозяйство, что также фиксировалось документально (YOS 5 200; YOS 5 233).

Персонал хозяйства на местах (в сельской округе). В ежегодных отчетах о расходах хозяйства на местах (в селениях) учитывались и расходы на содержание и выплаты работникам. Судя по этим документам, на полях и пастбищах хозяйства постоянно работали следующие категории работников: работники-погонщики волов (*lú/erín ša.gud* YOS 5 175, 181, 184) и пастухи (*sipa* YOS 5 175, 184). Людей, которые занимались пахотой, севом, уборкой урожая, уходом за упряжным скотом и другими подобными работами, в отчетных документах

¹² Для принесения в жертву богу Ададу (YOS 5 218), в храм бога Амурру (YOS 5 218), при возлиянии пива богам (YOS 5 217), при совершении ритуалов, связанных со сбором урожая (TCL 10 24; YOS 5 212), с появлением зеленых всходов (?) (YOS 5 212, 208). Сам процесс стрижки овец сопровождался большими праздниками. Главные ритуальные события происходили, вероятно, в селении Нур-Адад, куда к этому дню обычно прибывал из Ларсы царь. Здесь совершались жертвоприношения, для чего из стада ежегодно выдавалось несколько десятков овец (YOS 5 212, 208; TCL 10 24). Жертвоприношения совершались и в том поселении, где происходила стрижка овец (YOS 5 217).

хозяйства и письмах чаще всего обозначали собирательным термином «работники погонщики волов» (lú/erín šà.gud). Иногда это словосочетание сокращали и называли работников просто «погонщики волов» (šà.gud) или просто «работники» (erín). Все они получали за свою работу не плату (á), а зерновые выдачи (še.ba). Однако по величине эти выдачи (1500–3500 л, или 5–10 гур, зерна) соответствовали обычной в то время наемной плате за год работы. Количество таких работников не всегда указывается в отчетных документах, но, судя по величине выдаваемого им зернового довольствия, их было примерно от 2 до 8 человек в каждом отделении хозяйства в селении.

Больше всего сведений о рабочем персонале сохранилось из отделения хозяйства в селении Ишкун-Эа (см. выше перевод YOS 5 184). Здесь работали шесть погонщиков волов, по два работника на каждую из трех упряжек. Они получали по 5 гур зерна в год. Трое пастухов — один получал 10 гур зерна и двое по 5 гур. Хозяйство, вероятно, снабжало своих работников также и другими необходимыми продуктами, такими как шерсть и масло. В этом же отделении хозяйства была еще одна группа постоянных работников, которых в отчетном документе (YOS 5 184) называют «рабыни и рабы» (gim.ir). В документах, фиксировавших расходы хозяйства в других селениях, такие работники не упоминаются. Расходы на их содержание в годовом отчете учитывались как зерновое довольствие (še.ba), выданное на группу, при этом точное количество рабов и рабынь в документе не указывалось¹³.

Таким образом, по отчетным документам за 1817–1816 гг. до н. э. в селении Ишкун-Эа числилось примерно 27 постоянных работников, в том числе 18 (?) рабов и рабынь и девять полноправных. По-видимому, постоянные работники жили со своими семьями здесь же и у них были помощники (diri) из числа младших родственников. Время от времени хозяйство нанимало дополнительных работников, скорее всего, из жителей ближайших селений. Это было необходимо во время уборки урожая (YOS 5 184), при необходимости работников из числа местных жителей нанимали также для изготовления кирпичей и на строительные работы (YOS 5 175). Наемные «жнецы» (erín še.gur10.kud) получали за свою работу зерно, от 10 до 30 гур на группу. Кроме того, иногда им выдавали шерсть и другие продукты.

Выдачи зерна и плату работники хозяйства в селениях получали из продуктов, произведенных здесь же (а не с городских складов) и эти расходы учитывались в годовых отчетах как расходы, произведенные на местах.

Деятельность хозяйства в Ларсе. Записи о поступлении в Ларсу зерна из отдельных поселений (YOS 5 166, 168–170, 182, 185, 209; TCL 10 28; СВД 51, 54). Продукты земледелия и скотоводства (зерно, сезам, шерсть), произ-

¹³ Рабы и рабыни, занятые в хозяйстве Ишкун-Эа, получали вместе 32 ²/₅ гур зерна в год. Если предположить, что рабов и рабынь было одинаковое количество, то их могло быть по девять, т. е. всего 18 человек. Эта цифра получается следующим образом. Годовая норма выдачи зерна на мужчину составляла 2 ²/₅ гур, а на женщину — 1 ¹/₅ гур, т. е. норма на двух человек (мужчину и женщину) составляла 3 ³/₅ гур. Если общее количество зерна, которое все рабы получали ежегодно, 32 ²/₅ гур разделить на 3 ³/₅ гур, то получается 18. Это, конечно, относительная цифра.

веденные в разных отделениях хозяйства, отправляли в Ларсу в качестве «обязательных поставок» (шум.gûn, акк. *biltum*). Зерно, которое предназначалось для отправки в центр, т. е. в Ларсу, вначале свозили на берег ближайшего к селению судоходного канала. Здесь его встречали присланные из Ларсы чиновники-шатамму (*šà.tam*) и «ответственные» лица (*ebbūtum*). Под их контролем зерно грузили на присланные из Ларсы баржи и отправляли по воде в столицу. Дорога могла занимать от двух до пяти дней. По прибытии в Ларсу зерно разгружали на пристани в присутствии группы контролеров (*gîr*). Его взвешивали (вернее, измеряли его объем) и переносили в одно из зернохранилищ, находившихся в городе. При этом составлялся отчетный документ, в котором указывалось общее количество зерна, отправленного из данного селения в Ларсу, и перечислялись расходы зерна в ходе транспортировки. Эти расходы, состоявшие из платы носильщикам, грузившим зерно, платы за баржи, расходов на питание людей в пути, вычитались из общего количества погруженного на баржи зерна, и в конце документа указывался объем зерна, реально доставленного в Ларсу, и название склада, в который оно было перенесено. Далее в документе указывали имена чиновников-контролеров, принявших зерно. В некоторых случаях обнаруживалась недостача зерна (*lal*), вызванная, вероятно, потерями при погрузке и доставке.

В X месяце 1816 г. до н. э. была сделана такого рода запись о поступлении в Ларсу зерна из селения Ишкун-Эа (**TCL 10 28**)¹⁴:

«600 гур зерна из поселения Ишкун-Эа.

600 гур зерна доставлено Нанна-имах и Син-магиром.

(Это) основная сумма. Из нее (произведены следующие расходы):

583 $\frac{4}{5}$ гур доставлено в хранилище, (называемое) “новый склад”,

12 гур плата за баржи,

$\frac{4}{5}$ гур (на) питье,

$\frac{2}{5}$ гур (расходы на) стоянках¹⁵,

(Всего) 597 гур зерна доставлено и израсходовано.

Недостача 3 гур.

Контролер Син-накид, Син-кати-цабат, Апиль-Син, Лакипум, Нидиттум и Нур-Амурру». (дата)

От XI месяца того же года сохранился документ, зафиксировавший поступление зерна из селения Син-нур-матим (**YOS 5 182**):

«600 гур зерна из селения Син-нур-матим.

600 гур зерна доставлено Цилли-Шамашем.

(Из них) 576 $\frac{2}{5}$ гур 2 бан доставлено в хранилище дома Хубуттатум,

20 гур плата за баржи,

1 $\frac{1}{5}$ гур 4 бан (на) питье,

1 $\frac{2}{5}$ гур (расходы на) стоянках.

(Всего) 599 $\frac{1}{5}$ гур зерна доставлено и израсходовано.

(Недостача) $\frac{4}{5}$ гур.

¹⁴ Транслитерацию текста см.: Козырева 1988: 172.

¹⁵ Перевод предположительный, см.: Breckwoldt 1995: 74.

Контролер Апиль-Син, [...], Син-кати-цабат, Лакипум и их товарищи» (дата).

Прием зерна проходил в присутствии 3–5 официальных контролеров (gir). Имена большинства из них в течение ряда лет повторяются из документа в документ (Апиль-Син YOS 5 169, 170, 182; YOS 5 169, 170, 182; Лакипум YOS 5 182, 209).

Объемы зерна, поступавшего в Ларсу. Поскольку сохранились далеко не все отчетные документы, то данные на этот счет далеко не полные. Есть отдельные несинхронные данные по поставкам и по расходам за разные годы. В III месяц 1813 г. до н. э. в четырех селениях (an.zag.gàr balmunamhe, uru.ki KA.AN, uru.ki EN.ZU-nūr-mātim, uru.ki širimum) было собрано и подготовлено к отправке в Ларсу более 660 000 л (2225.2.0. гур) «зерна обязательных поставок» (še.gún) (YBC 5585; Breckwoldt 1995).

Распределение зерна по складам. Для хранения таких больших объемов зерна в Ларсе хозяйству требовалось иметь складские помещения в городе площадью не менее 1600 кв. м (Breckwoldt 1995: 65). В документах архива упоминаются около десяти названий складов, куда ссыпалось привезенное в город зерно¹⁶. Все они входили, по-видимому, в хозяйственную систему Дома. Судя по расходным записям и названиям складов, старые складские помещения периодически обновлялись и строились новые. Стандартный объем зерна, хранившегося на одном складе, составлял, вероятно, около 180 000 л (600 гур). Так, зерно, доставленное в Ларсу в начале 1817 г. — более 705 000 л (2350.0.5.0 гур) — было распределено по четырем разным складам (YOS 5 168, 169, 170; СВД 51; YBC 6663; Breckwoldt 1995: 83)¹⁷.

¹⁶ Склад Дома (é.kišib.ba é) — YOS 5 185, 187–189, 195; YBC 7177; (gur7 é) СВД 54;

склад дома бога DN:

gur₇ é d.utu YOS 5 166,

é.kišib.ba é d.en.ki СВД 49; YOS 5 169;

склад дома/хозяйства PN:

é.kišib.ba é tarībum (YBC 7038; YOS 5 169),

é.kišib.ba é hubuttatum (YBC 6636; YOS 5 182),

é.kišib.ba é māšum (YBC 6663);

склад (под названием) новый дом на широкой улице (встречается несколько вариантов написания этого названия, относятся они к одному помещению или это были разные строения, неясно):

é.kišib.ba é.sila.dagal.la gibil (YOS 5 174; TCL 10 25; YOS 5 168; YOS 5 209),

é.kišib.ba ša é.sila.dagal.la gibil (СВД 54),

é.kišib.ba é.sila.dagal.la gibil = é.<ús.>gid.da ša sila.dagal.la gibil (Breckwoldt 1995: 77);

склад (под названием) дом новый (на) широкой (улице):

é.kišib.ba é.ús.gid.da gibil (YBC 5788; YOS 5 182; YBC 6231),

дом новый на широкой улице/главной площади:

é.<ús.>gid.da ša sila.dagal.la gibil (YOS 5 170);

é.ús.gid.da ša sila.dagal.la (YOS 5 169);

склад (под названием) хранилище новое:

é.kišib.ba é ašahhātum gibil (YOS 5 168);

склад на новом участке на широкой улице:

é.kišib.ba é.ki.gál.gibil.sila.dagal.la gibil (YBC 7194; Breckwoldt 1995: 87).

¹⁷ Из селения Масабум — 563 гур, é.<ús.>gid.da ša sila.dagal.la gibil (YOS 5 170),

из Пи-Анум — 536.2.5.0 гур é.sila.dagal.la gibil (YOS 5 168),

При распределении зерна руководствовались, вероятно, наличием свободных помещений, а не тем, откуда именно данное зерно поступило. В 1817 г. до н. э. 563 гур зерна из селения Масабум доставили на склад, называемый «дом новый на широкой улице/главной площади» (YOS 5 170, 27/III 1817), а в следующем 1816 г. до н. э. 559.3.0 гур зерна из того же селения Масабум доставили на «склад Дома» (YOS 5 185, 6/IV 1816).

Одни и те же лица из числа хозяйственного персонала Дома в разные годы могли получать зерновое довольствие с разных складов (см. ниже), также с разных складов производили расходы зерна на плату за различного рода дополнительные работы и услуги, предоставленные хозяйству. Помимо зерна на склады в Ларсу привозили и другие сельскохозяйственные продукты — сезам и шерсть.

Другие сельскохозяйственные продукты, поступавшие в Ларсу. Сезам. Сезам (или кунжут) в документах из Ларсы упоминается сравнительно редко по сравнению с зерном, хотя он, несомненно, был второй по значению сельскохозяйственной культурой Южной Месопотамии. Масло, отжимаемое из сезама, вместе с зерном и шерстью входило в состав необходимого прожиточного минимума (см. гл. XV). Должно быть, под посевы этой культуры в хозяйстве Дома отвели большие площади. В административных документах из Ларсы неоднократно упоминается наличие и расход сезама и сезамового масла. Так, в одном раннем документе, датированном концом 1849 г. до н. э., содержится запись о расходе сезама за год (Goetze 1950: 83). В начале года в наличии было примерно 900 000 л сезама (около 3000 гур), а к концу года осталось 450 000 л (около 1500 гур), т. е. за год было израсходовано около 450 000 л. В другом документе того же времени упоминается сезам из поставок поселения Ахануту, который был передан для реализации торговым агентам-тамкарам (Goetze 1950: 98; YBC 3295). Эти поставки, судя по тому, что в документе они оценены в 4 $\frac{1}{2}$ мины серебра составили около 21 000 л (70 гур) сезама¹⁸.

В одной отчетной записи этого времени упоминается, что из 10 л сезама должны были получить около 2 л масла (NBC 05531; Feuerhen 2004: 9). Если это было стандартной нормой, то из 1 гур сезама получали около 12 л масла. Тогда из 1500 гур сезама, израсходованного в 1849 г. до н. э., могли получить около 18 000 л масла. Растительное масло наряду с зерном и шерстью входило в состав минимального набора продуктов, необходимых для повседневного существования (Козырева 1988: 140–146). Считалось, что взрослому

из Ишкун-Эа — 555.3.8.0 гур (278.1.3.0 é.kišib.ba é tarībun; 55.4.5.0 é.ús.gid.da ša sila.dagal.la gibil; 221.4.0.0 é.kišib.ba é d.EN.ZU, YOS 5 169),

из Син-нур-матим — 233.4.2.0 гур неясно куда (СВД 51),

из Абисаре 229.4.0.0 гур é.kišib.ba é māšum (YBC 6663; Breckwoldt 1995: 83).

¹⁸ Если исходить из среднего тарифа 1 сикль серебра = 75 л сезама (см. главу XVIII). В одной административной записи времени царя Нур-Адада (1865–1849) упоминается 335 гур, т. е. более 100 000 л сезама, которые Аху-табум, сын царя, получил для «покупки серебра», т. е. для реализации (YOS 5 153). В расходной записи от 1763 г. (60-й год правления Рим-Сина) среди других расходов сезама указан и следующий: «4 $\frac{1}{5}$ гур (1260 л) сезама для покупки серебра» (СВД 122).

человеку в год нужно не менее 3 л масла. Ежедневно масло в огромных количествах расходовалось на проведение культовых церемоний (помазаний сакральных объектов) в храмах (о записях расхода масла в хозяйстве Дома: см. ниже).

Шерсть. Общее количество шерсти, которое хозяйство получало со всех своих стад, неизвестно. Сохранились некоторые цифры поступления шерсти с отдельных стад в разные годы. Так, в 1811 г. до н. э. от группы пастухов было получено более 900 кг шерсти (30 талантов 42 мины, YOS 5 208), а в 1804 г. до н. э. — более 1650 кг (55 талантов 5 $\frac{1}{2}$ мины, СВД 112). При этом шерсть высшего качества (sig.igi.sag.gá) в хозяйстве могли получить от 360 кг (12 талантов, TCL 10 24; YOS 5 212) до 550 кг (18 талантов 5 мин 30 сиклей, СВД 112). Полученная шерсть свозилась на склады (é.kišib.ba) в Ларсе, и эти поступления фиксировались (YOS 5 210):

«12 талантов шерсти высшего сорта,
34 таланта шерсти хорошей,
(всего) 46 та[лантов шерсти/
(Это) настриг в поселении [...].
Поставка в хранил[ище ...]
(дата: XII месяц 1816 г. до н. э.)».

Со складов шерсть выдавалась в ткацкие мастерские начальникам ткачей для производства тканей и одежды (YOS 5 177, 180, 183, 199; YOS 8 104) и для изготовления одеяний богам (СВД 61). Шерсть высокого качества получали также отдельные лица из числа высшего персонала хозяйства (СВД 65). Кроме того, ежегодно как минимум 10 талантов (300 кг) шерсти высшего качества предоставлялось начальникам тамкаров для обмена на привозные товары (TCL 10 17; YOS 5 207).

Переработка продуктов. Помимо производства продуктов хозяйство занималось и их хранением и переработкой, для чего в Ларсе существовали различные ремесленные мастерские, которые в отчетных документах также назывались «домами». Сведений на этот счет сохранилось немного, и эта сторона деятельности хозяйства во многом остается неясной, отдельные ее детали восстанавливаются лишь частично и весьма приблизительно, на основании главным образом, косвенных данных.

Дом рабынь/работниц ткачих. В текстах архива относительно часто встречаются упоминания одного из таких «домов-мастерских» — «дома рабынь/работниц-ткачих» (é.gim.uš.bar СВД 61; é.uš.bar YOS 5 177), во главе которого стоял «начальник рабынь-ткачих» (ugula gim.uš.bar). Деятельность этой структуры мало отразилась в дошедших до нас документах архива, касающихся в основном зернового хозяйства, хотя это было, несомненно, важное и крупное учреждение хозяйства. О его масштабах позволяет судить тот факт, что в целом ряде договоров среди свидетелей упоминаются имена четырех лиц, одновременно занимавших должность «начальника рабынь-ткачих» (YOS 5 123, 126, 129). Женщины работали в этом «доме», вероятно, круглый год, перерабатывая шерсть, полученную со стад хозяйства и изготавливая ткани.

Передача шерсти в «дом ткачих» упоминается в расходных записях от 1815 (YOS 5 177) и 1792 гг. (СВД 61).

Существовали и мастерские по изготовлению различного рода изделий из льна. Сохранился один из отчетных документов такой мастерской, в которой изготавливали различного рода льняные пояса и повязки, составленный по классическому формуляру расходного документа (YOS 5 222). Запись представляла собой подсчет трудовых затрат на производство определенных видов работ. Она была составлена по схеме общей для всех отчетных документов: наличие ресурсов (дебет), расход ресурсов (кредит) и итог — если ресурсы не были полностью использованы, то фиксировалась недостача, которую должен был возместить ответственный за данные ресурсы, если работ было произведено больше, чем позволяли ресурсы, администрация возмещала ответственному лицу перерасход.

Тем ресурсом, за расходы которого отчитывался составитель данного текста, было рабочее время (человеко-дни), затраченное на производство различного рода изделий¹⁹. В начале документа указано количество работников мастерской (мужчин и женщин), затем подсчитано общее количество человеко-дней в году, которыми располагала данная мастерская. Для этого количество имевшихся в мастерской работников умножалось на количество дней в году, т. е. на 360. Это составляло основную сумму для расчета. Затем подсчитывалось, сколько и каких изделий произведено в течение года. При этом указывалось как общее количество времени, потребовавшееся для изготовления всех изделий данного вида, так и затраты времени (в человеко-днях) на производство одного такого изделия (норма выработки). В конце документа подводился итог. Из общего количества человеко-дней, которыми мастерская располагала в течение года, имея определенное количество работников, вычиталось число человеко-дней, фактически затраченных на изготовление представленных изделий. Поскольку текст в значительной степени поврежден, приведем только его начало и конец, где подводится итог (YOS 5 222):

«6 рабов полноценных²⁰ (работников) (и) 7 рабынь полноценных (работников), — (всего) 13 рабынь (и) рабов — (это то, что) имеется на один (рабочий) день, 4680 рабынь (и) рабов — (это то, что) имеется на один год²¹.

Это основная сумма (имевшихся трудовых ресурсов). Из нее (произведены следующие расходы):

2 льняных пояса, (на изготовление которых потребовался) 1 человеко-день (букв. «рабыня их — 1»), так что на (изготовление) одной (такой) льняной ткани (потребовалось) $\frac{1}{2}$ человеко-дня (букв. «рабыня ее $\frac{1}{2}$ »).

¹⁹ Для чиновника, ответственного за выполнение работ, масштабы трудовых ресурсов, находившихся в его распоряжении, были тесно связаны с расходами, необходимыми для обеспечения работников (платежи, выдачи продуктов). Эти расходы возмещала администрация, но в случае несоответствия расходов количеству произведенной продукции чиновник должен был возмещать убытки из своих собственных средств.

²⁰ Буквально в тексте написаны знаки SAG.AŠ, т. е. «(по) одной голове». Имелось в виду количество трудовых ресурсов, соответствовавших ресурсам «полноценного работника», т. е. работника, вырабатывавшего норму, рассчитанную на 1 человеко-день. В реальности работников могло быть и больше, если не все из них в силу возраста или состояния здоровья могли выполнить полную норму.

²¹ $13 \times 360 = 4680$ человеко-дней.

4 льняных пояса (для одежды) *nu.bānda*, (на изготовление их потребовалось $\frac{2}{3}$ человеко-дня (букв. «рабыня их $\frac{2}{3}$ »)), так что на (изготовление) 1 (такой) льняной ткани (потребовалось) $\frac{1}{6}$ человеко-дня (букв. «рабыня ее — $\frac{1}{6}$ »)²².

(Далее текст сильно фрагментирован, упоминаются другие виды одежд, требовавшие других трудовых затрат, в конце подводится итог.)

«Всего (израсходовано) 4374 (человеко-дня)... Вычитание (из общей суммы) произведено, и недостача — 306 человеко-дней (букв. «306 рабынь»))» (дата: 11/V 1799 г. до н. э.).

Хотя в мастерской работали и мужчины, и женщины, все подсчеты, как видно из терминологии документа, были произведены исходя из трудозатрат работниц. Если они действительно работали круглогодично, то должны были изготавливать большое количество различных изделий, которые, вероятно, распределялись среди персонала хозяйства. Одно из таких изделий, какой-то особый льняной пояс, предназначалось, как упомянуто в тексте, для одежды *nu.bānda*, т. е. чиновника среднего звена, который обычно выполнял обязанности начальника небольшой группы работников. Возможно, такой пояс был своего рода знаком отличия, который чиновники получали от администрации.

Откормочное хозяйство. Еще одна хозяйственная структура, которая упоминается в документах архива, — это откормочное хозяйство. Кроме крупного и мелкого рогатого скота, пасшегося за пределами Ларсы, в самом городе располагалось специальное хозяйство, где содержали скот, откармливаемый на мясо. Полностью его название выглядело так: «Дом быков и овец, (откармливаемых) зерном города Ларсы» (*é.gud.udu.še UD.UNUG.ki*, YOS 5 212; TCL 10 24; YBC 07268; Feuerhen 2004: 164). Это хозяйство постоянно пополнялось скотом из стад Дома, что зафиксировано в отчетах пастухов. Ежегодно в качестве обязательной поставки (*mu.túm*) пастухи передавали туда от 15 до 50 овец, в том числе для различных культовых праздников (YOS 5 208, 212).

Всего в откормочном хозяйстве содержалось примерно 120 овец, судя по тому, что оттуда получали 4 таланта шерсти в год (СВД 103). Там же держали и некоторое количество крупного рогатого скота (YOS 5 150 — в откормочное хозяйство передаются одна старая корова и три телки). Скот кормили зерном, которое поступало со складов в Ларсе. В 1817 г. до н. э. со склада (под названием) «хранилище новое» (*é.kišib.ba é.ús.gíd.da gibil*) было выдано 8730 л (29 гур 3 бан) зерна для корма скоту, содержавшемуся в откормочном хозяйстве. Солому для содержания скота привозили из окрестных селений. Расходы на доставку также оплачивались со складов в Ларсе. В VII месяце 1814 г. до н. э. со «склада Дома» (*é.kišib.ba é*) были оплачены баржи, которые «должны привезти солому (для скота) из селения Ишкун-Эа» (YOS 5 188). В VIII месяце того же года со склада (под названием) «хранилище новое» была произведена оплата наемных работников, которые доставили в откормочное хозяйство солому из селения Ишкун-Эа (YBC 5788; Breckwoldt 1995). Во главе этой структуры стоял, по-видимому, чиновник, которого в одном из текстов называли «человек

²² Транслитерация этого фрагмента текста см.: Козырева 1988: 188.

откормочного хозяйства» (lú é.gud.udu.še, TCL 10 15–21), среди административного персонала откормочного хозяйства был также чиновник-шатамму (šā.tam é.gud.udu.še, YOS 8 3–15).

Расходы хозяйства. Сохранились данные о расходах зерна в хозяйстве за отдельные годы. Так, за 1816 г. до н. э. в хозяйстве было израсходовано 1 582 866 л (5276 $\frac{1}{5}$ гур 6 сила) зерна (YOS 5 176)²³.

«[3600 +] 554.0.3.6 гур зерна — ответственность Гимиллума,

1313 гур — ответственность Цилли-Шамаша,

409.0.3.0 гур — ответственность Нанна-имах и Син-магира.

(Всего) 5276.1.0.6 гур зерна израсходовано за один год»

(дата: XIII месяц 1816 г. до н. э.).

Документ был составлен в дополнительном XIII месяце 1816 г. до н. э. Вероятно, в нем были учтены все расходы зерна, произведенные в хозяйстве за прошедший год. Трудно сказать, учитывались в этом документе расходы, произведенные именно в Ларсе, из уже доставленного зерна, или же сюда были включены и расходы на местах, отчеты о которых были составлены ранее, в XII месяце года. В том году расходы зерна в шести поселениях составили около 600 000 л (2000 гур) (см. выше YOS 5 184, 181).

Зерно (и другие продукты) со складов в Ларсе расходовалось на разнообразные повседневные нужды хозяйства: на выдачи отдельным работникам и служителям хозяйства, фураж для скота в откормочном хозяйстве, на различные платежи — оплату наемных работников, плату за баржи, перевозившие различные хозяйственные грузы (зерно, кирпич, солому)²⁴. Также зерно со складов передавалось в другие хозяйства города:

в 1819 г. до н. э. со «склада дома Тарибума» 20 гур зерна было передано в хозяйство чиновника, должность которого называлась «глава колышка» (*ana é rabī sikkatim*), одного из высших должностных лиц городской администрации (YBC 7038; Breckwoldt 1995: 85);

в 1817 г. до н. э. со склада «новый дом на широкой улице», 61 гур зерна передано в хозяйство бога Нанны (YOS 5 173).

Часть произведенных продуктов, прежде всего сезам и шерсть, реализовалась через городскую торговую организацию (карум) в обмен на различного рода привозные товары — серебро, золото, драгоценные одежды и украшения, лекарственные травы и пряности.

²³ При средней урожайности 30 гур с 1 бур это могло составлять урожай с полей площадью более 1300 га (около 220 бур).

²⁴ В 1819 г. до н. э. со «склада дома Тарибума» 4800 л зерна на плату амореям за работы в саду Акиту (вероятно, этот сад принадлежал Бальмунамхе, YBC 7038; Breckwoldt 1995: 85);

в 1817 г. до н. э. со склада «новый дом на широкой улице» 6900[+x] л зерна были израсходованы на проведение строительных работ в Уре — выдачи работникам, которые строили дом, платежи наемным работникам, которые лепили кирпичи, расходы зерна на питье работникам (YOS 5 174; TCL 10 25);

в 1814 г. до н. э. со «склада дома Хубуттатум» выдали 1800 л зерна на плату наемникам, строившим, видимо, новый склад (YBC 6636; Breckwoldt 1995); со «склада Дома» выдали 2100 л зерна на оплату наемных барж, «которые кирпичи из камня привезли» (YOS 5 187).

Выдачи с городских складов. На всех складах фиксировали ежемесячные расходы зерна. Сохранилось несколько отчетных записей такого рода за разные месяцы 1819–1813 гг. до н. э. В первой строке такого документа обычно указывалось, сколько зерна было выдано на содержание Дома (Козырева 1988: 30–31). Такие выдачи назывались «изъятие/отпуск (продуктов) для дома» (*maššartum ana bītim*)²⁵. Далее перечислялись выдачи отдельным лицам. Имена некоторых из этих лиц повторяются в документах разных лет и встречаются и в записях выдач масла (см. ниже). Один из таких документов, составленный в начале XII месяца 1817 г. до н. э., содержал, по-видимому, отчет о расходах за предшествующий месяц (TCL 10 25):

«90 гур зерна — (израсходовано) на содержание Дома,
29.0.3[+x] — на фураж (для) откормочного хозяйства,
30 гур (выдано) Имгур-Сину, гадателю,
20 гур — Шаррут-Сину, корабельщику,
5 гур Син-ирибаму,
3 гур Адайатуму, кузнецу,
2 гур Цалинуму.

(Всего) 179.0.3[+x] гур (около 54 000 л) зерна со склада “новый дом на широкой улице” израсходовано» (дата)²⁶.

Хотя сохранилась, вероятно, только незначительная часть отчетных документов, имена некоторых получателей зерна повторяются неоднократно в записях разных лет²⁷. В некоторых случаях при именах указывается профессия или должность: жрец-гадатель, корабельщик, кузнец, пекарь. Одни и те же лица могли получать зерновые выдачи с разных складов хозяйства. Так, Адайатум,

²⁵ В таблицу сведена группа такого рода отчетных документов с указанием даты составления, количества израсходованного зерна и названия склада, откуда зерно было выдано.

Документ	Дата	Гур зерна	Название склада
YBC 7038	1819 25/IX	104.0.0.0	é.kišib.ba é <i>tarībum</i>
YOS 5 174	1817 ?/V	290.3.0.0	é.kišib.ba é.sila.dagal.la gibil
TCL X 25	1817 ?/XII	9.0.0.0	é.kišib.ba é.sila.dagal.la gibil
YBC 6636	1814 9/IV	5.0.0.0	é.kišib.ba é <i>hubuttatum</i>
YOS 5 187	1814 17/V	22.1.5.0	é.kišib.ba é
YOS 5 188	1814 10/VII	5.2.0.0	é.kišib.ba é
YBC 5788	1814 9/VIII	11.3.4	é.kišib.ba é.ús.gid.da gibil
YOS 5 191	1814 ?/IX	x + 1.4.0.0	é.kišib.ba é <i>tarībum</i>
YOS 5 189	1814 5/X	16.0.0.0	é.kišib.ba é
YOS 5 195	1813 9/III	10.0.0.0	é.kišib.ba é
YBC 7177	1813 4/VIII	20.3.3.0	é.kišib.ba é

²⁶ Транслитерация текста см.: Козырева 1988: 176.

²⁷ Кузнец Адайатум и в 1817, и в 1814 гг. до н. э. получил по 9000 л зерна (TCL 10 25; YOS 5 189); а три человека (Ицурия, Ишгум-ирра и Син-ирибам) в 1820 г. до н. э. получили по 3000 л, а в 1814 г. — по 2400 л (СВД 49; YOS 5 189).

кузнец, получавший ежегодно по 3 гур зерна, в конце 1817 г. до н. э. (TCL 10 25) получил это зерно со склада (под названием) «новый дом на широкой улице» (é.kišib.ba é.sila.dagal.la gibil), а в конце 1814 г. до н. э. (YOS 5 189) — со «склада Дома» (é.kišib.ba é). Также одно лицо могло получить зерно с двух разных складов, причем это фиксировалось в одной расходной записи (СВД 49).

Ежемесячно фиксировались и расходы масла. По-видимому, оно хранилось где-то на одном складе, название которого в документах не считали нужным упоминать. Не сохранилось письменных свидетельств и о том, как проходили в хозяйстве работы по отжиму сезама и переработке масла. В расходных документах для обозначения масла, которое выдавали, помимо собственно термина *l.giš* (акк. *šamnu*), т. е. масло растительное, также использовали термин *l.šéš* (акк. *piššatu*), т. е. масло для умашений. Сохранились две записи от 1817 (YOS 5 171, 172) и одна — от 1813 гг. до н. э. (YOS 5 194). В последний день II месяца 1813 г. до н. э. был составлен следующий отчет о расходе масла, вероятно, за месяц:

«2 л масла (в) хозяйство богинь Инанны и Нанай,

4 л масла умашения (для) авилума²⁸,

10 л масла умашения (для) Дома,

10 л масла умашения (для) Шат-ибби,

10 л масла умашения (для) Ликтум,

0,2 л рабыне, которая болеет,

0,3 л дочери Шат-Ниншубур,

150 л (в) дом Абу-вакара,

10 л (для) Адад-тукульти,

10 л (в) дом Син-иддинама²⁹,

1 л (в) “дом трона” главного служителя бога Энки.

(Всего) 207,5 л (0.3.2.7 $\frac{1}{2}$ гур) масла умашения израсходовано» (дата).

Каковы бы ни были все эти расходы, на выдачи отдельным лицам, оплату наемных работников и барж, их объемы явно составляли только незначительную часть того продукта (зерна, скота, шерсти), который хозяйство ежегодно получало со своих сельских территорий.

Возможно, значительную часть произведенных ресурсов хозяйство распределяло между горожанами через систему городских храмов. К тому же архиву, где хранились отчетные записи Дома, видимо, принадлежит и еще одна расходная запись (Westenholz, Westenholz 2006). Это большая табличка с шестью колонками текста, которая содержит подробное перечисление расходов, произведенных в течение десяти дней в ходе ежедневных церемоний, которые проходили в 10 разных храмах Ларсы с 15-го по 25-й день XI месяца (*šabātum*) 1821 г. до н. э. Каждый день происходили культовые церемонии, посвященные определенному божеству. Имена богов упоминаются в такой последовательности:

²⁸ Об авилуме подробнее см. ниже.

²⁹ Возможно, имеется в виду храм покойного царя Син-иддинама.

Нинсианна, Энки, Уту, Инанна, Нанайа, Нинэгала, Дингир-мах. Один из последних дней праздника был посвящен церемониям, связанным с приношениями в храм покойного царя Син-иддинама. В ходе этих ритуалов ежедневно расходовалось огромное количество продуктов: разнообразных видов хлеба, разных сортов пива, растительного и животного масла, сладостей, а также жертвенных животных, овец и быков³⁰. Часть этих продуктов пошла на общие трапезы (*naptanu*), часть получили служители храма разных уровней от дворника, прибиравшего храмовый двор до главного культового служителя. Кроме того, представители высшей администрации храмов и лица из числа городской элиты (в том числе дочь царя) помимо большого количества самых лучших по качеству продуктов получали и драгоценные дары — дорогие одежды, изделия и украшения из золота, серебра и полудрагоценных камней. Большая часть продуктов, переданных хозяйством в храмы как приношения (шум.*sá.dug4*, акк. *sattukku*) была, вероятно, распределена среди тех горожан, которые хотя и не служили непосредственно в данном храме, но были тесно связаны с ним почитанием его божества (это мог быть их «родовой» бог).

При раскопках центрального храмового комплекса Ларсы (Ebabbar) была найдена еще одна группа документов, представлявших собой записи расходов на приношения в храмы разных богов. Имена богов и названия святилищ в каждом документе были перечислены в определенном иерархическом порядке: Уту, Ан, Энлиль, Энки, Дингир-мах, Нанна Ура, Нанна Урука, Ишкур, Нергал, Инанна, Нанайа, Нинэгала, Нинсуд, Тиранна (Манзиат), святилище (*zag.gar.ra*), трон главного служителя (*en*) бога Уту, царский трон (Arnoud 1976: 60–61). В других текстах упоминаются приношения/выдачи различным святилищам по разным специальным случаям, в том числе для проведения ритуалов перед статуями Син-иддинама и Кудур-мабука (Westenholz, Westenholz 2006: 6).

Записи расходов, произведенных в ходе ритуальных церемоний, известны и из других городов Южной Месопотамии того времени. Они представляют собой не описание ритуала как такового, а, скорее, отчетные записи писцов, ответственных за расходы на складах и храмовых кухнях. В сохранившихся текстах из Ура (UET 5 507, UET 3 270 — Levine, Hallo 1967; Charpin 1986) перечисляются ежедневные приношения масла и разнообразных продуктов в разные сакральные места храма Экишнугаль и ежемесячные расходы на церемонии Новой луны в 7-й, 15-й и 25-й дни месяца. В группе текстов из Ниппура зафиксированы расходы продуктов, которые ежедневно в течение многих лет

³⁰ Пример расходов за 1 день. В 21-й день месяца шабатум церемонии проходили в храме богини Нин-эгала (акк. *bēlet ekallim*, букв. «госпожа Большого дома/дворца»). На трапезы и выдачи в тот день было израсходовано семь овец, 10 корзин сладостей, 80 л хлеба из хорошей муки и 15 л хлеба из муки тонкого помола, более 5000 круглых хлебцев, 420 л простого пива, более 21 л масла первого отжима и еще 1 л масла, а также одна красная одежда для подарка. Кроме того, богине была подарена одна женщина. В реальности расходы были еще более значительными, но не все знаки, фиксировавшие размеры выдач масла и хлеба певцам, музыкантам и младшему персоналу храма, сохранились. Это был один из самых «скромных» по расходам дней церемоний (Westenholz, Westenholz 2006: 55).

происходили в одном из крупнейших храмовых комплексов города — Эшумеша (Sigrist 1984) и обеспечивали жизнь многих городских семей.

Такого рода записи во многих храмах южномесопотамских городов велись, вероятно, постоянно, хотя до нас дошло только несколько отдельных «страничек» расходных книг. Для кого велась эта отчетность? Скорее всего, для того института, который предоставлял храмам все эти продукты, предметы и даже людей. Таким институтом могло быть городское хозяйство. Оно распределяло продукты земледелия и скотоводства, произведенные в административно управляемых хозяйствах, в том числе в Доме, и полученные в качестве налогов с хозяйств отдельных лиц, между храмами, а позднее контролировало расходы этих продуктов на выдачи храмовому персоналу и распределение оставшихся продуктов среди горожан.

Насколько важным для существования горожан было это распределение продуктов через систему приношений в храмах города, свидетельствуют еще два документа, относящиеся к середине правления царя Рим-Сина. В 90-х гг. 18 в. до н. э. снабжение значительной части жителей Ларсы продуктами, вероятно, шло через храмы. Из городского хозяйства для приношений богам в храмы поступали скот, зерно, масло, которые после совершения определенных ритуалов распределялись между храмовым персоналом и горожанами. Сохранились два письма, написанные в 1793 г. до н. э., по-видимому, одним и тем же человеком, которые касаются вопроса снабжения храмов зерном для проведения ежедневных ритуалов (Veldhuis 2008: 59–61). К сожалению, имена адресата и корреспондента писем утрачены, так как верхняя часть табличек повреждена, однако из содержания совершенно очевидно, что отправитель писем занимал очень высокое положение.

Именно к нему обратился с жалобой персонал храма богинь Инанны и Нанайа³¹. В какой-то момент, когда богини «ушли» (в сакральное путешествие), хранилища храма, где находились запасы зерна и масла (306 000 л зерна и кувшины с маслом), были, вероятно, для сохранности, опечатаны. После возвращения богинь из «путешествия» персонал не посмел сломать печати, и служители обратились за помощью к какому-то важному лицу (к кому точно, неизвестно, так как начальные строки писем не сохранились). Тот послал для решения проблемы высокопоставленного чиновника, чтобы были отданы соответствующие распоряжения и «храм был открыт», т. е. чтобы служители имели доступ к зерну и маслу и ритуалы, связанные с распределением продуктов, не прервались (*ana sa.dug4 é d.inanna la ipparras*). При этом, однако, возникли некоторые сложности. У высокопоставленного лица, к которому за решением проблемы обратился персонал храма, появились сомнения относительно сохранности продуктов, находившихся в закрытом хранилище. Он распорядился отправить туда контролеров, пообещав, что позже приедет сам и оценит ситуацию. Поскольку проверка могла затянуться, создавалась угроза, что ритуалы все-таки будут прерваны. Чтобы избежать этого,

³¹ Выше уже упоминалось, что в отчетных записях Дома постоянно фигурировал расход масла для храма богинь Инанны и Нанайн (YOS 5 171, 172, 194).

чиновник приказал своим подчиненным выдать зерно из того, что у них имелось, в храм Инанны, а также в храмы Энлиля и Энки для проведения постоянных ритуалов приношений (*sá.dug4*), чтобы «люди не голодали»³².

Управление хозяйством. Во главе хозяйства, которое в документах обозначалось просто словом «дом», стоял глава Дома, которого в тех же документах обычно называли не по имени собственному и не по должности, а аккадским словом *awīlum*³³. Буквальное значение слова *awīlum* (шум. *lú*) — «человек», но в начале II тыс. до н. э. оно носило и достаточно четкую социальную окраску, означая человека высокого социального статуса. Термин *awīlum* использовали в письмах для обращения к высокопоставленному лицу, часто его ставили как почтительную приставку перед наименованием высших чиновничьих должностей, когда по каким-либо причинам не указывали имя собственное носителя этой должности.

В ряде случаев в документах этого же периода из других городов юга (Leemans 1954: 35, 38) и в документах из города Лагабы, располагавшегося в северной части Южной Месопотамии (LAD 73, 12)³⁴, термин «авилум» в сходных контекстах использовался для обозначения главы/управителя крупного хозяйства, которого (обычно в письмах) его подчиненные могли называть также господином (*bēlum*)³⁵. Официально статусу авилума как главы городского хозяйства соответствовала, вероятно, должность «управителя Дома» (шум. *ugula é*, акк. *šāpir bītim*)³⁶.

Термин *awīlum* неоднократно упоминается в отчетных документах из Ларсы:

1. 1819 г. 29/1 (4 PC) — отчет Итти-Син-милки, начальника тамкаров города Зарбилум (YOS 5 207):

(31–33) (перечисленные выше предметы даны) дочери (такого-то), когда **авилум** с дочерью царя, которая в город Дер была выдана (замуж), в Зарбилум пришел.

2. 1817 г. 30/IV (6 PC) — запись расхода масла (YOS 5 171):

(2) 4 сила масла помазания (для) **авилума**.

³² Возможно, в данном случае сложности возникли в связи с реформами по централизации управления, которые как раз в это время проводил царь Ларсы Рим-Син. Но в любом случае его преобразования не затрагивали, вероятно, сам процесс распределения продуктов между храмами как основу существования значительной группы горожан. Целью реформ, по-видимому, было усиление централизованного контроля за этим распределением. Из текста понятно, что чиновник подозревает представителей храма в недобросовестности.

³³ Как имя собственное это слово во всех известных документах из Ларсы упоминается как будто только один раз (YOS 8 157, 15, 5-й свидетель). В пользу того, что в данных текстах это не имя собственное, кроме самого содержания документа говорит и тот факт, что в них это слово склоняется. Примеры склонения имен собственных в этот период крайне редки.

³⁴ Дом, господин дома и авилум также упоминаются в документах из Лагабы (LAD 150, 155, 178, 184); подробнее о хозяйстве в Лагабе: см. ниже.

³⁵ Должность «управителя дома» упоминается также в документах из Сиппара (YOS 13 2, 3; 365, 3). В документе CT IV 28, 4 упоминается «табличка авилума, управителя Дома» (*tuppi awīlim šāpir bītim*).

³⁶ О том, что город мог восприниматься как единое хозяйство или Дом, см. письмо одного из приближенных царя Рим-Сина, где тот упоминает, что Ларса и Эшнунна — это один Дом-хозяйство (*bītim išten*), из которого «не должно пропасть ни единого зернышка» (TIM I 26).

3. 1817 г. V (6 PC) — запись расхода зерна (YOS 5 174):
(4) [x] гур *авилуму*.
4. 1817 г. XII (6 PC) — запись расхода масла (YOS 5 172):
(2) 4 сила масла помазания (для) *авилума*.
(9) $\frac{2}{5}$ гур 1 бан (масла израсходованы), когда *авилум* в храме Иштар в Уруке останавливался.
(12) $\frac{2}{5}$ гур 2 бан (масла израсходовано) за время путешествия *авилума* в город Рахабум.
5. 1813 г. 30/II (10 PC) — запись расхода масла (YOS 5 194):
(2) 4 сила масла помазания (для) *авилума*.
6. 1809 г. XII (14 PC) — запись расхода серебра (TCL 10 39):
(16) 15 ше (серебра израсходовано на) пряности (?) для еды *авилуму*.
7. 1807 г. 5/III (16 PC) — запись расхода серебра (TCL 10 45):
(4–5) $\frac{1}{2}$ сикля цена 4-х... для еды *авилуму*.
8. 1803 г. 5/II (20 PC) — запись выдач сезама для производства масла (YOS 5 204):
(1–2) 3 бан сезама... для (отжимания) масла помазания (для) *авилума*.
9. 1793 г. VIII (30 PC) — запись расхода фиников (СВД 57):
(4–6) 2 $\frac{2}{5}$ гур фиников (выдано) ... когда в Адабе ... *авилум* приказал.
10. 1787 г. 20/IV (36 PC) — отчет (торгового агента) о расходе серебра (TCL 10 88):
(5–8) $\frac{1}{3}$ сикля серебра... плата за ..., которую *авилуму* в корзине для табличек (?) он велел принести.
(11–17) 2 бан пива, серебро его 20 ш[е], которое ... *авилуму* он велел принести; $\frac{1}{2}$ сикля 15 ше плата за мясо..., которое у детей Цилли-Амурру я купил и *авилуму* велел привести.
11. 1776 г. 10/I (47 PC) — запись расхода серебра (EG 51):
(3–4) $\frac{1}{6}$ (сикля серебра) плата за рыбу... (для) еды *авилуму*.
12. 1764 30/XII (59?) PC — запись расхода зерна (СВД 120):
(1) $\frac{1}{5}$ гур 3 бан (выдано) *авилуму*.
(13–15) 1 бан (выдано) прачечнику, (который) ... для *авилума*.
13. Время Самсуилуны — отчет о расходе зерна (VS 18 100):
(31–32) 48 гур зерна плата за $\frac{1}{3}$ мины серебра, которая *авилуму* была дана.

Судя по приведенным выше текстам, термин *awilum* в значении «глава домашнего хозяйства» в хозяйственных документах из Ларсы упоминается на протяжении более чем 70 лет. Авилум получал из ресурсов хозяйства масло, зерно, серебро, а также другие продукты (мясо, рыбу, пиво, пряности), стоимость которых в отчетных документах оценивалась в серебре. При этом в документах часто отмечается, что эти продукты были привозными или купленными (а не произведенными непосредственно в хозяйстве). В расходных документах, упоминающих расходы масла или «дополнительные расходы дома на зерновые выдачи» (*še.ba é ba.zi didli*), авилум обычно стоял первым в списке лиц, получавших продукты (СВД 120; YOS 5 171, 172, 174, 194).

По-видимому, это был человек очень высокого статуса, который периодически посещал разные города государства (Урук, Рахабум, Адаб, Зарбилум) и совершал ритуальные церемонии в местных храмах, в частности в храме Иштар в Уруке, связанные с расходом большого количества масла для умощения. Возможно, эти церемонии были направлены на поддержание благополучия городского хозяйства Ларсы, одну из структур которого (Дом) он, похоже, возглавлял, подобно тому как определенные религиозные действия, совершавшиеся царем, должны были поддерживать благополучие всей страны. О близости авилума царской семье говорит тот факт, что он сопровождал в поездке дочь царя, выданную замуж в город Дер.

Вместе с большой группой документов и писем, которые составляли архив центральной конторы хозяйства, в этом же архиве хранились «частные» документы человека по имени Бальмунамхе, который многие годы стоял, по-видимому, во главе этой структуры. В административных документах его как главу хозяйства называли авилум, а в письмах, которые посылали ему в Ларсу из сельской округи, чиновники, обращаясь к нему, называли его «мой господин» (*bēlī-ja*).

Как частное лицо Бальмунамхе владел значительным имуществом, а его высокое официальное положение предоставляло, по-видимому, самые благоприятные возможности для его увеличения (см. гл. XVI). Будучи главным управителем огромного хозяйства, он имел в своем подчинении большой штат чиновников разного уровня, ведавших непосредственно работами в городских и сельских отделениях. Многие из числа самых высших чиновников, подчинявшихся, вероятно, непосредственно Бальмунамхе, были его родственниками. Имя его брата Гимиллума упоминается в документах архива с 1830 по 1792 г. до н. э. (с 5-го года правления царя Варад-Сина по 31-й год Рим-Сина)³⁷.

Круг деятельности Гимиллума был очень широким. Вместе с другими чиновниками он принимал в Ларсе зерно, привезенное из селений (YOS 5 166; YOS 5 168; СВД 51), отвечал за расход большого количества зерна (YOS 5 176). Его имя часто упоминается в документах, связанных со скотоводством. Он удостоверял своей печатью поступление овец в откормочное хозяйство (YOS 5 208, YOS 5 217 II 40), получал шкуры крупного рогатого скота (YOS 5 200), овец для выдач сборщикам урожая (YOS 5 240), шерсть для изготовления «одеяния бога Эа в Ларсе и одеяния бога Эа в Эриду» (СВД 61). Имя Гимиллума также часто упоминается в документах в связи с расходом драгоценных металлов — золота и серебра (СВД 52; YOS 5 207; YOS 5 221). Когда в 1793 г. до н. э. Гимиллум серьезно заболел, жрецу-гадателю выдали пять овец из стада хозяйства, вероятно, для предсказания исхода болезни по печени и внутренностям животных (YOS 5 218).

³⁷ К одному из документов архива, в котором было упомянуто его имя, он приложил свою печать, где было указано и его отчество, «сын Син-нур-матима» (YOS 5 240, 20/III 16 PC). В других документах архива имя Гимиллум, хотя в то время оно было очень распространенным, приводится без указания отчества или должности. Видимо, составители документов не опасались путаницы, поскольку все эти документы касаются деятельности одного хозяйства и круг лиц, упоминаемых в них, был четко определен.

Близким родственником Бальмунамхе, возможно братом, был и другой важный чиновник хозяйства, которого звали Цилли-Шамаш. Имя Цилли-Шамаша встречается в отчетных документах архива с 1822 по 1799 г. до н. э. Судя по этим документам, Цилли-Шамаш занимал высокое положение в административной структуре Дома, хотя никакие должности в связи с его именем не упоминаются. Он передавал большие объемы зерна и других продуктов, произведенных в хозяйстве, торговым агентам-тамкарам (YOS 5 186), доставлял в Ларсу зерно из разных селений (YOS 5 182), отвечал за расход зерна в этих селениях (YOS 5 181), нес ответственность за расход почти 400 000 л зерна (YOS 5 176). Помимо административных документов имя Цилли-Шамаша фигурирует в большой группе писем, составлявших значительную часть архива хозяйства. В них Цилли-Шамаш выступал как корреспондент, постоянно присылавший из провинции сообщения в Ларсу адресату, которого, обращаясь к нему, он называл «мой господин». Под этим обозначением имелся в виду именно Бальмунамхе (Козырева 1988: 69–70).

Деятельность самого Бальмунамхе как управителя хозяйства в отчетных документах архива практически никак не отражена. В них он фигурирует только в списках расходов как авилум. Некоторое представление о тех вопросах, которыми он занимался, позволяют составить письма, присланные Бальмунамхе подчиненными ему чиновниками, в основном Цилли-Шамашем (их более 20)³⁸.

Судя по письмам и отчетным документам, Бальмунамхе управлял большим сельскохозяйственным районом, который включал земли в поселениях Ширим-тум, Ишкун-Эа, Пи-Анум, Син-нур-матим и «укреплении (шум. *an.zag.gàr*, акк. *dimtu*) Бальмунамхе». Он контролировал весь объем сельскохозяйственных работ, от посева до доставки убранных зерна в Ларсу, распоряжался работниками и скотом, которых мог по мере необходимости перебрасывать с места на место. В письмах упоминаются названия тех же селений, на территории которых, как свидетельствуют документы архива, располагались пахотные земли и пастбища хозяйства.

Самые ранние письма, присланные Бальмунамхе Цилли-Шамашем, по своей форме почти полностью совпадают с отчетными документами и даже датированы, что совсем необычно для писем (AbB 9, 94 — 1821; AbB 14, 58 — 11/II 1820). Позднее письма становятся более пространными, в них не только содержатся отчеты, но и появляются объяснения причин неурожая, задержки полевых работ, деловые просьбы и жалобы. Корреспонденты (чаще всего это Цилли-Шамаш) сообщают Бальмунамхе о подготовке полей к пахоте, о состоянии оросительных каналов, о характере погоды — подходящая или не подходящая для сельских работ — высказывают предположения о будущем урожае, сообщают об объемах зерна, полученных с разных полей, о ходе работ по очистке и провеиванию собранного зерна, о перевозке зерна на берег канала для транспортировки в Ларсу. Упоминают и о проблемах: не хватает барж для перевозки зерна, не хватает работников, не был прокопан канал, и вода не доходит до поля,

³⁸ Veenhof 2005, AbB 14, xviii–xx.

случился неурожай, произошло крушение барж, которые перевозили скот. Просят прислать распоряжения относительно хозяйственных дел: о возможности переброски волов для работ из одного поселения в другое, о том, как распорядиться собранным зерном, какое зерно выдавать работникам хозяйства и где проводить выдачи зерна³⁹.

Письма, которые Бальмунамхе получал от подчиненных ему чиновников, подтверждают, что он был управителем значительной сельскохозяйственной территории, под его началом был большой штат чиновников, ведавших непосредственно работами на пахотных землях и пастбищах хозяйства, располагавшихся в целом ряде сельских поселений. Бальмунамхе был активно вовлечен не только в хозяйственные дела управляемой им территории, но и в дела и споры среди местных жителей, которые он мог разрешить в силу занимаемого им положения⁴⁰.

Упоминаются в письмах и частные дела: строительство дома в личной резиденции Бальмунамхе (вероятно, в *uru.ki Balmunamhe*), изготовление и установка в доме новых дверей, изготовление пива и подготовка резиденции к празднику и прибытию Бальмунамхе (AbB 14 60).

Письма показывают тесную вовлеченность Бальмунамхе в управление большой территорией, которая, возможно, заключала в себе и его семейные земельные владения. Некоторые селения, находившиеся здесь, носили имя его отца и его самого (*uru.ki d.EN.ZU-nūr-mātim*, *an.zag.gār Balmunamhe*, *uru.ki Balmunamhe*). Высокий административный статус Бальмунамхе не препятствовал ему заниматься частной деятельностью, а как раз и создавал для этого необходимые условия, предоставляя возможности манипулировать огромными материальными ресурсами Дома, находившимися под его контролем. Как частное лицо Бальмунамхе также владел значительным имуществом. Однако обозначить четкую грань между его частной и служебной деятельностью (как, впрочем, и в отношении любого крупного должностного лица того времени) представляется затруднительным.

Окончание деятельности Бальмунамхе как главы Дома произошло, по-видимому, в 1800 г. до н. э. Случайно или нет, это совпало по времени с началом серьезных реформ, которые предпринял царь Рим-Син. К 1792 г. до н. э. эти реформы были, вероятно, завершены. С этого времени не только началась «новая

³⁹ Приведем в пример перевод одного из этих писем (AbB 14, 63; Veenhof 2005):

«Господину моему скажи, говорит Цилли-Шамаш. В поселении Ширимтум имеется (собрано) 840 гур зерна. Относительно зерна. 300 гур я уже перевез на берег реки. Пусть грузовые баржи, чиновник-шатамму и контролеры (*ebbūtum*) придут, так чтобы зерно не оставалось лежать на берегу. Пусть потопятся. Там, где зерно ссыпано, (рядом) нет поселения, (место) пустынное. Ни в коем случае ни одна мера зерна не должна пропасть, чтобы сердце твое не болело. Пусть баржи придут сюда быстрее!»

С этим письмом перекинутся по содержанию тексты еще двух писем Цилли-Шамаша к Бальмунамхе из собрания Эрмитажа (ДВ-15059, 15058), приведенные в приложении к данной главе. Впервые в транслитерации и переводе они были опубликованы автором (Козырева 2008).

⁴⁰ «...Бальмунамхе они написали много лжи. Из-за этого я не могу выйти за ворота (города), я боюсь, со мной плохо обращаются. Скажи Бальмунамхе, пусть прикажет скорее меня освободить, или я повешусь или влезу на крышу и брошусь с нее...» (AbB 14 129).

эра» в системе датирования документов, но и вступила в действие новая, централизованная система управления всей хозяйственной деятельностью в государстве. От второй половины правления Рим-Сина (1792–1763) сведений о Доме сохранилось очень мало.

Дом в конце правления Рим-Сина. К последним годам правления Рим-Сина (1765–1763) относится небольшая группа документов, в которых, возможно, зафиксирована деятельность того же хозяйства, которым в начале правления Рим-Сина управлял Бальмунамхе. В документах оно по-прежнему обозначается как «дом», главу которого называют «авилум». Важную роль в управлении этим хозяйством играл некий Ахушуну, деятельность которого контролировал высокопоставленный чиновник по имени Рим-Син-ливвир. Положение, которое эти два человека занимали в хозяйстве, и их взаимоотношения можно сравнить с тем, что известно относительно Цилли-Шамаша и Бальмунамхе.

Сохранились отдельные записи о поступлении и расходе в хозяйстве зерна, сезама, меди (СВД 120–122, подробнее об этих документах см. ниже). В середине 1765 г. до н. э. был составлен отчет о разных (дополнительных) расходах Дома на зерновые выдачи, предположительно за предшествующий месяц (СВД 120 30/VI). Они составили около 1000 л зерна. Первым в списке лиц, получивших дополнительные выдачи, указан глава Дома, который назван авилумом. Имя Ахушуну стоит вторым. Далее перечисляются выдачи зерна разным лицам, по-видимому, из числа персонала дома, которые названы по именам, в отчетной записи упомянут и расход зерна (около 100 л) на выдачу ткачу, который что-то изготавливал «для авилума».

О масштабах деятельности хозяйства свидетельствуют данные о ежегодном расходе серебра. Сохранились два варианта записи об общем количестве серебра, израсходованного в хозяйстве за два года (1765–1764 гг. до н. э.), на табличке и на конверте, в который табличка была упакована (YOS 8 165)⁴¹. Судя по этим записям, за два года в хозяйстве было израсходовано около 5 кг серебра. Ответственным за эти расходы являлся Ахушуну. Однако к документу была приложена печать Рим-Син-ливвира, хотя его имя в тексте не упоминается. Такая практика существовала в Ларсе. К особо важным документам прикладывали свои печати самые высокопоставленные чиновники, чьи имена могли и не упоминаться. По-видимому, это служило определенной гарантией правильности отчета. На что была израсходована такая значительная сумма серебра, в документе не указывается, вероятно, часть его пошла на приобретение привозных товаров, предметов роскоши для высшего персонала хозяйства.

⁴¹ Поскольку есть некоторые различия в формулировках, приведем перевод обоих вариантов.

Табличка: «9 $\frac{5}{6}$ мин серебра — это общая сумма. Из нее 9 $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра израсходовано за год 29-й и год 30-й. Вычитание (из общей суммы) произведено, и 16 сиклей серебра — остаток. Ответственность Ахушуну. Месяц шабатум. День 26-й 30-й год (после того, как) Исин (был взят)».

Конверт: «9 $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра — [серебро] Дома, разные расходы. Ответственность Ахушуну. Расчет (расходов произведен и) вычтен (из общей суммы). Остаток — 16 сиклей серебра. Расчет за год 29-й и год 30-й. Месяц шабатум. День 26-й 30-й год (после того, как) Исин (был взят)». Транслитерацию текста см.: Козырева 1988: 181.

В начале 1763 г. до н. э. Ахушуну, в чьем распоряжении находились значительные суммы серебра, дал в долг более 1 мины некоему Син-тукулташу (СВД 6), который, очевидно, упомянут в списке получателей зерна персоналом дома (СВД 122, 11). Заем, произведенный им у Ахушуну, носил характер хозяйственной операции, а не частной сделки, так как в заемной записи не были указаны свидетели.

Главой Дома, которого в документах называют авилумом, в это время был, по-видимому, Рим-Син-ливвир. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что Ахушуну, судя по документам, управлял не только делами Дома, но и частным хозяйством Рим-Син-ливвира, так же как Цилли-Шамаш управлял частными владениями Бальмунамхе. В ряде текстов Ахушуну выступает как доверенное лицо или управляющий Рим-Син-ливвира, ответственный за расход зерна на оплату наемных работников, занятых обработкой полей в трех поселениях, которые, видимо, контролировал Рим-Син-ливвир (YOS 8 109). Рядом с этими же поселениями паслись стада, принадлежавшие Рим-Син-ливвиру. Сохранилось несколько документов, связанных с содержанием этих стад. Судя по ним, Ахушуну нанимал пастухов для пастьбы принадлежавшего Рим-Син-ливвиру мелкого и крупного рогатого скота (YOS 8 164, 168), составлял договоры о передаче пастухам его стад (YOS 8 64, 162, 163)⁴². По сохранившимся документам у Рим-Син-ливвира было стадо овец из 300 голов и стадо крупного рогатого скота в 28 голов. Овец разводили для шерсти, а крупный рогатый скот использовался на сельскохозяйственных работах.

Деятельность Дома в последний год правления Рим-Сина. В 60-м году Рим-Сина (1763 г. до н. э.) — последнем году правления этого царя — были составлены два документа, касающиеся деятельности хозяйства. В первом (СВД 121, 30/VI 60 PC) подводился итог расхода зерна за последние полтора года правления Рим-Сина. Интересен уже сам факт составления итогового документа в середине года за предшествующие полтора года. Возможно, Ларса к этому времени уже была занята войсками Хаммурапи и итог подводился, чтобы ввести в курс дела новую администрацию (Козырева 2010). Второй документ (СВД 122) также подводил итог расходов зерна, а кроме того, расхода и наличия сезама и меди за последние полтора года правления Рим-Сина. Он не датирован, так как датировочные формулы Рим-Сина были, вероятно, уже недействительны. Документ был, по-видимому, составлен после VI месяца 60-го года Рим-Сина. Отсутствие даты, более общий характер записей, а также упоминание в нем и других статей расхода кроме зерна дает нам основание предположить, что СВД 122 был составлен после СВД 121. Большинство числовых значений, касающихся расхода зерна, в обоих документах совпадают. В 59-м году Рим-Сина (1764 г. до н. э.) в Доме было израсходовано 31 537 л (105 гур 37 сила) зерна (105 гур 34 сила по СВД 122), а за первую половину 60-го года (1763 г. до н. э.) израсходовали 15 247 л (50 ⁴/₅ гур 7 сила) зерна.

⁴² Вторым в списке свидетелей одного из договоров назван Мунаввирум, сын Бальмунамхе, а третьим — Син-магир, сын Ахушуну.

Расходы Дома, упомянутые в этих двух документах, делятся на две категории: расходы на «кормление Дома» (*šuku é*), видимо на выдачи зернового довольствия персоналу, и расходы «разные» (*ba.zi didli*). В 1764 г. до н. э. они составили соответственно 17 885 л ($59 \frac{3}{5}$ гур 5 сила) и 13 607 л ($45 \frac{1}{5}$ гур 47 сила), а в первую половину 1763 г. до н. э. — 13 025 л ($43 \frac{2}{5}$ гур 5 сила) и 2322 л ($7 \frac{2}{5}$ гур 2 сила). Судя по тому, что за первые шесть месяцев 60-го года правления Рим-Сина на «кормление Дома» было израсходовано почти столько же зерна, что и за весь предшествующий год, можно предположить: либо зерновое довольствие в 1763 г. до н. э. было выдано персоналу в начале года на год вперед, либо количество персонала, получавшего зерно в Ларсе, в тот год значительно увеличилось. В то же время «разные» расходы зерна в хозяйстве за первую половину 60-го года Рим-Сина составили примерно $\frac{1}{8}$ часть того, что было израсходовано в 59-м году. После того как Ларса была завоевана Хаммурапи, количество административных документов здесь заметно уменьшилось.

Дом при Хаммурапи. В документе, записанном в 1753 г. до н. э. (42-й год Хаммурапи, VS 18 96), когда Ларса уже десять лет находилась в составе Вавилонского государства, упоминаются два лица, занимавшие в то время должность управителя Дома (*ugula é*). Согласно этому документу, Дворец передал торговой организации города Ларсы (каруму) некоторое количество фиников в обмен на эквивалентную сумму серебра. В качестве ответственных лиц при заключении этой сделки выступили два лица — Шамаш-хацир, управитель Дома, и Адад-иддинам, управитель Дома. Поскольку документ относится уже ко времени Хаммурапи, можно предположить, что в административном аппарате городского хозяйства Ларсы неизбежно произошли перемены. Возможно, этим и объясняется упоминание сразу двух управителей Дома. Шамаш-хацир был представителем вавилонского царя в Ларсе, а Адад-иддинам — вероятно, чиновником местной администрации. Пока Ларса была столицей независимого государства и местом пребывания верховной власти, во главе Дома стояли представители местной городской элиты или приближенные царя. После того как Ларса вошла в состав государства Хаммурапи, сюда были присланы чиновники из Вавилона, одной из важнейших задач которых был контроль за сбором ресурсов и отправка их в Вавилон. В крупные хозяйства помимо местных управителей были назначены и вавилонские чиновники. Во главе Дома встал главный наместник Хаммурапи на юге Шамаш-хацир. Примеры такого двойного аппарата известны из Южной Месопотамии времени аккадской династии и III династии Ура и Сиппара времени Хаммурапи.

Типологически сходный архив крупного хозяйства из города Лагаба. Архив, происходящий из северной части Южной Месопотамии из города Лагаба, во многих отношениях удивительно похож на архив из Ларсы (Leemans 1960). Так же как и в ларском архиве, в нем содержится два вида документов: административно-хозяйственные записи и письма; их объединяет сходство содержания и состав упоминаемых в них должностных лиц. Документы и письма отражают деятельность одного из отделений крупного хозяйства,

располагавшегося в месте, которое в письмах архива называется просто «город» (*uru* AbB 8 152, *ālum* AbB 3 38, 48). Скорее всего, это был город Лагаба. Хозяйство обозначается в документах словом Дом (é). Несколько раз в документах архива упоминается авилум. Судя по всему, этим термином назывался главный управитель или владелец хозяйства. В одном из писем архива корреспондента просят обратиться к авилуму, чтобы решить какое-то важное дело, касающееся строения и серебра, если корреспондент сможет увидеть его на празднике «открытия колышка» (AbB 3 48). В хозяйственных записях среди расходов упоминается выдача фиников «высшего качества» для еды авилуму (LAD 73).

Многие письма архива написаны неким Белшуну и адресованы либо Лу-Нинсианна, либо ему и Иниб-шина. Судя по содержанию и тону писем, Белшуну находился на более высокой ступени административной лестницы и жил в нескольких днях пути от данного отделения хозяйства. Возможно, как и Бальмунамхе, Белшуну жил в городе. Между Белшуну и его корреспондентами была налажена постоянная переписка, и он требовал от них ежедневных отчетов (AbB 3 35). Непосредственно руководили работами и распределяли довольствие в этом отделении хозяйства Иниб-шина и Лу-Нинсианна. Из писем Белшуну мы узнаем, что Лу-Нинсианна был младшим писцом (*dumu é.dub.ba*). Среди обязанностей этого чиновника был обмер полей и их распределение между различными группами государственных служащих (AbB 3 55; 4 11, 41, 100; 9 237). Эти же чиновники могли вести подсчеты по приходу и расходу ресурсов, выдаче продуктов и т. п.

Кто же составлял собственно рабочий персонал этого хозяйства? В письмах и документах архива (LAD 97; AbB 3 36) среди рабочего персонала упоминаются «рабы дома» (*ir é*), «рабыни дома» (*gim é*) и «работники» (*erín*) или «работники дома» (*erín é, erín ša bītīm*). «Работники дома», чьи имена встречаются в письмах, фигурируют и в хозяйственных записях: в списках выдач зерна (LAD 97), среди лиц, занятых уборкой урожая (LAD 94). Вместе с «работниками дома» на уборке урожая работали и наемные работники (*erín hun.gá kù.babbar*), получая за это плату серебром и зерном (LAD 94).

В хозяйственных документах данного архива сохранились записи выдач зерна и фиников отдельным группам персонала. В некоторых случаях в начале записи, перед тем как перечислить людей поименно, указывается, к какой категории персонала они принадлежали. Эти категории следующие: полноправный (*lú* LAD 78, 80–82), зависимый (*mu.bi.im* LAD 88, 92), раб (*ir* LAD 86). В одном списке выдач (LAD 86) перечислены 20 мужских имен получателей этих выдач и затем подведен итог: «(столько-то) зерна — выдача рабам». Далее перечисляются выдачи женщинам. Конец документа поврежден, но, вероятно, женщины, включенные в один список с рабами, принадлежали к общей с ними группе персонала. Имена некоторых работников хозяйства упоминаются и в списках рабов, и в списке зависимых лиц.

«Работники дома» получали зерно по списку полноправных (*lú*). Варад-Амурру, работник дома (LAD 94, 3, 22, 35, 8, 80) и полноправный (LAD 81, 82).

Он же, видимо, выступает как ответственное лицо при получении зерна (LAD 96). Син-гимланни, работник дома (LAD 94, 5), полноправный (LAD 82, 5). Списки выдач полноправным начинались обычно именами управителей данного отделения хозяйства — Лу-Нинсианна и Инибшина, а заканчивались чаще всего женскими именами (LAD 80–83, 78), Лица, упоминающиеся в списках полноправных, не встречаются в списках рабов и зависимых.

Таким образом, в документах архива крупного хозяйства из Лагаба, так же как в архиве Дома из Ларсы, само хозяйство называется «дом», его глава — «авилум», а работали в нем те же три категории персонала, что и в Ларсе:

- 1) рабы/рабыни Дома (ir.gim é), они же, видимо, зависимые (mu.bi.im);
- 2) (полноправные) работники Дома (lú/erín é, erín ša bītīm);
- 3) наемные работники (erín hun.gá kù.babbar).

Типологически сходный архив крупного хозяйства из города Тутуб. Судя по данным документов и писем, и в Ларсе, и в Лагаба (т. е. на юге и на севере региона Южной Месопотамии) в начале II тыс. до н. э. существовали сходные крупные хозяйства с одинаковой структурой рабочего персонала и управления. Крупные хозяйства были важным звеном городской экономики и городского социума Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э., и большая часть всех дошедших до нашего времени документов составлялась и хранилась в архивах именно таких хозяйств. Еще одним выразительным примером такого рода является небольшой архив из города Тутуб, располагавшегося недалеко от Эшнунны (Harris 1955). Архив, состоящий из 117 документов, датируется 1880–1860 гг. до н. э. В это время Тутуб, ненадолго освободившись от контроля Эшнунны, стал центром довольно большой политической структуры, и в течение примерно 20 лет здесь сменилось несколько правителей с западно-семитскими именами.

Архив принадлежал хозяйству бога Нанны/Сина (é d.šeš.ki). Именно он был главным богом не только собственно города Тутуба, но и целой городской системы. Это была довольно большая территория, на которой располагалось несколько поселений и небольших городков. В Тутубе находился культовый и хозяйственно-административный центр этой структуры.

Хозяйство располагало сельскохозяйственными территориями в окрестностях Тутуба (во владении хозяйства находилась, вероятно, часть пахотных земель сельских поселений). Эти земли возделывали, по-видимому, работники хозяйства, но при необходимости (например, в сезон сбора урожая или при проведении масштабных земляных работ) работников нанимали из числа местного населения. В хозяйстве держали крупный рогатый скот, который использовали для сельскохозяйственных работ, а также стада мелкого рогатого скота (упоминаются пастухи и выдачи шерсти). Среди персонала хозяйства упоминаются чиновники, ремесленники, стражники, работники (зависимые?), рабы.

Продукты, которые производились в хозяйстве (ячмень, пшеница, горох, шерсть), поступали на главный склад, находившийся в городе Тутуб. Не-

большие склады располагались также в некоторых поселениях и городках в его окрестностях. Данные о наличии зерна на всех складах (в Тутубе и за его пределами) фиксировались и учитывались в центральном архиве в Тутубе.

Часть произведенных продуктов (ячменя, шерсти, масла) распределялась между чиновниками и рабочим персоналом, а также шла в уплату наемным работникам, помогавшим убирать урожай и выполнявшим различные земляные работы. Другую часть своих ресурсов хозяйство использовало, выдавая займы продуктами (зерно, горох, эммер) или (гораздо реже) серебром под обычные проценты. Располагая значительными ресурсами, оно выступало в роли банка, выдававшего ссуды горожанам. Во всех займах кредитором выступал либо глава хозяйства (en), либо кто-то из высших чиновников, либо сам бог Нанна/Син.

Более двух третей архива из Тутуба (около 100 документов из 117) составляли договоры, связанные с необходимостью выполнения долговых обязательств. Многие горожане, по-видимому, испытывали недостаток ресурсов. Периодически они занимали у хозяйства небольшие количества зерна или небольшие суммы серебра и в качестве залога представляли свои поля, рабов, детей. Такими заемщиками могли быть отдельные лица и группы (семейные и профессиональные) от 2 до 10 человек. Среди профессий заемщиков упоминаются кузнец, ткач, воин.

При невозможности вернуть долг заемщикам приходилось задешево продавать свои наделы, рабов, детей и даже самих себя. Чиновники действовали как скупщики недвижимости и рабов, а глава хозяйства покупал свободных людей, задолжавших хозяйству, и детей у родителей (и видимо, должников). Сохранилось более 20 договоров такого рода. Купленная чиновниками недвижимость и рабы, вероятно, поступали в состав имущества хозяйства.

Рабы и рабыни распределялись между отдельными лицами из числа персонала для выполнения работ, также их могли передать на время в другие хозяйственные структуры города. В некоторых случаях глава хозяйства (как и Бальмунамхе) передавал своих рабов, купленных за долги, под гарантию их родственникам. При этом составлялся гарантийный договор, согласно которому родственники проданных обязывались уплатить значительный штраф (до $\frac{1}{3}$ мины серебра) в случае их смерти или побега.

В качестве заемщиков часто выступали и высшие чиновники центральной администрации хозяйства, в ряде случаев те же, что были кредиторами, и чиновники на местах. Возможно, в этих случаях в виде займов оформлялись какие-то служебные манипуляции с ресурсами хозяйства (некоторые чиновники брали такие займы неоднократно, до 4 раз).

Хозяйство Нанны/Сина играло важную роль в экономике городской системы Тутуба, но в нее должны были входить и другие крупные структуры, которые вместе составляли единый хозяйственный и политический организм. Часть

территории и населения региона (за пределами владений хозяйства Нанны) находилась под управлением Большого Дома/дворца. Между хозяйством Нанны и Большим домом/дворцом в Тутубе существовало тесное взаимодействие. Последний, вероятно, организовывал общие работы, на которые хозяйство Нанны/Сина отправляло своих работников.

Заключение. Значительная часть документов из Ларсы представляет собой разрозненные фрагменты архива городского хозяйства, в состав которого входил целый ряд крупных хозяйств. Самым большим среди них было собственно городское хозяйство — Дом. Оно располагало значительными площадями пахотных земель на территории селений в окрестностях Ларсы, где его работники, в том числе и рабы, выращивали ячмень и другие сельскохозяйственные культуры и разводили скот. При необходимости на срочные работы (уборка урожая, строительство) привлекали наемных работников из числа жителей этих селений. Рядом с селениями паслись принадлежавшие Дому стада крупного и мелкого рогатого скота. Центр управления хозяйством находился в Ларсе, где у города были многочисленные склады, куда свозили произведенную продукцию, откормочное хозяйство, где содержали скот для жертвоприношений и праздничных трапез, мастерские для переработки продукции и изготовления необходимых ремесленных изделий, в том числе ткацкие, ювелирные и мебельные. И в городе, и на местах делами хозяйства управляли многочисленные чиновники разного уровня.

Дом был одним, возможно самым большим, из целой группы «домов-хозяйств» города, а его главу в административных записях называли термином *awīlum*, т. е. «человек» или «полноправный». Возможно, авилум был главой городского хозяйства, в то время как царь был прежде всего политической фигурой, представителем верховной власти. Такого же рода хозяйства существовали, надо полагать, и в других городах Месопотамии (Лагаба, Тутуб).

До середины правления Рим-Сина это хозяйство, по-видимому, управлялось одним из представителей городской элиты, хотя и находилось под определенным контролем царской администрации. От второй половины правления этого царя, которая началась с проведения реформ по централизации власти и управления и продолжалась около 30 лет (1792–1763), сведений о Доме сохранилось очень мало. Возможно, в это время городское хозяйство Ларсы полностью перешло под контроль царя, а его управителем стал человек, назначенный царем. Во всяком случае, когда в документах последних лет правления Рим-Сина вновь появляются упоминания о Доме, во главе его на месте авилума находится один из приближенных царя, человек по имени Рим-Син-ливвир. Само его имя говорит о личной близости его носителя к царю и его принадлежности к высшим кругам царской администрации. Позднее, при Хаммурапи, во главе Дома стояли, вероятно, одновременно два человека, один из представителей городской элиты Ларсы, другой из числа вавилонских чиновников, назначенных Хаммурапи.

Приложение. Два клинописных текста из коллекции Государственного Эрмитажа (ДВ-15058, ДВ-15059), которые представляют собой письма, присланные в Ларсу Бальмунамхе как главе Дома от одного из управителей пахотными землями хозяйства (см. цв. вкл., с. 1)

ДВ-15058

1. *a-na bé-li-ja*
qí-bí-ma
um-ma ši-lí-d.utu-ma
aš-šum gud.há é.gal
5. *ša ta-aš-pu-ra-am*
ša še.giš.ni i-sa-ap-pa-nu-ú-ma
gud.há ú-ul ri-i-qu
u4 5-kam li-il-li-ku-ú-ma
ša ki-i-ma šu-ri-im ma-ša-ri-im
10. *šum-ma ta-qá-ab-bi i-na-an-na-ma*
li-it-ta-al-ku-ni-i-ma
aš-šum ši-ip-ru-um i-na [bi?-tim?]
ak-ki-a-am aš-pu-ra-ak-kum
aš-šum še-im ša uru.ki ši-ri-im-tum
15. *ù ša uru.ki KA.AN*
ša ta-aš-pu-ra-am ma-an-nu-um
ša i-pu-šu-ni la ib-ši
an-nu-ú-um ù an-nu-um
za-a-ku iš-tu i-na-an-na
20. *a-na u4 5-kam na-ap-ša-ar-[tam]*
- к. *ma-la ip-pa-aš-ša-[ru]*
[a-ša]-ap-pa-ra-ak-kum
ù aš-šum še-im ša a-na bi-ti
šu-bu-li-im ta-aš-pu-ra-am
25. *giš.ma.há ú-ul i-šu*
eb-bu-tim ša ki-i-ma ta-ra-ši-[.]
ù giš.ma.há li-il-li-ka-nim-ma
lu-ša-ar-ki-ba-am
ù [še-am] ša ta-aš-pu-ra-am
30. *lu-ša-bi-lam*

Перевод:

«Господину моему скажи: (это) говорит Цилли-Шамаш!

Относительно волов дворца, о которых ты писал мне, что они должны обрабатывать поле под посев сезама, волы эти не свободны, (только) через пять дней пусть они отправятся. Что касается перевозки (букв. “перетаскивания”) тростника, то если ты велишь, сразу же они (волы) отправятся.

Относительно работы в [доме] (все идет), как я тебе писал.

Относительно зерна в поселении Ширимтум и поселении Пи-Анум, о котором ты писал (следующее): “Никого, кто сделает (это) для меня, нет”.

И то и другое (зерно) уже очищено. От настоящего (момента) на 5-й день зерно обработанное, сколько подготовлено, я пошлю тебе.

И относительно зерна, которое (предназначено) для отправки в Дом, о чем ты мне писал, у меня нет барж. Доверенный человек, которого ты сам выберешь, и баржи пусть ко мне придут. Я загрузу (баржи) и [зерно], о котором ты писал, я отправлю».

ДВ-15059

1. *a-na bé-lí-ja*

qí-bí-ma

um-ma ši-lí-d.utu-ma

a-na é-a-na-šir

5. *ù e-ib-bu-tim ša ta-ab-ba-[lam?]*

660 *še.gur ga-du-um á.bi giš.má*

i-na é.ki.sí.gá mu.túm

ša šum-ma-ir-ra ub-lu-ni-im

am-ta-da-ad li-ib-ba-šu-nu uť-ťi-i-ib

10. *ù is-sa-ak-pu-ni-i-im*

a-na giš.ig.há ša u-ša-hi-za-an-ni

bi-tam uš-ta-aš-ki-i-in

Перевод:

«Господину моему скажи, говорит Цилли-Шамаш!

Эа-нациру и доверенному лицу, которого ты мне прислал, 660 гур зерна вместе с платой за баржу из приношения *é.ki.sí.gá*, которое Шумма-Ирра мне доставил, я отвесил. Сердца их я удовлетворил, и они отплыли. Что касается двери, которую ты мне прислал, в доме я велел установить».

Глава XVIII

Данные о функционировании системы обмена и роли серебра в хозяйственной деятельности

Структура городского хозяйства. Расходование ресурсов. Тарифы. Наличное серебро в административной системе учета. Платежные средства в административной системе учета: зерно, сезам, шерсть как средства платежа. Тариф в учетных документах из Ларсы, Эшунны, Ашиура, Урука. Термин kaḡ.

Расходы серебра в крупных хозяйствах. Текущие платежи. Отчеты начальников городских торговых организаций о расходах серебра за год. Записи об общем количестве израсходованного в хозяйстве серебра. Данные о внутреннем рынке.

Приложение: Тарифы (kaḡ) на основные продукты по данным хозяйственных документов из Ларсы. Тарифы (ganba/ki.lam) на основные продукты в городах Эшунна, Ларса, Урук, Ашиур по царским надписям

Структура городского хозяйства. В начале II тыс. до н. э., как и в предшествующем тысячелетии, хозяйственная деятельность большей части городского и значительной части сельского населения Южной Месопотамии проходила в рамках административно управляемой городской экономической системы. В нее входил целый ряд крупных хозяйств-домов — хозяйство собственно города (Дом), хозяйство дворца (Большой Дом), крупные хозяйства представителей городской элиты и отдельных городских храмов. Для успешного функционирования этой системы необходимо было поддерживать взаимодействие и сохранять баланс интересов между ее отдельными элементами¹.

¹ Внутри этой системы периодически возникали, вероятно, определенные противоречия между интересами старой городской элиты, которая сформировалась в городах Южной Месопотамии еще

В единую структуру все эти хозяйства объединяла стоявшая над ними общая административная система города, которая замыкалась на правителе или царе. В его распоряжении были большой бюрократический аппарат, целая группа административных институтов, или «бюро», каждый из которых занимался определенной хозяйственной сферой. Одной из важнейших задач этого административного аппарата был сбор ресурсов и их перераспределение.

На что расходовались общие ресурсы? Прежде всего они должны были обеспечить всем необходимым для жизни основную часть горожан, которые составляли персонал крупных хозяйств (чиновников, ремесленников, храмовых служителей), в том числе и посредством поставок продуктов в храмы для поддержания непрерывности культовых действий. За счет общих ресурсов необходимо было поддерживать и расширять ирригационные сети на всей сельскохозяйственной территории, осуществлять общегосударственные проекты по строительству и реконструкции. Часть ресурсов расходовалась на то, чтобы обеспечить хозяйственную систему города и все отдельные хозяйства, которые в нее входили, необходимыми материалами и продуктами, которые те самостоятельно не производили (прежде всего металлами) или производили в недостаточном количестве (например, шерсть). Значительная часть ресурсов расходовалась на приобретение престижных товаров для элиты.

В решении всех этих задач важнейшую роль играл такой традиционный городской институт, как «торговая организация» (*kārum*). Главной задачей этого сложного многоступенчатого бюрократического механизма был сбор и оборот внутренних ресурсов. По существу, это была своего рода «кровеносная система», посредством которой все хозяйственные структуры города взаимодействовали между собой как части единого экономического организма².

Карум был вовлечен во все процессы, связанные с движением материальных ресурсов внутри городского хозяйства (кредитом, сбором платежей и обязательств). Через представителей карума, торговых агентов — тамкаров оплачивались общегородские расходы (работы по ирригации, строительству), шли поставки привозных продуктов для элиты, для городских храмов, для исполнения различных культовых и общественных церемоний³. Именно через карум

в конце IV тыс. до н. э., и интересами относительно новой части этой системы в лице властной или царской элиты, которая всячески старалась расширить сферу своего контроля и влияния.

² Термин *kārum*, который буквально обозначал «пристань», обычно переводят как «торговая организация». Это, вероятно, не совсем полно отражает характер деятельности этого важнейшего городского института. Транзитная торговля как способ реализации излишков и приобретения необходимых в хозяйстве продуктов и материалов и престижных товаров для элиты была только одной из составляющих деятельности этой структуры, хотя и наиболее полно отраженной в сохранившихся документах. Фактически карум в городах Южной Месопотамии начала II тыс. был своего рода модифицированным вариантом той традиционной системы горизонтальных связей, в том числе взаимобмена, которая активно функционировала здесь на протяжении всего III тыс. до н. э. (Leemans 1950).

³ Такая широкая сфера деятельности предлагала бесконечные возможности для злоупотреблений, когда использовали не соответствовавшие заявленному весу гири или неправильно подводили баланс.

в городское хозяйство поступала большая часть наличного серебра и разнообразных привозных товаров⁴. В руки членов торговой организации крупные хозяйства передавали значительную часть производимого ими натурального продукта. Только через них можно было реализовывать излишки зерна, сезама, шерсти, скота, а также финики, чеснок, рыбу, собранные в качестве налогов (Stol 1982).

Вопрос о том, как именно происходила реализация этих продуктов, до сих пор остается нерешенным. Если зерном и шерстью можно было, вероятно, торговать со странами Персидского залива, как это было в правление царей III династии Ура в конце III тыс. до н. э., или с городами северной части региона, переправляя груз на баржах, то кому продавали финики, рыбу, чеснок, неясно. Ежедневные потребности населения удовлетворялись в основном через административное распределение и взаимный обмен (бартер). Хотя саморегулирующаяся рыночная система в современном смысле слова в тех условиях хозяйствования сложиться не могла, тем не менее отдельные элементы рыночных отношений существовали всегда, а периоды политической нестабильности и природных катастроф (эпидемии, засухи, неурожай) способствовали их временной активизации (Klein 2014).

Помимо зерна и шерсти вывозили готовые изделия — ткани, одежды, печати. В обмен привозили медь и изделия из меди, слоновую кость, сердолик, полудрагоценные камни, ляпис-лазурь, древесину, ароматы, специи и др. Часть таких привозных товаров использовалась для транзитной торговли с другими городами Южной Месопотамии (Leemans 1950: 1960).

Эта сторона деятельности городской торговой организации нашла свое отражение в многочисленных документах хозяйственной отчетности, в которых указывалось, сколько и какие продукты были переданы торговым агентам-тамкарам для реализации и какие товары или материалы были получены взамен. При этом в качестве индекса стоимости (эквивалента) или средства платежа при таких расчетах в документах обычно выступало серебро или основные продукты местного производства: прежде всего зерно, но также и сезам, и шерсть, а иногда и другие местные продукты (например, финики, скот)⁵. Наличие и одновременное использование в административном обороте в качестве индекса стоимости, помимо серебра, нескольких видов местных продуктов было возможно только в том случае, если их ценностная соизмеримость сохранялась

О распространенности таких злоупотреблений говорит тот факт, что существовали заклинания, в которых просили очистить от таких грехов (Powell 1979). Второй вид преступлений, вероятно, был более распространен, судя по тому, что в ЗХ не упоминаются неправильные балансы, но упоминаются «неправильные» гири (ЗХ § 108).

⁴Тесная связь между серебром и тамкарами прослеживается по крайней мере с конца IV тыс. до н. э. Торговцы упоминаются в архаических документах из Урука (šab.gal) и Шуруппака (dam.gaga), в до-саргоновском архиве из Гирсу, чаще всего в связи с зарубежной торговлей. Активная деятельность тамкаров отражена в документах конца III тыс. до н. э.

⁵В конце III тыс. до н. э. подсчеты велись и в серебре, и в зерне. В то же время серебро было более предпочтительным в качестве эквивалента или индекса стоимости, если это касалось международной торговли.

единообразной на протяжении достаточно длительного периода времени и была хорошо известна составителям отчетов⁶.

В большинстве городов Южной Месопотамии в административной сфере действовали, вероятно, централизованно установленные тарифы (шум. *ganba/ki.lam*, акк. *mahīrum*) на основные местные сельскохозяйственные продукты (ячмень, масло, шерсть) и на те привозные продукты и материалы, которые были необходимы хозяйству для поддержания его жизнедеятельности (металлы, соль, сода). Такой тариф устанавливал размеры индекса стоимости или эквивалента не только при обмене одних продуктов на другие внутри самих хозяйств или при предоставлении хозяйством части своей продукции торговым агентам-тамкарам для приобретения привозных товаров, но и при подсчете затрат на различного рода хозяйственную деятельность (например, при ирригационных или строительных работах). В соответствии с этими тарифами рассчитывались и ежегодные поступления ресурсов, и ежегодные расходы.

В больших городах, которые были центрами значительных политических структур, утверждение тарифов в начале II тыс. до н. э. было прерогативой царя. Упоминания о тарифах встречаются в учетных документах крупных хозяйств, об установлении тарифов сообщается в ряде царских надписей. Наиболее убедительный и самый ранний по времени пример такого рода — тариф из Эшнунны, города, который в начале II тыс. до н. э. был независимой политической структурой и одним из важнейших в Южной Месопотамии центров международной торговли⁷. Эшнуннский тариф (19 в. до н. э.) предварял собой свод законов, составленных от имени правящего царя (ЗЭ). Таким образом, данный тариф был введен законодательным путем с расчетом на то, что весь свод законов, в том числе и тарифы, останутся неизменными «на вечные времена». Целью включения тарифа в свод законов было, вероятно, не только упорядочение внутрихозяйственных расчетов, а также расчетов по международной торговле, но и укрепление власти и престижа правящего царя, усиление его контроля над деятельностью городской торговой организации.

Тариф из Эшнунны представлял собой перечень разного рода продуктов, как местных, так и привозных, с указанием их количества, эквивалентного по стоимости 1 сиклю серебра. Кусочек серебра весом примерно 8 г при внутри-

⁶ Примерно с середины III тыс. до н. э. базовой единицей для расчета платежей выступал 1 сикль серебра. Стоимость любого товара или продукта, выраженную в серебре, можно было выразить и в ячмене, поскольку соотношение стоимости серебра и ячменя в обычных условиях сохранялось неизменным на протяжении всего исторического периода. Это соотношение составляло 1 сикль (около 8 г) серебра на 1 гур (300 л) зерна. Однако объем меры гур со временем менялся: от 300 л в гур в 25 в. до н. э. до 180 л в гур в 6 в. до н. э., т. е. существовала устойчивая тенденция к увеличению стоимости зерна. Изменения происходили и в периоды кризисов (засуха, голод, война, осада городов и т. п.), когда возникала острая нехватка продуктов (Klein 2014).

⁷ Точное время составления этого текста неизвестно. Предположительно он мог появиться в конце 19 — начале 18 в. до н. э. (Roth 1997: 59–69).

хозяйственных расчетах номинально соответствовал следующему количеству основных продуктов:

зерна (ячменя) 300 л,
масла растительного высшего качества 3 л,
масла растительного 12 л,
свиного жира 15 л,
битума 40 л,
шерсти 3 кг,
соли 600 л,
соды 300 л,
меди 1,5 кг,
меди очищенной 1 кг.

Такой постоянный тариф на основные продукты местного сельскохозяйственного производства и основные привозные товары (соль, сода, медь) действовал, по-видимому, в административно-хозяйственной системе города Эшнунны в конце 19 в. до н. э. Три вида продуктов: сезамовое масло, свиной жир и битум кроме серебряного имели еще и законодательно установленный зерновой эквивалент⁸.

Соотношение между стоимостью серебра и трех основных продуктов потребления: зерна, масла и шерсти по 3Э было следующим: 1 сиклю серебра были эквивалентны 300 л ячменя, 3 кг шерсти или 12 л сезамового масла. Тарифы из Эшнунны начала II тыс. до н. э. во многом соответствовали тем, что действовали в Южной Месопотамии в конце III тыс. до н. э. в правление царей III династии Ура. И в те времена существовали, по-видимому, относительно стабильные общегосударственные тарифы на основные сельскохозяйственные продукты, а именно: 1 сиклю серебра были эквивалентны 1 гур ячменя, 10 мин шерсти, 10–15 сила растительного масла (Goetze 1956: 30).

⁸ Название каждого из этих продуктов в тексте сопровождается термин *ša nishātīm*, относительно значения которого высказывались две точки зрения: либо он означал особое качество продукта, либо означал продукт, подлежащий сбору в качестве податных платежей (CAD v. 11 269). Каким образом изменение качества продукта могло повлечь за собой изменение платежного средства, употреблявшегося при его покупке или продаже, неясно. При этом, если в первой части списка указано, какое количество каждого вида продукта соответствует 1 сиклю серебра, то во второй части списка, где употреблен термин *ša nishātīm*, приравнивается не соответствующее количество продукта единице платежного средства, а наоборот, указано соответствующее количество платежного средства (в данном случае зерна) за единицу (1 сила) продукта:

1 л растительного масла *ša nishātīm* = 30 л зерна,

1 л свиного жира *ša nishātīm* = 25 л зерна,

1 л битума *ša nishātīm* = 8 л зерна.

Интересен не только сам факт оценки этих продуктов, помимо серебра, в зерне; вызывает вопросы и размер зернового тарифа. Если пересчитать его на серебро (1 сикль серебра = 1 гур/300 л зерна), то окажется, что продукты *ša nishātīm*, которые оценили в зерне, стоили дороже, чем те же самые продукты (без указания *ša nishātīm*), которые выше были оценены в серебре. А именно: 1 сила сезамового масла *ša nishātīm* — 18 ше серебра вместо 15 ше, 1 сила свиного жира *ša nishātīm* — 15 ше серебра вместо 12 ше, 1 сила битума *ša nishātīm* — $4\frac{1}{5}$ ше серебра вместо $4\frac{1}{2}$ ше. Возможно, это тоже как-то связано со значением термина *ša nishātīm*.

Таким образом, на протяжении очень длительного времени — от последних веков III тыс. (а возможно, и ранее) и до середины II тысячелетия до н. э. в административно-хозяйственной системе городов Южной Месопотамии действовали относительно стабильные тарифы на основные сельскохозяйственные продукты. Это особенно заметно в отношении тарифов на зерно — главную продовольственную культуру Месопотамии и основной продукт питания ее жителей. Во многом это было обусловлено, по-видимому, относительной неизменностью состояния экономики и торговли⁹.

Данные о существовании официальных тарифов, установленных от имени царя, сохранились помимо Эшнунны еще из двух городов Южной Месопотамии, которые в первые века II тыс. до н. э., так же как и Эшнунна, были какое-то время политическими центрами территорий: из Урука и Ларсы (о тарифах из Ларсы подробнее см. ниже), а также с севера Месопотамии из города Ашшура. Однако в этих случаях размеры тарифов несколько отличаются от тех, что приведены в ЗЭ (см. таблицу в приложении).

В Уруке в середине 19 в. до н. э., как следует из надписи урукского царя Син-кашида (1865–1832), действовал тариф, в соответствии с которым 1 сикль серебра был эквивалентен следующему количеству продуктов: 900 л зерна, или 6 кг шерсти, или 5 кг меди, или 30 л растительного масла (RIME 4, 454). В надписи царя Северной Месопотамии Шамши-Адада (1814–1781), в которой он описывает, какое невиданное благоденствие его правление принесло городу Ашшуру, сообщается, что при нем действовали следующие тарифы на продукты в пересчете на 1 сикль серебра (RIMA 1, 50): 600 л зерна, 7 1/2 кг шерсти или 20 л растительного масла.

Если доверять этим сведениям, в Уруке в правление царя Син-кашида на 1 сикль серебра можно было получить в три раза больше ячменя и масла, чем в Эшнунне. В Ашшуре в правление Шамши-Адада на 1 сикль серебра можно было получить в два раза больше ячменя, в два с половиной раза больше шерсти и почти в два раза больше растительного масла, чем в Эшнунне.

Для обоих правителей, и Шамши-Адада, и Син-кашида, введение таких низких относительно традиционных норм тарифов, чем бы на практике оно ни объяснялось, необыкновенными урожаями или обильными поступлениями серебра, являлось, по-видимому, предметом особой гордости, они упоминают эти факты как отличающие их правление от правлений всех других царей, при которых, надо подразумевать, действовали обычные тарифы¹⁰.

⁹ Такая устойчивость тарифов, прежде всего на зерно, объясняется, возможно, еще и тем, что главной сферой их функционирования были не столько торговые операции, сколько внутрисельскохозяйственные расчеты. Тарифы отражали количественное соотношение продуктов, использовавшихся в качестве взаимозаменяемых эквивалентов при расчетах и выплатах внутри городских хозяйств, в том числе при их расчетах при международной торговле.

¹⁰ Можно вспомнить, что для Южной Месопотамии это было время политической нестабильности, борьбы между отдельными аморейскими царствами. Правители, которые в своих надписях упоминают действовавшие при них тарифы, — это основатели новых династий, которым нужно было упрочить свое положение на престоле. В этой связи можно привести сходный пример из истории Месопотамии

В тарифах, приведенных в надписях этих правителей, количество каждого из основных продуктов, эквивалентное 1 сиклю серебра, меняется по сравнению с тарифом из Эшнунны пропорционально, увеличиваясь в два (у Шамши-Адада) и три (у Син-кашида) раза. При этом если исключить из системы обмена серебро и обменивать по этим тарифам продукты между собой, то их пропорциональная стоимость практически не меняется. Если 1 сиклю серебра в среднем соответствовала 1 норма зерна, 1 норма масла и 1 норма шерсти, то по варианту надписи Шамши-Адада 1 сиклю серебра соответствуют 2 нормы зерна, 2 нормы масла и примерно 2 нормы шерсти (с шерстью всегда сложности) и т. д. Поскольку основная масса населения никогда не имела дела с серебром (можно вспомнить плату зерном строителю), то для нее эти изменения, если они действительно имели место, как будто не были принципиальными. Это могло затрагивать тех, кто должен был платить по своим обязательствам серебром (аренду, налоги, штрафы).

Центральная администрация всячески старалась не только поддержать в неизменном состоянии и сбалансировать деятельность сложившейся хозяйственной системы — используя для этого единые стандарты мер¹¹ и тарифы, — но и пыталась остановить процессы энтропии, постоянно формировавшиеся в экономике (развитие частной деятельности и элементов рыночных/товарных отношений), «возвращая» общество к традиционным порядкам: ограничивая кредитную деятельность, вводя ограничения и даже запреты на продажу недвижимости, а также пытаясь периодически «собирать» серебро, абсорбировавшееся в городском хозяйстве у городского населения. Карум, или «бюро коммерции», как предлагал понимать этот термин Ф. Краус, было одним из главных административных инструментов, с помощью которого государство на практике осуществляло свои намерения в этой сфере.

Законодательно установленные тарифы (количество продукта, эквивалентное по стоимости 1 сиклю серебра) существовали в это время не только в отношении сельскохозяйственных продуктов и металлов, но также в отношении городской недвижимости. На табличке из сиппарской коллекции старовавилонских документов, находящейся в Британском музее, сохранились неполные три колонки клинописного текста, написанного на шумерском языке (Michałowski, Walker 1989; Roth 1997). Издатели назвали этот памятник «Новые шумерские законы» (New Sumerian Law Code, далее НШЗ). Есть предположение, что этот законодательный сборник мог принадлежать царю Исина Ишме-Дагану (1955–1937).

8 в. до н. э. После того как Ашшурбанипал подавил восстание, поднятое против него его братом, от его имени была составлена пространная надпись, описывавшая эти события. В ней Ашшурбанипал привел «доказательства» легитимности своего правления и, в частности описал благоденствие, которого достигла при нем страна. Как подтверждение необыкновенного процветания в надписи упоминаются тарифы (*mahīrum*), которые действовали в это время. За 1 сикль серебра можно было приобрести 3600 л зерна, или 310 л вина, или 21 л масла, или 30 кг шерсти.

¹¹ Центральное правительство и главные городские храмы могли иметь свои собственные стандарты основных мер веса и емкости. Помимо этих стандартов было, вероятно, много местных (на уровне отдельных городов), которые использовали торговцы и трактирщики (Powell 1978). Все эти стандарты, однако, вращались вокруг базового соотношения: 1 сикль серебра = 1 гур зерна.

В правление этого царя Исин контролировал значительную часть территории Южной Месопотамии, в том числе такие города, как Ниппур, Ур и Ларса, так что действие этого законодательного сборника распространялось, вероятно, и на эти города. В любом случае в нем отразились экономические и социальные особенности, характерные для всей Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э.

Текст таблички сильно фрагментирован, и та его часть, которая касается операций с недвижимостью, сохранилась не полностью. Приведем перевод данного фрагмента:

Column iii 3–8.

«Если 1 сар жилого строения [...]».

Если 1 сар заброшенного городского участка (человек) купил, эквивалент его — 1 сикль серебра (kù.bi 1 gín kù.babbar).

Если 1 сар жилого строения человек нанял, 1 сикль серебра он должен ответить».

Таким образом, центральная власть пыталась (или была вынуждена?) законодательно регламентировать размеры платежей при купле-продаже домов и участков городской земли и аренде домов. Если в 24 в. до н. э. правитель Лагаша Урунимгина требовал, чтобы начальники не отбирали у своих подчиненных дома безвозмездно, а хотя бы компенсировали им затраты на строительство, то в середине 20 в. до н. э. были сделаны попытки законодательно установить размеры компенсации за городскую недвижимость. Насколько эта регламентация отражалась на реальной практике, можно только предполагать.

Сведения об обороте продуктов и товаров по данным архива Дома. Тексты из Ларсы дают некоторое представление о функционировании административной системы обмена и роли серебра в хозяйственной деятельности. Поскольку большая часть доступных исследователям клинописных документов из Ларсы составляла архив крупного городского хозяйства (Дома) или хозяйств, тесно с ним связанных, свидетельства этих текстов отражают деятельность прежде всего этих структур.

Тарифы в Ларсе. В Ларсе, как и в других крупных городах Южной Месопотамии, действовали стандарты, в соответствии с которыми рассчитывалось стоимостное соотношение различных продуктов и материалов, использовавшихся для платежей. Тарифы (шум. *ganba/ki.lam*, акк. *mahīrum*) упоминаются в надписях двух царей Ларсы, Нур-Адада и его сына Син-иддинама. Как и упоминавшиеся выше правители Урука и Ашшура Син-кашид и Шамши-Адад, правители Ларсы сообщали в своих надписях об исключительном процветании страны в годы их пребывания у власти и в качестве подтверждения этого приводили данные о действовавших при них тарифах (*ganba*). При Нур-Ададе (1865–1850) 1 сиклю серебра были эквивалентны следующие количества продуктов: зерна — 600 л, шерсти — 5 кг, фиников — 3000 л (RIME 4 148). При его сыне Син-иддинаме (1849–1842) тарифы были несколько другими (RIME 4 166). 1 сикль серебра был равен 1200 л зерна, 3600 л фини-

ков, 7 1/2 кг шерсти, 30 л растительного масла или 50 л животного масла (свиной жир)¹².

Если при Нур-Ададе тариф на зерно в два раза превышал традиционную норму (1 сикль серебра = 300 л зерна), то при его сыне тариф превышал ее уже в 4 раза. Если сопоставить эти данные с тем, что известно о катастрофической экономической и политической ситуации, которая складывалась в Ларсе в годы их правления (подробнее см. гл. XIII), то такая «дешевизна» серебра или столь сильное «удорожание» основного продукта питания относительно серебра представляются весьма показательными.

Термин «kar». В целом ряде учетных документов из Ларсы для обозначения тарифа, т. е. определенного количества некоего продукта, эквивалентного по своей стоимости одному сиклю серебра, использовали термин kar (акк. *kārum*)¹³. Так, например, выражение «кар шерсти равен 6 минам» означало, что 1 сикль серебра эквивалентен стоимости 6 мин шерсти. В том случае если продукт был неделим и на 1 сикль приходилась дробная часть неделимого продукта (одежда, скот), кар означал количество серебра, эквивалентное стоимости единицы данного продукта. «92 овцы; тариф (кар) их 1/3 сикля за каждую» (TCL 10 54 — 1801). Значение термина «кар» также изменялось, когда речь шла о золоте. В этом случае он означал не количество золота, эквивалентное 1 сиклю серебра, а, наоборот, количество серебра, эквивалентное 1 сиклю золота, т. е. это был не серебряный тариф, а золотой¹⁴. Такой тариф, по-видимому, использовался в повседневной хозяйственной практике, прежде всего в сфере деятельности карума, торговой организации Ларсы. Кто и как его формировал и как часто он корректировался, неизвестно.

Иногда в административных документах отмечалось, что тариф (kar) на определенный вид продуктов не установлен или неизвестен чиновнику, составлявшему отчет. Так, в записи, составленной где-то между 1865 и 1850 гг. до н. э. (в правление царя Нур-Адада, в надписи которого упоминаются тарифы, см. выше), было указано, что сыну царя по имени Аху-табум для покупки серебра (*šám kù.babbar*) были переданы более 100 000 л сезама и 1800 кг шерсти (YOS 5 153)¹⁵. Далее в документе отмечено, что тариф на эти продукты не был

¹² В одном из документов от 1843 г. до н. э. (7-й год правления Син-иддинама) упомянут тариф на шерсть: на 1 сикль серебра приходилось 7 1/2 кг шерсти (YOS 14 293).

¹³ «Price of the unite of merchandise» CAD v. 8, 237.

¹⁴ Данные в документах из Ларсы о действовавших тарифах на золото — на 1 сикль золота сиклей серебра:

9 сиклей 1820 TCL 10 17,
7 сиклей 1820 TCL 10 17,
7 сиклей 1820 TCL 10 17,
6 1/2 сикля 1820 YOS 5 207, Зарбилум,
5 1/2 сикля 22 1/2 ше 12/1 1808 YBC 06203,
6 сиклей 1799 YBC 05836.

¹⁵ Фактически родственник царя получил в свое распоряжение огромное количество продуктов, за которые он должен вернуть хозяйству серебро, но сумму этого серебра писец подсчитать не смог, поскольку по какой-то причине тариф не был установлен. Переданные Аху-табуму сезам и шерсть входили в группу основных сельскохозяйственных продуктов, которые постоянно использовались

установлен (kar.bi nu gar). В другом отчетном документе, составленном в 1800 г. до н. э., где перечислены расходы серебра на приобретение рабов (2 ½ мины за 8 рабов), упоминается «одна рабыня, тариф ее неизвестен» (kar.bi la ud-du YBC 06223; Feuerherm 2004: 152). В некоторых документах займа указывается, что долг должен быть возмещен по тому тарифу, который будет действовать в момент возврата долга. Так, серебро, взятое в долг, требуется через 10 месяцев вернуть зерном «по тарифу (кар), который в Ларсе будет действовать» (YOS 12 344 — 1739). В другом случае должник, взяв в долг зерно, обязуется вернуть долг серебром «по тарифу, который будет действовать» в тот момент (YOS 12 114 — 1747).

Платежные средства в административной системе учета. Чаще всего в учетных документах Дома и связанных с ним хозяйств в качестве средства платежа и индекса стоимости фигурировало серебро (см. ниже). Наряду с серебром в этой роли выступали и продукты местного сельскохозяйственного производства: зерно (ячмень), сезам, из которого отжимали масло, шерсть и другие продукты. Некоторое представление о том, как действовавшая система тарифов/эквивалентов использовалась в повседневных хозяйственных манипуляциях, дает документ, представляющий собой отчет о расходах на корм скота (Walters 1970, text 87, — издатель неточно прочитал числовые знаки в строке 8). Приводим начало этой записи, которое хорошо сохранилось¹⁶:

«1 сикль серебра, его масло 7 ½ л, (числится) за Буция;

1 сикль серебра, его масло 7 ½ л, (числится) за Сунуну, сыном Наби-Син;
(всего) 15 л масла — его отруби 6060 л.

Это (расходы на) корм овец и крупного рогатого скота в месяце варах-самна».

Таким образом, составитель отчета выражает стоимость отрубей, пошедших на корм скоту, в масле, а стоимость масла — в серебре.

Зерно как платежное средство. Зерно как основной продукт местного производства с древнейших времен чаще других продуктов использовалось для выражения меновой стоимости в Месопотамии. Оно, вероятно, играло

в учетной системе хозяйства как средства платежа и тарифы на которые должны были быть хорошо известны. Отсутствие в данном случае установленного тарифа, возможно, говорит о каких-то преференциях, которые он получил как родственник царя. Об этом, возможно, свидетельствует и то, что документ был составлен в последний месяц года, когда все структуры хозяйства должны были отчитаться о расходах за прошедший год.

- ¹⁶ 1. 1 gín kù.babbar
7 ½ silà i.giš .bi
ki bu-ši-ja
1 gín kù.babbar
5: 7 ½ silà i.giš .bi
ki su-nu-nu dumu na-bi-d.EN.ZU
1 (ban) 5 silà i.giš
20 (gur) 1 (pi) gaba.bi
ša.gal udu.še ù gud.áb
10. itid giš.apin.du8.a

значительную роль и в повседневном натуральном обмене. Зерно (ячмень) служило средством для оплаты (šám) любых продуктов или товаров, в том числе и для платы за серебро, о чем неоднократно упоминается и в административных учетных документах. Ниже перечисляются примеры такого рода¹⁷:

1) Отчет о расходе зерна для платы за изделия из тростника (YOS 5 87, дата неизвестна):

- «20 л зерна — плата за 2 ремня (?), плетенных из тростника,
- 36 л зерна — плата за тростниковую корзину,
- 31 л — плата за 5 тростниковых...,
- 34 л — расходы дополнительные,
- 5 л — [x]...

Всего (израсходовано) 126 л (зерна). Ответственность Анатума. Получил Ахатуту».

2) Сводный отчет о поступлении и расходе зерна за 8 лет (1827–1819) (YOS 5 202), в 1825 г. до н. э. часть поступившего зерна была израсходована на приобретение серебра:

- 36. «54 000 л зерна, тариф (kar) его 410 л, серебро его 2 мины 11 $\frac{2}{3}$ сикля».

3) Отчет о расходе зерна в одном из отделений хозяйства за 1816 г. до н. э. (YOS 5 175). Зерно израсходовано на семена, фураж для скота, выдачи различным лицам, на оплату каких-то садовых работ и работ по прорытию канала. Среди других расходов упомянут следующий:

- 17. «7920 л (зерна) — плата за сад».

3) Запись о расходе зерна (СВД 133 — 1728). Зерно израсходовано на выдачи и оплату шерсти:

- 15. «2346 л (зерна) — плата за шерсть».

4) Отчет о расходе зерна времени правления Самсуилуны (VS 18 100)¹⁸

- 1. «45 000 л зерна — плата за 1 мину [серебра],

- 2. 67 620 л зерна — плата за 1 $\frac{1}{2}$ ми[ны серебра],

- 4. 43 200 л зерна — плата за 1 мину [серебра?],

31–32. 14 400 л зерна — пл[ата] за $\frac{1}{3}$ мины серебра, которые были выданы авилуму;

33–34. 3600 л зерна — плата за 5 сиклей серебра, что для покупки масла были даны».

5) Следующий пример также относится ко времени правления Самсуилуны. Это письмо из деловой переписки высокопоставленных торговых агентов-тамкаров, написанное, скорее всего, между 1749–1740 гг. до н. э. (YOS 2 105 = AbB

¹⁷ Обращает на себя внимание тот факт, что многие упоминания в административных документах использования зерна в качестве средства платежа относятся ко времени Самсуилуны, когда экономика юга, вероятно, постепенно приходила в упадок.

¹⁸ В этом документе времени Самсуилуны зерно пять раз упоминается в качестве платы за серебро. При этом на 1 сикль серебра приходятся разные количества зерна: 660 л (2 $\frac{1}{5}$ гур), 720 л (2 $\frac{2}{5}$ гур), два раза по 750 л (2 $\frac{1}{2}$ гур) и 840 л (2 $\frac{4}{5}$ гур). Во всех случаях это более чем в два раза превышает традиционную норму — 1 сикль серебра = 300 л зерна.

9 105). Набиум-малик¹⁹ пишет Шуми-ахие по поводу претензий по взаимным расчетам, которые последний предъявил ему. В своем письме Набиум-малик упоминает, что его задолженность составляла $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра и еще 6 сиклей как плата за 20 кг (40 мин) белой шерсти, т. е. всего за ним числилось $\frac{2}{3}$ мины серебра. Далее он подсчитывает, что стоимость этого долга в зерне составляет 24 000 л (80 гур). Шуми-ахия, как указывает Набиум-малик, не только получил это зерно, но и забрал у чиновников, управляющих сельскохозяйственными землями (pa.te.si.meš), еще 5100 л (17 гур) зерна, что равняется стоимости 2100 л (7 гур) сезама. Таким образом, подсчеты показывают, что теперь уже Шуми-ахия являлся должником Набиум-малика²⁰.

Приведенные выше примеры показывают, что при расчетах внутри хозяйства широко применялся метод взаимного погашения обязательств. При этом в качестве соизмеримых эквивалентов могли использовать и зерно, и серебро с переходом при необходимости от одного средства платежа к другому.

Сезам как платежное средство. Второй по значению сельскохозяйственной культурой Южной Месопотамии был сезам, или кунжут, хотя в документах из Ларсы по сравнению с зерном сезам упоминается гораздо реже. Масло, отжимаемое из сезама, вместе с зерном и шерстью входило в состав необходимого прожиточного минимума. Под посевы этой культуры должны были отводиться большие площади. В одном раннем документе из Ларсы (время правления царя Син-иддинама) содержится запись о наличии сезама в хозяйстве (Goetze 1950). Общее количество его составляло около 3000 гур, т. е. примерно 900 т. В другом документе того же периода упоминается сезам из поставок города Ахануту на сумму 4 $\frac{1}{2}$ мины серебра, т. е. около 30 т, если взять средний из известных тарифов на сезам. В документе YOS 5 153, который будет приведен далее, упоминается 335 гур, т. е. около 100 т сезама. Этот продукт также мог выступать в качестве средства платежа. Так, в расходной записи от 1763 г. до н. э. среди других расходов указан и следующий: 19. «4 $\frac{4}{5}$ гур сезама — плата за серебро» (СВД 122).

Шерсть как средство платежа. В роли средства платежа иногда могла выступать и шерсть. Так, в одной расходной записи читаем: «14 $\frac{5}{6}$ сикля 24 ше серебра, шерсть его (т. е. серебра) 1 талант 14 $\frac{5}{6}$ мины; 6 сиклей серебра, шерсть его (т. е. серебра) 40 мин» (UET 5 637).

Таким образом, в системе административного учета, которая действовала в начале II тыс. до н. э. в Ларсе и других городах Южной Месопотамии, в качестве средства платежа или индекса стоимости могли выступать основные местные сельскохозяйственные продукты, такие как зерно (ячмень), сезам, шерсть, но чаще всего в таком качестве фигурировало серебро.

Серебро как платежное средство в отчетных записях Дома. Каждое крупное хозяйство вело записи о расходах, в том числе и о расходах серебра (или

¹⁹ Оба они упоминаются и в отчетном документе (VS 18 100), о котором говорилось выше.

²⁰ В этих внутрихозяйственных расчетах 1 сикль серебра эквивалентен 600 л (2 гур) зерна или 3,3 кг ($2\frac{2}{3}$ мины) шерсти или примерно 800 л ($2\frac{2}{3}$ гур) сезама.

о расходах, стоимость которых оценивалась в серебре). Несколько отчетных документов сохранилось из городского хозяйства Ларсы, которое в текстах называлось «Дом».

Текущие платежи в серебре. В течение года чиновники хозяйства периодически составляли записи о произведенных текущих расходах. Приведенный ниже текст представляет такую запись, составленную в первый день X месяца 1816 г. до н. э. (YOS 5 178):

«2 сикля серебра (были даны) человеку Липит-Иштара, который 5 рабов и рабынь пригнал,

2 сикля носильщикам зерна, что пришли от Ниннуа вместе со скотом,

3 сикля — плата (за) 5 овец для жертвоприношений богу Нергалу,

3 сикля Аби-табуму, который одежду ..., когда (дары) ирбу (распределялись),

1 $\frac{1}{4}$ сикля — плата за две одежды для рабынь, которые Бетатум были даны.

(Всего) 11 сиклей серебра израсходовано».

Поскольку запись была сделана первого числа X месяца (тебетума), возможно, она содержала отчет о расходах, произведенных за IX месяц (кислимум). За отчетный период были произведены следующие расходы: 8 сиклей серебра, вероятно, в виде наличного металла, было выдано трем лицам, в том числе человеку, который «пригнал 5 рабов и рабынь», и носильщикам зерна. Также в сумму расходов была включена стоимость (*šám*) пяти овец и двух одежд, выданных из запасов хозяйства. Они были оценены в 4 $\frac{1}{4}$ сикля серебра. При подведении итога писец сделал ошибку, он сложил только целые числа и не учел дробь ($\frac{1}{4}$ сикля), так что общая сумма расходов оказалась на $\frac{1}{4}$ сикля меньше (11 сиклей вместо 11 $\frac{1}{4}$ сикля).

Отчет о расходах серебра в течение года. В конце года, обычно в XII месяце, аддаруме, составлялся сводный отчет о расходах серебра в хозяйстве. Сохранился такой годовой отчет, который был составлен, предположительно, в каком-то отделении хозяйства в XII месяце 1809 г. до н. э. (TCL 10 39). Текст был записан на двух сторонах таблички, лицевой и оборотной:

«(Отчет о расходе) $\frac{1}{2}$ мины 4 $\frac{1}{2}$ сикля 15 ше серебра.

$\frac{1}{2}$ мины 4 $\frac{1}{2}$ сикля 15 ше серебра — это основная сумма. Из нее (были произведены следующие расходы):

2 сикля (выдано) Син-магиру, наместнику города Машкан-шапир,

2 [си]кля Палашу-лирику, когда в поселение Рахабум (он пошел),

1 $\frac{1}{3}$ сикля плата за 5 мельничных жерновов,

1 сикль плата за одежду для Син-шар-матима,

4 $\frac{1}{2}$ сикля плата за 15 бронзовых лопат, контроль Цилли-Иштара,

3 сикля (выдано) детям Симмугра,

$\frac{1}{2}$ сикля Илалие, рыбаку,

$\frac{1}{2}$ сикля предсказательнице богини Иштар селения Забалам,

$\frac{1}{2}$ сикля Син-итиру, когда в Исин он пошел,

1 сикль человеку... Илум-цилли, когда Шамаш-ублама он вернул,

1 $\frac{1}{2}$ сикля (потрачено) на пиво, которое при производстве работ (было выпито),

15 ше плата за пряности для еды авилуму,

1 сикль человеку Нур-Шамаша, который детей Син-реума привел,

1 сикль 15 ше плата за одежду для Син-реума,

1 сикль человеку жены Липит-Иштара, который 4 рабынь пригнал,

$\frac{1}{4}$ сикля 9 ше плата за 60 л пива, которое (выдано) прачечникам,

$\frac{1}{4}$ сикля 9 ше п[лата за...],

г. в дом [...],

18 ше плата за 20 л пива для [...] и Илима,

20 ше плата за украшение (?),

$\frac{1}{2}$ сикля рыбакам, которые рыбу принесли,

3 сикля плата за жезл,

2 сикля плата за... для Лукур-Эа,

1 сикль Хазируму, рыбаку,

1 сикль Шеруммани,

1 сикль на кольцо серебряное и украшение камкамматум серебряное для жены Син-мупаххира, когда к судьбе (она ушла);

1 $\frac{1}{2}$ сикля на повозки.

Контроль Цилли-Иштара

(Всего) $\frac{1}{2}$ мины 1 $\frac{1}{2}$ сикля 14 ше (серебра израсходовано)».

Судя по этому отчету, в начале года отделение хозяйства имело в своем активе $\frac{1}{2}$ мины 4 $\frac{1}{2}$ сикля 15 ше серебра. В течение года было израсходовано $\frac{1}{2}$ мины 1 $\frac{1}{2}$ сикля 14 ше. Остаток должен был составить 3 сикля 1 ше. В отчете упоминаются разные виды расходов серебра: 15 сиклей, т. е. примерно половина суммы, вероятно, в виде наличного металла, были выданы отдельным лицам (от $\frac{1}{2}$ сикля до 3 сиклей каждому), при этом в большинстве случаев указывается повод, по которому произведены выдачи. В том числе 2 сикля было выдано рыбакам за принесенную рыбу, 1 сикль серебра дали в награду за то, что получатель «пригнал четырех рабов и рабынь», 1 сикль был выдан на изготовление погребальных украшений и т. п.

Почти столько же, 15 с небольшим сиклей, было потрачено на оплату (*šám*) различного рода товаров и продуктов, приобретенных для хозяйства или для персонала. В том числе 5 $\frac{5}{6}$ сиклей серебра было потрачено на пять мельничных жерновов и 15 бронзовых лопат; 1 $\frac{3}{4}$ сикля 27 ше серебра было отдано в уплату за пиво, которое выдавали по каким-то случаям персоналу; 2 $\frac{1}{6}$ сикля составила стоимость товаров (одежда, пряности), которые были выданы некоторым лицам из числа персонала, в том числе главе хозяйства (Дома), которого в этих документах называют авилум²¹. Действительно ли все эти расходы были оплачены серебром или в ряде случаев это только удобный способ калькуляции

²¹ Многие имена, упомянутые в данном отчете, известны и из целого ряда других хозяйственных документов архива Дома. Так, «человек жены Липит-Иштара», получивший в 1807 г. 1 сикль серебра за то, что «пригнал четырех рабынь», вероятно, тот же, что упоминается в приведенном выше

расходов, сказать сложно. Если вспомнить, что 1 ше серебра весил менее 0,5 г, то выдать 15–18 ше серебра представляется технически сложной задачей.

Реализация продуктов хозяйства через карум. Значительная часть произведенных в хозяйстве продуктов передавалась для реализации и приобретения необходимых материалов в торговую организацию города — карум. Сохранилась запись, составленная в XI месяце 1816 г. до н. э., где перечислены продукты, переданные хозяйством начальнику тамкаров (YOS 5 186):

«18 000 л сезама от Цилли-Шамаша (и) 150 кг шерсти из Ларсы, (это то, что было выдано) в первый раз в месяце варахсамну (VIII); 3000 л сезама (и) 10 овец (это то, что) получили тамкары. Пока еще тариф (кар) их не определен/установлен.

(Всего) 21 000 л сезама, 10 овец (и) 150 кг шерсти получил Варад-Нанна, начальник тамкаров».

Торговые агенты-тамкары пускали полученные от хозяйства продукты в оборот (сами или через посредников — шамаллумов, как это хорошо видно из Законов Хаммурапи), а взамен должны были представить хозяйству серебро или привозные товары на ту сумму, в которую в соответствии с тарифом оценивалась полученная ими продукция, и представить отчет. Отчеты такого рода из Ларсы по своей форме почти полностью совпадают с отчетами торговых агентов-тамкаров из Ура конца III тыс. до н. э. (Curtis, Hallo 1959).

Такие документы состояли из двух частей. Первая (дебет) представляла собой описание актива, который имелся на руках у тамкара в начале отчетного периода. Актив мог состоять из двух частей: указывалось количество серебра, которое было (или оставалось) у тамкара на руках в начале отчетного периода, и приводился список переданных ему от хозяйства продуктов/товаров, с оценкой их стоимости в серебре. После каждого вида продукта указывался его тариф (kar.bi), т. е. количество данного продукта, эквивалентное 1 сиклю серебра (этот параметр отсутствует в отчетах конца III тыс. до н. э.), а затем подсчитывалась общая сумма серебра, эквивалентного стоимости всего количества данного вида продукта — «серебро его» (kù.bi)²². Далее складывалась (суммировалась) стоимость всех полученных тамкаром продуктов в серебре и высчитывалась общая сумма серебра, которая составляла актив. Вторая часть отчета (кредит) состояла из описания произведенных тамкаром расходов на выдачи персоналу хозяйства разнообразных товаров, оцененных в серебре. В конце документа подводился баланс.

Из Ларсы нам известны два отчета такого рода: первый был составлен в начале 1821 г. до н. э. начальником тамкаров города Ларса (TCL 10 17), второй

документе от 1821 г. до н. э. (YOS 5 178). Цилли-Иштар, Симмура, Син-мупаххир и авилум (глава хозяйства) упоминаются в документе YOS 5 207 — 1821.

²² Было еще одно отличие балансовых отчетов времени III династии Ура от соответствующих более поздних текстов из Ларсы. В первых обычно указывалось, от кого были получены продукты для реализации (от местного энси, другого тамкара и т. п.). В отчетных документах из Ларсы на этот счет никаких указаний нет, так как продукты, вероятно, поступали из того хозяйства, для которого и составлялся отчет.

был составлен в 1819 г. до н. э. начальником тамкаров города Зарбилума, располагавшегося недалеко от Ларсы (YOS 5 207)²³.

Убар-Шамаш, начальник тамкаров Ларсы, и Итти-Син-милки, исполнявший такую же должность в городе Зарбилуме, важном культовом центре юга, ежегодно получали от хозяйства одинаковые продукты: сезам, шерсть и овец, и даже в одинаковом количестве. Сезама по 36 000 л (120 гур), шерсти — по 300 кг (10 талантов). Продукты оценивались в серебре, согласно действовавшим тарифам (kar). Предполагалось, по-видимому, что в будущем тамкары реализуют эти продукты за серебро, возможно, в ходе дальней транзитной торговли. Общая стоимость продуктов в серебре составляла фонд, из которого начальники тамкаров производили расходы. Периодически составлялись отчеты, в которых подсчитывались полученные и израсходованные ресурсы.

Отчет Убар-Шамаша, начальника тамкаров города Ларсы, от 16/I 1821 г. до н. э. о расходах ресурсов, полученных от хозяйства (TCL 10 17):

« $\frac{5}{6}$ мины $7\frac{1}{6}$ сикля серебра — (это) остаток (серебра) за овец.

36 000 л сезама — тариф его 75 л (на 1 сикль серебра), серебро его 8 мин;

300 кг шерсти — тариф ее 5 кг (на один сикль серебра), серебро ее 1 мина.

(Всего) $9\frac{5}{6}$ мины $7\frac{1}{6}$ сикля серебра получено Убар-Шамашом, сыном Илу[шу]-бани.

Это общая сумма, из нее (произведены следующие расходы):

2 мины (выдано...);

6 талантов меди, тариф ее 6 мин, серебро ее 1 мина, получено Син-мупах-хиром;

2 браслета серебряных, вес их (по) $\frac{1}{3}$ мины, одна одежда вышитая, серебро ее 3 сикля, (дано) Ширбуни, когда дочь Или-бани выздоровела;

4 сикля золота, тариф его 9 сиклей, серебро его $\frac{1}{2}$ мины 6 сиклей, получено Ибнатумом для дочери Или-бани;

$\frac{3}{5}$ гур очищенного масла, тариф его 15 сила, серебро его 12 сиклей, получено Варад-Нанной;

20 одежд, тариф ее (одной одежды) 3 сикля, серебро их 1 мина, 10 одежд, тариф ее 5 сиклей, серебро их $\frac{5}{6}$ мины, 60 одежд..., 60 одежд..., тариф ее $\frac{1}{4}$ сикля, серебро их $\frac{1}{2}$ мины, (это одежды), которые в Дом принесены;

одна овца, серебро ее $\frac{1}{3}$ мины, которая для бога Нанны в месяц нисанум была отдана.

R.15 сиклей серебра получено Варад-Нанной;

2 таланта бронзы, тариф ее 6 мин, серебро ее $\frac{1}{3}$ мины, получено Ибнатумом;

2 сикля золота, тариф его 7 сиклей, серебро его 14 сиклей, (дано) Рибдише, жене Симмугра;

90 ка очищенного масла, тариф его 15 сила, серебро его 6 сиклей, получено Цилли-Иштаром;

²³ Первый текст в транслитерации и переводе был опубликован Ч. Ф. Жаном (Jean 1931: № 127), а второй В. Ф. Лемансом (Leemans 1950: 71 ff.). Ввиду того что в обеих публикациях есть некоторые неточности, особенно в отношении понимания издателями числовых значений отдельных знаков, автор предлагает свой вариант перевода обоих текстов.

$\frac{1}{3}$ мины $9 \frac{5}{6}$ сикля золота, тариф его 7 сиклей, серебро его $3 \frac{1}{3}$ мины $8 \frac{5}{6}$ сикля, контроль Наби-илишу;

$18 \frac{5}{6}$ сикля 25 ше золота, тариф его 7 сиклей, серебро его 2 мины $11 \frac{1}{2}$ сикля 25 ше, контроль Убар-Шамаша;

2 одежды, серебро их $5 \frac{1}{2}$ сикля, 5 овец, серебро их $4 \frac{2}{3}$ сикля, 50 л очищенного масла, серебро его $2 \frac{2}{3}$ сикля, (дано), когда девушка в дом Ур-Нанны была выдана, получено Цилли-Шамашом;

$\frac{1}{3}$ мины серебра для бога Шамаша получено Ибнатумом.

(Всего) $13 \frac{5}{6}$ мины $\frac{1}{4}$ сикля 10 ше (серебра) у Убар-Шамаша израсходовано. Превышение активов (dirig) составило 4 мины 2 сикля 24 ше серебра».

Убар-Шамаш, сын Илушу-бани, был в это время главой торговой организации (карума) города Ларсы, хотя в данном документе его должность не упоминается (Leemans 1950: 77)²⁴. Данный отчет, составленный в первый месяц 1821 г. до н. э., касается, по-видимому, его деятельности в 1822 г. Согласно приведенному выше тексту, актив Убар-Шамаша, по которому он отчитался, состоял из остатков серебра от предшествовавших операций с ресурсами хозяйства (продажи овец?) и продуктов (сезама и шерсти), полученных от хозяйства и оцененных в серебре по действовавшим тарифам. Общая сумма актива в серебре — $9 \frac{5}{6}$ мины $7 \frac{1}{6}$ сикля — составила основную расходную сумму (около 5 кг серебра).

Из этой суммы были произведены расходы, состоявшие в выдаче серебра, золота, меди, украшений, одежд и масла различным лицам из числа персонала хозяйства, а также передаче отдельных товаров непосредственно в хозяйство (120 одежд стоимостью $\frac{1}{2}$ мины серебра были принесены в Дом). В некоторых случаях указываются поводы, по которым были произведены выдачи²⁵. В пересчете на серебро эти расходы, произведенные в 1822 г. до н. э., составили $13 \frac{5}{6}$ мины $6 \frac{1}{4}$ сикля 10 ше серебра (около 7 кг). Расходы превысили имевшиеся активы на 4 мины 2 сикля 24 ше серебра, т. е. на эту сумму Убар-Шамаш кредитовал хозяйство товарами.

Другой такого же рода документ был составлен двумя годами позже. Это отчет Итти-Син-милки, начальника тамкаров города Зарбилума, располагавшегося недалеко от Ларсы, от 29/I 1819 г. до н. э. о расходе ресурсов, полученных от хозяйства в 1823–1820 гг. до н. э. (YOS 5 207; Leemans 1950: 71 ff.).

«36 000 л сезама, тариф его 75 л, серебро его 8 мин,

300 кг шерсти, тариф ее 5 кг, серебро ее 1 мина,

²⁴ Как начальник тамкаров он упомянут в отчете о расходе серебра от 2/X 1815 г. до н. э. (СВД 52 8 Рим-Сина) и золота (СВД 66, время РС). Он же, видимо, выступил свидетелем при заключении одной из самых крупных сделок Бальмунамхе по приобретению недвижимости в городе Уре (YOS 5 122 — 1826). О нем же Бальмунамхе упоминает в одном из своих писем (AbB 14 173 = TCL 18 119).

²⁵ Два серебряных браслета и дорогая вышитая одежда были даны Ширбуни, видимо, лекару, когда выздоровела дочь Или-бани; и для нее же ювелиру Ибнатуму были выданы 4 сикля золота, вероятно, для изготовления украшений. 2 одежды, пять овец и 50 л очищенного масла были израсходованы, когда «девушка» (та самая дочь Или-бани?) была выдана замуж. Эти расходы были произведены, вероятно, из собственных фондов Убар-Шамаша, поэтому тариф не указан, а приводится только их стоимость в серебре.

(было получено) в 12-й год Варад-Сина (1823 г. до н. э.);
40 овец, тариф их 1 сикль, серебро их $2\frac{2}{3}$ мины,
(было получено) в 1-й год Рим-Сина (1822 г. до н. э.);
36 000 л сезама, тариф его 120 л, серебро его 5 мин,
(было получено) во 2-й год Рим-Сина (1821 г. до н. э.);
36 000 л сезама, тариф его 110 л, серебро его $5\frac{1}{3}$ мины $7\frac{1}{4}$ сикля 5 ше, (было получено) в 3-й год Рим-Сина (1820 г. до н. э.).

Это [сум]ма полная.

К месяцу нисануму, 29-му дню 4-го года Рим-Сина (1819 г. до н. э.)

20 мин $7\frac{1}{4}$ сикля 5 ше серебра

[было по]лучено Итти-Син-милки, начальником тамкаров города Зарбилум.

(Это) общая сумма, из нее (произведены следующие расходы):

49 одежд, тариф ее (одной одежды) 3 сикля, серебро их $2\frac{1}{3}$ мины 7 сиклей;

10 одежд, тариф ее 2 сикля, серебро их $\frac{1}{3}$ мины;

5 колец, серебро их $1\frac{2}{3}$ мины;

1 мина серебра (это) стоимость камня... и камня...;

2 браслета серебряных, вес их $18\frac{1}{2}$ сикля, (были выданы) дочери..., когда авилум с дочерью царя, которая в город Дер была выдана (замуж), в Зарбилум пришел;

[далее около 10 строк сильно поврежденных]

20 одежд, серебро их 1 мина $6\frac{1}{3}$ сикля, 20 одежд вышитых, серебро их 1 мина, 2 мины олова, тариф его 10 сиклей, серебро его 12 сиклей, (было выдано) во 2-й год Рим-Сина (1821 г. до н. э.);

1 одежда... [серебро ее ... сикл]ей, 11 одежд... [серебро их] $\frac{1}{2}$ [ми]ны 3 сикля, 2 браслета серебряных, вес их $\frac{1}{3}$ мины, (это) дар дочери Ур-Нанны, которая в дом Апилъ-куби была выдана (замуж);

10 сиклей се[ребра] для 2 парусов (?) для больших кораблей,

(было выдано) в 3-й год Рим-Сина (1820 г. до н. э.);

$\frac{1}{2}$ мины золота, тариф его $6\frac{1}{2}$ сикля, серебро его 3 мины 15 сиклей,

(это) дар (?) Гимиллumu;

20 одежд, тариф их $2\frac{2}{3}$ сикля, серебро их $5\frac{5}{6}$ мины $3\frac{1}{3}$ сикля, которые (были выданы) в качестве даров для приношений богине Иштар города Забалам.

(Всего) $17\frac{1}{3}$ мины 4 сикля серебра израсходовано. Остаток $2\frac{1}{3}$ мины $3\frac{1}{4}$ сикля 5 ше серебра,

(находится) у Итти-Син-милки».

Как видно из этого документа, Итти-Син-милки, начальник тамкаров города Зарбилума, важного культового центра богини Инанны-Иштар, в течение четырех лет (с 1823 по 1820 г. до н. э., т. е. с 12-го года правления царя Варад-Сина по 3-й год правления царя Рим-Сина) ежегодно получал от хозяйства продукты (сезам, шерсть, овец). Стоимость этих продуктов была пересчитана в серебре в соответствии с действовавшими тарифами. Общая сумма составила 20 мин $7\frac{1}{4}$ сикля 5 ше серебра (более 10 кг). Такой актив числился за Итти-Син-милки к 29-му числу I месяца 1819 г. до н. э.

За этот же период, т. е. за 4 года (1823–1820), Итти-Син-милки произвел расходы, которые заключались в выдаче отдельным лицам из числа персонала хозяйства серебра, золота, украшений, одежды, в том числе:

5 ²/₃ мины 5 ¹/₂ сикля серебра стоили 59 одежд, 5 колец, драгоценные (?) камни, 2 серебряных браслета, выданные по случаю свадьбы «дочери царя»;

⁵/₆ мины 3 сикля серебра (сумма неполная, так как не все цифры сохранились) стоили одежды и браслеты, выданные по случаю свадьбы дочери Ур-Нанны;

⁵/₆ мины 3 ¹/₃ сикля серебра стоимость одежд, которые были выданы в качестве даров для приношений богине Иштар города Забалам.

В пересчете на серебро на все эти выдачи было израсходовано 17 ¹/₃ мины 4 сикля серебра (около 8,5 кг). На этот раз сумма расходов оказалась меньше основной (полученной) суммы, и у Итти-Син-милки остался излишек актива на сумму в 2 ¹/₃ мины 3 ¹/₄ сикля 5 ше серебра, т. е. он остался должен хозяйству это количество серебра или соответствующее ему количество товаров. В среднем Идти-Син-милки ежегодно предоставлял хозяйству различные товары примерно на 4 мины 16 сиклей (2 кг с небольшим) серебра.

При подсчете стоимости каждой выдачи в серебре тариф в отчете указывается не всегда. Вероятно, часть выданных предметов/товаров была приобретена в обмен на полученные ранее от хозяйства продукты, и тогда в отчете приведен их тариф, а часть товаров была выдана из фондов самого начальника тамкаров, и в тексте приведена только оценка их стоимости в серебре (*šám*). В отчетах начальников тамкаров тариф (*kar*) упоминается в связи со следующими объектами: одежды, масло, металлы (золото, олово, медь, бронза). Отчетный период в двух приведенных выше документах частично совпадает, так что есть возможность сравнить упоминаемые в обоих отчетах тарифы на различные продукты.

Судя по этим документам, один тариф на сезам и шерсть действовал в городе Зарбилуме в 1823 г., 12-м году правления Варад-Сина, и в городе Ларсе в 1822 г., 1-м году правления Рим-Сина, т. е. в следующем по порядку году. Вероятно, действие тарифов, которые упоминаются в административных документах, распространялось не только на карум города Ларсы, но и на всю территорию Ларсского государства. Из этих же документов видно, что тарифы на сезам могли меняться каждый год: в 1823 г. они составляли 75 л сезама на 1 сикль серебра, в 1822 г. — также 75 л (TCL 10 17), в 1821 — 120 л, в 1820 — 110 л (YOS 5 207). Интересно, что начальник тамкаров Зарбилума в 1822 г. до н. э. получил от хозяйства не сезам и шерсть, как обычно, а только 40 овец, причем в тексте не указан тариф, а указана только их стоимость в серебре, по которой хозяйство передало их Итти-Син-милки. Возможно, в этот год в связи со смертью царя Варад-Сина и приходом к власти его брата Рим-Сина указы о тарифах вообще не были изданы и действовали тарифы предшествующего года.

Сам характер расходов у обоих начальников тамкаров был одинаковый. Это выдачи отдельным лицам из числа высшего персонала хозяйства и родичей царя дорогих одежд, украшений, драгоценных камней и металлов, причем выдачи эти не постоянные, а произведенные по определенному поводу, который часто указывается, например по поводу свадьбы, выздоровления от болезни,

путешествия и т. п. Также производилась оплата даров и подношений богам и некоторые другие важные расходы.

Лица, которые, как следует из отчетов начальников тамкаров, получают престижные товары, неоднократно упоминаются и в других документах из Ларсы, в том числе и в хозяйственных. Так, Ибнатум, получивший в 1822 г. до н. э. золото и серебро от Убар-Шамаша для изготовления украшений, в 1819 г. до н. э. получал золото для ювелирных работ (СВД 50). В 1824–1812 гг. до н. э. он неоднократно выступал свидетелем при сделках главы Дома Бальмунамхе (YOS 5 123, 125, 132, 145), причем в текстах часто указывается и его профессия — ювелир (kù.dim).

Во многих хозяйственных документах из Ларсы последней четверти 19 в. до н. э. упоминаются представители семьи Симмугра, жена которого по отчету от 1821 г. до н. э. получила 2 сикля золота от Убар-Шамаша. Где-то в окрестностях Ларсы существовало поселение, названное его именем. В 1819 г. до н. э. его дети (dumu.meš simmugra) получили 3 сикля серебра (TCL 10 39), в 1817 г. до н. э. его сын Цилли-Шамаш неоднократно получал из запасов государственного хозяйства масло (YOS 5 171, 172) и зерно (YOS 5 174).

Цилли-Иштар, который по отчету от 1821 г. до н. э. получил очищенное масло на 6 сиклей серебра, вероятно, тот же, кто в 1819 г. до н. э. в той же расходной ведомости на серебро, по которой «дети Симмугра» получили 3 сикля серебра (TCL 10 39), упомянут как контролер (gir). Под его ответственность 4 $\frac{1}{2}$ сикля серебра были израсходованы на покупку 15 бронзовых лопат и 1 $\frac{1}{2}$ сикля — на оплату повозок. Он же, возможно, отвечал за расход пива (YOS 5 167). Возможно, он же упомянут среди свидетелей Бальмунамхе в договоре от 1809 г. до н. э. (YOS 5 141): Цилли-Иштар, сын Син-римени, чиновник-шатамму.

Приведенные документы освещают одну сторону деятельности хозяйства по использованию произведенных в нем продуктов: реализацию части продуктов через торговых агентов-тамкаров, которые взамен поставляли в хозяйство серебро и престижные товары, распределявшиеся среди высшего персонала хозяйства.

Записи об общем количестве израсходованного в хозяйстве серебра. Периодически составлялись записи о суммарном количестве серебра, израсходованного в хозяйстве за истекшие год или два. Сохранился отчет такого рода за 1765–1764 гг. (в датировочной системе Ларсы это соответственно «год 29-й и год 30-й после взятия Исина»), составленный 26/XI 1764 г. до н. э. (YOS 8 165). Запись была сделана в двух вариантах — на табличке и на конверте, в который табличка была упакована. Поскольку есть некоторые различия в формулировках, приведем оба варианта²⁶.

Табличка: «9 $\frac{5}{6}$ мин серебра — это общая сумма. Из нее 9 $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра израсходовано за год 29-й и год 30-й (от взятия Исина). Вычитание (из общей суммы) произведено, и 16 сиклей серебра — (это) остаток. Ответственность Ахушуну. Месяц шабатум, день 26-й. Год 30-й после того, как Исин был взят».

²⁶ Транслитерацию текста см.: Козырева 1988: 181.

Конверт: «[9 $\frac{5}{6}$ мин серебра — это общая сумма.] (Из нее) 9 $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля серебра — [серебро] Дома, разные расходы. Ответственность Ахушуну. Расчет (расходов) вычтен, и остаток (составляет) 16 сиклей серебра. Расчет за год 29-й и год 30-й (от взятия Исина). Месяц шабатум, день 26-й. Год 30-й после того, как Исин был взят».

К документу была приложена печать Рим-Син-ливвира, который принадлежал к числу высших чиновников царской администрации, а во второй половине правления Рим-Сина, по-видимому, стоял во главе Дома. Расходы, произведенные за два года в Доме, составляли в 9 $\frac{1}{2}$ мины 4 сикля (примерно 4,8 кг) серебра.

Данные о внутреннем рынке. Официальные отчеты, составленные от имени начальников тамкаров, отражали только результаты взаимодействия торговой организации с крупными хозяйственными структурами. Однако деятельность карума, в том числе и по реализации продуктов и приобретению товаров за серебро, велась, по-видимому, постоянно. Этими операциями занимались не сами начальники тамкаров, а рядовые члены карума, которые вели свои повседневные расходно-приходные записи, на основе чего, вероятно, позднее составлялись обобщающие отчеты. Из Ларсы дошла небольшая группа документов такого рода, датированных 1793–1772 гг. до н. э.²⁷ Они представляют собой, по-видимому, архив человека по имени Манния. Он состоял на службе одного из членов торговой организации, тамкара Тизкаррума, который был одним из самых богатых горожан Ларсы. В текстах упоминается его хозяйство (*é tizqārum*), входившее, по-видимому, в структуру городского хозяйства-Дома (см. главу XVII). Архив Маннии состоял из служебных записей и документов частного-правового характера. Многие из этих текстов были написаны от первого лица, вероятно, самим Маннией. Также в архиве находились два частных договора и опись движимого имущества.

Манния постоянно расходовал сравнительно небольшие суммы серебра (примерно от 1 до 3 сиклей за 2–3 месяца) на повседневные нужды хозяйства. Он выдавал разным лицам и по разным поводам продукты (пиво, масло) и одежды, указывая в отчетах их стоимость в серебре, платил за продукты, которые приносили в хозяйство (вино, рыба), некоторые покупал сам (баранов, ослов). Периодически он составлял отчеты о своих расходах (*šiliptu*), в конце которых подсчитывал общую сумму расходов и указывал, откуда взял средства на них. Чаще всего источником этих средств указывался «капитал» (букв. «кошелек» — *kīsum*) Тизкаррума. Характер деятельности Манния больше всего напоминает деятельность шамаллума, помощника тамкарума (см. 3X § 104). Тизкаррум умер предположительно в 1784 г. до н. э. В двух записях архива упоминаются расходы на его погребение: одежды, кольца, браслеты, разного вида масла, пиво, финики и другие продукты, — все было оценено в серебре

²⁷ Документы этой группы, изданные в TCL 10, представляют собой отчеты о расходе серебра (№ 78, 86–88, 90, 92, 94, 100, 106, 108, 109, 127, 123), серебра и зерна (№ 107, 124), зерна (№ 97, 109), шерсти (№ 104), а также опись движимого имущества (№ 120) и два контракта — аренды склада (№ 101) и найма работницы (№ 137).

(TCL 10 92, 94). После этого Манния, по-видимому, работал посредником у других лиц, Энлиль-нацира и Син-рама, которые получали серебро на расходы от Большого Дома (дворца)²⁸.

Последние по времени документы этой группы представляют собой частно-правовые договоры, которые заключил сам Манния. В 1777 г. до н. э. он отдал двум лицам в наем на три месяца некую Уланишу (в договоре не указано, что она рабыня) за $1\frac{1}{3}$ сикля серебра (TCL 10 137). Получил 1 сикль, остальное серебро наниматели обязались уплатить, когда закончится срок ее найма. В следующем 1776 г. до н. э. он сдал в аренду помещение склада (*é ki.lam*, акк. *bīt mahīri*), какой была арендная плата, неизвестно, так как не все знаки на табличке сохранились (TCL 10 101). Такие склады были, вероятно, у тамкаров (см. TCL 11 219; Jean 53).

Деятельность Маннии, отраженная в документах архива, позволяет составить и некоторое представление об отдельных аспектах внутренней торговли. В отчетах о расходе серебра упоминается о покупке (*šām*) таких товаров, как кожаные изделия, изделия из камня, тростника, различные виды одежд (нижняя одежда, головные уборы, пояса), емкости, изделия из металла (меди и бронзы), золото, пряности, ароматические вещества. Упоминаются также оцененные в серебре продукты явно местного производства: зерно, растительное масло, свиное сало.

В отношении отдельных предметов, которые приобретал Манния, в отчетах указана не только их стоимость, но и имя лица, у которого они были куплены: «1 баран, серебро его $1\frac{1}{2}$ сикля 5 ше, что у Нуатума, трактирщика (*lú geštin. na*), был куплен» (TCL 10 87); « $\frac{1}{3}$ сикля 15 ше плата (*šām*) за осла, которого я у детей Цилли-Амурру купил и вместе с упряжью его авилуму отослал» (TCL 10 88); «(...у PN), который возле храма бога Амурру живет, я купил» (TCL 10 88).

Такого же рода указания на имя первоначального владельца, у которого была приобретена та или иная вещь, присутствуют и в документе, содержащем опись движимого имущества (украшения из серебра и камней, в том числе лазурита, мельничные жернова, печати, мебель), имевшегося в наличии у Маннии и Иштар-ламасси (его жены?). Документ (TCL 10 120 даты нет) был написан от первого лица, возможно, составителем был сам Манния. Во всяком случае, опись была сделана при жизни владельцев, поскольку в тексте указано, что часть драгоценных предметов находится «на шее» у владельца (лазуритовое ожерелье «на шее у Маннии», печать из гематита «на шее у Иштар-ламасси»)²⁹. В отношении некоторых предметов указано, у кого они были куплены: мельничный жернов за $3\frac{2}{3}$ сикля серебра, «который у Син-ерибама я купил»; мельничный жернов за

²⁸ Они получали зерновые выдачи, серебро и, возможно, шерсть из Большого дома (дворца). В одном случае Энлиль-нацир как будто назван «сыном царя» (TCL 10 97 27 [*dum*]u lugal]). Этим словосочетанием могли называть любого родственника царской семьи.

²⁹ Возможно, этот документ представлял собой нечто вроде завещательного распоряжения. Сбоку таблички была сделана приписка: «из всего, что имеется, $\frac{1}{10}$ бог Шамаш возьмет» (*i-na ka4-li-im ša ib-ba-aš-šu-ú i[gi.]10.gál d.utu i-le-qí*).

3 сикля, «который у Ипкатума, ниппурца, (*ipkātum lú Enlil.ki*) я купил»; мельничный жернов, серебро его 5 $\frac{1}{4}$ сикля, «который у Убар-Шамаша, сына Шамаш-[х], я купил»³⁰.

Данные о серебре в частноправовой сфере. В большинстве частноправовых договоров этого времени именно серебро указывается как средство платежа. Однако на практике во многих случаях серебро выступало исключительно как индекс стоимости. В текстах договоров почти никогда не указывалось качество серебра, а те количества серебра, которые в них упоминаются, часто были настолько малы по весу, что при существовавшей тогда в Месопотамии несовершенной практике измерений невозможно было избежать ошибок³¹. Для большинства населения главным способом приобретения необходимых товаров, был, вероятно, бартер.

В тех случаях, когда при заключении каких-либо договоров частного характера действительно использовали наличное серебро, это могло происходить только среди тех людей, в распоряжении которых серебро находилось в силу их служебного положения, но они составляли незначительную по численности группу из представителей элиты, торговцев, крупных чиновников. И тем не менее в начале II тыс. до н. э. количество этого металла, обращавшегося в городской экономике, и его роль в хозяйственной жизни горожан явно увеличились по сравнению с концом III тыс. до н. э. Государство в лице городской бюрократии, имело, по-видимому, своего рода монополию на наличное серебро и пыталось ее сохранять, однако небольшие количества этого металла постепенно попадали в более широкие социальные слои. Хозяйства, судя по записям Мании, по-видимому, действительно иногда расходовали небольшие суммы серебра на приобретение некоторых продуктов и изделий у населения, также какое-то количество серебра периодически попадало в руки персонала как праздничные выдачи или дары.

При этом наличное серебро (в виде металла) редко составляло часть наследственного имущества. В некоторых богатых городских семьях серебро имелось в виде женских украшений, входивших в состав приданого, приносимого невестой в дом жениха. Это были ручные и ножные браслеты и кольца, которые имели стандартный вес и могли, вероятно, в случае надобности использоваться при расчетах³². Те, кто в силу занимаемого положения имел некоторый доступ

³⁰ Имя продавца той или иной вещи, на покупку которой было израсходовано серебро, конечно, не случайно фиксировалось в отчетных документах. Это служило подтверждением того, что сделка действительно состоялась и серебро было потрачено. Можно вспомнить разделы 3X, в соответствии с которыми покупатель в случае спора из-за купленной вещи обязан назвать имя продавца, иначе его посчитают вором и казнят (§ 9–13).

³¹ Практика измерений в Месопотамии была несовершенна и приводила к значительным ошибкам. Неточное взвешивание в определенной степени, вероятно, ограничивало роль серебра как средства обмена (Powell 1979).

³² Шумерское слово *haḡ* (акк. *šewīrum*) означало не только кольцо, но также завиток из металла. Использование серебряных колец определенного веса в качестве платежного средства впервые зафиксировано в начале II тыс. до н. э. Большинство данных такого рода происходят из Ларсы, Сиппара, Ниппура (Powell 1978). Эти города были крупнейшими культовыми центрами, в которых при

к этому металлу, использовали его, чтобы обеспечить себя в старости или на случай болезни. Они вкладывали его в покупку храмовой должности (пребенды), которая приносила постоянный доход в виде доли от жертвоприношений, или покупали садовый участок с финиковыми пальмами, или раба/рабыню для работ по дому и уходу за хозяином.

Какой-то внутренний рынок в городской среде, несомненно, существовал, но торговля на этом рынке носила периодический/случайный характер и происходила главным образом в форме обмена одних продуктов первой необходимости на другие; и в этой сфере вряд ли сколько-нибудь широко использовалось серебро. Годы природных катастроф и неурожаев могли вызвать временное усиление товарно-денежных отношений, когда цены на продукты питания катастрофически росли в связи с ростом спроса на них. В обычное время роль внутреннего рынка, вероятно, не была существенной и не выходила за рамки одного из вспомогательных элементов общей хозяйственной деятельности.

Приложение

Тарифы-эквиваленты (каг) на основные продукты в пересчете на 1 сикль серебра по данным хозяйственных документов из Ларсы

Дата	Зерно	Шерсть	Сезам	Масло	Документ
1865–1850		3 кг			BIN 7 162
1825	410 л				YOS 5 202
1822		5 кг	75 л	15 л	TCL 10 17
1823		5 кг	75		YOS 5 207
1821			120 л		YOS 5 207
1820			110		YOS 5 207
1806			80 л		YBC 06205
1802		3 кг	80 л		YBC 06176
1789				16 л	TCL 10 87
1796				18 л	TCL 10 72
1749–1740	600 л				AbB 9 105
1749–1740	От 750 до 840 л				VS 18 100

храмах существовали специальные «монастыри», куда отдавали девушек из самых знатных городских семей, приносивших с собой и долю семейного имущества, в том числе и украшения.

**Тарифы (ganba/ki.lam) на основные продукты в пересчете
на 1 сикль серебра в городах Эшнунна, Ларса, Урук, Ашшур
по царским надписям**

	Ячмень	Масло растительное	Свиной жир	Шерсть	Финики	Мель	Условный прожиточный минимум на 1 год на 1 человека в пересчете на серебро	Документ
Эшнунна (около 1995 г.)	300 л	12 л	15 л	3 кг	—	1 ½ кг	3 ² / ₅ сикля	ЗЭ
Ларса Нур-Адад (1865–1850)	600 л	—	—	5 кг	3000 л	—	2 ¹ / ₅ сикля + масло	RIME 4, 148
Син-иддинам (1849–1843)	1200 л	30 л	50 л	7 ½ кг	3600 л	—	1 ¼ сикля 3 ше	RIME 4, 160
Урук Син-кашид (1865/60–1833)	900 л	30 л	—	6 кг		5 кг	1 ½ сикля 18 ше	RIME 4, 454 ff.
Ашшур Шамши- Адад (1792–1775)	600 л	20 л	—	7 ½ кг			2 сикля 24 ше	RIMA 1, 49 ff.

Глава XIX

Термин «раб/слуга» (ir) как статусный маркер в надписях на печатях из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э.

Печати и надписи на печатях в Месопотамии до начала II тыс. до н. э. Надписи на печатях из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э. Надписи типа «раб хозяйства/храма DN». Надписи типа «раб (царя) RN». Надписи «раб (царя) RN» на печатях из Эшнунны. Надписи «раб (царя) RN» на печатях из Ура. Надписи «раб (царя) RN» на печатях из других городов Южной Месопотамии: Исин, Урук, Ларса. Надписи «раб (царя) RN» на печатях времени правления I вавилонской династии. Изменения в надписях «раб (царя) RN» вследствие политических событий. Надписи на печатях типа «раб бога DN». Заключение.

Приложение. Две печати с надписями типа DN attrib. из собрания Государственного Эрмитажа (ДВ-6447, ДВ-6641).

Печати в Месопотамии до начала II тыс. до н. э. Важным и до сих пор недостаточно изученным источником по истории Южной Месопотамии являются изображения и надписи на печатях. До нашего времени материал месопотамских печатей дошел в двух вариантах. Собственно печати, сотни которых хранятся в разных музеях мира¹, и оттиски печатей на глиняных табличках с различного рода записями. Внешний вид печати, ее размер, форма, материал, из которого она изготовлена, многое могут сказать специалисту, однако главный

¹ Большая часть печатей изготавливалась из простых камней: песчаник, мыльный камень, гематит, гораздо реже использовали более дорогие камни — лазурит и диорит.

источник информации — это то, что было вырезано на печати и должно было остаться на глине при прикладывании печати к глиняной табличке, т. е. изображение, или надпись, или то и другое вместе².

Печати в Месопотамии появились задолго до возникновения письменности. Первоначально это были печати-штампы в форме зверей, розеток, ромбов и кругов с геометрическим орнаментом, которые были найдены археологами в слоях, относящихся к концу VI и к V тыс. до н. э. (Афанасьева 1979: 66). Такие печати прикладывались к кускам влажной глины (буллам), скреплявшим дверные запоры складских помещений, веревки, обматывавшие тюки с товарами или крышки сосудов. Появление письменности значительно расширило сферу применения печатей. Кроме опечатывания помещений и емкостей их стали прокатывать и на глиняных табличках, хотя вплоть до последних веков III тыс. до н. э. оттиски печатей на документах встречаются гораздо реже, чем на буллах, которыми опечатывали двери кладовых или корзины и сосуды с продуктами (Gibson 1977: 147).

В конце IV — начале III тыс. до н. э. печати-штампы постепенно стали вытесняться печатями цилиндрической формы³. Они представляли собой небольшие, высотой несколько сантиметров, цилиндры из раковин или камня, на боковой стороне которых вырезались разнообразные изображения. В центре по оси цилиндра просверливали отверстие, в которое продевали шнурок. На этом шнурке печать, вероятно, носили как украшение или амулет, и с помощью этого же шнурка, придерживая его с двух сторон, прокатывали печать по влажной глине, когда надо было поставить оттиск на документе или глиняной булле.

Самые ранние цилиндрические печати, с большими хорошо вырезанными изобразительными мотивами, были найдены в слоях конца IV тыс. до н. э. в Уруке и Джемдет Наср. Интересно, что в самом Уруке были найдены исключительно оттиски печатей на кусках глины или на табличках. В то же время в Джемдет Наср были найдены только сами печати и никаких оттисков на табличках. Уже на самых ранних стадиях существования цилиндрических печатей одновременно встречаются и печати с репрезентативными мотивами и печати с абстрактными или геометрическими мотивами.

² Особую ценность такого рода находки представляют для археологов, так как месопотамские печати можно довольно точно датировать по характеру имеющихся на них изображений и надписей. Учитывая датировку печати, есть возможность установить нижний уровень датировки того археологического слоя, где печать была найдена. Однако установить верхний предел датировки, т. е. точно рассчитать, используя находку печати, те хронологические рамки, в пределах которых мог возникнуть и существовать данный археологический слой, практически невозможно, поскольку мы не можем знать, сколько времени с момента своего изготовления печать просуществовала в самой Месопотамии и за ее пределами.

³ Исследователи по-разному объясняют причины этого массового и практически единовременного с исторической точки зрения перехода от печатей-штампов к цилиндрическим печатям. Преимущество последних заключалось, вероятно, в том, что их можно было откатать по всей поверхности опечатываемого предмета. Узор, вырезанный мастером на боковой стороне цилиндра, мог повторяться бесконечно. Варианты изображений также могли быть различными. Оттиск такой печати носил более индивидуальный характер, и его легче было идентифицировать с личностью владельца.

Надписи на печатях до начала II тыс. до н. э. Первые цилиндрические печати, сочетавшие изображение с надписью, появились в Месопотамии в середине III тыс. до н. э. Практика их использования была широко распространена вплоть до конца существования месопотамской цивилизации, т. е. в течение нескольких тысячелетий. Естественно, что характер изображения в разные эпохи существенно различался⁴. Значительно менялся и характер надписей⁵. На самых ранних печатях это были только имена бога (DN) или царя (RN), затем появились имена частных лиц (PN), имена с отчеством (PN dumu PN2) и, наконец, имена с указанием профессии или должности (PN prof./PN dumu PN2 prof.) и различные варианты с использованием этих компонентов (Gelb 1977: 107–126). Включение в надпись имени собственного решало проблему идентификации оттиска печати и личности ее владельца.

С самого начала своего появления печати имели, вероятно, и функциональное, и статусное значение. Для городской элиты середины III тыс. до н. э. печать играла прежде всего роль своего рода социальной эмблемы, социального маркера. Печати, изготовленные из дорогого привозного камня лазурита, были найдены почти во всех богатых могилах некрополя Ура (25 в. до н. э.), иногда их было даже несколько в одном захоронении. На многие такие печати надевались специальные колпачки из золота с петелькой наверху, за которую они прикреплялись к одежде как дорогое украшение.

Печати для лиц более низкого статуса изготавливались из простых камней (песчаника, мыльного камня, гематита) и имели четкое функциональное назначение. Сохранившиеся от этого времени оттиски печатей на документах из разных городов Южной Месопотамии (прежде всего из Лагаша) нередко содержат сведения о должности владельца печати. Среди них были ремесленники, пивовары, повара, пастухи, т. е. лица, исполнявшие профессиональные обязанности и обладавшие вследствие этого определенным социальным статусом⁶.

Во второй половине III тыс. до н. э. в правление царей династии Аккада (24–22 вв. до н. э.) наиболее распространенным видом надписи на печатях

⁴ Сложный вопрос о развитии характера изображений в месопотамской глиптике, о смене стилей соответственно смене исторических эпох является предметом изучения многих исследователей (Афанасьева 1979; Nissen 1986; Winter 1987).

⁵ Общие тенденции в развитии и изменении надписей на печатях из Месопотамии исследованы И. Гельбом, который систематизировал и описал типы и варианты таких надписей, а также привел таблицу надписей на месопотамских печатях, составленную на основе классификации более 1000 надписей, относящихся ко всем периодам истории Месопотамии (Gelb 1977).

⁶ По мнению П. Штайнкеллера, тот факт, что печати были у «простых» людей вроде повара или пастуха, говорит о том, что в это время не существовало каких-либо законодательных или социальных ограничений для владения печатями (Steinkeller 1996). Действительно, официальных ограничений, вероятно, не было. Тем не менее для большинства городского населения вопрос о владении печатями вообще не стоял, и не только потому, что ее изготовление требовало больших затрат, но и потому, что у них не было возможности или необходимости для ее применения. Само указание на профессиональный статус в надписи на печати, которая прикладывалась к административным документам, уже свидетельствует, по-видимому, о достаточно высокой позиции, которую владелец печати занимал в городских структурах, хотя современному исследователю социальный статус лиц, занимавших должности пастуха или повара, может показаться достаточно низким.

была надпись типа PN или PN dumu PN2⁷. В это же время в надписях на печатях впервые стали использовать термин *ir*, который обычно переводят как «раб/слуга»⁸. В таких надписях владелец печати, называя себя «рабом» царя, подчеркивал тем самым свою принадлежность к кругу царских слугителей.

Схема подобного рода надписи в аккадский период была такова: имя царя, титул или эпитеты, сопровождающие это имя, имя (отчество) и должность владельца печати, далее шли слова «раб твой» (RN attrib. PN prof. dumu PN2 *ir.zu*). Большая часть оттисков таких печатей сохранилась на глиняных буллах, которыми опечатывали двери хранилищ или емкости (сосуды, корзины). Такие печати производились в специальной мастерской, вероятно, по указаниюверху, и царь, возможно, сам наделял ими соответствующих чиновников. Если на престол всходил новый царь, то чиновнику, продолжавшему нести свою службу, изготавливали новую печать с именем правящего царя. Так, Лугаль-ушумгаль, правитель (*ensi*) города Лагаша, сначала пользовался печатью с именем царя Нарам-Сина, а позднее — с именем преемника Нарам-Сина Шаркали-шарри. На этой печати была следующая надпись: «Шар-кали-шарри, сильный муж, царь Аккада, Лугаль-ушумгаль, правитель Лагаша, твой раб» (Zettler 1977: 34).

В последующие полтора столетия, в период правления III династии Ура, количество документального материала интенсивно росло и соответственно возрастало и количество печатей и оттисков печатей на документах⁹.

По-прежнему использовались печати с надписью типа *ir.zu*, которая указывала на высокий служебный статус владельца. Однако возникла новая разновидность этой надписи, в которой подчеркивалась особая личная близость владельца печати к царю. Схема такой надписи была следующей: «Имя царя, титул, имя владельца печати, название должности, рабу своему он (царь) подарил (эту) печать». Исследователи называют такой тип печати «дарственным». Царь, вероятно, дарил такого рода печати своим сановникам в знак

⁷ Археологам удалось найти 125 печатей такого рода в слоях аккадского периода, однако табличек с оттисками печатей дошло не более десятка (Zettler 1977: 33–44).

⁸ Трудность адекватного перевода этого термина заключается в том, что он мог использоваться как для обозначения частного раба, т. е. человека совершенно определенно рабского статуса, так и для обозначения «свободного» человека, подчиненного более высокопоставленному лицу. В таком случае этот термин мог выражать лояльность, почтение или зависимость, служебную или личную. Дискуссию о правильном чтении и переводе этого термина можно найти в статьях И. Гельба (Gelb 1977) и Р. Цеттлера (Zettler 1977). Вопрос о том, что означал термин *ir* в контексте надписей на печатях, пока остается нерешенным. Соглашаясь в том, что он служил для выражения личного отношения владельца печати к божеству, хозяйству божества или царю, исследователи расходятся в понимании конкретного характера этих отношений.

⁹ Репертуар изображений на печатях времени правления III династии Ура был довольно ограниченным. Это было связано, возможно, с попыткой ввести стандартизацию и в эту область, чтобы четко обозначить место и объем власти носителя печати. Чаще всего изображали так называемую сцену презентации: личное божество подводит владельца печати к божеству или царю. При этом печати, на которых был изображен царь, принадлежали исключительно чиновникам высшего ранга, стоявшим в административной иерархии сразу после царя (Winter 1987).

расположения. О том, что такое дарение было знаком особой милости, говорит и тот факт, что печати эти очень малочисленны (Franke 1977: 61–66)¹⁰.

Довольно широко в это время были распространены печати из дешевого материала, нередко просто из глины, на которых не было никаких изображений, а только краткая надпись: имя и отчество владельца. Изготавливались они специально, по случаю, для тех, кто ранее не имел своей печати, но, оказавшись участником какой-либо сделки, должен был оставить оттиск своей печати на тексте договора. Чаще всего такие печати изготавливались для лиц, занимавших в долг или продававших свою недвижимость¹¹.

Таким образом, к началу II тыс. до н. э. история развития надписей на печатях насчитывала в Южной Месопотамии около 500 лет, пройдя несколько этапов. Вначале, судя по типологии И. Гельба, эти надписи содержали только имена богов, затем появились собственные имена людей, позднее к именам стали прибавлять отчество, еще позднее стали упоминать титул или должность владельца печати. Эти дополнительные указания или маркеры, которые со временем стали добавлять к имени владельца, расширяли рамки информации, которую несла надпись. Они придавали печати ту степень индивидуализации, которая была необходима, чтобы избежать путаницы или злоупотреблений при пользовании печатями. Начиная с аккадского времени надписи на многих печатях становились все более многозначными по содержанию. Появились многочисленные печати с надписями типа *ir.zu*, позднее «дарственные печати» и первые, пока еще очень редкие, надписи типа *ir RN/DN*. В надписях появилась информация не только о родственных связях (отчество) и служебном положении (название должности), но и о личных отношениях владельца печати с высшей властью: царем или божеством.

Надписи на печатях первой половины II тыс. до н. э. После распада государства III династии Ура в конце III тыс. до н. э. Южная Месопотамия вновь превратилась в конгломерат отдельных городов-государств. Новые царские династии в большинстве городов были основаны представителями аморейской племенной знати. Это было время необычайной политической и деловой активности, слабое отражение которой дошло до нас в виде многих тысяч административно-хозяйственных и частноправовых документов. На большинстве этих документов при их составлении были оставлены оттис-

¹⁰ В конце 20 в. до н. э. правитель Эшнунны Нур-ахум (около 2010–2000) породнился с вождем большой группы аморейских племен Абда-эле́м, выдав свою дочь замуж за его сына (см. гл. X). В знак своей приязни новому родственнику Нур-ахум подарил зятю печать с надписью, составленной по форме надписей на «дарственных печатях». В этой надписи сын аморейского вождя назван, конечно, не рабом, а зятем правителя. Это, по-видимому, самое раннее свидетельство наличия печати у представителя аморейской племенной знати. Сохранился оттиск этой печати, надпись на которой гласила следующее: «Нур-ахум, любимый богом Тишпаком, правитель Эшнунны, Ушашуму, своему зятю, сыну Абда-эла, главы амореев (эту печать) подарил» (RIME 4, 486).

¹¹ Этот самый простой по типу надписи и наиболее часто встречающийся вариант печати исследователи называют *burgul seal* по названию профессии мастера, изготавливавшего печати (шум. *bur.gul*, акк. *purkullum*).

ки печатей¹². Основной функцией печати по-прежнему оставалась функция удостоверительная. Оставив оттиск печати на документе, владелец печати тем самым подтверждал, что он знает о содержании документа и согласен с ним, а также берет на себя определенные обязательства в связи с его составлением.

Примерно на половине опубликованных к настоящему времени документов из Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. (административных и частноправовых) сохранились оттиски печатей¹³. Из них около трети оттисков содержит краткие надписи: имя (PN), отчество (FN), иногда профессия/должность (*prof.*), остальные надписи включали термин *ir*, т. е. «раб/служитель». При этом, если в предшествующий период термин «раб» встречался на печатях с надписями типа *ir.zu* и на «дарственных» печатях, то с начала II тыс. до н. э. практика использования печатей с такого рода надписями постепенно прекратилась, а взамен широкое распространение получили такие формулировки надписей с использованием термина *ir*, которые встречались раньше только в единичных экземплярах (Gelb 1977: 120). В это время существовали три основных варианта надписей, включавших термин *ir*: владелец печати мог называть себя «рабом хозяйства/храма бога...» (*ir é DN*), «рабом (царя) RN» (*ir RN*), «рабом бога...» (*ir DN*). Отдельную небольшую группу составляли печати, в надписи на которых упоминалось только имя божества (DN) или имя божества в сопровождении эпитетов (*DN attrib.*)¹⁴. Встречались единичные случаи комбинированных надписей: «раб бога DN и царя RN» (Нанна-мансум, предсказатель, раб бога Нанны и (царя) Нур-Адада; Goetze 1950: 113).

Количественное соотношение трех разных вариантов надписей с использованием термина *ir* достаточно показательно¹⁵ и позволяет поставить вопрос о том, какое место в общественной структуре города занимали те группы населения, которые в надписях на своих печатях называли себя «рабами» хозяйства/храма, царя или божества, и какое значение вкладывалось в этих случаях в термин *ir*. Изучение и сопоставление упоминающихся в надписях собственных имен, должностей, имен богов и царей, рабами которых могли называть себя владельцы печатей, дает возможность в ряде случаев установить иерархию

¹² Множество оттисков печатей, которые были сделаны в этот период при составлении документов, сохранились на поверхности глиняных табличек до нашего времени и были опубликованы современными исследователями вместе с текстами (в основном в автографии). Многие оттиски были сделаны не на самой табличке, а на глиняном конверте, в который ее упаковывали, но конвертов дошло до нас очень мало. В ряде случаев оттиски прокатывали по глине очень слабо, и прочесть написанное невозможно. Значительная часть оттисков, приведенных в изданиях, сохранилась только частично. В данной работе учитывались только те оттиски, которые сохранились полностью или в такой мере, чтобы можно было судить о типе надписи.

¹³ В данном разделе использованы автографии (копии) надписей на печатях, оставленных на документах, опубликованных в следующих изданиях: BIN 7, TS, TIM 5, YOS 5, 8, 12, 14, UET 5, JCS 1950, IV/2; VS 18; LER, TCL 10–11. Всего в данной работе был использован 3621 документ.

¹⁴ По смыслу надписи такого рода были, по-видимому, близки надписям типа «раб бога DN», см. приложение.

¹⁵ Из 1170 достаточно хорошо сохранившихся оттисков печатей, сохранившихся на этих документах, термин *ir* упоминается в 740 надписях. Словосочетание «раб бога DN» встречается в 634 надписях (85,6 %), «раб хозяйства DN» — в 10 надписях (1,3 %), «раб царя RN» — в 96 надписях (12,9 %).

должностей в крупных хозяйствах, религиозные предпочтения, родственные связи и даже этническую принадлежность владельцев печатей (Charpin 1990; 1992; Козырева 1997; 1998; 2002).

Надписи типа «раб хозяйства/храма DN». Группа печатей с надписями типа PN *ir é DN* самая малочисленная. Большинство оттисков печатей с такого рода формулярами сохранилось на административно-хозяйственных документах, учитывавших поступление и расход продуктов в хозяйстве. Владельцы таких печатей называют себя «рабами» хозяйства/храма бога Нанны/Сина в Уре (UET 5 430, 476; YOS 5 47, 51, 52), бога Уту/Шамаша в Ларсе (YOS 12 546), богини Нинсианны, тоже видимо, в Ларсе (СВД 31). Почти все надписи этой группы содержат указание на профессиональный статус владельца, во всех случаях это писец (*dub.sar*). В единственном случае, когда это упоминание отсутствует в самой надписи на печати, оно имеется в тексте документа, где среди свидетелей указано и имя владельца печати, и его должность — писец (СВД 31). Термин *dub.sar* нередко использовался как почетная приставка к имени, свидетельствуя о принадлежности данного лица к элитному высокообразованному слою городского населения.

Присутствие в надписи на печати упоминания о высоком должностном статусе владельца, несмотря на малочисленность оттисков с такого рода надписями, дает основание предположить, что владельцы таких печатей, называя себя «рабами» хозяйства божества, имели в виду свое служебное положение в системе внутрихозяйственной иерархии. Термином «раб» в такой ситуации обозначалась, по-видимому, принадлежность к административному персоналу хозяйства.

Надписи «раб (царя) RN». Более распространенным типом надписи на печати с упоминанием термина «раб», были в этот период надписи типа *ir RN*, в которых владелец печати называл себя «рабом (царя) RN». Они составляют более 12 % всех сохранившихся оттисков, в которых встречается термин «раб» (*ir*). Предшественниками таких надписей были, вероятно, надписи типа *ir.zu*, о которых упоминалось выше.

Эта замена (*ir.zu* на *ir RN*) произошла не сразу. Оттиски печатей с довольно широко распространенной в предшествующий период надписью типа *ir.zu* изредка встречаются на документах из Южной Месопотамии (Исина, Ура, Ларсы, Эшнунны), датированных 20-м и началом 19 в. до н. э. Некоторое время прежним оставался не только сам формуляр надписи, но, по-видимому, и чисто служебное функциональное назначение такого рода печатей, обладание которой свидетельствовало о высоком служебном положении ее владельца, достигнутом в результате длительной административной карьеры, и о весьма широком круге его обязанностей и полномочий.

Так, например, в многочисленных хозяйственных документах из Ларсы времени царя Сумуэля (1894–1866), связанных с регистрацией расходов масла по случаю различных религиозных церемоний, часто упоминается имя писца Лу-Ниншубур, сына Куданума. На некоторых документах сохранились оттиски его печатей. Вначале он пользовался обычной печатью с надписью типа PN *prof. dumu PN2* (YOS 14 seal 96):

lú.d.nin.šubur	Лу-Ниншубур,
dub.sar	писец,
dumu <i>ku-da-nu-um</i>	сын Куданума.

Через некоторое время он стал прикладывать к документам новую печать с более пространной надписью, свидетельствовавшей, по-видимому, о его успехах по службе (YOS 14 seal 106):

<i>su-mu-i-lu</i>	Сумуэль,
lugal.kalag.ga	царь великий,
lugal šeš.unug.ki- <i>ma</i>	царь Ура,
lugal ki.en.gi ki.uri.ke ⁴	царь Шумера и Аккада,
lú.d.nin.šubur	Лу-Ниншубур,
dub.sar	писец,
dumu <i>ku-da-nu-um</i>	сын Куданума,
ir.zu	раб твой.

Такого рода пространные надписи, напоминавшие фрагменты царских посвяtitельных текстов, делали изготовление печати очень трудоемким и дорогим. Кроме того, первые строки таких надписей, прославляющие царя, как бы отодвигали на второй план личность самого владельца печати. С начала II тыс. до н. э. такие громоздкие надписи, часто напоминавшие фрагменты синхронных им царских посвяtitельных текстов, стали заменяться более лаконичными, в которых опускалась первая часть надписи, содержащая многочисленные эпитеты, сопровождавшие имя царя. По мере того, как стало увеличиваться количество печатей с упоминанием имени царя, надписи на них становились все более лаконичными и четкими. Как происходили эти изменения, можно видеть на примере оттисков печатей на документах из Эшнунны этого времени.

Надписи «раб (царя) RN» на печатях из Эшнунны. Данные из Эшнунны свидетельствуют, что и здесь использование выражения «раб» царя RN» в надписи на печати было показателем высокого служебного положения владельца печати в городской административной иерархии. В Эшнунне «рабом (царя) Дадужи» (1819–1785), а затем его преемника Ибалпиеля (II) (1785–1762) называл себя главный управитель хозяйства (*sanga*) богини Иштар (RIME 4, 567, 579). Его брат, наследовавший ему в этой должности, также называл себя «рабом (царя) Ибалпиеля (II)» (TIM 5 2; RIME 4, 580).

Владение и распоряжение недвижимостью в Эшнунне, как и в других городах Южной Месопотамии, находилось в это время под строгим контролем городской администрации. Этот контроль осуществляли специальные чиновники, каждый из которых имел свою личную печать. Прикладывая эту печать к документу с записью договора, они удостоверяли законность данной сделки с недвижимостью (Whiting 1977: 67–74). Сохранилось более 60 документов такого рода, охватывающих период около ста лет (1950–1850).

К документам прилагали свои печати и непосредственные участники сделок (продавцы). Печати этих лиц, судя по форме знаков, изготавливались довольно

небрежно для разового использования по случаю заключения сделки и содержали надписи краткого типа (*bur.gul*), упоминающие только имя и отчество владельца.

Большинство печатей чиновников, приложенные к этим документам, содержали надписи типа *ir.zu*, но на самых поздних по времени табличках, когда правителем Эшнунны был Белакум (1890–1880), сохранились оттиски других печатей этих же чиновников с более лаконичными надписями. Должность чиновника-контролера, как и большинство административных должностей, передавалась по наследству в рамках семьи или рода. В правление Белакума ее занимали братья Эннам-Син и Лалум, сыновья некоего Иддин-Амурру, исполнявшего ту же должность ранее. Оба они имели свои печати, так же как в свое время и их отец. Надпись на печати Эннам-Сина, видимо старшего брата, представляла собой типичный вариант надписи типа *ir.zu* (RIME 4, 535):

<i>[be-la-kum]</i>	Белакум,
<i>na-ra-am d.tišpak</i>	любимый богом Тишпаком,
<i>ensī aš.nun.na.ki</i>	правитель Эшнунны,
<i>en.num.d.EN.ZU</i>	Эннум-Син,
<i>dub.sar dur.šub.ba</i>	писец...,
<i>dumu i-din-d.mar.tu</i>	сын Иддин-Амурру,
<i>ir.zu</i>	раб твой.

Надпись на печати младшего брата Лалума была несколько короче (RIME 4, 536):

<i>be-la-kum</i>	Белакум,
<i>ensī aš.nun.na.ki</i>	правитель Эшнунны,
<i>la-lu-um dub.sar</i>	Лалум, писец,
<i>dumu i-din-d.mar.tu</i>	сын Иддин-Амурру,
<i>[ir.zu]</i>	раб твой.

Впоследствии Лалум сменил эту печать на другую с еще более лаконичной надписью (RIME 4, 536):

<i>la-lu-um</i>	Лалум,
<i>dub.sar.dur.šub.ba</i>	писец...,
<i>dumu i-din-d.mar.tu</i>	сын Иддин-Амурру,
<i>ir be-la-kum</i>	раб Белакума.

Именно такой формуляр надписи: «PN (должность), сын PN2, раб RN» чаще всего использовался на печатях, принадлежавших «рабам» царя на всей территории Южной Месопотамии в первой половине II тыс. до н. э.

Почти все документы первых веков II тыс. до н. э., на которых сохранились оттиски такого рода надписей, представляли собой записи различных расходов и регистрацию выдачи продуктов по случаю религиозных праздников и цере-

моний. В одних случаях «рабы (царя) RN» сами получали продукты, в других удостоверяли правильность расходной записи, прикладывая к документу свою печать. В большинстве надписей (примерно в $\frac{2}{3}$) на этих печатях указывается только имя и отчество владельца печати, а должность, которую он занимал, остается неизвестной. Однако по характеру текстов, на которых они сохранились, можно вполне определенно утверждать, что эти люди принадлежали к кругу высшей администрации и их деятельность была тесно связана с крупными городскими хозяйствами.

Примерно треть надписей на этих печатях содержит указания на должность или профессиональный статус владельца печати. Чаще всего в этих надписях владелец назван «писцом» (dub.sar). Слово «писец», как уже упоминалось выше, в это время часто использовалось как маркер, указывавший на степень образованности и на принадлежность к высшим кругам служебной иерархии.

Надписи «раб (царя) RN» на печатях из Ура. В городе Уре, бывшей столице правителей III династии Ура, было множество храмов, главные из которых принадлежали богу Нанне/Сину и его супруге богине Нингаль. В хозяйства этих храмов поступало огромное количество самой разнообразной продукции, которая затем распределялась между персоналом храмов и горожанами. Очень важной в этой системе была должность «начальника канцелярии» или «архивариуса» (gá.dub.ba, акк. *šandabakku*), под руководством которого велся тщательный учет этих материальных ресурсов.

Самый ранний оттиск печати, в надписи на которой служитель хозяйства бога Нанны назван «рабом» царя, относится ко времени Липит-Иштара, царя Исина (1936–1926), под властью которого одно время находился город Ур. Липит-Иштар занимался там строительной деятельностью по крайней мере до 1930 г. до н. э. (RIME 4, 61):

d.li-pí-it-eš4-tár	Липит-Иштар,
lugal.kalag.ga	царь великий,
lugal.uri5.ki-ma	царь Ура,
a.a.du10.ga	Айадуга,
gudu4.abzu.d.nanna	служитель-гудапсу бога Нанны,
ù šitax.èš	и служитель šita-eš,
dumu.du11.ga.zi.da	сын Дугазиды,
ir.zu	раб твой.

С этого времени и вплоть до разрушения Ура Самсуилуной около 1738 г. до н. э. целый ряд представителей высшей администрации хозяйств богов Нанны и Нингаль называли себя в надписях на своих печатях «рабами» царя. Во второй половине 19 в. до н. э. должность архивариуса хозяйства Нанны занимал некий Ку-Нингаль. Его сын Ур-Нанна вначале был служителем-гудапсу, а с 1828 г., вероятно после смерти отца, также занял должность архивариуса. Исполняя в течение многих лет эту высокую должность, Ур-Нанна сменил несколько печатей, оттиски которых сохранились на документах из Ура, датированных

1832–1818 гг. Первой из них он пользовался еще при жизни отца в 1832–1829 гг. до н. э. (YOS 5 46–53):

ur.d.nanna	Ур-Нанна,
gudu4.abzu	служитель-гудапсу,
dumu kù.d.ningal	сын Ку-Нингалья,
gá.dub.ba d.nanna	архивариуса бога Нанны,
ir ir-d.EN.ZU	раб (царя) Варад-Сина.

После смерти Ку-Нингалья Ур-Нанна унаследовал должность архивариуса бога Нанны и стал пользоваться новой печатью. Ее оттиски сохранились на документах, датированных 1825–1818 гг. до н. э. (YOS 5 122; UET 5 476, 430):

ur.d.nanna gudu4.abzu	Ур-Нанна, жрец-гудапсу,
gá.dub.ba d.nanna	архивариус бога Нанны,
dumu kù.d.ningal	сын Ку-Нингалья,
ir ir-d.EN.ZU	раб (царя) Варад-Сина.

Припечатывая в конце 1821 г. до н. э. договор о продаже хозяйством Нанны участка заброшенной городской земли, Ур-Нанна почему-то воспользовался еще одной печатью (Anbar, Stol 1991: 32–33)¹⁶:

ur.d.nanna gudu4.zu(!).ab	Ур-Нанна, служитель-гудапсу,
gá.dub.ba d.nanna	архивариус бога Нанны,
dumu kù.d.nin.gal	сын Ку-Нингаль,
<ir> i[r -d.E]N.ZU	<раб> Ва[рад-Си]на.

Известно, что Ур-Нанна был родом из знатной городской семьи (Charpen 1986: 46–48; Дьяконов 1990: 410). Сохранилось несколько писем к нему от отца царя Варад-Сина Кудур-мабука и от Рим-Сина, младшего брата и наследника царя (UET 5 36, 75). Содержание и тон этих писем свидетельствуют о весьма уважительном отношении к нему царского семейства. Будучи еще служителем-гудапсу, Ур-Нанна в силу своего происхождения уже занимал высокое положение и входил в круг «рабов (царя) Варад-Сина». Такое наименование в надписи на печати было для него скорее почетной наградой, знаком его высокого социального статуса, чем служебным званием. Об этом говорит и тот факт, что Ур-Нанна не сменил надписи на своей печати после смерти Варад-Сина, но пользовался ею и при преемнике Варад-Сина Рим-Сине (UET 5 476).

¹⁶ Надпись на печати, как замечает издатель, сделана очень неаккуратно и не совсем точно. В первой строке два знака поменялись местами (zu.ab вместо ab.zu). Знаки в последней строке составляют имя правящего царя, Варад-Сина (ir-d.EN.ZU), которое можно перевести как «раб бога Сина». Можно предположить, что небрежный изготовитель печати на третьей строке надписи вместо необходимых двух подряд знаков ir вырезал только один такой знак. В силу каких конкретных обстоятельств была использована эта дефектная печать, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Оттиски печатей двух других лиц, последовательно занимавших должность архивариуса хозяйства бога Нанны, Син-икишама и его сына Илшу-иббишу, относятся уже ко времени правления в Уре I вавилонской династии. Оба они в надписях на своих печатях также называют себя «рабами (царя) RN» (RIME 4, 362, 365):

d.EN.ZU-*iqí-ša-a[m]*
gá.dub.ba gudu4.abzu d.nanna
dumu dingir-*šu-i-bí-šu*
ir ha-am-mu-ra-pi

Син-икишам,
архивариус, служитель-гудапсу бога Нанны,
сын Илшу-иббишу,
раб Хаммурапи.

dingir-*šu-i-bí-šu*
gá.dub.ba gudu4.abzu d.nanna
dumu d.EN.ZU-*iqí-ša-am*
ir sa-am-su-i-lu-na

Илшу-иббишу,
архивариус, служитель-гудапсу бога Нанны,
сын Син-икишама,
раб Самсуилуны.

На том же документе, который сохранил оттиск печати Илшу-иббишу, имеется оттиск печати еще одного «раба (царя) Самсуилуны», занимавшего такую же храмовую должность (RIME 4, 395):

[x x]-úh-pu-um
gá.dub.ba d.nanna
dumu dingir.*pi4-šu* gudu4.abzu
ir sa-am-su-i-lu-na

[x x]-ухпум
архивариус бога Нанны,
сын Анум-пишу, служителя-гудапсу,
раб Самсуилуны.

Означает ли это, что должность архивариуса хозяйства бога Нанны в этот момент одновременно занимали два лица, неясно. Однако достаточно определенно можно сказать, что высшие должности, связанные с деятельностью одного из самых крупных хозяйств города Ура, хозяйства бога Нанны, во второй половине 19-го и в 18 в. до н. э. переходили по наследству от отца к сыну, а лица, эти должности занимавшие, по-видимому, тесно взаимодействовали с высшей царской администрацией, и многие из них входили в число «рабов (царя) RN».

Вторым по значению и масштабам в Уре было, по-видимому, хозяйство супруги бога Нанны богини Нингаль, некоторые из высокопоставленных служителей которого, судя по оттискам их печатей, также называли себя «рабами (царя) RN». Главой одной из семейных династий, связанных с этим хозяйством, был некий Нади. Имя Нади упоминается в текстах из Ура еще при царе Шульги (2093–2046)¹⁷. Гораздо позднее в документах, составленных около 1923–1906 гг. до н. э. имя Нади вновь появляется в текстах, представляющих собой, по всей видимости, отчетные документы из архива хозяйства богини Нингаль. Это записи выдач продуктов (масло, сыр, финики) служителям-гуда для исполнения

¹⁷ Сохранился оттиск печати некоего Нади на двух документах, связанных с деятельностью налогоплательщицы царя Шульги по имени Эа-нита. Причем это были, по-видимому, две разные печати, так как характер расположения знаков в надписях на печатях различается. В надписях на печатях Нади называет себя «рабом Эа-нита» (Steinkeller 1979: 190).

каких-то культовых церемоний. Сам Нади упоминается в записи от 1908 г. до н. э. как получающий масло со склада для праздника (UET 5 734). На документах была оттиснута и его печать, в надписи на которой, сделанной по старому формуляру типа *ir.zu*, упоминается, что он был служитель-гуда и «раб (царя) Липит-Иштара», царя Исына, под властью которого некоторое время находился и Ур. По-видимому, печать была изготовлена в то время, когда Исин контролировал Ур. Правда, в момент составления документа, на котором был оставлен ее оттиск, город Ур находился уже под контролем царя Гунгунума из династии Ларсы¹⁸.

В других документах этой группы Нади как действующее лицо больше не фигурирует, но зато в целом ряде аналогичных документов упоминается «сын Нади» (*dumu na-di-i*), который получал продукты, а в ряде случаев в тексте указано, что к документу была приложена печать «сына Нади». При этом на одном из документов с такой припиской оттиснута печать самого Нади (UET 5 778). Сын Нади, которого звали Ку-Лугальбанда, так же как и его отец, был служителем хозяйства богини Нингаль. Сохранились оттиски трех разных печатей Ку-Лугальбанды, сына Нади, оставленные на документах, относящихся ко времени правления трех царей Ларсы: Гунгунума (1932–1906), Абисаре (1905–1895) и Самуэля (1894–1866). На самых поздних по времени документах, относящихся, по-видимому, к началу правления Сумуэля, в надписи на своей печати Ку-Лугальбанда называл себя «рабом (царя) Сумуэля»¹⁹.

К тому времени, когда Ку-Лугальбанда стал пользоваться этой печатью, его старший сын, носивший семейное имя Нади, по-видимому, уже занимал высокое положение в администрации хозяйства богини Нингаль. Его печать была приложена к пространной записи расходов (UET 5 768 — 1866). К сожалению, сохранилась только верхняя часть надписи: «Нади, сын Ку-Лугальбанды». Другими сведениями об этом представителе семьи Нади мы не располагаем. Вероятно, у Ку-Лугальбанды был и другой сын, также служивший в хозяйстве богини Нингаль. Его печать приложена к ряду расходных документов (UET 5 780, 783, 786). На одном из них (UET 5 777), составленном в 1807 г. до н. э., т. е. в 16-м году правления царя Рим-Сина, сохранился оттиск его печати²⁰.

¹⁸ *d.li-pi-it-eš4-tár* Липит Иштар,
[*lugal*] *kalag.ga* [царь] великий,
[*lu*] *gal i-si-in.ki* [ц]арь Исына,
na-di Нади,
gudu4.abzu служитель-гудасу,
[...] [...],
dumu [x] сын [x],
[*ir.zu*] [раб твой].

(UET 5 734, collation by M. Van de Mieroop, информация была получена от И. М. Дьяконова).

¹⁹ *kù.lugal.bàn.da//šita x.èš//d.nin.gal* (UET 5 732, 617),
kù.lugal.bàn.da//šita x.èš//d.nin.gal//dumu na-di (UET 5 741, 744–746, 748–750, 755, 782),
kù.lugal.bàn.da//šita x.èš//d.nin.gal//dumu na-di//ir su-mu-el (UET 5 766, 767, 784).

²⁰ *ir.d.nanna* Варад-Нанна,
agrig é d.nin.gal служитель-агриг хозяйства богини Нингаль,
dumu kù.lugal.bàn.da сын Ку-Лугальбанды.
(UET 5 777, 780, 783, 786)

Царем Ура в это время был уже седьмой преемник Сумуэля — Рим-Син, но семья Нади, по-видимому, сохраняла свое высокое положение в хозяйстве богини Нингаль, хотя и не была, вероятно, близка к новой династии. Таким образом, имена представителей нескольких (трех или четырех?) поколений этой семьи (даже если не принимать во внимание их гипотетического предка, жившего в Уре при Шульги) упоминаются в административных записях хозяйства богини Нингаль на протяжении более чем ста лет. Все это время семья сохраняла высокое положение в администрации хозяйства, передавая по наследству важную должность в хозяйстве богини Нингаль, супруги бога Нанны, главного бога города Ура.

Двое из известных нам представителей этого семейства входили в число «рабов (царя) RN», сначала царя Исына Липит-Иштара, а позднее царя Ларсы Сумуэля. «Рабом (царя) Абисаре» называл себя в надписи на печати и сын главного служителя (*sanga*) этого храма, живший при царе Абисаре (1905–1894), предшественнике Сумуэля (YOS 14 seal 88).

Надписи «раб (царя) RN» на печатях из других городов Южной Месопотамии. Исин. На текстах 20–19 вв. до н. э. из Исына, цари которого считали себя прямыми преемниками царей III династии Ура и старались поддерживать традиции этой династии, сохранились оттиски печатей с надписями типа *ir.zu/ir RN*. Судя по этим надписям (RIME 4, 6–106), в круг «рабов (царя) RN» здесь входили помимо писцов ремесленники, представители обслуживающего и административного персонала: пивовар, маслодел, плетельщик корзин, главный строитель, главный эконо́м (*agrig*), управитель (*šabra*), а также начальник трудовых и воинских ресурсов (*gir.nita*). Примерно в то же время, когда в Уре в должности архивариуса хозяйства бога Нанны служили представители семьи Ку-Нингаль, в том числе его сын Ур-Нанна, называвший себя «рабом (царя) Варад-Сина», в Исине в хозяйстве главного бога города, бога Даму, многие важные должности на протяжении ряда поколений занимала семья некоего Адатума²¹. На договоре о разделе между потомками Адатума наследственных должностей в хозяйстве бога Даму были оттиснуты печати четырех братьев, один из которых в надписи на своей печати называл себя «рабом (царя Исына) Син-магира» (YOS 14 328 — 1818).

Урук. На нескольких сохранившихся печатях этого времени из Урука владельцы печатей называют себя «рабами (царя) RN». В их числе было два человека, занимавших должность управителя канцелярии или архивариуса (*gá.dub.ba*). Один из таких архивариусов по имени Анум со временем сам стал царем Урука (RIME 4, 467, 474, 481, 483).

Ларса. На большой группе хозяйственных записей середины 19 в. до н. э. из Ларсы сохранились оттиски печатей двух братьев, судя по именам, аморейского происхождения, Эшуб-или и Эмциума, сыновей Ганинанума. Оба они

²¹ Аморейское имя *Adata/Adatum* (Buccellati 1966: 129) в опубликованных документах из Исына упоминается как будто только один раз. Так звали одного из амореев, который вместе с остальными получал изделия из кожевенной мастерской (YOS 14 316, 51).

в надписях на своих печатях называли себя «рабами (царя) RN». Первый — царя Абисаре, второй, вероятно младший, — его преемника Сумуэля. В надписи на печати Эмциума указана и его должность. Он был начальником рабочих отрядов (*ugula uku.ús.sag.ga*), выполнявших различные работы по рытью и очистке каналов. Оттиски печатей братьев сохранились в основном на документах, в которых фиксировалось количество приведенных работников (BIN 7, 11–12).

«Рабами (царя) Нур-Адада», правившего в Ларсе в 1865–1850 гг. до н. э., помимо тех, кто указывал в надписи на печати только свое имя и отчество, называли себя такие должностные лица, как «начальник города» (*ugula ugu*) и корабельщик (*ma.lah4*). При этом оттиски их печатей сохранились на документах, составленных уже в начале 18 в. до н. э. в правление царя Рим-Сина (YOS 8 7, 26, 39, 44, 56), т. е. как минимум через полвека после изготовления самих печатей. Очевидно, в этих случаях печати использовались потомками их владельцев. Печать с надписью типа *ig RN*, по-видимому, совершенно неоспоримо подтверждала легитимность договора, на тексте которого был оставлен ее оттиск. И это не зависело от того, был ли жив владелец печати, чье имя значилось в надписи, или царь, «рабом» которого он себя называл, или же печать использовали наследники, внуки или даже правнуки первоначального владельца. Сходная ситуация, когда печать «раба (царя) RN» использовал сын владельца печати, по-видимому после смерти последнего, зафиксирована в документах семьи Бальмунамхе из Ларсы (см. ниже).

Таким образом, в начале II тыс. до н. э., судя по сохранившимся надписям на печатях, представители высшей городской администрации, и прежде всего, высший административный и культовый персонал хозяйств главных городских богов, поддерживал тесные связи с центральной властью. Во многих случаях эта связь носила неформальный характер и сопровождалась непосредственными близкими отношениями между этими лицами и царем. Маркером этой близости и соответственно высочайшего общественного статуса данного лица была надпись на печати, в которой ее владелец называл себя «рабом (царя) RN».

Отношения между царем и теми, кто называли себя в надписях на своих печатях его «рабами», подразумевали определенные права и обязанности обеих сторон, которые не ограничивались чисто служебными рамками. «Рабы (царя) RN» часто делали подношения в храм в виде различных драгоценных предметов с посвятительными надписями «за жизнь царя» (RIME 4, 106, 126, 134, 262 и др.). В свою очередь, и цари награждали и возвеличивали своих «рабов» с помощью богатых подношений в храмы. Так, Син-икишам, царь Ларсы (1840–1836), «для прославления бога Энлиля» приказал изготовить из бронзы 14 статуй своих «рабов». На каждой статуе было высечено имя и отчество того, кого она изображала. Были также установлены размеры регулярных приношений этим статуям, состоявшие из нескольких видов хлеба, пива и вина (точные цифры не сохранились). Статуи были установлены в храме Экур в Ниппуре. Это событие описано в датировочной фор-

муле 4 года правления Син-икишама (RLA II, 159), а также в царской надписи, которая была, вероятно, высечена на камне, но до нашего времени дошла в плохо сохранившейся копии на глиняной табличке, найденной в Ниппуре (RIME 4, 190–196). В конце надписи царь перечисляет страшные кары, которые постигнут того, кто посмеет сделать что-то неподобающее со статуями (сдвинуть их с места, загородить другими статуями, снять с них драгоценные украшения, заменить другими имена «моих рабов», написанные на них, или убрать статуи в хранилище) или прекратит поступление к статуям регулярных приношений.

В текстах этого периода, помимо надписей на печатях, выражение PN *ir* RN, в котором упоминалось бы имя собственное царя, не встречается. В письмах изредка встречается словосочетание «рабы царя» (*ir.meš lugal*, AbB 9 92) и даже «благородные рабы царя» (*awīlē wardī šarrim*, AbB 3 52). Во всех этих случаях, как видно из общего содержания писем, имеется в виду группа лиц, близких царю и обладающих определенными полномочиями, которые в конкретных случаях, связанных в основном с внутривластными расчетами, представляли собой, по-видимому, высшую инстанцию для разрешения хозяйственных служебных споров.

«Рабы (царя) RN» в надписях на печатях, вероятно, идентичны этой группе лиц. В первые века II тыс. до н. э. в ее состав входили представители высшего административного и культового персонала крупных городских хозяйств, ремесленники и придворные, обслуживавшие царя и его окружение. Позднее этот круг значительно расширился за счет высших должностных лиц из числа торговой и городской администрации и военных, причем назначение на многие из этих должностей, которые ранее были наследственными или выборными, перешло, по-видимому, в компетенцию царя.

Лица, называвшие себя в надписях на печатях «рабами (царя) RN», входили в круг самой высокопоставленной и наиболее стабильно обеспеченной группы городского населения, и нередко статуса «раба (царя) RN» удостаивались и их сыновья (скорее всего, старший сын, например Иддин-Эа, сын Бальмунамхе). Что касается того, в какой части города могли жить представители этой группы, то некоторые данные такого рода у нас есть только из Ура, все известные нам оттуда «рабы (царя) RN» проживали, по-видимому, в районе ЕМ.

Надписи «раб (царя) RN» на печатях времени правления I вавилонской династии. С конца 19 в. до н. э. характер документального материала из Южной Месопотамии начинает меняться по сравнению с предшествующими веками. Заметно возрастает количество частноправовых документов. Значительная часть оттисков печатей типа *ir* RN от 18–17 вв. до н. э. сохранилась именно на таких текстах. «Рабы (царя) RN» нередко фигурируют в этих документах как главные действующие лица или свидетели частных договоров, при этом их имена иногда сопровождаются указанием на занимаемую ими должность. Это дает возможность определить служебное положение владельца печати даже и в тех случаях, когда в надписи на печати, оттиск которой остался на тексте договора,

нет никаких сведений на этот счет. Судя по этим данным, характер должностей «рабов (царя) RN» в правление I вавилонской династии становился все более разнообразным (Козырева 1998).

В середине 18 в. до н. э. Южная Месопотамия была объединена под властью аморейской вавилонской династии. Цари Вавилона стремились укрепить свою власть на вновь завоеванных территориях. Одной из важнейших задач в этом плане было установление тесного контакта с администрацией главных городов государства и укрепление контроля над городской экономикой. Однако отдельные территории Южной Месопотамии (юг и север) по-прежнему сохраняли большие различия в экономическом и культурном отношении и не смогли интегрироваться в общую экономическую систему. Выгоду от этого объединения получила, вероятно, только собственно Вавилония, которая старалась выкачать в центр все, что только было возможно, с завоеванных территорий.

Южные города, в частности Ур и Ларса, далеко превосходившие Вавилонию и в экономическом, и в культурном отношении, стали важнейшим источником доходов для государственной казны (Stol 1982). Огромные налоги собирались с территорий юга как в серебре, так и в виде натуральных продуктов (зерно, масло, финики, рыба). Главным инструментом для сбора значительной части налогов и для реализации за серебро той ее части, которая не могла быть доставлена непосредственно в Вавилон, стали торговые организации южных городов, в контроле над деятельностью которых центральная власть была весьма заинтересована. Одним из способов поддержания такого контроля было включение глав городских торговых организаций в ближайшее окружение царя.

Торговая организация (*kārum*) была одним из древнейших городских институтов, представляя собой необходимое звено общей хозяйственной системы города. Статус члена торговой организации, торгового агента-тамкара (*dam.gār*) был, по-видимому, наследственным, а должность ее главы (*ugula dam.gār*) — выборной и подлежащей периодической ротации. Известны имена двух лиц, в разные годы занимавших должность главы торговой организации Ларсы в конце правления Рим-Сина. Это Шамаш-мубаллит (VS 13 82 — 1778) и Нур-илишу (YOS 8 160 — 1772). Оттиски их печатей не сохранились; среди известных имен «рабов» царя Рим-Сина они не упоминаются. При Хаммурапи начальниками тамкаров в Ларсе были их сыновья: Шамаш-цулули и Шеп-Син (Leemans 1950: 80–88). Оба они в надписях на своих печатях называют себя «рабами (царя) Хаммурапи» (Шеп-Син YOS 12 10, 46; Шамаш-цулули Stol 1982: 162). При Самсуилуне, преемнике Хаммурапи, начальником тамкаров снова стал Шамаш-цулули, который сменил надпись на своей печати и стал называть себя «рабом» Самсуилуны (YOS 12 123). Шеп-Син также продолжал активно действовать, но печать у него оставалась прежняя, во всяком случае в первые годы правления Самсуилуны (YOS 12 10, 46).

Начальником торговой организации города Ура при Хаммурапи какое-то время был Син-мушталь, называвший себя «рабом (царя) Хаммурапи» в над-

писи на своей печати. Оттиски этой печати сохранились на документах, составленных уже в правление Самсуилуны (YOS 12 113 — 1746; 167 — 1744).

И Шамаш-цулули, и Шеп-Син, и Син-мушталь в надписях на своих печатях называли себя «рабами» царя Хаммурапи и Самсуилуны, но при этом не указывали свою должность. О том, что они в разные годы периодически занимали должности «начальника тамкаров» Ларсы и Ура, известно из синхронных документов, в которых их имена упоминаются с указанием должности. Отсутствие указаний на должность в надписях на печатях объясняется, возможно, тем, что и в это время должность «начальника тамкаров» по-прежнему подлежала ротации. В течение некоторого времени Шеп-Син и Шамаш-цулули периодически сменяли в ней друг друга. При следующих царях вавилонской династии после Самсуилуны «рабы (царя) RN», занимая должность «начальника тамкаров», уже упоминали об этом обстоятельстве в надписях на своих печатях, не опасаясь, видимо, что их сменят в этой должности и им придется заказывать новую печать²².

Сходная тенденция наблюдается и в отношении должности судьи (di.kud). Нам известны имена многих судей из Ларсы времени Рим-Сина, но среди них как будто нет «рабов (царя) RN». При Хаммурапи двое из числа его «рабов» названы судьями в документах из Ларсы (но не в надписях на их печатях), где они фигурируют как свидетели, (YOS 12 10, 46, 142). При преемниках Хаммурапи известны случаи, когда «рабы (царя) RN» называют себя судьями уже в надписях на своих печатях (YOS 13 530; RIME 4, 416).

Сохранение разнородных территорий в составе единого государства требовало усиления контроля со стороны центральной власти за экономической и политической деятельностью представителей городской элиты. Важнейшие должностные лица из числа местной администрации привлекались на службу новым царям, включаясь в число их «рабов», а позднее вавилонские цари перешли, вероятно, и к прямому назначению своих ставленников на некоторые ранее наследственные и выборные должности (Harris 1975: 160).

Изменения в надписях на печатях с надписями типа «раб (царя) RN» вследствие политических событий. Эту практику можно связать с определенной слабостью центральной власти и постепенным распадом Вавилонского государства, который фактически начался через двадцать лет после того, как Хаммурапи завершил его объединение. Политическая ситуация в Южной Месопотамии, и особенно на юге, была очень сложной еще при жизни Хаммурапи. Фактически юг так и не стал полноправной частью Вавилонского государства, превратившись в источник колоссальных доходов для центра. Сыну Хаммурапи Самсуилуне пришлось столкнуться с прямым мятежом.

²² Оттиски печатей «рабов (царя) RN» с указанием должности владельца печати (ugula dam.gār) сохранились от времени правления трех преемников Самсуилуны — Абишуха, Аммититаны и Аммицадуки (RIME 4, 410, 418, 439). В отношении по крайней мере одного из этих лиц («раба» Аммититаны) известно, что он занимал должность начальника торговой организации города Сиппара не один год, как это было принято ранее, а целых 22 года (Harris 1975: 71).

С начала 8-го года своего правления (1742 г. до н. э.) Самсуилуна начал терять контроль над южными землями, а в ряде городов юга и северо-востока Южной Месопотамии появились независимые правители, которые называли себя царями (подробнее см. главу XX), в том числе Рим-Син (II), царь Ларсы или Ямутбала, Рим-Анум, царь Урука, Илуни, царь Эшнунны. В это же время с севера Вавилону стали угрожать касситские племена. После победы над касситами, одержанной, вероятно, в конце 1742 г. до н. э., в течение следующего 1741 г. Самсуилуна, как сообщается в его надписи, одержал победу в восьми битвах против восставших (RIME 4, 376). Окончательное поражение войскам мятежников было нанесено в битве, состоявшейся около Киша. Датировка 10-го года Самсуилуны (1740) сообщает об одержанной в предшествующем (1741) году победе над войсками Эшнунны, Ямутбала, Урука и Исына. Все эти политические события отразились и на происходившей в это время смене надписей на печатях ряда должностных лиц Ларсы и Ура.

Выше уже упоминалось о том, что важную должность архивариуса в хозяйстве бога Нанны в Уре при царях вавилонской династии последовательно занимали Син-икишам и его сын Илшу-иббишу. Первый в надписи на печати называл себя «рабом (царя) Хаммурапи», второй — «рабом (царя) Самсуилуны». У Син-икишама был и еще один сын, Син-иббишу, который, по-видимому, также занимал какую-то высокую административную должность в этом хозяйстве. Сохранился небольшой архив из Ура, содержащий 23 таблички, датированные 1743–1738 гг. до н. э. (Ormsby 1972). На табличках были зафиксированы выдачи небольших количеств различных продуктов, сливочного и растительного масла, сыра, фиников. В большинстве случаев получателем продуктов был Син-иббишу, сын Син-икишама, он же прикладывал к документам свою печать, чтобы подтвердить правильность записи. Первое время Син-иббишу пользовался печатью своего покойного отца, «раба (царя) Хаммурапи», — с I месяца 1745 (5-й год Самсуилуны) по V месяц 1742 г. до н. э. (8-й год Самсуилуны). С IX месяца того же года, т. е. спустя несколько месяцев после того, как против Самсуилуны восстали южные города, Син-иббишу стал пользоваться новой печатью, в надписи на которой называл себя «рабом (царя) Илуни», но пользовался ею, видимо, совсем недолго. Сохранился только один документ с оттиском этой печати (Ormsby 1972: 11). Другие печати с упоминанием имени этого царя неизвестны. И наконец, последние по времени документы этого архива припечатаны третьей печатью Син-иббишу, в надписи на которой он называл себя «рабом (царя) Рим-Сина (II)» (Ormsby 1972: 9, 18, 21). Эту же печать Син-иббишу приложил и к документу, фиксировавшему уплату какого-то налога (?) тремя хозяйствами, одним из которых было хозяйство Син-икишама, отца Син-иббишу (UET 5 536, время Рим-Сина II).

Трудно предположить, что эта молниеносная смена печатей была вызвана только служебной необходимостью. Чтобы подтвердить получение 0,5 л масла или 10 кг фиников, вряд ли требовалось занимать высокое положение «раба (царя) RN», тем более что некоторые документы этого архива имеют оттиски печатей других лиц, вовсе не принадлежавших к числу приближенных царя.

Главную роль при смене печатей играли, вероятно, чисто политические соображения. Приход к власти Рим-Сина II оживил надежды жителей южных городов на возвращение политической и экономической независимости. В документах этого времени из Ура и Ларсы вновь появились имена представителей самых богатых городских семей, занимавших высокое положение еще при Варад-Сине и Рим-Сине (Козырева 1988: 148 сл.). Новый царь, по-видимому, всячески стремился привлечь их на свою сторону. Хотя Рим-Син II правил менее двух лет, сохранилось пять оттисков разных печатей с упоминанием имен его «рабов» (RIME 4, 317–319). Упоминаний о должностях в надписях на печатях нет, но многие из этих лиц хорошо известны по другим синхронным документам, где иногда указывались и должности, которые они занимали при Рим-Сине II.

Среди тех, кто в надписи на своей печати стал называть себя «рабом (царя) Рим-Сина (II)», был и Син-мушталь, сын Син-магира, некогда бывший начальником тамкаров города Ура при Хаммурапи и входивший в число «рабов (царя) Хаммурапи». При Рим-Сине II он стал «управителем города Ларсы» (*šāpīr UD.UNUG.ki*), о чем упоминается в двух административных записях, датированных 2-м годом правления Рим-Сина II, что соответствовало, вероятно, 9-му году правления Самсуилуны, т. е. 1741 г. до н. э. (Stol 1976: 51). Один документ был составлен 23/X этого года и представлял собой список изделий из бронзы общим весом более 300 кг (военного снаряжения и строительного инструмента), отправленного Син-муштальем, «управителем города Ларсы», царю Рим-Сину II, войска которого в это время, вероятно, сражались с войсками Самсуилуны, пытавшимися подавить восстание южан (YOS 5 227). Контролировал передачу снаряжения Бальмунамхе, вероятно, внук того Бальмунамхе, который называл себя в надписи на печати «рабом (царя) Варад-Сина», и сын Иддин-Эа, «раба (царя) Рим-Сина» (см. главу XVI). Принимал снаряжение еще один «раб (царя) Рим-Сина (II)» Нур-Шамаш, который в этот момент занимал должность архивариуса дворца (*gá.dub.ba ša é.gal* YOS 5 227, 17).

Второй документ, составленный на два месяца позже, вероятно, самый поздний текст из Ларсы с датировкой Рим-Сина II (Stol 1976: 51). Он представляет собой запись о расходе 300 л муки для выдач отряду воинов, пришедших из Урука на помощь Ларсе. Контролировали расход, как указано в тексте «Син-мушталь, управитель города Ларсы и судьи». На табличке остались оттиски печатей Син-мушталя и двух других лиц. Все трое называют себя «рабами (царя) Рим-Сина (II)».

Надписи на печатях «раб бога DN». Надписи с формуляром такого рода, почти неизвестным в предшествующий период, вырезались на большинстве печатей начала II тыс. до н. э. Они встречаются на 85 % оттисков печатей, оставленных на документах, которые собраны в данной работе (см. примеч. 13, с. 485). Почему большинство владельцев печатей в это время называли себя «рабами» определенного божества, отражало ли это обстоятельство их принадлежность к административному или культовому персоналу хозяйства данного божества, или же в ней была зафиксирована личная связь владельца

печати с божеством, — чтобы ответить на эти вопросы имеет смысл, вероятно, обратить внимание прежде всего на то, рабами каких именно богов называли себя владельцы печатей.

Города Южной Месопотамии изначально формировались вокруг административно-культовых комплексов, в границах которых располагался обычно и храм главного городского бога. Его именем горожане приносили клятву при даче показаний в суде, при заключении договоров. Письма того времени обычно начинались с обращения к главному богу города, куда посылалось письмо, с просьбами о здоровье для адресата. Исследование имен богов и названий их храмов и святилищ, упоминающихся в текстах из разных городов Южной Месопотамии, позволило составить список наиболее почитаемых городских богов первой половины II тыс. до н. э. (Renger 1967): Нанна/Син — бог луны почитался практически везде, но особенно в городе Уре; Уту/Шамаш — бог солнца и справедливости (Сиппар, Ларса, Кисурра); Нинурта, сын бога Энлиля (Ниппур, Исин, Кисурра, Ларса, Ур, Урук); Забаба (Дильбат, Киш, Лагаба); Мардук (Вавилон).

Одни боги имели в городах очень давние храмы. Для других храмы или святилища были построены позднее. Их появление могло быть вызвано расширением городского пантеона вследствие переселения в город жителей других городов или территорий (Charpin 1986: 414–415). Так, культы Энки из Эриду в Уре и Ларсе появились, вероятно, вместе с переселенцами из Эриду, жители которого в конце III тыс. до н. э. вынуждены были оставить свой город из-за серьезного ухудшения там экологической обстановки — сельскохозяйственные территории и сам город постепенно заносили пески.

Свою роль в расширении городского пантеона играла и деятельность городских правителей и царей, которые в стремлении усилить свою власть старались сосредоточить в столице культы всех богов подконтрольной территории. Особое внимание правители уделяли укреплению культа своего семейного божества. Так, семейным богом Кудур-мабука и его сыновей, правивших в Ларсе, был бог Нергал. Это было главное божество города Машкан-шапир, откуда эта династия вела, очевидно, свое происхождение. В одной из своих надписей (RIME 4, 268) Кудур-мабук называет бога Нергала своим «богом создателем» (*ilum banī*). В первые годы правления своего сына Варад-Сина он построил в Уруке храм Нергала (*é.me.te.gir.ra* — «Дом, достойный могучего») «за свою жизнь и жизнь Варад-Сина» (RIME 4, 206). Позднее и сам Варад-Син перестроил заново старый храм Нергала в Уре (*é.kù.ga* — «Сияющий Дом») «за свою жизнь и жизнь Кудур-мабука, своего отца» (RIME 4, 246–247). «За жизнь царя Рим-Сина» было сооружено святилище богу Нергалу в Ниппуре (RIME 4, 307).

Со временем в городской пантеон помимо главных местных богов включались и те божества, почитание которым приносили с собой новые жители города или новые правители. Не у всех этих богов были собственные храмы, но в главном храме города имелись, вероятно, приделы всех городских богов. Величина и богатство новых храмов или приделов, по-видимому, варьировали

значительно в зависимости от места, которое данный бог занимал в городском пантеоне. В любом случае новые храмы и святилища появлялись не просто как культовые сооружения, но и как административно-хозяйственные центры (структуры городского хозяйства), с которыми были связаны жизнь и деятельность определенной группы городского населения.

В первой половине II тыс. до н. э. самым почитаемым сакральным центром Южной Месопотамии оставался город Ниппур. В одном из главных храмов этого города, храме бога Нинурты, существовали приделы множества богов, которым ежедневно приносили в качестве подношений различные продукты, позднее распределявшиеся между персоналом и определенными группами горожан, вероятно, почитателей данного божества (Sigrist 1984). Величина получаемых приношений зависела от места божества в иерархии городского пантеона. Больше всего приношений в этом храме получала группа из семи богов: Нинурта, Нуску, Син, Энки, Инанна, Адад, Шамаш. Еще более 20 богов, а также статуи и священные предметы получали меньшие по количеству приношения (Sigrist 1984: 140)²³.

Представление о главных богах городского пантеона города Ларсы можно получить, изучая записи о расходе скота из городских стад времени царя Син-иддинама (Goetze 1950). Значительную часть расходов составляли выдачи скота для постоянных ежемесячных жертвоприношений. Порядок перечисления храмов, куда передавались жертвенные животные, во всех документах сохранялся неизменным и отражал место храма и его бога в городской жизни. Имена главных богов городского пантеона Ларсы, судя по этим документам, можно расположить в следующем порядке: Шамаш, Адад, Инанна, Нанайа, Нергал.

Как уже упоминалось выше, в первой половине II тыс. до н. э. самым распространенным типом надписи на печатях была та, в которой владелец печати называл себя «рабом» определенного бога. Имена этих богов в зависимости от частоты их упоминаний в надписях на печатях можно разместить в определенной последовательности. Таким образом, формируется нечто вроде «искусственного» пантеона для той группы городского населения Месопотамии начала II тыс. до н. э., которых объединяло то, что, во-первых, они были владельцами печатей и активно пользовались ими в своей хозяйственной деятельности, как служебной, так и частной, а во-вторых, в надписях на своих печатях они называли себя «рабами» какого-либо бога. Все сведения такого рода собраны в таблице; имена богов перечислены в том порядке, который соответствует количеству упоминаний имени данного бога в исследуемых нами надписях²⁴.

²³ Бог Амурру (*d.mar.tu*) занимал в этом списке место ближе к концу.

²⁴ Выше уже упоминалось, что из 740 собранных в данной работе оттисков печатей, в надписи на которых упоминался термин «раб», 634 оттиска принадлежали к тому типу, который условно можно назвать *ir DN*. Кроме 420 вариантов, учтенных в таблице, в это число входят еще 68 надписей с упоминаниями 33 имен различных других богов, по 1–3 раза каждое. В остальных случаях (146) имя божества в надписи не читается из-за плохой сохранности табличек.

**Частота упоминания имен различных богов
в надписях на печатях типа *ir DN***

Имя бога	Всего упоминаний	Упомянется имя только одного бога*	Упомянется в паре с именем бога Амурру	Упомянется в паре с именем какого-либо другого бога
Амурру	147	110	—	37
Нинсианна	59	51	2	6
Син	48	14	25	9
Адад	44	36	—	8
Ниншубур	39	38	—	1
Нергал	32	29	2	1
Энки	26	15	1	10
Набу	14	12	—	2
Шамаш	11	10	—	1
Всего:	420	315	30	75

*В некоторых надписях владельцы печатей называют себя «рабами» сразу двух богов.

Список богов, составленный на основе подсчета частоты упоминаний их имен в надписях типа *ir DN*, как видно из таблицы, значительно отличается от списка главных городских богов Месопотамии и от известных нам традиционных городских пантеонов. Прежде всего это касается двух главных астральных богов Месопотамии, которые сохраняли свою популярность в течение всей истории месопотамской цивилизации: бога солнца Шамаша (шум. Уту) и бога луны Сина (шум. Нанна). В приведенном выше списке богов, почитаемых владельцами печатей, бог Шамаш стоит на девятом месте. Бог Син, в честь которого чаще всего давали имена детям в этот период, правда, занимает третье место в списке, но только за счет того, что он часто упоминается в надписях на печатях в паре с богом Амурру. Если не учитывать эти варианты, то и он должен был бы переместиться в конец списка.

На первом месте в этом условном списке оказывается пришедший в Месопотамию вместе с амореями западносемитский бог Амурру²⁵. Бог Амурру не был, конечно, городским богом традиционной Месопотамии, он не упоминается среди главных богов Ларсы (а значительная часть исследуемых текстов происходит именно из этого города и его окрестностей), а в пантеоне главного священного города Месопотамии Ниппура он занимает одно из последних

²⁵ Слово «Амурру» первоначально, возможно, использовали для обозначения некоего западносемитского божества, подлинное имя которого было табуировано, как в случае с западносемитскими именами собственными, теофорная часть которых содержала такие элементы, как *-el* или *-lim*. Об этом как будто свидетельствует совпадение в написании имени божества (шум. *d.mar.tu*) и этнонима (шум. *mar.tu*, акк. *amurru*), которым жители Южной Месопотамии обозначали своих западных соседей.

мест. Тем не менее имя бога Амурру упоминается в надписях на печатях из Ларсы в 30 % случаев, т. е. фактически на каждой третьей печати; богиня Нинсианна, которая занимает второе место в списке, упоминается гораздо реже, лишь в 12 % случаев, т. е. на каждой восьмой печати. Бог Нанна/Син, когда он выступает без бога Амурру, фигурирует в 2,8 % надписей, т. е. на каждой 34-й печати, а имя бога Уту/Шамаша, главного городского бога Ларсы, встречается еще реже.

Исследуя имена владельцев печатей и имена богов, которых они упоминают в своих надписях, мы сталкиваемся с еще одной особенностью, касающейся надписей, где упоминается бог Амурру. Известно, что личные имена жителей старовавилонской Месопотамии часто имели теофорный характер, т. е. включали в себя имя какого-либо бога. В надписях на печатях мы нередко встречаемся со случаями, когда в теофорной части имени собственного или отчества упоминается имя того божества, рабом которого называет себя владелец печати:

Иддин-Адад, сын Син-наши, раб бога Адада (СВД 39);

Наби-илишу, сын Энки-гамиля, раб бога Энки (VS 18 21).

Встречаются и тройные совпадения, когда в надписи на печати трижды повторяется имя одного бога:

Пузур-Шамаш, сын Нур-Шамаша, раб бога Шамаша (YOS 8 161).

Однако такого рода двойные, а тем более тройные совпадения достаточно редки. Бывают случаи, когда в одной надписи упоминаются имена трех разных богов:

Липит-Иштар, сын Апиль-Сина, раб бога Адада (TS 68).

Судя по данным надписей, человек, который был назван в честь одного бога, в надписи на печати мог оказаться «рабом» любого другого бога. Так, владельцы печатей, в чьем имени упоминался бог Нанна/Син, в надписи на печати могли называть себя «рабом бога Амурру (YOS 8 158; TS 35; YOS 13 157). То же относится и к владельцам печатей, в собственном имени которых были упомянуты имена любых других богов. В надписях на печатях они также могли быть названы «рабами» не того бога, в честь которого они были поименованы, а какого-либо другого. Единственное исключение в этом отношении, в тех текстах надписей, которые были использованы в данной работе, представляли лица, названные в честь бога Амурру. Если они являлись владельцами печати, то в надписи на печати они практически всегда называли себя «рабами» именно бога Амурру²⁶.

²⁶ В текстах, использованных в данной работе, упоминаются имена более двух десятков человек, которые в надписях на своих печатях называли себя «рабами» бога Амурру. Многие из них были тезками, так как набор имен собственных был достаточно традиционным. Среди этих имен: Апиль-Амурру (YOS 5 106, YOS 8 134, YOS 12 37, 522, YOS 14 346; TIM 5 42, 44; TS 3); Ибни-Амурру (YOS 12 292, 531); Иддин-Амурру (TCL 11 172; YOS 12 236, 457); Липит-Амурру (YOS 8 40); Мар-Амурру (YOS 12 312); Нур-Амурру (TS 30; СВД 46); Пирхи-Амурру (YOS 13 386); Цилли-Амурру (YOS 12 444). Одно исключение встретилось в текстах из Лагабы. Человек по имени Шу-Амурру в надписи на печати называет себя «рабом» бога Набу (Charpin 1990: 66).

Заключение. Начало II тыс. до н. э. характеризовалось резким возрастанием политической и деловой активности в городах Южной Месопотамии. Отражением этого являются тысячи административно-хозяйственных и частноправовых документов, на многих из которых сохранились оттиски печатей. Изучение надписей на этих печатях позволяет узнать не только имена собственные и иногда профессию владельцев печатей, но в ряде случаев позволяет сделать некоторые заключения и об их статусе внутри городского сообщества. Уже само владение таким дорогим предметом, как печать, было показателем высокого статуса ее обладателя²⁷.

Более половины сохранившихся оттисков печатей содержат надписи, в которых употреблен термин «раб» (ir). Владельцев таких печатей можно условно разделить на три группы в зависимости от того, кого они называют своим «господином». Самая малочисленная группа — это те, кто использовали печати с надписями типа «раб хозяйства DN». Оттиски такого рода печатей составляют только 0,85 % от всех сохранившихся оттисков печатей, собранных в данной работе, возможно, потому, что далеко не все административные архивы этого времени опубликованы. Такие печати прилагались главным образом к учетным документам хозяйства и использовались как служебный атрибут. Обозначение в надписи на ней владельца печати как «раба дома-хозяйства DN» указывало на его принадлежность к персоналу хозяйства одного из главных городских богов со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Вторая группа владельцев печатей, в надписях на которых упоминался термин ir, состояла, в основном из представителей высшего наследственного административного и культового персонала крупных городских хозяйств, верхов дворцовой бюрократии и лиц, непосредственно обслуживающих царя и царский двор, которые называли себя в надписях на печатях «рабами (царя) RN». Надписи такого рода составляют примерно 8,45 % всех оттисков с термином ir. Они сохранились в основном на документах хозяйственного характера. Владельцы таких печатей входили в круг самой высокопоставленной и наиболее обеспеченной группы городского населения. В Уре отдельные представители этой группы проживали, вероятно, в районе ЕМ, по-видимому, самом старом жилом районе города, располагавшемся рядом с центральным административно-храмовым комплексом. Надпись на печати не только отражала высокое общественное положение владельца печати, но и подчеркивала его личную близость к царю.

Наиболее многочисленной и активной среди владельцев печатей была, вероятно, та группа городского населения, которая в надписях на печатях назы-

²⁷ В «описи» движимого имущества из архива торгового агента-тамкара Тизкаррума в числе прочего упоминаются три печати из гематита, оцененные в очень значительную по тем временам сумму — от $\frac{1}{4}$ сикля до $1\frac{1}{6}$ сикля серебра каждая (TCL 10 120). Потеря печати, особенно для должностных лиц, грозила серьезными неприятностями. По этому случаю составлялась официальная запись, в которой указывалась точная дата (месяц и день), когда исчезла печать. Документы, припечатанные печатью после того, как владелец заявил о ее потере, считались недействительными (Halla 1977).

вала себя «рабами бога DN». Оттиски такого рода печатей составляют более половины всех сохранившихся. По количеству упоминаний имен богов в такого рода надписях на первом месте стоит бог Амурру (30 %). Имена Нанны/Сина и Уту/Шамаша занимают в них незначительное место. Владельцы печатей, в именах собственных которых упомянут бог Амурру, в надписях на своих печатях (в доступных нам текстах) всегда называли себя «рабами бога Амурру». В отношении других богов такое соответствие между именем бога в имени собственном владельца печати и именем бога, «рабом» которого он называл себя в надписи на своей печати, не являлось обязательным.

Вопрос о том, почему владельцы печатей называли себя в надписях на печатях «рабами» именно данного божества, а не какого-либо другого, нельзя, по-видимому, решить однозначно. С одной стороны, сама печать, тем более если на ней было упомянуто имя бога, имела, по-видимому, не только функциональное, но и в определенной мере и сакральное значение, и естественно предположить, что божество, упоминаемое в надписи, скорее всего, было семейным или родовым богом владельца печати. Это подтверждается и тем, что члены одной семьи во всех известных нам примерах в надписях на своих печатях всегда из поколения в поколение называли себя «рабами» одного и того же божества (Charpin 1990).

Такая тенденция наиболее четко прослеживается на примере надписей, упоминающих бога Амурру, — главного бога последних по времени новопоселенцев в месопотамских городах. Переезжая в города, амореи старались приспособиться к местным традициям, что видно на примере выбора ими имен собственных для своих детей. С каждым новым поколением имена собственные в их среде становились все более аккадизированными и все чаще включали в себя имена главных богов городского пантеона того города, где они поселились, т. е. официальную номенклатуру. В то же время по надписям на печатях видно, что в семейных именах сохранялось имя бога Амурру и в семье сохранялся культ этого божества.

С другой стороны, использование термина «раб» (*ir*) в надписях на этих печатях указывает по аналогии с другими надписями такого рода (*ir é DN*, *ir RN*) и на какие-то служебные функции владельца печати в отношении своего бога, на существовавшую между ними связь, порождавшую определенные права и обязанности сторон. Большинство оттисков печатей с надписями такого рода сохранилось на частноправовых документах, происходящих из тех городских районов, население которых в значительной мере состояло, по-видимому, из представителей среднего административного персонала и ремесленников (АН в Уре, ТА в Ниппуре). Среди них были, вероятно, лица из числа персонала многочисленных святилищ и приделов «второстепенных» богов городского пантеона, располагавшихся как на территории главного храма, так и в городских районах. Возникновение этих приделов и святилищ, так же как и строительство новых храмов, было в определенной степени связано с миграцией городского населения. Включение новых богов в городской пантеон не только решало проблемы религиозного характера, но и создавало экономическую

основу для существования культа данного божества в городе и, следовательно, включало в общегородскую экономическую структуру и персонал, обслуживающий данный культ, т. е. ту группу населения, для которой это божество, возможно, было изначально родовым богом.

Таким образом, в начале II тыс. до н. э. весьма значительная в количественном отношении и наиболее активная в хозяйственной деятельности группа городского населения в надписях на своих личных печатях, имевших, несомненно, и престижное значение, называла себя «рабами» какого-либо бога. Представители этой группы населения заселяли, вероятно, вновь отстроенные (после разрухи, связанной с распадом государства III династии Ура) районы древних городов (АН в Уре, ТА в Ниппуре) и состояли как из коренного городского населения, так и из лиц, поселенных здесь аморейскими царями. Возможно, именно по этой причине владельцы печатей чаще всего называют себя «рабами» бога Амурру и некоторых других второстепенных богов городского пантеона и почти никогда не упоминают в надписях на своих печатях имена главных городских богов. Этим же обстоятельством, т. е. их положением «новичков» в городской экономической структуре, возможно, в определенной мере объясняется и их исключительная деловая активность; именно внутри этой группы населения составлялась основная масса частноправовых документов данного периода. Термин «раб» (*ir*), отражая верность владельца печати своему родовому богу, подчеркивал его принадлежность к группе почитателей этого божества, входившего в городской пантеон, что, возможно, имело значение и для его утверждения в правах городского жителя.

Никаких социальных или сословных границ между этими группами населения, безусловно, не существовало. Вместе они составляли высшие и средние слои городского социума. В рамках одной семьи старший брат мог достигнуть статуса «раба (царя) RN» и сменить свою печать, а другие братья по-прежнему пользовались печатями типа *ir DN*²⁸. Это хорошо видно на примере семьи Бальмунамхе из Ларсы.

Печать первого известного по текстам представителя этой семьи, которого звали Син-нур-матим, не сохранилась. Однако он, несомненно, занимал высокое положение при дворе царя Ларсы Варад-Сина, выполняя роль посредника между ним и его отцом Кудур-мабуком, который жил во втором столичном городе государства — Машкан-шапир. Син-нур-матим неоднократно приносил оттуда к царскому двору Ларсы дорогие одежды. Сохранились квитанции, фиксировавшие принесение им одежд, от 1830, 1829 и 1827 гг. до н. э. (YOS 5 162, 165, 250, 251). В одном случае (в 1830 г.) приемщиком одежд выступил сам царь Ларсы Варад-Син, приложивший свою печать к документу. Предки Син-нур-

²⁸ В коллекции Британского музея хранится печать некоего Тарибума, сына Ади-анниам, в надписи на которой он называет себя «рабом бога Ниншубур», а на глиняной табличке сохранился оттиск его другой печати, на которой он называет себя «рабом (царя) Самсуилуны».

Taribum//dumu Adi-anniam//ir d.nin.šubur (Collon 1986: № 568).

Taribum//dumu Adi-anniam//ir Samsuiluna (Anbar 1975: 122–123).

матима, вероятно, некогда переселились в Ларсу из города Эриду. Во всяком случае, их семейным божеством был главный бог этого города — Энки. Самой ранней по времени печатью старшего сына Син-нур-матима — Бальмунамхе — была, по-видимому, печать с надписью «Бальмунамхе, писец, сын Син-нур-матима, раб Энки и Дамгальнунны» (YOS 12 67; Charpin 1990: 62, n. 15; 1981: 546). Позднее у него появилась другая печать с надписью «Бальмунамхе, раб (царя) Варад-Сина (YOS 8 71)²⁹. Брат Бальмунамхе Син-магир пользовался печатью с надписью «Син-магир, сын Син-нур-матима, раб Энки» (YBC 6673). Старший сын Бальмунамхе, Иддин-Эа унаследовал высокое положение своего отца и называл себя в надписи на своей печати «рабом (царя) Рим-Сина». Его сыновья, внуки Бальмунамхе, в надписях на своих печатях называли себя «рабами» бога Энки или бога Энки и его супруги, богини Дамгальнунны (YOS 12 352, 543 coll. Charpin 1990: 62, n. 16). В этой же семье использовалась, предположительно, и печать типа DN с именами семейных богов: «Энки и Дамгальнунна» (YOS 12 288).

П р и л о ж е н и е. Две печати с надписями типа DN attrib. из собрания Государственного Эрмитажа (ДВ-6447, ДВ-6641; см. цв. вкл., с. 2)

Печати с надписями, содержащими только имя божества или имя божества с определениями/эпитетами (DN/DN attrib.), по своему смыслу были близки надписям типа *ir* DN и, так же как и последние, являлись одним из измененных вариантов надписей типа *ir.zu*. Они ставились на тех же документах, что и печати *ir* DN и рядом с ними, т. е. выполняли ту же удостоверительную функцию. При этом, поскольку имя владельца печати в надписи на ней отсутствовало, в тексте документа часто делалась разъяснительная приписка: «печать такого-то» (*kišib PN*). Владельцами печатей с надписями типа DN/DN attrib. были частные лица, а надписи на их печатях, хотя и не называют их прямо «рабами бога такого-то» (*ir* DN), но, очевидно, это подразумевают. Более того, один и тот же человек мог иногда владеть несколькими печатями с надписями разных типов: *ir* DN и DN/DN attrib (Charpin 1980: 292–295).

В Отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится небольшая, но очень интересная коллекция печатей из древней Месопотамии, в том числе две печати первой половины II тыс. до н. э. с надписями типа DN attrib., в которых упоминается имя бога Амурру³⁰ (Козырева 2002).

²⁹ Обе печати Бальмунамхе, вероятно, хранились в его семье, и их оттиски были оставлены на документах, написанных через много лет после смерти самого Бальмунамхе.

³⁰ Изобразительный и текстуальный материал, связанный с именем бога Амурру, был впервые подробно исследован Ж. Купером (Kuprer 1961). В его исследовании приведены и все оказавшиеся доступными в то время надписи на печатях типа DN attrib., в которых упоминается имя этого божества (Kuprer 1961: 65–67), а также рассмотрена иконография изображений на такого рода печатях.

1. ДВ-6447. Цилиндр из черного гематита. 20 × 12 мм.

an.an.mar.tu	Бог Амурру,
dumu an.na	сын Ану,
giš.ná.šen šu.gál	ложем сияющим владеющий,
šul.a.lum du8.du8	(за) прегрешения воздающий.

Изображение. На поверхности печати изображены две фигуры: воин с булавой, стоящий лицом к богине-покровительнице. Это стандартная сцена, очень распространенная в данный период. На голове у воина — круглая шапочка с подвернутыми краями — головной убор шумерских и вавилонских царей еще со времен Гудеа. Борода расходится веером от подбородка. Его одежда кардинально отличается от длинных до пола церемониальных плащей, в которых обычно изображались боги и цари в сценах на печатях. Это одежда воина. Накидка покрывает одно плечо и свисает в виде туники, образуя острый конец у колен. Левая рука, согнутая в локте, лежит на булаве. Правая рука сжата в кулак и свисает вдоль тела. Динамичная напряженная поза, высоко поднятая голова, рука, сжимающая булаву, — все это создает представление о грозной воинской силе.

Богиня с поднятыми руками, стоящая лицом к воину, — весьма распространенное в этот период изображение богини-покровительницы, которую исследователи идентифицируют с богиней Лама, считавшейся посредницей между богами и людьми. На голове у нее рогатая корона, что свидетельствует о ее божественном происхождении. Волосы собраны в прическу, напоминающую парик, так что длинные завитки спускаются по плечам на спину. Длинная одежда, в которую она облачена, изготовлена из нескольких широких полос материи, расположенных горизонтально одна над другой и слегка перекрывающих друг друга.

Между фигурами помещено изображение изогнутого посоха, который считается символом бога Амурру (Kupper 1961: 45).

В целом изображение не создает впечатление единой сюжетной композиции, какими являлись, например, распространенные в конце III — начале II тыс. до н. э. сцены презентации. Скорее это набор из стандартных фигур, в которых, вероятно, воплощались определенные идеологические штампы того времени. Данный вариант передает, по-видимому, представление о царе-герое, на которого через богиню Ламу призывается божественное покровительство, в данном случае — покровительство бога Амурру, чей символ, изогнутый посох, изображен на печати и чье имя упомянуто в надписи на ней.

2. ДВ-6641. Цилиндр из черного гематита. 22 × 12 мм.

an.an.mar.tu	Бог Амурру,
dumu an.na	сын Ану,
an me.kù.gá	бог чистых ме.

В надписях на печатях Амурру часто называют сыном бога Ану, главного бога месопотамского пантеона. Это ставит Амурру в один ряд с такими великими богами, как Энлиль, Нергал, Адад, также считавшимися сыновьями бога Ану. Эпитет «бог чистых ме» и некоторые другие эпитеты, связанные с представлением о ме, нередко сопровождающие имя бога Амурру в надписях на печатях, свидетельствует о важности позиции, занимаемой этим богом в божественной иерархии, и, возможно, указывает на связь его культа с культом бога Энки (Kupper 1961: 65). Ме — божественные сущности всех аспектов земного и небесного бытия — находились в распоряжении главных богов, прежде всего бога Энки, а обладание ими было предметом чаяния и даже борьбы между богами.

Изображение. На печати воспроизведен довольно распространенный в это время тип изображения. Между двумя совершенно одинаковыми, как в зеркальном отражении, фигурами богини-покровительницы, стоящими лицом друг к другу с поднятыми в жесте благословения руками, расположен прямоугольник, разделенный на три вертикальные полосы, в которые вписана надпись. Интересно отметить, что такого рода композиция часто встречается на печатях из Ларсы первой половины 18 в. до н. э. Владельцами этих печатей были высокопоставленные чиновники, многие из которых в надписях на печатях называли себя «рабами» царя³¹.

³¹ Две печати с такими же изображениями принадлежали «рабам (царя) Рим-Сина» Аху-вакару, сыну Нур-илишу и Авиль-Амурру, сыну Син-ублам (al-Gailani, Werr 1980: 47; RIME 4, 310–311).

Глава XX

Города юга после завоевания их Хаммурапи и вхождения в состав Вавилонского государства

Юг при Хаммурапи. Юг при Самсуилуне. Выступление южных городов против Вавилона. Ход и итоги восстания.

Вавилон и южные города после 1737 г. до н. э. Возникновение Приморской династии. Дальнейшая судьба южных городов.

Юг при Хаммурапи. После завоевательных походов 1766–1761 гг. до н. э. под властью Хаммурапи оказалась вся Южная и часть Северной Месопотамии. Казалось, что мощное государство с центром в Вавилоне практически не имело соперников на Ближнем Востоке. Только в Западной Сирии такие государства, как Ямхад, оставались вне зоны его влияния и контроля. Тем не менее уже в последние годы правления Хаммурапи у Вавилонского государства возникали проблемы на северо-восточных и северо-западных границах, о чем свидетельствуют датировочные формулы. В датировке 42-го года Хаммурапи (1751) упоминается о строительстве стены вокруг города Кар-Шамаш на берегу Тигра, а в датировке 43-го года (1750) — о строительстве укреплений вокруг Рапикума и стены вокруг Сиппара.

В последнее десятилетие своего правления Хаммурапи приложил огромные усилия, стремясь объединить завоеванные им территории Месопотамии в общую политическую и хозяйственную систему. Особенно много внимания царь уделял обустройству присоединенных территорий юга и центра аллювия с его древнейшими городами (Ниппур, Исин, Ур, Урук, Ларса). Сразу после завоевания Ларсы в 1763 г. до н. э. был провозглашен указ об «освобождении», который должен был привлечь население на сторону Хаммурапи и показать его легитимным наследником предшествующего правителя, т. е. Рим-Сина. В администрацию южных городов были назначены вавилонские чиновники.

Составлялись новые земельные кадастры, чтобы уточнить масштабы налогов и повинностей. Царь сам вникал во все детали управления южными территориями и распределения служебных наделов. Сохранилось около ста писем, составлявших часть обширной переписки, которую он вел со своими представителями на юге (AbB 14, XVI). Возможно, основная масса этих писем и административных документов относилась к первым годам присоединения юга и была вызвана обустройством новой администрации. Однако от времени преемника Хаммурапи Самсуилуны ничего подобного до нас не дошло.

Одним из заметных аспектов государственной политики, которую проводил Хаммурапи, а позднее и Самсуилуна, стало перемещение значительных групп населения (в основном в направлении с юга на север, но также и с востока на запад), с тем чтобы максимально плотно заселить территории, окружавшие Вавилон. Вероятно, после всех войн, которые вел Вавилон при Хаммурапи, а потом и при Самсуилуне, в государстве ощущалась нехватка трудового населения, которую вавилонские цари старались восполнить депортацией части завоеванного населения и переселением его ближе к Вавилону. Еще одной из причин могло быть и ухудшение экологической ситуации на юге.

Если говорить о конкретных фактах такого рода, то их дошло совсем немного (Charpin 2004). Однако они достаточно выразительные и говорят о больших возможностях, которыми располагало Вавилонское государство в этом плане. Так, 5000 жителей города Малгиум (после того, как город был завоеван Хаммурапи и его стены были разрушены) были переселены, а фактически депортированы в район Киш-Марад-Вавилон, где они получили поля (AbB 8 131). Между ними были распределены более 1100 га (180 бур) пахотных полей вдоль канала Аматум. То есть бывшие жители Малгиума, среди которых были, по-видимому, воины и садовники, получили в другом регионе Месопотамии земельные наделы, часть урожая с которых были обязаны отдавать государству. При этом они сохраняли, по-видимому, свой социальный и профессиональный статус: садовники оставались садовниками, воины — воинами, рыбаки — рыбаками. Кроме того, они несли и общую трудовую повинность: в частности, занимались изготовлением кирпичей под руководством начальников (*ugula*), которые, в свою очередь, были в подчинении (*níg.šú*) у более высоких должностных лиц.

Судя по содержанию писем и документов, Хаммурапи заимствовал многие политические и административные новации, которые были внедрены в Ларсе при Рим-Сине, в частности систему сбора налогов, распространив ее на всей территории государства (Mieroop 1992: 241 ff.). Южные города, присоединенные к Вавилону, стали важнейшим источником доходов для государственной казны, а Ларса — тем центром, через который проходила большая часть собранных на юге материальных ресурсов. Огромные налоги в серебре и в виде натуральных продуктов (зерно, масло, финики, рыба) направлялись отсюда в Вавилон. Главным инструментом для сбора налогов и для реализации за серебро той их части, которая не могла быть доставлена непосредственно в Вавилон, стали торговые организации южных городов, в частности Ура и Ларсы

(Stol 1982). Длительные военные действия, потеря независимости, воцарение новой династии — все это как будто не нарушило традиционной структуры этих городских организаций и существовавшей в них преемственности (Leemans 1950).

При Хаммурапи Ларса по-прежнему оставалась важнейшим городским центром юга. Здесь даже велось строительство нового храмового комплекса (Margueron 1997: 322). Однако ухудшение материального положения городского населения и обострение социальных конфликтов, которое было заметно уже при Рим-Сине, еще более усилилось, когда значительная часть местных материальных ресурсов стала изыматься в пользу Вавилона. Заметно менялась и ситуация внутри городской элиты юга. Об этом можно судить по изменениям, которые произошли в это время в надписях на печатях, принадлежавших представителям городской элиты. Значительно расширился круг лиц, которые называли себя в этих надписях «рабами (царя) RN». В их число помимо высокопоставленных служителей культа и администраторов, а также придворных, непосредственно обслуживавших царя, стали входить и высшие должностные лица из числа торговой и городской администрации и военных, в том числе начальники торговой организации, судьи. При этом и назначение на многие из городских должностей, которые ранее были наследственными или выборными, со временем перешло, по-видимому, в компетенцию вавилонского царя.

Эту практику можно связать с определенной слабостью центральной власти, которая стремилась максимально плотно контролировать городские институты, опасаясь их чрезмерного усиления. Такие опасения не были беспочвенными. В границах, установленных Хаммурапи, Вавилон просуществовал около 20 лет, примерно с 1760 по 1740 г. до н. э. Распад Вавилонского государства фактически начался через несколько лет после того, как Хаммурапи завершил его объединение.

Самсуилуна. Сыну Хаммурапи Самсуилуне пришлось столкнуться с прямым мятежом южных городов. Первые годы его правления прошли, правда, достаточно мирно. Уже в середине 1750 г. до н. э. сразу же после смерти Хаммурапи был оглашен очередной указ об «освобождении». Это должно было поддержать авторитет нового царя и, вероятно, несколько сгладить накапливавшиеся социальные противоречия. Датировочные формулы первых лет правления Самсуилуны упоминают о процветании и благоденствии, которым в эти годы наслаждалось население Южной Месопотамии (RIME 4, 372–403).

Тем не менее экономическая ситуация на юге Месопотамии, которая была очень сложной еще при жизни Хаммурапи, продолжала обостряться¹. Фактически юг так и не стал полноправной частью Вавилонского государства,

¹ В Ниппуре, по мнению Э. Стоун, перед восстанием происходило усиление поляризации между богатыми и бедными, все меньше и меньше семей и отдельных лиц доминировали в политическом и экономическом ландшафте города. Такая же ситуация была, вероятно, и в других городах юга (Stone 1977)

превратившись в источник колоссальных доходов для центра. В сочетании с ухудшением условий внешней среды и общим падением урожайности в этом регионе это вело к серьезному понижению уровня жизни населения, прежде всего городского. Большая часть местной городской элиты была, по-видимому, настроена против центра, поскольку ее отодвинули от контроля за городским хозяйством, который перешел в руки вавилонской администрации.

Самсуилуна предпринял серьезные меры, чтобы успокоить население и предотвратить надвигающийся кризис. В 1742 г. до н. э. был объявлен новый указ об «освобождении». Однако эта попытка умиротворения не удалась. С начала 8-го года своего правления (1742 г. до н. э.) Самсуилуна начал терять контроль над южными землями, а в ряде городов юга и северо-востока Южной Месопотамии появились независимые правители, которые называли себя царями². В городах Лагаш, Ларса, Ниппур, Ур, Бад-Тибера, Куталла писцы перестали датировать документы официальными вавилонскими датировками, используя вместо этого датировки нового царя Ларсы Рим-Сина II. Несколько позднее, во второй половине 1741 г. до н. э., на текстах из Урука появились датировки «царя Урука» Рим-Анума.

Постепенно восстание расширялось, так что к концу 1742 г. Самсуилуна уже полностью утратил контроль над югом. В начале 1741 г. до н. э. не только юг откололся от Вавилона, но к восстанию присоединились и некоторые города из северной части аллювия, в частности Эшнунна и территория, которую контролировало западносемитское племя мутиабаль со столицей в городе Казаллу (Charpin 2001: 52), который был расположен довольно близко от самого Вавилона. При этом независимые правители восставших городов и территорий далеко не всегда могли договориться между собой, что впоследствии во многом помогло Самсуилуне подавить восстание.

Однако вавилонскому царю не удалось сразу направить свои войска для подавления мятежа, поскольку как раз в тот момент, когда восстание разгоралось, с северо-востока на Вавилонию напали касситы³. Возможно, они знали о восстании и надеялись воспользоваться сложившейся ситуацией. Во всяком случае, их нападение на несколько месяцев отвлекло силы Самсуилуны.

² Традиционно эти события рассматривали как единое восстание во главе с царем Ларсы, однако последние исследования, особенно относительно Урука, показывают более сложную и неоднозначную картину (Rositani 2003).

³ Касситы — один из горных народов, обитавший на северо-восточных границах Южной Месопотамии. Именно касситы сыграли важную роль в истории Месопотамии во второй половине II тыс. до н. э., когда на протяжении 450 лет она находилась под властью касситской династии. Однако в рассматриваемый период сведений о них очень мало. После поражения, которое им нанес Самсуилуна, они не упоминаются в источниках из Южной Месопотамии и не появляются как военная сила вплоть до времени правления его преемника Абиэшука (1711–1683). В документах конца правления I вавилонской династии (вторая половина 16 в. до н. э.) довольно часто появляются касситские имена собственные. По-видимому, в это время отдельные группы касситов мирно жили на территории Вавилонии и даже служили в вавилонском войске, как это некогда было и с амореями.

К счастью для Вавилона, касситы не действовали в союзе с южанами. Конец 1742 и значительную часть 1741 г. до н. э. Самсуилуна провел в борьбе с касситскими отрядами и, одержав решительную победу, изгнал их из Южной Месопотамии. После этого он смог направить свои силы для борьбы с внутренними мятежниками.

К этому времени против Вавилона уже выступали не только несколько крупных и богатых городов юга, но и правители целого ряда других территорий юга и северо-востока. В одной из своих надписей Самсуилуна упоминает «26 мятежных царей», которые поддержали восставших (RIME 4, 387). Среди наиболее значительных руководителей восстания были Рим-Син, царь Ларсы, Рим-Анум, царь Урука и Илуни, царь Эшнунны⁴.

Лидером восставших городов юга, безусловно, была Ларса, где провозгласил себя царем некий человек по имени Рим-Син. Исследователи условно называют его Рим-Син II. Многие города примкнули к восстанию, следуя за Ларсой и, надеясь, вероятно, вернуться к той политической и экономической практике, которая существовала в царстве Ларса при Рим-Сине.

Рим-Син II — лидер восстания. Одним из лидеров восстания был человек по имени Рим-Син, о личности и происхождении которого почти ничего не известно⁵. Трудно предположить, что это был тот самый Рим-Син, сын Кудур-мабука, который правил в Ларсе с 1822 по 1763 г. до н. э. В это время (т. е. в 1742 г. до н. э.) ему должно было быть никак не менее 90 лет. Против этого говорит и следующий факт. Рим-Син, сын Кудур-мабука, на 23-м году своего правления был обожествлен, и с тех пор перед его именем стали выписывать детерминатив бога. Когда под этим же именем стал править новый царь, писцы, видимо, были в затруднении, не зная, надо ли ставить перед его именем детерминатив⁶. Всего от времени Рим-Сина II известны три датировочные формулы, соответствующие, вероятно, трем годам его правления (RLA II, 164). В самых ранних документах, относящихся к 1-му году правления Рим-Сина II, при написании имени царя происходит некоторая путаница — одни писцы ставят перед ним детерминатив божества, а другие — нет. Однако в документах, составленных в последующие два года, такой путаницы нет. Писцы, получив, видимо, соответствующие указания, твердо ставили детерминатив бога перед именем царя, но в хозяйственных документах из сосед-

⁴ Вся информация о восстании происходит из надписей и датировок Самсуилуны, также сохранилось несколько датировок Рим-Сина II и Рим-Анума.

⁵ От Рим-Сина II не дошло никаких надписей, но сохранилось одно письмо (AbB 13 53) и оттиски печатей его «рабов» на документах (RIME 4, 317 ff.). Также на хозяйственных документах сохранилось несколько датировок времени его правления (Stol 1976: 44–56; Козырева 1988: 148–152).

⁶ Сохранилось восемь квитанций на зерно, выданных в Ларсе неким Мухегалем в разные месяцы одного и того же года — 1-го года правления Рим-Сина II. Четыре из них вообще не датированы, проставлен только месяц и день (СВД 78, 80, 81, 83). В четырех других, где датировочные формулы имеются, в двух случаях перед именем Рим-Сина II стоит детерминатив бога (СВД 74, 77), а в двух других он отсутствует (СВД 75, 77). Отсутствует он и в датировке документа YOS 8 55 от 1-го года Рим-Сина II, тогда как в документе YOS 8 70 этот детерминатив есть, что позволяет отнести его не к 1-му году Рим-Сина, сына Кудур-мабука, как счел издатель, а к 1-му году Рим-Сина II.

него с Ларсой Ура и в этих датировочных формулах детерминатив иногда отсутствует (UET 5 411, 536).

В частноправовых документах имя правящего царя, кроме датировочной формулы, упоминалось обычно и в формуле клятвы, которой сопровождалось совершение сделки. Для ларсских документов такого рода, относящихся ко второй половине правления Рим-Сина, сына Кудур-мабука, т. е. ко времени, когда тот уже был обожествлен, характерна следующая стандартная формула клятвы: «Именем бога Нанны, бога Шамаша и бога Рим-Сина, царя, он поклялся». Частноправовых сделок времени Рим-Сина II сохранилось немного. В большинстве случаев клятва в них вообще отсутствует (YOS 8 54, 55, 70) либо пишется краткая формула без упоминания собственного имени царя (BIN 7 175; СВД 21; TS 85). Поскольку положение нового царя было, вероятно, неустойчивым, контрагенты старались избежать упоминания его имени в договоре. Только в одной купчей из Куталлы приведена полная формула клятвы и перед именем царя Рим-Сина II выписан детерминатив божества (TS 86).

Вряд ли во главе восстания мог стать и племянник царя Рим-Сина, сына Кудур-мабука, который также носил имя Рим-Син⁷. В этом случае ко времени восстания он тоже должен был быть очень преклонного возраста. Кем бы ни был новый царь Ларсы, совершенно очевидно, что он старался использовать авторитет имени своего знаменитого предшественника. Главной его опорой была, видимо, все та же группа высших городских чиновников и торговцев, которая процветала и при сыновьях Кудур-мабука. Трудно считать случайностью, что одновременно с появлением имени Рим-Сина II в документах из Ларсы вновь появляется и имя Бальмунамхе, так хорошо знакомое из частноправовых и хозяйственных документов времени Варад-Сина и Рим-Сина, сыновей Кудур-мабука, а также имена целого ряда других высокопоставленных городских чиновников, активно действовавших в то же время⁸. Многие из них

⁷ Имя Рим-Сина, сына царя Варад-Сина, сохранилось в надписи на его печати (Edzard 1957: 167).

⁸ Бальмунамхе (II) занимал, судя по всему, достаточно высокое положение в администрации Рим-Сина II. В одном случае в отчетном документе записано, что он вместе с двумя другими лицами получил 30 л масла (СВД 84). В другом документе он выступал как контролер, ответственный за передачу царю большого количества изделий из бронзы общим весом более 300 кг (YOS 5 227, 23 X Рим-Син II; Stol 1976: 51–52; Козырева 1988: 198). Документ представляет собой список военного снаряжения и строительного инструмента, отправленного, по-видимому, управителем города Ларса Син-муштаlem царю Рим-Сину II, войска которого в это время, вероятно, сражались с войсками Самсуилуны. Он был составлен в конце X месяца 1741 г. до н. э., хотя Самсуилуна в своей надписи впоследствии утверждал, что победу над мятежниками он одержал уже к середине этого года.

«187 топоров бронзовых, вес их 6 талантов 3 $\frac{2}{3}$ мины;
60 заступов (?) бронзовых, вес их 1 талант 10 мин,
191 лопата бронзовая, вес их 2 таланта 54 $\frac{1}{2}$ мины;
654 колышка (?) для лопат бронзовых, вес их 6 $\frac{1}{2}$ мины;
(всего) 10 талантов 14 $\frac{2}{3}$ мины (изделий из) бронзы.
(Это) расчет полный. (Также) 5 одежд *массу*.

(Это) снаряжение, которое из Ларсы Син-муштаle, управитель города Ларса (*šāpir ud.unug.ki*), царю отправил. Контроль (*gir*) Бальмунамхе. Получение Нур-Шамаша, казначея дворца.

в надписях на своих печатях, где они называли себя «рабами (царя) RN», поменяли имя Самсуилуны на имя Рим-Сина.

Неизвестно, каким образом Рим-Син II пришел к власти. Самсуилуна в одной из своих поздних надписей, вспоминая эти события, говорит о Рим-Сине как о человеке, который «подвиг Ямутбал на восстание и был избран на царствование в Ларсе» (RIME 4, 387). Сохранилось одно письмо, написанное Рим-Сином II. Оно адресовано некоему Амурру-иллати, возможно одному из лидеров амореев, которого Рим-Син II надеялся привлечь на свою сторону, обещая возвысить его:

«Чтобы установить свет над Ямутбалом и собрать его рассеянных (войной) жителей, великие боги в Кеше, моем родном городе, (прочный) фундамент моего трона (царственности) установили. Как вся страна, когда услышала (об этом) и обрадовалась и пришла ко мне, чтобы со мною увидеться, так и ты приходи, чтобы увидеться со мною. Как только табличку мою получишь (увидишь), приходи, пусть мы встретимся. Имя твое я сделаю великим...» (AbB 13/2 53).

Независимые правители появились и в других городах юга, в частности в Уруке. Еще при предке Самсуилуны Сумулаэ (1880–1844) Урук был союзником Вавилона. Когда началось восстание, Урук, по-видимому, не перешел открыто на сторону Рим-Сина II. Вместо этого в середине VIII месяца 1741 г. до н. э. там стал править некий Рим-Анум, провозгласивший себя царем. Возможно, он воспользовался ситуацией и захватил власть в городе в тот момент, когда все войска Вавилона были заняты борьбой с Рим-Сином II. Рим-Анум правил неполных три года. Затем он как будто исчез, и некоторое время документы в Уруке датировались именем Наби-илишу, который при Рим-Ануме был высокопоставленным чиновником, вскоре после этого город был вновь завоеван Самсуилуной (Rositani 2003, 15–25). Среди трех главных «врагов» Самсуилуны, которых он перечислил в своей победной надписи (RIME 4, 387), помимо Рим-Сина и Рим-Анума был и некий Илуни, провозгласивший себя царем Эшнунны. О нем известно еще меньше, чем о двух других царях⁹.

После победы над касситами, одержанной, вероятно, в конце 1742 г. до н. э. в течение следующего, 1741 г. Самсуилуна, как сообщается в его надписи, одержал победу в восьми битвах против восставших (RIME 4, 376). Окончательное поражение войскам мятежников было нанесено в битве, состоявшейся около города Киш. Датировка 10-го года Самсуилуны (1740) сообщает об одержанной в предшествующем (1741) году победе над войсками Эшнунны, Ямутбала,

Месяц тебетум, день 23-й. Год, когда Рим-Син, царь, чужеземных врагов, людей ужасных [победил].»

⁹ Возможно, Илуни восстал одновременно с Рим-Сином II и даже был его союзником (Charpin 1998). От IX месяца 8-го года Самсуилуны (1742) сохранился документ из Ура с оттиском печати, в надписи на которой владелец печати называл себя «рабом (царя) Илуни» (Ormsby 1972: 11), также на документе из Ура сохранилась одна датировочная формула этого царя (Mieroop 1992: 68). Трудно предположить, что Илуни контролировал Ур; возможно, текст был написан в другом месте.

Урука и Исина¹⁰. Сам Рим-Син II, вероятно, погиб во время битвы, судя по датировочной формуле 14-го года Самсуилуны, когда мятеж был, по-видимому, уже полностью подавлен. Согласно этой датировке, «великою силою он (т. е. Самсуилуна) поразил оружием дерзкого самозванного царя, возмущившего людей Ура» (RLA II, 183). Возможно, уже в 1740 г. до н. э. в Ларсе снова начали использовать датировки Самсуилуны¹¹.

Общее описание событий этих лет с точки зрения вавилонского царя сохранилось в надписи Самсуилуны от 1732 г. до н. э. «В течение одного года весь Шумер и Аккад, которые стали враждебными ко мне, я победил своим оружием в 8 битвах. Я обратил города моих врагов в груды камней и руин. Я вырвал корни врагов и злодеев из страны. Воистину я заставил всю страну подчиниться моим приказам» (RIME 4, 376–377).

Позднее, в надписи 1727 г. до н. э., эти же события были описаны более подробно: «Не прошло и полугода, как он (Самсуилуна) убил Рим-Сина, уроженца Ямутбала, который был избран царем Ларсы, и в земле Киша он воздвиг над ним погребальный холм. Он убил 26 мятежных царей, его сторонников, он отрубил голову каждому из них. Он взял в плен Илуни, царя Эшнунны, того, кто не послушался его слов, провел его в шейных кандалах и перерезал ему горло. Весь Шумер и Аккад он привел к согласию и заставил четыре стороны света склониться перед ним» (RIME 4, 387).

Хотя Самсуилуна в своей надписи говорит о полной победе над восставшими, которую он якобы одержал всего через несколько месяцев после начала восстания (т. е. в первой половине 1742 г.), и о казни их лидеров, на самом деле конфликт не был погашен так быстро. Военные действия против мятежников, и ликвидация последних очагов восстания продолжались еще несколько лет. В следующем после битвы при Кише году (1740) войска Самсуилуны разрушили стены Ура, Ларсы и Урука и должны были еще дважды сражаться с войсками южан. О борьбе с восставшими и разрушении двух южных городов (Кисурры и Сабума) говорится и в датировочных формулах 1738 и 1737 гг. (12-го и 13-го год Самсуилуны).

Результаты войны 1741–1737 гг. до н. э. (9–13-й годы правления Самсуилуны) оказались катастрофическими для юга Месопотамии. Помимо гибели части населения и разрушения вавилонскими войсками восставших городов, в ходе военных действий, возможно, были повреждены какие-то фрагменты городских систем водоснабжения. Это подтолкнуло наступление давно назревавшего экологического кризиса и привело, по-видимому, к полному развалу

¹⁰ 10-й год Самсуилуны имел следующее название: «Год, когда войско людей (страны) Идамарац, Ямутбала, Урука и Исина (он победил)» (*ugnim lú idamaras.ki jamutbalum unug.ki isinna.ki* RLA II, 183). Отдельные регионы Южной Месопотамии в это время носили названия, связанные с названиями западносемитских племен, представители которых заселили их, вероятно, еще в конце III тыс. до н. э. Центром территории, носившей название западносемитского племени мутиабаль, был город Казаллу, территории племени идамарац — Эшнунна и территории племени ямутбал — Ларса.

¹¹ В Ларсе были найдены четыре глиняные призмы с записями гимнов, датированные 10-м годом Самсуилуны (Tenney 1998: 162).

ирригационных систем южных городов. Через несколько лет после жестокого подавления восстания многие города юга были, по-видимому, покинуты жителями и постепенно пришли в полное запустение. Свидетельства синхронных текстов из этих городов говорят о происходившем в это же время упадке писцовой и деловой активности в большинстве городов юга. Датировки на табличках, найденных здесь при раскопках, помогают определить, когда были покинуты те или иные города (Stone 2002). Самые поздние тексты в таких городах, как Адаб, Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибира, Ур, Кисурра, были записаны в 1739–1737 гг. до н. э. Исин и Ниппур на несколько лет пережили этот период, но в 1721–1720 гг. и они были заброшены. Население городов либо рассеялось по маленьким сельским селениям, либо мигрировало.

Городское и сельское население стало покидать территорию юга и центра Южной Месопотамии уже со второй половины 18 в. до н. э., постепенно перемещаясь в более комфортную для жизни северную часть региона. Однако после 1737 г. до н. э. эти процессы значительно активизировались и продолжались на протяжении многих десятилетий (Charpin 2004: 343 ff.). Невозможно установить, каково было количество этих переселенцев и какую часть от всего населения они составляли. Городская элита находила убежище в крупных северных городах. Культовые служители Урука и Лагаша переезжали в Киш, а Ларсы — в Вавилон. Судя по тому, что садовники Урука упоминаются в документах региона Киш-Дильбат-Марад, они устроились на новом месте целой профессиональной группой¹². Организация торговых агентов-тамкаров Урука упоминается в документах из Дильбата времени Абиэшуха (1711–1683). Представители персонала храмов Инанны, Нанайи и Канисурры из Урука появились в Кише в 1-й год правления Абиэшуха (1711) и достаточно благополучно жили здесь по крайней мере до конца I вавилонской династии¹³. Что происходило с остальными жителями покинутых городов, неизвестно. Кто-то перебрался в другие районы Южной Месопотамии. Значительная часть городского населения, вероятно, «рассеялась» по южным болотистым и прибрежным территориям, как это было и в самом начале II тыс. до н. э. Прекращение городской деятельности в старых центрах сопровождалось значительным уменьшением

¹² В старовавилонском архиве, который касается управления царскими финиковыми плантациями в провинции Нижний Яхрурум, т. е. в районе Киша (15 км к востоку от Вавилона), упоминается группа из 13 садовников из Урука и 37 садовников из города Малгиум. Поскольку два города, Киш и Урук, разделяют 200 км, этих людей вряд ли можно считать наемными работниками. Они пришли в Киш, чтобы найти убежище в то время, когда царь Самсуилуна потерял контроль над югом, в том числе над Уруком, в результате чего эти территории стали подвергаться постоянным набегам эламитян. Эти садовники были только малой частью группы переселенцев из Урука. Среди этих мигрантов также были жрецы и писцы (Charpin 1981: 521–29).

¹³ Об этом свидетельствуют данные ономастики (теофорные имена, топоним Урук в именах собственных), надписи на печатях. Три-четыре поколения этих семей можно проследить до конца 17 в. до н. э., потом просто исчезают документы. При этом урукиты сохраняли определенную изолированность и тесные связи с царем: многие представители этого круга называли себя «рабами царя Аммицадуки/Самсудитаны» (Charpin 1986).

(примерно на 40 %) общей площади городских поселений юга. Не создавались и новые поселения¹⁴.

Самсуилуна, вероятно, предпринимал попытки спасти для своего государства хотя бы города Исин и Ниппур¹⁵, но и это оказалось не по плечу Вавилону. У Вавилонского государства не было в то время достаточных материальных и трудовых ресурсов, чтобы организовать масштабные работы по восстановлению ирригационных систем, разрушенных в ходе длительной и жестокой войны, особенно учитывая, что города юга остались почти без населения. Юг был потерян в 12-м году, а центр (Исин и Ниппур) около 30-го года правления Самсуилуны. Таким образом, Вавилон потерял не только огромные налоги, но значительную часть ресурсов, которые доставлялись морем и поступали от торговли с заливом.

Не надеясь восстановить города юга и центра, Самсуилуна решил отгородиться от обезлюдевших территорий. В 1733 г. до н. э. администрацией Вавилона были предприняты работы по восстановлению «крепостей Ямутбала» (RIME 4, 380–383). Эти крепости когда-то были построены предком Самсуилуны Сумулазлем (1880–1844) для защиты Вавилона от Ямутбала. При Хаммурапи, когда вся территория Южной Месопотамии была объединена под властью Вавилона, эти защитные сооружения оказались ненужными и были заброшены. Однако после подавления восстания 1741–1737 гг. до н. э. старая граница с Ямутбалом была восстановлена, чтобы обезопасить территорию Вавилонского государства от набегов и нападений с юга и юго-востока.

Города, оставшиеся без населения, быстро приходили в упадок. Поля и сады вокруг них превращались в пустыню. Этому способствовали разрушительные природные силы: зимние дожди, ускорявшие процессы эрозии заброшенных строений, и ветры, приносившие из пустынь пески, которые постепенно засыпали все неровности ландшафта. Несколько десятилетий их работы приводили к тому, что на плоской равнине юга не оставалось почти никаких следов строительной деятельности. Только вокруг самых высоких городских сооружений скапливались нанесенные ветром горы песка и остатков городской жизни (керамика, кости, таблички), которые формировали высокие холмы (телли)¹⁶.

Несмотря на упадок городской жизни на этих территориях, здесь оставались часть сельского населения и «рассеявшиеся» горожане, которые по каким-то

¹⁴ Одновременно шло значительное увеличение населения в северной части Южной Месопотамии (Аккад). Расширялись уже существующие поселения и создавались новые (Adams 1958: 102–103).

¹⁵ Судя по датировкам, в 1736 г. до н. э. Самсуилуна организовал работы по восстановлению стен города Исина. Однако продолжавшееся разрушение водной системы на юге, по-видимому, вынудило вавилонского царя просто уйти из Исина и Ниппура.

¹⁶ Есть предположение, что процессы эрозии больше затронули крупные административные здания, чем резидентную часть городов. В результате исчезли все или почти все административные здания начала II тыс. до н. э., на их месте остались административные здания их предшественников конца III тыс. (времени Ур III), на фундаменте которых они были построены. Есть явные свидетельства эрозии общественных зданий этого времени, больше всего в Ниппуре, но также в Уре, Уруке и, вероятно, в Ларсе (Stone 2002).

причинам не смогли эмигрировать и бежали на периферию. Оказавшись без контроля Вавилона и за пределами крупных городских хозяйств, люди каким-то образом организовывали свою жизнь, и вскоре на юго-восточной окраине Месопотамии возникло небольшое царство, которое в более поздних источниках называли династией Приморья (Lambert 1974)¹⁷. Согласно ШЦС, эта династия правила 368 лет, однако известно о ней очень мало. В конце 17 в. до н. э. правители Приморья контролировали, по-видимому, значительную часть территории юга, в том числе и морское побережье. Эта политическая структура просуществовала до 15 в. до н. э., когда касситский царь Вавилона Уламбуриах завоевал Приморье и разрушил его столицу. В 14 в. до н. э. касситские правители начали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы Южной Месопотамии, и южные города постепенно стали возрождаться. Начиная с 13 в. до н. э. в Ниппуре, а позднее и в Ларсе, Уруке, Уре городская жизнь постепенно возрождается. Появляются надписи касситских царей, упоминающие о реконструкции старых храмовых центров, а затем и частноправовые документы, фиксирующие хозяйственную деятельность горожан. Позже, только в 30-х гг. 12 в. до н. э., такого рода документы появились в Уре. Интересно, что здесь все эти документы происходили из квартала ЕМ, обитатели которого были по-прежнему тесно связаны с храмовым хозяйством, как и их предшественники в начале II тыс. до н. э. Второй этап жизни большинства южных городов аллювия продолжался более тысячи лет. В первые века нашей эры эти города постепенно стали снова приходить в упадок и со временем были окончательно заброшены¹⁸.

¹⁷ На территории, которую контролировали цари Приморской династии, не было крупных городов. Основная часть населения жила в небольших городских центрах и селениях. Вероятно, Приморская династия происходила из города Uruku(g) («Сияющий/Священный город»). В одном из вариантов текста ШЦС, найденном в библиотеке Ашшурбанипала, династия названа «Дом сияющего/священного города» (é uru.kù.ga.ki). Где располагался этот город, неизвестно (Lambert 1974).

¹⁸ Город Ур был заброшен раньше других, около 500 г. до н. э., возможно, из-за вновь обострившихся экологических проблем: сокращения водных ресурсов и засоления почвы (Mieroop 1992: 70).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ЗЛИ — Законы Липит-Иштара.
 ЗХ — Законы Хаммурапи.
 ЗЭ — Законы Эшнунны.
 ППВ — Письменные памятники Востока. СПб.
 СВД — *Рифтин А. П.* Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937.
 AbB — *Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung.* Leiden, 1964 ff.
 AbB 9 — *Stol M.* Letters from Yale. Leiden, 1983.
 AbB 10 — *Kraus F. R.* Briefe aus kleineren westeuropäischen Sammlungen. Leiden, 1985.
 AbB 13 — *Soldt W. H. van.* Letters in the British Museum. Leiden, 1993.
 AbB 14 — *Veenhof K. R.* Letters in the Louvre. *Altbabylonische Briefe XIV.* Leiden; Boston, 2005.
 AfO — Archiv für Orientforschung. Berlin.
 AOS — American Oriental Series. New Haven: American Oriental Society.
 AS — Assyriological Studies. Oriental Institute, Univ. of Chicago.
 ASJ — Acta sumerologica (Japonica).
 attrib. — эпитет.
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven.
 BBVO — Berliner Beiträge zum Vorderer Orient. Berlin.
 BIN — Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies. New Naven, 1917 ff.
 BIN 7 — *Alexander J. B.* Early Babylonian Letters and Economic Texts. New Haven; London, 1943.
 BIN 8 — *Hacman G. G.* Sumerian and Akkadian Administrative Texts: From Predynastic Times to the End of the Akkad Dynasty. New Haven, 1958.
 BIN 9 — *Emerson V.* Sumerian Economic Nexts from the First Dynasty of Isin. New Haven, 1954.
 BiOr — Bibliotheca Orientalis. Leiden, 1943/44 ff.
 BM — Bibliotheca Mesopotamica. Malibu.
 CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956 ff.
 CDLJ — Cuneiform Digital Library Journal <<http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj.html>> Los-Angeles/Berlin 2002 ff.
 CDLN — Cuneiform Digital Library Notes <<http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlb.html>> Los-Angeles/Berlin 2002 ff.
 CT — Cuneiform Texts from the Babylonian Tablets in the British Museum. London.
 DN — dingir (god) name.
 EG — Grant Elihu. Babylonian Business Documents of the Classical Period. Philadelphia, 1919.
 ELTS — Gelb, Steinkeller, Whiting — *Gelb I. J., Steinkeller P., Whiting R. M.* Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus. University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 104. Chicago, 1991.
 NABU — Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires. Paris (1987 sq.).
 HUCA — Hebrew Union College Annual. Cincinatti, 1924 ff.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society.
 JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven.
 JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1958 ff.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1942 ff.
 MSVO — Materialien zu den frühen Schriftzeugnissen des Vorderen Orients. Berlin, 1991 ff.
 Or — Orientalia. Roma.
 PN — personal name.

- prof. — профессия/должность.
 RG — Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes. Wiesbaden, 1977 ff.
 RIM — Royal Inscriptions of Mesopotamia. Toronto.
 RIMA — Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods. Toronto, 1997 ff.
 RIMA 1 — *Grayson K. A.* Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods. Vol. 1. Assyrian Rulers 3rd and 2nd Millennia BC (to 1115 BC). Toronto, 1996.
 RIME — Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Toronto, 1990 ff.
 RIME 2 — *Frayne D.* Royal Inscriptions of Mesopotamia. Vol. 2. Sargonic and Gutian Periods. Toronto, 1983.
 RIME 3 — *Frayne D.* Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 3. Ur III Period (2112–2004 BC). Toronto, 1997.
 RIME 3/1 — *Edzard D. O.* Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 3/1. Gudea and His Dynasty. Toronto, 1997.
 RIME 4 — *Frayne D.* Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 4. Old Babylonian Period (2003–1595 BC). Toronto, 1990.
 RLA — Reallexicon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Berlin; Leipzig; New York.
 RN — royal name.
 SANE — Sources of the Ancient Near East. Los Angeles; Malibu, 1974 ff.
 SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
 SAOC 63 — Beyond the Ubeid. Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East / R. A. Carter, G. Philip (eds). Chicago, 2010.
 SARI I — *Cooper J. S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. I. Presargonic Inscriptions. New Haven, Connecticut, 1986.
 TCL — Textes cunéiformes. Musée du Louvre. Paris.
 TCL 10–11 — *Jean Ch. F.* Contrats de Larsa. Paris, 1926.
 TIM — Texts in the Iraq Museum. Baghdad; Wiesbaden, 1964 ff.
 TIM 5 — *Dijk J.* Old Babylonian Contracts and Related Material. Wiesbaden, 1968.
 TS — *Charpin D.* Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de “Tell Sifr”. Genève, 1980.
 UE — Ur Excavations. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. Oxford; Philadelphia, 1927 ff.
 UE 7 — *Woolley C. L.* The Old Babylonian Period. Ur Excavations. Vol. 7. Philadelphia, 1976.
 UE 10 — *Legrain L., Woolley L.* Cylinder Seals. Ur Excavations. Vol. 10. London, 1951.
 UET — Ur Excavations Texts. London, 1928 ff.
 UET 5 — *Figulla H. H., Martin W. J.* Letters and Documents of the Old Babylonian Period. London, 1953. (Ur Excavation Texts. Vol. 5.)
 VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen/staatlichen Museen zu Berlin. Leipzig; Berlin; Mainz.
 VS 18 — *Klengel H.* Altbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Berlin, 1973.
 YBC — signature of the Yale Babylonian Collection.
 YOS — Yale Oriental Series. Babylonian Texts. New Haven, 1915 ff.
 YOS 1 — *Clay Albert T.* Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection. New Haven, 1915.
 YOS 5 — *Grice E. M.* Records from Ur and Larsa Dated in the Larsa Dynasty. New Haven; London, 1919.
 YOS 8 — *Faust D. E.* Contracts from Larsa, Dated in the Reign of Rim-Sin. New Haven; London, 1943.
 YOS 12 — *Feigin S. E.* Legal and Administrative Texts of the Reign of Samsuiluna. New Haven; London, 1979.
 YOS 14 — *Simmons.* Early Old Babylonian Documents. New Haven, 1978.
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie. Leipzig.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Афанасьева В. К.* К проблеме толкования шумерских рельефов // *Культура Востока. Древность и средневековье*. Л., 1978. С. 19–32.
- Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.
- Афанасьева В. К.* От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Вайман А. А.* Шумеро-вавилонская математика. М., 1961.
- Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Дьяконов И. М.* Проблемы собственности: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 13–37.
- Дьяконов И. М.* Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 3–27.
- [*Дьяконов И. М.*] История Древнего Востока. Часть 1. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983.
- Дьяконов И. М.* Люди города Ура. М., 1990.
- Дьяконов И. М.* Праотец Адам // *Восток*. 1992. № 1. С. 51–58.
- Коган Л. Е.* Семитские языки // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки*. М., 2009. С. 15–112.
- Коган Л. Е., Лезов С. В.* Аккадский язык // *Языки мира. Аккадский язык, Северозападное семитские языки*. М., 2009. С. 113–178.
- Козлова Н. В.* Возникновение и развитие письменности в Месопотамии // *Историография истории древнего Востока*. Т. 1. М., 2008. С. 331–359.
- Козырева Н. В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии // ВДИ. 1972. № 2. С. 94–99.
- Козырева Н. В.* Спор из-за наследства жрицы из Ларсы // ВДИ. 1982. № 2. С. 100–106.
- Козырева Н. В.* [Рец. на кн.:] Foster B. R. Umma in the Sargonic Period // ВДИ. 1985. № 3. С. 175–180.
- Козырева Н. В.* Древняя Ларса. М., 1988.
- Козырева Н. В.* Надписи на старовавилонских печатях. 1 // ВДИ. 1997. № 2. С. 116–123.
- Козырева Н. В.* Надписи на старовавилонских печатях. 2 // ВДИ. 1998. № 4. С. 66–74.
- Kozyreva N. V.* Sellers and Buyers of Urban Real Estates in South Mesopotamia // *Urbanization in the Ancient Near East* / M. Hadson, B. Levine (eds). Harvard USA. 1999. P. 353–363.
- Козырева Н. В.* Район ЕМ в городе Уре // *Ассириология и египтология*. СПб., 2000. С. 95–104.
- Козырева Н. В.* Архив из района CLW города Ура // ВДИ. 2000а. № 2. С. 208–213.
- Козырева Н. В.* Амореи в городах Исин и Эшнунна // ВДИ. 2001. № 3. С. 119–123.
- Козырева Н. В.* Старовавилонские печати с именем бога Амурру из собрания Государственного Эрмитажа // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. 2002. Т. 1 (XXVI). С. 134–147.
- Козырева Н. В.* Население города Ниппура (Месопотамия) в начале 2 тыс. до н. э. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 2003. Вып. 20. С. 84–103.
- Козырева Н. В.* Шумер и Аккад — две модели архаических цивилизаций // *Ассириология и египтология*. СПб., 2004. С. 11–48.

- Козырева Н. В.* Историография истории Древней Месопотамии (до I тыс. н. э.) // Историография истории Древнего Востока. Т. 1. М., 2008. С. 310–333; 359–481.
- Козырева Н. В.* [Рец. на кн.:] K. R. Veenhof, Letters in the Louvre. Altbabylonische Briefe. Heft XIV. Brill; Leiden; Boston, 2005 // ВДИ. 2008. № 1. С. 211–218.
- Козырева Н. В.* Перемещения населения в процессе заселения территории Великой Месопотамии в VI–IV тыс. до н. э. // Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. Восток, Европа, Америка в древности. М., 2010а. С. 37–48.
- Козырева Н. В.* Практика датирования документов в Южной Месопотамии старовавилонского периода (2000–1600 гг. до н. э.) // Вестник СПбГУ. 2010b. Сер. 13. Вып. 4. С. 50–60.
- Козырева Н. В.* Взаимодействия этнических групп в ранней истории Месопотамии // ВДИ. 2011. № 3. С. 3–29.
- Козырева Н. В.* Два клинописных текста из Южной Месопотамии начала II тыс. до н. э. (YOS VIII 153, YOS XII 307) // ППВ. 2012. № 1(6). С. 28–38.
- Козырева Н. В.* «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н. э. // ППВ. 2015. № 1. С. 45–57.
- Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984 (перев. с англ.: Lloyd S. The Archaeology of Mesopotamia. London, 1978).
- Массон В. М.* Первые цивилизации. М., 1989.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.* Телль Хазна 1. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М., 2004.
- Никольский М. В.* Документы хозяйственной отчетности эпохи династии Аккада и эпохи династии Ура. Т. 5. М., 1915.
- Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1980 (перев. с англ.: Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. Chicago; London, 1968).
- Рифтин А. П.* Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937.
- Якобсен Т.* Сокровища Тьмы. История месопотамской религии. М., 1995 (перев. с англ.: Jacobsen Th. The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion. New Haven; London, 1976).
- Adams R. M.* Land behind Baghdad: A history of settlement on the Diyala plains. Chicago, 1965.
- Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Chicago; New York, 1969.
- Adams R. M.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981.
- Adams R. M.* An Interdisciplinary Overview of a Mesopotamian City and its Hinterlands // CDLI 2008-1. 2007. P. 1–23.
- Adams R. M.* Old Babylonian Networks of Urban Notables // CDLI 2009-7. 2009.
- Adams R. M.* Slavery and Freedom in the Third Dynasty of Ur: Implications of the Garshana Archives // CDLI 2010-2. 2010.
- Adams R. M., Nissen H. J.* The Uruk Countryside: The Natural Setting of Urban Societies. Chicago, 1972.
- Akkermans P. M., Schwartz G. M.* The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (c. 16,000–300 BC). Cambridge UK, 2003.
- Algaze G.* The Uruk Expansion: Cross-cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization // Current Anthropology. 1989. 30. P. 571–608.

- Algaze G.* The Uruk world system. Chicago, 1993.
- Algaze G.* Initial Social Complexity in Southwestern Asia: the Mesopotamian Advantage // *Current Anthropology*. 2001. V. 42. N 2. P. 199–233.
- Algaze G.* Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization. Chicago; London, 2008.
- Anbar M.* Textes de l'époque babylonienne ancienne // *RA*. 1975. N 69. P. 109–130.
- Anbar M.* Textes de l'époque babylonienne ancienne II: les archives de Sep-Sin // *RA*. 1978. N 72. P. 113–138.
- Anbar M., Stol M.* Textes de l'époque babylonienne ancienne III // *RA*. 1991. N 85. P. 13–36.
- Archi A.* (ed.). Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East. Roma, 1984.
- Archi A., Biga M. G.* A Victory over Mari and the Fall of Ebla // *JCS*. 2003. 55. P. 1–44.
- Arnaud D.* Catalogue des textes et des objets inscrits trouvés au cours de la sixième campagne // Syria. 1976. 53. P. 47–81.
- Arnaud D.* Larsa. Catalogue des textes et des objets inscrits trouvés au cours de la septième campagne // Syria. 1978. 55. P. 225–232.
- Arnaud D.* Catalogue des documents inscrits trouvés de la huitième campagne (1978), avec une annexe de textes divers concernant le royaume de Larsa // *Larsa et Quelli*, travaux de 1978–1981. Paris, 1983. P. 229–290.
- Biggs R. D.* Semitic names in the Fara Period // *Orientalia*. 1967. NS 36. P. 55–66.
- Biggs R. D.* Inscriptions from Al-Hiba-Lagash: The first and Second Seasons // *G. Buccellati* (ed.). Malibu, 1976. (BM. Vol. 3.)
- Black J. A. et al.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature 1998 [available from <http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/>].
- Bonechi M.* Conscriptio à Larsa après la conquête babylonienne // *Mari. Annales de Recherches Interdisciplinaires*. 1993. 7. P. 129–164.
- Breckwoldt T.* Management of Grain Storage in Old Babylonian Larsa // *AfO*. 1995. 42/43. P. 64–88.
- Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Napoli, 1966.
- Butz K.* Ur in altbabylonische Zeit als Wirtschaftsfaktor // *State and Temple Economy in the Ancient Near East I* / E. Lipinski (ed.). Leuven, 1979. P. 257–409. (*Orientalia Lovanensia Analecta* 5.)
- Calvet Y.* Maisons privées paléo-babyloniennes à Larsa: remarques d'architecture // *Houses and Households in Ancient Mesopotamia: Papers Read at the 40e Rencontre Assyriologique Internationale*. Leiden, July 5–8 1993. Leiden, 1996. P. 197–209. (*Publications de l'Institut historique et archéologique néerlandais de Stamboul* 78.)
- Charpin D.* Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de "Tell Sifr". Genève, 1980.
- Charpin D.* La Babylonie de Samsu-iluna à la lumière de nouveaux documents // *BiOr*. 1981. 38. P. 517–547.
- Charpin D.* Le clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi. Genève; Paris, 1986.
- Charpin D.* Les divinités familiales des babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres // *De la Babylonie à la Syrie, en passant par Mari*. Liège, 1990. P. 59–78.
- Charpin D.* Les Légendes des sceaux de Mari: nouvelles données // *G. D. Young* (ed.). *Mari in Retrospect*. Winona Lake, Indiana, 1992. P. 59–75.
- Charpin D.* "Iluni, roi d'Esnunna" // *NABU*. 1998. 29. P. 33–34.
- Charpin D.* La politique immobilière des marchands de Larsa à la lumière des découvertes épigraphiques de 1987 et 1989 / J.-L. Huot (ed.). *Larsa, travaux de 1987 et 1989*. Beirut, 2003. P. 311–322 (*Bibliothèque Archéologique et Historique* 165).

- Charpin D.* Histoire politique du Proche-Orient Amorrite (2002–1595) // Mesopotamien: Die altbabylonische Zeit. Freiburg Schweiz, 2004. P. 25–403.
- Charvat P.* Mesopotamia before History. London; New York, 2002.
- Cocquerillat D.* Les prébendes patrimoniales dans les temples à l'époque de la Ire dynastie de Babylone // Revue internationale des droits de l'antiquité. 1955. 3e série. Tome II.
- Cohen A. C.* Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship. Leiden; Boston, 2005.
- Collon D.* with contributions by C. B. F. Walker, M. Sax. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals III. Isin/Larsa and Old Babylonian Periods. London, 1986.
- Cooper J. S.* Gilgames and Agga: a review article // JCS. 1981. 33. P. 224–241.
- Cooper J. S.* Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict. Malibu, 1983. (SANE 2/1.)
- Cooper J. S.* The Curse of Agade. Baltimore, 1983.
- Cooper J. S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. Vol. 1. Presargonic Inscriptions. AOS, 1986.
- Cooper J. S.* Divine Kingship in Mesopotamia, a Fleeting Fenomenon // Religion and Power. Divine Kingship in the Ancient World and Beyond / N. Brisch (ed.). Chicago, 2008.
- Cooper J. S.* Blind Workmen, Weaving Women and Prostitutes in Third Millennium Babylonia // CDLN 2010-005. 2010.
- Curtis J. B., Hallo W. W.* Money and Merchants in Ur III // HUCA. 1959. XXX. P. 103–112.
- Dahl J. L.* The Ruling Family of Ur III Umma: A Prosopographical Analysis of an Elite Family in Southern Iraq 4000 Years Ago // Publications de l'Institut historique et archéologique néerlandais de Stamboul 108. Leiden, 2007.
- Dahl J. I.* A Babylonian Gang of Potters. Reconstructing of Social Organization of Crafts Production in the late Third Millennium BC Southern Mesopotamia // City Administration in the Ancient Near East. Proceedings of the 53 Rencontre Assyriologique Internationale. Vol. 2. Winona Lake, Indiana, 2010. P. 275–306.
- Deimel A.* Sumerisches Lexicon. Pantheon Babylonicum. Rome, 1950.
- Dijk J. van.* Une insurrection générale au pays de Larsa avant l'avènement de Nur-Adad // JCS. 1965. 19. P. 1–25.
- Dittmann R.* Seals. Sealing and Tablets: Thoughts on the Changing Pattern of Administrative Control from the Late Uruk to the Proto-Elamite Period at Susa // Gemdet Nasr: Period or Regional Style? / U. Finkbeiner, W. Röllig (eds). Wiesbaden, 1986. P. 332–366.
- Donbaz V., Sauren H.* NI 2553+2556, a Missing Link of the Hammurabi Law-Code // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1991. V. 22. P. 5–26.
- Donbaz V., Yoffe N.* Old Babylonian Texts from Kish // BM. 1986. 17.
- Driel G. van.* Care of the Elderly: the Neo-Babylonian Period // The Care of the Elderly in the Ancient Near East. Leiden, 1998. P. 161–198.
- Driel G. van.* Jebel Aruda: Variations on a late Uruk domestic theme // J. N. Postgate (ed.). Artefacts of Complexity: Tracking the Uruk in the Near East, British School of Archaeology in Iraq. Warminster, 2002. P. 191–205.
- Dyckhoff C.* Balmunamhe von Larsa, eine altbabylonische Existenz zwischen Okonomie, Kultus, und Wissenschaft // Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontre Assyriologique Internationale. Prague, July 1–5, 1996 / J. Prosecky (ed.). Praha, 1998. P. 117–124.
- Edzard D. O.* Die 'Zwiete Zwischenzeit' Babylonien. Wiesbaden, 1957.

- Edzard D. O.* Sumerer und Semiten in der fruhen Geschichte Mesopotamiens // IXe Rencontre Assyriologique Internationale. Genève, 20–23 juin 1960. Aspects du contact suméro-akkadien. Geneva, 1960. P. 242–248.
- Edzard D. O.* Kudur-mabuk // RLA. 1983. 6. P. 267.
- Edzard D. O.* Sargon's Report on Kish. A Problem in Akkadian Philology // Ah, Assyria. Studies in Assyrian History and Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor / M. Cogan, I. Eph'al (eds). Magnes Press, Hebrew University, 1991.
- Englund R. K.* Administrative Timekeeping in Ancient Mesopotamia // JESHO. 1988. 31. P. 121–185.
- Englund R. K.* Organization and Verwaltung der Ur-III Ficherei. Berlin, 1990. (BBVO 10.)
- Englund R. K.* Hard Work — Where Will It Get You? Labor Management in Ur III Mesopotamia // JNES. 1992. 50. P. 255–280.
- Englund R. K.* Late Uruk Period Cattle and Dairy Products: Evidence from Proto-cuneiform Sources // Bulletin of Sumerian Agriculture VIII. Cambridge, 1995. P. 33–48.
- Englund R. K.* Texts from the late Uruk period, in Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit / P. Attinger, M. Wäfler (eds). Freiburg; Göttingen, 1998.
- Englund R. K.* The Smell of the Cage // CDLJ 2009-4.
- Falkenstein A.* Die Neusumerischen Gerichtsurkunden. Munich, 1956.
- Ferwerda G. Th.* A Contribution to the Early Isin Archive. Leiden, 1985.
- Feuerherm K. G.* Abum-waqar Son of Iddin-Erra and His Circle: A Prosopographical Study. Thesis (PhD). University of Toronto, 2004.
- Figulla H. H., Martin W. J.* Letters and Documents of the Old Babylonian Period. London, 1953. (UET 5).
- Finkelstein J. J.* The Genealogy of Hammurapi Dynasty // JCS. 1966. 20/3. P. 95–118.
- Fitzgerald M. A.* The Rulers of Larsa. Dissertation (PhD). Yale University, 2002.
- Foster B. R.* Commercial activity in Sargonic Mesopotamia // Iraq. 1977. 39. P. 31–43.
- Foster B. R.* A New Look at the Sumerian Temple State // JESHO. 1981. 24/3. P. 225–241.
- Foster B. R.* Administration and Use of Institutional Land in Sargonic Sumer. Copenhagen, 1982. (Mesopotamia 9.)
- Foster B. R.* Archives and Record-keeping in Sargonic Mesopotamia // ZA. 1982a. 72. P. 1–27.
- Foster B. R.* An Agricultural Archive from Sargonic Akkad // ASJ. 1982b. 4. P. 7–51.
- Foster B. R.* Umma in the Sargonic Period. Hamden, Connecticut, 1982c.
- Foster B. R.* People, Land and Produce in Sargonic Gasur // Studies on the civilization and culture of Nuzi and the Hurrians 2 / D. I. Owen, M. A. Morrison (eds). Winona Lake, 1987. P. 89–107. (General studies and Excavations at Nuzi, 9, 1.)
- Foster B. R.* A Sargonic Archive from the Lagash Region // Dumu E2-dub-ba-a. Studies in Honor of Ake W. Sjöberg / H. Behrens et al. (eds). Philadelphia University Museum, 1989. P. 155–165. (Occasional Publications of the Samuel Noah Kramer Fund 11.)
- Foster B. R.* "International" Trade at Sargonic Susa (Susa in the Sargonic Period III) // Altorientalische Forschungen. 1993. 20/1. P. 59–68.
- Foster B. R.* Management and Administration in Sargonic Period // Akkad: The First World Empire / M. Liverani (ed.). Padua, 1993a. P. 25–39.
- Foster B. R.* Early Mesopotamian Land Sales // JAOS. 1994. 114/3. P. 440–452.
- Frangipane M.* Centralization Processes in Greater Mesopotamia: Uruk Expansion as the Climax of Systematic Interactions among Areas of the Greater Mesopotamian Region // Uruk Mesopotamia and its Neighbors: Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe, 2001.

- Frangipane M.* Non-Uruk Developments and Uruk-linked Features on the Northern Borders of Greater Mesopotamia // *Artifacts of Complexity*. 2002. P. 123–148.
- Frangipane M.* Different Types of Egalitarian Societies and the Development of Inequality in Early Mesopotamia // *World Archaeology*. June 2007. Vol. 39. N 2. P. 151–176.
- Frangipane M.* Different models of power structuring at the rise of hierarchical societies in the Near East: Primary economy versus luxury and defence management // *The Development of Pre-state Communities in the Ancient Near East. Studies in Honour of Edgar Peltenburg / D. Bolger, L. C. Maguire (eds)*. Oxford, UK, 2010. P. 79–87.
- Franke J. C.* Presentation Seals of the Ur III/Isin-Larsa Period // *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. P. 61–66. (BM 6.)
- Frayne D. R.* A Struggle for Water: A Case Study from the Historical Records of the Cities Isin and Larsa (1900–1800 BC) // *The Canadian Society for Mesopotamian Studies Bulletin*. University of Toronto, 1989. 17. P. 17–28.
- al-Gailani Werr L.* Chronological Table of Old Babylonian Seal Impressions // *Bulletin of the Institute of Archaeology*. University of London, 1980. 17. P. 33–38.
- Gelb I. J.* The ancient Mesopotamian ration system // *JNES*. 1965. 24. P. 230–243.
- Gelb I. J.* An Old Babylonian List of Amorites // *JAOS*. 1968. 88. P. 39–46.
- Gelb I. J.* On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia // *Studi in Onore di Edouardo Volterra*. Roma, 1969. 6. P. 137–154.
- Gelb I. J.* Household and family in early Mesopotamia // *State and Temple Economy in the Ancient Near East I / E. Lipinski (ed.)*. Louvain, 1976. P. 1–97. (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 5.)
- Gelb I. J.* Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions // *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. P. 107–127. (BM 6.)
- Gelb I. J.* Ebla and the Kish Civilization // *La Lingua di Ebla / L. Cagni (ed.)*. Naples. 1981. P. 9–73.
- Gelb I. J.* Mari and the Kish Civilization // *Man in Retrospect / G. D. Young (ed.)*. Winona Lake, 1992. P. 121–202.
- Gelb I. J., Steinkeller P., Whiting R. M.* Earliest Land Tenure Systems in the Near East. University of Chicago Oriental Institute Publications. Vol. 104. Chicago, 1991.
- George A.* The Epic of Gilgamesh. The Babylonian Epic Poem and Other Texts in Akkadian and Sumerian. Harmondsworth, Middlesex, 1999. P. 195–208.
- Gibson McG.* The City and Area of Kish. Field Research Projects / H. Fields, E. M. Laird (eds). Coconut Grove, Miami, Florida, 1972.
- Gibson McG.* Summation // *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. P. 147. (BM. 6.)
- Gibson McG.* The Dead Hand of Deimel // *SAOC*. 2010. 63. P. 85–92.
- Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Atlanta, 2004. (*Writings from the Ancient World*. 19.)
- Goddeeris Anne.* Economy and Society in Northern Babylonia in the Early Old Babylonian Period. Leuven; Paris; Sterling; Virginia, 2002. (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 109.)
- Goetze A.* Sin-iddinam of Larsa: New Tablets from His Reign // *JCS*. 1950. 4. P. 83–118.
- Goetze A.* The Laws of Eshnunna. New Haven, 1956.
- Goetze A.* Šakkanakkus of the Ur III Empire // *JCS*. 1963. 42/1. P. 1–31.
- Goetze A.* The Archive of Atta from Nippur // *JCS*. 1964. 18. P. 102–113.
- Grant E.* Babylonian Business Documents of the Classical Period. Philadelphia (EG), 1919.
- Grayson A. K.* Konigslisten und Chroniken // *RLA*. 1980–1983. 6. P. 86–136.
- Hallo W. W.* New Texts from the Reign of Sin-iddinam // *JCS*. 1967. 21. P. 95–99.
- Hallo W. W.* The House of Urmeme // *JNES*. 1972. 31. P. 87–95.
- Hallo W. W.* The Royal Correspondence of Larsa: I. A Sumerian Prototype for the Prayer of Hezekiah? // *Kramer Anniversary Volume / B. Eichler (ed.)*. Neukirchen-Vluyn, 1976.

- Hallo W. W.* Seals Lost and Found // *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. P. 55–60. (BM 6.)
- Hallo W. W.* The Royal Correspondence of Larsa: II. The Appeal to Utu // *Zikir Shumim: Assyriological Studies Presented to F. R. Kraus on the Occasion of his Seventieth Birthday* / G. van Driel (ed.). Leiden, 1982.
- Harris R.* The Archive of the Sin Temple in Khafajah (Tutub) // *JCS*. 1955. 9. N 2. P. 31–58; N 3. P. 59–88.
- Harris R.* Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B. C.). Istanbul; Leiden, 1975.
- Heimpel W.* Plow animal inspection records from Ur III Girsu and Umma // *Bulletin in Sumerian agriculture*. 1995. 8. P. 70–171.
- Heimpel W.* Dispositions of Households of Officials in Ur III and Mari // *ASJ*. 1997. 19. P. 63–82.
- Heimpel W.* Lady of Girsu // *Riches Hidden in secret Places. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Thorkild Jacobsen* / T. Abusch (ed.). Winona Lake, Indiana, 2002. P. 155–160.
- Heimpel W.* Letters to the King of Mari: a new translation with historical introduction, notes, and commentary. Winona Lake, Indiana, 2003.
- Heimpel W.* Blind Workers in the Ur III Texts // *Kaskal*. 2009. 6. P. 43–48.
- Hritz C.* Tracing Settlement Patterns and Channel Systems in Southern Mesopotamian Using // Remote Sensing. *Journal of Field Archaeology*. 2010. V. 35. N 2. P. 184–192.
- Huot J. L.* Ubaidian Villages of Lower Mesopotamia // *Upon This Foundation: The Ubaid Reconsidered* / E. F. Henrickson, I. Thuesen (eds). Copenhagen, 1989. P. 19–42.
- Huot J. L.* Larsa: Travaux de 1985. Paris, 1989.
- Huot J. L.* The First Farmers at Queili // *The Biblical Archaeologist*. 1992. 55. 4. P. 188–195.
- Izre'el Sh.* Adapa and the South Wind. Language Has the Power of Life and Death: Structure and Meaning. Eisenbrauns, 2001.
- Jacobsen Th.* The reign of Ib-bi-Suen // *JCS*. 1953. 7. P. 36–50.
- Jacobsen Th.* Early political development in Mesopotamia // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*. 1957. V. 52. P. 91–140.
- Jacobsen Th.* Note sur le rôle de l'opinion publique dans l'ancienne Mésopotamie d'après un passage du poème d'Enmerkar // *RA*. 1964. 58. P. 157–158.
- Jacobsen Th.* Iphur-Kîshi and His Times // *AfO*. 1978/79. Bd. XXVI. P. 1–14.
- Jasim S. A.* Excavations at Tell Abada, Iraq // *Paleorient*. 1981. V. 7/2. P. 101–104.
- Jasim S. A.* Oates J. Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell Abada and Tell Brak // *World Archaeology*. 1986. Vol. 17. No. 3. P. 348–362.
- Jean Ch.-F.* Larsa d'après les textes cunéiformes. Paris, 1931.
- Kamp K. A., Yoffee N.* Ethnicity in Ancient Western Asia During the Early Second Millennium B. C. Archaeological Assessments and Ethnoarchaeological Perspectives // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. New Haven, 1980. Vol. 237. P. 85–104.
- Karsgaard Ph.* The Halaf-Ubeid Transition: A Transformation without a Center? // *Studies in Ancient Oriental Civilization*. Chicago, 2010. N 63. P. 51–68.
- Katz D.* Sumerian Funerary Rituals in Context // *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean* / N. Laneri (ed.). Chicago, Illinois, 2007. P. 167–186. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Seminars. N 3.)
- Klein J.* The Royal Hymns of Shulgi King of Ur: Man's Quest for Immortal Fame. Philadelphia, 1981.

- Klein J.* The God Martu in Sumerian Literature // *Sumerian Gods and Their Representations* / I. L. Finkel, M. J. Geller (eds). Groningen, 1997. P. 99–116. (Cuneiform Monographs, 7.)
- Klein J.* A New Look at the “Opression of Uruk” Episode in the Gilgameš Epic // *Riches Hidden in Secret Places. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Thorkild Jacobsen* / Tz. Abusch (ed.). Winona Lake, Indiana, 2002. P. 187–201.
- Klein J.* From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine // *Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas*. Budapest, 2014. P. 167–180. (Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies 2.)
- Koslova N.* Bezeihungen der Arbeitskräfte in Umma der Ur III-Zeit // *Proceedings of the First and Second Rencontre Assyriologique Internationale*. London, July 10, 2003 and Chicago, July 19, 2005 / Steven J. Garfinkle, J. Cale Johnson (eds). Madrid, 2008. P. 149–206.
- Kramer S. N.* The Ur-Nammu Law Code: Who was Its Author? // *Or*. 1983. 52/3. P. 453–456.
- Kraus F. R.* Ein Edict des Königs Ammi-saduqa von Babylon. Leiden, 1958.
- Kraus F. R.* Staatliche Viehhaltung im Altbabylonischen Lande Larsa. Amsterdam, 1966.
- Krebern timer M.* Die Texte aus Fara und Tell Abū Salābih // Bauer J., Englund R. K., Krebern timer M. Mesopotamien: Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Freiburg, 1998. P. 237–427.
- Kupper J. R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957.
- Kupper J. R.* L’iconographie du dieu Amurru dans la glyptique de la 1re dynastie babylonienne. Bruxelles, 1961.
- Lafont B.* The Army of the Kings of Ur: The Textual Evidence // CDLI 2009-5.
- Lafont B., Westbrook R.* Neo-Sumerian Period (Ur III) // *A History of the Ancient Near Eastern Law* / R. Westbrook (ed.). Boston; Leiden, 2003. P. 183–226.
- Lafont B.* Raymond Westbrook, Neo-Sumerian Period. Ur III // *A History of Ancient Near Eastern Law*. V. 1 / R. Westbrook (ed.). Leiden; Boston, 2003. P. 183–226.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia // *Privatisation in the Ancient Near East and Classical World* / M. Hudson, B. Levine (eds). Harvard USA, 1996. P. 73–108.
- Landsberger B.* Three Essays on the Sumerians. Los Angeles, 1974. (Monographs on the Ancient Near East. 1/2.)
- Legrain L., Woolley L.* Cylinder Seals. London, 1951. (Ur Excavations. V. 10. London, 1951.)
- Leemans W. F.* The Old-Babylonian Merchant. His Business and Social Position. Leiden, 1950.
- Leemans W. F.* Legal and Economic Records from the Kingdom of Larsa. Leiden, 1954.
- Leemans W. F.* Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960.
- Leemans W. F.* Legal and Administrative Documents of the Time of Hammurapi and Samsuiluna (mainly from Lagaba). Leiden, 1960.
- Levine B. A., Hallo W. W.* Offerings to the Temple Gates at Ur // *HUCA*. 1967. 38. P. 17–58.
- Liverani M.* (ed.). Akkad: The First World Empire. Padova, 1993.
- Liverani M.* Uruk. The First City. London, 2006.
- Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair. Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *JNES*. 1943. 2. P. 131–158.
- Lloyd S., Safar F.* Eridu // *Sumer*. 1947. 3. P. 84–111.
- Lloyd S., Safar F.* Eridu: A Preliminary Communications on the Second Season’s Excavations 1947–1948 // *Sumer*. 1948. 4. P. 115–112.
- Loding D.* Old Babylonian Texts from Ur, 1 // *JCS*. 1976. 28. P. 233–242.
- Loding D.* Two Old Babylonian Texts from Ur // *Studies in Honor of Ake Sjöberg*. Philadelphia, 1989. P. 367–369.

- Ludovico A. Di.* Between Akkad and Ur III: Observations on a “Short Century” from the Point of View of Glyptic // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East. 29 March — 3 April 2004, Freie Universität Berlin, 2008. Wiesbaden, 2008. P. 321–343.
- Maekawa K.* The Development of the E2-MI2 in Lagash During Early Dynastic III // *Mesopotamia*. 1973. 8–9. P. 77–144.
- Maekawa K.* Collective Labor Service in Girsu-Lagash: The Pre-Sargonic and Ur III Periods // *Labor in the Ancient Near East* / M. A. Powell (ed.). New Haven, Conn., 1987. P. 49–71.
- Maekawa K.* Confiscation of Private Properties in the Ur III Period: A Study of é-dul-la and nig-GA // *ASJ*. 1996. 18. P. 103–168.
- Maekawa K.* The Governor’s Family and the “Temple Households” in Ur III Girsu // *House and Households in Ancient Mesopotamia, Papers Read at the 40e Rencontre Assyriologique, Leiden, July 5–8, 1993* / K. R. Veenhof (ed.). Leiden; Istanbul, 1997. P. 171–179.
- Maisels Ch. K.* The Near East Archaeology in the “Cradle of Civilization”. London, 1993.
- Maaijer R.* Land Tenure in Ur III Lagash // *Landless and Hungry. Access to Land in Early and Traditional Societies. Proceedings of a Seminar held in Leiden, 20 and 21 June, 1996* / B. Haring, R. de Maaijer (eds). Leiden, 1998. P. 50–72.
- Margueron J.-Cl.* Larsa // *The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East* / E. M. Meyers (ed.). Oxford, 1997.
- Martin H. P.* Settlement Patterns of Shuruppak // *Iraq*. 1983. 45/1. P. 24–31.
- Martin H. P.* Fara: A Reconstruction of the Ancient Mesopotamien City of Shuruppak. Birmingham, 1988.
- Matouš L.* Les contrats de partage de Larsa provenant des archives d’Iddin-Amurru // *Archiv Orientalní*. 1949. 17/2. P. 142–173 et pl. I–II.
- Matthews R. J.* Cities, Seals and Writing: Archaic Seal Impressions from Jemdet Nasr and Ur. Berlin, 1993.
- McCorriston J.* The fiber revolution: Textile extensification, alienation, and social stratification in ancient Mesopotamia // *Current Anthropology*. 1997. 38(4). P. 517–549.
- Michalowski P.* Mental Maps and Ideology: Reflections on Subartu // *The Origins of Cities in the dry-farming Syria and Mesopotamia* / H. Weiss (ed.). Guilford, Connecticut, 1986. P. 129–156.
- Michalowski P.* Lamentation over the Destruction of Sumer and Akkad. Winona Lake, 1989.
- Michalowski P.* Memory and Deed: Historiography of the Political Expansion of the Akkad State // *Akkad: The First World Empire* / M. Liverani (ed.). Padova, 1993. P. 69–90.
- Michalowski P.* The Life and Death of the Sumerian Language in Comparative Perspective // *ASJ*. 2005. 22. P. 177–202.
- Michalowski P.* The Mortal Kings of Ur. A Short Century of Divine Rule in Ancient Mesopotamia // *Religion and Power. Divine Kingship in the Ancient World and Beyond* / N. Brisch (ed.). Chicago, Illinois, 2008. P. 33–46. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Seminars. N 4.)
- Michalowski P., Walker C. B. F.* New Sumerian Law Code // *Studies in Honor of Ake W. Sjöberg*. Philadelphia, 1989. P. 383–397.
- Mieroop M. van de.* The Archive of Balmunamhe // *AfO*. 1987. 34. P. 1–29.
- Mieroop M. van de.* Crafts in the Early Isin Period. A Study of the Isin Craft Archive from the Reigns of Išbi-Erra and Šū-ilišu. Leuven, 1987. (*Orientalia Lovanensia Analecta* 24.)
- Mieroop M. van de.* Reed in the Old Babylonian Texts from Ur // *Bulletin of Sumerian Agriculture*. 1991. V. 6. P. 147–153.

- Mieroop M. van de.* Society and Enterprise in Old Babylonian Ur. Berlin, 1992.
- Mieroop M. van de.* Sheep and Goat Herding According to the Old Babylonian Texts from Ur // Bulletin of Sumerian Agriculture. 1992a. V. 7. P. 161–181.
- Mieroop M. van de.* The Reign of Rim-Sin // RA. 1993. N 87. P. 47–69.
- Mieroop M. van de.* The city in Ancient Mesopotamia // Terceira margem. Revista da pós-graduação em letras da UFRJ, ano III/3. 1995. P. 97–103.
- Mieroop M. van de.* Foreign Contacts and the Rise of an Elite in Early Dynastic Babylonia // Leaving No Stones Unturned / E. Ehrenberg (ed.). Winona Lake, Indiana, 2002. P. 125–137.
- Mieroop M. van de.* A History of the Ancient Near East. NY, 2004.
- Neumann H.* Slavery in Private Households toward the End of the Third Millennium B. C. // Slaves and Households in the Near East / L. Culberston (ed.). Chicago, Illinois, 2011. P. 21–32.
- Nissen H. J.* The Development of Writing and of Glyptic Art // Gamdat Nasr / U. Finkbeiner, W. Rollig (eds). Wiesbaden, 1986. P. 316–331.
- Nissen H. J.* The Early History of the Ancient Near East 9000–2000. Chicago, 1988.
- Nissen H. J.* Settlement Patterns and Material Culture of the Akkadian Period: Continuity and Discontinuity // Akkad: The First World Empire / M. Liverani (ed.). Padova, 1993. P. 91–106.
- Nissen H. J.* Cultural and political networks in the ancient Near East during the fourth and third millennia BC // Uruk Mesopotamia and Its Neighbors. Santa Fe, 2001. P. 149–180.
- Nissen H. J.* Uruk Key Site of the Period and Key Site of the Problem // Artefacts of Complexity: Tracking the Uruk in the Near East / J. N. Postgate (ed.). Warminster, 2002. P. 1–16.
- Oates J.* Religion and ritual in sixth-millennium B. C. Mesopotamia // World Archaeology. 1978. 10(2). P. 117–124.
- Oates J.* Ubeid Reconsidered. Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia // SAOC. 1982. 36. P. 251–281.
- Oates J.* Innovations in mud-brick: decorative and structural techniques in ancient Mesopotamia // World Archaeology. 1990. 21. P. 388–406.
- Oates J.* More Thoughts on the Ubeid Period // SAOC. 2010. 63. P. 45–50.
- Oppenheim L.* Letters from Mesopotamia. Chicago, 1970.
- Ormsby D. L.* An Old Babylonian Business Archive of Historical Interest // JCS. 1972. 24. P. 89–99.
- Ouyang X.* Administration of the Irrigation Fee in Umma During the Ur III Period (ca. 2112–2004 BCE) // City Administration in the Ancient Near East. Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale. V. 2. Winona Lake, Indiana. 2010. P. 317–350.
- Pollock S.* Of Priestesses, Princes and Poor Relations: The Dead in the Royal Cemetery of Ur // Cambridge Archaeological Journal. 1991. 1. P. 171–189.
- Pollock S.* Bureaucrats and managers, peasants and pastoralists, imperialists and traders: Research in the Uruk and Jemdet Nasr periods in Mesopotamia // Journal of World Prehistory. 1992. 5(3). P. 297–336.
- Pollock S.* Ancient Mesopotamia: the Eden That Never Was. Cambridge, UK, 1999.
- Pollock S.* The Royal Cemetery of Ur. Ritual, Tradition, and the Creation of Subjects // Representation of Political Power / M. Heinz, M. H. Feldman (eds). Winona Lake, Indiana, 2007. P. 89–110.
- Pollock S.* Practices of Daily Life in Fifth Millennium B. C. Iran and Mesopotamia // SAOC. 2010. 63. P. 93–112.

- Pomponio F., Visicato G., Alberti A.* Early Dynastic Administrative Tablets from Šuruppak. Napoli, 1994.
- Postgate J. N.* Excavations at Abu Salabikh 1976 // *Iraq*. 1977. 39. P. 269–299.
- Postgate J. N.* Excavations at Abu Salabikh 1983 // *Iraq*. 1984. 46. P. 95–114.
- Postgate J. N.* Early Mesopotamia: society and economy at the dawn of history. London; New York, 1994.
- Potts D. T.* Mesopotamian Civilization. The Material Fundaments. London, 1997.
- Pournelle J. R.* Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization. Dissertation. University of California, San Diego, 2003.
- Powell M. A.* Sumerian Merchant and the Problem of Profit // *Iraq*. 1972. 39. P. 23–29.
- Powell M.* Texts from the Time of Lugalzagesi: Problems and Perspectives in Their Interpretation // *HUCA*. 1978. 149. P. 1–58.
- Powell M. A.* A Contribution to the History of Money in Mesopotamia prior to the Invention of Coinage // *Festschrift Lubor Matouš. II*. Budapest, 1978. P. 211–243.
- Powell M. A.* Ancient Mesopotamian Weight Metrology: Methods, Problems and Perspectives // *Alter Orient und Altes Testament*. 1979. Band 203. P. 71–109.
- Powell M. A.* Karkar, Dabrum, and Tall Gidr: An Unresolved Geographical Problem // *JNES*. 1980. 39 (1). P. 47–52.
- Powell M. A.* Elusive Eden: Private Property at the Dawn of History // *JCS*. 1994. 46. P. 99–104.
- Powell M. A.* The Sin of Lugalzagesi // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1996. 86. P. 307–314.
- Prentice R.* The Exchange of Goods and Services in Pre-Sargonic Lagash. Münster, 2010. (*Alter Orient und Altes Testament*. Band 368.)
- Renger J. M.* Gotternamen in der altbabylonischen Zeit // *Heidelberger Studien zum alten Orient*. Adam Falkenstein zum 17. September 1966 / O. Dietz (hrsg.). Heidelberg, 1967. S. 137–171.
- Renger J. M.* Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Fourth to the End of the First Millennium B. C. // *Law Review*. Berlin, 1995. 71, 5. P. 269–319.
- Richardson S.* Death and Dismemberment in Mesopotamia: Discorporation between the Body and Body Politic // *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean* / N. Laneri (ed.). Chicago, 2007. P. 189–209. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Seminars. N 3.)
- Robertson J.* An Unusual Dating System from Isin-Larsa Nippur — New Evidence // *Acta Sumeroologica* 5. 1983. P. 147–161.
- Robertson J.* Agriculture and Temple-Estate Economies of Old Babylonian Nippur // *Studies in Honor of Ake W. Sjöberg*. Philadelphia, 1989. P. 457–463.
- Robertson J.* The Temple Economy of Old Babylonian Nippur: the Evidence for Centralized Management // *Nippur at the Centennial. Papers Read at the 35e Rencontre Assyriologique Internationale*, Philadelphia, 1988 / M. de Jong Ellis (ed.). Philadelphia, 1992. P. 177–188.
- Rositani A.* Rīm-Anum Texts in the British Museum // *Nisaba*. Messina, 2003. 4.
- Roth M.* Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor. Atlanta, 1997. (Society of Biblical Literature Writings from the Ancient World Series 6.)
- Rothman M. S.* Palace and Private agricultural decision-making in the early 2nd millennium B. C. city-state of Larsa, Iraq // *The Economic Anthropology of the State* / E. M. Brumfiel (ed.). Lanham, 1994. P. 149–167. (Monographs in Economic Anthropology. N 11.)

- Rothman M. S. Sealings Use and Changes in Administrative Oversight and Structure at Tepe Gawra during the Fourth Millennium // *Archives Before Writing* / P. Ferioli (ed.). Rome, 1994a. P. 19–121.
- Safar F., Mustafa M. A., Lloyd S. Eridu. Baghdad, 1981.
- Sallaberger W. Ur III-Zeit // Sallaberger W., Westenholz A. Mesopotamien: Akkad Zeit und Ur III Zeit / P. Attinger, M. Wäfler (hrsg.). Freiburg, Switzerland; Göttingen, 1999. P. 121–390. (Orbis Biblicus et Orientalis 160.)
- Schmandt-Besserat D. Before Writing. Vols. I–II. Austin, 1992.
- Selz G. J. Studies in Early Syncretism: the Development of the Pantheon in Lagash // ASJ. 1990. 12. 1990. P. 11–142.
- Selz G. J. The Divine Prototypes // Religion and Power. Divine Kingship in the Ancient World and Beyond / N. Brisch (ed.). Chicago, Illinois, 2008. P. 13–33. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Seminars. N 4.)
- Seltz G. J. He put in order the accounts. Remarks on the Early Dynastic Background of the Administrative Reorganizations in the Ur III State // *City Administration in the Ancient Near East. Proceedings of the 53 Rencontre Assyriologique Internationale. V. 2. Winona Lake, Indiana, 2010. P. 5–30.*
- Seri A. Local Power in Old Babylonian Mesopotamia // *Studies in Egyptology and the Ancient Near East. London, 2005.*
- Sharlach T. M. Provincial Taxation in the Ur III state. Leiden; Boston, 2004. (Cuneiform Monographs 26.)
- Sigrist R. M. Les *sattukku* dans l'Esumesa durant la période d'Isin et Larsa. Malibu, 1984. (BM 11.)
- Sigrist R. M. Larsa Year Names. Berrien Springs, Michigan, 1990.
- Smith M. E. The Archaeological Studies of Neighborhoods and Districts in Ancient Cities // *Journal of Anthropological Archaeology. 2010. 29 (2). P. 137–154.*
- Stamm J. J. Die akkadische Namengebung. Darmstadt, 1968 (original edn. Leipzig, 1939).
- Stein G. J. Economy, Ritual, and Power in Ubeid Mesopotamia // *Chiefdoms and Early States in the Near East* / G. Stein, M. Rothman (eds). Madison, 1994. P. 35–46. (Monographs in World Archaeology 18.)
- Stein G. J. Rethinking World-Systems: Diasporas, Colonies, and Interaction in Uruk Mesopotamia. Tucson, 1999.
- Stein G. J. The Uruk Expulsion in Anatolia: A Mesopotamian Colony and Its Indigenous Host Community at Hasinebi. Turkey // *Artefacts of Complexity: Tracking the Uruk in the Near East* / J. N. Postgate (ed.). Warminster, 2002. P. 149–172.
- Stein G. J. Structural parameters and sociocultural factors in the economic organization of north Mesopotamian urbanism in the third millennium BC // *Archaeological Perspectives on Political Economies* / G. M. Feinman, L. M. Nicholas (eds). Salt Lake City, 2004. P. 61–78.
- Steinkeller P. Notes brèves // RA. 1979. 73. P. 190.
- Steinkeller P. The Renting of Fields in Early Mesopotamia and the Development of the Concept of “Interest” in Sumerian // JESHO. 1981. 24. P. 113–145.
- Steinkeller P. The Reforms of Urukagina and an Early Sumerian Term for “Prison” // *Aula Orientalis. Vol. 9. Studies in Honor of M. Civil* / P. Mihalowski, P. Steinkeller, E. C. Stone (eds). Barcelona, 1991. P. 227–233.
- Steinkeller P. The Administrative and Economic Organization of the Ur III State: the Core and the Periphery // *The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* / M. Gibson, R. D. Biggs (eds). Chicago, 1987. P. 19–41.

- Steinkeller P.* Review: Foster B. Umma in the Sargonic Period // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1987b. Bd. 77. P. 182–195.
- Steinkeller P.* The Date of Gudea and His Dynasty // JCS. 1988. 40. P. 47–53.
- Steinkeller P.* Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // Akkad. The First World Empire / M. Liverani (ed.). Padova, 1993. P. 107–130.
- Steinkeller P.* The Organization of Crafts in Third Millennium Mesopotamia: The Case of Potters // Altorientalische Forschungen. 1996. 23/2. P. 232–253.
- Steinkeller P.* Land-Tenure Conditions in Third-Millennium Babylonia: The Problem of Regional Variation // Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East / M. Hadson, B. Levine (eds). Cambridge, 1999. P. 289–329.
- Steinkeller P.* New Light on the Hydrology and Topography of Southern Mesopotamia in the Third Millennium // ZA. 2001. 91. P. 22–80.
- Steinkeller P.* Archaic City Seals and the Question of Early Babylonian Unity // Riches Hidden in Secret Places. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Thorkild Jacobsen / Tz. Abush (ed.). Winona Lake, Indiana, 2002. P. 249–257.
- Steinkeller P.* Archival Practices in Babylonia in the Third Millennium // Ancient Archives and Archival Traditions. Oxford Studies in Ancient Documents / M. Brosius (ed.). Oxford, 2003. P. 37–58.
- Steinkeller P.* A History of Mashkan-shapir and its Role in the Kingdom of Larsa // The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-shapir / E. C. Stone, P. Zimansky (eds). Winona Lake, Indiana, 2004. P. 26–42.
- Stol M.* Studies in Old Babylonian History. Leiden, 1976.
- Stol M.* State and Private Business in the Land of Larsa // JCS. 1982. 34. P. 127–230.
- Stol M.* A cultivation contract // Bulletin of Sumerian Agriculture. 1990. 5/2. P. 197–200.
- Stol M.* [Review:] Old Babylonian Period (Frayne) // Bibliotheca Orientalis. 1994. 51. P. 109–113.
- Stol M.* Care of the Elderly in Mesopotamia in the Old Babylonian Period // The Care of the Elderly in the Ancient Near East / M. Stol, S. P. Vleeming (eds). Leiden, 1998. P. 59–118.
- Stone E. C.* Economic Crisis and Social Upheaval in Old Babylonian Nippur // Mountains and Lowlands / L. D. Levine, T. Cuyler-Young (eds). Malibu, 1977. P. 267–289. (BM 7.)
- Stone E. C.* Nippur Neighborhoods. Chicago, 1987.
- Stone E. C.* Patterns of Occupation at Nippur // Nippur at the Centennial / M. De J. Ellis (ed.). Philadelphia, 1992. P. 33–54.
- Stone E. C.* The Development of Cities in Ancient Mesopotamia // The Ancient Near East. Vol. I / J. Sasson (ed.). New York, 1995. P. 235–248.
- Stone E. C.* City States and their Centers: The Mesopotamian Example // The Archaeology of City States: Cross-Cultural Approaches / D. L. Nichols, T. H. Charleton (eds). Washington, 1997. P. 15–26.
- Stone E. C.* The Ur III-Old Babylonian Transition: An Archaeological Perspective // Iraq. 2002. Vol. 64. P. 79–84.
- Stone E. C., Owen D. I.* Adoption in Old Babylonian Nippur and the Archive of Mannum-mešur-liššur. Winona Lake, Indiana, 1991.
- Stone E. C., Zimanski P.* (eds) The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-shapir. Winona Lake, Indiana, 2004.
- Struve V. V.* Some New Data on the Organization of Labour and on Social Structure in Sumer During the Reign of the Third Dynasty of Ur // Ancient Mesopotamia: Socio-Economic History, a Collection of Studies by Soviet Scholars / I. Diakonoff (ed.). Moscow, 1969. P. 127–172.

- Studevent-Hickman B.* The Workforce at Umma: Some New Questions // The growth of an Early State in Mesopotamia: studies in Ur III administration: proceedings of the First and Second Ur III Workshops at the 49th and 51st Rencontre Assyriologique Internationale. London, July 10, 2003 and Chicago, July 19, 2005 / S. J. Garfinkle, J. C. Johnson (ed.). Madrid, 2008. P. 141–146.
- Tenney J. S.* Life at the Bottom of Babylonian Society. Servile Laborers at Nippur in the 14th and 13th Centuries B. C. Leiden; Boston, 2011. (Culture and History of the Ancient Near East. V. 51.)
- Veenhof K. R.* Letters in the Louvre. Leiden; Boston, 2005. (Altbabylonische Briefe. Heft XIV.)
- Vedeler H. T.* A Social and Economic Survey of the Reign of Samsuiluna of Babylon (1749–1712 BCE). Dissertation (PhD). Yale University, 2006.
- Veldhuis N.* Old Babylonian Documents in the Hearst Museum of Anthropology, Berkeley // RA. 2008. 102. P. 49–70.
- Visicato G.* The Bureaucracy of Šuruppak. Administrative Centres, Central Offices, Intermediate Structures and Hierarchis in the Economic Documentation of Fara. Münster, 1995.
- Waetzoldt H.* Compensation of the Craft Workers and Officials in the Ur III Period // Labor in the Ancient Near East / M. A. Powell (ed.). New Haven, 1987. P. 117–141. (American Oriental Series 68.)
- Walters S. D.* Water for Larsa. An Old Babylonian Archive Dealing with Irrigation. New Haven; London, 1970.
- Wang X.* The Metamorphosis of Enlil in Early Mesopotamia. Münster, 2011. (Alter Orient und Altes Testament. Band 385.)
- Weeks N.* The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1985. 16. P. 49–57.
- Weiss H.* Kish, Akkad and Agade // JAOS. 1975. 95, 3. P. 434–453.
- Westenholz A.* The Sargonic Period // Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East / A. Archi (ed.). Roma, 1984. P. 17–30.
- Westenholz A.* Lugalzagesi // Reallexicon der Assyriologie. Vol. 7. Berlin, 1987–1990. P. 155–157.
- Westenholz A.* The World View of Sargonic Officials. Differences in Mentality Between Sumerians and Akkadians // Akkad. The First World Empire / M. Liverani (ed.). Padova, 1993. P. 157–170.
- Westenholz A.* The Old Akkadian Period: History and Culture // W. W. Sallaberger, A. Westenholz. Mesopotamien: Akkad Zeit und Ur III Zeit / P. Attinger, M. Wäfler (hrsg.). Freiburg, Switzerland; Göttingen, 1999. P. 15–120. (Orbis Biblicus et Orientalis 160.)
- Westenholz J.* The Legends of the Kings of Akkade. Winona Lake, 1997.
- Westenholz J., Westenholz A.* Cuneiform Inscriptions in the Collection of the Bible Lands Museum Jerusalem. The Old Babylonian Inscriptions. Leiden; Boston, 2006. (Cuneiform Monographs. V. 33.)
- Whiting R. M.* Sealing Practices on House and Land Sale Documents at Eshnunna in the Isin-Larsa Period // Seals and Sealing in the Ancient Near East / M. Gibson, R. D. Biggs (eds). Malibu, 1977. P. 67–74. (BM 6.)
- Whiting R. M.* Old Babylonian Letters from Tell Asmar. Chicago, 1987. (AS 22.)
- Whiting R. M.* Amorite Tribes and Nations of Second Millennium Western Asia // Civilizations of the Ancient Near East. Vol. 2 / J. M. Sasson (ed.). New York, 1995. P. 1231–1242.
- Widell M.* A Previously Unpublished Lawsuit from Ur III Adab // CDLJ. 2002.
- Wilcke C.* Politische Opposition nach sumerischen Quellen: der Konflikt zwischen Königtum und Ratversammlung. Literaturwerke als politische Tendenzschriften // La voix de l'opposition en Mésopotamie / A. Finet (ed.). Brussels, 1973. P. 37–65.

- Wilcke C.* Amar-girids Revolte gegen Narâm-Su'en // *ZA*. 1997. Bd. 87. S. 11–32.
- Wilcke C.* Care of the Elderly in Mesopotamia in the Third Millennium B. C. // *The Care of the Elderly in the Ancient Near East* / M. Stol, S. P. Vleeming (eds). Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 23–58.
- Wilcke C.* Early Dynastic and Sargonic Periods // *A History of Ancient Near Eastern Law*. V. 1 / R. Westbrook (ed.). Leiden; Boston, 2003. P. 141–182.
- Winter I.* Legitimation of Authority through Image and Legend: Seals Belonging to Officials in the Administrative Bureaucracy of the Ur III State // *The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* / M. Gibson, R. D. Biggs (eds). Chicago, 1987. P. 69–106. (Studies in Ancient Oriental Civilization 46.)
- Woolley L.* Ur Excavations II. The Royal Cemetery. London, 1934.
- Woolley L.* The Buildings of the Third Dynasty. Philadelphia, 1974. (Ur Excavations. Vol. 6.)
- Woolley L.* The Old Babylonian Period. Philadelphia, 1976. (Ur Excavations. Vol. 7.)
- Wright H. T.* The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian Town. Ann Arbor, 1969.
- Wright H. T.* Recent research on the origin of the state // *Annual Review of Anthropology*. 1977. V. 6. P. 379–397.
- Wright H. T., Johnson G. A.* Population, exchange, and early state formation in Southwestern Iran // *American Anthropologist*. 1975. V. 77. P. 267–289.
- Uchitel A.* Daily Work at Sagdana Millhouse // *ASJ*. 1984. 6. P. 75–98.
- Zarins J.* Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // *BASOR*. 1990. Vol. 280. P. 31–65.
- Zettler R. L.* The Sargonic Royal Seal: a Consideration of Sealing in Mesopotamia // *Seals and Sealing in the Ancient Near East* / M. Gibson, R. D. Biggs (eds). Malibu, 1977. P. 33–40. (BM 6.)
- Zettler R. L.* The Genealogy of the House of Ur-Me-me: A Second Look // *AfO*. 1984. 31. P. 1–14.
- Zettler R. L.* The Ur III Temple of Innana at Nippur: The Operation and Organization of Urban Religious Institutions in Mesopotamia in the Late Third Millennium B. C. Berlin, 1992.
- Zettler R. L.* Early Dynastic Mesopotamia // *Treasures from the Royal Tombs of Ur* / R. Zettler, L. Horne (eds). Philadelphia, 1998. P. 1–9.

УКАЗАТЕЛИ

Имена царей и правителей городов и территорий

- Абисаре** (Ларса) 222, 223, 318, 328–330, 332, 339, 422–426, 432, 492–494
Абизшух (Вавилон) 497, 513, 518
Амар-гирид (Урук) 133, 142
Амар-Син (Ур) 167, 168, 175, 177, 178, 188, 191, 192, 220, 325
Аммидитана (Вавилон) 497
Аммицадука (Вавилон) 178, 223, 497, 518
Анум (Урук) 493
Ашарид (Казаллу) 130
- Белакум** (Эшнунна) 319, 488
Билалама (Эшнунна) 231, 243, 244, 246–249, 324
- Варад-Син, сын Кудур-мабука** (Ларса) 227, 276, 280, 311, 318, 321, 340–344, 358, 386, 394, 404, 405, 443, 472, 473, 490, 493, 499, 500, 506, 507, 515
- Гильгамеш** (Урук) 58, 75, 76, 90, 106, 107, 110, 111, 163, 166, 167
Гудеа (Лагаш) 90, 91, 157–163, 189, 332, 508
- Дадуша** (Эшнунна) 487
- Забайя** (Ларса) 324–326, 328, 334
Замбиа (Исин) 339
Зимри-Лим (Мари) 220, 349
- Ибалпиель II** (Эшнунна) 487
Иддин-Даган (Исин) 326
Илуни (Эшнунна) 498, 514, 516, 517
Ипик-Адад (Эшнунна) 337
Ипхур-Киши (Киш) 132, 133, 142
- Кирикири** (Эшнунна) 246
Кудур-мабук (Ямутбал) 280, 281, 288, 311, 318, 319, 321, 340–345, 347, 357, 403, 416, 439, 490, 500, 506, 514, 515
- Липит-Иштар** (Исин) 224, 261, 273, 326, 327, 399, 412, 415, 467, 468, 489, 492, 493, 503
Лугаль-анне (Ур) 132, 133
Лугаль-загеси (Умма) 10, 87, 126–129, 135, 163, 320
- Маништусу** (Аккад) 131, 132, 134, 136, 145
Месалим (Киш) 76, 87, 90
- Нарам-Син** (Аккад) 120, 123, 127, 128, 131–135, 138, 141, 142, 151–155, 163, 320, 376, 483
Нур-Адад (Ларса) 224, 318, 325, 331–336, 340, 344, 355, 386, 428, 432, 462, 463, 479, 485, 494
Нур-ахум (Эшнунна) 242, 243, 246–248, 484
- Рим-Анум** (Урук) 498, 513, 514, 516
Рим-Син I (Ларса) 222, 224–227, 252, 254, 280–282, 288, 292, 304, 318, 321, 329, 333, 335, 338, 339, 341–350, 359, 361–364, 367–369, 379, 380, 383, 389, 392, 394, 395, 398, 404, 405, 408, 409, 412–417, 420, 428, 432, 440, 441, 443, 445–448, 452, 471–473, 475, 490, 492–494, 496, 497, 499, 500, 507, 509–512, 514–516
Рим-Син II (Ларса) 416, 498, 499, 513–517
Римуш (Аккад) 76, 123, 127, 129–131, 133–135, 137, 138, 149, 151, 154, 320
- Сабium** (Ларса) 318, 337, 339
Самсуилуна (Вавилон) 11, 205, 216, 222, 223, 229, 230, 233, 252, 255, 264, 273, 283, 287, 299, 325, 358, 363, 369, 393, 402, 416, 442, 465, 489, 491, 496–498, 499, 506, 510–519
Саргон (Аккад) 10, 90, 120, 123, 125–129, 132–136, 140, 142, 151, 158, 162, 319–321, 343
Син-иддинам (Ларса) 273, 276, 318, 325, 330–332, 334–339, 341, 343–345, 357, 377, 386, 426, 438, 439, 462, 463, 466, 479, 501

- Син-икишам (Ларса) 224, 283, 309, 318, 338–340, 342, 343, 361, 364, 366, 407, 491, 494, 495, 498
- Син-ирибам (Ларса) 338, 342, 437
- Син-кашид (Урук) 335, 337, 339, 460–462, 479
- Син-магир 384, 399, 412, 414, 418, 419, 423–425, 430, 436, 447, 467, 493, 499, 507
- Сумулаэль (Вавилон) 335, 337, 339, 516, 519
- Уламбуриаш (Вавилон) 520
- Ур-Намму (Ур) 106, 155, 157, 158, 163–167, 169, 333
- Ур-Нанше (Лагаш) 58, 87, 89, 90, 98, 104
- Ур-Нинурта (Исин) 327
- Уруинимгина (Лагаш) 87, 90–94, 97–99, 114–116, 126, 127, 158, 162, 163, 267, 332, 462
- Утухегаль (Урук) 157, 164–166, 192
- Хаммурапи (Вавилон) 11, 202, 203, 205, 209, 210, 212, 213, 216, 223–227, 229, 230, 233, 244, 252, 266, 282, 283, 318, 321–323, 326, 333, 337, 343–345, 349–351, 354, 363, 364, 375, 393, 399, 402, 415, 416, 420, 447, 448, 452, 469, 491, 496–499, 510–512, 519
- Цилли-Адад (Ларса) 224, 300, 307, 308, 318, 332, 340–343
- Шамши-Адад (Ашшур) 203, 205, 210, 342, 350, 460–462, 479
- Шар-кали-шарри (Аккад) 134–137, 142, 149, 153, 155–157, 483
- Шу-илишу (Исин) 210, 233, 236
- Шу-илия (Эшнунна) 242
- Шульги (Ур) 165–170, 172–174, 177, 178, 180, 183, 185, 189–191, 195, 206, 208, 220, 221, 227, 322, 326, 347, 491, 493
- Эанатум (Лагаш) 98, 104, 114, 124, 320
- Эмциум (Ларса) 318, 323, 324, 493, 494
- Энанатум (Лагаш) 108
- Энлиль-бани (Исин) 337, 338, 360
- Энмеркар (Урук) 75
- Энметена (Лагаш) 90, 91, 98, 99, 103, 113–115, 131, 152, 158, 160, 320, 332
- Энхегаль (Лагаш) 87
- Эншакушана (Урук) 124, 125
- Ясмах-Адду, сын Шамши-Адада (Мари) 205, 342

Основные топонимы

- Абу Салабих 43, 47–49, 57, 69, 70, 74, 75, 77, 78, 82, 83, 106, 107, 118, 120, 121, 206, 320
- Адаб 63, 75, 76, 80, 83, 86, 90, 98, 103, 108, 119, 120, 122, 129, 132, 135, 167, 177, 185, 254, 320, 329, 344, 345, 442, 443, 518
- Аккад 10, 75, 116, 117, 120, 123, 125, 126, 128–137, 140–142, 148, 152, 155–157, 163, 165–167, 223, 319, 327, 328, 330, 332, 335, 337, 346, 347, 349, 482, 483, 487, 517, 519
- Акшак 119, 123–125
- Алеппо 41, 67, 118, 203, 204
- Ашшур 117, 119, 204, 205, 241, 242, 265, 342, 351, 455, 460, 462, 479
- Бад-Тибира 131, 143, 160, 337, 380, 390, 407, 513
- Барсиппа 234, 235, 242
- Вавилон 11, 128, 153, 167, 172, 178, 202, 209, 210, 212, 213, 215, 216, 220, 222, 241, 252, 276, 282, 322, 323, 326, 329, 335, 337, 339, 344, 345, 347–351, 354, 364, 365, 402, 403, 448, 496, 498, 500, 510–514, 516, 518–520
- Гасур 143, 150, 152
- Гиритаб 132
- Гирсу 43, 69, 70, 76, 79, 80, 87–94, 97, 101, 106, 108, 109, 111, 143, 144, 160–163, 167, 172, 183, 189–192, 322, 324, 332, 334, 344, 345, 457, 518
- Гуабба 87, 143
- Дегирментепе 42
- Дер 98, 128, 338, 357, 441, 443, 472
- Джармо 18
- Джебел Бишри 21, 123, 133, 198, 204, 238
- Джебел Хамрин 323, 338
- Джезира 18, 19
- Джемдет Наср 9, 10, 51, 58, 61, 320, 383, 481
- Дильбат 132, 500, 518

- Дильмун (Бахрейн) 84, 98, 128, 144, 204, 234, 235, 327
Дрехем 170, 192, 207, 322
- Забалам 61, 63, 76, 83, 129, 138, 139, 153, 320, 334, 343, 344, 467, 472, 473
Зарбилум 227, 345, 441, 443, 463, 470–473
- И**
Идамарац 319, 517
Исин 11, 132, 167, 177, 196, 208–210, 212, 215, 216, 224, 226–228, 231–243, 246, 248, 249, 251, 252, 254, 260, 261, 276, 312, 318, 319, 323–332, 334, 335, 337–339, 345–348, 370, 398, 412, 415, 446, 461, 462, 467, 474, 475, 480, 486, 489, 492, 493, 498, 500, 510, 517–519
- Казаллу 128–130, 132, 151, 167, 209, 212, 329, 338–342, 344, 513, 517
Калах 204
Кар-Шамаш 510
Каркар 334, 345
Каркемиш 66, 118, 119
Катна 203, 204, 350, 351, 357
Квели (Телль Авайли) 14, 30, 32, 33, 43, 320
Кеш 43, 47, 48, 57, 61, 69, 70, 74, 83, 103, 106, 120, 121, 133, 320, 354, 516
Кисурра 327, 347, 500, 517, 518
Киш 43, 47, 49, 63, 70, 71, 86, 87, 90, 106–108, 110, 118–121, 123–128, 131–134, 136, 142, 145, 167, 214, 232, 235, 242, 269, 322, 326, 329, 339, 364, 498, 500, 511, 516–518
Куара 303
Кута 132, 133, 167
Куталла 293, 327, 340, 343, 344, 373, 374, 376, 378, 388, 513, 515, 518
- Лагаба 132, 420, 441, 448–450, 452, 500, 503
Лагаш 26, 63, 69, 70, 74–77, 83, 86–92, 97, 98, 103, 104, 108–111, 114–116, 122–124, 126–129, 131, 132, 137, 138, 140–144, 146, 147, 151, 152, 155–165, 167, 168, 172, 174, 176–178, 185–187, 189–192, 196, 207, 267, 320, 322, 324, 332, 334, 341, 346, 351, 423, 462, 482, 483, 513, 518
Ларса 11, 31, 43, 51, 53, 61, 63, 76, 103, 114, 140, 152, 154, 160, 189, 209, 212, 214–216, 220, 222, 224–227, 232, 233, 235, 241, 246, 252–254, 260, 262, 276, 280, 292, 309, 311, 314, 315, 318–352, 355–359, 361–368, 370, 371, 373–381, 383–386, 388, 390, 392–411, 413–418, 420–424, 426–433, 435, 436, 438–444, 446–448, 450, 452, 453, 455, 460, 462–464, 466, 467, 469–471, 473–475, 477–480, 486, 492–494, 496–503, 506, 507, 509–520
- М**
Малгиум 326, 335, 337–339, 357, 511, 518
Марад 136, 167, 194, 329, 511, 518
Мари 118–124, 128, 144, 201–203, 205, 220, 225, 234, 235, 241, 322, 338, 342, 349–351
Мархаши 131, 221, 322
Машкан-шапир 276, 319, 323, 325, 334, 335, 337, 339, 342–345, 350, 403, 467, 500, 506
- Н**
Нина/Нимин 87, 161
Ниневия 65, 66, 153, 204
Ниппур 41, 44, 49, 61, 63, 70, 71, 75, 76, 80, 83, 84, 86, 88, 89, 98, 103, 117, 122, 124, 126, 127, 130, 132, 133, 134, 140, 142, 144, 145, 148, 149, 153, 154, 165, 167, 168, 172–175, 177, 178, 180, 183, 186, 187, 191–193, 196, 206, 208, 212, 216, 218, 223, 226, 228, 230, 232, 233, 235, 251–266, 268, 270–272, 276, 320, 321, 328, 330, 332, 334, 337–339, 342, 344, 345, 347–349, 355–357, 360, 364, 368, 370, 386, 427, 439, 462, 477, 494, 495, 500–502, 505, 506, 510, 512, 513, 518–520
- П**
Пузриш-Даган 167, 173, 174, 186, 192, 322
- С**
Самарра 7, 14, 18, 21–23, 25, 29, 31, 32, 41
Субарту 124, 131, 133, 204, 242, 247, 323
Сузы 66, 106, 124, 144, 146, 196, 357, 364
- Телль Абада 14, 33, 34, 38
Телль ас-Савван 14, 22, 23, 29, 31, 38
Телль Бейдар 118, 121
Телль Брак 42, 65–67, 118
Телль Убейд 32
Телль Укайр 39, 51, 60, 61
Тепе Гавра 39, 65
Терка 119, 201, 202, 205, 338, 357
Туммаль 75, 167, 178, 187
Туттуль 118, 124, 133, 144, 201
Тутуб 420, 450–452
- У**
Умма 62, 63, 70, 75, 76, 79, 80, 83, 86, 87, 89, 90, 103, 111, 117, 122, 124, 126–129, 132,

- 137–144, 146, 147, 149–151, 153, 154, 164, 167, 170–172, 174, 177, 180, 183, 185–189, 192, 196, 207, 320, 341, 345, 346
- Ур 10, 11, 14, 26, 32, 35, 39–41, 43, 49, 53, 60, 61, 63, 69–74, 76–78, 81, 84–86, 89, 90, 99, 105–107, 120–125, 128, 129, 131–133, 142, 155, 157–159, 163–170, 173, 177, 178, 180, 182, 183, 185–187, 189, 191, 192, 194, 196, 201, 204, 206–212, 214, 216, 220, 221, 224, 231–233, 235, 237, 241, 242, 251–253, 260, 262, 263, 268, 271, 275–277, 279–289, 292–295, 297–306, 308–315, 318–323, 326–335, 337, 338, 340, 341, 343–348, 351, 354–359, 365–368, 373–380, 387, 388, 390, 392, 399, 403–405, 436, 439, 448, 457, 459, 462, 469, 471, 480, 482–484, 486, 487, 489, 491–493, 495–500, 504–506, 510, 511, 513, 515–520
- Урук 9–11, 39, 41, 43, 44, 46, 47, 51, 53, 56–63, 65, 66, 69–71, 74–77, 79, 80, 82, 83, 86, 88, 89, 98, 103, 106, 107, 110, 114, 122–126, 128, 129, 131–133, 141, 142, 144, 151, 152, 156, 157, 160, 164–168, 185, 186, 192, 194, 212, 214, 215, 232, 235, 319, 320, 322, 327, 329, 335, 337–339, 344, 346, 347, 351, 362, 427, 442, 443, 455, 457, 460, 462, 479–481, 493, 498–500, 510, 513, 514, 516–520
- Урум 61, 132, 167
- Урусариг 167
- Уршу 204, 322
- Хабуба Кабира-юг 67, 68
- Халаф 14, 15, 18–25, 41
- Хамукар 65–67
- Хана 202, 203
- Хасинеби 66, 67
- Хассуна 14, 15, 18–25, 31, 32, 41
- Хафадж 49
- Чога Мами 14, 22, 23, 29, 31
- Шанидар 18
- Шубат-Энлиль 343
- Шуруппак 63, 69, 70, 75–87, 101, 103, 109, 113, 120, 122, 132, 143, 160, 167, 187, 320, 354, 383, 457
- Эбла 118–122, 124, 128, 151, 198, 200, 201, 203, 322
- Экаллатум 204, 205, 342
- Эмар 118, 119
- Эриду 14, 28, 32, 33, 38–41, 43, 44, 60, 63, 128, 133, 159, 161, 165, 178, 214, 220, 227, 301, 320, 333, 334, 337, 338, 347, 354, 357, 358, 382, 443, 500, 507
- Эшнунна 144, 145, 148, 156, 166, 167, 172, 196, 212, 215, 216, 231, 232, 238, 241–244, 246–249, 262, 266, 318, 319, 323, 324, 328, 337–339, 345, 349–351, 355, 357, 361, 369, 384, 415, 441, 450, 455, 458–461, 479, 480, 484, 486–488, 498, 513, 514, 516, 517
- Ямутбал 204, 205, 225, 319, 321, 323, 326, 334, 341, 342, 344, 345, 350, 398, 399, 403, 498, 516, 517, 519
- Ямхад 202, 203, 349, 351, 510

Клинописные тексты*

АбВ 9	126 — 421	63 — 445
9 — 377	161 — 392	117 — 416
64 — 421		128 — 378
92 — 495	АбВ 13	129 — 445
94 — 444	53 — 514, 516	130 — 223
105 — 478		173 — 471
АбВ 10	АбВ 14	197 — 377
3 — 369	58 — 444	207 — 377
	60 — 445	

*Звездочкой отмечена страница, где данный текст приведен в транслитерации и переводе.

BIN 7	408 — 236, 237	34 — 264, 268, 269
11–12 — 478	409 — 238	35 — 264
162 — 494	421 — 239	36 — 264
175 — 515	423 — 238	37 — 262
	425 — 238	38 — 263
	452 — 234	39 — 263
BIN 8	491 — 234	40 — 251, 257, 269, 272,
347 — 111	509 — 239	273*
291 — 137	533 — 240	41 — 216, 260, 263
		42–47 — 263
		42 — 262
BIN 9	Stone 1987	43 — 262, 263
39 — 239	1 — 264	44 — 262
152 — 237	2 — 263	45 — 263
187 — 238	3 — 263	46 — 262
190 — 237	4 — 262	47 — 262, 264
191 — 238	5 — 264	48 — 263
199 — 239, 297	6 — 262	49 — 263
224 — 235, 238	7 — 263	50 — 263
267 — 240	8 — 263	51 — 263, 265
225 — 235, 236, 237	9 — 263	53 — 264
227 — 235, 236	10 — 264	54 — 262
233 — 234	11 — 262	57 — 263
240 — 236	12 — 263	59 — 263
242 — 235	13 — 262	60 — 263
256 — 237	14 — 263	62 — 258, 264, 265
271 — 236	15 — 264	63 — 257, 258
272 — 235	16 — 262	64 — 257, 258
276 — 238	17 — 262	65 — 258
282 — 236	18 — 262	66 — 257
290 — 236	19 — 262, 263, 265	67 — 258
301 — 236	20 — 260, 263, 265	68–91 — 257
316 — 236, 237, 238, 243,	21 — 263, 265	92 — 257
324	22–26 — 265	93 — 258
324 — 234, 239	22 — 218, 223, 228*, 264,	94 — 258, 259
325 — 239	266	95 — 258, 259
369 — 235	23 — 263	96 — 258
372 — 235, 237	24 — 264	97 — 258
383 — 236, 238	25 — 251, 257, 266, 268,	101 — 257
382 — 239	272*	
388 — 235, 236, 237	26 — 262, 267	
390 — 236, 238	27 — 263, 264	TCL 10
391 — 234	28 — 263, 264	4 — 381, 394
392 — 239	29 — 263	5 — 375
395 — 236, 238, 239	30 — 264	6–9 — 394
400 — 236	31 — 262, 269	10 — 375
403 — 234	32 — 263	11 — 358, 394, 402
406 — 238	33 — 263	15 — 421, 436

17 — 237, 281, 463, 470, 473,
478
18 — 394
22 — 394
23 — 394, 421
24 — 365, 421
25 — 406, 431, 436, 437
28 — 420, 429
30 — 395
31 — 395, 399
32 — 397
33 — 397
35 — 397
37 — 365, 397
39 — 474
42 — 397
43 — 397
45 — 421
46 — 397
48 — 397, 398
51 — 397, 402
54 — 345
55 — 395, 396, 400
64 — 365
67 — 398
70 — 398
72 — 478
76 — 398
78 — 475
86–88 — 475
87 — 421, 476, 478
88 — 421, 476
89 — 397, 398
90 — 475
92 — 475, 476
97 — 475, 476
100 — 475
104 — 475
105 — 398
106 — 475
107 — 475
108 — 475
109 — 475
120 — 475, 476, 504
123 — 475
124 — 475
127 — 421, 475
128 — 352, 370*, 398

129 — 394
130 — 394
132 — 352, 370, 371*, 398
137 — 475, 476
141 — 379
174 — 401
224 — 396

TCL 11

141 — 399
150 — 376
172 — 503
173 — 400
174 — 376, 400
180–183 — 224
182 — 376
184 — 376
192–195 — 402
195 — 403
197 — 402
198 — 402
199 — 402, 403
200 — 374, 402
204 — 402
205 — 402
206 — 402
208 — 402, 403
210 — 402, 403
215 — 402
219 — 476
224 — 373, 376, 379, 380, 388,
389*

TIM 5

2 — 468
42 — 503
44 — 503
68 — 415

TS

3 — 503
5 — 378, 388
14 — 376
18 — 376
30 — 503

35 — 503
44 — 376, 378, 389
48 — 375
50 — 376
60 — 375
68 — 503
85 — 515
86 — 515

UET 5

4 — 297
15 — 297
19 — 311
28 — 311
30 — 297
36 — 280, 490
38 — 297
49 — 280
50 — 280
51 — 297
56 — 297
67 — 297
67–76 — 298
75 — 343, 490
88 — 377
90 — 224, 295, 299
94 — 295
95 — 286
96 — 295
100 — 298, 300
101 — 292, 296
103 — 307, 308, 309
107 — 296, 301
108 — 308, 309, 378, 388
109 — 287
110 — 295, 376
112 — 290, 296, 301, 378,
389
113 — 295, 376
115 — 301, 387
116 — 301
117 — 295, 296, 376, 378,
388
118 — 296, 301
119 — 378, 389
120 — 378, 388
122 — 291

123 — 281, 287	206 — 224	335 — 306
124 — 282	212 — 282	337 — 306
131–134 — 290	213 — 282	338 — 301
132–134 — 293	214 — 289	341 — 306
136 — 290	215 — 282, 292	342 — 306
137 — 290	220 — 292	343 — 348
139 — 290	221 — 224	344 — 306
140 — 278, 281, 287	222 — 278	346 — 306
141 — 293, 307, 310	223 — 278	350–352 — 305
143 — 290	225 — 303	356 — 306
144 — 310	226 — 303	358 — 305
146 — 310	234 — 289	361 — 305
147 — 290	236 — 287	363 — 305
148 — 290	247 — 275, 293, 294, 295,	364 — 306
150 — 290, 292	315*	365 — 305
151 — 290	248 — 295	366 — 289, 303
152 — 293, 307, 310	251 — 293, 294, 295	367 — 300, 303
153 — 290	252 — 294	368 — 306
154 — 287	253 — 310	370 — 283
155 — 291	254 — 286	373 — 292
157 — 290	256 — 289	379 — 306
158 — 290	260 — 289	381 — 306
159 — 291	261 — 293, 294	388 — 303
160 — 307, 308	262 — 294	389 — 275, 315, 316*
161 — 290	264 — 278, 296	393 — 312
163–165 — 290	265 — 293	401 — 297, 303
163 — 293	266 — 293	403 — 305
164 — 293	272 — 281	404 — 303, 339, 343
167 — 297	273 — 296	405 — 303
169 — 291	274 — 294, 296, 299	406 — 339, 343
170–174 — 291	297 — 306	407 — 343
172 — 291	300 — 297	411 — 515
174 — 376	301 — 289, 303	413 — 305
175 — 307	304 — 303	415 — 306
176 — 291, 376	309 — 306	428 — 303
178 — 376	310 — 306	429 — 284
179 — 281, 287	311 — 299	435 — 305
180 — 278, 281, 287	313 — 306	439 — 297
181 — 307, 310	314 — 306	444 — 284
185 — 296	317 — 305	450 — 305
187 — 296	321 — 306	455 — 305
188 — 283, 286	322 — 303	458 — 305
190 — 296	325 — 305	467 — 306
191 — 279, 286	328 — 306	469 — 308
194 — 299, 311	329 — 289	476 — 311, 486, 490
198 — 293, 294	332 — 284	477 — 303
199–202 — 291	333 — 306	479 — 282
200 — 291, 298	334 — 283	489 — 303

492 — 306
 500 — 284
 501 — 306
 507 — 466
 536 — 498, 515
 538 — 306
 545 — 278
 550 — 299
 569 — 278
 571 — 297
 572 — 297
 582 — 283
 583 — 308
 603 — 387
 607 — 286
 615 — 305
 617 — 492
 626 — 300
 627 — 300
 629 — 300
 630 — 301
 634 — 278
 636 — 268, 288, 466
 637 — 300
 645 — 302
 647–651 — 302
 658 — 302
 659 — 302
 660 — 303
 666 — 279
 700 — 284
 721 — 278
 722 — 278
 723 — 297
 730 — 278
 731 — 278
 732 — 492
 734 — 492
 741 — 492
 744–746 — 492
 748–750 — 492
 755 — 492
 766 — 492
 767 — 492
 768 — 492
 771 — 224
 777 — 492
 778 — 492

780 — 492
 782 — 492
 783 — 492
 784 — 492
 786 — 492
 806 — 300
 809 — 300
 810 — 300
 811 — 300
 822 — 301
 823 — 301
 824 — 301
 825 — 301
 832 — 301
 833 — 301
 843 — 301
 849 — 300
 850 — 297, 300
 863 — 280
 883 — 281
 946 — 301

VS 18

1 — 352, 366, 392, 399
 21 — 503
 96 — 448
 100 — 442, 465, 466, 478
 101 — 352, 364

YOS 8

1 — 409
 2 — 406
 3 — 412
 3–15 — 436
 4 — 405, 406
 5 — 375, 407
 6 — 406
 7 — 377, 405, 406, 413, 494
 8 — 376
 9 — 406
 10 — 407, 408
 11 — 410, 412
 13 — 413
 14 — 406
 15 — 409, 410, 415
 16 — 412

18 — 407
 19 — 406, 412, 415
 22 — 411
 23 — 391, 410, 412, 418*
 24 — 411
 25 — 410
 26 — 415, 494
 27 — 410, 412
 29 — 410
 30 — 407
 32 — 406, 411
 33 — 407
 34 — 376, 407
 35 — 391, 412, 418, 419*
 37 — 406, 410
 38 — 406
 39 — 410, 415, 494
 40 — 503
 41 — 408, 413
 43 — 407
 44 — 410, 412, 413, 415,
 494
 45 — 410, 412, 413
 46 — 406, 410, 416
 49 — 410, 413
 52 — 399
 54 — 377, 515
 55 — 377, 514, 515
 56 — 415, 494
 57 — 410
 58 — 399
 59 — 376, 407
 63 — 360, 376, 377
 64 — 447
 65 — 375, 417
 68 — 417
 69 — 405, 406
 70 — 222, 514, 515
 71 — 377, 404, 416, 507
 72 — 410, 413, 415
 74 — 376
 79 — 417
 80 — 376
 84 — 417
 85 — 375, 417
 88 — 373, 376, 378, 379, 380,
 409
 95 — 417

- 98 — 361, 373, 374, 376, 378,
379, 380, 388
99 — 375
102 — 396
104 — 433
109 — 447
110 — 417
128 — 399
134 — 503
137 — 375
141 — 352, 374, 377, 379
143 — 417
148 — 384, 385
153 — 352, 359, 361, 363, 398
154 — 377, 379
156 — 376
157 — 441
158 — 503
160 — 496
161 — 410, 413, 503
162 — 447
163 — 447
164 — 447
165 — 446, 474
168 — 225
171 — 398
173 — 376, 377, 408
176 — 406
- YOS 5**
8 — 485
12 — 340, 485
14 — 340, 485
16 — 340
18 — 343
30–32 — 340
42 — 343
43 — 343
46–53 — 490
46 — 340
47 — 486
49 — 340
51 — 486
52 — 486
53 — 340
54–57 — 340
65 — 340
- 68 — 340
72 — 340
78 — 340
81 — 340
87 — 465
88 — 340
104 — 300
106 — 503
112 — 405, 406
113 — 406
117 — 224, 340
119 — 405
120 — 406,
122 — 280, 286, 357, 365,
375, 404, 470, 490
123 — 343, 406, 433, 474
124 — 340, 409
125 — 405, 474
126 — 406, 433
127 — 344
129 — 406, 433
132 — 474
133 — 375
134 — 340, 405
135 — 340
138 — 417
141 — 391, 412, 418*, 474
145 — 474
146 — 376, 407
147 — 411
148 — 376
150 — 409, 414, 428, 435
153 — 335, 432, 463, 466
162 — 403, 506
165 — 404, 421, 506
166 — 420, 429, 431, 443
167 — 340, 342, 474
168 — 431, 443
168–170 — 420, 429
169 — 421, 431, 432
170 — 431, 432
171 — 365, 421, 438, 440, 441,
474
172 — 421, 438, 440, 442, 474
173 — 421, 436
174 — 431, 436, 437, 442, 474
175 — 329, 414, 422, 426, 428,
429, 465
- 176 — 409, 422, 436, 443,
444
177 — 433, 434
178 — 421, 467, 469
179 — 421
180 — 433
181 — 421, 422, 424, 425, 426,
428, 436, 444
182 — 420, 429, 430, 431,
444
183 — 433
184 — 329, 409, 414, 422, 424,
425, 428, 429, 436
185 — 420, 429, 431
186 — 444, 469
187–189 — 431
187 — 415
189 — 406, 436
188 — 435, 437
189 — 437, 438
191 — 311, 437
192 — 427
193 — 409
194 — 421, 438, 440, 442
195 — 421, 437
199 — 433
200 — 409, 414, 428
201 — 422, 423
202 — 422, 465
204 — 442
207 — 421, 433, 441, 463, 469,
470, 473, 478
208 — 421, 427, 428, 433, 435,
443
209 — 420, 429, 431
210 — 433
212 — 421, 427, 428, 433,
435
216 — 341, 415
217 — 421, 427, 428, 443
218 — 427, 428, 443
219 — 421
221 — 443
222 — 434
224 — 421
225 — 359
227 — 416, 499, 515
233 — 428

237 — 421
238 — 410, 413
240 — 443
244 — 421
250 — 506
251 — 506
302 — 478

YOS 12

3 — 222
10 — 496, 497
67 — 507
77 — 416
113 — 497
114 — 464
123 — 496
142 — 497
152 — 416
214 — 362
225 — 359
227 — 362
236 — 503
288 — 507
292 — 503
302 — 416
307 — 352, 359, 363
312 — 416, 503
334 — 416
344 — 464
352 — 507
354 — 299
444 — 503
457 — 503
522 — 503
531 — 503
543 — 507

546 — 486

YOS 13

2 — 441
26 — 221
157 — 503
365 — 441
386 — 503
530 — 497

YOS 14

74 — 385
293 — 463
310 — 224
316 — 493
321 — 360
328 — 493
333 — 341
346 — 503

СВД

6 — 447
15 — 406
16 — 377
21 — 515
24 — 409
25 — 406, 410, 412
28 — 375, 406
29 — 406
31–34 — 375
31 — 486
32 — 375
33 — 375
36 — 385

38 — 385
39 — 503
42 — 376
43 — 359, 377
45 — 224, 340
46 — 503
47 — 375
49 — 421, 431, 437, 438
50 — 406, 474
51 — 420, 429, 431, 432, 443
52 — 443, 471
53 — 422
54 — 420, 431
56 — 428
57 — 442
61 — 433, 434, 443
65 — 433
66 — 471
74 — 514
75 — 514
77 — 514
78 — 514
80 — 514
81 — 514
83 — 514
84 — 416, 515
103 — 428, 435
106–111 — 383
112 — 433
114 — 383
116 — 383
120 — 442, 446
121 — 225, 446, 447
122 — 225, 226, 432, 446, 447, 466
133 — 465

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Месопотамия в VII–V тыс. до н. э.	14
Глава II. Южная Месопотамия и ее соседи в IV тыс. до н. э.	43
Глава III. Южная Месопотамия в первой половине III тыс. до н. э.	69
Глава IV. Население городов Южной Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э. Идеология и социум.	99
Глава V. Южная Месопотамия в 24–23 вв. до н. э.	117
Глава VI. Город Лагаш в 22–21 вв. до н. э.	157
Глава VII. Южная Месопотамия в последние века III тыс. до н. э.	164
Глава VIII. Великая Месопотамия в конце III — начале II тыс. до н. э. Население, языки и политические структуры.	197
Глава IX. Практика датирования документов в Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э.	218
Приложение. Запись судебного протокола из Ниппура от 15 числа VII месяца 1750 г. до н. э. (Stone 1987: № 22).	228
Глава X. Города Исин и Эшнунна на рубеже III и II тыс. до н. э.	231
Приложение. «An Old Babylonian List of Amorites» (Gelb 1968)	249
Глава XI. Резидентные кварталы города Ниппура в начале II тыс. до н. э.	251
Приложение. Ниппур, район ТА. Запись о сборе средств на покупку дома от III месяца 1743 г. до н. э. (Stone 1987: № 25); запись расхо- дов по случаю проведения погребальных церемоний (Stone 1987: № 40, без даты)	272
Глава XII. Город Ур в начале II тыс. до н. э. Резидентные кварталы (ЕМ, АН, CLW).	275
Приложение. Запись судебного протокола от X месяца 1813 г. до н. э. (UET 5 247) и договор займа от XII месяца 1804 г. до н. э. (UET 5 389).	315
Глава XIII. Политическая история Ларсы (2025–1762 гг. до н. э.)	318
Глава XIV. Резидентные кварталы и население города Ларса	352
Приложение. Договор от 1807 г. до н. э. о продаже части жилого дома двумя братьями (TCL 10 128) (Jean 15) и соглашение (заключено меж-	

ду 1797 и 1790 гг. до н. э.) о выплате компенсации одному из продавцов за проданный 10 лет назад дом (TCL 10 132) (Jean 18).	370
Г л а в а XV. Имущество и материальные ресурсы жителей Ларсы.	
Уровень потребления	373
Приложение. Данные о количестве рабов в отдельных городских семьях по документам из Ларсы, Ура и Куталлы (таблица) и фрагмент договора раздела имущества (TCL 11 224 58–92).	388
Г л а в а XVI. «Богатые и великие». Семьи городской элиты Ларсы в 19–18 вв. до н. э. Семья Санума. Семья Бальмунамхе	391
Приложение. Три договора, касающиеся Син-магира, сына Пузур-Нумушды и Тарибатум: 1) договор о покупке Син-магира у родителей (YOS 5 141); 2) гарантийное соглашение — обязательство родителей выплатить покупателю [х] мины серебра в случае бегства сына (YOS 8 23); 3) гарантийное соглашение — обязательство родителей отдать покупателю дом и сад в случае бегства сына (YOS 8 35)	418
Г л а в а XVII. Ларса. Городские хозяйственные институты.	420
Приложение. Два клинописных текста из коллекции Государственного Эрмитажа (ДВ-15058, ДВ-15059), которые представляют собой письма, присланные в Ларсу Бальмунамхе как главе Дома от одного из управителей пахотными землями хозяйства.	453
Г л а в а XVIII. Данные о функционировании системы обмена и роли серебра в хозяйственной деятельности	455
Приложение. Тарифы-эквиваленты (kar) на основные продукты в пересчете на 1 сикль серебра по данным хозяйственных документов из Ларсы (таблица); Тарифы (ganba/ki.lam) на основные продукты в пересчете на 1 сикль серебра в городах Эшнунна, Ларса, Урук, Ашшур по царским надписям (таблица)	478
Г л а в а XIX. Термин «раб/слуга» (ir) как статусный маркер в надписях на печатях из Южной Месопотамии первой половины II тыс. до н. э.	480
Приложение. Две печати с надписями типа DN attrib. из собрания Государственного Эрмитажа (ДВ-6447, ДВ-6641).	507
Г л а в а XX. Города юга после завоевания их Хаммурапи и вхождения в состав Вавилонского государства	510
Список сокращений	521
Краткая библиография	523
Указатели.	538

CONTENTS

Introduction	7
Chapter I. Ancient Mesopotamia from the seventh to the fifth millennium BC	14
Chapter II. Southern Mesopotamia and its neighbours in the fourth millennium BC	43
Chapter III. Southern Mesopotamia in the first half of the third millennium BC	69
Chapter IV. Southern Mesopotamia urban population in the first half of the third millennium BC. Society and ideology	99
Chapter V. Southern Mesopotamia in the 24th–23rd centuries BC	117
Chapter VI. City of Lagash in the 22nd–21st centuries BC	157
Chapter VII. Southern Mesopotamia in the late third millennium BC	164
Chapter VIII. Great Mesopotamia from the end of the third millennium to the beginning of the second millennium BC. Population, languages and political structures.	197
Chapter IX. Documents dating in Southern Mesopotamia in the first half of the second millennium BC	218
Appendix. Court record from Nippur from the 15th day of the 7th month, 1750 BC (Stone 1987: № 22)	228
Chapter X. Cities of Isin and Eshnunna in the late third — early second millennium BC	231
Appendix. «An Old Babylonian List of Amorites» (Gelb 1968)	249
Chapter XI. Residential quarters of the city of Nippur in the beginning of the second millennium BC	251
Appendix. Nippur, Area TA. Text on collecting the sum needed to purchase a house plot from the 3rd month, 1743 BC (Stone 1987: № 25); text on burial expenses (Stone 1987: № 40, not dated).	272
Chapter XII. City of Ur in the beginning of the second millennium BC. Residential quarters (EM, AH, CLW)	275
Appendix. Court record from the 10th month, 1813 BC (UET 5 247) and loan agreement from the 12th month, 1804 BC (UET 5 389)	315
Chapter XIII. Political history of Larsa (2025–1762 BC)	318

Chapter XIV. Residential quarters and population of the city of Larsa	352
Appendix. Agreement from 1807 BC over sale of a part of a residential house (TCL 10 128) (Jean 15) and agreement (made between 1797 and 1790 BC) over compensation payment to one of the sellers for a house sold ten years ago (TCL 10 132) (Jean 18)	370
Chapter XV. Property, physical resources and consumption level of Larsa citizens	373
Appendix. Number of slaves in some city families according to the documents from Larsa, Ur and Kutalla (table) and the fragment of an agreement over division of the property (TCL 11 224 58–92)	388
Chapter XVI. «The rich and the great». City of Larsa elite families in the 19th–18th centuries BC. Sanum family. Balmunamhe family	391
Appendix. Three agreements over Sin-magir, son of Puzur-Numushda and Taribatum 1) agreement over purchase of Sin-magir from his parents (YOS 5 141); 2) guarantee agreement — parents' obligation to pay a purchaser [x] silver minas in consequence of their son's escape (YOS 8 23); 3) guarantee agreement — parents' obligation to give a purchaser a house and an orchard in consequence of their son's escape (YOS 8 35).	418
Chapter XVII. Economic institutions of the city of Larsa.	420
Appendix. Two cuneiform texts from the State Hermitage collection (ДБ-15058, ДБ-15059): two letters to Balmunamhe as to head of Household from one of the managers of the plough-lands	453
Chapter XVIII. Exchange system and the role of silver in the city of Larsa	455
Appendix. Purchase rate equivalents (kar) for main products at the exchange rate of 1 silver sekel according to household documents from Larsa (table); purchase rates (ganba/ki.lam) for main products at the exchange rate of 1 silver sekel in the cities of Eshnunna, Larsa, Uruk and Assur according to Royal Inscriptions (table).	478
Chapter XIX. The term «slave/servant» (ir) as status marker according to seal inscriptions from Southern Mesopotamia in the first half of the second millennium BC.	480
Appendix. Two seals with DN attrib.-type inscriptions from State Hermitage collection (ДБ-6447, ДБ-6641).	507
Chapter XX. Southern cities after Hammurabi conquest and annexation to Babylonian state	510
List of abbreviations	521
Bibliography	523
Index	538

Научное издание

Козырева Нэлли Владимировна
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ
ЭПОХИ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ
(VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.)

Редактор *А. А. Золотова*
Корректоры *М. К. Одинокова, Н. Ю. Сулейманова, Е. П. Чебучева*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 14.06.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 40. Заказ № 717.

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А.